

Дмитрий Иванович Иловайский

Разыскания о начале Руси (Вместо введения в русскую историю)

Предисловие к первому изданию

Происхождение настоящего труда следующее. Когда я задумал приступить к изложению Русской истории в довольно значительных размерах и в обработке, по возможности соответствующей научным требованиям настоящего времени, я принужден был остановиться над самым ее началом. От писателя, предпринимающего обозрение целой истории какого-либо народа, несправедливо было бы требовать точных самостоятельных исследований по всем вопросам второстепенной или третьестепенной важности, которые он встречает при последовательном движении своего труда. Но он не вправе уклониться от сильного решения вопросов первостепенной важности, а тем более обойти такой существенный предмет, как происхождение государственного быта, и ограничиться изложением какой-либо теории, хотя бы доселе и господствовавшей, не подвергнув ее тщательному пересмотру и не попытавшись прийти к какому-либо положительному убеждению. Сообразно с тем я и поступил в своих приговорительных работах. Пересмотр вопроса о происхождении русской национальности и русской государственности повел меня далеко в глубь прошедших веков; привел в скифские и сарматские дебри; заставил пересмотреть и теории о других народностях, имевших когда-то близкие отношения к Руси, в особенности о болгарях. Результаты своих розысков, постепенно обнаруженные в разных изданиях и во многом не согласные с существовавшими доселе теориями, я предлагаю в настоящей книге соб-

ранными вместе, несколько дополненными и приведенными во взаимное соответствие. Эти работы отчасти облечены были в полемическую форму, которая в данном случае оказалась наиболее удобною для выяснения исторической истины. Они отвлекли меня на значительное количество времени от задуманного труда, т. е. обозрения Русской истории с самого ее начала до нашего времени. В настоящую минуту, благодарение Богу, я могу представить вниманию просвещенного русского общества вместе с результатами своих разысканий о начале Руси и первую часть самого обозрения. В этой первой части я открываю изложение Русской истории действительным историческим событием, т. е. осадой Царьграда; а летописные басни о варягах переношу на их настоящее место, т. е. в замечания о нашей книжной словесности¹.

Ко второму изданию

Главная перемена, произведенная при втором издании, заключается в изменении порядка статей. Теперь принят порядок хронологический. Таким образом читатель может проследить, как при помощи новых исследований и полемических рассуждений, постепенно развивались вновь поднятые мною вопросы и как они более и более разъяснялись для меня самого. С этою целью я ограничился только необходимыми исправлениями в первых своих статьях, большею частью оставляя их в первоначальном виде. Неотразимая историческая логика от вопроса о Варягах-Руси привела меня, между прочим, к пересмотру туранской теории происхождения болгар, а сия последняя к Гуннскому вопросу. В первых своих статьях я только предполагал какое-то позднейшее искажение начального текста легенды о призвании варяжских князей, искажение и путаницу, повлекшие за собою смешение Варягов с Русью; а в последних статьях по этому предмету я предлагаю уже объяснение са-

мого происхождения и распространения этой путаницы. Находившийся в первом издании очерк Скифов я исключил на сей раз, как не имеющий тесного, непосредственного отношения к настоящей книге, предполагая включить его в другое мое издание, более для него подходящее. Но зато я дополнил настоящую книгу всем тем, что было напечатано мною по вопросам о народности Руси, Болгар и Гуннов после 1876 года, т. е. после первого её издания. Я должен признаться, что к постепенному развитию и разъяснению поднятых вопросов в значительной степени побуждала меня та научная полемика, которую я вел в течение целых десяти лет и которая почти вполне вошла в настоящее издание².

1 После того в 1880 году вышла вторая часть Истории России, или Владимирский период.

2 Чтобы читатель мог наглядно судить о количестве и качестве ученых и писателей, с которыми специально или отчасти мне привелось полемизировать, до двадцати имен указано в самом оглавлении книги. Некоторым из них приходилось отвечать по нескольку раз.

О МНИМОМ ПРИЗВАНИИ ВАРЯГОВ

"Русский Вестник". 1871 г. Ноябрь и декабрь

Вот вопрос, о котором так много было писано и говорено, что, казалось, он вполне исчерпан и трудно сказать еще что-нибудь, чего не было сказано. И тем не менее этот старый вопрос все-таки остается новым. Напрасно Скандинавская школа считает его вполне решенным. Чтобы помириться с ее решением, надобно постоянно заглушать в себе сомнения и противоречия, возникающие при всяком сколько-нибудь внимательном отношении к делу. Не вдруг, не под влиянием какого-либо увлечения мы пришли к отрицанию ее системы. Только убедившись в ее полной несостоятельности, решаемся предложить некоторые результаты из своего знакомства с литературой этого вопроса, а также из собствен-

ных наблюдений и размышлений. Выступая против Скандинавской школы, как господствующей до сих пор в нашей историографии, мы принуждены иногда прибегать к приемам полемическим. Но в настоящем отрывке ограничиваемся собственно борьбой с тем или другим мнением, а не с лицами, то есть не с тою или другою книгой. Представители норманнской школы оказали столько заслуг науке Русской истории, что, и помимо вопроса о призвании варягов, они сохраняют свои права на глубокое уважение. Точно так же отрицать некоторые сказания из начальных страниц русских летописей еще не значит отрицать значение самих летописей: без них, что было бы с нашей историей? В самом данном вопросе норманнская школа чрезвычайно много способствовала его разъяснению, хотя бы и в отрицательном смысле. Не она придумала сказание о призвании варягов; она взяла его уже готовым и употребила все научные средства для того, чтобы возвести это сказание в исторический факт. Если и после того остаются непримиримые противоречия, исходящие от фактов несомненных, стало быть, призвание варягов никоим образом не может получить догматического характера и надобно обратиться в другую сторону, чтобы выяснить начало Русского государства и русской национальности.

I

Норманисты и их противники. - Невероятность призвания

Приведем столь известные слова русской начальной летописи под 862 годом:

"Реша сами к себе: поищем собе князя иже бы володел нами и судил по праву". Идоша за море к Варягам к Руси; сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзии зовутся Свое, друзие же Урмане, Англяне, друзие Гъте, тако и си.

Реша Руси Чюдь, Словени и Кривичи: "вся земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет: да пойдете княжить и володети нами". И избращася три братья с роды своими, по яша по себе всю Русь, и придоша; старейший Рюрик седе в Новеграде; а другой Синеус на Белеозере, а третий Изборьсте Трувор. От тех прозвася Русская земля Новугородци: тыи суть людье Ноугородцы от рода Варяжска, прежде бо беша Словени".

В целой исторической литературе, наверно, ни одной легенде не посчастливилось, как той, которую мы сейчас выписали. В течение нескольких столетий ей верили и повторяли ее на тысячу ладов. Целый ряд почтенных тружеников науки потратил много учености и таланту на то, чтоб объяснить, обставить эту легенду и утвердить ее на исторических основаниях; напомним уважаемые имена Байера, Струбе, Миллера, Тунмана, Стриттера, Шлецера, Лерберга, Круга, Френа, Буткова, Погодина и Куника. Тщетно являлись им некоторые противники и с большим или меньшим остроумием возражали на их положения; каковы: Ломоносов, Татищев, Эверс, Нейман, Венелин, Каченовский, Морошкин, Савельев, Надеждин, Максимович и др. В области русской историографии поле оставалось доселе за системой скандинавоманов; назовем труды Карамзина, Полевого, Устрялова, Германа, Соловьева. Не говорим о трудах более дробных, трактующих о норманнском периоде и о скандинавском влиянии на русскую жизнь. Что касается до западной литературы, там скандинавская система царит без всякой оппозиции; так что, если речь заходит о Русском государстве, о начале русской национальности, то они неизбежно связываются с призыванием Варягов.

Уже одно то обстоятельство, что в нашей среде никогда не прекращались сомнения в истине скандинавской теории и возражения против нее, указывает на ее недостаточную убедительность, на присутствие в ней натяжек и противоречий, на ее искусственное построение. И действительно, чем

глубже вникаешь в этот вопрос, тем более и более выступают наружу, натяжки и противоречия норманнской системы. Если она удерживала до сих пор господствующее положение, то главным образом благодаря своей наружной стройности, своему положительному тону и относительному единству своих защитников; между тем как противники наносили ей удары в рассыпную, поражали некоторые отдельные доказательства; но мало трогали самую существенную ее основу. Этою основой я называю вышеприведенную легенду о призвании князей. Противники норманистов по большей части верили в призвание или вообще в пришествие князей, сводили вопрос к тому, откуда пришли эти князья, и по этому поводу строили системы еще менее вероятные, чем скандинавская.

В последние годы варяжский вопрос снова оживился в нашей литературе, то есть снова поднялись голоса против норманистов. Наиболее значительный труд в этом отношении принадлежит Гедеонову: Отрывки из исследований о Варяжском вопросе. Эти отрывки представляют прекрасный свод возражений на доказательства норманистов, возражений отчасти уже высказанных прежде, отчасти добытых собственными изысканиями г. Гедеонова. Из этих "отрывков" мы пока не можем вполне судить о его конечных выводах. Мы видим, что он считает Русь славянским племенем и пытается, подобно Эверсу, дать видное место в нашей истории угро-хазарскому влиянию. В то же время г. Гедеонов примыкает к тем ученым, которые указывали на Славяно-Балтийское поморье; следовательно, он не отрицает так называемого призвания или пришествия варяжских князей¹. Еще несколько прежде Гедеонова выступил г. Костомаров с теорией о литовском происхождении Руси; но его соображения, исполненные, впрочем, большого остроумия, не нашли последователей. Далее, многие дельные возражения против норманистов находим в трудах, которые касаются этого вопроса только отчасти, а именно: у Ламанского (О Славя-

нах в Испании, Азии и Африке), архимандрита Порфирия Успенского (Четыре беседы Фотия), Котляревского (О погребальных обычаях у Славян) и Хвольсона (Известия о Хазарах, Буртасах и пр. Ибн-Даста).

Обратимся теперь к самому вопросу о Варягах и Руси. Повторим вкратце главные основания, на которых держалась Скандинавская система.

1. Известие русской летописи (то есть вышеприведенное место).

2. Путь из Варяг в Греки, описанный в той же летописи, и связанные с ним имена Днепровских порогов, приведенные Константином Багрянородным.

3. Имена князей и дружины, в особенности по договорам Олега и Игоря.

4. Известия византийских писателей о Варягах и Руси.

5. Финское название Шведов Руотсы и название шведской Упландии Рослагеном.

6. Известие Бертинских летописей о трех русских послых и известие Лиутпранда о Руссах-Норманнах.

7. Известия арабских писателей.

8. Скандинавские саги.

9. Позднейшие связи русских князей с Скандинавами.

Первым и самым главным основанием теории норманистов служит известие русской летописи о призвании князей из-за моря. Мы сказали выше, что противники их почти не трогали этого основания. Большею частью они, точно так же, как и скандинавоманы, принимали призвание или вообще пришествие князей за исходный пункт Русской истории и расходились только в решении вопроса: откуда они пришли и к какому народу принадлежали? Так, Татищев и Болтин выводили их из Финляндии, Ломоносов - из славянской Пруссии, Эверс из Хазарии, Гольман - из Фрисландии, Фатер - из Черноморских Готов, Венелин, Морошкин, Савельев, Максимович (и в последнее время Гедеонов) - от балтийских полабских Славян, Костомаров - из Литвы.

(Есть еще мнение, примыкающее к Эверсу, о происхождении русских князей от угро-хазар; см. Юргевича "О мнимых норманских именах в русской истории". Зап. Огее. Об. т. VI.) Мы не видим, чтобы кто-либо между исследователями, занимавшимися варяжским вопросом, обратил исключительное внимание на фактическую достоверность самого известия о призвании Варягов и вообще об иноземном происхождении княжеских династий. Напротив, почти все исследователи идут от упомянутой летописной легенды и только различным образом толкуют ее текст; например: что она разумеет под Варягами Русью? На какое море она указывает? В каком смысле понимать слова: "Пояша по себе всю Русь" и т.п.? Спорили иногда о правописании, о расстановке знаков в летописном тексте, чтобы заставить его говорить в пользу своего мнения. А между тем весь этот текст, по нашему крайнему разумению, нисколько не в состоянии выдержать исторической критики, незатемненной предвзятыми идеями и толкованиями. Чем ближе мы держимся его буквального смысла, тем более и более путаемся в нескончаемых противоречиях, когда начинаем сопоставлять его с другими несомненно историческими фактами. И наоборот: только убедившись, что мы имеем дело с легендой, а не с историческим фактом, получаем возможность стать на более прочную основу².

Начнем с того: есть ли малейшая вероятность, чтобы народ, да и не один народ, а несколько, и даже не одного племени, сговорились разом, и призвали для господства над собою целый другой народ, то есть добровольно наложили бы на себя чуждое иго? Таких примеров нет в истории, да они и немислимы. А что в данном случае идет речь не о князьях только и их дружине, но о целом народе, в этом едва ли может быть какое сомнение. Сама русская летопись представляет тому убедительные доказательства. По ее словам, в 862 году Рюрик с братьями призван в Новгородскую землю. В том же году Оскольд и Дир уходят от него на юг и захваты-

вают Киев, а через год или через два они уже нападают на Константинополь в количестве 200 лодок, на которых помещались приблизительно до 10000 войска, состоящего из Руси. (Да и это количество еще слишком незначительно в сравнении с таким предприятием, как нападение на Константинополь.) А между тем Оскольд и Дир могли отвлечь только часть Руси от Рюрика, у которого оставалась главная ее масса. Напомним, что, судя по летописи, он господствует от Чудского озера и Западной Двины до низовьев Оки и занимает своими дружинами главные пункты в этих землях (Новгород, Белоозеро, Изборск, Ростов, Полоцк, Муром и, конечно, некоторые другие). Далее, что сказать о непосредственно следующих затем обширных завоеваниях и походах Олега, предпринятых со многими десятками тысяч? Судя по летописи, он совокупил войска из всех подвластных ему народов. Но ведь это были народы большею частью только что покоренные; следовательно, чтобы держать их в покорности и двигать с собою их вспомогательные войска, нужна была значительная и однородная масса завоевателей; притом, такое движение возможно только на суше, а не на море. Поход Олега на Царьград, предпринятый в столь широких размерах и исполненный с такою удачей, если бы был достоверен, указывал бы на опытных и бесстрашных моряков, следовательно опять на массу более или менее однородную. Едва ли в этом морском ополчении можно допустить присутствие приведенных в летописи элементов, вроде Мери, Радимичей и т. п. народов, живших внутри России и совсем не знакомых с морем. Если даже оставить в стороне поход Олега, о котором Византийцы не упоминают, то остается еще поход Игоря; о нем византийские историки говорят так же положительно, как и о нападении Оскольда (не называя впрочем последнего по имени). Несмотря на всю краткость и отрывочность византийских известий о походе Игоря, мы можем, однако, догадываться, что это не был простой набег только из-за до-

бычи, как обыкновенно у нас его изображают; нет, это была целая и довольно продолжительная война. Руссы высадились в Малой Азии и воевали там несколько месяцев (а в Малой Азии были тогда многочисленные славянские населения, не всегда покорные Византии); между тем флот их опустошал берега Боспора. Византийская империя только с большим напряжением своих сил заставила наконец Руссов удалиться. (Нельзя не отдать некоторой справедливости мнению Венелина, который связывает эти предприятия с событиями в Болгарии и с отношениями Болгарии к Византии. Походы Святослава вполне подтверждают это мнение.)

А походы Руссов на Каспийское море в 913 и 944 годах, упоминаемые Арабами и предпринятые также десятками тысяч Воинов? Обратите внимание на те места договоров Олега и Игоря, где говорится о светлых русских князьях, состоявших под рукою Киевского князя; в договоре Игоря приводятся и многие имена этих (удельных) князей; каждый из них имел, конечно, свою дружину. Обратите внимание также на главные статьи этих договоров. Разве они не указывают на существование уже значительных и деятельных торговых сношений, и не одних торговых, но и посольских? Договоры ведутся исключительно от имени Руси, как народа сильного, давно оседлого на своих местах и довольно ясно определявшего свои отношения к соседям. Эта Русь выделяет из себя значительное количество торговых людей, которые предпринимают далекие плаванья и подолгу проживают в чужих странах. (О больших русских караванах, ходивших ежегодно в Черное Море, говорит и Константин Багрянородный.) Эти русские купцы-воины, торговавшие в Константинополе, были настолько многочисленны, что, в видах безопасности, ставится условием, чтобы они не входили в город за раз более 50 человек, и притом без оружия. В тех же договорах говорится не об одних торговцах и послах, но упоминаются и Руссы, состоявшие наемниками в войсках византийских императоров (о русских наемных от-

рядом говорят и византийские историки). Параллельно с этими договорами мы можем поставить относящиеся к той же эпохе арабские известия о русских торговых караванах на Волге, то есть в Хазарии; в городе Итиле, столице Хазарской, встречаем целую колонию русских купцов; у Хазарского царя также есть наемное войско из Руссов.

Все доказывает, что Русь, основавшая наше государство, не была какою-нибудь отдельною дружиной или каким-то родом, который пришел с своими князьями, призванными в Новгородскую землю для водворения порядка. Нет, это был целый сильный народ, отличавшийся предприимчивым, суровым и властолюбивым характером. На его свирепость сильно жалуются византийские известия. Не одним соседям доставалось от этого народа; господство его не было легким и для подчиненных племен; из их среды он конечно брал то огромное количество рабов, которых отсылал на продажу в соседние страны. Припомним слова, вложенные в уста Святослава, о том, что из Руси идут в Грецию шкуры, воск, мед и челядь. По известиям Константина Багрянородного и Ибн Фадлана, у русских купцов главным товаром являются невольники и невольницы. Звериными шкурами и медом платили дань Руси подчиненные ей племена. Что эти племена чувствовали тяжелую руку господствующего народа и не были равнодушны к своему положению, показывает смерть Игоря и последующая затем истребительная война с Древлянами. Человеческие жертвы, приносимые киевскому Перуну, также не свидетельствуют в пользу тихих, кротких нравов, которыми наш летописец наделяет племя Полян (иначе называвшееся Русью). По летописи выходит, что, как северные Славяне добровольно призвали к себе господ, так и южные племена большею частью покорились им легко. "Кому дань даете?" спрашивает русский князь. "Хазарам!" отвечают Северяне или Радимичи. "Не давайте Хазарам, а мне давайте". И племена будто бы покорно повиновались.

Некоторые писатели, поддерживающие скандинавское происхождение Руси, не настаивают собственно на добровольном призвании, а склоняются к тому, чтобы предположить завоевание или какую другую комбинацию. Но вопрос все-таки сводится к тому же выводу. Так как из самой же летописи вытекает, что это был сильный народ, в короткое время покоривший столько племен и основавший огромное государство; следовательно он должен был совершить свое движение из Скандинавии в значительных массах и произвести нашествие вроде, например, Остготов или Лангобардов, покоривших Италию. Но могло ли подобное движение остаться незамеченным современниками и не найти никакого отголоска ни в скандинавских, ни в немецких, ни в византийских источниках? Следовательно, такого движения не было. Да оно и не могло быть в подобных размерах. Ближайшая к России скандинавская страна, Швеция, была в те времена сама еще очень бедно населена; германский элемент ее был еще очень малолюднен. Наиболее сильный норманнский народ, Датчане, около того времени только что заявили себя морскими набегами; но их стремление было обращено на берега Западной Европы; главные усилия их, как известно, обратились на Англию. О Норвежцах можно сказать то же, что о Шведах и Датчанах вместе, то есть они были так же малочисленны, как Шведы, и так же стремились на запад, как Датчане. Мы видим, как создалось Нормандское герцогство, подготовленное предыдущими нападениями Норманнов, как постепенно подготовилось окончательное завоевание Англии, и при каких обстоятельствах положено начало Неаполитанскому королевству. Можно ли отсюда заключить о том, что всем трем упомянутым событиям уже предшествовало быстрое завоевание теми же народами всего пространства от Финского залива до Черного моря, пространства, населенного отнюдь не робкими, бессильными или малочисленными племенами. Надо оставить мнение, пущенное в ход хотя и знаменитым писателем (Ша-

фариком), но тем не менее ошибочное, мнение о какой-то миролюбивой, пассивной натуре Славян, одаренной разными благими качествами, за исключением главных, каковы любовь к независимости и способность организации.

Скандинавским народам было не под силу в IX веке основание такого огромного государства, каково Русское. На востоке им было достаточно дела и с Балтийскими Славянами.

1 Насколько сильна отрицательная (то есть антискандинавская) сторона исследований г. Геденова, можно заключить из того, что главные представители скандинавской школы (гг. Погодин и Куник) отдали ему полную справедливость и отступились от некоторых своих доказательств. Но положительная сторона (именно Хазарский хаганат в Киеве и пришествие князей с Балтийского поморья), конечно, не найдет себе подтверждения.

2 Только скептическая школа Каченовского заподозрила несостоятельность всего этого сказания, но говорила о том мимоходом, без связи с другими данными, не развивая ничего до конечных выводов и подчас просто увлекаясь своими отрицаниями. Тем не менее школа эта далеко не заслуживает того сурового приговора, который над ней произносили. Некоторые мысли, высказанные ею о русской летописи, нашли себе оправдание в позднейших исследованиях.

II

Договоры с греками. - Известия Византийцев

Норманисты много опирались на договоры Олега и Игоря для подтверждения своей системы, и некоторые из них горячо отстаивали подлинность договоров. Действительно, нет никаких серьезных поводов сомневаться в их подлинности; это почти единственные документальные источники,

занесенные на первые страницы нашей летописи. Потому-то их содержание во многом и противоречит тем легендарным рассказам, которыми они обставлены. При внимательном рассмотрении, они могут служить одним из важнейших доказательств не истинности, а, напротив, ложности скандинавизма. Если Олег был Норманн, пришедший в Россию с Рюриком, и дружина его состояла из Норманнов, то как же, по свидетельству договора, они клянутся славянскими божествами Перуном и Волосом, а не скандинавским Одинем и Тором? Та же клятва повторяется в договорах Игоря и Святослава. Мы видели, что Русь по всем несомненным признакам была сильный многочисленный народ и народ господствующий. Если бы это был народ, пришедший из Скандинавии, то как мог он так быстро изменить своей религии и кто его мог к тому принудить? Даже если принять положение, что это был не народ (что совершенно невероятно), а скандинавская династия с своею дружиной, которая составила только высшее сословие, так называемую аристократию в стране Славян, и тогда нет никакой вероятности, чтобы господствующий класс так скоро отказался от своей религии в пользу религии подчиненных. Удивительно, как эта несообразность не бросилась в глаза норманистам. Впрочем, и их противники слишком мало обратили внимания на это обстоятельство.

Договоры Олега и Игоря убеждают нас в том, что Русь существовала на Днепре и на Черном море задолго до второй половины IX века, то есть до эпохи так называемого призвания князей. Мы уже говорили, что эти договоры указывают на довольно развитые и, следовательно, давние торговые сношения. Подобные сношения, и притом сопровождаемые формальными договорами, не могли завязаться вдруг, без целого ряда соответствующих обстоятельств. И действительно, те же договоры заключают в себе прямые намеки на то, что они были повторением прежних, таких же мирных трактатов. Например, выражения: "на удержание и

на извещение от многих лет межю Християны и Русью бывшую любовь"; или: "любовь бывшую межю Християны и Русью", и т. п. (см. договор Олегов). В этом отношении они имеют непосредственную внутреннюю связь с известными двумя речами византийского митрополита Фотия, произнесенными по поводу нападения Руси на Константинополь, в 865 г. Вот что говорится во второй беседе: "Эти варвары справедливо разсвирепели за умерщвление их соплеменников и благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию". И ниже: "Их привел к нам гнев их; но, как мы видели, Божия милость отвратила их набег". (См. Четыре беседы Фотия - архим. Порфир. Успенского.) Отсюда ясно, что первое нашествие Руссов на Константинополь также не было простым разбойничьим набегом: по всей вероятности, ему предшествовало убиение русских торговцев в Греции и отказ Греков в удовлетворении. Произошло событие, подобное тому, которое мы встречаем гораздо позднее, при Ярославе I, когда за убийство русских купцов в Византии он посылал флот с сыном своим Владимиром. Арабский писатель Хордадбег говорит, что Византийский император и царь Хазарии взимали десятину с русских купцов. Это свидетельство подтверждает существование давних торговых сношений Руси с при-Понтийскими и при-Каспийскими странами; так как Хордадбег писал в эпоху Рюрика и Оскольда. А по скандинавской системе Русь в это время только появляется в России; когда же она успела организовать свои торговые сношения с Греками и Хазарами, неужели еще в то время, когда жила в Скандинавии?

Упомянутые две беседы Фотия, современные так называемому призыванию к нам Варягов, представляют и еще кое-какие черты для уяснения вопроса о Руссах. Хотя он тут иногда впадает в некоторые противоречия с самим собою, но эти противоречия легко объясняются риторическими оборотами и не мешают понимать их настоящий смысл. То он выражается о Руссах высокопарно, иногда словами Биб-

лии. Например: "Народ сей двинулся с севера с тем, чтобы дойти до втораго Иерусалима, и люд сей устремился с конца земли, неся с собой стрелы и копья. Он грозен и не милует. Голос его как шум моря", и т. д. или: "Я вижу народ жестокий и борзый, смело окружающий наш город и расхищающий предместья его". То он отзывается о них с презрением и старается умалить их значение: "О град, царь едва не всей вселенной! Какое воинство ругается над тобою, как над рабою! - необученное и набранное из рабов! Что за народ вздумал взять тебя в добычу? ... Слабый и ничтожный неприятель смотрит на тебя сурово, пытается на тебе крепость руки своей и хочет нажать себе славное имя". И в другом месте: "Те, которых усмиряла самая молва о Ромеях, те подняли оружие против державы их". И далее: "Народ, ничем не заявивший себя, народ непочетный, считаемый наравне с рабами, неименитый, но приобретший славу со времени похода к нам, незначительный, но получивший значение, смиренный и бедный, но достигший высоты блистательной и наживший богатство несметное, народ где-то далеко от нас живущий, варварский, кочевой, гордый оружием, не имеющий стражи, без военного искусства, так грозно, так мгновенно, как морская волна, нахлынул на пределы наши" и пр. Подобные риторические черты находились в связи с различными оборотами речи. Когда оратор рисует вообще яркую картину нашествия "тучи варваров", то изображает их грозными и неодолимыми; когда же он мечет громы против грехов, в которых погрязло столичное население, то для большего оттенка изображает ничтожество неприятелей, которые посланы как кара небесная на изнеженных и праздных жителей. "Чем неименитее и незначительнее народ, который до нападения на нас ничем не дал себя знать, тем больший стыд нам приписывается", поясняет сам Фотий.

Истина конечно заключается в середине. Нахлынувшие варвары не были врагами неодолимыми; но в то же время они были настолько сильны, что отважились напасть на та-

кой огромный и хорошо защищенный город, каким был Константинополь. "Поход этих варваров схитрен был так, что и молва не успела оповестить нас, и мы услышали о них уже тогда, когда увидели их, хотя и разделяли нас столькия страны и народоначальства, судоходныя реки и пристанищныя моря". Замечательно при этом то обстоятельство, что нападение столь быстро и ловко сделанное произошло в то время, когда император Михаил III находился с главными силами в походе против Сарацин - обстоятельство, вероятно, не безызвестное Руссам. Быстрота похода доказывает только, что Черное море и его берега были им хорошо знакомы. Следовательно, выражения: "народ кочевой", "без военного искусства", "войско набранное из рабов" и т. д., это отчасти риторика, а отчасти и греческая точка зрения на подвижных, предприимчивых Руссов, на их изобилие рабами (челядью) и их ополчение, не похожее на стройные (сравнительно) греческие легионы. Эти беседы Фотия ровно ничего не дают в пользу норманнской теории, и, однако, норманисты находят возможным на них сослаться. Например, будто вышеприведенные фразы об отдаленности Руси, о странах и морях, отделяющих ее от Византии и т. п. - будто это намекает на Скандинавию. Но, во-первых, не забудем риторический характер бесед; а, во-вторых, для обитателя Константинополя в те времена не только Киев (не говорю о Новгороде), но и северные побережья Черного моря должны были представляться местами, лежащими где-то далеко на севере, чуть не на краю света. Вспомним, какое продолжительное и трудное плавание совершали русские суда, направлявшиеся в Константинополь; они огибали вдоль берегов с их заливами, устьями рек, мысами и т. д.; следовательно, они действительно должны были касаться различных стран и разных народов, находившихся между Днепром и Константинополем. Что Византийцы называли иногда гиперборейскими, то есть северными, народы обитавшие в

Южной России, тому можно найти и другие примеры. (Так названы у Льва Диакона Хазары).

Беседы Фотия дают понять, что Русь не была для Греков каким-то неизвестным дотоле народом, что столкновения с нею были и прежде. В то же время из них ясно вытекает, что это было первое грозное нашествие Руси, нападение на самый Константинополь - нападение, заставившее Греков обратить на Русь более внимания, чем прежде. Фотий уясняет нам, почему с этого события начинаются более прямые известия у византийских историков о Руси под ее собственным именем, а не под именем Скифов, Сарматов и т. п. Отсюда мы выводим непосредственное отношение к нашей летописи. Руководствуясь своими образцами, то есть византийскими хронографами, она начинает историю Руси тем же самым событием, то есть первым нашествием их на Константинополь. Но так как это событие несколько не объясняет начала Русского государства, то ему и предпосылается легенда о призвании князей. Фотий, современник этого мнимого призвания, не делает о нем ни малейшего намека, а между тем, характеризуя неприятельский народ, по всей вероятности он упомянул бы и о его предводителях. Но известие о призвании является в русской летописи такою же легендою, как и рассказ о погружении ризы от иконы Влахернской Богородицы и восставшей после того бури, которая разметала суда Руссов. Этот рассказ является у некоторых позднейших Византийцев и от них буквально перешел в нашу летопись. Беседы Фотия восстанавливают для нас событие в настоящем виде; причем буря действительно играет роль, но только наоборот, в начале события, а не в конце. Он говорит, что варвары приблизились в бурную, мрачную ночь, но что море потом утихло, и они спокойно обступили город; а удалились они в то время, когда риза Богородицы торжественно носилась вокруг стен (вероятно заслышав о приближении императорского флота и войска).

Патриарх Фотий кроме своих бесед оставил нам и еще свидетельство о Руссах, именно в своем окружном послании 866 года, где он говорит об обращении в христианство Болгар и Руссов. Здесь несколько менее риторики, чем в беседах, и более прямых, ясных указаний. Приведем его слова: "Не только оный народ (Болгаре) переменял древнее нечестие на веру во Христа, но и народ часто многими упоминаемый и прославляемый, превосходящий все другие народы своею жестокостью и кровожадностью, - я говорю о Руссах, которые, покорив окрестные народы, возгордились и, возымевав о себе высокое мнение, подняли оружие на Римскую державу. Теперь они сами переменяли нечестивое языческое суеверие на чистую и непорочную христианскую веру, и ведут себя (в отношении нас) почтительно и дружески, так как незадолго перед тем беспокоили нас своими разбоями и учинили великое злодеяние". Из приведенных слов вытекает, что Фотий достаточно знал Руссов, что в то время они уже господствовали над соседними народами и сочли себя настолько сильными, чтобы напасть на самый Константинополь, чем заставили много говорить о себе. И ни слова об их князьях, пришедших из Скандинавии! Все это, разумеется, несколько не согласуется с нашими летописными Оскольдом и Диром; там это странствующие рыцари, которые только что завладели Киевом и немедленно бросились на Константинополь. Когда же Оскольдова Русь (то есть пришедшая дружина в несколько сот человек) успела покорить соседние народы между прибытием в Киев и походом на Византию? (Приняв хронологию норманистов, это выходит приблизительно в год.) И если они уже покорили соседние народы, то что же осталось бы на долю Олега? Все эти несообразности заметил Шлецер и выпутался из них очень просто: Руссы, нападавшие на Константинополь, по его мнению, не настоящие Руссы, а какой-то неизвестный варварский народ, и Византийцы тут явно напутали. Но другие норманисты не решились отвергать современное свидетельство Фо-

тия. Мало того, слова Фотия являются у них подкреплением их же системы. В беседах он выражается, что варвары пришли с далекого севера: ясно что это Скандинавия, что же может быть севернее Скандинавии? В послании он говорит, что Руссы поработили окрестные народы, опять ясно, что тут дело идет о Норманнах; известно, что они в те времена если еще не покоряли, то уже нападали на Германию, Англию, Францию, Испанию и т. д. (это все окрестные народы!).

От патриарха Фотия, современника мнимому прибытию Руси из Скандинавии, перейдем к Константину Багрянородному, современнику Игоря¹. Он был свидетелем Игорева нападения на Византию, заключал с ним договор, принимал у себя его супругу Ольгу, довольно подробно описывает этот прием (в сочинении О обрядах Византийского двора) и не пользуется случаем сказать что-нибудь о варяжских князьях, основателях Русского государства. Рюрик, по нашей летописи, приходился свекор Ольге, и если не она, то кто-либо из ее свиты мог сообщить любознательному императору подробности о Рюрике и Олеге. Да и без них Константин всегда имел возможность получить подобные сведения от русских послов и купцов в Константинополе. Если принять за истину то, что летопись рассказывает (а норманисты подтверждают) о походах Олега, тогдашний мир должен был наполниться его славой, и тем не менее Константин сохраняет о нем упорное молчание. В другом своем сочинении (Об управлении империей) он сообщает многие сведения о соседних и даже отдаленных народах (Ломбардах, Арабах, Печенегам, Сербам, Хазарам, Уграм и пр.). Тут между прочим он говорит о Руссах; уже одно столь известное описание их плавания по Днепровским порогам показывает, что он интересовался ими и знал их довольно хорошо, и опять никакого намека на переселение Руссов в Россию или на завоевание ее какими-либо иноземными князьями. Константин, например, рассказывает о начале династии Ар-

пада у Венгров и об их отношении к Хазарам; а между тем Арпад приходится, по-видимому, современником Рюрика. В третьем своем сочинении, "Жизнеописании" своего деда Василия Македонянина, Константин говорит о первом крещении Руси и опять не делает ни малейшего намека на ее норманнство. Из всех известий Константина ясно вытекает, что он считает Русь народом туземным, а не пришлым; притом он весьма просто и естественно передает нам даннические отношения разных славянских племен к господствующему народу Русь. Следовательно, если бы на Руси около той эпохи случились такие перевороты, о которых рассказывают легенды, занесенные в нашу начальную летопись, то есть ли какая вероятность, чтобы любознательный и словоохотливый Константин Багрянородный ничего о них не знал, а зная умолчал?

Известия о Руссах у Фотия, Никиты и Константина Багрянородного находятся в полном согласии между собою и ни в чем друг другу не противоречат. То же самое можно сказать об одном из ближайших после Константина историков, о Льве Диаконе: описывая войну Святослава с Греками и сообщая многие подробности о Руссах, он не делает никакого намека на то, что считает Русь пришлым народом в России, Святослав был внуком Рюрика, и память о пришествии Руссов из Скандинавии или из другой какой страны могла еще живо сохраняться; сам Святослав, по мнению норманистов, был тип Норманна, а дружина его состояла преимущественно из Норманнов. Между тем Лев Диакон приурочивает Тавроскифов (Руссов) преимущественно к берегам Черного и Азовского морей.

Если мы обратимся вообще к византийским известиям о Варягах и Руссах, то рассмотрение их и сличение между собою приводит нас к следующим положениям. Во-первых, византийские источники не смешивают Русь с Варягами, а говорят о них отдельно. Во-вторых, о Руси они упоминают гораздо прежде, нежели о Варягах. В-третьих, что касается

до наемных иноземцев на византийской службе, то Варяги составляли отряды сухопутные, а Руссы преимущественно служили во флоте. Норманисты нашли, что название Варягов (Варанги) слишком запаздывает в византийских источниках: так как прямо и положительно под этим именем последние выступают только в XI веке. А так как в X веке (у Константина Багрянородного) встречаются Фарганы, то Норманисты отождествили их с Варягами; но после доказательств г. Гедеонова отступились от Фарганов. С другой стороны у одного византийского писателя (Феофана) под 774 годом говорится, что император Константин Копроним "отправляясь против русских судов, двинулся в реку Дуна". Норманисты в этом случае переводят: "вступив в красные хеландии". Антинорманисты (между прочим Эверс) настаивали на русских хеландиях. (Но после убедительных доказательств г. Куника мы оставляем в стороне эти спорные хеландии).

Норманисты много и убедительно доказывали, что Варанги византийские были Норманны и означали то же, что у нас Варяги. С чем мы совершенно согласны; только и в этом случае скандинавоманы слишком упирают на Скандинавию. Относительно отечества Варангов, византийские известия указывают иногда на Германию, иногда на дальний остров, находящийся на океане, который они называют Туле, или причисляют их к Англичанам. Под островом Туле у Византийцев разумеется вообще крайний северный остров, так что смотря по обстоятельствам, под ним можно разуметь острова Британские, Исландию, острова и полуострова Скандинавские. Но что же из этого? Мы все-таки не видим главного: тождества Варангов с Русью, и не только нет никакого тождества, напротив, Византийцы ясно различают Русь и Варягов. Русь для них народ северный или даже надсеверный (гиперборейский); но нигде они не выводят его с крайнего острова, лежащего на Океане, как выражаются иногда о Варангах. Правда, Византийцы не смешивают Русь

с Варангами, но как-то у них мимоходом замечено, что "Русь, так-называемые Дромиты (обитатели Дромоса), от рода Франков". (Продолжатели Феофана и Амартола.) Этого весьма неопределенного выражения достаточно было норманистам, чтобы подкрепить свое мнение о родстве Руси и Варангов, или собственно об их общем германском происхождении. Но здесь слово Франки должно быть понимаемо в весьма обширном смысле, в смысле народов северно- и западно-европейских: примеры тому нередки у византийских писателей (как справедливо показал еще Эверс), от которых странно было бы требовать точных этнографических терминов. Притом самих Варягов они нигде не называют Франками. Обыкновенно Византийцы причисляют Русь к "скифским" народам; но и этим названием не выражается какой-либо определенный этнографический тип. Для нас, повторяю, важно то обстоятельство, что Византийцы, близко, воочию видевшие пред собою в одно и то же время и Варангов, и Русь, нигде их не смешивают и нигде не говорят о их племенном родстве. Норманнскую школу не смущает подобное обстоятельство. Для нее довольно и того, что их смешивает наша басня о призвании Варягов-Руси. А между тем в этом-то весь корень вопроса. Мало ли что может смешиваться в темном народном предании, в сказке, в песне, в собственном домысле книгописца и т. п.? Но может ли наука опираться на подобные основания? Варяги-норманны несомненно были в России; но они были здесь почти тем же, чем и в Византии, то есть наемною дружиной. Я говорю почти, потому что у нас размеры несколько другие: у нас они были в начале и многочисленнее, чем там, и принимали большее участие в наших событиях.

Известно, как сильно норманисты упирают на Днепровские пороги у Константина Багрянородного, который приводит их названия в двух видах: в русском и славянском. Вот они. Русские: Ульворси, Геландри, Айфар, Варуфорос, Леланти и Струвун; славянские: Островунипраг, Неясыть, Вул-

нипраг, Веруци, Напрези. Кроме того, один порог имел общее название, по-русски и по-славянски Есупи. Немало эрудиции было потрачено скандинавскою школою, чтобы русские (то есть предполагаемые скандинавские) названия объяснить при помощи почти всех северо-германских наречий. Досталось впрочем и не одним германским наречиям; тут пошли в дело кельтские, и финские (Струбе, Тунман, Лерберг); не обращались разве только к наречиям славянским. Для образца этих объяснений, приведем толкования первого русского названия, то есть Ульворси или Ульборси (Oullborsi). Во-первых, говорят норманисты, его надобно читать не Ульворси, а Ульмворси, и даже не Ульмворси, а Хольмворси; так как в греческой передаче *m* перед (*b*) могло быть выброшено, а *h* обратилось в *u*. Затем это слово уже не представляет затруднений. Хольм (Holm) в языках английском, шведском, нижнесаксонском и датском означает или остров или островок. А вторая половина названия ворси напоминает нижненемецкие *Worth, Wurth, Worde, Wuhrde* и англо-саксонские *Worth, Warth, и Warothe*, означающие или возвышение или берег; можно также производить ее от *fors* порог. Прекрасно; но если толковать Ульворси как перевод соответствующего ему у Константина славянского Островунипраг, то мы не думаем, что надобно исключительно обращаться к германским наречиям, когда имеем в славянских то же слово холм с различными его вариантами: хельм, хлум, шелом и т. д., а для бор с и или ворси и для форос (в слове Варуфорос, которое тоже объясняется норманистами при помощи *fors*) бор и вор, встречающихся в сложных именах (например, Бранибор, Раковор, и пр.), имеем тот же праг или порог. (Имеем еще слово забора, которое и до нашего времени употребляется там же, на Днепре, для обозначения малых порогов.) Таким образом с неменьшею вероятностью можно предложить для Ульборси, вместо *Holmfors* или *Holmvorth*, держась ближе к тексту, Вулборы, то есть Вулнборы, где первая половина слова будет та же,

что в названии Вулнипраг (или в позднейшем Вулнег). Может быть, Ульборси совсем и не означает то же самое, что Островунипраг; а вернее соответствует именно славянскому Вулнипраг?

Не беру на себя задачи немедленно объяснить так называемые русские имена порогов у Константина; предполагают и значительную порчу этих имен в его передаче, и вообще его недоразумение при их параллели с именами славянскими. Может быть, со временем, когда на объяснение их при помощи славянских наречий употреблено будет хотя в половину столько же труда и усилий, сколько было потрачено на объяснение из германских, вопрос этот ближе подвинется к своему решению. Ограничусь несколькими замечаниями. Что Константин по большей части передал имена в искаженном виде, для этого достаточно бросить взгляд на так называемые славянские названия. Что такое, например, Веруци (Veroutzh)? Не поясни он, что это славянское слово и что оно означает варение и кипение воды (Brasma perou), мы, пожалуй, не вдруг догадались бы о том, и норманисты по всей вероятности обратились бы к германским наречиям для отыскания корня. Или возьмем общее русско-славянское название одного порога Есупи (Essouph). Не прибавь Константин, что это значит не спи или не спать (mъ comi-asJai), много пришлось бы ломать голову, чтобы дойти до такого смысла. Замечательно, что норманисты и это название не уступают исключительно славянскому языку; они доискались, что на германских наречиях "ne suefe" будет значить тоже "не спи" (и даже сильнее, так как тут приходится два отрицания, одно в начале, другое в конце, то есть: нет! не спи!). Далее, что такое славянское название Напрези! Опять не скажи Константин, что это значит малый порог, то есть порожек, никак бы не догадаться. Да и после его объяснения слово остается сомнительным. Его пытались видоизменить в Набрезе и Напрежье; но все это очень натянуто. А между тем обратим внимание на соответствующее ему

русское название Струвун, Для разъяснения его будто бы необходимо также обратиться к скандинавским: strid, strond, strom и buna, bune и т. п. Но это якобы не славянское слово разве не тот же Островун-порог, приводимый Константином между славянскими названиями? Струвун и Островун представляют такое же отношение, как названия нашего древнего города Вручий и Овруч².

Геландри, по объяснению Константина, значит "шум порога"; отсюда мы делаем предположение: не скрывается ли тут слово гуль? Форма Гуландарь или Гуландра весьма возможна в русском языке. Нисколько не настаиваем на своих словопроизводствах в этом случае, и делаем их только для того, чтобы показать возможность объяснить некоторые непонятные имена из славянских корней. Может быть, кто-нибудь со временем доберется до их смысла. А возможно и то, что их смысл для нас навсегда потерян вследствие большого искажения. Например, если бы не другие соображения, то филологически невозможно в Телюца узнать Любеч. Точно так же филологически нельзя доказать, что Напрези означает малый порог. Напомним еще ряд собственных имен доселе неразъясненных: Могуты, Татраны, Шельбиры, Топчаки, Ревугы и Ольберы (Слово о Пол. Иг.). Чтоб отделаться от них, их объявили не русскими; но вполне ли это верно? Наше предположение о возможности видоизменения тех же слов или о замене их другими (не выходя из пределов того же языка) подтверждается позднейшими названиями Днепровских порогов. Многие ли из них сохранились от времен Константина хоть до XVI века, то есть до Книги Большого Чертежа? Мы находим в ней собственно одно тождественное с прежним название: Ненасытец (Неясыть IX века). Потом следует Звонец, соответствующий Константинову переводу против слова Геландри: "шум порога". Далее Вулнег, который может напоминать Вулнипраг. Вот и все. Остальные (Кодак, Сурской, Лоханной, Стрельчей, Княгинин, Воронова, Будило, Вольный, Лычна, Таволжа-

ной) не похожи на имена, приведенные Константином. Только Будило напоминает "Не спи", но напоминает своим смыслом, а не буквой. Он же наводит на мысль о том, как иногда своеобразно могут видоизменяться названия. (Так вместо Гуландри мог явиться Звонец.) Конечно, крупные географические имена сохраняются гораздо тверже, но такие мелкие, как имена длинного ряда порогов, неизбежно должны были варьироваться. Сравним названия порогов XVI века с их настоящими названиями. Большею частью они сохранились, но с другими окончаниями, и притом иногда совсем не на тех местах; есть и названия совсем новые.

Упомянем мимоходом о попытке объяснить все русские названия порогов у Константина Багрянородного и почти все личные имена той эпохи из языка венгерского (Зап. Одес. Общ. И. и Д., т. VI). Это показывает, какое обширное поле для догадок представляют означенные названия. Действительно, имена порогов - самое темное место в целом варяжском вопросе. Можно предложить еще следующую догадку: несколько непонятных имен не есть ли это остаток названий из более древней эпохи, т. е. из эпохи Скифской?

Итак, не может быть сомнения в искажении самых названий у Константина Багрянородного. Можно указать тому и другие примеры. Напомним некоторые его названия славянских городов: Немогарда, Милиниска, Телюца и пр., в которых мы узнаем Новгород, Смоленск, Любеч. Подобные искажения, конечно, неизбежны в устах иноземцев, но при этом возьмем еще в расчет, как далеко удалились мы в настоящее время от южнорусского произношения X века! Многие слова, даже и верно записанные в то время Греками, могут в настоящее время нам показаться чуждыми или непонятными. Далее, представляется вопрос: верно ли понял Константин то, что ему толковали о Днепровских порогах? Что это за двойной ряд названий: русские и славянские, варианты или переводы? Норманисты усиливаются доказать, что русские названия имеют тот же смысл, как и соответст-

вующие им славянские. Но в таком случае опять вопрос: какие названия оригинальные и какие переводные; кто первый их придумал, Славяне или Русь? Так как по теории норманистов Русь племя пришлое и не славянское, то оно, нашедши имена Днепровских порогов уже готовыми у Славян, не согласилось однако употребить их, а перевело их на свой язык. Где же и когда географические имена переводились таким образом? Если и можно найти тому примеры, то немногие, и отнюдь не в таком количестве зараз и не в таком систематическом порядке; вновь поселяющийся народ обыкновенно или принимает уже существующие названия, видоизменяя их по своему выговору, или дает свои собственные.

Но что такое самое выражение Константина Багрянородного: по-русски и по-славянски? Не вправе ли мы заключить отсюда, что он считал русский язык особым, не славянским языком? И не только в этом случае, но и в некоторых других у него Русь и Славяне как будто два различные народа. И именно он как бы противопоставляет Русь тем племенам, которые платили ей дань, и которых он называет славянскими. Но в этом-то сопоставлении и заключается разгадка. Дело в том, что сама Русь, без сомнения, отличала себя от покоренных племен; как господствующий народ, она, вероятно, свысока смотрела на своих славянских данников, что, конечно, не мешало ей самой быть славянским племенем. Необходимо взять при этом в расчет то обстоятельство, что понятие о родстве всех Славян между собою и о принадлежности их к одному великому племени есть достояние собственно позднейшего времени, и притом только образованного или книжного класса. Не только тогда, но и теперь миллионы людей живут на свете, не подозревая того, что они Славяне. Константин Багрянородный мог лучше знать собственно южных Славян; а о северных и восточных он писал более по слуху, и потому легко впал в заблуждение, отделяя Русь от других русских Славян. Если

мы не примем всего этого в соображение, то впадем в безвыходные противоречия. Возьмем опять того же Константина. Описывая обычный зимний объезд киевскими князьями покоренных племен (полюдье), он говорит, что князья до этого отправляются из Киева "со всею Русью". Можно ли понять эти слова буквально, то есть что киевские князья делают объезд в сопровождении всего Русского народа? Куда же в таком случае девались те многие светлые русские князья, сидевшие с их дружинами по другим главным городам, князья, о которых говорят нам договоры Олега и Игоря? Не ясно ли, что тут надобно разуметь собственно княжескую дружину, да и не одних киевских князей, а вообще русских князей; каждый из них объезжал с дружиной свой удел, чтобы собирать дань и творить суд. Понятно, что дружина-то и называла себя Русью по преимуществу. Понятны отсюда неточности и в известиях Константина Багрянородного. При всей своей добросовестности он не мог, конечно, избежать их, когда говорил о других народах. Если посмотрим все его известия, то найдем у него многие недоразумения по отношению к тем народам, которых он описывал по слуху, - недоразумения весьма естественные: и в наше время, при настоящих научных средствах, как иногда бывает трудно собрать точные этнографические данные! Не отвлекаясь примерами сомнительных известий о других народах (Хазарах, Печенеггах, Уграх и пр.), приведу еще одно место из Константина о Руссах. Он говорит, что Русские выменивают у Печенегов рогатый скот, коней и овец: "поелику никакое из этих животных не водится в России". Статочное ли дело, чтобы в Киевской Руси не водились свои лошади, быки и овцы! Вероятно, из того большого количества скота, которое Русские получали от степных народов, Константин заключил о неимении его в России; могло быть также, что ему случайно сообщил кто-нибудь неточное известие (например, после сильных падежей скота, столь обычных в России).

Сличая все известия о России того времени, мы выводим заключение, что название Русь, как термин этнографический, имело весьма растяжимый характер. В обширном смысле оно обнимает всех восточных Славян, подвластных русским князьям, не менее обширном - Славян южнорусских, в тесном смысле это племя Полян или собственно Киевская Русь; наконец, иногда значение этого имени, как мы видим, суживалось до понятия сословного, а не народного - это княжеская дружина, то есть военный класс по преимуществу. Что Русь была тождественна с славянским племенем Полян, это по-нашему крайнему разумению несомненно. Константин Багрянородный, несколько раз упоминая о славянских данниках Руси, приводит имена: Древлян, Угличей, Драговитов, Кривичей и Сербов (Северян). Где же Поляне, судя по нашей летописи, главнейшее славянское племя? Константин их не знает, потому что Русские в сношениях с иноземцами любили называть себя исключительно Русью. А между тем дома, в отечестве, имя Полян долго еще не забывалось и после того. Замечательны в этом отношении известные слова нашей летописи: "Все это был один славянский язык: Славяне по-Дунайские, покоренные Уграми, и Морава, и Чехи, и Ляхи, и Поляне, яже ныне зовома Русь". Эти драгоценные слова никоим образом не согласуются с басней о призвании Варягов, и без сомнения принадлежат не тому лицу, которое смешало Русь с Варягами. Кстати приведем еще место из летописи, относящееся к XII веку: "И стояша на месте нарицаемом Ерел, его же Русь зовет Угол". (Ипат. 128, а в Лаврент. 67: "перешедше Угол реку"). Мы видим тут рядом два названия: Ерел (Орел) и Угол; оба они славянские. Попадись эта фраза под руку Константина Багрянородного, по всей вероятности он написал бы: по-славянски Ерел, а по-русски Угол; причем не обошлось бы без некоторого искажения в передаче, и (судя по аналогии) нам пришлось бы разыскивать значение Угла (Унгол или Ингул) в северно-германских наречиях; там мы

тотчас бы напали на тот же корень в Англах или Инглах британских или в Инглинах скандинавских, и вот новое подтверждение скандинавской теории. (Впрочем некоторые норманисты все-таки нашли возможным отвести этот Угол к скандинаво-русским названиям!)

Русь в X веке, конечно, не могла не сознавать своего племенного родства с другими примыкавшими к ней Славянами; сношения с иноплеменными народами необходимо приводили ее к этому сознанию. Но у нас вопрос идет о названии, которым себя отличал тот или другой народ. Сознанию общего родства всех славянских племен и обобщению слова славянский язык более всего помогла славянская письменность, распространившаяся вместе с христианством.

Название Славяне, кроме обширного смысла, имело, так же как Русь, и более тесный смысл: оно означало у нас по преимуществу Новгородцев. Об этом не один раз свидетельствует наша летопись. Например: "поя же множество Варяг и Словен, и Чюди и Кривичи". Если бы понять здесь слово Славяне в смысле Славян вообще, то Кривичи оказались бы не Славяне. Неопределенность и изменчивость этнографических терминов составляет общую черту исторических источников древних и средневековых, начиная с Геродота и Тацита. Одно и то же имя не только в разные эпохи, но и в одну и ту же эпоху употреблялось часто то в обширном (родовом), то в тесном (видовом) значении. Эта черта произвела, как известно, большую запутанность и породила множество недоразумений, которыми историческая наука страдает до сих пор и от которых она освобождается весьма постепенно.

Итак, Константин Багрянородный различает Русь от Славян потому, что она сама отличала себя от подчиненных племен, и особенно этим названием разнилась от славян северных или Новгородских. А последние в свою очередь отличали себя от своих южных соплеменников. В этом смысле только и можно понять выражение Русской Правды, где

стоят рядом Русин и Словенин, то есть: Южанин и Северянин или Киевлянин и Новгородец. Возьмем Вопросы Кирика епископу Нифонту - новгородский памятник XII века. Там говорится, что Болгарину, Половчину и Чудину перед крещением полагается 40 дней поста, а Словенину 8 дней. Тут Новгородец сам называет себя (Словенином, а не Русиним). Это различие, повторяем, отразилось и в иноземных известиях. Константин Багрянородный именует Новгород внешнею Русью. Арабские известия иногда называют его Славия. Южане разнились от Северян не одним названием; они по всей вероятности отличались и наречием, и особенно произношением. Впрочем, какому именно племени принадлежали так называемые славянские имена порогов, Славянам северным или еще более южным, чем Киевская Русь, решить пока не беремся³.

1 Кроме Фотия, имеем и другое современное свидетельство о первом появлении Руси под Царьградом. Никита Пафлагонянин в своем жизнеописании патриарха Игнатия упоминает о свирепствах скифского народа Рось в окрестностях Царьграда, также без всякого намека на скандинавское происхождение.

2 Варуфорос не означает ли Вар-порог? В таком случае против славянского Веруци, следовало бы поставить русское Варуфорос (а не Леанти), как происходящий от того же корня врети, варити.

3 Вероятное решение этого частного вопроса предложено много ниже; после исследования о народности Болгар я пришел к заключению, что славянские названия порогов принадлежат наречию Славяно-болгарскому.

III

Личные имена. - Известия арабов

Перед нами довольно длинный ряд русских личных имен, сохраненных договорами Олега и Игоря¹. На эти имена в соединении с так называемыми русскими названиями порогов и вообще с первыми именами нашей истории норманнская система опирается, как на каменные столбы. Но они совсем не так прочны, как кажутся. Мы не будем разбирать каждое имя (норманисты только часть этих имен приводят в параллель со скандинавскими). Достаточно будет нескольких примеров, чтобы указать натяжки норманистов и их явное пристрастие в пользу Скандинавов.

Возьмем имя Карлы. С первого взгляда оно может показаться немецким. Но напрасно вы думаете, что это имя исключительно принадлежало Немцам; оно, без сомнения, употреблялось и у Славян. Иначе откуда же наше карло с его уменьшительным карлик? Притом оно тут же встречается в другой форме Кары; следовательно л есть не коренной звук, а вставной (известно, что это у нас одна из обычных вставочных букв: Скуратов - Скурлатов). Следовательно, корень здесь кар, а остальное вариировалось, как это случается и с другими именами: Карлы, Каран или Кари (который кстати тут есть), Карачун, Оттокар, и т. п. Далее, Инегельд, другая его форма тут же присутствующая Иггивлад, Влад, это было одною из любимых составных частей в славянских именах. Веремуд или Велемуд звучит по-славянски, точно так же: Стемид, Улеб или Олеб, Прастен (с его вариантами Фрастен и Фурстен), Войко, Синко (конечно, уменьшительные от Вой, Воин и Син, Синеус или Синав), Сфирка (тоже уменьшит. Напомним реку Свирь. Другая его форма не была ли Сирко или Серко? напомним имя Горясер). Борич, конечно, уменьшит. от Борко. (Боричев взвоз в Киеве). Гуды, Слуды и Моны, подобно Карлы, своим окончанием на ы без сомнения соответствуют духу древне-русского или вообще славянского языка гораздо более, чем скандинавского (любы, церкы, свекры и пр.); с тем же окончанием потом в летописи встречается имя Тукы. (От Гуды должна

быть другая форма Гудин или Годин; напомним Ивана Годиновича русск. песен). Турбид по всей вероятности собственно Турвид или Туровит; окончание вид или вит самое славянское из славянских (это наше вич). Но если мы и оставим бид, окончание это также не теряет своего славянского характера (беда или бида; кроме того, у нас есть фамилия Турбиных). А первая половина имени Тур получила в славянском языке весьма разнообразное приложение. Напомним только Буйтура Всеволода из Слова о Полку Игореве. Древнейшая его форма была Тыр или Тырь. Тур встречается здесь еще в другом имени, Турберк. Берн как имя присутствует тут же и в простом виде, без соединения с другим словом, и опять в соединении (Шихберн). Это имя тоже славянское; напомним русского боярина Берна, упомянутого под 1072 г., также город Берно, в онемеченной форме Брюн. Но форма Брюн или Брун вероятно также употреблялась и у Славян; чему свидетель стоящее тут же имя Бруны, с окончанием на ы.

Упомянутая форма Тыр также есть здесь в имени Стыр или Стир. Припомним точно такие же имена славянских героев: Тыр у Козьмы Пращского, Стир у Далимила и Ставра наших былин. Тут же в договоре Игоря есть и дальнейший вариант этого имени: Истыр или Истр². Присутствие того же слова мы узнаем и в имени Гунастр; а Гун находим еще в имени Гунарев, конечно родительный падеж от Гунарь. Гуня это имя встречаем на Украине еще в XVII веке. Грим и доселе в малорус. языке значит гром. (В Сл. О П. Игор. гримлют сабли; у Чехов и Лужичан гримати вм. греметь). А Гомол, конечно, живет в малороссийской фамилии Гомолеев. В имени Вуефаст мы видим славянское Буй или Бой, изменявшееся в Вуй или Вей (Буриной и т. п.); а форма фаст несколько нам не чуждая; с придыханием это хваст, откуда наше хвастун, откуда город Фастов или Хвастов. Кроме Святослава встречаем в договоре Игоря еще Владислава и Предиславу.

Мы указали более 20. имен из договоров Олега и Игоря. Надеемся, этих примеров весьма достаточно, что-бы убедиться в несостоятельности норманистов, которые хотели непременно сделать из Ингивлад скандинавское Ингидльд, из Улеб Ульф или Олаф и т. п. Мы не говорим о неизбежных искажениях, в которых дошли до нас эти отголоски нашей далекой старины; многие имена неточно переписывались, так что при чтении их может быть разногласие, - чем конечно пользовались отрицатели их славянства, - а некоторых совсем нельзя понять. Можем ли при этом забывать родство языков славяно-литовских с германскими? В начале X века это родство было гораздо ближе, чем в наше время. Особенно долго оно сохраняется в личных именах. Чтобы наглядно убедиться в том, стоит только заглянуть в параллели личных имен у Шафарика. Даже кельтские имена еще очень близки. Но сам Шафарик не узнал Славян в нашей Руси, к сожалению, он был увлечен кажущейся стройностью скандинавской системы.

Если от договоров Олега и Игоря обратимся к летописным именам наших первых князей и их дружинников, то придется повторять то же самое. Почему, например, Рюрик есть исключительно скандинавское имя? Оно могло быть уменьшительным от Рюар, которое встречается в Игоровом договоре. Вообще имена на рик или рих почему-то считаются немецкими; действительно они в большем количестве встречаются у Немцев, но были и у Славян (напр. Ольдрих). Оскольд, почему опять это скандинавский Аскель? У нас есть река Оскол; неужели она названа так Скандинавами? Форма ольд несколько не чужда славянскому языку, мы только что назвали Ольдриха. Это ольд могло быть сокращение из влад, волод; полная форма Ольдриха могла быть Володарик, то есть уменьшительное от Володарь. Возьмем так-же нашего Рогвольда: будто он должен быть скандинавским Рангвальдом. Но в летописях встречается его полная форма, то есть Рогволод. Рог было также славянским

именем; напомним из летописи Новгородца Гюряту Роговича (также Рогдая богатыря). Дир, это, говорят нам, скандинавское Тир, женское Дирва. К чему скандинавское Тир, когда у нас есть свой Тыр или Тырь, о котором мы уже говорили? Замечательно, что это имя, так же, как имя Оскольда, связано с названиями южно-русских рек: Тыр (то есть Днестр), Стыр, Тор, Терек (уменьшит. от Тыр) и т. д. Вообще в мире языческом удивительным образом переплетаются между собою имена мифологические, географические, народные и личные. Так имя Тыр со своими видоизменениями (Тур, Туре, Тор, Тавр и пр.) получило весьма обширное приложение в целом индоевропейском мире. Между тем как слово Карл у Славян сохранилось в значении карлика и короля, Тыр удержало значение исполина; оно сохраняется в нашем слове богатырь (которое есть чисто славянское и нисколько не татарское).

Далее: Лют, столь славянское имя (Людек Люторов, Лютогаст, Лютомир и пр.), норманисты переделали в Liotr, Блуд в Blotr и т. п.⁴ Олег и Игорь гораздо более присущи русской истории, чем скандинавской. Они принадлежали к наиболее любимым русским именам. Если они не славянские, то как же, вместе с разными славами, они удерживались между князьями в XII и XIII веках (Олега находим даже в XIV)? Между тем как Руссы, по словам самих же норманистов, ославились еще к началу XI века. Не спорим, что между именами русских дружинников могут встретиться и чисто норманнские имена, принадлежавшие Варягам-иноземцам, и не одни норманнские, а также угорские, литовские и других соседних народов. Мы знаем, что наши князья охотно принимали в свою службу иноземных витязей. Но от того дружина все-таки не теряла своего русского характера. В дружине Игоря, например, встречается Явтяг, т. е. Явтяг, который своим именем указывает и на свое происхождение. А к какому народу вы отнесете такие имена договора, как Каршев, Куци (купцы?), Емиг, Тилена, Вуз-

лев, Пубинксарь и т. п.? Разве они похожи сколько-нибудь на скандинавские?

Норманисты отнимают у Славян не одни личные имена. Они усиливались доказывать, будто скандинавское влияние отразилось и вообще в нашем языке, по крайней мере в словах из государственного быта. Таким образом: боярин, гридин, метельник, паломник, вира, вервь и мн. др. оказались не славянскими, а германскими. В прошлом столетии, когда построено здание скандинавской теории, понятны ошибочные филологические приемы ее основателей; наука сравнительной филологии и археологии почти не существовала, и потому при всей своей эрудиции и добросовестности, научные деятели, о которых идет речь, могли сделать несколько ошибочных выводов. В наше время странно было бы настаивать на этих выводах, хотя бы и в уважение к заслугам таких деятелей, как Байер, Стриттер, Шлецер и Карамзин.

Вернемся еще раз к договорам Олега и Игоря. По расчетам норманистов, Русь, пришедшая во второй половине IX века, ослабянилась приблизительно к началу XI века, да ранее невозможно было бы и требовать. Мы уже заметили, что Русь по договору Олега, то есть в начале X века, исповедует, однако, ту же религию, какую исповедовали восточные Славяне, то есть поклонялась Перуну и Волосу. Тот же вывод можно сделать и о языке. Если славянский текст договоров принадлежит ко времени самих договоров (а норманисты этого не отвергают), то ясно, что Русь уже в начале X века употребляла славяно-русский язык и славянскую письменность. А если язык и религия у нее были славянские, то вопрос: что же оставалось у нее скандинавского и как успела она ослабяниться в несколько лет? Вообще норманнская школа относит введение славянской письменности ко времени Владимира Святого; что опять-таки противоречит существованию письменных договоров при Олеге и Игоре. Точно так же норманисты и начало христианства в России приписывают пришлым скандинавским князьям;

тогда как по всем признакам христианство существовало у нас еще прежде этого мнимого пришествия. На Руси оно утвердилось ранее, чем в Скандинавии; что совершенно естественно при исконном соседстве южнорусских Славян с византийскими областями на северных берегах Черного моря. Нет сомнения, что крещение Владимира Святого есть только последний акт продолжительной борьбы с русским язычеством, окончательная над ним победа. Вместе с тем, это была решительная победа византизма над латинством, которое также по всем признакам уже работало не в одной Польше, но и в России. Если бы Русь была не туземным, славянским народом, а пришла из Скандинавии, то сомнительно, чтоб она выразила к восточному обряду более симпатии, чем к западному. Но вопрос о начале нашего христианства сам по себе весьма сложный и также затемненный легендами. Норманнская школа почти ничего не сделала для его разъяснения; она обошла относящиеся сюда противоречивые свидетельства и предпочла держаться летописной легенды, так как эта легенда более согласуется с мнимым призванием Варягов, чем свидетельства византийские и западные.

Обратимся теперь к восточным или арабским известиям IX и X века. Они еще менее, чем византийские, представляют данных в пользу скандинавской системы; однако норманисты сумели и их повернуть в свою пользу. Приемы, употребленные для этой цели, весьма просты. Норманисты преспокойно относят к Скандинавам все то, что Арабы рассказывают о Руссах. Арабы (Ибн Фадлан) говорят, что Руссы были высокого роста, стройны, светлорусы, носили короткую одежду, секиры, широкие обоюдоострые мечи с волнообразным лезвием и любили выпить. Но так как Скандинавы тоже были высокий, стройный и белокурый народ, носивший короткую одежду, мечи, секиры и употреблявший горячие напитки, то ясно, что Руссы пришли из Скандинавии, заключают норманисты. В наше время уже достаточно

убедились, как шатки этнографические выводы, основанные на общих фразах о наружности и обычаях, и как часто сходные наружные признаки и обычаи можно встретить у разных народов. Но и тут, если внимательно разобрать описание Руссов у Ибн Фадлана, некоторые важные черты нравов указывают именно на Славян, а не на Скандинавов. Таковы религиозные обряды при погребении и особенно сожжение одной из жен вместе с покойником. На последний обычай западные источники указывают как на характеристическую черту Славян; русский, летописец прибавляет, что то же самое делалось еще и в его время у Вятчей. Ибн Фадлан говорит о разделении имущества покойного на три части, из которых одна идет на погребальное пиршество, и это известие совершенно удовлетворительно объясняет происхождение славянского слова тризна, которым обозначалось погребальное пиршество или поминки. Далее, высокий рост и русые волосы нисколько не составляли отличительные признаки Норманнов; они в той же мере принадлежали и Славянам. Поиски в северных могилах показывают, что волнообразные обоюдоострые мечи были весьма мало распространены между Скандинавами. Итак, перебирая все известия Арабов, окажется, что в них нет ни одной черты, которую можно бы отнести по преимуществу к Скандинавам. Но вот что можно вывести из них как положительный факт: уже во второй половине IX и в первой X века Арабы знали Русь как многочисленный, сильный народ, имевший соседями Булгар, Хазар и Печенегов, торговавший на Волге и в Византии. Нигде нет и малейшего намека на то, чтобы Русь они считали не туземным, а пришлым народом. Эти известия совершенно согласуются с походами Руссов на Каспийское море в первой половине X века, с походами, которые были предприняты в числе нескольких десятков тысяч воинов.

Арабские писатели, говоря о восточной Европе, ставят рядом имена Славяне (Саклаб) и Русь, и следовательно, как будто подтверждают мнение о том, что Русь народ, отлич-

ный от Славян. Но тут мы должны повторить то же, что говорили о Константине Багрянородном. От Арабов еще менее можно требовать, чем от Византийцев, чтобы они верно различали видовые названия от родовых и всегда употребляли точные этнографические термины. Например, Турки в арабских известиях являются иногда славянским племенем. Вообще Арабы подтверждают то положение, что большая часть восточных Славян отличала себя пред иноземцами именем Руси, а имя Славян по преимуществу оставалось за Славянами Дунайскими (и Новгородскими). Но встречаются некоторые места, из которых видно, что Арабы знали о племенном родстве Руси и Славян. Так Ибн Хордадбег (в IX в.), говоря о русских купцах, прибавляет: "они же суть племя из Славян". Эти купцы у него ходят в хазарскую столицу по реке Славян, то есть по Волге. Вообще в известиях Арабов Славяне и Русь являются неразлучными. В Итиле они занимают одну и ту же часть города, те и другие сжигают своих покойников вместе с одною из жен (Масуди). Норманисты вместе с летописною басней верят в пришествие из Скандинавии Оскольда и Дира, как неких искателей приключений; но Масуди (в первой половине X века) знает одного из славянских царей, Дира, который владеет многими странами и обширными городами.

Масуди, так же как и прочие арабские писатели, приурочивает Русь преимущественно к берегам Черного и Азовского морей; он говорит, что море Нейтас есть русское море, и что никто, кроме Руссов, по нему не плавает (мы думаем, что тут разумеется по преимуществу море Азовское), что они образуют великий народ, не подчиняющийся ни царю, ни закону; что они разделяются на многие народы и пр. Нельзя, конечно, везде принимать эти слова в буквальном смысле, но в общих чертах эти известия справедливы. Например, что Руссы не подчиняются ни царю, ни закону, с арабской точки зрения значит то, что Руссы тогда не имели политического единства, то есть были раздроблены на мно-

гие независимые племена; что довольно верно относительно восточных Славян в первой половине X века. Их объединение принадлежит позднему времени и совершилось совсем не так быстро, как об этом рассказывает наша летопись. Арабские известия о Руссах на берегах Черного и Азовского морей и на Волге вполне подтверждают мнение некоторых ученых о существовании кроме Днепровской Руси еще Руси Черноморской. Существование Азовско-Черноморской Руси действительно объясняет нам многое доселе непонятное, как то: византийских Тавроскифов (по нашему крайнему разумению это собственно Тыроскифы, то есть то же самое, что славянские Тиревцы или Тиверцы), происхождение русского Тмутраканского княжества, ту роль, которую играл Корсун в начальной русской истории и особенно в истории нашего христианства, и т. д. Но как ко всему этому отнеслись норманисты? Все, что прямо противоречит их теории в арабских известиях, то неверно и ошибочно. Что сообщается темно и запутанно, истолковывается в пользу возлюбленных Скандинавов. Наконец, явные ошибки и недоразумения являлись у них положительными фактами. В последнем случае я разумею пресловутое известие арабского географа Ахмеда-аль-Катиба, жившего в Египте во второй половине IX века.

Аль-Катиб между прочим говорит, что в 844 году язычники, именуемые Русью ворвались в Севилью, разграбили ее и опустошили. При первом знакомстве с его рукописью известный ориенталист Френ, один из столбов норманнской теории, указал на приведенные слова, как на сильное подкрепление для этой теории, и они действительно были приняты за таковое остальными норманистами. А между тем при самом поверхностном взгляде на подобное известие можно было усомниться в его достоверности. Каким образом Руссы попали в Севилью? Французский ориенталист Рено весьма правдоподобно объясняет странное известие аль-Катиба превратными географическими представлениями Ара-

бов о Балтийском море. А именно: Масуди полагал, что это море есть рукав, соединяющий Черное и Азовское моря с Западным океаном, и что язычники, нападавшие на Испанию, вероятно были Руссы, то есть Руссы припонтийские, а не скандинавские, которых он совсем не знает. Аль-Катиб жил ранее Масуди и неизвестно, точно ли упомянутые слова, найденные в его сочинении, принадлежат ему самому. Очень может быть, что они вставлены позднейшим переписчиком, который был знаком с сочинением Масуди и его предположение передал как положительный факт. Какое бы ни было происхождение этого странного известия, во всяком случае оно не заслуживает никакой веры. Латинские летописцы, перечислявшие нападения Скандинавов на западную Европу, говорят обыкновенно о Норманнах и совсем не знают Скандинавской Руси. И конечно, если б она существовала, то была бы им известна.

1 Выписываем эти имена буквально, то есть не изменяя и тех, которые стоят в родительном падеже мужского или женского рода. В договоре Олега: Карлы, Инегельд, Фарлоф, Веремуд, Рулав, Гуды, Руалд, Карн, Фрелав, Рюар, Актеву, Труан, Лидульфост, Стемид. В договоре Игоря: Ивор, Вуефаст, Святославль, Искусеви Ольги, Слуды, Улеб Володиславль, Каницар Передславин, Шихберн, Сфандр жены Улебле, Прастен, Турдуви, Либнар, Фастов, Грим, Сфирьков, Прастен, Акун, Кары Тудков, Каршев, Турдов, Егриевлисков, Войков Истр, Аминодов, Бернов, Явтяг Гунарев, Шибрид Алдан, Кол-Клеков, Стеггиетонов, Сфирка, Алвад Гудов, Фудри Туадов, Мутур Оутин, купец Адун, Адулб, Иггивад, Олеб Фрутан, Гомол, Куци, Емиг, Турбид, Фурстен, Бруны, Роалд, Гунастр, Фрастен, Игельд, Турберн, Моны, Свен, Стир, Алдан, Тилена, Пубьинксарь, Вузлев, Синко Борич.

2 Прошу покорнейше обратить внимание на эти последние слова, особенно на форму Тыр. Она дает нам ключ к уразумению названий рек Истра и Тыра или Тора. Корень у

обоих тот же, и это еще очевиднее, если обратить внимание на то, что греческое слово *Tyras* в латинской передаче является *Dana - ister* или *Dana - ster* наш Днестр. Напомним также наши реки Стырь на Волыни и Истру Московской губернии и древнеславянского бога - Стыря или Стрибога. Как Истр был имя и реки и лица, так точно и Дунай. Боярин Дунай встречается на Волыни в XIII веке.

3 Оскол мог иметь ту же полную форму на ольд, то есть Осколод или Оскольд, подобно тому, как теперь река Яцольда. Да и самая Яцольда или Ясельда, если взять в расчет белорусское произношение, может оказаться видоизменением Окольды или Оскольды.

4 Миклошич в своем сочинении: *Die Bildung der Orstnamen aus Personennamen im Slavischen* (Wien. 1864), по примеру Куника отрицает существование имени Блуд у Славян, хотя кроме Руси оно было и у Чехов. (См. о том Микуцкого "Замеч. о Лето-Славянском языке", в Записк. Георг. Общ. по отд. Этнографии I. 607.) Имя посла Лидульфост м. б. есть испорченное Людогост. На существование последнего имени указывает новгородская улица Людгоща. Позднейшее примечание.

О том, что Грим действительно было славянское имя, ниже доказывается именами: княжны Гримиславы, Гримка и фамилией Гримайло. Относительно Борич ниже я указываю, что надобно читать бирич, т. е. название должности.

IV

Известия западные. - Угорская Русь. - Греческий путь

Перейдем теперь к двум западным источникам, которые находились в числе главных опор скандинавской теории. Мы говорим о Бертинских летописях и епископе Лиутпранде. Напомним сущность известий о Руси Бертинских летописей. "В 839 году Византийский император Феофил отпра-

вил посольство к императору Людовику Благочестивому. При этом посольстве находилось несколько человек, которые называли себя Россами: они были посланы в Константинополь для изъявления дружбы от своего князя, который именовался Хаканом. Феофил в письме к Людовику просит дать средство этим людям отправиться домой, так как возвращаться тем же путем, каким они пришли в Константинополь, было опасно по причине жестоких и варварских народов. Император Людовик расспросил о причинах пришествия этих людей; нашел, что они из племени Свеонов и, подозревав в них шпионство, велел задержать их до тех пор, пока в точности не объяснится, с какими намерениями они пришли". Норманисты, как и следовало ожидать, мнение Людовика о том, что пришедшие люди были из племени Шведов, приняли за положительный факт, а слово Хакан обратили в Гакон. Противники норманистов совершенно справедливо указали на существование древнерусского титула хакана или кагана. Так, митрополит Иларион в своем похвальном слове Владимиру Святому называет его коганом. Этот титул встречается и в Слове о Полку Игореве. Ясно, что в Бертинских летописях идет речь о нарицательном хакане, а не о собственном имени Гакон. Относительно слов "из племени Свеонов" некоторые антинорманисты пришли к такому толкованию. Они допускают, что пришельцы были действительно родом Шведы, но находившиеся на службе у киевского князя. Мы думаем, что это натяжка. Во-первых, если б они были Шведы, то почему стали бы называть себя Руссами, а не Шведами. Во-вторых, самый текст летописей не говорит ясно и положительно о шведском происхождении. Так как в то время уже начались нападения Норманнов на берега Франции, то, естественно, Франкский двор, мало знакомый с севером и востоком Европы, отнесся подозрительно к этим пришельцам. Притом, как основательно заметил один из антинорманистов (Нейман), не видим главного в отрывочном известии Бертинских летописей: чем кончи-

лось дело, то есть подтвердилось ли, что это были Шведы? Мы с своей стороны предложим еще вопрос: если тут нет ошибки, то в каком смысле принимать здесь название Свенов? В первой половине IX века это название исключительно принадлежало обитателям настоящей Швеции или употреблялось еще и для обитателей южного Балтийского поморья (откуда вышли и сами Шведы)? Разве оно не могло обнимать не одни только германские племена, но и некоторые славянские? Мы знаем, что славянские и германские народы нередко являются под одним и тем же именем или под именами, происшедшими от того же корня. Например: имя Англы есть то же, что наше Онглы или Угличи, а немецкие Туринги то же, что славянские Туричи (переделанное в Тиверци). Впоследствии у одного народа подобное название утрачивается, у другого сохраняется. Если не взять в расчет это обстоятельство, то на основании сходных имен, пожалуй, можно доказывать, что Англичане славянского происхождения. Могла быть также просто ошибка или у автора в рукописи, то есть вместо Slavorum или Sclavorum! И не такие ошибки можно встречать в источниках. Напомним Льва Диякона, который наших Древлян называет Германцами.

Таким образом известие Бертинских летописей, служившее сильною опорой норманистам, по нашему мнению, обращается в одно из многих доказательств против их теории. Что можно извлечь из них положительного, так это существование русского княжества в России в первой половине IX века, то есть до так называемого призвания Варягов. А русское посольство к императору Феофилу указывает на ранние сношения Руси с Византией и, следовательно, подтверждает упомянутые нами намеки на эти сношения в беседах Фотия. А если посольство не решалось возвращаться прежнею дорогой, то мало ли какие причины оно могло для того иметь. Наконец, почему не допустить буквального смысла летописей, то есть опасности от варварских народов

(Угры, Хазары и т. п.), с которыми Русь в то время могла находиться во враждебных отношениях?

Мы уже заметили выше, какую шаткую основу для точных этнографических выводов представляют иногда народные имена, если судить о них по первому взгляду, не принимая в расчет много различных видоизменений, которым они подвергались. Весьма часто народное имя или прозвание имеет за собой длинную и запутанную историю, так что очень трудно добраться до его происхождения и первоначального смысла. К такого рода случаям я отношу название Руоци, или Руотсы (Ruotsi), под которым Шведы известны у Финнов. Норманисты из этого названия сделали свое обычное заключение: Финны называют Шведов Руссами; следовательно, наша Русь пришла из Швеции. Но, во-первых, не доказано, чтобы Руотсы означали то же, что Руссы; а во-вторых, название Руссов встречается и помимо нашей собственной Руси. На южном берегу Балтийского моря мы также находим в средние века Русь (Неман), Пруссов, Рузию или Русцию, Рутенов, Руян или Ругиан, и т. п. Все эти названия имеют между собою тесную филологическую связь, но нисколько не означают колонистов из Южной Руси на берега Балтийского моря или наоборот. Если же объяснять колонистами (что и делает славянская школа, выводящая Варягов - Русь с Балтийского поморья), то полабские Древане окажутся колонистами из Волыни или наоборот, фракийские Друговиты колонистами полоцких Дреговичей; Поляки пойдут от киевских Полян, или Киев (Куяба у Арабов) от польских Куявов, и т. п.; об Англах и Турингах мы уже говорили. А главное, надобно прежде объяснить самое слово Руотси. Это слово нисколько не указывает на тождество Шведов с нашею Русью. Филологически никем не доказано, чтобы слова Руотси и Рось были тождество, а не созвучие¹.

Что касается до предполагаемой связи шведской провинции Рослагена или Родслагена и общества Rodhsin (гребцов)

с нашей Русью, от нее добросовестно отказались уже сами представители норманистов (после монографии г. Гедеонова).

Епископ кремонский Лиутпранд был два раза послом в Константинополе, во второй половине X века и упоминает о Руссах два раза. В одном случае он говорит: "На севере от Константинополя живут Угры, Печенеги, Хазары, Руссы, которых мы иначе называем Нордманами, и Булгары, ближайшие соседи". В другом месте он вспоминает рассказ своего отчима о нападении Игоревой Руси на Константинополь и прибавляет: "Это есть северный народ, который Греки по наружному качеству называют Руссами, а мы по положению их страны Нордманами". Тут весь вопрос заключается в том: разумел ли Лиутпранд под именем Норманнов только скандинавские народы, или он дает этому имени более обширный смысл, то есть относит сюда вообще народы северные? Примеры последнего встречаются и у других средневековых летописцев, и мы нисколько не колеблемся истолковать именно в этом смысле слова Лиутпранда. Если же принять слово Норманны в смысле Скандинавов, то что же выходит? Оказывается, что Руссы, поселившиеся на Днепре, все еще продолжают называться Норманнами или Скандинавами, хотя уже прошло сто лет со времени их предполагаемого выхода из Скандинавии (Лиутпранд выражается тут прямо о своем времени: *nos vero vocatus*). Если же Лиутпранд подразумевал собственно скандинавское происхождение Руси, то кто ему мешал прямо указать на него, а не выражаться неопределенными терминами? Но дело в том, что он говорит только о положении страны. Он прямо помещает Руссов в соседство Угров, Печенегов, Хазар и Булгар, что совершенно соответствует положению приднепровской Руси и было бы весьма несогласно с понятием о Скандинавии².

Мы видели, что арабские известия второй половины IX века говорят о Руссах как о сильном, многочисленном наро-

де, пределы которого на юго-востоке теряются где-то в странах приволжских и прикаспийских. Если обратимся на юго-запад, и здесь его пределы не только простираются до Карпат, но и переходят за них. Галицкая или Червонная Русь, по летописи, только при Владимире Святом примкнула к общему составу Руси. Вскоре она переходит в руки Поляков. Впоследствии опять возвращается к русским князьям; а в XIV веке снова и надолго отходит к Польше, и от нее уже не возвращается к России, а поступает во владение Габсбургов. Невольно представляется вопрос: когда же название Русь, Русин успело так глубоко вкорениться в Галиции, если бы было принесено горстью выходцев из Скандинавии? Галицкий народ постоянно и до сих пор отличает себя названием Русского от других Славян. При польском владычестве из всех русских областей, соединенных с Литвой и Польшей, Галицкое воеводство носит название Русского по преимуществу. Галиция все-таки хоть сравнительно недолго принадлежала дому Игоревичей. Но что такое Русь Закарпатская или Угорская? Когда она поселилась там, положительных сведений о том нет. Венгерские летописцы говорят, что она пришла в Паннонию еще вместе с Венграми. А норманисты утверждают, что летописцы лгут и что это должно быть русские беглецы времен татарского нашествия, то есть относят начало Угорской Руси к XIII веку. Действительно, венгерские летописцы не отличаются правдивостью; однако они нередко говорят и правду. Возможно, что Русское племя обитало в Карпатах и под Карпатами еще прежде Угров, то есть оно было там старожилами. Вся Карпатская Русь есть живой протест против норманистов, и потому они вооружаются на нее всеми силами. Так, они возражают, что по нашей летописи Карпатская область была населена племенем Хорватов, и, следовательно, летописцы наши отличали ее от Руси; что Хорваты по большей части поселились в Иллирию, и остатки их потом подчинены Русскими при князьях Рюрикова дома. Против этого мы напомним

ним то, что говорили о разных объемах, которые принимало название Русь. И Кривичей, и Волынян летописцы отличают от Руси-Полян, однако это не мешало им сознавать себя русским народом. Название Рось или Русь было одним из любимых и наиболее распространенных славянских названий, и потому нет ничего удивительного, что оно в Северной Венгрии древнее пришествия Угров. То же название, только в другой форме, распространялось и на значительную часть Паннонии; мы говорим о Ругни, у Немцев *Rugiland*. Ругая - это, по всей вероятности, одно из многих видоизменений слова Русь или Русия. Так, в латинских летописях мы находим название нашей Ольги *regina Rugorum* (что не мешало носить имя Ругов и некоторой части Немцев; опять напомним Англов и Угличей, а также славянских Руян или Ругиан на Балтийском море). Итак, Угорскую и Карпатскую Русь весьма трудно связать со скандинавскими выходцами. Она могла когда-то называться и Хор ватами, что не мешало ей быть в то же время Русью в обширном смысле, подобно нашим Кривичам. И имя это едва ли означает горцев, то есть не происходит от слова грб - горб или хрб - хребет. Подобные объяснения суть только попытки осмыслить названия, смысл которых давно затерялся. Примеров неудачного осмысливания очень много. Так, название Немцы до сих пор производят от немой. Но возможное ли дело, чтобы Славяне назвали своих исконных соседей и когда-то соплеменников для себя непонятными, то есть немymi? Название Немцы очень древнее и напоминает германских Неметов у Тацита (на что уже указывали некоторые ученые и прежде, но тщетно). Славянское "Немцы" представляет аналогию с французским "*allemands*": имя одного народа перенесено на целое племя. (Название реки Немана м. б. того же корня).

Норманисты изошрялись доказать, что и название Русин в Угрии означает собственно не человека русского племени, а человека русской веры. В подтверждение этого мнения

приводился разговор вроде следующего: "Кто ты такой?" - "Русин (или Руснак)" - "Какой ты веры?" - "Русской" - "А в какой земле ты живешь?" - "В Угорщине". Отсюда делался прямой вывод: сам народ считает свою землю Угорскою, а не Русскою, следовательно, он пришел сюда после Угров, а Русином называет себя в смысле унита или православного. Но в таком случае, например, прусские Поляки, отвечающие, что они живут в Пруссии или в Немечине, или некоторые Западно-руссы, говорившие, что они живут в Польше и т. п., все это будут не исконные обитатели края, а колонисты?

Норманнская школа обыкновенно представляла Варягов, приходивших из Скандинавии, свободно разгуливающими на своих лодках по главным речным путям России вдоль и поперек ее то в качестве торговцев, то в качестве пиратов. До сих пор почти никто не обращал серьезного внимания на это представление. Разве Россия была необитаемая пустыня или обитаема только слабыми племенами дикарей? На западе мы видим, что Норманны иногда устьями рек врывались внутрь страны. Но эти походы нельзя и сравнивать с таким продолжительным и многотрудным путем, каков был так называемый греческий путь из Балтийского моря по Волхову, Ловати и Днепру в Черное. На этом пути мы видим по тому времени довольно густое население и укрепленные города. Если Варяги и плавали по нем, то не иначе как при мирных, дружественных отношениях с туземными державцами и общинами. На походы Скандинавов в Константинополь большими массами нет решительно никаких указаний. Да подобные походы едва ли были возможны даже помимо помехи со стороны населения: кроме громадного протяжения пути они должны были встречать препятствия естественные. Между Днепром и Ловатью лежит поперечный бассейн Западной Двины; следовательно, надобно было перейти два волока. Притом гораздо короче был другой путь из Варяг в Греки, по Западной Двине; а Волхов и Нева предс-

тавляли длинный крюк. Мы сомневаемся, чтобы лодки, поднимавшиеся из Балтийского моря по Двине или Волхову, действительно перетаскивались потом волоком до Днепра. Гораздо естественнее предположить, что торговцы должны были везти свои товары по этим волокам на телегах или, что вероятнее, зимой на санях, и достигши Днепра, пересаживались в лодки, которые они нанимали или покупали у туземцев. С нашим предположением вполне согласуется известие Константина Багрянородного о плавании русских караванов в Черное море: обитатели приднепровских областей в течение зимы рубили лодки-однодеревки; весной, во время разлития вод, сплавляли их в Днепр к Киеву; здесь торговцы покупали эти лодки, оснащивали их и снаряжали караваны. Из Константина Багрянородного мы знаем, с какими усилиями эти караваны проходили сквозь Днепровские пороги; но замечательно, что об их обратном плавании мы ничего не знаем. Рождается вопрос: каким образом они проходили против течения? Замечательно, что скандинавские саги, столь много рассказывающие о народах Норманнов, совершенно молчат об их плавании по Днепру и его порогам. Точно так же молчат о том и западные летописцы. Адам Бременский замечает, что путь из Швеции в Византию по Русской земле был мало посещаем, по причине варварских народов, и что ему предпочитали плавание по Средиземному морю. Мы знаем, что Варяги или Норманны приходили в Киев, но приходили в качестве гостей или наемных дружинников. Есть примеры их путешествия из Киева в Константинополь, но только с позволения киевского князя. Известно, что Владимир Святой, утвердись в Киеве, сам отправил часть излишней варяжской дружины в Византию, и конечно, на русских же лодках. Замечательно, что это был первый случай отправления Варягов в Грецию из Руси; о более раннем не говорят никакие источники. О том, чтобы Варяги могли пробиваться силой сквозь всю Русскую землю, не может быть и речи. Сами Руссы, по замечанию

Константина Багрянородного, могли предпринимать плавание в Черное море только в то время, когда были в мире с Печенегами³.

Оба известия о великом водном пути, Константина Багрянородного и нашей летописи, относятся к той эпохе, когда Северная и Южная Русь объединились под владычеством одного княжеского рода, и следовательно, плавание судов под покровительством князей могло довольно свободно совершаться от Ладожского озера до нижнего течения Днепра. Кратчайший путь из Балтийского моря в Черное по Западной Двине стоял на втором плане вследствие того значения, которое приобрел Новгород как торговый и отчасти политический центр.

Итак, повторяем, великий водный или Греческий путь сделался довольно торною дорогой собственно со времени русских князей и в связи с их господством, а не прежде их водворения вдоль всей этой полосы. Почти то же мы должны сказать о связях между Русью и Варягами-Норманнами. (Под этим именем разумеем обитателей Скандинавии, Датских островов и южного Балтийского поморья.) Многие факты из X и XI веков убеждают нас, что связи эти действительно существовали. Мы видим наемные варяжские дружины в войсках русских князей и даже варяжский гарнизон в Новгороде. Видим иногда, брачные и вообще родственные отношения Игоревцев с норманнскими конунгами. При дворе русских князей встречаются норманнские принцы и знатные люди; варяжские купцы или гости были нередки, особенно в Новгороде; в случаях нужды русские князья посылают нанимать Варягов, а иногда сами ищут убежища у их конунгов. Одним словом, мы видим иногда довольно деятельные сношения. Но что же из этого? Следует ли отсюда, будто Руссы пришли из Скандинавии? Нисколько. Подобные связи и сношения мы находим и с другими народами, как то: с Греками, Поляками, Немцами, Половцами и т. д. Замечательно, что скандинавские саги в общих чертах по

поводу отношения Норманнов и Руси сходятся с нашими летописями, за исключением басни о призвании Варягов, которая самим Скандинавам была неизвестна, так же как и другим средневековым источникам. Новые скандинавские историки тем не менее повторяют эту басню, но повторяют ее с нашего же голоса. Скандинавские саги не только не подтверждают басни о призвании или о завоевании Руси Норманнами; напротив, они еще яснее, чем наши летописи, характеризуют ту роль, которую играли на Руси Норманны в качестве наемных дружин: хорошее вознаграждение, вот что более всего тянуло к нам этих северных кондотьеров, и они торгуются с нашими князьями не хуже всяких других наемников. По всему видно, что великокняжеский Киевский двор привлекал их своим богатством и блеском, каких им не приходилось видеть у себя на родине. Не из бедной, полудикой Скандинавии проникали тогда в Россию семена цивилизации, а разве наоборот, из Руси в Скандинавию. Южно-русские славяне со времен глубокой древности находились в сношениях с греческими припонтийскими колониями, и от них, конечно, получили начатки своей гражданственности. В этом отношении они не были менее счастливы, чем Германцы, жившие на границах Римского мира. Цветущее состояние русской гражданственности, открывающееся перед нами в XI и XII веках, не могло получить начало только со второй половины IX века, то есть со времени мнимого призвания Варягов. Нет, такому цветущему состоянию предшествовал бесспорно долгий период постепенного развития⁴. Только убедившись в этой истине, мы оценим все значение варварского татарского ига в России: прошло четыре века со времени нашего освобождения, а наша гражданственность все еще значительно позади, тогда как в XII веке она немногим чем уступала немецкой и была едва ли не выше польской.

В русских летописях и в скандинавских сагах нашлось несколько сходных преданий. Например, о смерти Олега от

своего коня, о взятии Коростена Ольгой при помощи воробьев и голубей, и пр. И вот еще доказательство скандинавского происхождения! Интересно при этом незамеченное норманистами обстоятельство, что русские саги по-видимому древнее исландских! Исландский рассказ о том, как Гаральд Смелый взял в Сицилии один город с помощью птиц, относит событие к половине XI века, а русская сага об Ольге и Коростене говорит о половине X века. Кто же у кого заимствовал предание? Вопрос еще более усложняется, если обратить внимание на восточные сказания, по которым войско Чингисхана таким же способом взяло один неприятельский город. Сходные мифические мотивы можно встречать и постоянно встречаются не только у родственных народов, но также у народов весьма отдаленных друг от друга. Между тем у нас есть целые ученые трактаты, толкующие о заимствовании русскими песен, сказок и пр. то с востока, то с запада. Остается только предположить, что и весь Русский народ откуда-нибудь заимствован! Народ, который своею многочисленностью и своеобразным характером издавна поражал иноземцев. В половине XII века Матвей, епископ Краковский, выражается таким образом: "Русь это как бы особый мир; этот Русский народ своим бесчисленным множеством подобен звездам небесным". (См. Белевского- Monumenta. II. 115 и 16 стр.)

1 Названия отдельных предметов могут иногда вводить в такое же заблуждение, как и названия народов. Например: чего проще, как Корсунские врата Новгородской Софии производить из города Корсуна? К названию присоединялись и другие обстоятельства: завоевание Корсуна Владимиром Святым и вывоз оттуда Русскими некоторых художественных произведений. Действительно, и в древней, и в новой России эти врата производили из Корсуна, пока точные исследования Аделунга не убедили в том, что они не греческой, а западной или латинской работы.

2 Сведения свои о Руссах Лиутпранд почерпнул у Византийцев, и его название их Нордманами есть просто перевод византийского понятия о Руси как о народе северном и даже надсеверном или "гиперборейском". Напр., Никита Хониат выражается о Руси так: "которых называют и Скифами гиперборейскими" (168. Бон. изд.). Позд. прим.

3 Варяги на собственных кораблях ходили не далее Ладуги, т. е. нижнего Волхова. На это указывает целый ряд фактов. Кроме торговых договоров Новгорода с Готландом о том свидетельствуют нападения Шведов в 1164 и в 1317 годах. (См. Новгород, летописи.) Поздн. прим.

4 Уже покойный Артемьев в своей диссертации: "Имели ли влияние Варяги на Славян?" (Казань. 1845) основательно доказал несправедливость Байеро-Шлецеровской школы, полагавшей, что Варяги принесли цивилизацию в Россию; тогда как они сами были менее образованны, чем Киевская Русь. Позд. прим.

V

Новгородский оттенок легенды о призвании князей

Откуда взялась легенда о призвании князей и о призвании именно из Скандинавии?

Известно, что средневековые летописи любили приписывать своим народам какое-нибудь отдаленное происхождение и притом льстящее народному самолюбию. Например, Франки выводили себя от Энеевых Троян, Бургунды от Римлян и т. п. Но самым обычным приемом было выводить народы из Скандинавии. Так Иорнанд производил Готов из Скандинавии и назвал эту страну *vagina gentium*. Павел Диякон производит оттуда же Лангобардов. Видукинд сообщает мнение, которое оттуда же выводит и Саксов. К Готским народам некоторые летописцы причисляют Вандалов, Геру-

лов, Скиров, Ругиев, Бургундов и Алан (см. Мет. Рор. Стриттера. Т. I). Если принять Скандинавское происхождение Готов, то выходит, что и эти все народы ведут свое начало из Скандинавии. Очевидно, происхождение из далекого полумифического острова Скандии приобрело особый почет, сделалось признаком какого-то благородства. Если принять в соображение, что сами Скандинавы выводили своих предков с берегов Танаиса, то получим следующую несообразность. Готский народ успел из Южной России переселиться в Скандинавию, там размножиться, оттуда вернуться в Южную Россию и здесь уже с III века явиться господствующим народом. А между тем сама Скандинавия, эта воображаемая *vagina gentium*, извергавшая из своих пределов целые народные потоки, без сомнения, в первые века нашей эры была пустынной страной, изредка обитаемою Финнами и Лопарями, по берегам которой еще только зарождались германские колонии, приходившие с южного Балтийского поморья.

Этот столь распространенный обычай выводить своих предков из Скандинавии, по всей вероятности, отразился и в нашем летописном предании о выходе оттуда Варяжской Руси. Но, как мы видели, все убеждает нас в том, что отечество Руси было не на севере, а на юге; что владычество свое она распространяла не с севера на юг, а наоборот, с юга на север, и что Русь и Варяги два различные народа: первые жили на юге, вторые на севере. Сама летопись наша Черное море называет Русским, а Балтийское Варяжским; эти названия весьма наглядно указывают на географическое положение Варягов и Руси, и нет никакого моря, которое бы называлось Варяго-Русским. Арабы тоже Черное море называют Русским; о Балтийском море они хотя имели темное представление, но все-таки связывали с ним название Варанк. Далее, русская летопись смешивает Русь с Варягами собственно в легенде о призвании князей; но почти во всех других случаях она различает Русь от Варягов и говорит о

них как о разных народах. Русскою землею в летописи называется по преимуществу юг, а не север России; в XII веке князья под именем Руси разумеют обыкновенно Киевскую землю. Из всех славянских племен Русь приводится в наиболее тесные отношения с Полянами. Напомним опять выражение летописи: "Поляне яже ныне зовомая Русь". Замечательно, что матерью русских городов назван Киев, а не Новгород¹.

Начало Русской истории приурочивает к Новгороду одна только легенда о призвании князей. "Се повести временных лет, откуда есть пошла Русская земля, кто в Киеве нача першее княжити" - вот какими словами начинается наша летопись. Тут говорится о Киеве, а не о Новгороде. Положительные хронологические данные также относят начало нашей истории к Киеву. Первый достоверный факт, внесенный в нашу летопись со слов византийцев, это нападение Руси на Константинополь в 864 - 5 гг., в царствование императора Михаила. Вот слова нашей летописи: "Наченшю Михаилу царствовати, начася прозываться Руска земля". Норманнская теория придала им тот смысл, будто именно с этого времени наше отечество стало называться Русью. Но внутренний, действительный смысл, согласный с положительными событиями, тот, что в царствование Михаила имя Руси впервые делается известным, собственно впервые обращает на себя внимание, вследствие нападения Руссов на Константинополь. Может быть, наш летописец или его списатель и сам думал, что с тех пор Русь стала называться Русью. Заблуждение весьма естественное, и невозможно прилагать требования нашего времени к русским грамотным людям той эпохи, то есть ожидать от них эрудиции и критики своих источников. Например, могли ли они, читая византийцев, под именами Скифов, Сарматов и т. п. узнавать свою Русь?

"Тем же отселе почнем и числа положим" - продолжает летопись. Это отселе, по отношению к Русской истории,

оказывается первый год Михайлова царствования, который летопись полагает в 852 г. "А от первого лета Михайлова до первого лета Олгова, Русскаго князя, лет 29; а от первого лета Олгова, понеже седе в Киеве, до первого лета Игорева лет 31; а от первого лета Игорева до первого лета Святославля лет 33" и т. д. В этом хронологическом перечне начало Руси ведется не от призвания Варягов, а от той эпохи, когда Русь ясно, положительно отмечена византийскими историками. Затем хронист прямо переходит к Олегу. Где же Рюрик? И почему такое по-видимому замечательное лицо, родоначальник Русских князей, не получил места в означенной хронологии? Мы в этом случае допускаем только одно объяснение, а именно: легенда о Рюрике и вообще о призвании князей занесена в летописный свод, чтобы дать какое-нибудь начало русской истории, и занесена первоначально без года; а впоследствии искусственно приурочена к 862 году².

В настоящее время, после нескольких прекрасных трудов по вопросу о нашей летописи (Погодина, Сухомлинова, Срезневского, кн. Оболенского, Бестужева-Рюмина и др.) нет сомнения, что так называемая Нестерова летопись в том виде, в каком она дошла до нас, есть собственно летописный свод, который нарастал постепенно и подвергался разным редакциям. С писатели, как оказывается, не всегда довольствовались буквальным воспроизведением оригинала; но часто прилагали и свою долю авторства; одно сокращали, другое распространяли; подновляли язык; вставляли от себя рассуждения, толкования и даже целые эпизоды. Не надобно при этом упускать из виду также и простые ошибки, описки, недоразумения (особенно при чтении подтительных слов) и пр. Известные слова мниха Лаврентия: "оже ся где буду описал, или переписал, или не дописал, чтите исправливая Бога дея, а не кляните" - эти слова характеристичны. Мы думаем, что и мних Лаврентий, хотя называет себя писателем, однако едва ли это слово можно

приложить к нему в буквальном смысле. Вот отчего явилось такое разнообразие списков, что нельзя найти двух экземпляров совершенно сходных между собой.

Летописный свод дошел до нас в списках, которые не восходят ранее второй половины XIV в.; от Киевского периода не сохранилось рукописи ни одного летописного сборника. Своды, дошедшие до нас и заключающие начало нашей истории, принадлежат собственно Руси Северной, т. е. Новгородско-Суздальской, а не Южной, и притом относятся к тому времени, когда летописная деятельность в Киеве уже прекратилась. Восстановить по ним начальную редакцию почти так же трудно, как по былинам Владимирова цикла восстановить картину Киевской Руси и придворнокняжеского или дружинного быта времен исторического Владимира; ибо эти былины точно так же дошли до нас при посредстве северной обработки и северной передачи; они окрасились в цвет, который имеет мало общего с древнею Киевскою Русью. В них более отражается единоедержавная Московская Русь. Попытки некоторых исследователей отделить разнообразные слои в нашем летописном своде начались сравнительно недавно, и, несмотря на некоторые прекрасные результаты, остается еще обширное поле для деятелей; многие подробности еще ускользают от разъяснения. Некоторые имена вкладчиков в летописный свод и описателей уцелели случайно; а остальные потеряны навсегда.

Относительно порчи и перемен, которым подверглись наши начальные летописи, они представляют аналогию с богослужебными книгами. Известно, какие ошибки и вставки были в них открыты, когда началось их исправление, и к каким важным последствиям они повели. А между тем богослужебные книги как предмет священный переписывались с большим тщанием и большею осторожностью, чем летописи; поэтому можно себе представить, как велика была порча последних; ибо для писателей и составителей сводов не было такой же сдержки. А когда началась ученая разработка

Русской истории, те рассказы, которые говорят о временах гораздо более древних, чем самые летописи, относились обыкновенно к народным преданиям. Мы нисколько не отвергаем преданий как одного из источников истории; но дело в том, что этим источником надобно пользоваться с величайшею осторожностью, и пока предание не выдержит строгой проверки по другим более достоверным источникам, его никак нельзя возводить в исторический факт. Это во-первых; а во-вторых, еще вопрос: то, что мы иногда считаем народным преданием, действительно ли таковым может назваться? Можно немало найти примеров тому, как мнимо народные предания составились путем собственно книжным. Некоторые домыслы грамотеев, удачно пущенные в массу, впоследствии как бы принимают оттенок народных преданий, особенно если в них отражался какой-нибудь общий мотив, какое-либо повторявшееся явление, другими словами, если они попадали в соответственную среду. Для аналогии с этим явлением укажем на отношения многих апокрифических сказаний к Библии.

Столь прославленная легенда о призвании князей дошла до нас не в первоначальном своем виде. По всей вероятности, она была преобразована тем лицом, который приложил некоторые старания к обработке Киевского свода, то есть придал ему некоторую систему. Хотя это сказание по возможности проводится и далее, то есть как бы согласуется с дальнейшими фактами; но по наивности и простоте литературных приемов летописцы не могли избежать противоречий как в этом случае, так и во многих других³.

Известно, что история каждого народа начинается мифами. Не будем говорить о народах древнего мира; напомним более близкие к нам примеры: сказания о Пшемысле у Чехов, о Кroke и Лешках у Поляков и пр. Откуда главным образом берутся эти сказания? Из простой, естественной потребности объяснить свое начало, т. е. начало своего народа и особенно своей государственной жизни.

Наша легенда о призвании князей из-за моря имеет все признаки сказочного свойства. Во-первых, три брата. Известно, что это число служит любимым сказочным мотивом не только у Славян, но и у других народов. Еще у древних Скифов, по известию Геродота, существовал миф об их происхождении от царя Таргитая и его трех сыновей: Арпаксая, Лейпаксая и Колаксая. В средние века встречаем у Славян миф о происхождении трех главных славянских народов от трех братьев: Леха, Чеха и Руса. В нашей летописи, в параллель с Рюриком, Синеусом и Трувором на севере, являются три брата на юге: Кий, Щек и Хорив. Наша легенда о призвании трех Варягов для водворения порядка сходна с ирландским преданием о призвании трех братьев с востока (Амелав, Ситарак и Ивор) для заведения торговли. Что легенда о трех Варягах установилась не вдруг и подвергалась так-же вариантам и украшениям, доказывают ее позднейшие редакции с прибавлением Гостомысла, колебание, по разным спискам, между Ладогой и Новгородом, и пр. Самая неопределенность выражения: призвали из "за моря" есть также обычная черта подобных мифов, почти то же, что наше сказочное: "из-за тридевять земель". Если бы это был исторический факт, то могло бы сохраниться в памяти народной более определенное указание на местность, из которой призвали князей. Впрочем, напрасно Байер считается родоначальником Норманнской теории; эта теория в общих чертах уже существовала в древней России, т. е. под морем тут преимущественно разумелось море Варяжское или Балтийское, Так, в 1611 году из Новгорода отправлены были послы к шведскому королю Карлу IX просить в государи его сына; для чего приводилось следующее основание: "А прежние государи наши и корень их царский от их же Варяжского княжения, от Рюрика и до великого государя Федора Ивановича был". Однако и в древней России мнение о призвании князей из Скандинавии далеко не было исключительным. Напомним известные слова Степенной книги о том, что Рю-

рик с братьями пришли из Прусской земли и что они были потомки Пруса, брата Октавия Августа. Воскресенская летопись также выводит их из Прусской земли.

Польский историк Длугош, писавший во второй половине XV века, но имевший под руками более древних русских летописцев, в своих известиях о Руси распространяется о Кие, Щеке и Хориве, и только мимоходом упоминает о выборе трех братьев Варягов некоторыми русскими племенами. Он выражается о пришествии князей вообще "из Варяг"; но не говорит, будто Русь была Варяги и пришла с князьями; напротив, он говорит о Руси, как о народе туземном и стародавнем в России; приводит мнение о его происхождении от мифического Руса; но прибавляет, что мнения писателей об этом предмете очень разнообразны и что это разнообразие "более затемняет, чем выясняет истину". Стрыйковский также ничего не знает о пришествии Руси из Скандинавии; он ведет Русь от Роксалан или Роксан; а о Варягах замечает, что мнения об их отечестве различны и что русские хроники не дают на этот счет никакого объяснения. Все это показывает, какая путаница была в наших летописях по вопросу о начале Руси, прежде нежели возобладало представление о пришествии небывалого народа Варяго-Руссов из-за моря.

Сказание о новгородском посольстве к варяжским князьям находится в непосредственной внутренней связи с одним из последующих эпизодов, именно с посольством Новгородцев к Святославу, у которого они просили себе князя. К своей просьбе, как известно, они присоединили угрозу: "Если из вас никто не пойдет к нам, то мы найдем себе князя (в другом месте)". Можно ли принимать на веру подобный рассказ, который противоречит зависимому отношению Новгорода к великому князю Киевскому? А что Новгород находился тогда в зависимости от Киевского князя, в этом убеждают все положительные факты. Константин Багрянородный замечает, что сам Святослав при жизни отца был князем Новгородским; он упоминает Новгород в числе

других городов, зависимых от Киева, и нисколько не указывает на его самостоятельное положение. В Новгороде киевские князья в течение всего X века содержали варяжский гарнизон, и это может только намекать на не совсем покорные отношения к ним со стороны Новгородцев. Гораздо естественнее предположить, что упомянутый рассказ о посольстве к Святославу сложился в позднейшую эпоху: он скорее выражает характер отношений Новгорода к великим князьям в то время, когда Новгородцы уже добились некоторой самостоятельности, кичились своим вечевым бытом и действительно призывали к себе то того, то другого князя.

Отсюда мы позволяем себе предположить, что и самая легенда о посольстве славянских (т. е. новгородских) послов за море и о призвании варяжских князей, эта легенда, выводящая начало Русского государства из Новгорода - имеет отпечаток Новгородский. Вероятно, настоящий свой вид она получила не ранее второй половины XII или первой XIII века, когда Новгород достигает значительного развития своих сил. Это было время живых, деятельных сношений с Готландом (с городом Висби), германскими и скандинавскими побережьями Балтийского моря. А с XIII века по преимуществу сюда устремлено было внимание Северной Руси, и только с этой стороны свободно достигал до нас свет европейской цивилизации; между тем Южная Русь была разорена и подавлена тучею азиатских варваров. Уже с появлением Половцев, то есть со второй половины XI века Русские постепенно были оттесняемы от побережий Черного моря и торговые сношения с Византией все более и более затруднялись. А когда нагрянула Татарская орда, эти сношения прекратились. Нить преданий о связи Руси с Черным морем порвалась; между прочим заглохли и самые воспоминания о Русских походах на Каспийское море, и мы ничего не знали бы о них, если бы не известия Арабов. Предание о трех братьях Кие, Щеке и Хориве есть не что иное, как та же попытка ответить на вопрос: откуда пошло Русское государст-

во? Эта попытка, конечно, южнорусского киевского происхождения. Киевское предание не знает пришлых князей; оно говорит только о своих туземных, и связывает их память с Византией и с Болгарами Дунайскими. Это предание оттеснили на задний план и не дали ему ходу сводчики летописей и писатели, которые на передний план выдвинули легенду о призвании Варяжских князей. А призвание князей в их время было обычным делом в Великом Новгороде, и этот мотив легко мог окрасить его предания. Замечательно, что и впоследствии, в начале XVII века, как мы видели, на призвание князей ссылаются именно Новгородцы.

Мы упомянули о наемном варяжском гарнизоне в Новгороде. Начало этого гарнизона можно отнести к концу IX или к началу X века. По словам нашей летописи, Олег установил, чтобы Новгород давал дань Варягам по 300 гривен в год мира деля; что действительно они и получали до смерти Ярослава. Это известие, конечно, не легенда и принадлежит к отделу наиболее достоверных источников летописного свода. Его можно понимать только в том смысле, что Новгородцы платили по 300 гривен на содержание у себя варяжского гарнизона. Тем не менее выражения "дань даяти" и "мира деля" могли быть перетолкованы в смысле какойто зависимости от Варягов и повлияли на составление басни о когда-то платимой Варягам дани, об их изгнании, потом об их призвании и пр. К этому недоразумению могли примешаться воспоминания о действительных нападениях Варягов на новгородские пределы и о действительных посылках к Варягам для найма войска⁴.

Если мы обратимся ко всем уцелевшим памятникам русской словесности дотатарского периода, то нас поразит следующее явление. Нигде в этих памятниках нет почти никакого намека на призвание варяжских князей. А между тем поводы к тому были нередки. Возьмем хоть столь известное Слово о Полку Игореве. Оно не раз вспоминает о старых временах и о старых русских князьях, даже о веках Траяна;

но о варяжских князьях нет и помину. Некоторые обстоятельства автору Слова известны были лучше, чем летописцам; у него есть имена князей, каких нет и в летописях. Вообще отношения Руси к югу у него рисуются яснее и обстоятельнее, чем у летописцев. Так, Тмутракан является у последних только мимоходом и исчезает в тумане; конечно, вследствие того, что летописный свод составлен тогда, когда связи с югом были уже почти порваны. Но Слово о Полку Игореве, хотя относится к концу XII века, однако в нем живо еще представление о Тмутракани как о части Русской земли, но отрезанной от нее Половецкою ордою. И не только о Тмутракани, поэт говорит и о готских девах, которые на берегу Синего моря поют песни, звеня русским золотом. Тут, конечно, идет речь о Готском или южном берегу Крыма; о чем нет и помину в наших летописях. Самый поход Игоря и Всеволода, как видно из Слова, был предпринят с целью: "поискати града Тьмутороканя". Возьмем еще, для примера, сочинение митрополита Илариона: "Похвала кагану нашему Владимиру". Здесь представлялся удобный случай упомянуть о предках этого князя, и действительно, Иларион называет его сыном Святослава и внуком "старого" Игоря; говорит, что их победы и храбрость вспоминаются донныне; но далее Игоря он нейдет. Слово Даниила Заточника и Сказание о Борисе и Глебе также приводят имена Святослава и Игоря. Замечательно это как бы систематическое умолчание о призвании Рюрика и необычайных завоеваниях Олега во всех тех памятниках, которые, несомненно, древнее летописного свода. Могло ли это все быть случайно? Замечательно, что и летописные источники, относящиеся несомненно к эпохе дотатарской, в этом случае совпадают с остальными памятниками той же эпохи. Приведенный нами выше хронологический перечень останавливается на смерти Святополка; отсюда мы можем заключить, что он написан при Владимире Мономахе, т.е. в первой половине XII века; известно, что Рюрика здесь нет.

До какой степени в летописном своде отразилось неведение южных событий и южных отношений, это видно на Болгарах. Как известно, мы приписываем, и совершенно основательно, Болгарам весьма видную роль в истории нашей письменности и нашего христианства. Напомним договоры Олега и Игоря, которые, по мнению норманистов, дошли до нас в болгарском переводе.

Между Русью и Болгарами, очевидно, были деятельные сношения. А между тем летописи наши чрезвычайно мало говорят о связях с Болгарами; они знают о них почти не более того, сколько могли почерпнуть в известиях византийских. Иногда они как бы смешивают Дунайских Болгар с Камскими. Точно так же летопись не дает ответа на вопрос о наших отношениях к Корсуню, который при Владимире св. как бы вдруг получает для нас такое великое значение. В непосредственную связь с этими отношениями к Корсуню мы должны поставить исконное существование Руси Приазовской, той Руси, которая в нашей летописи потом внезапно, почти без всяких предварительных указаний, является в виде особого Тмутраканского княжества.

1 Обращаем внимание читателя на эту грамматическую неверность: Киев мать, а не отец-город (на что указал и г. Бессонов в примечаниях к его изданию Белорусских песен). Народ не мог выразиться таким образом: он говорит "матушка Москва", "батюшка Питер", а не наоборот. Очевидно, это название не народное, а книжное, заимствованное от Греков: то есть буквальный перевод слова. Византийские писатели прямо называют этим именем Киев. Напр., у Киннама (236 стр. Боннского издания).

Что под именем Руси разумелась в древний период преимущественно Киевская земля даже и у других южнорусских Славян, весьма наглядный пример представляют известные слова Владимира Галицкого о киевском боярине Петре: "Поеха муж Русский обьимав вся волости".

2 Начальную хронологию Нестора сами норманисты находят ошибочною; а именно на это указывал прежде Круг, и в наше время г. Куника.

3 Для примера укажем на происхождение Переяславля, который будто основан на месте известного единоборства при Владимире св. Это не более как неудачная попытка осмыслить название города, вроде мифа о Кие, основателе Киева. Составитель свода не обратил внимания на то, что город Переяславль уже упомянут им в договоре Олега с Греками. Это несообразность, бросающаяся в глаза; но другие несообразности, менее яркие, еще легче ускользали от наших старинных книжников. Например, могли ли они заметить следующую тонкость? В сказании о призвании князей говорится, что от этих князей Новгородцы стали называться Русская земля; а между тем и в дальнейших известиях ясно, что именно Новгородцы-то и не называли себя Русью, а называли так обитателей Приднепровья.

4 Новгород, как известно, находился в подчиненных отношениях к Киеву, но издавна стремился к самостоятельности. Не лишено значения и то обстоятельство, что в дотатарскую эпоху Новгородец не следовал примеру других подчиненных Руси племен и не старался усвоить себе имя Русина: но продолжал именовать себя Словенином. Новгород когда-то мог питать к Киевскому господству чувства, если не те же, то подобные тем, которые он питал впоследствии к Московскому.

VI

Русь азовско-черноморская. Параллельные легенды о призвании других народов

Тмутраканское княжество упоминается тогда, когда оно получило князей из дома Рюриковичей, то есть вошло в сос-

тав общей, объединенной Руси. Но ничто не доказывает, чтобы это была собственно колония Днепровских Руссов, и тем менее Руссов Скандинавских. Иначе мы не уясним себе многого в нашей начальной истории, и в особенности не поймем арабских известий.

Существование Азовской или Таманской Руси объясняет нам упоминаемые Арабами походы Руссов на Волгу и в Каспийское море в 913 и 944 гг. походы, наделавшие много шума на Востоке, но о которых русская летопись ровно ничего не знает. Эти походы естественнее всего приписать Руси Тмутраканской, а не Киевской (а тем менее Скандинавской). Укажу еще на известие Истахри, повторенное у Ибн-Хаукала, о том, что Русь состоит из трех племен: первое, царь которого живет в городе Куяба; второе, называемое Славия, и третье Артания, царь которого живет в городе Арте. Куяба или Кутаба это, конечно, Киев; под именем Славии с достоверностью разумеют Новгородскую землю; но Артания ставит толкователей в большое затруднение. Некоторые ориенталисты пытались выпутаться из него с помощью мордовского племени Эрза или Эрзяне и город Арта оказывался не что иное, как Арзамас (Френ). Другие пытались из Артании сделать Биарманию или Биармию (Рено). А между тем арабские географы постоянно помещают Руссов между Хазарией и Румом (Византией); чему совершенно не соответствует северная полоса России. В данном случае Истахри прямо говорит, что Арта находится между Хазаром и Дунайским Болгаром. Мы думаем, что нет нужды отыскивать особое русское племя в глубине мордовских лесов или на далеком севере, и предлагаем третью догадку, а именно: Арта и Артания суть греческая Таматарха, русский Тмутаракан. Это место арабских источников будет для нас тем замечательнее, что тут ясно разделяется Русь Киевская от Руси Черноморской и Северной, тогда как во многих других случаях у Арабов Русь Днепровская и Черноморская очевидно смешиваются и тем затрудняется понимание текста.

Точно так же у них смешиваются иногда в одну две Болгарии, Волжская и Дунайская; отчего так же происходит немалая путаница. Тмутракань объяснит нам и упоминаемый Арабами какой-то остров, обитаемый Русью, окруженный озером, покрытый лесами и болотами, нездоровый и сырой (Ибн-Даста и Мукадеси). Много было догадок насчет этого непонятного острова: его толковали и Данией, и Скандинавией, и какими-то Волжскими островами, и наконец просто считали его выдумкою. Нам кажется, что вопрос будет ближе к решению, если мы под этим болотистым нездоровым островом признаем Тамань. (Может быть, тогда объяснится и "остров Русия", упоминаемый у Истахри.) Тмутраканская Русь может объяснить и те известия у Арабов, где ставится Русь отдельно от Куябы (напр., у Ибн-Фадлана говорится о привозе разных вещей в Хазарию из Руси, Булгара и Куябы). Вообще Арабы ближе были знакомы собственно с Азовско-Черноморскою Русью, нежели с какою-либо другою.

Под этой Черноморскою Русью я, однако, не разумею одну только Тмутракань. Пределы самого Тмутраканского княжества нам в точности неизвестны. Знаем только, что средоточием его был остров Тамань с соседнею частию Крыма и восточного Азовского побережья; его северное и западное побережья, по всей вероятности, также принадлежали этому княжеству. Мы видим, что устья Дона в те времена были в руках Руси; отсюда они переходили с своими лодками на Волгу и плавали в Каспийское море; поэтому Арабы даже полагали на месте нижнего Дона какой-то рукав, которым Азовское море соединялось с Волгою. К Черноморской Руси, я думаю, следует отнести и племя Тиверцев или Тиревцев. Замечательно, что в нашем летописном своде название этого племени промелькнуло раза два или три и потом исчезло без следа. Между тем у византийцев Тиверцы не встречаются; но у них есть Тавроскифы, и мы позволяем себе отождествить эти два названия¹. В на-

чальной нашей летописи при исчислении племен, населявших Россию, именно говорится об Угличах и Тиверцах, что они простирались до Дуная, но главным образом сидели по Днестру до самого моря; что грады их (существуют) до сего дня, и что страна их называлась Греками "Великая Скифия". Название Тиверцев или Тавроскифов как название самого южного русского племени, т. е. самого ближайшего к Грекам, легко могло переходить у них из видового в родовое, т. е. этим племенем они иногда обозначали всех Руссов. Во всяком случае, вопрос о Черноморской Руси стоит на гораздо более твердой почве, нежели вопрос о Руси Скандинавской. В настоящей статье мы только желаем обратить внимание на те стороны, откуда можно ожидать разъяснения нашей древнейшей истории. Более точные и подробные выводы должны быть впереди; для них слишком мало нескольких одиночных усилий. Норманнская школа более ста лет работала над вопросом, где собственно была родина Норманнской Руси, и не могла прийти ни к какому положительному выводу, так что в последнее время нам предстоит еще теория о приходе Руси с острова Даго. (См. Зап. Акад. Н. Т. VI. кн. I. Приложения.) Но возвратимся к Руси Тмутраканской.

Эта Русь может разъяснить нам отношения к Корсуню. Если б она была не более как нормано-русская колония, основанная во времена Святослава или Владимира св., то каким образом Киевские князья могли удерживать за собой такое далекое владение, отрезанное от Киевской Руси степями и кочевыми народами? Надобно было держать в покорности туземное население и в то же время защищаться от Казар, Печенегов и Греков; для этого требовались сильный гарнизон и постоянные подкрепления из Киева. Между тем, наоборот, уже сын Владимира св. Мстислав Тмутраканский является таким могущественным князем, который громит соседние народы, одолевает своего старшего брата Ярослава Киевского и захватывает себе все русские области на вос-

токе от Днепра. По всей вероятности, до прихода Печенегов и Половцев пределы Тмутраканского княжества на севере почти сходились с пределами Чернигово-Северской земли, и тогда понятны будут их связи, о которых еще живо помнит автор Слова о Полку Игореве. В то же время на юге, в восточной части Крыма, пределы Тмутраканской Руси сталкивались с Византийскими владениями. Напомним отрывок (помещенный в издании Льва Диакона) из донесения неизвестного по имени греческого начальника в Крыму о его войне с каким-то варварским народом. Предводитель этого народа, напавший на Греков, владеет страной к северу от Дуная; между тем обитатели соседней крымской области, как свидетельствует письмо, суть единомышленники этого варварского народа. Нельзя не узнать здесь Руси; а под князем тут можно подразумевать Игоря или Святослава, или Владимира. Эти сближения проливают свет на темные доселе слова Игоревы договора: "А о Корсуньстей стране, елико же есть городов в той части, да не имать волости князь Русский, да (не) воует на тех странах, и та страна не покоряется вам". Там же, ниже, ставится Руси в условие не пускать Черных Болгар воевать Корсунскую страну и не грабить греческие суда, выброшенные на берег. Все эти условия возможны были только при существовании Руси у самого Черного моря и вполне согласуются с арабскими известиями о Русском приморском народе. Тогда не покажется странным и известие Льва Диакона о том, что Игорь после своего поражения Греками воротился не в Киев, а в Киммерийский Боспор, и вообще более понятными для нас сделаются морские предприятия Руссов против Византии. В договоре Цимисхия с Святославом опять русский князь обязуется не нападать на область Корсунскую. Ясно, что эта область соседствовала с Русью и что последняя пыталась завоевать ее. И действительно, опасения Византийцев сбылись: при Владимире Корсунь была завоевана Русью. Мы видим в этом завоевании не какое-то случайное, отрывочное предп-

приятие Киевского князя. Нет, это было следствие давних и притом соседственных отношений. В связи с этими отношениями должно находиться и известное сказание о нападении Руссов на Сурож (в житии Стефана Сурожского).

Обратим внимание на интересный рассказ Константина Багрянородного о продолжительной борьбе между Боспорянами и Херсонитами. Во главе Боспорян стояла династия Савроматов. Очевидно, Сарматы, завладевшие древним Боспорским царством, стремились завладеть и последним оплотом эллинизма в Крыму, то есть Херсонесом Таврическим. Всматриваясь ближе в отношения Таманской Руси к Корсуню, нельзя не прийти к тому заключению, что их враждебные отношения суть продолжение той же борьбы, о которой рассказывает Константин Багрянородный. А если мы возьмем во внимание, что к Сарматским народам древние писатели относили племя Роксалан (т. е. Руссов), что Роксалане еще в 1-м веке до Р. Х. встречаются около Азовского моря, где они воевали с Митридатом Понтийским, тогда нам не нужно будет выводить из Скандинавии русскую колонию на берега Азовского и Черного морей.

Повторяем, при существовании Азовской и Черноморской Руси нам понятны будут отдаленные походы Руссов на восток, в Каспийское море и в Прикавказские страны - походы, совершавшиеся в числе нескольких десятков тысяч. Мы думаем, что и та торговая колония Руссов в Итиле, о которой упоминают Арабы, принадлежала Азовским, а не Днепровским Руссам. Наконец, только существование Азовско-Черноморской Руси объяснит нам, почему вообще Русь в начале нашей истории является народом преимущественно мореходным. Морские походы Киевских Руссов совершались, конечно, с помощью их приморских родичей. Замечательно, что прекращение этих походов совпадает с появлением Половцев, которые постепенно отрезали Киевскую Русь от ее приморских соплеменников; между тем тор-

говые караваны продолжали еще ходить из Днепра в Византию и обратно.

Когда составлялся наш летописный свод, Черноморская Русь приходила уже в забвение; поэтому весьма могло быть, что в рассказах о первых князьях она смешивалась с Киевскою Русью. Особенно это можно сказать относительно эпизода об Оскольде и Дире. Этот летописный эпизод весьма сомнительного свойства. Во-первых, что означают тут два имени, столь тесно связанные и всегда неразлучные? Во-вторых, Византийцы не называют предводителей Руси, напавшей на Константинополь в 865 г.; затем они рассказывают об обращении этих Руссов, об их посольстве в Рим и Константинополь по вопросу о вере, о чуде с Евангелием; причем говорят постоянно об одном князе, а не о двух. Наши летописи рассказ о нападении на Константинополь в 865 г. почти буквально взяли из византийских хронографов, но присоединили к нему Оскольда и Диру. Очень могло быть, что названия какихлибо киевских урочищ, вроде Оскольдова могила и Дириева могила, могли послужить основанием к сказанию об этих двух витязях, то есть подобно тому, как названия Киев, Хоривица и Щековица послужили основой для легенды о трех братьях, когда-то княживших между полянами. Составитель летописного свода связал Оскольда и Диру с легендой о призвании Варягов и о переходе их из Новгорода в Киев. Замечательно, что другого действительно исторического лица с именем Оскольда Русская история не знает, так же как она не знает ни Щека, ни Хорива. Рассказы о посольстве нескольких мужей для испытания обряда наши летописцы относят к тому князю, который окончательно утвердил христианство в Киеве, то есть к Владимиру; между тем как восточный обряд еще прежде Киева мог утвердиться между Азовско-Черноморскими Руссами, в особенности по соседству с Корсунем. Что касается до пришествия Олега из Новгорода в Киев, то если бы и действительно он княжил сначала в Новгороде, это нисколько не

доказывает его норманство. Он мог быть сначала удельным князем Новгородским, и потом перейти на Киевский стол, как это повторилось с Святославом, Владимиром и Ярославом. Он мог оружием или хитростью захватить Киевский стол, чему бывали и другие примеры. Все это могло быть без всякого призвания князей из Скандинавии. Замечательно, что Длугош, имевший под руками старые русские летописи, ничего не знает о пришествии Оскольда и Диры из Скандинавии; напротив, он говорит о них, как о потомках Кия. То же самое и Стрыйковский, который Оскольда называет Ослод. Никоновская летопись и Степенная книга также не говорят о пришествии Оскольда и Диры с севера. Известно их выражение по поводу нападения Оскольда на Константинополь: "С ними же бяху роди нарицаемии Руси, иже и Кумани, живяху в Евксинопонте". Конечно, это своды позднейшие: но вопрос заключается в их источниках (См. Обз. Хроногр. А. Попова).

В числе тех легенд, которыми украшено начало нашей летописи, обратим внимание на первое столкновение Полян с Хазарами. Поляне дают им по мечу с дыма. Эти обоюдоострые мечи совершенно согласуются с мечами Руссов по описанию Ибн-Фадлана. Может быть, и самая летописная сага возникла для указания на это различие русского меча и хазарской сабли. Хазары наложили на Полян, Северян и Вятичей дань по беле и веверице с дыма. По некоторым спискам почти ту же дань платили Варягам северные Славяне. Мы позволим себе сблизить эти известия с тем местом Слова о Полку Игореве, где говорится, что во время княжеских междоусобиц "погании (Половцы) сами победами нарищуще на Русскую землю, емляху дань по беле от двора". (А может быть тут под погаными разумеется Литва, а не Половцы?) Но для нас замечательно такое почти буквальное совпадение даней хазарской, варяжской и половецкой. Могло быть, что воспоминание о последней, то есть о половецкой (или литовской) дани перенеслось в летописном своде на Хазар и

Варягов. Мы сомневаемся, чтобы Хазары в IX веке владели Приднепровьем. Из слов летописи видно, что известие о Хазарской дани относится к тому времени, когда, наоборот, Хазары находились в подчинении у Руссов ("володеют Козарами Русские и до днешнего дне"). И что это за земля? Если летопись составилась в начале XII века, то какими Хазарами Русские тогда владели? А против кого Хазарский ханган укреплял свои границы на западе и с помощью Византийцев построил на Дону Саркел в первой половине IX века? Мы думаем столько же против Печенегов, сколько и против Руссов. Но эта твердыня, повидимому, мало оказала помощи; известны последующие походы Руссов на востоке сквозь Хазарскую землю и разорение Саркела Руссами².

Один из наиболее известных норманистов, г. Куник, по поводу монографии г. Гедеонова, выразил некоторые мнения, не согласные с своею школою, мнения, к которым он отчасти пришел еще прежде. Он добросовестно отказывается от Руссов в Севилье, от шведских Родсов (которым посвятил когда-то особую монографию) и от 862 года; находит легендарный оттенок в известии о трех братьях варягах и пр. Отказываясь от Скандинавского материка, как отечества нашей Руси, г. Куник, однако, не теряет еще надежды найти это отечество, по крайней мере, на островах Готланд и Даго. В замечаниях на монографию г. Гедеонова он приводит интересную параллель между нашею летописною легендою о призвании трех Варягов и Видукиндовым сказанием о призвании в Британию двух воевод, Генгиста и Грозы, основателей Англо-саксонского государства. Послы Бриттов держали почти такую же речь предводителям Саксов, какую славянские послы говорили варяжским князьям. Даже повторяется то же выражение: наша земля велика и обильна (*terra lata et spatiosa et omnium rerum copia referta*). Действительно, в обоих сказаниях есть некоторая аналогия. Но что же из этого? Подобная аналогия указывает только на повторение сходных легендарных мотивов у разных народов: че-

му пример мы уже видели в сагах о взятии Коростена Ольгою. Параллели собственно исторической мы не видим. Во-первых, Бритты призывали Англо-саксов на помощь против соседей, а не для господства над собою (если действительно призывали, а не просто нанимали их дружины в свою службу, что вероятнее). Во-вторых, водворение англосаксонского владычества в Британии, как мы видим, совершилось весьма постепенно, целым рядом переселений с материка и при отчаянной борьбе со стороны туземцев. Все эти события подтверждаются не только положительными историческими свидетельствами, но и очевидными последствиями, то есть созданием новой, смешанной национальности, при сильном преобладании немецкого элемента. Ничего нет подобного в нашей истории. Новгородцев едва ли угнетали какие иноплеменники в первой половине IX века. Нет никаких данных., которые подтверждали бы слова летописи о варяжской дани, предшествовавшей якобы призванию князей; да и легенда говорит, что Новгородцы сами прогнали Варягов. Призвание чуждого народа для порядка, то есть собственно для господства над собою, немислимо (в англо-саксонской саге совсем и нет этого мотива). Далее, сама же летопись рассказывает, что едва Новгородцы призвали князей для водворения у себя порядка, как последние занялись покорением других племен, променяли Новгород на Киев и начали громить Византию. Есть ли что-нибудь исторического в такой невероятной комбинации? Не ясно ли, что она возникла преимущественно для того, чтобы объяснить начало Русского государства? Возникла, вероятно, в Новгороде, а не в Киеве; причем обстоятельства, взгляды и обычаи, современные автору сказания, перенесены им на время, отделенное от него двумя или более веками (явление весьма обычное в летописях почти всех народов). А главное: где мы видим хотя какие-нибудь серьезные следы иноземного, т.е. скандинавского, элемента в составе Русской национальности? Если это были князья только с своим

родом, с своею дружиною, в несколько сот, даже в несколько тысяч человек, то как могли они в несколько лет распространить имя Руси от Финского залива до Черного моря и до нижней Волги? Если же эти иноземцы были многочисленным, сильным народом (а все указывает, что Руссы были именно таковы), то где указания на их переселение из-за моря в больших массах? Норманисты даже не могут найти их отечество, из которого они будто бы ушли все до единого. Как могли они так быстро и так основательно обратиться в Славян, не оставив следов ни в языке, ни в каких-либо памятниках? Неужели пять пока темных для нас названий порогов - вот все, что осталось от скандинавской народности этого многочисленного, энергического и господствовавшего племени?

Если проводить параллели с нашею легендою о призвании Варягов, то мы предложим другое сказание, по нашему мнению, ближе к ней подходящее. Прокопий в своем сочинении о Готской войне рассказывает следующее событие у племени Герулов. Часть этого племени поселилась на Дунае в пределах Византийской империи. Однажды, во времена императора Юстиниана, Герулы убили своего царя Охона для того, чтобы не иметь никакого царя, то есть никакой власти. Но потом они раскаялись (конечно, вследствие наступившей неурядицы) и после многих сходов решили отправить посольство на остров Фулу, чтобы там поискать себе князя из их древнего царского рода: так как другая часть Герулов удалилась на этот остров. Послы действительно нашли то, что искали; но приглашенный ими князь на дороге умер. Тогда они воротились опять на остров и выбрали другого князя, по имени Годасия. Он вместе с братом Аордом и с 200 избранных Герулов отправился на Дунай. Так как прошло много времени, пока послы успели воротиться, то Дунайские Герулы соскучились их ожиданием и приняли другое решение. Они послали к императору Юстиниану с просьбою дать им царя. Тот немедленно отправил к ним Су-

арта, знатного Герула, проживавшего в Константинополе. Но едва Суарт начал царствовать, как прибыл Тодасий из Фулы. Непостоянные Герулы покинули Суарта и перешли на сторону Тодасия.

Прокопий повествует в этом случае почти как современник, и, если ему переданы были неточно подробности, все-таки в основе этого факта могло заключаться историческое событие. Но что здесь подразумевается под островом Фулой или Тулой? У писателей начала средних веков под Тулой разумелся какой-то северный остров, который можно толковать Исландией, Британией и Скандинавией. Но, по всей вероятности, это название перешло на север из более южных стран, точно так же, как и название Скифия, которое постепенно видоизменялось и иногда получало весьма широкое применение. В тесном смысле это была нынешняя Южная Россия, в обширном - пределы ее на севере простирались до берегов океана, на востоке терялись в степях Средней Азии. Впоследствии это имя если не в чистом, то в видоизмененном виде сохранилось за некоторыми странами, и преимущественно за Скандинавией или Скандией? Мы позволяем себе следующую догадку: не отсюда ли происходит и то недоразумение, на котором основан столь распространенный в средние века обычай производить народы из туманной и едва известной Скандинавии? Если и можно назвать какую страну истинной, а не мнимой *vagina gentium*, так это древнюю Скифию в ее тесном смысле, то есть южную половину России, с прилегающими к ней частью Дунайской равнины и Карпатской областью. Здесь еще, по известию Геродота, обитали столь многие народы. Отсюда они постепенно расселялись на север и на запад. Впоследствии, когда имя Скифии перенесено было на отдаленные берега северного моря, с этими берегами смешались воспоминания о Скифии, как о древнем отечестве, и летописцы начали эти воспоминания приурочивать преимущественно к Скандинавии³. То же могло случиться с именем Фулы. Есть указания, по которым

с достоверностью можно предполагать, что часть Крыма в средние века носила название Фулы (между прочим см. Кеппена Крым. сбор. 131 стр.). Поэтому легко могло иногда происходить смешение в известиях летописцев: что принадлежало собственно Черноморью, то относилось к берегам Северного океана. Хотя Прокопий в упомянутом рассказе не поясняет, где находился остров Фула; но из других его известий об этом острове можно догадываться, что он смешивал ее с Скандинавией вследствие уже укоренившегося в то время тяготения летописцев к этой полумифической стране. Гораздо вероятнее предположить, что Герулы если посылали послов, то посылали не в Скандинавию, а на берега Черного моря, где была их прежняя родина и где оставалась еще часть их племени с своим древним княжеским родом.

Приведенный нами рассказ о Герулах с первого взгляда весьма похож на нашу легенду о призвании князей; но сущность его оказывается иная. Герулы посылают за князем не к чуждому племени, а к своему собственному, и приглашают правителя не иначе как из своего древнего княжеского рода. От императора они получают в цари тоже человека своего племени. Но самый мотив призвания (внутренняя неурядица) замечательным образом сходится с нашей легендой. Отсюда мы делаем следующее предположение: может быть, подобный мотив и не один раз повторялся в преданиях германских и славянских народов с различными вариантами. Может быть, тот же мотив проник и к нам, и возродился в пресловутой легенде о призвании трех Варягов для водворения внутреннего порядка. На этот счет мы, конечно, можем делать только предположения. Несомненно то, что подобным мотивом севернорусская легенда пытается объяснить начало русской гражданственности, т. е. начало Русского государства. Этот мотив в общем своем виде, т. е. как представление о трех братьях основателях государства, существовал и на юге, в Киеве; но в форме призвания, он

особенно привился на севере, в Новгороде, потому что здесь упал на благодарную почву: так как призвание князей было обычным делом для Новгородцев. Повторяем, во времена Константина Багрянородного этой легенды еще не существовало у Киевской Руси; иначе он, по всей вероятности, знал бы о ней и передал бы ее потомству, точно так же как Прокопий передал то, что ему рассказывали о Герулах. Из одного места Симеона Логофета (византийский писатель первой половины XI века) видно, что в его время существовало предание о происхождении имени Русь от Роса, когда-то над нею царствовавшего. Это темное предание примыкает к таким же вымыслам средних веков о Чехе, Лехе и Русе, о Словене и Русе и т. п. Замечательно, что норманисты и этого мифического Роса пытались отождествить с варяжскими князьями⁴.

1 Эти Тавроскифы суть видоизменение более древнего названия греческого Тиригеты или Тырангиты, т. е. обитатели берегов реки Тыра. Тыр, Тур и Таур или Тавр суть разные произношения одного и того же слова. Точно также гиты, геты, готы и гуты суть видоизменение корня гыт, которое мы сближаем с кыт (в названии Скифы). Звук г, как известно, легко переходит в к; а букву с считаем приставочною в слове Скиты. Что у Греков Скиты могло быть видоизменением слова Геты или Гиты с приставкою с по эолийскому произношению, было высказано еще Салмазием, лейденским профессором в XVII веке (См. *Sulpicii Severi Sacrae tiistoriae* 310). А что Тиверцы есть видоизменение слова Тиревцы, указано Шафариком. Тут перестановка звуков такая же, как в названиях Ятвяг и Явтяг, Северы или Севры и Серевы или Сервы (Сербы).

2 Эти строки были написаны в 1871 г. Последующие мои исследования не только подтвердили тождество третьей группы Руссов у арабских писателей с Русью Тмутраканскою; но и обнаружили присутствие в том краю Славянских Болгар, бывших уже отчасти христианами, а также уяснили

для меня их отношения к Хазарам и народность последних. Русь владела хазарскими поселениями на Тамани и Тмутраки до конца XI века. (См. ниже: "О славян, происхожд. Дунайск. Болгар", и "Русь и Болгаре на Азовск. поморье".)

3 Что -название Скандия или Скандинавия (у Фредегара Schatanavia) есть видоизмененное слово Скития, в этом едва ли можно сомневаться. В источниках иногда рядом встречаются для нее оба именованья, напр, у географа Равеннского: "великий древний остров Скития, который называется Сканца (Scanza)".

Познакомясь потом с сочинением Пинкертона (*Recherches sur l'origin des Scythes ou Goths. Paris. 1804*), я убедился, что не мне первому пришла такая догадка. Пинкертон прямо указывает на недоразумения средневековых летописцев по отношению к Скифии и Скандинавии, начавшиеся с легкой руки Иорнанда (стр. XIV). Позд. прим.

4 Вообще Варягам-Норманнам посчастливилось не только у средневековых летописцев, но и у писателей нового времени. Даже и в наше время продолжается как бы соревнование выводить основателей государств из Скандинавии. Так, талантливый польский историк Шайноха, соревнуясь нашим норманистам, написал целое исследование (*Lechicki poczatek Polski*) и потратил немало труда на то, чтобы доказать основание Польского государства Норманнами.

VII

Система осмысления народных имен. Происхождение имени Русь

Откуда же взялось название Рось или Русь и что оно означает? Лиутпранд говорит, что "по наружному качеству Греки называют этот народ Русыми (Rusios)". Обратим внимание на его толкование. Норманисты, как известно, опираются на Лиутпранда в пользу Скандинавского происхождения;

следовательно, они должны принять и тот вывод, который в таком случае вытекает из приведенных его слов. Выходит, что Руссы получили свое имя от Греков, еще живя в далекой Скандинавии; не будучи даже с ними знакомы, они тем не менее усвоили себе изобретенное для них Греками название; но это название дома у себя в отечестве они не употребляли и следов его там не оставили; а приняли его единственно для того, чтобы, перейдя в среду восточных Славян, немедленно сообщить им свое имя от Финского залива до Тамани и закрепить его в особенности за обитателями Приднепровья. Вот к каким несообразностям можно иногда прийти, если положить в основу известие, не очищенное от разных примесей и недоразумений.

В своих поисках за началом Русской нации нам удалось напасть на целую систему осмысления народных имен, систему, которая имела широкое приложение во все времена и доселе еще сохраняется во всей силе. Название, сделавшееся давно непонятным, народный говор старается приурочить к какому-нибудь созвучию и таким образом сообщить ему смысл. Черта вполне естественная непонятное, как бы бессмысленное, сделать осмысленным. Эта общечеловеческая черта отразилась у летописцев и перешла в научные труды нашего времени. Мы уже упоминали о названии Немцы и Хорваты. Приведем и другие примеры, имея при этом в виду преимущественно мир Славянский.

Угличи. Уже Стриттер производил это название от р. Угла, которая потом называлась Орел (впадает с левой стороны в Днепр, на границе Полтав. губ.). Но Шафарик отвергал такое мнение, потому что Угличи, по всей вероятности, жили гораздо юго-западнее этой реки. Название Угличей потом стали производить от какого-то угла, т. е. якобы они первоначально жили в угле между Черным морем и Дунаем (Буджак). Но это объяснение одно из самых неудачных. Дело в том, что рек, носивших название Угла, было несколько в Южной России. А что такое Ингулы, как не те же Углы?

Последнее должно было писаться через юс, и имело, конечно, носовое произношение. (Древнейшее известие об Угличах находится у Баварского землеписца IX века, где они названы Unlizi .)

Бодричи. Это название так ясно отзывается бодрыми, что сблизить их между собой казалось весьма естественно. Действительно, их и производили от бодрый (Шафарик), как Лютичей от лютый. Но гораздо естественнее предположить, что и этот народ получил свое имя от реки Одры, то есть настоящее его имя есть Поодряне или Поодричи (Венелин и Чертков). Тогда получит смысл и другая форма этого имени у средневековых латинских летописцев: Оботриты. Если название Бодричей происходит от бодрый, то и Кривичей надо производить от "кривой", Радимичей от "родимый" и т. п.

Древние Полабские и Древляне Русские производились от дерев, то есть означали как бы лесной народ.

Но мы позволяем себе сблизить это название с тою же р. Одрюю, под которой не должно разуместь один только известный Одер. Видоизменения этого имени были: Одрава и просто Драва (как Упа- Упава - Опава). Вообще имена славянских народов весьма часто связывались с именами рек. Моравы, Полабы, Полочане и т. п. ясно указывают своим именем на реки. Но другие имена видоизменялись, делались непонятными, и потом осмысливались с помощью разных созвучий. Сюда мы относим и Лютичей, которые по созвучию объяснялись лютыми, откуда даже перешли в волков (Вильцы). Не вероятнее ли предположить, что в их имени скрывается название реки Лты, с ее видоизменениями Альта и Олюта!

А что такое наши Поляне! Уже летопись производит их от полей, так же, как Древлян от дерев. Но верно ли это? Та же летопись потом проговаривается, что Поляне Жили в лесах и даже на горах. У нас есть реки Пола, Полист, Полота и т. п.; имеют ли они связь с именем Полян, мы не знаем. Но

уже у классических писателей (Диодора и Плиния) упоминается о народе Палеях или Спалеях, обитавших в Восточной Европе. Иорнанд говорит, что Готы, когда пришли на берега Черного моря, то должны были выдержать борьбу за свои новые жилища с сильным народом Спалами. Имя этого народа, как справедливо заметил Шафарик, сохранилось в слове исполин, которое в некоторых древнебулгарских и сербских рукописях встречается и без и, т. е. просто сполин. Мы позволяем себе сблизить наших Полян с этими Палеями или Спалами. Может быть, название Поляне есть и то же, что Булане (BoulaneV) Птолемея, как это заметил тот же Шафарик.

Что касается до осмысления имен, то еще у древних Греков пример тому мы видим в слове Сарматы или Савароматы. Из всех вариантов этого названия Греки наиболее употребляли форму Савроматы и толковали их ящероглазыми, пользуясь, конечно, созвучием с словами sauga - ящерица и opta - глаз. Мы уже говорили, что позволяем себе отождествлять это название с именем Сербь или Сервы, наше Северяне, при-Эльбские Сорабы и пр. 1.

Весьма наглядный пример такого произношения народного имени, которое, благодаря созвучию, выражает некоторый смысл (хотя совершенно случайный), представляет русское название племени Самоедов. Что такое за Самоеды? Неужели народ, который ест сам себя? По нашему мнению, это просто искажение какого-то первоначального названия. Корень Сом и Суом встречается также в именах народов Финских и Литовских.

Возьмем даже название Славяне или Словене; мы производим его от слова, которое переходит и в слава; таким образом это выходит народ говорящий (в противоположность Немцам), а пожалуй, и славный. Но верно ли это производство? Не скрывается ли здесь та же попытка осмыслить название, сделавшееся непонятным? Обращу внимание на следующие факты. Для нас кажется не лишенным значения

упорное именование Славян у Римлян и Византийцев Склавами и Склавинами; т. е. это имя является у них всегда с буквою к. Откуда это к? Есть ли оно необходимое условие и латинского и греческого произношения перед буквою л, или оно коренное? У Арабов Славяне называются Саклабы или Сакалибы, и опять к. Некоторые объясняют арабское название переделкою византийского. Но почему же Арабы должны были заимствовать название Славян непременно от Византийцев, а не от Мидо-Персидских народов? На последний вопрос навело меня слово Саки, под которым часть Скифов была известна у Персов, как сообщает Геродот. Итак, вот в какой древности, может быть, должны мы отыскивать начало имени, которое потом по созвучию осмыслилось формою Славяне с его видоизменениями Словинци, Словаки, Словене. И опять вопрос: какое осмысление старше, Славяне или Словене? Во-первых, древние известия передают форму Sclavi, а не Sclovi. Во-вторых, личные имена оканчиваются тоже не на слов, а на слав: Ярославы, Святославы, Болеславы и пр. Но и самые эти Славы в личных именах, повидимому, не очень древни. Сколько мне сдается, эпоху, когда вошли они в силу или моду, можно определить приблизительно около IX века. В более раннюю эпоху преобладал в сложных личных именах слой других окончаний, каковы вит, мир, мут и гаст, которые более близки к литовским, германским и кельтским. Название Славы, как осмысление, может быть, сближалось не с отвлеченным понятием о славе, а собственно с славиями (соловьями)? Корень сак мы встречаем в средние века в названии одного южнославянского племени, именно фракийских Сакулатов. Это имя напоминает известие Геродота о том, что Скифы (конечно, часть их) сами называли себя Сколотами. (Напомним еще Скаловитов Дюнсбурга)².

Из объяснения Лиутпрада, что Руссы получили у Греков свое название от низшего качества (то есть от русых волос), можно заключить, что Греки действительно так осмыслива-

ли непонятное имя Рось или Русь. Это повторение того же, что случилось с Сарматами, которые обратились в ящероглазых. Очень могло быть при этом, что толкование Руссов в смысле русских перешло к Грекам от самой же Руси, которая таким образом осмысливала свое собственное название. Древнейшая форма этого названия, по всей вероятности, была не Русь, а Рас или Рось. Это Рось, как слово чуждое греческому языку, потому и сохранялось в нем без изменения, в неподвижной, несклоняемой форме (Pw?). Вообще можно заметить, что живой народный говор не любит долго останавливаться на одной и той же форме своих собственных слов; с течением времени он охотно их меняет и видоизменяет. Вот почему иногда форма, сохраненная иноземцами, оказывается древнее формы собственной. Примеры тому мы видим в названиях Славяне, Русь, Киев и т. д. Соответственно византийскому Рось, у Венгров Русские и доселе называются Орос.

Народное имя Рось или Русь, как и многие другие имена, находится в непосредственной связи с названием рек. Восточная Европа изобилует реками, которые носят или когда-то носили именно это название. Так, Неман в старину назывался Рось; один из его рукавов сохранил название Русь; а залив, в который он впадает, имел название Русна. Далее следуют: Рось или Руса, река в Новгородской губернии, Русь, приток Нарева; Рось, знаменитый приток Днепра на Украине; Руса, приток Семи; Рось-Эмба; Рось-Оскол; Порусье, приток Полиста, и пр. Но главное, имя Рось или Рас принадлежало нашей Волге. В этом удостоверяют нас свидетельство Агафемера в III веке и сохраняющееся доселе у Мордвы для обозначения Волги название Ра. Эта последняя форма встречается еще у Птолемея и Аммиана Марцелина. Мы думаем, что та же река в древних известиях скрывается иногда под формою Аракс. Ибо в некоторых случаях то, что Геродот рассказывает об Араксе, никоим образом не может быть отнесено к тому Араксу, который течет на границах

России и Персии. Форма одних и тех же названий изменялась у разных народов вследствие разнообразного произношения. Аракс Персы произносят Арас; следовательно, корень здесь тот же рас. Яксарт или Сыр-Дарья у древних также называлась иногда Раса.

По обширному своему приложению для обозначения рек корень рас или рос уступал разве только корню дан или тан. Последний корень мы встречаем на пространстве части Азии и почти целой Европы. Тот же Яксарт назывался иначе Танаис; греческий Танаис (Танай, Данай) - наш Дон; латинский Данубий, немецкое Донау наше Дунай, немецкое Дуна наше Двина; в сложных именах: Данапр или Днепр, Данастр или Днестр, так же Родан (Рона), Эридан и пр. Все это оказывается видоизменение одного и того же названия. Количество этих названий еще более увеличится, если мы обратим внимание на имена некоторых городов, в которых скрывается тот же корень дан, дон и дун: Сингидон, Новодун, Лугдун и пр. означают города, лежащие на берегах Дона или Дана. Так Батавский Лугдун (Лейден) указывает на то, что и Рейн назывался когда-то или Родан, или Эридан. Лондон наводит на мысль, что и Темза или Тамиза могла когда-то называться Тана или Дана³. Данциг или Гданьск свидетельствуют то же относительно Вислы, и действительно, эта река носила когда-то название Танаквисл или Ванаквисл (Шафарик); а где-то на ее верховьях был город Каргодун (может быть, это имя изменилось впоследствии в Кракодун или Краков). По всей вероятности, эта река и есть тот северный Эридан, берега которого, по известиям древних, изобиловали янтарем. Неман, кроме названия Рось, в более древнюю эпоху назывался Рудон. Замечательна та роль, которую играют реки Дунай и Дон в преданиях Скандинавов и Русских. На основании саги о скандинавских предках, пришедших с берегов Дона, приурочивают их родину к Азовскому морю; а по частому упоминанию Дуная в наших песнях думают, что наши предки пришли с известно-

го Дуная. Мы видели, как многочисленны Доны и Дунай; когда-то, по всей вероятности, это было не собственное название, а нарицательное, означающее вообще реку; следовательно, никак нельзя ручаться, чтобы означенные предания относились именно к той или другой известной реке. Тот же корень дан или тан у Германцев сохранился в названии их главного бога Вотана, Водана или Одина. Последнее указывает на то, что Германцы были когда-то такие водопоклонники, как и Славяне. Как корень дан имеет связь с понятием реки и наша форма дно (то есть дно реки) есть видоизменение того же корня; точно так же русло и роса находится в связи с именами рек Рось и Русь. В связи с ними находится и название мифических водяных существ или русалок.

От рек слово дан или дон перешло и в имена многих Арийских народов и стран: Македония, Дардания, Каледония и т. п. В простой форме это название сохранилось за одним северно-германским народом, именно Данами, которые и происхождение свое вели от мифического героя Дана. Что их название находится в непосредственной связи с именем реки Дона или Дуная, подтверждает именование Датчан у польских Славян Дуньчики. (Даны или Таны являются у германских народов и сословным значением, подобным лехам и боярам, именно у Англо-саксов.)

Название древних Даков также находится в связи с именем Дана или Дуная, на берегах которого они жили⁴.

Итак, мы видим, что имя распространилось на весьма разнообразные и отдаленные народы, и сходство в названиях далеко не всегда можно объяснить непосредственной колонизацией. Иначе Даки пойдут из Дании и т. п. Точно так же народное название Рось или Русь было одно из распространенных в Арийском мире, особенно в его Славяно-Литовской ветви. Оно распространилось преимущественно в связи с названием рек. Мы встречаем в средние века слово Русь или Русия с его видоизменениями, каковы: Русция, Ругия, Прусия (т. е. Порусье) и пр. и в южной России, и на Балтий-

ском поморье, и в Карпатах, и в Паннонии, и даже на берегах Немецкого моря (Рустрингия). Не приводим других более подробных географических названий, связанных с тем же корнем (напр, у Иллирских Славян). Следовательно, никоим образом нельзя наших Руссов считать колонистами из какой-либо другой страны. Напротив, скорее наша Русь могла послужить колыбелью для других европейских народов, носивших то же имя; так как это имя всегда принадлежало ей по преимуществу, и на ней сосредоточилось окончательно.

1 Окончание маты встречалось и в именах других народов, напр. Яksamаты и Тиссаматы. Что касается до отождествления имени Сарматов и Сербов, то оно предложено еще Чехом Вацерадом (в начале XII в.), писателем известного словаря *Mater verborum*.

2 Склавь и Сервь, как известно, получили у Римлян значение рабов. Первоначально это значение произошло, вероятно, от того, что ближайшие части Славянского племени (Словинцы и Сербы) были покорены Римлянами. Возможно и то, что название Склавь в смысле рабов перешло к Римлянам от Германцев, обложивших данью какое-либо Славянское племя. У варваров обыкновенно племя господствующее называлось свободным, а подчиненное рабами; известны предания о рабах, возмущившихся против своих господ во время их отсутствия и завладевших их женами. Эти предания в древности встречаем в Скифском мире, а в средние века в мире Славянском. В основе такого предания заключался, конечно, факт восстания покоренного племени, которое свергло свою зависимость от другого народа. В истории мы нередко встречаем примеры, как народное имя обращается в сословное или наоборот сословное в народное. Так мы полагаем, что сословие бояре совсем не означает больших; это опять та же попытка осмысления. Слово бояре находится в несомненной связи с народными именами Бои, Боиски, Бойовары и т. п. Точно так же народное имя Ляхи или Лехи встречается у Славян и в сословном значении; в

этом значении оно сохранилось потом в слове шляхта. Славянское народное имя Кривиты у родственного Литовского племени получило значение жреческого сословия. Подобным образом можно объяснить и наше старинное слово Сябр. Себр и доселе у Иллирских Славян означает крестьянина. Шафарик видел в этом слове название народа Сабиры; а может и то и другое есть видоизменение имени Сербы, у Римлян Сервы, наше Севера или Северяне. Мы позволяем себе также наше старинное слово смерд, т. е. простолюдин, сблизить с именами финских народов Мери и Мордвы (Меренсы и Морденсы Иорнанда). Оба эти названия, и Мери и Мордва, пошли, конечно, от одного корня, и название Мерды могло когда-то означать часть Финского племени, подчиненного Славянам или вообще Арийцам. Подобные примеры представляют аналогию и с именем Русь, которое, очевидно, получало иногда оттенок сословный; как господствующее племя она отличала себя этим именем от прочих Славян, и как бы придавала себе значение высшего, благородного сословия. По крайней мере этот оттенок особенно заметен в X и XI вв.

3 Название Таматархи, Тмутракани или Тамани мы также приводим в связь с рекою Тана или Дана. И действительно, Кубань назывался у древних и Гипанис, и Танаис. А настоящее его название (т. е. Кубань), конечно, происходит от Гипанис или Гупанис. Известно, что так же назывался у Скифов нынешний Буг. Гупанис мы позволяем себе сблизить с славянским словом жупан. Буг или Бог и Жупан, конечно, имели одно и то же значение владыки или господя; они подтверждают, какую тесную связь имели имена богов и героев с именами рек, то есть указывают на обожание или поклонение рекам. (Напомним реку Тырь или Стырь и Стрибога.) По этому поводу укажем на древнее название Аму-Дарьи Оксос. Мы позволяем себе сблизить это название с именем Аксай. Напомним скифский миф о трех Аксаях, сыновьях бога или царя Таргитая. Реки с именем Аксай

и теперь еще встречаются на юге России и на Кавказе. Тот же корень акс мы видим и в названии Яксарта. Слово Аксай у Скифов, по-видимому, означало владыку или героя; следовательно, название Оксос представляет аналогию с Гупаном, Бугом, Даном и т. п. (Может быть, и Ока есть такое же сокращение по отношению к Оксос или Аксай, как Рак, Аракс или Арас.)

4 Даки, так же как и Датчане, вели свое происхождение от мифического героя Дана; однако они не были племенем Германским; они не были также и Славянским племенем. По некоторым соображениям мы полагаем, что в основе Дакийской или настоящей Валахо-Румынской народности был элемент Кельтический. (Не потому ли Даки оказались так восприимчивы к Латинскому влиянию и сохранили так упорно свое Романское наречие посреди Славянского моря? Притом, Влахами Славяне и Германцы называли по преимуществу Кельтов.) Другая форма имени Даков была Давы и Даи. Эта последняя форма соответствует видоизменению или собственно удлинению дан, дау, дава, тава, которые встречаются в сложных именах рек Молдава (немец. Moldau), Велтава и пр. Часть Дако-Влахов называется у нас Молдавы, у Поляков Мультаны. Ввиду всех этих видоизменений мы позволим себе смелую догадку: Дан-река в смысле главного божества является у Германцев (Годан или Одан); но это имя было весьма распространено у целого Арийского племени; оно, может быть, скрывается в названии славянского Дажбога. (Посредствующие формы тут могли быть Дог, Дак или Дый, Дай и пр.) Кстати, приведем и еще некоторые сближения, которые мы позволяем себе относительно древних Славянских божеств. Именно, Мокошь нашей летописи, может быть, находится в связи с греческим или скифским божеством загробного мира Залмоксис; а Симаргла напоминает военный клик паннонских Сарматов, по Аммиану Марцелину: *Marha!* Эта Мара или Марга (с переставленным придыханием Хмара), вероятно, была богинею

смерти (от нее, может быть, и река Марави и божество Марана). Воспоминание о Данбоге или Даждьбоге, как боге воды или влаги, может быть, сохраняется и доселе в нашем слове дождь. Точно так же мы почти ежедневно поминаем и бога Хорса; от его имени произошло слово хороший, как от Лада ладный, от Дива дивный, и т. д. Дан, как мы видим, присутствует в названии главных рек на юге России: кроме Дона и Дуная он есть в Днестре. Днепр м. б. сокращено из Данапраг, и значит "река-порог" или "порожистая река"; а м.б. в названии Днепр (латин. Данапер) включает имя божества Перуна. Днестр или Данастьрь или Дан-Тыр также значит или "река Тырь" или "бог Тырь". Название Дан-Тырь или Дан-Тур напоминает Идантура или Идантурса, главного скифского царя и героя во время нашествия Дария Гистаспа. Слово Дан, означавшее реку, очевидно переходило и в понятие Бог во времена водопоклонения. Отсюда у германских народов этим словом стало обозначаться верховное божество, т. е. Одан или Водан.

VIII

Роксалане. - Скифы. - Готы. - Славянская народность Руси

Где же искать древнейших указаний на нашу Русь, то есть на Русский народ?

Мы не будем говорить о библейском народе Рос; а перейдем прямо к известиям греко-римских писателей о Роксалане. По нашему мнению, не может быть никакого сомнения в том, что Рось или Русь и Роксалане это одно и то же название, один и тот же народ. Роксалане иначе выговаривались Россалане (как Поляки вместо Саксы говорят Сасы; подобным образом Полесье в латинской передаче обратилось в Polexia, напр, в булле папы Александра IV). Это наз-

вание сложное, вроде Тавроскифы, Кельтиберы и т. п. Оно означает Алан, живших по реке Рокс (Аракс) или Рос. Впервые под этим именем они выступают в начале I века до Р. Х., именно в их войне с Митридатом Понтийским (по Страбону и Плинию). Тацит называет их народом Сарматским. Жилища их греко-римские писатели помещают около Черного и Азовского морей между Доном и Днепром. Впоследствии они (то есть некоторые их ветви) встречаются западнее, и своими набегами беспокоят римские области на Дунае. Во время войн Траяна с Даками Сарматы Роксаланы принимают участие в этих войнах и некоторое время являются союзниками Даков. Покорив Дакию, Римляне по-видимому отбросили Роксалан снова к берегам Днестра и Днепра. По поводу войн с Траяном мы позволим себе следующее сближение. Аммиан Марцелин, сообщая некоторые черты о Сарматах, говорит, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняные кирасы, покрытые роговой чешуей, которая была сделана наподобие птичьих перьев. На известном памятнике Дакийской войны, на Траяновой колонне, мы встречаем всадников, покрытых именно такою чешуйчатой броней. Эти всадники не Даки, а их союзники Сарматы. (Не изображают ли эти фигуры наших предков Роксалан или Русь II-го века по Р. Х.?) По Тациту, знатные Роксаланы носили чешуйчатые панцири из железных блях. Конечно, не даром имя Траяна жило так долго в преданиях Русского народа, что мы встречаем его у нашего поэта XII века, т. е. в Слове о Полку Игореве. Недаром были воздвигнуты так наз. Траяновы валы для защиты от воинственных народов Южной России, и между прочим от тех же Роксалан. (По Иордану Дакия в VI в. граничила на востоке с Роксаланами.)

В IV веке по Р. Х. мы находим нынешнюю Юго-западную Россию под владычеством Готов. В числе народов, подвластных царю Германриху, Иорнанд приводит Рокасов (Rocas); эти Рокасы, Роксы или Росы в другом месте называют-

ся у него опять своим сложным именем Роксаланы. Припомним указания Иорнанда на вероломство Роксалан; на мщение двух знатных братьев из этого племени, нанесших тяжелую рану Германриху, так что он после того не мог сражаться с Гуннами. Отсюда можно заключить, что и самое появление Гуннов находилось в связи с движением Роксалан против Готов. По Аммиану Марцелину Алане тоже соединились с Гуннами против Готов, а под Аланами у него, конечно, разумеются и Роксаланы. По этому поводу я ставлю вопрос: первое нашествие Гуннов не было ли в сущности движением какой-либо части Славянского племени против угнетавшего ее германского народа Готов? Замечательно, что впоследствии, когда рассеялся Гуннский туман, мы уже не находим массы готских народов в России, за исключением небольших остатков (напр, в Крыму); от Дуная и до Волги мы видим преимущественно народы Славянские и между ними господствующее положение заняла наша Русь. Века, последующие за Гуннской эпохой, суть самые темные в истории Русской земли. Это было время народного брожения, которое усиливало и без того великую путаницу в народных именах. Впрочем, то же время (от VII до IX века) совпадает и самую скудную эпохой по отношению к византийской историографии. Русь опять скрывается у нее под общими именами Скифов и Сарматов. Но в IX веке она снова выступает на сцену под своим именем и громко заявляет о себе своим нападением на Константинополь. В этом веке на помощь истории приходят и арабские известия, опять по той главной причине, что около того времени началось объединение Руси, и своими подвигами она заставила других говорить о себе; притом процветание географической литературы у Арабов и их более удовлетворительные сведения о Восточной Европе восходят приблизительно к тому же времени. Понятно теперь, почему Русская история начинается собственно со второй половины IX века. Повторяем, наша летописная легенда о призвании князей потому и при-

урочивает их именно к этому времени, чтобы связать их с появлением народа Русь в византийских хрониках, и вместе объяснить происхождение Русского государства¹. О действительном происхождении память народная, конечно, не могла сохранить никаких воспоминаний; так как оно теряется в глубине Сарматских и Скифских веков. Данная легенда есть не что иное, как в обширных размерах та же попытка осмыслить непонятное явление. Сказание о Кие пытается объяснить начало Киева, а басня о Варягах распространяет этот мотив на целое государство черта, присущая легендарной истории всех народов.

Не вдруг пришли мы к своему мнению о том, что Русь IX века была народом Славянским. Убедившись, что это не были Скандинавы, призванные в Новгородскую землю для порядка или просто завоевавшие восточную Европу, и что Русь была народом южнорусским, а не северноевропейским, мы сделали такое предположение: может быть, остатки готских народов, когда-то господствовавших в южной России, после нападения Гуннов снова взяли силу, и положили основание Русскому государству? Другими словами: может быть, Роксаланы были Готское племя? Это предположение мы основывали отчасти на тех же данных, на которых построена теория Скандинавская, т. е. русские названия Днепровских порогов, имена князей и дружины, название Гудас, которое Литовцы дают южноруссам, и т. п. Некоторое время мы останавливались именно над этим предположением, и у нас составила почти целая система в пользу Готов, система, по нашему мнению, имела за собой более вероятия, чем теория Скандинавоманов. Но и эта Готская теория не могла долго выдерживать проверку по фактам несомненно историческим. Известия Арабов и Византийцев убеждали, что Русь была сильное, многочисленное и энергичное племя. А если так, то где же следы этого многочисленного и господствовавшего племени? Могло ли оно исчезнуть, не заявив о своем существовании особенно в

русском языке? Каким образом оно подчинилось влиянию покоренных до такой степени, что в начале X века по всем признакам является народом Славянским, т. е. имеющим славянскую религию и славянский язык?

Занятие Русским вопросом в связи с вопросами Сарматским и Скифским окончательно рассеяли эту Готскую теорию. Нет никаких положительных доказательств, на основании которых можно было бы причислить Роксалан к народам Германским. Некоторые известия ранних византийских историков, относящиеся к Готам мимоходом, в общих выражениях, многие народы, в том числе и Алан, объясняются простою сбивчивостью их этнографических терминов. Да и что такое Готы? Это народное имя имеет за собою длинную и запутанную историю. Мы не согласны с теми, которые отвергают известие Иорнанда, что Геты и Готы одно и то же. Древнейшая форма этого имени, т. е. Геты, имела почти такое же широкое распространение и в тех же странах, как и название Скифы. Кроме собственно Гетов, обитавших на Дунае, мы встречаем далее на севере и востоке Тиссагетов, Тиригетов, Танаигетов, Массагетов и Других Гетов. Это имя по обыкновению видоизменялось; таким образом являются потом Готины, Гутоны, Гуты и Готы. С этими последними именами встречаются народы и в стране между Дунаем и Днестром, и на Висле, и на Балтийском побережье, откуда пошла колонизация в Скандинавию. Малопомалу название Готы сосредоточилось преимущественно на восточной ветви Германского племени, которая начала выделяться из Скифского мира. Главную массу Скифов Восточной Европы составляли, вероятно, народы Славянские; но кроме них сюда входили Литовцы, часть Германского племени, часть Чудского и даже был элемент Кельтский. Впоследствии малопомалу происходило обособление этих народов; рядом с тем, конечно, совершалось и переименование некоторых частей, порождавшее новые типы, более или менее переходные. Семья СлавяноЛитовская выделилась из

огромного Скифского мира под именем народов Сарматских. Но еще долгое время жила она в тесном соседстве с собственно Готскою, т. е. восточногерманскою группою, и вместе с нею носила географическое имя Скифов. Название Геты также употреблялось еще долго для обозначения народов различных групп².

В Скифском мире, как и везде, по всем признакам происходила борьба за господство между наиболее сильными племенами. В эпоху Геродота и последующую преобладали над соседями так называемые Царские Скифы, жившие между Доном и Днепром; позднее, в III и IV вв. по Р. Х. мы видим господство германских Готов. Нам сдается, что восстание против них Славянских племен послужило толчком к так наз. Великому переселению народов. Когда брожение народов прекратилось, в Восточной Европе можно было найти только небольшие остатки германских народов; они отнесены далее на запад и на север. Восточная Европа (не говорим о значительной части Средней и Южной) осталась преимущественно в руках огромного Славянского племени. Из этого племени постепенно выделяется Русский народ. Сам по себе этот народ мог заключать результаты смешения и переkreщивания Славянского племени с другими элементами, например с готскими, литовскими и угорскими. Но это смешение происходило под несомненным преобладанием элемента Славянского; в IX и X вв., повторяю, Русь является народом Славянским. Тем не менее она могла иметь и, конечно имела, некоторые свои особенности в наречии, в характере, некоторый оттенок в своих личных именах и т. п. Черты, сходные с германскими народами, особенно родство корней в языке, могут быть возводимы, бесспорно, к их общегерманскому родству и к их совместному жительству еще в Скифском мире. К этому сожительству или ко временам Готского владычества, может быть, восходит и начало литовского Гудас для наименования Южноруссов. Это Гудас, может быть, первоначально имело смысл более географич-

ческий, собирательный, чем этнографический, т. е. такое же общее значение, как название Геты. Имя Алане также имело разнообразное и сбивчивое применение в географическом и этнографическом смысле, прежде нежели оно сосредоточилось, на Аланах собственно Кавказских.

Итак, мы решительно не видим какихлибо серьезных данных, на основании которых можно доказывать иноплеменное происхождение Руси. Когда мы убедились, что Готская теория так же несостоятельна, как Скандинавская, то, естественно, пришли к следующему выводу: Русь, основавшая Русское государство, была не только племя туземное, но и Славянское; а Варяги были иноземцы Норманны. И замечательно, когда остановишься на этом предположении, только тогда начинают постепенно распутываться Гордиевы узлы Варяжского вопроса, то есть узлы, возникающие из сопоставления действительных фактов с легендой о призвании. А именно: необычайно быстрое географическое распространение имени Русь, если вести ее начало от призвания князей. Невероятное накопление событий и завоеваний за столь короткий срок. Поклонение Руссов Славянским божествам. Славянские переводы греческих договоров. Видимое отсутствие какойлибо борьбы между Русскою и Славянскою народностью прежде их слияния. Отсутствие всяких намеков на призвание наших князей в иноземных источниках. Несомненные признаки, что Русь была не дружина только, а целый народ, ветви которого простирались до Черного моря и Дона. Несомненное тяготение нашей первоначальной истории и имени Русь к югу, а не к северу. Несомненное отношение самой Руси к Варягам как к иноземцам и иноплеменникам (напр., в юридических памятниках), и пр. и пр.

Позволяем себе предварить своих противников по данному вопросу, что если они продолжают настаивать на легенде о Рюрике, Синеусе и Труворе, тогда, по нашему мнению, нет причины отвергать и Гостомысла, а также Кия, Щека и

Хорива и прочие басни, накопившиеся с течением времени в летописных сборниках. Подтверждать, например, легенду о призвании князей сказанием об Оскольде и Дире, а это последнее сказание в свою очередь подкреплять легендой, значит, одно неизвестное определять другим неизвестным.

Может быть, некоторые наши второстепенные соображения окажутся не вполне удачными. О том не спорим. Подробности и частности ждут еще многих и многих работ. Но это, надеемся, не изменит нашего главного вывода, что Русь была племя туземное и славянское, а не пришлое из Скандинавии.

1 Вот наш ответ на вопрос норманистов: почему же ни византийские, ни арабские источники не говорят ясно о Руси ранее 862 года, т. е. ранее т. наз. призвания Варягов? Когда бы византийцы ни заговорили о Руси, призвание князей всегда оказалось бы ранее. Составитель летописного свода имел настолько соображения, что он не мог поставить призвание князей позднее нападения Руси на Константинополь, когда он и самое появление ее объясняет призванием князей. Это нападение на Византию и есть наше историческое тысячелетие. Если бы оно случилось столетием ранее, то и призвание князей вероятно было бы внесено под 762 годом: оно, хотя бы только двумя или тремя годами, должно предшествовать нападению на Византию. Но у составителя свода не было настолько соображения, чтобы понять всю невероятность столь важных переворотов и завоеваний, совершенных в течение нескольких лет, т. е. скорее, чем при Александре Македонском. Как Византийцы заговорили о Руссах вследствие их нападения на Константинополь в 865 г., так и Арабы заговорили о них преимущественно вследствие их больших походов на Каспийское море.

2 Отсюда нам понятны будут такие выражения у Византийцев, как следующее: "Геты или, что одно и то же, Склавины" (Феофилакт). Что имя Гетов или Готов было не чуждо Славянам, показывает название одного Славянского пле-

мени, в Фессалии и Пелопонезе, Велегосты; а также присутствие слова гост или гаст в именах славянских богов. Это гост есть то же, что гот; между ними такое же отношение, как, например, между туры и турсы: с является иногда не только в начале слова (Скит, Сполин, Стырь и пр.), но и в конце.

Очень может быть, что имя Готы или Гуты пошло от одного корня с словом Скиты или Скуты, т. е. от кут или гут. Напомним слова одного византийского писателя (Синкела): "Скифы, которым на родном языке имя Готы". Уже Пинкертон в упомянутом выше сочинении доказывал родство Скифов с Готами. А после точных и подробных исследований Уккерта (*Skythien*. 1846) теория Нибура о монгольстве Скифов не может иметь места. Уккерт доказал только, что Скифы были племя Арийское. Далее него пошел в том же направлении Бергман (*Les scythes les ancetres des peuples germaniques et slaves*. 1858). Из многих других трудов о том же предмете укажем на появившееся недавно сочинение Куно (*Die Skythen*. 1871), который в Скифах видит Славяно-Литовскую (Сарматскую) семью исключительно, что, по нашему мнению, не совсем справедливо. Мысли о связи некоторых Скифских народов с Славянами встречались и прежде между учеными польскими, чешскими и русскими (Коллонтай, Потоцкий, Шафарик, Венелин, Надеждин, Чертков и др.); но эти мысли не достигали достаточной ясности и достаточной степени обобщения.

ЕЩЕ О НОРМАНИЗМЕ

"Русский Вестник". 1872 г. Ноябрь и декабрь. (Ответ Погдину)

I

Современное значение норманизма. - Шлецер, Карамзин и Погодин

Объявляя войну норманизму в своей статье О мнимом призвании Варягов (Русск. Вести. 1871, No 11 и 12), мы, конечно, рассчитывали на возражения. Но в то же время, рассмотрев этот вопрос по возможности с разных сторон, мы настолько убедились в несостоятельности норманской теории, что серьезных возражений с ее стороны не ожидали и не ожидаем. Ибо все, что можно было сказать в ее пользу, давно уже сказано, и все это оказалось более или менее неудовлетворительно. Прошло довольно времени от появления нашей статьи, и те возражения, которые до сих пор появились, по нашему крайнему разумению, только подтверждают несостоятельность норманской теории. Мы объявили ей войну тем решительнее, что, по нашему убеждению, она до сих пор продолжает причинять вред науке Русской истории, а следовательно, и нашему самопознанию. Благодаря этой теории, в нашей историографии установился очень легкий способ относиться к своей старине, к своему началу. Обыкновенно перечислив названия разных славянских и неславянских племен и помянув о том, что Славяне жили не ладно между собою, мы затем приступаем к истории русской государственной жизни так сказать *ex abrupto*. Этот приступ напоминает наши сказочные приемы. "Где-то за морем, в некотором царстве, в некотором государстве жили три брата. Однажды к этим трем братьям приходят послы из-за тридевять земель и говорят им: "земля наша велика" и т. д. Даже сохранен и тот обычный прием, что два брата являются только для обстановки, и вся удача принадлежит одному.

Эта пресловутая теория продолжает оттирать из истории целый могучий народ, с незапамятных времен обитавший в Южной России, а на место его вызывает из-за моря какую-то тень, которую она не знает как назвать: не то народом, не

то дружиной, и утверждает, что эта тень и была настоящая Русь и что она в несколько лет покрыла собой все пространство "от финских хладных скал до пламенной Колхиды". Вместе с небывалым народом Варяго-руссос создан в нашей истории и небывалый норманнский период, и затем чуть ли не все основные явления нашей государственной жизни объявляются не своими, а чуждыми, принесенными из-за моря; дружина, бояре, суд, способ собирать дань, - все это будто бы Славяне получили от Норманнов! Зайдет ли речь о вооружении Руссов и их боевых приемах, для образца приводится ковер Английской королевы Матильды с изображением норманнских воинов. Оказывается, что русские Славяне даже и лодку не умели соорудить, и потому, чтобы дать понятие о русских ладьях, указывают на изображение норманнских судов в средневековых рукописях. Странно только, как эти призванные Варягорусы заговорили по-славянски, а не заставили нас выучиться своему германскому наречию?

Наша археологическая наука, положась на выводы историков-норманистов, шла доселе тем же ложным путем при объяснении многих древностей. Если некоторые предметы, отрытые в русской почве, походят на предметы, найденные в Дании или Швеции, то для наших памятников объяснение уже готово: это норманнское влияние. При этом не берутся в расчет два самые простые обстоятельства: 1) многие вещи одной и той же фабрики с помощью торговли распространились на весьма обширное пространство, помимо всяких политических влияний, и 2) многие сходные предметы встречаются нередко совершенно у разных народов, не находившихся никогда в сношениях между собою. Далее, особенно вредно отзывается эта теория на трудах молодых исследователей по части древней Русской истории и этнографии, по весьма естественной неопытности берущих за исходные пункты выводы норманизма. Русская филология также немало затруднена норманнским предрассудком, ко-

торый мешал до сих пор трезвому взгляду на начало русской письменности. Вообще норманнская струя проникла всюду, где только можно, и затемняла наш кругозор. Поколение за поколением с детства привыкло повторять басню о призвании Варягов как непреложный факт и отнимать у своих предков славу создания своего государства, которое, по летописному выражению, они "стяжали великим потом и великими трудами".

Из всего сказанного нисколько не следует, что с норманизмом можно было легко и скоро покончить. На этот счет мы не заблуждались. На его стороне, кроме стольких почтенных деятелей науки, находится и сила давней привычки. Мы так долго твердили сказание о Варягах, что совершенно сжились с ним. Мы ощущали даже некоторое довольство тем, что история наша, не так как у других народов, имевших мифические времена, начинается: известным годом, известным событием и таким еще оригинальным событием, как трогательная федерация славянских и чудских народов, отправляющая посольство за море! Правда, задняя мысль на счет неспособности наших предков к организации несколько омрачала это довольство; но зато нам было так покойно за Нестором и за Варягами! Мы были избавлены от труда бороться с сумраком предшествовавших веков и там искать своего начала. Фраза: "Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет" пришлась нам так по вкусу (особенно в эпоху обличительной литературы!).

По поводу своей статьи О мнимом призвании Варягов я выражал прискорбие, что принужден разойтись с М. П. Погодиным. Прискорбие это было совершенно искренне, как по личному уважению к почтенному ветерану, так и потому, что статья моя случайно совпала с празднованием его 50-летнего юбилея и с появлением в свет его Русской истории до Монгольского ига; а в этой книге древняя русская история построена все на том же норманнском основании. В течение всей своей 50-летней деятельности г. Погодин оста-

вался самым ревностным представителем норманизма, и едва только кем-нибудь заявлялись сомнения, он немедленно выступал бойцом, и по справедливости может быть назван патриархом современных норманистов. После стольких счастливо оконченных столкновений не мог конечно он обойти молчанием наше мнение, как и сам о том замечает.

М. П. Погодин выступил бойцом за норманнскую теорию еще в ранней молодости, и этим, к сожалению, предрешил дальнейшее направление своих трудов по обработке нашей древней истории. Если б он приступил к данному вопросу с большим запасом опытности в деле исторической критики, то, по всему вероятно, при своей даровитости, пришел бы не совсем к тем же результатам. Он начал свое учение поприще под влиянием двух подавляющих авторитетов того времени, Шлецера и Карамзина. Шлецер - надобно отдать ему справедливость - был сильный критический талант, в чем убеждает нас и его труд о русской летописи. Но в этом труде он отнесся не критически к своему исходному пункту, т. е. к летописному сказанию о призвании Варягов. Ему даже и в голову не пришло усомниться в этом сказании или войти в научные рассуждения и его достоверности. Зато надобно видеть, сколько остроумия и сколько усилий потратил он, чтобы согласить возникавшие из самой летописи противоречия с своим исходным пунктом: он относил их обыкновенно к неисправности и невежеству переписчиков Нестора, т. е. того идеального летописца, которого он себе представлял. Его саркастический тон и подчас слишком бесцеремонное отношение к противным мнениям (которые он прямо приписывал глупости и невежеству), конечно, должны были подействовать на современников и ближайшее поколение и, так сказать, порядком их запутать. Действительно, так и случилось.

Под влиянием норманнской школы начал писать свою историю и наш бессмертный Карамзин. Он не остановился над вопросом о начале Руси, а взял уже готовое его реше-

ние. Да иначе едва ли мог и поступить, ибо антинорманизм в науке был еще очень слаб. От Карамзина впрочем, не укрылись и некоторые слабые стороны норманизма. Но он желал возможно скорее покончить с этим начальным сумраком и выступить на широкую дорогу исторического повествования, то есть туда, где обилие материала давало свободу его изящному литературному гению. Мы, впрочем, не думаем считать Карамзина, только литератором. Нет, он был и ученый, и историк в истинном, благородном значении этих слов. Многие его исторические взгляды совсем не так устарели, как об этом думают. Для примера укажу на его знаменитое деление царствования Ивана Грозного на две части: с Сильвестром и Адашевым и без них. По моему мнению, оно остается верно исторической правде. Дальнейшая историография наша находит какую-то трагическую борьбу между Иваном с одной стороны, оппозицией бояр и старых вечников с другой, и казням его придает какой-то государственный смысл. Не видим мы этой трагической борьбы. Предшественники Ивана IV сделали более его для Русской монархии; однако они не прибегали к поголовной резне. Говорят, песни народные отнеслись с сочувствием к Грозному. Плохой аргумент для историка: песни народные отнеслись сочувственно и к Стеньке Разину. Но мы уклонились в сторону. Обратимся к нашему досточтимому противнику¹.

¹ В настоящее время, увы, уже покойному. К великому сожалению, мы лишились его в конце 1875 года. Свой ответ ему я, за немногими исключениями, оставляю в том же виде, в каком он был напечатан при его жизни.

II

Возражения г. Погодина

В начале своей статьи (Новое мнение г. Иловайского. Беседа, 1872, IV) М.П.Погодин говорит, что ему "тяжело" вновь распространяться о своих доказательствах в опровержение моих положений, что он ограничится опровержениями некоторых и кроме того общими положениями. Жаль, что наш почтенный ветеран не исполнил своего намерения, т. е. не занялся опровержением хотя бы только двух, трех из моих наиболее существенных положений, но опровержениями систематическими и скольконибудь обстоятельными. Вместо того он в коротких словах перебирает большую часть моих положений, сопровождая их категорическими, голословными замечаниями и часто не обращая никакого внимания на мои доказательства. А что касается до его общих соображений, то вот пример:

"В VIII, IX, X и XI веках Норманны, обитатели Дании, Швеции, Норвегии, были хозяевами на всех европейских морях: Немецком, Атлантическом, Средиземном. Взгляните на карту их морских походов: они переплывали Океан; нападали на Германию, Голландию, Францию, Британию, Италию, Ирландию, Испанию, Грецию; проникали в устья всех больших рек и селились по всем побережьям; показывались и водворялись на островах Ферарских, Оркадских, на отдаленной и холодной Исландии, в Северной Америке, задолго до Колумба. А противники норманства, с г. Иловайским включительно, хотят, чтобы Норманны оставили в покое только одну соседнюю нашу страну, для них самую удобную, подлежащую, и подходящую, т. е. устья Немана, Вислы, Двины и Невы. С чем это сообразно? Да они с этих мест и начать должны были свои нашествия. Они очень рано узнали дорогу к ней и через нее в Константинополь, к Каспийским Козарам, в Пермь (Биармию). Все летописи: греческие, русские, арабские полны описанием их повсеместных набегов и представляют везде совершенно одинаковые черты".

В этих немногих строках заключается довольно много погрешностей против истории. Во-первых, Норманны в VIII и IX веках не только не были хозяевами в Средиземном море, но едва начали туда проникать; а тем более они не напали на Грецию. О X и XI веках не может быть и речи, так как наша Русь ясно выступила под своим именем уже в IX веке. А будто Норманны проникали в устье всех больших рек и селились по всем побережьям - что это такое, как не гипербола? Какое нам дело : до того, что Норманны показывались на Ферарских островах, в холодной Исландии и даже в Северной Америке? (И, заметьте, все это было уже после появления Руси в истории.) Г. Погодин спрашивает, с чем сообразно, чтобы Норманны оставили в покое нашу страну? Не только сообразно, отвечаем мы, но совершенно естественно: так как наша страна не лежала ни в Ирландии, ни в Исландии. Стремление Норманнов на запад вполне согласно с ходом средней истории, когда северные и восточные варвары шли на запад и юг, где находили богатую и легкую добычу. Иногда этих варваров вытесняли с востока другие народы, далеко уступавшие им в знаменитости. Не буду говорить о Готах: укажу на племя, выступившее на поприще европейской истории почти одновременно с Норманнами - на Угров. Они приводили в трепет всю Среднюю Европу и завоевали обширные земли; а между тем эти Угры изгнаны из Южной России ордою Печенегов и потом отброшены от Нижнего Дуная Болгарами. Угры и доселе благоденствуют в чужой земле; а где их гонители Печенеги? Что сделалось с их победителями Славянскими Болгарами? По теории же г. Погодина выходит следующее: так как Угры громили Германию, Италию, Францию, Византийскую империю, западных и южных Славян, то покорение ими соседней России уже подразумевается само собой.

Относительно норманнских походов через Россию в Константинополь и Хазарию, норманисты все имеют в виду слова нашей летописи о пути из Варяг в Греки. Но в первой

статье своей мы уже указали, что слова летописца надобно относить к его собственному времени; тут разумеется XII век и никак не ранее XI. Летописец наивно описывает путешествие апостола Андрея по тому же пути; по логике норманистов выходит, что торговый путь из Варяг в Греки существовал уже в I веке нашей эры! Мы указывали на полную невозможность для Норманнов ходить из Балтийского моря в Черное ранее объединения земель, лежащих по этому пути под властью русских князей. Если Норманны в IX веке не плавали по Днепру, то говорить об их походах в Каспийское море значит просто давать волю своей фантазии. Плавание по широкому морскому пути в Исландию, а из Исландии в Гренландию было довольно легким делом в сравнении с речными походами по обширному материку, где надобно бороться и с огромными волоками, и с порогами, и с туземными племенами. А главное, все эти походы Норманнов по восточной Европе в IX веке и ранее совершенно гадательны и не подтверждаются ни единым историческим свидетельством, хотя, по словам г. Погодина о них свидетельствуют все летописи - греческие, русские и арабские. О черноморских и каспийских походах Руссов в IX и X веках, действительно, мы имеем современные свидетельства Византийцев и Арабов; но о Норманнах ни слова. Вообще мы не понимаем голословного повторения прежних домыслов, вроде хождения Норманнов в Черное и Каспийское море. Правила сколь-нибудь научной полемики требуют сначала опровергнуть доказательства противника.

Несколько ниже г. Погодин приводит хотя и не новое, тем не менее оригинальное соображение в пользу того мнения, что черноморские походы Руссов принадлежали Руси Норманнской, а не туземной или Приднепровской. Вот это соображение: Поляне были племя тихое и смирное. Не будем говорить об истории Полян-Руси в предшествующие века, хотя и туманные, однако не совсем недоступные людям, свободным от норманского предрассудка - века, напол-

ненные борьбою с одноплеменными и иноплеменными народами, каковы Готы, Гунны, Авары, Древляне, Угры и проч.; уже одно географическое положение их было таково, что тихое, смиренное племя здесь давно было бы стерто народными волнами. Все летописные известия о поведении Полян во время борьбы с Печенегами, Половцами и во время княжеских споров свидетельствуют, что это было энергичное, беспокойное и воинственное племя. (Проследите внимательно историю Киевлян, от человеческих жертвоприношений Перуну до убийства Игоря Ольговича.) Но г. Погодин в этом случае руководствуется известным разглагольствованием летописца о том, что Поляне "обычай имеют кроток и тих, и стыденье к снохам своим" и проч. Здесь собственно характеристика брачных и погребальных обрядов, и принадлежит она не IX веку, а XI и XII. Не говоря о явном пристрастии летописца к Полянам сравнительно с другими племенами и об их высшей гражданственности, мы думаем, что можно иметь стыденье к снохам и все-таки предпринимать дальние походы.

На наше замечание, что о пришествии к нам варяжских князей не только не говорят, но даже и намека не делают никакие летописи скандинавские, немецкие и греческие, г. Погодин возражает, что о водворении Роллона в Нормандии известно только по одной скандинавской саге. На это мы ответим: найдите хотя одну подобную же сагу о водворении Рюрика с братьями в России. Но если бы таковая и нашлась, и тогда не следует принимать ее на веру, без предварительного критического рассмотрения, насколько она самостоятельна: ибо в скандинавских сагах мы встречаем некоторые следы наших русских преданий. Последнее совершенно естественно, если взять в расчет родственные связи норманнских конунгов с нашими князьями со времени Ярослава I и вообще приезда Норманнов в Россию в качестве наемных дружинников и гостей в течение XI и XII веков. Хвастливые скандинавские саги немало баснословят о подвигах своих

героев в Гардарикии (т. е. на Руси) и приписывают им великое влияние на русские события; однако Русь, очевидно, представляется в сагах великим и туземным народом, а Русское государство настолько древним, что о его начале они ровно ничего не знают¹.

По нашему мнению, странно в особенности то, что Константин Багрянородный не упомянул о пришествии Варяго-русов, если б оно было в действительности. Он охотно рассказывает о подобных передвижениях и любит объяснять начало государств и народов. Укажем на его рассказы о начале угорской династии Арпадов, о Хазарах, Печенегах, Хорватах и т. п. Одно молчание такого свидетеля способно уничтожить всю норманнскую систему. Но г. Погодин не допускает *argumentum a silentio* там, где это невыгодно норманнской теории. Зато очень охотно допускает его там, где оно хотя немного говорит в ее пользу. Так Константин не упоминает о Руси Азовско-Черноморской, и этого довольно г. Погодину, чтоб отвергать ее исконное существование; отсюда у него в истории Русь Тмутраканская появляется так же *ex abrupto*, как и всякая другая Русь. Но, во-первых, как мы сказали, Константин охотно сообщает разные случаи из жизни народов, обитавших к северу от Черного моря: Угров, Хазар, Печенегов и т. п.; тогда как его географические данные об этих народах совсем не отличаются точностью и ясностью. Он даже не упоминает о разных народах, живших в Крыму рядом с греческим Херсонесом, например, о Готах; нельзя же на этом основании отрицать их существование. В его время Русь Тмутраканская, если не вся, то отчасти, находилась в зависимости от Хазар, ее надобно искать там, где у Константина говорится о Боспоре, Таматархе и девяти Хазарских областях, лежавших между Азовским и Черным морями (говорится очень коротко и неясно). Хазария, как этнографический термин, играла важную роль не только в X, но и XII и XIII веках, когда Хазарское государство уже не существовало (см. любопытную статью г. Бруна о Хаза-

рии в Трудах первого Археологического съезда). Так же неубедительна ссылка г. Погодина на молчание Фотия и Льва-диакона. Фотий говорит о Руссах без точного означения их места жительства, и его слова могут быть относимы как к Руси Азовско-Черноморской, так и к Руси Киевской; а Лев-диакон и саму Русь Киевскую называет Тавроскифами, чем указывает на ее общее происхождение с последними. Наконец, мы не понимаем возражения, основанного на молчании того или другого писателя. Для исторической критики имеет значение только сумма известий или сумма умолчаний. О пришествии Руси из Скандинавии молчат все иноземные источники; а существование Руси Тмутраканской подтверждает не одно свидетельство. В наших летописях она появляется в конце X века как особое княжество, следовательно, существовало и ранее. А наши отношения к Корсуню в течение этого века? А русские письма, найденные в Крыму, о которых говорит паннонское житие Св. Кирилла? А походы Руссов на Кавказ и в Каспийское море? А что такое арабские известия о третьей группе Руссов, которую, помимо Азовско-Черноморской Руси, и объяснить невозможно? Что такое свидетельство Масуди, около половины X века, о море Руссов (Нейтас), по которому только они и плавают и на одном из берегов которого они живут? Наконец известно, что Роксалане или Россалане жили около Азовского моря; а этих Росс-Алан из истории никто не изгонит. О моем сближении первой половины этого имени с нашей Русь или Рось г. Погодин и говорить не желает. Жаль. Интересно было бы послушать доказательства того, что Русь и Рось не одно и то же; а следовательно и Англы так же не тождественны с первой половиной сложного имени Англо-Саксы.

М. П. Погодин, столь усердно придерживаясь буквы нашей начальной летописи там, где она имеет легендарный характер, не затруднился отвергать ее достоверность в самой достоверной ее части - в договорах Олега и Игоря. Я обратил внимание на следующую явную несообразность с

теорией норманистов: Скандинавы клянутся не своими богами: Одним и Тором, а славянскими Перуном и Волосом. "Но почему вы знаете, спрашивает г. Погодин, что между этими божествами не было соответствия? Перун разве не близок к Тору? Не надо забывать того, что переводили договоры с греческого Болгары, от которых нельзя требовать мифологической учености. Перенесена же принадлежность языческого Волоса на христианского Власия!" Итак, в летописи оказывается страшный и систематический подлог! Мы говорим систематический, ибо этот подлог проведен и далее; стало быть, и тот Перун, который стоял в Киеве на холме и которому поклонялись князья и народ, был не Перун, а Тор. Не Перуна, а Тора оплакивали Киевляне, когда его идола столкнули в Днепр. Кстати, и новгородский Перун тоже вероятно в действительности был Тором? Жаль только, что между их именами нет такого же соответствия как между Волосом и Власием, между Святовитом и Св. Витом. Вот до какого соответствия можно договориться, защищая любимую теорию во что бы то ни стало! Тут же рядом у нашего противника стоят заверения в том, что наши летописцы и не умели сочинять легенд, что задних мыслей у них никогда не было, ни о каких комбинациях они понятия не имели, что первый летописец наш был "монах, заживо погребенный в киевских пещерах" и т. п. Право, такого почтенного человека, как М. П. Погодин, мне совестно обвинять в произвольном обращении с документальными источниками (каковы договоры), и я это делаю с прискорбием.

Кстати: норманизму не надо забывать того, что указание на перевод наших договоров, составленный Болгарами, не сведущими в Славянской мифологии, есть не более как догадка. Известно, что обращение Руси началось еще со времен патриарха Фотия; в эпоху договоров у них были храмы, было богослужение, следовательно можем предположить и письменность. Притом язык этих договоров тот же самый, какой мы видим в Русской Правде. Мы уже сказали, что

вопрос о начале русской письменности до сих пор затемнялся влиянием норманизма: ибо как можно допустить, чтобы Русь еще во времена Фотия имела славянскую письменность, когда уже решено, что эта Русь была норманнская и пришла прямо из Скандинавии!

Надобно признаться, возражения М. П. Погодина иногда уже слишком несерьезны. Вот еще примеры: по поводу указанного мною легендарного числа трех братьев, он отвечает, что у Адама и Ноя тоже было по три сына. Или: Русь уже потому не Славяне, говорит он, что все славянские племена назывались у нас во множественном числе (Поляне, Северяне, Кривичи и пр.), а чуждые племена называются собирательным именем женского рода (Чудь, Ливь, Корсь и пр.). В таком случае, отвечаем мы, Хазары, Печенеги и пр. суть племена славянские, а Серебь нашей летописи должна быть отнесена к народам неславянским. Мы указали на то, что Русью называли себя обитатели Приднепровья, а Новгородцы Русью себя не называли. Г. Погодин объясняет это тем, что "Русь с Олегом от них ушла". Жаль только, что неясным остается смысл самого призвания Варягов: Новгородцы посылали за ними так далеко (чуть ли не в Мекленбург-Шверинский, судя по некоторым намекам нашего антагониста); а Варяги только прошли чрез Новгород, да еще велели давать себе дань по 300 гривен в год. Какой черной неблагодарностью заплатили они доверчивым Новгородцам!

1 Как пример хвастливости этих саг и некоторого знакомства их с русскими преданиями укажем на сагу Олава Тригвесона. В ней вся слава обращения нашего Владимира Св. в христианство приписана юноше Олаву; причем последний держит речь, напоминающую то самое, что говорит мученик Варяг по нашей летописи. В этом обращении Олаву помогает супруга Владимира мудрая Аллогия, в которой нельзя не узнать его бабушку Ольгу. Сага хотя и путает события и лица, однако ее русский источник в данном случае не

подлежит сомнению. Итак, почему же наша легенда о призвании Варягоруусов, столь лестная для Норманнов, не отразилась в их сказаниях? Мы позволяем себе объяснять такое молчание поздним появлением и еще более поздним распространением самой нашей легенды: в том виде, в каком она дошла до нас, это не было собственно народное предание, сохранившее потомству память о действительном событии. Это было сплетение книжных домыслов и недоразумений.

III

Умеренный норманизм г. Куника. - Легендарная аналогия

М. П. Погодин в своем споре с г. Гедеоновым ограничился обычным повторением своей норманнской программы, а на помощь себе пригласил г. Куника, на которого и пала главная тяжесть борьбы. Приемы г. Куника мы находим способными поддержать спокойную, логичную полемику. До сих пор он не забрасывал общими местами, не уверял голословно, что наша начальная летопись безупречна или что Русь в арабских известиях суть Норманны и т. п.; а брал некоторые стороны вопроса и старался по возможности подкрепить норманнскую систему какими-либо аналогиями или новым, более точным анализом старых данных. Хотя конечные результаты этих работ все-таки не в пользу норманизма; но нельзя не отдать справедливости его добросовестному отношению к делу.

Мы, собственно, не понимаем умеренного норманизма. Что-нибудь одно: или Русь пришлое норманнское племя, или она туземный народ; середины тут не может быть. Острова Готланд и Даго не помогут. Норманнская система построена так искусственно, что нельзя тронуть никакой и

самой малой ее части, тотчас все здание рассыплется. Например, г. Куник не стоит за верность начальной хронологии и 862 год считает вставкой позднейших переписчиков Нестора. (Ответ Гедеонову. Зап. Акад. Н., 1864 т. VI, стр. 58.) Произвольность этой хронологии очевидна. Сказание о Варягах сам норманизм признает почерпнутым из народного предания, но какое же народное предание способно сохранять хронологические числа в течение целых столетий? Однако попробуйте отнять хронологию до 912 года, т.е. до смерти Олега (тем более что эти числовые данные не сходятся с росписью княжений, поставленной в начале летописи). Положим, чтоб объяснить Русь Бертинских летописей (839 год), надобно подвинуть призвание на 30 лет ранее, т.е. отнести его к 832 году; но что же тогда произойдет с главными действующими лицами? Рюрику при смерти было не менее 75 лет, и, однако, он оставил малолетнего сына. Олег, пришедший с Рюриком из Скандинавии, скончался бы столетним старцем. Когда около 1852 года возник вопрос о тысячелетии на основании мнения Круга, который хотел отодвинуть призвание десятью годами назад, то г. Погодин в своем Москвитянине решительно восстал против такой ереси. Одним из главных его доводов было соображение насчет Игоря, которого в "882 году выносили под Киевом на руках, следовательно он родился только что перед смертью Рюрика". И в настоящее время Игорю насчитывают при смерти около 70 лет, хотя года за три до нее он предпринял походы на Византию и в Малую Азию, а в самый год смерти с небольшой дружиной отправился за данью к такому свирепому племени, как Древляне, и хотя он оставил после себя малолетнего сына Святослава. Если накинуть ему еще десять лет (Никоновская летопись так и делает, относя его рождение к 866 году), тогда вероятность событий пострадает окончательно. Если оставить в стороне легенду о Рюрике, то на основании упомянутых фактов Игорю нельзя дать более 50 лет при смерти; даже дадим ему 60; следовательно,

его рождение должно быть отнесено не ранее как к 885 году, т. е. ко времени Олегова княжения. Очевидно, Олег был настоящим князем, т. е. старшим в княжеском роде, а не каким-то опекуном Игоря, как его изображают. Хороша опека, продолжающаяся почти до сорокалетнего возраста!

Чтобы сделать сколь-нибудь вероятным превращение Варягов в Славян, накопление стольких завоеваний и распространение имени Русь от горсти пришельцев на такое огромное пространство к концу IX века, норманистам надобно отодвинуть пришествие Рюрика с Варягами по крайней мере на 100 лет. Но тогда Игорь будет уже не сын Рюрика; между ними придется предположить целый ряд князей. Оскольд и Дир как товарищи Рюрика сделаются невозможными, если им оставить предводительство Русью под Константинополем в 865 году. Одним словом, уступкам и предположениям не будет конца, и все-таки антинорманисты не удовлетворятся. Они будут повторять свои докучные вопросы: укажите нам Русь в Скандинавии? Куда деваться с Россоланами и с нашими реками, носившими название Рось (так как народы получили свои имена от рек, а не наоборот)? Отчего нет скандинавского элемента в нашем языке, если Руссы еще в X веке употребляли свои особые имена и географические названия? Отчего никакие иноземные источники не упоминают о пришествии к нам Руси? и т. д. Наконец, если годы поставлены произвольно, то нет ли произвола и в самой передаче событий? Повторяю, норманистам неудобно отказываться от 862 года. Г. Погодин с свойственной ему прозорливостью понял всю опасность подобных уклонений от летописной легенды и не уступает из нее ни йоты. Правда, сам Шлецер усомнился в верности летописной хронологии и позволил себе на этом основании даже совсем отвергнуть Оскольдовых Руссов. Но то было не более как столбняк, нашедший на знаменитого критика; так по крайней мере объяснил нам г. Погодин (Зап. Акад. Н. т. XVIII). Напомним, что Карамзин также сомневался в данной хронологии.

Но возвратимся к г. Кунику. По поводу исследований Гедеонова он представил между прочим два любопытных соображения. Одно из них относится к следующему известию Бертинских летописей: в 839 году вместе с византийским посольством прибыли к императору Людовику Благодетелю люди, которые называли свой народ Рось, а своего царя Хаканом¹. При дворе Людовика заподозрили, что эти люди из племени Свеонов. Норманисты ухватились за последнее слово для подкрепления своей теории; но на беду тут замешался хакан. Антинорманисты говорили, что хаканами или каганами назывались цари хазарские, аварские, болгарские и князья русские (последнее вполне подтвердилось свидетельством Ибн-Дасты, у г. Хвольсона, где царь Руссов называется Хакан-Русь); но у Шведов никогда не существовал этот титул. Что же сделали норманисты? Они переделали нарицательное хакан в собственное имя Гакон. На опровержения Гедеонова г. Погодин отвечал просто и голословно, что слова *chacanus vocabulo* иначе и перевести нельзя как по имени Гакон. Но г. Куник остановился над этим свидетельством: оно слишком важно. Если допустить, что в 839 году в Южной России существовал народ Русь, управляемый хаканами, то норманнская теория должна быть упразднена. Ввиду такого оборота, г. Куник представил целое исследование о том, в каком смысле здесь употреблено слово *vocabulum*. Посредством разных соображений и сравнений он пытается доказать, что в данном случае это слово означает имя, а не звание. Уже сами сравнения не убедительны; но предположим, что автор действительно разумел имя лица, а не титул. Что же из этого? Разве тут не могло быть самого простого и обыкновенного недоразумения, т. е. что западный летописец непонятный ему титул принял за собственное имя? Это обстоятельство не укрылось от г. Куника, и он тут же приводит примеры подобных недоразумений. А исследование свое заканчивает словами: "Покуда надобно сознаться, что выражение *chacanus vocabulo* ждет еще

своего исследователя". Указываем на это заключение как на образец его добросовестности. По нашему мнению, если есть темный пункт в свидетельстве Бертинских летописей, так это слово: "из племени Свеонов" (*gentis Sueonum*). На них-то и следовало обратить внимание норманистов, т. е. совершенно определенный этнографический термин и что в данном случае разумелись исключительно Шведы. В первой своей статье я уже заявил сомнение относительно этого термина. Да и сам г. Куник замечает, что тут слово *Sueonum* может и означать Шведский материк. Но предположим, норманистам удалось бы доказать, что относительно этого слова нет ни ошибки в рукописи, ни какого-либо недоразумения у автора или вообще у франкского двора и что под Сеонами тут разумеется германское племя Шведов; все-таки останется несносный Хакан².

Второе соображение г. Куника относится к параллели, которую он проводит между нашей летописной легендой о призвании Варягов и рассказом Видукинда о призвании Англо-саксов в Британию. Мы уже заметили в первой статье своей, что тут есть только аналогия легендарная, т. е. литературная. Рассказ Видукинда о посольстве Бриттов и речь, которую они держали, есть также легенда. Сами причины призвания выставлены разные: там зовут чужое племя на помощь, у нас для господства. Исторической аналогии никакой нет: постепенное завоевание Англо-саксами Британии происходило на глазах истории; пришельцы сообщили завоеванной стране не одно название Англии, которое утвердилось за нею только по истечении нескольких столетий; они распространили в ней и свой язык. У нас не было ничего подобного. Самое существенное в параллели г. Куника есть повторение и там, и у нас знаменитого выражения: "земля наша велика и обильна". Но именно эти слова и указывают, что мы имеем дело не с историческим фактом, а с легендами. Что значит это выражение по отношению к нашему огромному Северу, когда и маленькая сравнительно

с ним половина Британского острова тоже именуется себя "великою и обильною землею?" Это показывает только, как в летописях разных народов повторяются одинаковые легендарные мотивы, вроде указанной нами саги о взятии города посредством голубей, которая встречается у нас, у Норманнов и у Монголов, но ранее других у нас.

По поводу сходных легенд у разных народов укажем на Вильгельма Теля. Вот еще новая, неприятная для норманистов аналогия! Давно ли весь образованный мир верил в Вильгельма Теля как в героя, положившего начало швейцарской свободы? Подвиги его рассказывались так обстоятельно и с такими подробностями, что казалось, и сомнение невозможно. И увы! В настоящее время Вильгельм Тель уже лицо не историческое, а сказочное. Клятва в долине Рютли и другие романтические обстоятельства швейцарского восстания тоже оказываются басней. А возникновение Швейцарского Союза объясняется обстоятельствами более естественными и более достоверными. И прежде некоторые ученые сомневались в достоверности упомянутых рассказов; а теперь, после исследований Рилье, они должны быть окончательно отнесены к области поэзии³. Начало этих легенд восходит ко второй половине XV века. Известный эпизод о яблоке, которое Вильгельм Тель должен был сбить с головы сына, есть почти буквальное повторение такого же случая, который Саксон Граматик в своей Истории Дании рассказывает о датском стрелке Токко. Рилье полагает, что рассказ этот заимствован швейцарскими хронистами, не прямо из Саксона, а из позднейших компиляторов. Мы на это заметим, что вообще трудно уследить пути, которыми разносятся легендарные мотивы. (Почти такая же история с яблоком есть и у нас в былинах о богатыре Дунае.) Конечно, Швейцарцы слишком привыкли к своему герою, и им тяжело с ним расстаться. На Рилье посыпались возражения. Нашлись люди, которые говорили: "Помилуйте, как же Вильгельм Тель не существовал, если предания о нем до

сих пор сохраняются между крестьянами, и они указывают самые места его подвигов?" Вот в том-то и дело, что первоначально крестьяне узнали о нем не из преданий, а из книг, конечно, при посредстве грамотных людей.

Кстати, в подтверждение моего мнения о том, что в средние века была особая склонность выводить народы из Скандинавии, могу прибавить еще пример Швейцарцев. У них также существовало предание, по которому население лесных кантонов произошло от норманнских выходцев: они пришли из Швеции и Остфрисландии еще в первые века нашей эры, под начальством трех вождей (и опять число три). Предание это не имеет никаких исторических основ и есть домысел досужих книжников.

Итак, чем более мы сличаем сказания, поставленные в начале истории каждого народа, тем более убеждаемся, что это факты не исторические, а литературные, и что у нас было то же самое, несмотря на уверения г. Погодина, будто наша история шла каким-то иным путем (не историческим) и будто наши летописцы передавали только сущую правду. Он спрашивает: что легендарного нашел я в известии о призвании Варяго-русов? "Оно написано так просто, кратко, ясно". Правда, написано коротко и ясно. Но потому-то и не имеет никакого вероятия. В баснях все совершается очень просто, и все препятствия обращаются ни во что. Путешествие апостола Андрея в Новгородскую землю, Кий с его путешествием в Царьград и другие подобные рассказы тоже ясны и просты; но кто же решится утверждать, что это исторические факты?

1 Что русские послы из Византии возвращались в Киев через Германию, на это есть аналогия. У Герберштейна говорится о плавании русских послов в Данию из Новгорода в конце XV века не обыкновенною дорогой, т. е. Балтийским морем, а Белым и Ледовитым. Источники дают нам объяснение тому во враждебных отношениях Руси с Швецией и Ганзейскими городами в эту эпоху. (См. "Историко-геогра-

фические известия Герберштейна" - Замысловского. Журн. М. Н. Пр. 1878. Июль.) Позд. прим.

2 Имя Свевов, как известно, распространялось когда-то на народы, жившие на берегу Балтийского моря, и на Дунае, и на Рейне; от него произошли названия Швеции, Швабии и кантона Швица (откуда и название всей Швейцарии). Кстати, приведем замечание Венелина о том, что "Славяне, жившие на островах (Волин и Узедом), у древних писателей назывались Свенянами, Suenones, от реки Свена". (Чтен. Об. И. и Др. 1847, No 5.) Мы, конечно, не будем выводить Русь с Балтийского поморья; у Балтийских Славян также не было хаканов. (Да и с какой стати князьками этих Славян или Норманнов того времени отправлять посольства в Византию?) Но Русь по языку своему могла быть признана соплеменной Балтийским Славянам. Наконец Южная Россия в средние века называлась не только Великая Скифия, но также и Великая Швеция (См. *Antiquites Russes. Heimskringla*), и, конечно, не потому, чтоб она была населена колонистами из Великой Скифии. Во всяком случае выражение *gentis Suenonum* еще ждет разъяснения. (При этом необходимо иметь в виду то обстоятельство, что Бертинские летописи изданы по спискам, которые, сколько мне известно, не восходят ранее XV века; следовательно, порча первоначального текста тут весьма возможна. Позд. прим.)

Вообще норманизм до сих пор тщательно устранял или отвергал все известия, где говорят о туземной Руси до призвания князей. Например, арабский писатель Табари (писал в конце IX или в начале X века) говорил о Руси, воевавшей на Кавказе с Арабами еще в VII веке. Г. Куник в своем трактате о Призвании шведских Родсов (*Die Bernfung der schwedischen Rodsen. 1844*) всеми возможными способами старается доказать, что это известие ошибочное. Прав он или нет, но любопытно, что в числе доказательств видное место занимает пресловутое миролюбие Славянского племени и его якобы непредприимчивый характер. Тут же рядом находим

у него целую ученую диссертацию, которая пытается подтвердить известие Аль-Катиба (современника Табари) о нападении Руссов на Севилью в 844 году. Известие это, очевидно, ошибочное; с чем согласился после и сам г. Куник по поводу исследования г. Гедеонова.

3 См. *Les origines de la Confederation Suisse* par Albert Rillet. *Seconde edition. Geneve et Bale. 1869.* А также его полемическую брошюру *Lettre a M. Henri Bordier. 1869.*

IV

Наши соображения о летописном своде и сближение двух Рюриков

Г. Погодин приписывает мне положение: "Летопись наша недостоверна", и затем победоносно опровергает это положение следующими словами: "Поход Оскольда и Диры засвидетельствован Фотием (в действительности Фотий свидетельствует только о походе Руссов; а Оскольда и Диры он не знает); Олегов договор переведен с греческаго (как будто я отрицаю Олегов договор!); Игоревых пленников видел Лиутпранд (т. е. их видел его вотчим, а Лиутпранд только слышал о них); Ольгу принимал Константин, Святослава видел Левдиакон (как будто я отрицаю существование Ольги и Святослава)" и т. д. Но из первой моей статьи кажется ясно, что вопрос идет не о достоверности летописи вообще, а только о некоторых начальных ее известиях, каковы: мнимая федерация Славян и Чуди, баснословный переход князей из Новгорода в Киев и тому подобные рассказы, не засвидетельствованные ни Фотием, ни кем-либо другим. Наша летопись, как и все другие, начинается легендами и становится более и более достоверной по мере приближения событий к эпохе самого летописца.

Далее г. Погодин приписывает мне положение: "Летопись наша сочинена в XIII или даже в XIV веке", и снова победоносно его опровергает. "Разве вы не знаете, - говорит он, - что в числе ее переписчиков или продолжателей есть историческое лицо, жившее в XI столетии, архимандрит, а после епископ Сильвестр, подписавший свое имя под 1110 годом и скончавшийся в 1124 году? Разве вы не знаете (следует перечень списков, где находится так называемая Нестерова летопись)". Но позвольте, у меня совсем не сказано, будто летопись сочинена в XIII или в XIV веке. У меня говорится о летописных сводах и рукописях. Я говорил, что мы не имеем ни одного летописного сборника в рукописи, которая была бы ранее второй половины XIV века, и это всеми признано. О сводах говорится, что начальная или так называемая Нестерова летопись в первобытном своем виде до нас не дошла, и это признано большинством ученых. Я прибавил только, что легенда о призвании князей, по всей вероятности, происхождения (или точнее оттенка) новгородского и настоящий свой вид получила в том летописном своде, который был составлен не ранее второй половины XII или первой XIII века. И это положение голословно отвергнуть нельзя. Постараемся представить вкратце наши соображения по данному вопросу.

Разность моего мнения от мнения большинства ученых, работавших над летописями, заключается в том, что я не отделяю Несторовой или Сильвестровой летописи (Повести временных лет) вообще от южно-русского свода; т. е. признаю ее неотъемлемой частью того Киевского свода, который кончается XII веком и дошел до нас преимущественно в так называемом Ипатьевском списке. Одним словом, известную нам редакцию Повести временных лет в этом своде я передвигаю от начала XII на конец XII или начало XIII века.

Предварительно сделаем следующую оговорку. Мы переносим дошедшую до нас редакцию начальной летописи

приблизительно лет на 100 вперед; но этому разногласию с существующим мнением не придаем главного значения в вопросе о происхождении Руси. Предположим, что до нас дошла редакция начала XII века или конца XI, и тогда известие о Варягах-Руси остается такой же легендой, как и теперь; ибо летописец все-таки говорит о событии, которое совершилось до него почти за 250 лет. (Легенда о Вильгельме Теле появилась около полутора столетия лет после битвы при Моргартене.) На таком расстоянии никакое предание не может получить веры, если оно не подтверждается другими, независимыми от него свидетельствами или такими историческими явлениями, которые находятся с ним в непосредственной связи. Например, о пришествии Руси из Скандинавии не говорят никакие европейские и азиатские летописи; но если бы, при недостатке свидетельств, мы в своей дальнейшей истории все-таки видели несомненную борьбу в населении двух элементов, иноземного и туземного, и находили несомненно чуждую примесь в русском языке и т. п., тогда легенда могла бы получить какую-нибудь достоверность. Ничего подобного нет. Никакой борьбы разнородных начал в населении Киевской Руси мы не видим, никакой иноземной струи в народном языке или в письменных памятниках нет. В самых первых памятниках нашей письменности, в договорах с Греками, Русь является туземным народом и не делает ни малейшего намека на варяжское происхождение; напротив, в первом своем юридическом своде, т. е. в Русской Правде, Русь относится к Варягам как к иноземцам и иноплеменникам (Русская Правда, конечно, существовала уже до Ярослава I; это существование подтверждается ссылками упомянутых договоров на "Русский закон"). Таким образом, и при существующем мнении о редакции начальной летописи призывание Варяго-русов остается легендой. Но мы кроме того в самой летописи считаем редакцию этой легенды искаженной в более позднее время.

Здесь не место распространяться о тех ученых работах, которые, вопреки мнению г. Погодина, постепенно и неоспоримо доказали, что приписывать Нестору нашу начальную летопись есть плод недоразумений (такой же старый предрассудок, каким мы считаем призвание Варягов). Нестор был автором Жития Бориса и Глеба и Жития Феодосия Печерского. Но кто были наши древнейшие летописцы, судить о том трудно; ибо никакой цельный летописец до нас не дошел, а дошел летописный свод¹. Мы предпочитаем мнение гг. Срезневского и Костомарова, что первая часть этого летописного свода, оканчивающаяся 1116 годом, принадлежит Сильвестру, игумену Выдубецкого Михайлова монастыря; о чем он сам ясно заявил известною припискою ("Игумен Сильвестр святаго Михаила написах книги си летописец, надеяся от Бога милость прияти, при князе Владимире, княжашу ему в Киеве, а мне в то время игумянищу у святого Михаила в 6624, индикта 9 лета"). На Сильвестра указывает и хронологический перечень киевских княжений, поставленный в начале свода и доведенный до начала княжения Владимира Мономаха. Но и этот Сильвестров свод не дошел до нас в своем первоначальном виде; о чем свидетельствуют разные вставки, которые не могли принадлежать Сильвестру, а принадлежали его писателям и продолжателям, местами дополнявшим его, местами сокращавшим².

Итак, повторяю, разногласие наше с мнением ученых состоит в том, что мы Сильвестров свод или Повесть временных лет считаем неотъемлемой частью того летописного свода, который оканчивается XII веком. Характер некоторой цельности (опять-таки за исключением позднейших искажений и сокращений) мы признаем только за всем Киевским сводом вместе взятым, и не делим его на две неравные части: до и после 1110 года.

Где, когда и кем составлен этот свод?

На вопросы: "откуда взялось имя Русь и где жила первоначально Русь?" г. Погодин лаконически отвечает: "Открытое поле для догадок". (Зап. Акад. Н. т. VI.) Мы также можем ответить на свой вопрос о летописи. Тем не менее предложим и свои догадки, которые могут быть приняты к сведению при дальнейшей разработке этого вопроса.

Киевский свод, конечно, составлен в то время, на котором он останавливается, т. е. в конце XII или начале XIII века: а потому спрашиваем: не был ли он составлен в том же Михайловом Выдубецком монастыре, где писал игумен Сильвестр, и также игуменом этого монастыря Моисеем? В пользу такой догадки говорит следующее обстоятельство. Свод заканчивается известием о построении стены Выдубецкого монастыря и похвальным словом ее строителю великому князю киевскому Рюрику Ростиславичу. Кому же было писать эту похвалу и благодарность как не игумену Выдубецкого монастыря? А игуменом в то время был Моисей, о котором упоминается под 1197 годом и потом в самом похвальном слове. Похвала прямо обращается к Рюрику и говорит: "Мы, смиренные, чем можем воздать тебе за твои благодеяния, которые ты нам творишь и творил? Только молитвами о здравии твоём и о спасении. Приими писание нашей грубости как словесный дар, на похваление добродетелей. - Мы твои должники и молитвенники. Наш присный Господине, единомысленно суще ко избранному сему месту" и пр. Ясно, что обращение к Рюрику здесь делается от лица Выдубецкого монастыря. В этой похвале заметна притом особая склонность вспоминать о Моисее Израильском; о нем говорится три раза; что также намекает на имя или самого автора или того, кто руководил писавшим.

До сих пор это похвальное слово Рюрику Ростиславичу считали какою-то вставкой в Ипатьевском списке, взятой из монастырского летописца. Но, во-первых, заключение свода как-то не вяжется с понятием о вставке. Во-вторых, с какой стати автору или писателю заканчивать свой труд именно

похвалой князю Рюрику, если бы не было для того особых побуждений? В-третьих, наконец, это похвальное слово не стоит в летописи чем-то особым; оно имеет некоторую связь и с предыдущим повествованием. Выдубецкий монастырь, очевидно, пользовался особым покровительством и щедротами князя Рюрика. На тесную их связь указывает то обстоятельство, что предшественник Моисея игумен Андрей был духовником Рюрика и возведен им в сан епископа Белгородского (Ипат. лет. под 1190 г.). Построение стены, исполненное художником Милонегом, сопряженное с большими трудностями и издержками, было только наиболее крупным из благодеяний князя Выдубецкому монастырю. По окончании этого дела князь устроил большой пир и трапезу для всей монастырской братии и всех оделил подарками. Если воротимся назад и проследим в Ипатьевском списке все известия о Рюрике, то увидим, с каким почтением и любовью относится летопись к этому князю. Начиная с 1173 года, со времени его возвращения из Новгорода, она тщательно отмечает не только его дела, но и его семейные события; наделяет его эпитетами "благовернаго", "боголюбиваго" и "христоролюбиваго". А между тем в действительности Рюрик далеко не был таким добрым князем, каким он здесь изображается. Сам женатый на Половчанке, он иногда дружил с Половцами, и в войнах с соперниками наводил этих дикарей на Русскую землю; позволял им грабить и разорять самый Киев, как это случилось в 1203 году. Хотя летопись оканчивается 1200 годом, но составление ее, вероятно, завершено не в этом году, а несколько позднее, впрочем ранее смерти Рюрика (1215); ибо летопись говорит о нем как о живом лице. На дальнейшее время указывает некоторое забегание вперед. Например, под 1198 годом говорится, что в эту зиму родилась в Вышегороде внучка Рюрика Евфросинья, прозванием Измарагд, из Вышегорода ее отвезли к деду, и она была воспитана в Киеве на Горах (т. е. в Верхнем городе).

Обращаю внимание на следующее место в Похвальном Слове: "Сей же христороубец Рюрик леты не многы сы, чада прижи себе по плоти; от них же несть время сказанию положить; по духу же паче прозябение в наследье ему быть". Эти довольно темные слова можно толковать в таком смысле: Рюриковы дети по духу своему достойные наследники отца; но о них еще не наступило время начать сказание. Тут может быть заключается намек на окончание летописи.

Итак, весь этот летописный свод не получит ли в наших глазах характер некоторой цельности и некоторого литературного построения, так как повествование о русских князьях в этом своде начинается Рюриком и кончается также Рюриком? Другими словами: насколько такое совпадение есть дело простого случая? Или: имеем ли право предположить, что Выдубецкий монастырь несколько поусердствовал своему благодетелю, выдвигая в летописи на передний план уже существовавший домисел о призвании Варягов, украшенный именем его благодетеля?

Это сопоставление начала и конца летописи, а также сопоставление двух игумнов Выдубецкого монастыря есть наша догадка. Насколько она основательна, может показать более точный анализ русских летописей. Во всяком случае дело идет только о редакциях. Когда бы ни было оттенено в летописном своде сказание о первом Рюрике, в начале XII века или в конце этого века, оно одинаково останется фактом литературным, а не историческим.

Что в промежуток между двумя названными игумнами летопись Киевская велась также не в Печерском монастыре, и на это есть в ней прямой намек. Под 1128 г. сказано: "В се же лето переяша Печеряне церковь св. Димитрия, и нарекоша ю Петра со грехом великим и неправо". Так не мог выразиться печерский летописатель, с чем согласен и г. Погодин (Исслед. и лекции IV, стр. 44). Мы можем полагать, что продолжатель Сильвестра жил там же, т. е. в Выдубецкой обители.

1 Имя Нестора прибавлено только в Хлебниковском списке, который относится ко второй половине XVI века: ни в Ипатьевском, ни в Лаврентьевском его нет. Над вопросом о летописях кроме г. Погодина в последние десятилетия работали гг. Казанский, Беляев, Сухомлинов, Срезневский, Соловьев, кн. Оболенский, Костомаров. Прекрасный свод всех предыдущих работ, дополненный собственными соображениями и выводами, представил г. Бестужев-Рюмин в своем труде О составе Русских Летописей (1868).

2 Укажем некоторые элементы в Сильвестровом отделе, которые по всем признакам принадлежали более поздней редакции. Например: 1) Значительно подновленный язык (по языку весь Киевский свод представляет целое). 2) Несогласие начальной хронологической росписи с дальнейшей расстановкой лет по княжениям. 3) Рассказ о крещении Владимира уже так далеко отстоял от самого события, что в его время существовали различные мнения о том, в каком городе крестился Владимир. 4) В рассказе о посольстве разных народов к Владимиру с предложением веры, Жиды казарские говорят, что Бог разгневался на их отцов, расточил их, а Иерусалим и землю их отдал христианам. Это могло быть написано только во время Иерусалимского королевства, и, судя по тону рассказа, не в начале его существования; а оно только что сложилось в начале XII века. 5) Употребление таких этнографических терминов в начале свода, которые распространились на востоке Европы во время крестовых походов; кроме Немцев, укажем особенно на слово Венедицы и Фрягове. Немцы и Венедицы (Венициане) Слова о Полку Игоревом намекают на ту же эпоху. Некоторые исследователи, впрочем, относят к числу вставок и то, что едва ли можно к ним отнести, например рассказ об ослеплении Василька. Но этот рассказ и вообще участие Выдубецкого игумена-летописца к судьбе Василька сделаются нам вполне понятны, если вспомним, что несчастный князь пе-

ред своим ослеплением заезжал помолиться именно в Выдубецкий монастырь и там ужинал у игумена.

З. Г. Погодин и сам утверждает, что последняя часть Киевской летописи принадлежит Выдубецкому монастырю, а не Печерскому (ibid. 44). Было бы несогласно с духом и обычаями древнерусских монастырей предполагать, что одна и та же летопись, одно и то же дело, начата в Печерском монастыре, а окончилась в Выдубецком. Обращу еще внимание на следующее обстоятельство. Даниил Романович в 1245 г., отправляясь в Золотую Орду, по словам Ипатьевского списка, при проезде через Киев останавливался именно в том же Выдубецком монастыре и служил там молебен. Это бросает некоторый свет на связь Волынской летописи с Киевской по Ипатьевскому списку. Вышеуказанное совпадение двух Рюриков, в начале и в конце Киевско-Выдубецкой летописи, могло быть случайное и не иметь особого значения. А сопоставление двух игуменов Выдубецкого монастыря, Сильвестра и Моисея, сделано еще Срезневским ("Древние памятники письменности", под 1200 годом. Известия Акад. Н. Х. 167). Позд. пр.

V

Характер летописного дела. Разногласие летописцев по вопросу о Варягах и Руси

Повторять слова о бесстрастии наших летописцев значит повторять положение давно отвергнутое. Представление о летописце как о монахе, заживо погребенном в Киевских пещерах, это представление годится только для поэзии (как Пимен Пушкина). Человек, вполне отрекшийся от мира и углубившийся в себя, не мог знать того, что совершалось на пространстве Русской земли и следить за ее разнообразными событиями. Откуда, например, мог он иметь под руками

такие документальные источники, как договор с Греками или договоры междукняжеские? Эти документы хранились при княжеских дворах. Кто мог сообщать ему поучения, послания и вообще грамоты княжеские, подробности битв, дипломатических сношений, советов князей с дружиной, даже помыслы и побуждения того или другого князя? и т. д. Ясно, что все это не могло быть писано без ведома и соизволения самих князей. Сам г. Погодин (Исслед. и лекц. IV стр. 7) указал на официальное значение летописей. Но вообще эта сторона вопроса до сих пор не была достаточно обследована. Слово официальность, конечно, тут не должно быть понимаемо в настоящем его смысле. В наше время официальная литература почти не оставляет самостоятельности и свободы для редакции. Но в те времена еще наивных литературных приемов такой строгой дисциплины не могло быть.

Уже по самому характеру своему, имевшему государственное значение, летопись не могла быть предпринята и исполнена простым смиренным монахом (каким изображают нам Нестора), без благословения игумена и вообще без участия монастырских или церковных властей. Напротив, по всем признакам, летопись вел или сам игумен, или возлагал этот труд на кого-либо из братии, наиболее способного к такому делу; причем, конечно, не оставлял его своим руководством и сообщением материалов. А игумены ближних монастырей, наряду с другими церковными властями, как известно, были вхожи в княжеский дворец, призывались иногда в княжескую думу, участвовали в торжествах, посольствах и т. п. Нет сомнения, что гражданские летописи нередко велись по поручению и под надзором самих князей. Что князья наши были знакомы с летописями, на это встречаем указания в их действиях. Например, они хорошо знали свою родословную, старые счеты с другими княжескими родами, те княжие столы, которые занимали их предки и пр.; что без записей трудно себе представить. Летописное дело в

древней Руси, как и всякое книжное дело, конечно, принадлежало духовенству, и началось оно, по всей вероятности, записями при архиерейских кафедрах, а также записями монастырскими. А потом, по образцу византийскому, начались и летописные своды с гражданским характером. Князья необходимо должны были воспользоваться ими для своих и государственных потребностей.

Оттого что наши летописи не были делом личным, а велись, так сказать, преемственно и составлялись под наблюдением властей, оттого-то они и получили такой безличный характер и не сохранили имен своих авторов. До нас дошли некоторые имена; но и тут мы в затруднении определить долю их личного вклада.

Итак, мы не находим ничего необыкновенного, если летописный свод, составленный в конце XII или начале XIII века в Выдубецком монастыре, был совершен игумном этого монастыря или под его руководством кем-либо из братии, не без ведома их милостивца великого князя киевского Рюрика Ростиславича. Конечно, летопись велась не в одном Выдубецком монастыре. Она могла быть ведена и в других, особенно в Печерском. Но случилось так, что свод Выдубецкий получил более официальное и государственное значение, чем прочие. Свод этот, может быть, пользовался отчасти и Печерским летописцем, почему и сохранил так много подробностей о монастыре Печерском; впрочем, последний по своему первенствующему значению и по своим связям с другими монастырями неизбежно должен был иметь значительную долю влияния и в деле летописном. Свод и сборники летописные постоянно переписывались, переходили из монастыря в монастырь, из города в город; причем пополнялись или сокращались, смотря по местным потребностям и условиям. Дело это велось, конечно, с теми литературными приемами, которые вполне соответствовали времени. Строгой системы, точности в изложении и списыва-

нии, выдержанности тона и т. п. качеств странно было бы и требовать от наших летописцев и писателей.

Мы нисколько не отрицаем, что в старейшей, т. е. Сильвестровой редакции Повести временных лет уже было известие о Варягах; при других обстоятельствах это известие, пожалуй, и не получило бы такого видного значения; а при тех условиях, при которых составился свод конца XII века, оно выдвинулось еще более и получило вид исторического факта. Таково наше предположение.

Есть и другие поводы думать, что легенда о Варягах настоящий свой вид получила в своде не ранее конца XII века. Во первых, как мы уже указывали в первой статье, ни один из других литературных памятников нам известных и несомненно принадлежащих эпохе дотатарской, не упоминает о призвании Варягов и не знает норманна Рюрика как родоначальника русских князей. Следовательно, эта легенда в те времена еще не была общественной или общепринятой. Во вторых, дошедшие до нас летописные сборники представляют значительное разногласие по вопросу о Варягах-Руси. Разногласие это еще более увеличится, если сравним их с показаниями польских и западнорусских историков, которые пользовались русскими летописями; так как после упадка Киева летописное дело, кроме Северной России, некоторое время процветало и в Западной, особенно на Волыни. Мы уже указывали на Длугоша и Стрыйковского, которые сообщают известия, взятые из русских летописей. Они не знают Руси, пришедшей откуда-нибудь из-за моря: Русь представляется им народом туземным, с незапамятных времен обитавшим в Южной России. Они хотя упоминают об Оскольде и Дире, но как о туземных киевских князьях, потомках Кия. В то время как Оскольд и Дир, говорят они, владели южно-русскими племенами, севернорусские племена (по Длутошу, переселившиеся с юга, потому, что тяготились господством южных князей) приняли к себе на княжение трех Варягов. Стрыйковский уже знает басню о Гостомысле; о

призвании же Варягов замечает: "Летописцы русские не объясняют, кто были Варяги; но просто начинают свою хронику таким образом: послаша Русь к Варягам (заметьте: посылает Русь к Варягам, а не к Варягам-Руси), говоря: приходите княжить и владеть нами". В другом месте он говорит, что русские хроники ведут род своих князей от колена римских цезарей, именно от выходца римского Палемона, который с 500 товарищей удалился на берега Балтийского моря в Жмудь и Литву; "так ведут свой род великие князья московские и настоящий Иван Васильевич". Здесь опять встречается поверье о пришествии княжеского рода, а не целого народа Русь; мнение о выходе из Литвы, как видим, началось не с Ивана Грозного, а существовало уже при его предшественниках. Свидетельство Стрыйковского подтверждается Герберштейном, который писал в первой половине XVI века. Он также пользовался русскими летописями, приблизительно в сводах XIV и XV веков; также знает басню о Гостомысле и также не смешивает Русь с Варягами. Он говорит, что Руссы прежде платили дань Казарам и Варягам; что из русских летописей он не мог узнать ничего, кроме имени, кто были Варяги и из какой земли они пришли, и что по мнению самих Русских, призванные ими три брата вели свое происхождение от Римлян.

Длугош относительно происхождения Руси заметил, что мнения писателей об этом предмете разнообразны, и что это разнообразие "более затемняет, чем выясняет истину". Герберштейн, Стрыйковский и Гваньин поясняют нам, в чем именно состояли различные толки о происхождении имени Русь. Они приводят следующие мнения: 1) от Руса, то библейского, то брата Чеху и Леху; 2) от сарматского народа Роксалан; 3) от города Русы; 4) от русских волос; 5) от слова рассеяние, почему Греки прежде называли Русских Спорами (6-е мнение приводят Воскресенская и Густынская летописи: от реки Русы или Рось). Замечательно, что в числе этих разнообразных мнений, сообщаемых западными писа-

телями, совсем нет происхождения имени Русь от пришлой Варяжской Руси. Повторяю, для нас весьма важно, что западные писатели, имевшие под руками русские летописи не смешивают Русь с Варягами; Русь у них остается народом туземным, а Варяги иноземцами, как, по всей вероятности, и было в древнейших летописях. Варягов призывает сама Русь. Басня о Палемоне в пересказе Гваньина представляет яркую аналогию для нашей басни о трех братьях Варягах, с прибавлением их деда по матери Гостомысла. Палемон оставил по себе трех внуков, которые и наследовали Литовскую землю. Они назывались Боркус, Кунош и Спера. Боркус на берегах реки Юрги построил замок Юрборк, Кунош заложил замок Куношов, а Спера Вилькомир. Боркуш и Спера скоро умерли; Кунош начал один владеть всей землей, и т. д. Разве все это не указывает на повторение одних и тех же легендарных мотивов в разных местах и у разных народов? Очевидно, наша легенда и литовское сказание суть варианты на одну и ту же тему: происхождение князей от знатных иноземных выходцев.

Переходя к тем летописным сборникам, которые дошли до нас, мы видим, что легенда о Варягах-Руси совсем и не встречается во всех летописных редакциях в том виде, в каком мы обыкновенно ее представляем, и тут мы находим тоже значительное разнообразие. Степенная Книга, как известно, выводит Рюрика с братьями из Прусской земли и считает их потомками Прусса, брата Октавия Августа; она ничего не знает о пришествии Оскольда и Дира с севера. Воскресенская летопись и Новый летописец (по списку кн. Оболенского) сходны с Степенной Книгой относительно происхождения Рюрика и его братьев из рода Августа, а Никоновский свод относительно Оскольда и Дира. Густынская летопись также приводит вариант о посольстве за князьями в Прусскую землю, во град Малборк. По русскому хронографу (второй редакции. Изборник А. Попова 136 стр.) Русь - один род с Славянами - получила название от русых волос;

а Оскольд и Дир были племянники Кия. В Псковской летописи (так называемой второй) Оскольд и Дир являются киевскими князьями из Варяг, но пришедшими помимо Рюрика с братьями, и даже прежде их. Все это, возразят нам, суть своды позднейшие. Так, и конечно в них являются и позднейшие домыслы. Однако они пользовались более древними сводами, до нас не дошедшими, и если бы древнейшие своды были согласны между собой относительно происхождения Русского народа и его имени от Варягов, с Оскольдом и Диром включительно, тогда не могло бы явиться и такое разнообразие мнений и домыслов. Длугош писал в XV веке, следовательно пользовался западно-русскими летописями XIII и XIV веков. Первая редакция Степенной Книги приписывается митрополиту Киприану, следовательно начало ее составления возводится к концу XIV века; а материалами для него служили конечно летописные сборники также не позднее XIII и XIV веков. То же должно заметить и о Псковской второй летописи, составление которой может быть отнесено приблизительно к концу XV века.

К сожалению, до нас не дошло полное начало новгородских летописей, которые, без сомнения, могли бы доставить нам варианты относительно легенды о призвании Варягов. Отрывок из так называемой Иакимовской летописи хотя и есть риторическое произведение времени позднейшего, но, по справедливому замечанию профессора Соловьева, "нет сомнения, что составитель ее пользовался начальной Новгородской летописью" (Ист. Рос. III. 140). А в каком виде находим мы здесь легенду о призвании? Она украшена разными подробностями, преимущественно Гостомыслом с его тремя дочерьми и вещим сном (наподобие Астиага); но замечательно, что в ней не смешивается Русь с Варягами, так же как у Длугоша, Герберштейна, Стрыйковского (Кромера, Меховия); в призвании Варягов участвует кроме других народов и Русь. Этот вариант получит еще большую важность, когда сравним его с произведением гораздо более

древним, именно с летописцем патриарха цареградского Никифора, составленным в Новгороде в конце XIII века. Там сказано: Придоша Русь, Чудь, Словене, Кривичи, к Варягам, реша и пр.¹. Отсюда несомненно, что еще в XIII веке наши летописцы различали Русь от Варягов; а если в некоторых редакциях и началось уже смешение, то как новость, которая не успела еще распространиться и запутать, затемнить представление о Руси как о туземном народе.

Интересно, что скажут норманисты против этой новгородской редакции, несомненно принадлежащей XIII веку? Она древнее списков Ипатьевского и Лаврентьевского, из которых первый относится к XV веку, а второй с натяжками к концу XIV (ибо нет доказательств, чтобы Лаврентьевский свод дошел до нас в рукописи самого Лаврентия). Эта редакция как нельзя лучше подтверждает, что в тех древних летописях, которыми пользовались Иакимовский отрывок, Длугош, Стрыйковский и Герберштейн, Русь не смешивалась с Варягами и изображалась народом туземным, а не пришлым. А в этомто и весь корень вопроса. Как только отделим Русь от Варягов, то вся система норманистов превращается в прах. Одно, что остается им - это производить если не целый народ Русь, то по крайней мере княжеский род и его ближних от пришлых Варягов и из народного сделать вопрос династическим². Нет сомнения, что в таком именно виде и существовала легенда о призвании Варягов в древнейших редакциях; а смешение Руси с Варягами произошло конечно позднее. Тогда легенда эта не покажется такой нелепою, какой она явилась впоследствии, когда писатели и сокращатели отождествляли саму Русь с Варягами и сочинили таким образом небывалое племя Варяго-русов, а Славян заставили призывать к себе для господства целый чуждый народ³. Но и в этой усеченной, т. е. дружинно-династической форме норманизм едва ли может найти себе спасение; ибо он тотчас натолкнется на слова Олегова договора: "Мы от рода русскаго" и на другие препятствия. Если взять

в расчет известие об Оскольде и Дире как о туземных князьях - что также, без сомнения, существовало в древнейших летописных редакциях, - то опять-таки норманская система должна разбиться; так как на Юге окажется Русь прежде призвания Варягов. Следовательно, и на эту уступку (начало которой было уже сделано Шлецером) норманизму так-же нельзя согласиться. Чтобы спасти себя, повторяю, ему необходимо отстаивать легенду в полном ее составе и в том виде, в котором, при помощи недоразумений, выработало ее досужество наших старинных книжников, т. е. с небывалым народом Варягоруссов, с невозможной хронологией, Оскольдом и Диром, и пр. отстаивать во что бы то ни стало, хотя бы с явным пожертвованием здравого смысла.

1 См. П. С. Р. Л. I. 251. А сама рукопись, в которой заключается этот летописец, хранится в Москов. Синодальн. библиотеке; если не ошибаемся, в настоящее время под No 132.

2 Т. е. предположить у Кривичей, Мери и Чуди IX века приблизительно такие же развитые формы государственного быта и международной политики, какие существуют в Европе в наше время, предположить нечто вроде федеративного парламента.

3 Эта путаница отразилась и в тех этнографических умствованиях, которыми начинаются наши своды; там Русь то упоминается отдельно от Варяг, то связывается с ними. К довершению запутанности укажем на то обстоятельство, что в некоторых сводах (Софийском, Воскресенском и Тверском) первобытными насельниками или обитателями названы в Новгороде Славяне, а в Киеве Варяги. Таким образом рядом с пришествием в Новгород Варягов то из Прусской земли, то из Немца, можно поставить еще пришествие их из Киева.

Филология норманистов. Имена князей

Но что за дело до противоречия с историей, до легендарности сказания, до искажения и разногласия русских летописей? У норманистов остается еще целое поле для своей защиты. Это филология. Ввиду ненадежности всякой другой поддержки, некоторые из норманистов уже высказали мысль: якобы вопрос о происхождении Руси есть вопрос не исторический, а филологический. Как будто история может расходиться с филологией. Мы думаем, что там, где филологические выводы противоречат историческим обстоятельствам, виновата не наука филология, а те филологи, которые прибегают к натяжкам на заданную тему. Если выходит несогласие с историей, значит филологические приемы были не научны, исследования произведены не точно, данные осмотрены односторонне: а потому и выводы неверны.

В прошлой статье мы уже касались филологии норманистов. Взглянем на нее еще раз.

М. П. Погодин в "Истории до Монгольского ига" и в возражении на нашу статью повторяет свое старое мнение о скандинавском происхождении многих чисто русских слов, каковы: бояре, гриди, гости, смерды, люди, верви, дума, вира, скот, гривна и пр. Корни этих слов могут быть объясняемы только в связи с индоевропейскими корнями; но исконная принадлежность их русскому и вообще славянскому языку давным-давно утверждена. Странно, каким образом, например после книги г. Срезневского Мысль об истории русского языка, где принадлежность славянству подобных слов столь ясно указана, каким образом, говорим мы, наш мастистый писатель продолжает повторять все то же мнение о принесении этих слов из Скандинавии. Кроме книги г. Срезневского укажем еще на книгу г. Буслаева: о Влиянии христианства на славянский язык. Необращая внимания на успехи русской филологии, крайний норманизм все еще ос-

тается при филологических воззрениях Сабинина, Греча, Буткова и т. п. Г. Буслаев, руководясь вполне научными приемами, нашел возможным признать готский перевод Библии Ульфилы "важнейшим источником для языка славянского", и положение это подтвердил ясными примерами. В первой половине средних веков языки эти были еще так близки, что многие слова оставались равно понятны и Готам, и Славянам. А потому нет ничего удивительного, если в лексиконе северногерманских наречий не только в X веке, но и позднее можно найти еще много общего с лексиконом славянским. Не говоря даже о родстве корней, вообще отдельно взятые названия суть довольно шаткое мерило для определения их принадлежности тому или другому племени. Как нет простых, несложных исторических наций, так нет и простых, без всяких примесей, языков (особенно в лексическом отношении). Если судить по лексикону, то английский язык должен быть отнесен к романтической группе; однако его относят к языкам германской группы, на основании грамматики. Итак, не лексикон, а грамматика служит более точным мерилем при решении вопроса о языках. Настоящий английский язык сложился сравнительно во времена поздние; между тем как происхождение русского языка относится ко временам доисторическим. Тем не менее норманисты находят возможным продолжать свои скандинавские производства славяно-русских слов. В отношении к противникам они любят повторять пущенное в ход Шлецером выражение о филологической дыбе; а между тем никто более их не вымучивает так иноземные формы из русских слов.

Умеренные норманисты не трактуют о мнимой норманской стихии в русском языке; но они стоят за собственные имена князей и дружины и за якобы скандинавские названия Днепровских порогов. Относительно личных имен мы уже указывали на несостоятельность их мнения. И опять повторяем: что же из того следует, что то или другое имя

(впрочем редко в том же виде, а большей частью в подобии) можно встретить и в скандинавских памятниках? Следует только тот вывод, что многие имена были общими у восточнославянской и восточногерманской ветви. Они подтверждают стародавнее родство самих народов и их долгое сожительство в Южной России, откуда Скандинавы вынесли многие черты, долго потом напоминавшие об этих родственных связях еще Готской эпохи.

Возьмем первые имена наших князей:

Рюрика. О Рюрике, пришедшем из Скандинавии, мы не говорим, ибо он не историческое лицо, а легендарное; следовательно, имя его относится к тому времени, когда составилась легенда. Исторических Рюриков известно по летописям только два: один Рюрик Ростиславич во второй половине XI века, а другой Рюрик Ростиславич во второй половине XII века. Следовательно, имя это встречается довольно поздно между русскими князьями, когда, по мнению норманистов, они уже сделались вполне Славянами, и мы не видим никакой надобности признавать его исключительно скандинавским на том основании, что в скандинавских сагах встречается Рорек (Гререкур). В первой статье мы сделали предположение о связи этого имени с именем одного из Олеговых послдов, Рюара (с его вариантами Рюар, по Воскресен. летописи, и Руря, по Густын.). Притом русское имя Рюрика совсем не стоит одиноко в славянском мире, на что было указано г. Гедеоновым. Так: Рерих и Рериг встречаются в числе имен древних чешских родов; славянское племя Бодричей называло себя иначе Ререгами (т. е. соколами); у них был также и город Рерик (Мекленбург); в числе поморских князей в начале IX века был князь Рерик. Тот же корень ру встречается в названии славянского народа Руяне и в имени славянского божества Руевит.

Обратим собственно внимание на имена двух первых князей, несомненно существовавших, т. е. Олега и Игоря. Олег и женское Ольга будто бы суть не что иное, как норманские

Holgi и Holga; что есть сокращенное мифологическое имя Halogi, означающее высокое пламя (Die Berufung der Schwedischen RodsenКуника); по другому мнению, это имя происходит от heilig, святой. Вообще норманисты не только русские имена делают исключительно германскими, но и подыскивают им значение из немецкого языка. При этом иногда дело не обходится без того, чтобы ученые, на основании созвучий, не впадали в ту систему осмысления, о которой мы говорили в прошлой статье. Эта система довольно соблазнительна, и, благодаря ей, многие хотя и сомнительные толкования сделались как бы общим местом, вроде Полян от полей, Немец от немой (стало быть, река Неман тоже от немой) и т. п. Многие собственные имена народные, географические и личные хотя и делаются неотъемлемой принадлежностью известного языка, однако, чтобы добраться до их значения, надобно восходить к общим индоевропейским корням и все-таки часто остаться только при гадательном предположении. Собственные имена Русь или Рось, Дон или Дунай, Тур или Тавр и пр. разве могут быть объяснены только из русского языка или из какого-либо другого, нам современного? Об Олеге и Ольге мы можем сказать, что они были в числе самых любимых имен у наших предков. Олег встречается до XIV века включительно; а Ольга перешла и в христианскую ономанологию¹. В летописях можно встретить это имя и с начальной в, т. е. Волга вместо Ольга (Лавр. 24 и 27), Вольгович вместо Ольгович (Ипат. под 1196). Форма Вольга употреблялась у нас и в мужском значении; напомним известного Вольгу, богатыря наших былин. Чуждое имя никогда не могло получить такую популярность в народе. Никогда не могло оно распространиться и на имена рек, которые вместе с личными именами по большей части ведут свое начало от времен мифологических. Название главной русской реки Волга несомненно есть то же самое имя. Вообще в языческую эпоху народные и личные имена мы постоянно находим в тесной связи с геог-

рафическими именами и преимущественно с названиями рек. Например, Дунай является богатырским именем в наших былинах; то же имя мы встречаем и в числе волынских бояр в XIII веке. Кроме известной Волги, есть еще река Вольга во Владимирской губернии. Река Олег упоминается летописью (Ипат.) под 1251 годом, в походе Даниила Романовича на Ятвягов. А первая половина имени литовских князей Ольгерд и Ольгимунт разве не есть тот же Ольг или Олег? Литовское племя, как известно, находилось в более близком родстве с Славянским, чем с Германским. У других Славян, именно у древних Чехов, тоже встречаются: Olek, Oleg, Olha. Итак, если это имя и было где туземным, то, очевидно, у нас несравненно более, чем в Скандинавии.

Игорь (у Константина Багрянородного Ингор, у Лиутпранда Ингер) будто бы тоже исключительно скандинавское, хотя у Скандинавов не видим ни единого Игоря; там встречаются Ингвар, Игвар, династия Инглингов и т. п. Но еще Эверс остроумно заметил: бабка Василия Македонского, по сказанию Византийцев, была дочь благородного Ингера; неужели и этот Ингер был тоже Скандинав? Норманисты говорят, что корень в этом имени есть иг или инг, который будто принадлежит только германским языкам. Но такое положение очевидно неверно: например, название реки Ингуль (видоизменение Унгол или Угол) разве это немецкое, а не славянское название? Тот же корень иг или инг встречается в сложном русском имени Иггивлд (в договоре Игоря) и в имени хорутанского князя Инга, начала IX века. Г. Геденов справедливо заметил, что то же имя с приставкой слав, т. е. Ингослав, перешло в Ижослав или Ижеслав (на что указывает город Ижеславец) и оттуда в Изяслав. Что это заключение верно, доказательством тому служит название города в Угорской Руси Унгвар, которое перешло в Ужгород. (Варгород, а Унг, название реки, при которой он лежит.) Подобно Олегу, Игорь и Ингвар были любимыми русскими име-

нами; притом первое из них в летописях встречается гораздо прежде второго².

Для нас достаточно указать на туземство и славянство имен Олега и Игоря, как первых исторических князей наших. Мнение об их скандинавском происхождении было плодом недоразумений и малого знакомства с славянским миром; настаивать на этом происхождении в настоящее время может только крайний, ничему не внимающий нормализм. Что касается до Оскольда, мы можем не останавливаться серьезно над этим именем; ибо не имеем достаточно причин считать его лицом историческим, как и Рюрика, пришедшего из Скандинавии. Хотя г. Погодин и не согласен с тем, потому что летопись указывает на могилы Оскольда и Дира, но для нас это несколько не убедительно. Мы думаем что эти-то могилы и подали, вероятно, повод сложить миф о двух киевских князьях и связать их имя с византийским известием о походе Руссов на Константинополь в 865 году (мифический Кий тоже ходил в Константинополь); а в дальнейшем домысле книжников легенда связала их с Рюриком. Известно, что легенды народные особенно легко возникают около могильных и других курганов. Например, около Галича была Галичина могила и предание связывало с ней основание города; около Кракова была могила его мифического основателя князя Крока и т. п. Если можно с чем сблизить имя Оскольда или Осколода, то уж никак не со скандинавскими Хескульд и Аскель, а просто с нашей южно-русской рекой Оскол. А что такое имя Оскол? Мы позволяем себе заподозрить в нем слово сокол. Известно, что между русскими реками нередко встречаются имена птиц и животных (Лебедь или Лыбедь, Орел, Ворона, Медведица и пр.). Сокол легко мог перейти в Оскол или наоборот; примеры подобной перестановки у нас многочисленны³.

В летописи нам известен Асмуд, пестун Святослава. Но уже в истории V века мы встречаем у византийского писате-

ля Феофилакта греческого военачальника Ансимута, который был, очевидно, варварского происхождения. У него же встречаем другого военачальника Гудыс, которого имя, конечно, тождественно с Гуды Олегова договора. А варвары, служившие в Византии в VI веке, были по преимуществу славянской народности, подобно самим императорам Юстину I и Юстиниану I. Акуну Игорева договора соответствует славянский князь VIII века Акамир (Мет. Рор. II. 83). Точно так же имени русского князя Ута в этом договоре (Мутур, посол Утин) соответствует один из гуннских вождей Уто, по Иорнанду. Древние русские имена Борис и Глеб встречались и у Болгар. Труан Олегова договора есть, конечно, то же, что древне-болгарское имя Троян.

Договоры Олега и Игоря, по нашему мнению, сохранили нам интересный сборник древнейших русских имен-отрывок из славяно-русской ономастики того времени, когда она еще довольно близко стояла к ономастике немецкой. А по мнению норманистов, это большей частью чисто норманские имена, принесенные прямо из Скандинавии. Но некоторые из этих имен встречаются по летописям между чисто русскими людьми в XI, XII и XIII вв. (когда, по мнению самих норманистов, Русь вполне ославянилась). Например: Берн, Ивор, Тудко, Борко, Улеб, Акун или Якун, Алдан или Олдан, Тудор и др. Гуна или Гуня (в словах Гунарев и Гунастр) встречается даже в XVII веке, в лице известного товарища гетмана Острицы. Кроме того, это имя есть у Сербов и Болгар. (В некоторых местах России Гуня означает часть одежды, или рубаху или род кафтана.) Даже Карлы норманисты не в состоянии присвоить исключительно Немцам. Кроме доводов, приведенных нами в первой статье, укажу на половецкого хана Кобяка Карлыевича (Ипат. под 1183). Известно, что половецкие ханы роднились с Русскими и нередко носили их имена; следовательно, имя Карлы существовало у нас еще в XII веке. Что это имя не было чуждо славянскому языку, доказывают производные от него

не только у нас (карло, карлик и карлица), но и у Сербов, у которых карлица значит корыто и есть глагол карлисати - часто входить и выходить. Значительная часть из имен, приведенных в договорах, встречается в славянских и русских названиях рек и урочищ; например: города Берно, Утин; реки Свирь, Стырь, Слуда, Кара и пр. Слуды еще имеет значение утесов (см. Буслаева в Рус. Вест. 1873 No 1); городище Турдан на р. Колокша, села Турдиево и Турдиевы враги (гр. Уварова "Меня" в Трудах Первого Археол. Съезда. 673 и 683 стр.). Некоторые из этих имен встречаются у Литовцев или могут быть объясняемы с помощью литовского языка, на что уже указывал г. Костомаров, и что весьма естественно, по близости литовского языка к славянскому, особенно в те отдаленные времена. Норманисты, однако, продолжают свои скандинавские словопроизводства; причем пользуются, конечно, родством корней в славянском и немецком языках и действительно существовавшей общностью некоторых имен. А где недостает этих средств, там прибегают к всевозможным натяжкам. Благодаря таким приемам, почти все имена, взятые из первых двух веков нашей истории, оказываются скандинавскими, даже и такие чисто славянские как: Лют, Блуд, Глеб и пр.; на том основании, что у Норманнов встречаются *Gliph* и *Glibr*, *Liotr* и *Blotr*. Но почему же норманисты оставляют туземными имена оканчивающиеся на слав? Эти имена присутствуют уже в Игоровом договоре и у самих Норманнов встречаются имена на слав. Почему оставляют они нам Владимира? Ведь у Скандинавов был Вальдемар (хотя имя первого Вальдемара в Дании и объясняют происхождением его по матери от нашего Владимира Мономаха). Всеволод тоже мог бы обратиться в норманна, как Рогволод обратился в Рагенвальда⁴.

На возражение норманистов, почему многие древне-русские имена не встречаются у других Славян, г. Гедеонов справедливо заметил, что у каждого славянского народа в его мифологии и истории есть имена, которых также почти

нет у других Славян. Например у Чехов: Чех, Клен, Бех, Гериман, Тетва, Мун (а Моны Игорева договора?) и мн. др.; у Сербов: Жунь, Бальде, Гатальд, Бунь, Мик и пр.; у Ляхов: Попел, Пяст, Крок, Лешко, Ванда; у Хорутан: Валух, Борут, Карат; у Хорватов: Клюкас, Мухно, Борна и пр. Замечательно, что и у этих народов история начинается также не сложными именами и не такими, которые бы оканчивались на слав, мир и т. п. Большая часть упомянутых имен даже и не может быть объясняема из славянского языка; отсюда, по логике норманистов, следует отнести их к норманнским, и тем более, что некоторые из них или им подобные действительно встречаются у Немцев и у Норманнов (Попель, Крок, Бьерн и др.). С другой стороны, в немецкой и норманской истории немало можно найти прозваний действительно славянского происхождения. Но все это указывает только на родство европейских народов, на живое между ними общение. Мы не отрицаем, что в числе русских имен могли быть и некоторые норманнские, принесенные к нам вследствие родственных и других связей, и наоборот, те же связи влияли и на норманнов, к которым перешли и некоторые русские имена, что поддерживало старинное сходство в их ономастологии. Это сходство касается, впрочем, только части русских имен; другая их часть отзывается восточным миром; что совершенно естественно, если обратить внимание на географическое положение России, вследствие которого Русь с незапамятных времен вбирала в себя и славянила разнообразные элементы. Эти прозвания с восточным оттенком не означают непременно инородцев, и часто принадлежат русским или славянским людям, например: Олбыр, Мончук, Улан, Колча, Олуй, Сънгур, Блус, Шелв, Рах (Михайлович), Кучебич (Судимир), лях Яртак, Волдрис, Бяндюк (вторая половина напоминает богатыря Дюка Степановича) и мн. др. С первого взгляда вы скажете, что это Угры, Половцы, Литовцы и другие инородцы, вступившие в службу русских князей. Нет, мы имели до сих пор слишком преуве-

личное представление о количестве иноплеменников в числе русских бояр и дружинников. Конечно, они были; но масса дружины всетаки оставалась чисто русской. Укажу еще на имя Ольбег; с первого взгляда оно может показаться чуждым Славянской народности; но этот Ольбег был сын Ратибора, известного боярина Владимира Мономаха. А другой сын этого Ратибора назван в летописи Фомой. Вот какое разнообразие имен в одной и той же семье! Только антиисторический взгляд мог придумать еще теорию об основании Русского государства какимито сбродными дружинами, следовательно не имевшими определенной национальности. Где же и когда создавались так великие государства⁵.

Заговорив о восточном элементе, мы не можем пройти молчанием попытку дать видное место в происхождении Русского государства Угро-Хазарам. Попытка эта начата собственно Эверсом, а в наше время поддержана гг. Геденовым и Юргеничем. Последний, как известно, многие имена наших князей и дружинников объясняет из венгерского языка. Подобные попытки показывают, между прочим, как много общих слов можно найти даже в таких разнородных языках, как славянский и венгерский. Это явление объясняется давним жительство Угров посреди Славян. Что в современном угорском языке присутствует сильная примесь славянского элемента, это вполне доказано Миклошичем. Та же примесь, конечно, отразилась и в именах. Угры прежде перехода в Паннонию долго жили в Черноморских степях, в соседстве с русскими Славянами, и после основания Угорского королевства южнорусские князья поддерживали с ним деятельные сношения и роднились с угорскими владетелями. Однако любимой поговоркой наших князей в XII веке было: "Я не Угрин и не Лях (чтобы не иметь доли в Русской земле)". До сих пор мы были весьма склонны все явления своей жизни объяснять влиянием то восточных, то западных соседей, так что в результате Русский народ оказывался какой-то механической смесью раз-

ных элементов, и не видишь того ядра или того начала, которое переработало эту смесь в живой организм. Но чем более всматриваешься в этот вопрос, тем более приходишь к тому убеждению, что, напротив, русский и вообще славянский мир имел огромное влияние на другие народы. Многие, например, что казалось доселе заимствованным от финских и татарских племен, наоборот, было заимствованно ими от Русских. Мы искони имели несомненное влияние на их язык и на их быт, хотя в свою очередь несомненно вбирали в себя разнородные этнографические элементы. Провести в настоящее время определенную границу между всеми этими взаимными влияниями наука еще не в состоянии. Итак, Русский народ надобно считать продуктом разнообразных этнографических элементов, но под сильным преобладанием главного, т. е. славянского. Это переименование с народами угорскими, литовскими, готскими и пр. совершалось еще во времена так называемые доисторические, и потому нет ничего удивительного, что Русское племя является в истории со многими чертами, отличающими его от западных соплеменников. В IX и X вв., когда Русь из скифского и сарматского тумана окончательно выступает на историческое поприще под своим односложным народным именем, мы находим в ней своеобразный, оригинальный славянский тип, а не какую-либо безличную массу.

Вообще, по нашему мнению, ни один серьезный филолог не может без ущерба для своей репутации доказывать норманство русских имен и при этом упускать из виду, что предания самих Скандинавов выводят их предков из Южной России.

1 Другая ее форма, судя по Константину Багрянородному, была Ельга. Переход начального е в о и обратно был у Славян обычным; напр.: озероезеро, ерел- орел, елень- олень, Волос - Белее и т. п.

Но е вместо о есть принадлежность собственно Славяно-болгарского языка: следовательно, Ельга подтверждает, что

Константин в своем известии о Руси, вероятно, пользовался болгарскими переводчиками. (Это соображение имеет значение и при объяснении его известия о порогах.) Позд. прим.

2 Игорем можно отчасти объяснить и ту популярность, какую приобрел у нас Св. Георгий. Это последнее имя выговаривается Егорий или просто Егор. Мы думаем, что на такое превращение повлияло созвучие его с прежним Игорем. Как известно, принятые нами христианские имена народ в живом говоре переделывает посвоему. Так, вместо Евдокии явилась Авдотья, вместо Николая Микола (по меткому заключению П. И. Мельникова, напоминающий крестьянского героя Микулу Селяниновича, и т. п. Кроме фонетических влияний в этих превращениях участвовали и старые, привычные имена, и филология при обсуждении упомянутых переходов никоим образом не должна упускать из виду эту черту, которая, конечно, встречается и у других народов. На нее указал и свящ. Морошкин в своем Славянском Именослове (96 стр.). Мимоходом замечу, что Игорь, герой Слова о Полку Игореве, в крещении был назван Георгий. То же имя носил Игорь Ольгович, судя по одному синодику (Историко-Статист. описанию Чернигов, епархии, кн. V, стр. 36).

Как имя Олега находится в связи с названием нашей главной реки, так и слова Ингор и Унгор можно поставить в связь с названием народа Угров. Это название дано ему Русскими Славянами; оно, конечно, писалось прежде через юсь и выговаривалось Унгры; откуда с приставкой в получились Вунгры или Венгры. О распространенности этого названия по соседству с славянским миром свидетельствует и другое финское племя, Ингры, которое у Русских перешло в Ижору (как Ингослав в Ижослав), обозначающее название и реки и племени. Другая форма этого названия, следовательно, будет Угра, и действительно в России есть несколько рек с этим названием. Оно указывает на связь имени народа Угорского с именами рек. Наша южная река Унгол или Ин-

гул при известном переходе р в л и обратно предполагает другую форму, Унгор или Ингор (как Сура и Сула, Тура и Тула и пр.), а известно, что Дунайские Угры вышли из южной России. На северо-востоке России также обитал финский народ Югра или Угра, но и там также были реки с названиями: Угра (приток Печоры), Угла и Юг или Уг, что конечно сокращено из Угл. Таким образом, название Угры или Угричи одного происхождения с именем наших Угличей. Итак, ясно, что имя Игоря было туземное, и отнюдь не пришло к нам из Скандинавии.

3 По поводу укажу на слова Ильмень и Лиман; у нас последнее слово производили из греческого языка, а первое относили, кажется, к финскому. Между тем здесь только разное произношение одного и того же слова. Днепровский лиман в Книге Большого Чертежа называется Ильмень. В географическом атласе амстердамского издания XVII века (*Gergardi Mercatoris*) этот Лиман назван *Ilmien iacus*. Слово Оскол можно встретить и в названии других рек. Ворскла в летописи называется Ворьскол и Вьроскол, а самый Оскол встречается в форме Вьскол (Ипат., под 1170). Сюда же мы относим Яцольду, предполагая в ней древнюю форму Аскольда и даже просто Аскольды; пример Ворсклы показывает нам, что с течением времени мужское название способно переходить в женское. До какой степени видоизменялось иногда одно и то же название в разные времена или по разным местностям свидетельствует река Альта. Это имя встречается в следующих видах: Льто, Альта, Олюта, Лютая, Лтава, Влтава и пр.

Любопытно, что в Карпатах, издавна занятых Русским племенем, мы встречаем иногда такие названия рек, как Альта, Унг (Юг) и Ясьда. (Шараневича "Географич. обзор Карпатских путей".) Позд. прим.

4 Уже около 60 лет тому назад Эверс заметил о русских именах в договорах Олега и Игоря: "По причине великих разногласий (в рукописях) не решено еще, как они называ-

лись собственно; ибо кто знает, какое чтение правильное: Калар или Карла, Фарлафа или Вархова, Велмудр или Велмид, Вуефаст или Ибуехат? Если бы скандинавское происхождение Руссов было доказано другими доказательствами, то следовало бы признать правильнейшими те, кои звучат наияснее поскандинавски".

Надобно заметить, что розыски русских имен в норманской истории и мифологии начались более 100 лет назад, прямо с предвзятой мыслью. Норманисты шли от того положения, что Русь пришла из Скандинавии и следовательно имена ее должны быть скандинавские. Примеры сближений в начале были довольно отдаленные; Байер и Шлецер, например, в параллель Оскольду ставили Аскеля. Олегу - Алека и пр. В сороковых годах нашего столетия эти сближения подвинулись несколько вперед, благодаря в особенности трудам г. Куника (*Die Berufung*). Но и тут в большинстве случаев все-таки отыскивали только близкие имена, а не тождественные: для Олега *Holgi*, Оскольда - *Хескульда* и пр. Между тем серьезные изыскания о русских именах с точки зрения славянской ономастики начались недавно, по нашему мнению, не ранее г. Гедеонова.

Не надобно упускать из виду и того обстоятельства, что главная и все-таки скудная жатва для норманских параллелей собрана в легендарных источниках, каковы скандинавские саги в передаче Саксона Грамматика и Снорро Стурлезона, т. е. в произведениях значительно позднейших, чем эпоха договоров Олега и Игоря. И замечательно, что между известными историческими именами Скандинавии мы не находим соименников Олегу и Игорю, и наоборот, наиболее употребляемые исторические имена у Скандинавов, каковы Гаральд, Эрих, Олаф, Эдмунд и др., совсем не встречаются в русских летописях. На существование некоторых общих имен у Норманнов и Славян до позднего времени указывают и сами скандинавские саги. Например, в саге Олава Тригвесона упоминаются дочери поморского князя Бурис-

лава Гунгильда и Астрида. Те же имена и в той же саге встречаем в Норвегии.

5 Г. Погодин приводит следующие слова Гельмольда: "Маркоманнами называются обыкновенные люди отовсюду собранные, которые населяют марку. В Славянской земле много марок, из которых не последняя наша Вагирская провинция, имеющая мужей сильных и опытных в битвах, как из Датчан, так и из Славян". И затем продолжает: "Чуть ли не в этом месте Гельмольда, сказал я еще в 1846 году, и чуть ли не в этом углу Варяжского моря заключается ключ к тайне происхождения Варягов и Руси. Здесь соединяются вместе и Славяне, и Норманны, и Вагры, и Датчане, и Варяги, и Риустри, и Россенгау. Если бы, кажется, одно слово сорвалось еще с языка у Гельмольда, то все бы нам стало ясно: но, вероятно, этого слова он не знал".

Какое слово тут подразумевает г. Погодин, мы не догадываемся; да едва ли догадывается и, сам почтенный автор. Мы видим здесь простой, нехитрый дипломатический прием со стороны норманизма: указать на отдаленную мифическую возможность примирения, как выражается далее г. Погодин, "живых и мертвых, покойных и непокойных исследователей происхождения Руси, норманистов и славистов". То, что сказано в 1846 году, остается таким же парадоксом и в 1872. Да и какое примирение разных взглядов можно найти в Голштинии или Мекленбурге, когда вопрос поставлен таким образом: Русь пришлое или туземное племя? По нашему мнению, нечего и искать таинственный ключ к происхождению Руси в каком-либо углу Варяжского моря, так как Русь никогда и не приходила из-за этого моря, а с незапамятных времен жила между Днепром и Азовским морем. Народ, который до IX века включительно известен у греко-латинских писателей под именем Росс-Алан, в том же IX веке у Византийцев и в западных хрониках (Бертинских) является просто под именем Рось. Что тут таинственного? Но если всякую легенду или всякий наивный домысел лето-

писца принимать за исторический факт, тогда действительно происхождение народов и начало государств останется навсегда под покровом непроницаемого тумана таинственности.

А объяснять происхождение Русского государства немецкой маркой или украиной разве это согласно сколько-нибудь с историей? Что же из того, что Датчане или Немцы пользовались славянской рознью и многих Славян употребляли против их соплеменников? И мы на своих украинях заставляли служить нам инородцев, и против татарских орд употребляли служилых Татар. Пограничная немецкая марка была военная колония, которая закрепляла инородную землю за Немецкой нацией. Свою жизнь и силу эта украиня получила из центра, который постоянно и неуклонно сообщал ей свой цвет и свой характер. Только по прошествии столетий какая-либо марка, достаточно укрепившаяся, начинала несколько самостоятельное существование (как Бранденбург), не разрывая, однако, живых связей с прочими частями Германии и пользуясь их поддержкой в борьбе с инородцами. Так было во времена средневековой Германской империи. Итак, есть ли историческая возможность объяснять основание Русского государства какими-то сбродными дружинами и сравнивать его с немецкой маркой? Где же был центр, откуда исходило это таинственное движение сбродных дружин, покрывших всю Россию? Неужели в Голштинии? Стало быть, Русь была не каким-либо известным народом, а чем-то межеумочным? Вот это-то нечто межеумочное и было призвано нашими предками для водворения порядка!

VII

Имена Днепровских порогов

Так же сильно ошибаются норманисты, считая вопрос о Днепровских порогах вопросом чисто филологическим. Без помощи истории он неразрешим. Если бы мы имели другие несомненные доказательства тому, что Русь пришла из Скандинавии, тогда только можно было бы в русских названиях Константина Багрянородного искать скандинавских звуков. Взятые сами по себе эти имена, по выражению г. Погодина, представляют только открытое поле для догадок. В прошлой статье мы уже указывали на то, что с помощью натяжек эти имена объясняются из наречий скандинавских, что с помощью таких же натяжек они были объясняемы из языков литовского и венгерского и могут быть объясняемы из языка славянского. Следовательно, перевес должна решить сумма данных исторических. Эта сумма решительно на стороне славяно-русской, а не норманской.

Чтобы сделать вопрос о порогах чисто филологическим, норманистам следовало доказать, что имена эти легко и исключительно объясняются из скандинавских языков. Но такой исключительности они не доказали; а за исходный пункт своих объяснений берут все-таки не филологию, а историю. Но что же это за история? Так как, говорят они, несомненно, что Норманны плавали из Балтийского моря в Черное, то необходимо они должны были и дать свои названия Днепровским порогам; а затем имена их поднимают на этимологическую дыбу (употребляю их любимое выражение) и вымучивают из них немецкие звуки. Но их исходный пункт совершенно ложный. Во-первых, если б и плавали, то мы не видим необходимости давать свои географические названия в чужой земле; это может быть, может и не быть. А главное, нет ни малейших указаний на то, чтобы Норманны в сколь-нибудь значительном числе плавали по Днепру в Византию ранее того времени, когда писал Константин Багрянородный. В наших летописях (оставим в стороне легенду о призванных Варягах) первое достоверное известие о их плавании в Византию относится к княжению Владимира Св.

После завоевания Киевского стола с помощью Варягов, он часть их отпустил в Грецию. И с этим известием поразительно согласны все иноземные свидетельства. По исландским сагам, Норманны начинают посещать Киев тоже не ранее времени Владимира; а о плавании по Днепровским порогам саги совсем молчат; у Византийцев первое упоминание о Варягах относится к XI столетию; у Арабов слово Варанк тоже появляется только в XI веке. Константин Багрянородный при описании порогов ничего не говорит о Норманнах или о пути из Балтийского моря; он прямо указывает на Новгород, как на самый северный пункт, откуда Руссы начинают свое путешествие в Византию. Мы уже заметили, что само путешествие это могло совершаться только после объединения северной и южной Руси под властью одного княжеского рода. Значительная часть пути шла кроме того не водой, а сушей по огромным волокам (как свидетельствует договор Смоленска с Ригой и Готским берегом). Из рассказа Константина ясно видно, что русские суда строились зимою на притоках Днепра, а весною сплавлялись к Киеву. Новгородские суда никогда и не проходили в Днепр. Вообще путешествие это совершалось с такими препятствиями, что, по прямому свидетельству Адама Бременского, даже и в XI веке северные Европейцы предпочитали ему морской объезд в Грецию вокруг Западной Европы. С этим свидетельством согласуются и скандинавские саги, рассказывающие о путешествиях Норманнов в Константинополь и Святую Землю. Из тех же саг можно заключить, что на своих морских судах Скандинавы доезжали до Ладоги (Альдейгаборг), но не далее. (Плавание по Волхову против течения было затруднительно по причине порогов.) Каких же нужно еще доказательств тому, что Норманны ранее Владимира не плавали караванами по Днепровским порогам? О возможных отдельных случаях мы не говорим; эти случаи не могут установить целую систему географических названий, употребление которых вошло в такую силу, что

было известно и при дворе Византийском (где, как мы сказали, о Варягах нет и помину до XI века). А чтоб они когда-либо проходили из Балтики в Днепр на собственных кораблях, о том не может быть и речи!

В каком виде дошли до нас названия порогов?

В значительно искаженном. В чем убеждает и сравнение с другими географическими названиями у Константина, также нередко искаженными. И замечательно, что там, где Константину приходится упоминать о каких-либо географических названиях два или три раза, то иногда во всех этих случаях являются варианты. Например, племена, платившие дань Руси, в одном месте названы Кривитены и Ленцанины; в другом Кривичи, Сервы, Вервяны, Друнгувиты; в третьем Ультины, Дервленины, Ленценины. Так как имена порогов он упоминает только один раз, то мы не имеем никакой возможности проверить их и установить сколько-нибудь определенное чтение; а с позднейшими именами порогов слова обеих параллелей расходятся так далеко (за исключением Ненасытецкого), что и с этой стороны почти также нет помощи. Что имена искажены, лучше всего свидетельствуют славянские названия: три из них (Неясыть, Островунипраг и отчасти Вульнипраг) еще могут быть понятны; три других (Есупи, Геландри и Веруци) делаются понятными только вследствие приложенных переводов; а один (Напрези) остается совершенно темным, несмотря на греческий перевод. Точно так же одно из русских названий (Леанти) не поддается никакому словопроизводству. Впрочем, об ошибках Константина в описании порогов никто не сомневался даже и между норманистами. Да можно ли требовать от Византийского императора, чтоб он верно описал пороги в X в., когда их неверно описал, например, Боплань в XVII веке, лично их видевший. Итак данные в этом отношении слишком неточны, чтобы делать из них точные выводы, и, однако, норманисты их делают.

Во-первых, они задались тем положением, что так называемые русские названия не суть варианты славянских, а их переводы, хотя Константин нигде о том не говорит и просто предлагает перевод после каждого славянского названия. Во-вторых, он называет русскими пять порогов, а норманисты прибавляют к ним и остальные два (Есупи и Геландри). О первом из них, Есупи, Константин говорит, что он по-русски и по-славянски значит "не спи". Кажется ясно, что это славянское слово или, по крайней мере, славянское осмысление, и его однако, достаточно для доказательства, что и русские названия суть только славянские; ибо где же в двух разных языках можно найти две тождественные глагольные формы, да еще такие формы, как повелительное наклонение? Однако норманисты и тут ухитрились: с помощью разных германских наречий они сочинили повелительное наклонение с двойным отрицанием, *ne suefe* (что будет значит: нет! не спи!), и пустили его в параллель со славянским глаголом. Не говоря уже о такой вопиющей натяжке, мы думаем, что тут и самое славянское слово неверно. Ибо сколько мы ни искали аналоги в славяно-русском языке этому названию, однако не нашли. Укажите в нашем языке хотя одно географическое название в повелительном наклонении и притом в таком простом однословном виде. В летописях, и то не ранее XIII века, мы находим некоторые прозвища, впрочем не топографические, а личные, происшедшие из повелительного наклонения в соединении с другим словом, например, Молибоговичи, Держикрай Володиславич. А для такой формы как Неспи решительно не видим аналогии и, что ни говорите, такое название совершенно не в духе русского языка (на эту странность уже указал отчасти г. Юргевич. (Зап. Од. Об. И. и Д. VI.) От XVI века название этого порога дошло до нас в форме Будило (Кн. Б. Чертежа). Такая форма нам понятна и совершенно гармонирует с летописными Твердило, Нездило и т. п. Мы делаем пред-

положение: может быть, объяснение названия или осмысление его Константин принял за самое название.

Второе имя, не имеющее параллели, это Геландри. Норманисты подыскали ему близкое созвучие в исландском языке, *giallandi* и *giallandri* (звенящий). Но, как нарочно, Константин не говорит, что это название русское; а просто замечает, что по-славянски оно означает "шум порога" (*hcos fragrou*). Во всех других случаях он русское название предваряет словом по-русски; перевод же греческий везде ставит вслед за славянским названием. На этом основании анти-норманисты отличают его к так называемым славянским названиям. Во всяком случае мы имеем право считать его, как и Есупи, названием общим, то есть славянорусским и искать ему объяснение в славянорусском языке. Уже г. Костомаров во время спора с г. Погодиным сделал предложение, не скрывается ли в этом название корень гул? Мы думаем, что это сближение довольно удачное; а потому еще в первой статье предложили название Гуландарь или Гуландря. Если русскому человеку придется назвать предмет, издающий гул, то он, по всей вероятности, скажет или Гудило, или Гуландря².

Относительно параллельных названий норманисты, как сказано, задались положением, что русские названия представляют переводом славянских, и по этому поводу прибегают ко всевозможным натяжкам. Русское Улворси стоит против славянского Островунипраг. Но что, кажется, общего между ул и остров? Однако они усиливаются доказать, что эти слова однозначашие; только нужно сделать маленькое изменение: ул обратим в холм. *Holm* в скандинавских наречиях значит остров, а *fors* водопад; следовательно получим *holm - fors*, что и будет соответствовать порогу Островуну. Такое произвольное превращение нисколько не оправдывается теми соображениями, что хо в греческом может обратиться в у, а м пред в пропасть. Мало ли что может быть, однако не всегда бывает, и особенно это можно сказать о

собственных именах. Если чуждые имена переходят в народное употребление, то народ более или менее переработает их сообразно с правилами своей фонетики; но образованный человек записывает иноземное название приблизительно так, как его слышит; он мог ослышаться, смешать иноземное слово с своим, если оно близко, и наконец просто ошибиться; но такая искусственная переделка, как холм в ул, невероятна. У Константина мы встречаем название славянского племени Oultiaoī, и узнаем в них Угличей; но если, по примеру норманистов, вместо ул предложить холм, то получим Холмичи, небывалый у нас народ. В первой статье своей, для объяснения Ульворси и Улборси между прочим мы предложили вместо ул читать вуля; что нам кажется ближе к истине, чем holm . Тогда в греческой передаче здесь пропало только начальное в; а н пропало уже в самом русском выговоре, то есть вместо Вулибор говорилось Вулбор или Вулборс; что согласно с духом русской фонетики. (Так в Слове о Полку Игореве пестворец вместо песнворец.) Первоначальная полная форма его, вероятно, была Вулибор или Вулиборс. В таком случае это слово надобно поставить в параллель с славянским Вулипраг (а впоследствии оба они обратились в Вулыг)3.

Подобную перестановку мы можем предложить на том основании, что у Константина Багрянородного параллель не везде верно проведена. В том особенно убеждает нас русское Струвун, которое стоит против славянского Напрези; а последнее будто значит малый порог. Это Напрези, как мы сказали, остается для нас совершенно непонятным, хотя оно названо славянским и представлен его перевод. Как ни усиливались норманисты Струвун превратить в искусственно составленное слово Strondbun, однако они сами сознаются, что это толкование натянуто. По нашему мнению, Струвун поставлен не на месте; вероятно, это не более как другая форма Островун; следовало сказать порусски Струвун, послavianски Островунпорог. Г. Погодин возражает, что это

просто созвучие. В таком случае Вручии и Овруч будет тоже созвучие? Итак, не нужно сочинять никакого holmfors, когда для Островуна есть весьма близкий ему вариант Струвун⁴.

Против Вулнипраг у Константина стоит Варуфорос. Норманисты предлагают сделать из него Барфорс, так как bar на исландском языке значит волна (греческое *b* читают то *v*, то *b*, смотря по своим натяжкам, а вторую часть имени fors они находят и в Ульворси и в Варуфорос. Но почему же Константин их различил, если *b* это были holmfors и barfors. Тогда как он одинаково пишет второе слово в Острувунпраг и Вулнилпраг). Почему же греческое *foro*? должно непременно означать скандинавское fors? Г. Юргевич указал на существование в венгерском языке слова *forras*, означающего водяной вал. А Угры и Русские долго жили в соседстве друг с другом на берегах порожистых рек Южной России, и нисколько не удивительно, если подобное слово употреблялось теми и другими. Наконец, не только близкую к русскому форос, но и тождественную с ним форму, мы можем указать в греколатинском *phoros*, употреблявшемся в смысле проток, пролив, брод и пр.; оно встречается в сложном имени *Vosphoros* (Бычий брод, Воловий переезд и т. п.). Это слово, особенно в его форме *poros*, довольно близко к нашему порог (множ. числа порози). В русском языке и теперь есть довольно слов, очень близких к греческим; а в IX и X веках несомненно было еще более. Форма форос могла также существовать и помимо слова порог и потом угаснуть в русском языке, как угасли многие старые формы⁵. Итак, форму второй половины названия оставляем вопросом; но первую, вар, мы можем принять в ее буквальном смысле, то есть варение, жар (варно жарко в Новог. 4й лет. под 1378 г.). В таком случае Варуфорос означает Варовой порог и будет соответствовать не Вулнипраг, а другому славянскому названию, также происходящему от вретн или варити, Веручи или Вручий, который, по объяснению Константина, значит

кипение. Параллельное с Веруси русское название Леанти Лерберг производил от глагола *landen* приставать к берегу; а чтоб указать какоенибудь соответствие с словом Вручий, делает догадку, что, пристав к берегу, путники тут варили себе пищу! Это такое неестественное толкование, что сами норманисты не решаются его повторить. Леанти до сих пор необъясним ни из какого языка, и по всей вероятности не имеет никакого отношения к слову Веручи.

Четвертый порог Константин Багрянородный называет порусски Эйфар или Айфар (*Aeiĵar*), послavianски Неясыт и переводит последние птицею пеликан. В славянской Библии пеликан действительно переводится словом неясыт. Но что такое Айфар? Легберг видел в нем исландское прилагательное *aeĳr* горячий. Но это толкование слишком неудовлетворительно и впоследствии отвергнуто норманистами. В скандинавских наречиях нет слова айфар; да Скандинавы и не знали пеликанов, потому что эта птица у них не водится. Но зато в голландском языке нашлось слово *oievar*, которое произносится *ijefar* (аист). На нем норманисты остановились, и в подкрепление своего положения приводят еще то обстоятельство, что Петр Великий дал одному из кораблей, построенных в Воронеже, название Айфар или Ойфар. Заметьте, какая комбинация. Норманны пеликанов не знали, названия для них не имели; однако надобно же им было какнибудь перевести славянское неясыт, и вот они заимствуют у Фризов слово, означающее аиста. Между тем г. Костомаров по поводу этого названия указал в литовском языке слово *Ajtwaros*, означающее какую-то морскую или водяную птицу. А по указанию Нарбута, то же имя встречается в литовской мифологии. Литовский язык близок к славянскому и сохраняет многие слова, вышедшие из употребления в последнем. Теперь у нас не слышно слова айфар; но это не доказывает, что его никогда и не было. Однако поэма о Полку Игорева сколько представляет славянорусских слов, вышедших потом из употребления. Там есть и такие, кото-

рые не встречаются ни в каком другом памятнике (напр, карна и шерешеры). А между тем эта поэма на два с половиной века ближе к нам, чем известие Константинаб.

Подведем итоги нашим соображениям о русских названиях Воровских порогов.

Названия эти дошли в искаженном виде. Мало того, параллель у Константина не везде верна. Мы имеем право предложить свои исправления к тексту, конечно, не менее чем норманисты, которые так же предлагают свои исправления чуть не к каждому слову и даже сочиняют название, которого нет у Константина. Именно, по поводу Геландри они предполагают ошибку писца; в тексте, по их мнению, стояло: порусски Геландри, послavianски Звонец; последнее название они заимствуют из последнего времени. (На том же основании, пожалуй, можно, не прибавляя лишнего названия, заменить одно имя словом известным также из более позднего времени, то есть вместо странного Не спи поставить Будило.) Мы вправе предложить славянские толкования для русских названий уже в силу того, что нет никаких исторических свидетельств о плавании Норманнов по Днепру прежде появления в истории Днепровской Руси, а следовательно, и прежде появления русских названий. Мы даже думаем, что русские названия древнее славянской параллели и представляют обломки очень далекой старины, и русская филология со временем, может быть, воспользуется ими, когда освободится от тумана, напущенного норманизмом. Поправки свои и соображения относительно порогов мы предложим в следующем выводе:

Два порога имели общее славянорусское название: 1) Есупи и 2) Гуландри. 3) Против славянского Островунпорога ставим русское Струвун. 4) Против славянского Вулнипраг русское Волборз (или Вулниборз). 5) Против славянского Вручий русское Варуфорос (Воровой порог или Варовой проток). 6) Славянское Неясыт, русское Айфар. 7) Славянское Напрези и русское Леанти оставляем необъяснимыми⁷.

После первой статьи, ввиду того, что норманизм преимущественно ищет поддержки в доказательствах филологических, так как в исторических ему нет спасения, мы снова подвергли пересмотру вопрос о порогах и предлагаем теперь свои соображения. Если они окажутся не вполне удачными, то, может быть, кто-либо другой со временем предложит более удачные. По крайней мере прежде нас почти никто не делал серьезной попытки искать этих объяснений в славянорусском языке (о некоторых попытках см. у Эверса). Норманизм начал свои филологические толкования более ста лет тому назад; в течение этого времени он потратил много усилий и несколько раз изменял свои поправки; а в результате все-таки остается при *Ne suefe, Holmfors* и *Strond-bun!* Тем не менее всякую попытку объяснять имена из других (не германских) языков он встречает возгласами, что это не научно, что это натяжки, предвзятая идея и т. п. Мимоходом напомним, что родоначальником филологических доводов норманской школы и вместе ее основателем был академик Байер, о котором остроумный Шлецер заметил: "Этот великий исследователь языков, столь много потевший над китайским, не учился порусски". Легберг, отличный исследователь в области древней географии, своим сочинением о Днепровских порогах не обнаружил сведений в славянорусской филологии. Да она не считалась особенно нужною для норманнской школы: ведь Русь пришла из Скандинавии!

Повторяю, в таком темном вопросе, как Днепровские пороги, невозможно обойтись без натяжек, пока наука попадет на скольконибудь удовлетворительное его решение. Во всяком случае мы считаем свои натяжки более сносными, чем натяжки норманистов. Мы имеем на своей стороне исторические факты, убеждающие, что Русь была туземное племя, а не пришлое откуда-то изза тридевять земель. Что касается до различия, которое делает Константин Багрянородный между русскими и славянскими названиями, то мы уже

представили на этот счет объяснения в первой статье. Сущность их состоит в следующем. Русью назывались по преимуществу обитатели киевского Приднестровья. Киевская Русь никогда не называла себя Славянами, и именем своим различала себя от других покоренных ею славянских племен. Она употребляла иногда географические названия, отличные от других Славян (то есть имела свои варианты). Пример тому находим в самой летописи, где сказано, что река Ерел (Орел) у Руси зовется Угол. Только крайний норманизм способен утверждать будто угол слово не славянское, а скандинавское (хотя по византийским свидетельствам, это слово как географическое название встречается уже в VII веке). Название Угол утратилось, а Орел осталось; это подтверждает нашу мысль, что русские названия порогов, может быть, древнее славянских. Русский говор имел свои отличия от других соседних Славян; так что для иноземного уха почти тождественные слова могли иногда показаться различными. Русские названия не суть переводы славянских. В двух случаях они тождественны; а в трех других они представляют небольшие варианты (Вулнипраг и Вулниборз, Варучий и Варуфорос, Островун и Струвун). Аналогию с ними можно предложить, составив параллель в таком роде: порусски восход, послavianски восток, запад и заход и т. п. В одном случае мы видим два разных слова: Айфар и Неясыт (о Леанти и Напрези не говорим). Но если бы кто сказал: по-русски - топор, по-славянски секира; разве из того следует, что топор не славянское слово?

Какому именно говору принадлежат так называемые славянские названия порогов, трудно решить окончательно. (Решение см. ниже⁸.)

Еще Эверс весьма основательно заметил следующее: если бы русские названия порогов принадлежали Норманнам, то как же, будучи удалыми пиратами, они не оставили никаких следов в именах предметов, относящихся к мореплаванию?

Напротив, в этом отношении русские названия сходны с греческими, таковы: корабль, кувара, скедия и пр.

Г. Погодин в своих возражениях, между прочим, говорит следующее: "Автор старается доказать; что и русские названия (порогов) можно объяснять из славянского языка. Так что же из этого бы вышло? Что славянских языков было два? Но ведь это была бы нелепость?" Что это за вопросы? спросим мы в свою очередь. Кому же неизвестно, что славянский язык имеет разные наречия и говоры? Известно, что подобные аргументы выходят от норманизма, прибегающего для своих филологических натяжек к языкам не только скандинавским, но и к англосаксонскому, голландскому и вообще ко всем языкам немецкой группы. Далее М. П. Погодин недоумевает относительно того, что название Русь имело в разных известиях и разные оттенки, то есть более тесный или более широкий смысл. Такое недоумение со стороны историка нам непонятно. Кто же не знает, в каких разнообразных значениях (то есть объемах) встречаются в источниках, например, названия: Римляне, Греки, Скифы, Сарматы, Гунны, Франки, Немцы, Норманны и пр. В первой статье мы указывали примеры и таких народных имен, которые не только обнимали большую или меньшую массу народов, но имели и сословное значение (Склады, Сервы, Бои, Лехи, Кривиты, Даны или Таны и пр.).

1 Пусть крайний норманизм, вместо всех поверхностных разглагольствий и голословных уверений, попытается доказать сколько-нибудь научным образом хотя только одно из своих положений: что Норманны плавали по Днепровским порогам ранее известий Константина Багрянородного. Мы говорим научным образом, т. е. не одною только ссылкой на легендарные известия нашей летописи о Варягах и Варяго-руссах; ибо весь вопрос заключается в том: подтверждаются ли эти известия какими-либо свидетельствами несомненно историческими, а не баснословными?

Что Варяги не плавали далее Ладоги, ясное доказательство тому находим, например, в договоре Новгорода с Готландом 1270 года. Здесь находится условие о русских лодочниках и ладьях, на которые перегружались товары, приходившие из-за моря и поднимались вверх по Волхову. Иногда они перегружались уже на Неве. (См. соч. Андреевского, стр. 25, 80, 100.) В Записках священника Виноградова ("Рус. Стар." 1878. Август. 561 стр.) рассказано, что яхту, подаренную Александром I Аракчееву, тащили в Грузию мимо Волховских порогов, причем 500 человек тянули по 60 сажень в день по бревнам, смазанным салом. Позд. прим.

2 Что такая форма нисколько не чужда русскому языку, на то указывают и теперь еще употребляемые слова в роде: глухандарь или глухандря, слепандря и т. п. Эти формы - остаток старины - существуют до сих пор, и вы из народного языка их никак не изгоните, а потому предложенная мною форма возможна. В таком темном вопросе, как название порогов, мы по необходимости должны вращаться только в сфере возможного, а никак не положительного. Если же иногда можно подыскать в немецких языках слово, близкое по звуку и даже по смыслу вроде *giallandi*, то при родстве индоевропейских корней мы не находим ничего удивительного (притом это не повелительное наклонение). Кстати укажем и на другое созвучие слову Геландри: Хиландра, сербский монастырь на Афоне. Для возможного объяснения порога Геландри укажем еще на глагол уландать, который, по словарю Даля, в Олонец. губ. значит: выть, вопить, завывать. Последнее очень подходит к толкованию Константина Б.: шум или гул порога.

3 Какое чтение надобно предпочесть, Улворси или Улборси, мы не решаем; в старых славяно-русских названиях вместо бор встречается и вор, так: Ракобор или Раковор; следовательно, можно предположить и форму Вулниворс. (Так, мы говорим теперь тур, а прежде существовала форма турс). На существование старинной формы борс или борз,

преимущественно в применении к быстрому течению, может указывать и прилагательное борзый (р. Борзна, лев. пр. Десны). А что форма Вулборз возможна в славянском языке, то уже г. Юргевич указал на существование реки Волборза в Мазовии (приток Нерева) и на имя новгородского боярина XIII века Воиборзова или Волборзова. Шафарик приводит древне-славянское имя Волбор (I. 96). В рус. летописи встречается еще под 1169 г. имя южнорусского боярина Войбор; кроме того в Вологод. губ. есть река Волбож (Шегрен-Зыряне. 300). Норманисты говорят, будто русские названия порогов противны славянскому языку. Во-первых, наш настоящий выговор значительно удалился от X века; во-вторых, эти названия искажены; а в-третьих, если читать их так, как есть (не делая превращений вроде ул в холм), то они еще менее подходят к духу немецкого языка. Например, возьмем чтение Улборси; оно уже, конечно, будет напоминать не скандинавское holmfors, а скорее название кавказской горы Элбус или Элбрус. В славяно-русском языке, без сомнения, найдется более восточных звуков, чем в северно-немецком. Самое слово волна в древнерус. языке могло произноситься без в, т. е. олно или улна; корень здесь, конечно, ул, так же как в древнескандинавском ula (готское vula). Кроме реки Улы мы имеем тот же корень в словах: улица, переулок, улей и т. п. В йотированной форме отсюда слово юла, юлить, означающее метаться, суетиться; что очень подходит к порогу. Борс, вероятно, находится в связи с корнем бор, откуда борьба; а ворс м. б. сродни слову ворот. Укажу еще на слово ворозь, которое, по словарю Даля, в арханг. наречии означает мелкую снежную пыль, ворса пушок, ворох, ворошить. Следовательно, Улворси может значить или волноворот или косматую, пушистую волну.

4 Древнейшая форма слова остров, по всей вероятности, была струв. По этому поводу укажем на свидетельство Герберштейна, что остров, образуемый рукавом Оки у Переславля Рязанского, назывался Струб (кстати, норманисты чи-

тают у Константина Багрянородного Струбун вм. Струвун). А может быть, Струвун значит собственно "стремнистый" порог. От корня стры равно происходят и струя, и стремя.

5 Мимоходом упоминаем, что на Южном берегу Крыма есть скалистый мыс Форос. Вероятно, это остаток греческих названий. Но на юге России встречается приток Дона Форасан. Это уже не греческое название.

6 В какомлибо углу России или в какомнибудь письменном памятнике, может быть, со временем и отыщется слово айфар, если не в том же виде, то в измененном. А пока будем довольствоваться литовским *ajvaros*; норманизм оставался при одном прилагательном *aefr*, пока в голландском языке не отыскалось подходящее название. При известном переходе *p* в *l*, не имеет ли сюда отношение встречающееся в летописях имя или прозвание новгородского боярина Айфала или Анфала в XIV веке? Вероятно, видоизменением его имени является и Афаил, один из устюжских князей (Труды Об. И. и Д. ч. III кн. I). В одном древнем календаре св. Нефан Анфал Айфал (Срезневского в Христ. Древности. 1863. кн. 6, прим. на стр. 20). Вероятно, это русское имя по созвучию употреблялось вместо греческого Нефан.

В Жур. Мин. Нар. Пр. 1872, апрель, Я. К. Грот поместил филологическую заметку о словах Аист и Айфар (направленную в защиту норманистов против моей статьи О мнимом призвании Варягов). При всем нашем уважении к издателю и биографу Державина, мы не согласны с его философскими выводами. В основу своего мнения автор кладет ту же предвзятую идею. "Что Норманны ездили по Днепру в Царьград, говорит он, остается неопровержимым фактом; а в таком случае естественно было именовать пороги посвоему, переводя туземные названия на родной язык". Выше мы указали всю несостоятельность этой предвзятой идеи; но почти то же самое было уже сказано и в первой нашей статье, то есть что Норманны не ездили и не могли ездить по Днепру прежде существования Русского государства; а

когда получили возможность ездить, то русские названия уже существовали. Следовательно, надобно было прежде опровергнуть мои доказательства, а потом уже называть факт неопровержимым. У меня было сказано, что самый перевод названий порогов с славянского языка на скандинавский невероятен и что история не представляет нам аналогии: "Если можно найти тому примеры, то очень немногие и отнюдь не в таком количестве зараз и не в таком систематическом порядке". Г. Грот находит у меня противоречие, то есть что я в одно время и допускаю переводы и не допускаю, и приводит примеры вроде Медвежья голова (Оденпе), Новгородок (Нейгаузен) и пр. Но именно подобные отдельные случаи, и притом относящиеся более к городам, мы имели в виду, делая свою оговорку. Чтоб опровергнуть наше положение, следовало представить для аналогии с Днепровскими порогами не отдельные случаи, а целую группу переводных географических названий, сосредоточенных в одной местности (да еще по возможности с повелительным наклонением). Не можем согласиться и с рассуждением почтенного автора о слове аист. Из его же заметки видно, что аист преимущественно водится в Южной России и ни на каком иностранном языке аистом не называется. Тем не менее автор говорит: "Из всего сказанного можно, кажется, с полною уверенностью заключить, что слово аист не русского происхождения. Не кроется ли в нем восточное начало? А выше он замечает об этом слове, что, судя по первой его букве, оно не может быть русским". Признаемся, мы решительно не видим, почему начальная буква а мешает ему быть русским? Почему оно должно быть восточного происхождения? Что значит собственно русское происхождение? Корни, то есть происхождение русских слов, изыскиваются не в одном только русском языке, а при сравнении их с другими славянскими и вообще с индоевропейскими. Например, слово Бог необъяснимо из одного русского языка; следует ли отсюда, что слово не русское? Форма аист нис-

колько не противна нашему уху; а приводимые автором варианты этого названия дают возможность решить, что оно не чужое, а свое собственное, славянское: в югозападных губерниях аиста называют гайстер, а в словаре Линде он назван *hajstra*. (Польское *hajstra* собственно означает серую цаплю.) Если в слове гайстер сократить последний слог, то по требованию нашего уха надобно будет продолжить первый; получим гаистр; г как при дыхании иногда употребляется, иногда его не слышно: получим аистр. Следовательно, корень этого слова будет истр (с перегласовкой стры), корень весьма распространенный в русском и вообще в славянском языке. Буква р по духу нашего языка может пропадать в скором выговоре; например, у нас есть река Истра, а также река Иста или Истья. (По мнению П. А. Бессонова, насыть в слове неасыть есть то же, что аист, и тот же корень заключается в слове ястреб.)

Вообще существовавшая доселе у нас привычка толковать иностранным происхождением многие слова, как скоро они представляют какоелибо затруднение для своего объяснения эта привычка должна быть оставлена или значительно умерена, уже по тому самому, что весь лексический запас русского и вообще славянского языка далеко не приведен в известность.

Относительно названия одного из Петровых кораблей Айфаром надо сделать оговорку, что его голландское происхождение есть всетаки догадка, источники о том ясно не говорят. Рядом с Айфаром встречаем также и корабль Аист, что совсем не голландское слово.

7 Их необъяснимость, однако, не избавляет филологов и историков от обязанности делать попытки для разъяснения. Для Леанти укажем на один остров, лежащий в порогах Днепра, именно Лантухов (о чем мимоходом упоминает и Лерберг). Для Напрези напоминаем название самой реки Днепра, которое произносилось и просто Непр. В греколатинской передаче его старая форма была *Danaper* или *Da-*

napris ; отбросив первый слог, получим Napris, и действительно у Платона Карпини он назван Nerep. Река Днепр имела в разное время у разных народов и различные названия. Так, в древнейший греческий период известий о Скифии она называлась Бористень; потом является под именем Днепра; но у кочевых народов, Угров и Печенегов, она именовалась Атель, Узу и Барух или Варух (Barouc). Это последнее название, может быть, скрывается и в имени порога Варуфорос; очевидно оно происходит от того же корня, как Варучий или Вручий, и, конечно, перешло к Печенегам от более ранних туземцев, то есть от Русских. Отсюда можно заключить, что у Русских вариантом Днепру или порожиистой части его служило когда-то название Баручий, Варучий или Вручий. (В древней России были города Вручий и Баручь.) Что Печенеги заимствовали это название от более ранних туземцев, показывают тут же рядом приведенные у Константина Багрянородного названия других рек: Кубу (Буг или Гупанис, в другом месте, именно на Кавказе, также перешедшие в Кубань), Трулос (Днестр или прежний Турас), Брутос (Прут), Серетос (Серет). Эти примеры подтверждают нашу мысль, что в вопросе о старых географических названиях филология шагу не может сделать без истории. Если бы, наоборот, филология употреблявшаяся Печенегами названия отнесла к печенежскому языку и начала на этом основании строить выводы о народности Печенегов, то что бы из этого вышло? Любопытно, что Турлос или Турла и до сих пор означает у Турок Днестр.

Объяснение Напрези словом Напражье оказывается не совсем невероятно. Было слово Запорожье. Есть села Подпорожье и Порожье в Пудож. уезде (Барсова "География начальн. летописи", 274 стр). Укажем еще славянское имя поселения Набрзина около Адриатики. Позд. прим.

8 Наиболее достоверный памятник нашей древней письменности, Русская Правда, употребляет те же два племенные термина: Русин и Словенин. Замечательно в этом

отношении известное место о парусах в походе Олега на Царьград. Поход очевидно легендарный; так как подробности его сами по себе невероятны, а Византийцы о нем совершенно молчат. (Крайний Норманизм наверное воскликнет: "как легендарный? А куда же вы денете Олегов договор с Греками?" Как будто договор должен был заключаться не иначе, как после нападения на самый Константинополь!) Но обратим внимание на племена, участвовавшие в этом походе. В начале перечисляется целая вереница народов; тут есть и Варяги, и Чудь, Меря, Хорваты, Дулебы и пр., нет одной Руси. Это упоминание о Варягах и перечисление чуть ли не всех народов России, внезапно обратившихся в опытных, бесстрашных моряков, сделалось как бы обычным местом в летописи, и должно быть отнесено или к позднейшим прибавкам, или просто к фигурным выражениям. Между тем в конце легенды говорится только о Руси и Славянах; первые повесили себе паруса из паволоки, а вторые из тонкого полотна. Без сомнения, эти два термина, Русь и Славяне, были в большом ходу у самих Руссов, которые своим именем выделяли себя из массы подчиненных Славян.

VIII

Заключение

История не математика. Если б она имела дело только с величинами, точно определенными другими словами: если бы все летописцы, все известия передавали только одну истину и все были бы согласны между собой, тогда не было бы вопросов, а следовательно и споров. Историческая критика была бы не нужна. Но так как этого почти никогда не бывает, то сличение данных и проверка их необходимы, чтобы восстановить истину. (Не только такие отдаленные и темные времена, как IX и X века, но если возьмем какую-ли-

бо эпоху позднейшую, даже современную, как трудно бывает иногда воспроизвести событие в настоящем его виде, вследствие разногласия и сбивчивости показаний!) В вопросах темных и запутанных споры и разнообразные теории неизбежны. Но приведем одно из главных положений исторической науки: в случае столкновения разных мнений о каком-либо событии должно получить преимущество то мнение, которое объясняет наибольшую сумму несомненно исторических фактов, имеющих отношение к данному событию или к данной эпохе. В подтверждение летописной легенды о призвании Варягоруcсов и своей теории о происхождении Руси из Скандинавии норманисты приводят разные свидетельства: но между этими свидетельствами нет ни одного несомненного. Укажем на них снова в коротких словах.

1. Из массы византийских свидетельств норманисты нашли в свою пользу одно неясное выражение: "Русь, так называемые Дромиты, из рода Франков". Выражение это не имеет определенного значения; оно употреблено в смысле народа европейского, с чем согласны и сами норманисты (см. Исслед. Погод. II, 51). И притом оно принадлежит не Константину Багрянородному, не Фотию или Льву Диакону, а продолжателям Феофана и Амартола! И что может значить это выражение в сравнении со многими другими указаниями Византийцев, что Русь народ скифский или тавроскифский? Можно ли говорить о Франках после известных слов Льва Диакона, очевидца Руси Святославовой: "Тавроскифы, которые на своем языке именуют себя Русь". Он же по поводу погребальных обрядов у Руссов говорит, что эллинским таинствам научили их философы Анахарсис и Замолксис, и причисляет к тому же племени самого Ахиллеса. Ясно, что он считает Тавроскифов или Русь потомками древних Скифов понтийских, т. е. туземным народом Южной России. Между тем Варангов византийцы никогда не называют Скифским народом; не называют их и Франками.

2. Из массы арабских свидетельств о Руссах норманисты отыскивали только одно выражение в свою пользу: "в 844 году язычники именуемые Русью разграбили Севилью". Но это явная ошибка, как уже давно доказано, и умеренные норманисты не стоят за такое странное свидетельство (см. Замеч. г. Куника на Исслед. Гедеонова). Арабские писатели IX и X веков имели до того темные понятия о географии и этнографии северной Европы, что причисляли ее жителей к известному им ближайшему народу Русь; а Балтийское море считали рукавом, соединяющим Черное море с Западным океаном, и потому слух о нападении какихто северных варваров на Испанию, АльКатиб или его позднейший списатель отнес к Руси, так как имя ее около того времени сделалось громким, вследствие набегов на берега Черного и Каспийского морей. (Туземцы Америки до сих пор для нас Индейцы, вследствие географической ошибки Колумба.) Эта Севильская Русь теряет всякий смысл в ряду многих других арабских известий, указывающих на Русь туземную и славянскую.

3. Из всех средневековых латинских хроник, упоминающих о Руси, норманисты извлекли в свою пользу два свидетельства, Лиутпранда и Пруденция. Лиутпранд, епископ Кремонский, замечает о Руссах, что это народ, живущий к северу от Константинополя между Хазарами и Булгарами, что Греки по наружному качеству называют их Руссами, а "мы, по положению страны, Нордманнами". Опять выражение, не имеющее никакого определенного этнографического значения. Лиутпранд (или его вотчим) получил сведения о Руссах от Византийцев, а последние причисляли Русь к народам гиперборейским, т. е. северным; следовательно Кремонский епископ передает тот же географический термин, только посвоему (полонгобардски). Он совершенно повторяет Византийцев, помещая Русь между Хазарами и Болгарами, в соседстве Печенегов и Угров, и нисколько не указывает на Скандинавию. Аналогию с его "северными людьми"

представляет наше выражение восток и восточные народы, хотя эти народы живут от нас к югу; но мы в этом случае переводим термин западноевропейский. (То же должно сказать о *gentes Normannorum* Венецианской хроники или о Руссах 865 года.) Слова Лиутпранда о том, будто Руссы получили свое название по наружному виду от Греков, прямо противоречат греческим свидетельствам: Лев Диакон положительно говорит, что Тавроскифы называют себя Рось на своем родном языке.

4. Известие Бертинских летописей (Пруденций) о Руси "из племени Свеонов", как мы говорили, невозможно толковать Шведами: этого не допускает хаканский титул ее князя. Или само слово Свеоны в то время не означало исключительно Шведов (Южная Россия называлась в средние века и Великой Скифией и Великой Швецией, *Svithiod en mikla* исландских саг), или это ошибка, недоразумение в самом источнике. Само отсутствие золотых византийских монет того времени в кладах Швеции противоречит существованию Шведской Руси.

5. Путь из Варяг в Грецию, описанный в нашей летописи, несколько не может подкрепить норманнскую теорию, ибо это описание относится не к IX, а к XI веку. Константин Багрянородный, описывая тот же путь в X веке, начинает его от Новгорода и о Варангах ничего не упоминает. Приведенные им русские имена порогов не могут быть объясняемы из скандинавских языков исключительно. Норманны могли плавать по Днепру только после основания Русского государства, находясь в службе русских князей или под покровительством, следовательно тогда, когда русские имена порогов уже существовали.

6. Некоторые имена первых князей и дружинников похожи на скандинавские. Это совершенно естественно при общности многих имен у славянских и германских народов, при долгом сожительстве Готов и Руссов (Роксалан) в Восточной Европе, а также при исконном сожительстве Готов и

Славян на Южном берегу Балтийского моря. Но доказать, что они не только исключительно, но и преимущественно скандинавские, не могут никакие натяжки.

Вот и все доводы норманнской школы, заслуживающие скольконибудь внимания и набранные ею в течение более ста лет для подкрепления летописной басни о призвании Варягов и своего мнения о происхождении Руси из Скандинавии. Если принять в соображение столь часто встречающиеся в средневековых источниках ошибки, недоразумения и этнографическую запутанность, то надобно удивляться, что нашлось так мало свидетельств, которые норманисты могли бы обратить в свою пользу. Подобный подбор намеков и недоразумений, подкрепленный филологическими натяжками, можно составить для какой угодно теории¹. А что касается до высших соображений норманистов о том, будто наше древнее государственное устройство имеет норманнские черты, это совершенно произвольные толкования. Общие черты, конечно, найдутся; они неизбежны у всех европейских и даже неевропейских народов; но найдутся и отличия, которые, напротив, ясно указывают на наше славянство. Известно, что у германских народов развились преимущественно майорат и феодализм, а у Славян право каждого сына на участие в отцовском наследии и отсюда удельная система. Наш порядок родового старшинства существовал у угров и до сих пор существует у Турок; а у Норманнов мы его не видим.

В параллель с доводами норманистов повторим вкратце те основания, на которых мы отвергаем легенду о призвании Варягов, а главное, утверждаем туземное происхождение Руси.

1. Невероятность призвания. История не представляет нам примеров, чтобы какой-либо народ (или союз народов) призывал для господства над собой другой народ и добровольно подчинялся чуждому игу.

2. Если можно найти некоторую аналогию для басни об иноземном происхождении Руси, то аналогию только легендарную или литературную, так как история всех народов начинается мифами. Производить своих князей от знатных иноземных выходцев было в обычае и древних, и средних веков. В средние века кроме того в особенности был распространен обычай выводить народы из далекого мифического Севера.

3. Русь была не дружина только или незначительное племя, которое могло бы незаметно для истории в полном своем составе переселиться из Скандинавии в Россию. Это был многочисленный и сильный народ. Иначе невозможно объяснить его господствующее положение среди восточных Славян, его обширные завоевания и походы, предпринимаемые в числе нескольких десятков тысяч. А если бы Русь была только пришлая дружина, то неумолимая логика спрашивает: куда же бесследно девался Русский народ в Скандинавии, т. е. народ, из которого вышла эта дружина?

4. Существование в Восточной Европе многих рек с названием Рось, и в особенности такое же название Волги в древние времена. А известно, что народные имена часто находятся в непосредственной связи с именами рек.

5. Географическое распространение имени Русь к концу IX века от Ильменя до Нижней Волги делает совершенно невероятным его появление в Восточной Европе только во второй половине этого века. История не представляет тому ни малейшей аналогии. (Для примера укажем на Англию и Францию, имена которых распространились и укрепились за ними в течение столетий.)

6. Сарматский народ Роксалане или Росс-Алане издавна жил между Азовским морем и Днепром. Известия о нем у греческих и латинских писателей, начиная со II века до Р. Х., продолжают до VI в. по Р. Х. включительно, и подтверждаются еще знаменитыми Певтингеровыми таблицами или дорожной картой Римской империи. А в IX веке на тех

же местах снова является в византийских известиях народ Рос или Рось, т. е. является под своим односложным именем (РосАлане есть такое же сложное и более книжное, чем народное имя, как ТавроСкифы, АнглоСаксы и т. п.). В этой простой форме он является в IX веке и у латинского писателя, именно у Пруденция (Рось) и землеписца Баварского (Ruzzi); между тем как у другого латинского писателя того же IX века, у географа Равеннского, опять встречается сложная форма, т. е. Роксалане².

7. Название Пруссия есть то же, что Руссия или собственно Порусье (Vogussia). Оно возникло, однако, независимо от нашей Руси, ибо литовский народ Пруссы в течение всех средних веков не были даже соседями наших Руссов. Это имя, по всей вероятности, также находится в связи с названиями рек (Неман иначе назывался Русь). Одно существование Пруссии ниспровергает всякую попытку выводить Русь из Скандинавии; иначе Пруссов надобно производить оттуда же. (О народе Боруски, Vogouscoi, в восточной Европе, упоминает уже Птолемей.)

8. Совершенное отсутствие названия Русь между скандинавскими народами. Если и встречается у средневековых немецких хронистов (например, Дитмара и Саксона) название Rucia, Rusia (и Prusia), Ruscia (и Pruscia) на южном и юговосточном берегу Балтийского моря, то оно относится или к славянским племенам (например, Руянам), или к литовским (Пруссы и Жмудь).

9. Давнее существование Руси Угорской или Закарпатской; а также закрепление этого имени за Русью Галицкой или Червонной, которая сравнительно не очень долгое время принадлежала русским князьям. Такая крепость имени была бы невероятна, если б оно было не туземное, а пришлое.

10. Тяготение нашей первоначальной истории и самого имени Русь к югу, а не к северу. Русью называли себя преимущественно обитатели Приднепровья, а Новгородцы на-

зывали себя Славянами. Русским называлось Черное море, а Варяжским Балтийское, что прямо указывает на совершенно различное географическое положение Варягов и Руссов. Из иностранных известий IX и X веков чаще других название Русь встречается именно на юговостоке, т. е. у арабских писателей.

11. Наши древнейшие документальные источники, договоры с Греками, не делают ни малейшего намека, из которого можно было бы заподозрить иноземное происхождение Руси; хотя первый договор (Олегов) относится к лицу, которое по смыслу летописной легенды прямо пришло изза моря. Мало того, сама Русь всегда относилась к Варягам как к иноземцам и иноплеменникам; о чем свидетельствуют также официальные документы, например Русская Правда.

12. Торговый характер Руси и ее торговые сношения с Византией и Хазарией, имевшие, по несомненным свидетельствам, постоянный и договорами определенный характер уже во второй половине IX века, были бы непонятны, если бы Русь была народом не туземным, а пришедшим в той же второй половине IX века. Притом Норманны в этом веке совсем и не были известны в Европе как торговый народ.

13. Поклонение Руссов славянским божествам, засвидетельствованное договорами с Византией. Только что прибывший народ и притом господствующий не мог тотчас же изменить своим богам и принять религию подчиненного племени.

14. Существование у них славянской письменности, доказанное славянским переводом тех же договоров. (У Готских народов была уже своя письменность со времен Ульфилы³.)

15. Отсутствие пришедшей скандинавской стихии в русском языке; а также отсутствие всякой борьбы между русской и славянской народностью прежде их предполагаемого слияния. Если бы Руссы были скандинавский народ, то они не могли так быстро превратиться в Славян. Последнее окон-

чительно невозможно, если возьмем еще в расчет известную стойкость Немецкого племени, уступавшего, и притом весьма постепенно, только высшей (романской) цивилизации в Юго-западной Европе. В истории нет примеров такого быстрого превращения; оно было бы противно всем политико и естественноисторическим законам.

16. Совершенное отсутствие известий о призвании князей или о пришествии Руси из Скандинавии (и вообще откуда бы то ни было) во всех иноземных источниках: византийских, немецких, арабских и скандинавских. Особенно важно умолчание о том Константина Багрянородного, который сообщил о Руссах наибольшее количество сведений и сам лично входит в сношения со вторым поколением (якобы пришедших из Скандинавии) русских князей.

17. Византийцы нигде не смешивают Русь с Варягами. О Варягах они упоминают только с XI века; а о народе Рось, под этим ее именем, говорят преимущественно со времени нападения ее на Константинополь в 865 году. Но и после того они продолжают именовать Руссов Скифами, Тавроскифами, Сарматами и т. п. Лев Диакон не только производит Русь от древних Скифов и приурочивает ее к странам Припонтийским, но и отождествляет ее с библейским народом Росс (стр. 93 русс, издания).

18. Исландские саги, которым было бы естественнее всего говорить о необыкновенном счастье Норманнов в восточной Европе, ничего не знают ни о норманнском племени Руссов, ни о Рюрике, ни о плавании Норманнов по Днепру. Саги говорят о Русских, как о великом туземном народе Восточной Европы.

19. С отсутствием исторических свидетельств об этом плавании согласуется и физическая невозможность норманнских походов по Греческому водному пути прежде политического объединения Южной и Северной Руси. Русские имена Днепровских порогов, дошедшие до нас в искажен-

ном виде, могут быть объяснены из языка славянорусского с большей вероятностью, чем из языков скандинавских.

20. Латино-немецкие и латино-польские летописцы средних веков (Дитмар, Адам, Галл, Гельмольд, Саксон и др.) также ничего не знают о норманнском народе Руссов, а трактуют их как туземцев Восточной Европы. В известии Бертинских летописей спорным является выражение "из рода Франков"; но хаканский титул, указывающий на соседство АвараХазар и несомненно употреблявшийся южнорусскими князьями, не может подлежать спору. Следовательно, мы имеем западное (и вместе византийское) свидетельство о туземной Руси в первой половине IX века⁴.

21. Арабские свидетельства по большей части несогласимы с теорией норманнской Руси, и, наоборот, они становятся совершенно понятны, как скоро Русь признаем народом туземным. Русь и Славяне у них являются почти нераздельно. Описанные ими обычаи Руссов указывают также на Славян (например, у ИбнФадлана сожжение жены с покойником, тризна или третья часть его имущества, отделявшаяся на погребальное пиршество, и т.д.). Между прочим Хордадбег (в IX в.), говоря о русских купцах в Хазарии, прибавляет: "они же суть племя из Славян".

22. Появление во второй половине X века Руси Тмутраканской необъяснимо без существования исконных русских поселений на берегах Азовского моря. (Да и с какой стати Скандинавам забираться на Тамань?) Без этой АзовскоЧерноморской Руси необъяснимы: арабские известия X века, например, Масуди, о Руссах, живущих на берегу Русского моря и господствующих на этом море; арабское деление Руси на три группы (Новгород, Киев и Артанию); отношения Руси к Корсуню; походы на Кавказ и в Каспийское море, и пр.⁵.

23. Ни одно произведение русской словесности, несомненно принадлежащее дотатарской эпохе (собственно до

XIII века), кроме летописи, не знает ни Варяга Рюрика, ни вообще призвания Варягоруcсов.

24. Расстояние около 250 лет (даже по расчету норманистов) между призванием Варягов и составлением нашей начальной летописи само по себе делает предание недостоверным; что и подтверждается его вполне легендарным оттенком (три брата, пришедшие откудато изза моря и пр.), а также целым рядом других легенд, занесенных в нашу летопись (об апостоле Андрее, о Хазарах, Оскольде и Дире, Олге и Ольге и пр.).

25. Сопоставление северного сказания о трех братьях: Рюрике, Синеусе и Триворе, с южным сказанием о трех братьях: Кие, Щеке и Хориве, а также с литовским о Палемоне и его трех внуках и с другими подобными сказаниями не оставляет сомнения, что мы имеем дело с легендой.

26. Утрата древнейшей редакции Повести временных лет, вообще неисправная передача летописного текста писателями и продолжателями, разногласие дошедших до нас летописных сводов и сборников относительно ВаряговРуси и относительно легенды об Оскольде и Дире, а также разнообразные толкования имени Русь, убеждают нас, что в первоначальном своем виде легенда о призвании князей не смешивала Русь с Варягами (и, повидимому, не причисляла к Варягам Оскольда и Ди́ра).

27. Польские историки (особенно Длугош и Стрыйковский), имевшие под руками русские летописи, также не смешивают Русь с Варягами; они изображают ее народом туземным и старобытным, а Оскольда и Ди́ра потомками Кия. Герберштейн, равно знакомый с русскими летописями, тоже различает Русь от Варягов. Эти писатели еще более подтверждают наше мнение, что первоначально летописная легенда имела только династический оттенок, то есть говорила о призвании князей из Варягов, а существование народа Варягоруcсов есть домысел более поздней редакции.

28. Совершенное отсутствие точных указаний на отечество призванных Варягов в большинстве сводов и указание некоторых на Прусскую землю и род Августа также подтверждают, что первоначально легенда вообще имела в виду выставить происхождение своих князей от знаменитого иноземного рода черта общая в подобных легендах и других народов.

29. Невероятное накопление весьма крупных событий и завоеваний в период времени, который летопись полагает между 859 и 912 годами, указывает на то, что ее начальная хронология составлена искусственно и произвольно. Легенда о нападении и признании Варягов приурочена к 859 и 862 годам очевидно для того, чтоб объяснить нападение Руси на Константинополь в 865 году, засвидетельствованное византийскими хрониками. Семидесятилетний возраст Игоря в эпоху его дальних походов и оставленный им малолетний сын также указывают на произвольность этой хронологии.

30. Были действительно обстоятельства, которые могли повлиять на образование и распространение легенды о призвании варяжских князей в Новгород.

а) Присутствие в Новгороде наемной варяжской дружины, которой начало, судя по летописи, можно возводить ко времени Олега.

б) Призвание Варягов в Новгород Владимиром Св. и Ярославом I; завоевание с их помощью Киевского стола; следовавшие затем родственные и дружеские связи с Норманнами; присутствие некоторых принцев и знатных Норманнов при Киевском дворе.

с) Деятельные торговые связи Новгорода с Балтийским поморьем и особенно с Готским берегом (Готланд).

д) Обычай призывать князей, развившийся в Новгороде с XI века; а в XII веке этот обычай отчасти разделяет и Киев.

е) Упадок и унижение Киева, начавшиеся со второй половины XII века, не могли не отозваться на летописном деле в самом Киеве.

ф) Окончательное разъединение Руси и наступившая Татарская эпоха еще более замутили источники древнейшей истории и перепутали нити национальных преданий; тогда и возобладало смешение Руси с Варягами.

Можно было бы еще продолжить этот перечень доводов и сопоставление исторических данных. Например, можно еще обратиться к тем результатам, которые добыты раскопками могильных курганов в Южной России и которые в общей сумме подтверждают наши выводы. Но мы считаем и приведенного весьма достаточным для своего главного положения, то есть, что Русь была искони народом туземным и что она сама основала свое государство. А для тех, кто почему-либо не желает расстаться с Варягами, все доказательства будут неубедительны.

Как и в первой статье, повторяем, что относительно некоторых соображений второстепенной важности мы можем ошибаться; но оттого не пострадает наше главное положение. Можно, например, вести прения о летописной легенде как о факте литературном, то есть продолжать вопрос об источниках и редакциях наших летописей вопрос достаточно запутанный, вследствие их безличности и явной порчи. Но снова толковать об идеальном летописце, после всех трудов, ему посвященных; легенду о Рюрике подкреплять легендой об Оскольде и Дире и обратно; продолжать теорию Скандинавской Руси на основании Хескульдов и Хольмфорсов; голословно повторять, что за Норманнов стоят все известия иностранные и т. п., значило бы плодить пустое словопрение.

Не находя опоры в своих прежних доказательствах, норманизм обратится вероятно к противоположному мнению с разнообразными вопросами и с требованиями объяснить немедленно все темные пункты начальной русской истории. Пов-

торяем, что мы прежде всего желали обратить внимание русской науки в ту сторону, откуда она может ожидать действительного, а не призрачного разъяснения этой истории, и предлагаем оставить тот бесплодный путь, которым она доселе следовала. Вот уже около полутора столетия лет норманисты трактуют о Руси, пришедшей из Скандинавии, и, однако, еще не нашли там этой Руси. Они могут искать ее еще несколько столетий, и все-таки не найдут, потому что там ее никогда не было. В науке (говорим собственно об истории) обыкновенно бывает так: если исходная точка зрения верна, то всякий новый труд, произведенный в том же направлении, увеличивает запас данных и прибавляет свету для разъяснения минувших веков. И наоборот, исходя из ложной точки зрения, труды, хотя бы и талантливых ученых, остаются почти бесплодны для положительного решения темных вопросов, и приносят пользу, если можно так выразиться, отрицательную, то есть убеждают, что не в этом направлении надобно искать истины. Это именно и случилось у нас с норманнской школой: после ее полуторастолетней работы наша начальная история и наше происхождение оставались покрытыми тем же мраком неизвестности, как и во времена Байера, основателя этой школы. В результате мы доселе должны были довольствоваться только некоторыми легендами, предположениями и натяжками. С своей стороны, насколько возможно, мы стараемся разъяснить естественное, постепенное (не внезапное) происхождение Русского государства и Русской национальности; по крайней мере надеемся, что переносим начало нашей истории на основание более прочное, более согласное с историческими законами.

1 Не говорим о теориях угрохазарской, литовской, готской и славянобалтийской по отношению к небывалым Варягоруссам; каждая из этих теорий может выставить почти такую же сумму доводов, как и норманнская.

2 Замечательно, к каким натяжкам и произвольным выводам приходили иногда даже наиболее ученые и добросовестные представители норманнской школы, приняв за несомненный исторический факт басню о призвании изза моря небывалого народа Варягоруссов. Так, Шафарик, определяя эпоху заметок Баварского географа, говорит, что они написаны не ранее 866 года (Славян. Древн., т. II. кн. 3). И чем же он при этом руководствуется? Тем, что в них упоминается Русь, а онаде только в 862 году призвана и, следовательно, только в 866 году могла сделаться известной на западе из посланий патриарха Фотия к восточным епископам! Таким образом, в науке было время, когда не басня о призвании подвергалась исторической критике, а наоборот, исторические свидетельства проверялись на основании этой басни! Точно так же гадательны и некоторые другие соображения Шафарика о времени Баварского географа (например, его соображения о Печенегах). По некоторым признакам, напротив, эпоху Баварского географа едва ли можно относить позднее первой половины IX века. (В этом убеждает, между прочим, соседство Болгар с Немцами в Паннонии.) Подобный пример употреблял А. А. Куник по отношению к другому географу, Равеннскому. Шафарик, на его счет заметил, что он жил около 866 г. "а может быть, и несколько прежде". (Иречек в своей брошюре "Дорога в Константинополь" относит его к VIII веку.) А г. Куник прямо поясняет, что он не мог писать ранее второй половины IX века, ибо у него упоминается о Русском государстве. (Если он писал именно в эту эпоху, то какой был бы отличный случай упомянуть о переходе Руси из Скандинавии. Однако он не сделал на то ни малейшего намека.) Равеннский аноним употребляет при этом вместо Русь ее сложное название "Роксалане"; по словам г. Куника это только пустое подражание древним писателям. Роксаланский народ, по его мнению, с появлением Гуннов "исчез из истории". Доказательствам того, что Роксалане не Русь и что они исчезли, А.

А. Куник посвятил целое особое исследование под заглавием: *Pseudorussische Roxalanen und ihre angebliche Herrschaft in Gardarik. Ein Notum gegen Jacob Grimm und die Herausgeber der Antiquites Russes.* (Bulletin hist. phil. de l'Acad. des Sciences, t. VII, No 1823.) Да простит нам автор, но мы находим, что доказательства эти состоят из ряда всякого рода исторических, этнографических и этимологических натяжек и предположений, весьма гадательных и сбивчивых. Между прочим, главным признаком того, что Роксалане были не арийское, а какоето монгольское племя, выставляются известия о их кочевом быте и конных набегах. Но какой же из арийских народов не прошел через кочевой быт? У какого народа, окруженного отчасти степной природой, не играли главную роль стада и табуны в известный период его развития? Автор этого исследования забывает расстояние девяти веков, в течение которых быт Роксалан или Руси должен был значительно измениться. Он вообще держится теории исчезания народов, которая основана на исчезании имен. Таким образом, многие народы Скифы будто бы уничтожились вместе с пропажей их имен. Мы же утверждаем, что меняются и путаются имена в исторических источниках, а народы остаются по большей части те же. В противном случае, племена Антов еще скорее Роксалан исчезли с лица земли, потому что имя их, столь часто упоминаемое у писателей VI века, потом пропадает; по крайней мере, в этой форме оно почти не встречается у писателей позднейших. Впрочем, справедливость требует заметить, что упомянутое исследование А. А. Куника относится еще к эпохе 40-х годов, к эпохе его *Die Berufung der Schwediscchen Rodsen*, т. е. к периоду увлечения и полного господства норманнской школы, то надобно было во что бы ни стало их устранить, т. е. уверить, что они куда-то исчезли.

3 С вопросом о письменности тесно связан и вопрос о начале нашего христианства. У нас повторяется обыкновенно летописный рассказ о введении христианской религии в

России при Владимире Св.; тогда как это было только ее окончательное торжество над народной религией. Наша историография все еще держится летописного домысла, который приписывает Варягам иноземцам начало русского христианства, так же, как и начало русской государственной жизни. В летописи по поводу киевской церкви Св. Илии при Игоре, замечено: "мнози бо беша Варязи христиане". А далее, при Владимире, рассказывается известная легенда о двух мучениках Варягах. Но в этих известиях господствует все то же явное смешение Руси с Варягами. К счастью, мы имеем документальные свидетельства, которые восстанавливают истину, изобличая летописную редакцию в произвольных догадках и в ее стремлении всюду подставлять Варягов. Во-первых, послание патриарха Фотия 866 года говорит о крещении Руссов, а не Варягов. Во-вторых, Игорев договор прямо указывает на крещеную Русь и совсем не упоминает о Варягах. В-третьих, Константин Багрянородный под 946 годом упоминает о "крещеной Руси", которая находилась на византийской службе (см. De cerem. Aul. Byz.). В-четвертых, Лев Философ, современник нашего Олега, в своей росписи церковных кафедр помещает и Русскую епархию. В-пятых, папская булла 967 года указывает на славянское богослужение у Руссов. Очевидно, крещеная Русь не со времен только Владимира Св., а уже со времен патриарха Фотия имела Священное Писание на славянском языке; чего никак не могло быть, если бы это были Норманны, прямо пришедшие из Скандинавии. Потому-то и наши языческие князья (Олег, Игорь и Святослав) пользовались славянской, а не другой какой-либо письменностью для своих договоров.

4 Латинонемецким хроникам совершенно соответствуют и средневековые эпические песни Германии, которые относятся к Русским как к туземному народу Восточной Европы. Так, в Нибелунгах, Руссы (Rhizen) встречаются в войске Аттилы наряду с Поляками и Печенегами. Последнее имя ука-

зывает на редакцию приблизительно X или XI века. О языческих "диких Руссах" Восточной Европы говорят и другие немецкие саги. См. *Die Dakische Konigs und Tempelburg auf des Polumna Trajana. Von Jos. Haupt. Wien, 1870.* (Только его рассуждения об арийских и туранских племенах весьма слабы в научном отношении.)

5 Чтобы объяснить арабские известия о Руси, норманисты предполагают невозможное: будто Русь, в 860х годах пришедшая из Скандинавии, в несколько лет могла распространить свое имя и свои колонии на всю Юго-восточную Европу до самой нижней Волги, где тотчас же они сделались известны Арабам. Подобное предположение еще менее научно, чем то, по которому Западная Европа о существовании народа Русь в Южной России узнала только в 866 г. из окружного послания патриарха Фотия к восточным епископам. А как не скоро доходили до Арабов известия не только из России, но и с ближайших к ним берегов Каспийского моря, показывает следующий пример: Масуди в своих "Золотых Лугах" повествует о русском походе 913 года в Каспийское море и прибавляет, что после того Руссы не нападали более на эти страны. Он не знал еще об их походе 943 года, хотя книгу свою закончил несколькими годами спустя после этого вторичного нашествия, и следовательно, имел довольно времени исправить ошибку. (См. *Relations etc. par Charney, 300.*)

6 К археологическим доказательствам того, что Русь не Норманны, должно отнести отсутствие у нас камней с руническими письменами. Любопытно, что один из патриархов норманнской школы, Шлецер, заметил: "Руны не найдены ни в какой европейской стране, кроме Скандинавии; только в Англии имеется их несколько; но едва ли они там древнее датского владычества". (*Allgemeine Nordische Geschichte. 591*). Шлецер не потрудился задать себе вопрос: если господство языческих Норманнов оставило письменные следы

в Англии, отчего же это господство никаких подобных следов не оставило на Руси? Позд. прим.

К вопросу о летописных легендах и происхождении Русского государственного быта¹

Возьмем известный рассказ об осаде Белгорода Печенегами; причем жители, по совету мудрого старца, наливают в одну яму кисель, в другую медовую сыту и таким образом обманывают Печенегов, которые надеялись взять их голодом. Г. Костомаров полагает, что в этом рассказе выразилось Русское мнение о Печенегах как о глупом народе. Но подобный рассказ принадлежит к тем легендарным мотивам, которые встречаются не только у новых, но и у древних народов. Так, Геродот в первой книге рассказывает о войне лидийского царя Алиата с городом Милетом; жители Милета, по совету Фразибула, собрали весь свой хлеб на площадь и когда в город прибыл лидийский посол, то нашел граждан предававшимися на площади пиршеству и веселию. Следствие было то же самое: потеряв надежду взять Милет голодом, Алиат заключил мир. Нечто подобное встречаем мы в истории Византийской. В конце X века мятежный полководец Варда Склир между прочим осадил город Никею и хотел взять ее голодом. Мануил Комнен, начальник гарнизона, велел наполнить хлебные магазины песком, а сверху покрыть его мукой; потом показал их одному пленнику и отпустил его, поручив сказать Склиру, что тот напрасно надеется принудить к сдаче город, снабженный хлебом более чем на два года. И этой хитростью Комнен добился свободного пропуска вместе с гарнизоном. (См. у Le Beau. VII. 416.)

Вообще в русской летописи можно отыскать сходные черты заимствования из Византийской письменности в большей степени, чем до сих пор полагалось.

Например, бросается в глаза известие нашей летописи, что Святослав взял на Дунае 80 городов. Почему же восемьдесят, ни более, ни менее? Я полагаю, это число нес-

колько объяснится, если сопоставить его с известием Прокония о том, что Юстиниан построил вдоль Дунайской границы 80 крепостей. Это число восьмидесяти Дунайских городов конечно не раз повторялось у Византийских и Болгарских писателей. До какой степени наша начальная летопись была в зависимости от византийских хронографов, показывают походы Руссов в Каспийское море. О них говорят Арабы, а Византийцы не упоминают, и Русские летописцы ровно ничего не знают об этих походах, хотя по времени они были ближе к эпохе летописцев, чем предприятие 865 года и сказочный поход Олега. Так мало домашних сведений имели наши летописцы даже о X веке!2.

Теперь обращу внимание на сказочный поход Олега под Константинополь на 2000 кораблях. Рассказ о нем по наружности имеет все признаки народного предания. Г. Костомаров видит в нем даже следы песенного склада; числа сорока (по 40 человек на корабле) и двенадцать (по 12 гривен на ключ) суть обычная в наших песнях и сказках. Но откуда же взялось 2000 кораблей? Мы позволим себе сблизить эту легенду с греко-латинскими известиями о знаменитом походе Скифов из стран Меотийских в Геллеспонт и Эгейское море, во второй половине III века (Зосим, Синкел, Аммиан, Иордан). Варвары (по одним просто Скифы, по другим Готы, по третьим Герулы) разграбили многие города Греции, Фракии и Малой Азии и между прочим разрушили известный храм Дианы Эфесской. Подробности этого нашествия передаются разнообразно; некоторые писатели (напр. Зосим) даже говорят не об одном, а об нескольких подобных походах; но замечательно, что число скифских кораблей определялось именно в 2000, о чем свидетельствует Аммиан. Итак, мы вправе предположить, что в нашем сказании о походе Олега скрывается историческая основа, занесенная путем книжным и вплетенная в народную легенду по поводу совершенно другой эпохи. Предположение свое мы можем подкрепить еще следующим сближением.

По словам летописи, Греки, испуганные приготовлениями Олега к приступу, предложили дань и вынесли ему брашно и вино, но Олег не принял последнего, ибо оно было приготовлено с отравой. "Это не Олег (сказали Греки), а сам святой Димитрий, посланный на нас от Бога". Что это за сравнение Олега с св. Димитрием? - спросим мы. Почему Димитрий, а не Георгий, или иной святой? Ключ к разгадке дает нам также Аммиан Марцелин; он рассказывает, что во время упомянутого нашествия Скифы между прочим осаждали и город Фессалонику, т. е. Солун. А известно, что в Солуни местночтимый святой был Димитрий. Очень может быть, что составила местная Солунская легенда о нашествии варваров "в двух тысячах кораблях". Св. Димитрий также занесен в легенду; ибо она, конечно, не затруднилась тем, что Димитрий жил немного позднее нашествия. А так как в Солунской области, в последующую эпоху, обитало много Болгарских Славян, то вероятно, Солунская легенда вошла и в болгарские переводные сборники, откуда с разными изменениями и переделками перешла и к нам³.

Мы, конечно, не отрицаем элемента народных преданий в русской начальной летописи о временах до-Ярославовых; но думаем, что в настоящее время очень трудно провести границу между этими преданиями и собственными измышлениями наших старинных книжников, воспитавшихся под влиянием Византийской письменности (переводной или оригинальной, это все равно).

Относительно летописного сказания об осаде Царьграда Олегом мы позволим себе еще следующую догадку. Может быть, повод к означенному сказанию о первом Олеге, наряду с его договорами, подан был Олегом Святославичем, который действительно плавал в Царьград, хотя в качестве изгнанника, а не завоевателя. Но последним обстоятельством легенда не затрудняется. Для нее достаточно и одного имени, чтоб измыслить целое событие. Не забудем, что Олег Святославич был один из тех князей, о которых

наиболее говорили в древней Руси. Он и весь род его имели своих поэтов-панегиристов, к которым принадлежит и автор Слова о Полку Игореве. По всей вероятности, легенда об осаде Царьграда Олегом имеет оттенок Черниговский, как легенда о призвании трех Варягов оттенка Новгородского; причем имя Рюрика выдвинулось наперед, может быть, не без связи с известным Рюриком Ростиславичем (о чем замечено выше). Мы усматриваем и другие примеры перенесения позднейших исторических лиц и событий в эпоху древнейшую или смешения тех и других. Так, в известной легенде о походе Русского князя, так называемого Бравлина, на Сурож говорится, что он пришел из Новгорода. Предлагаем вопрос: к более древнему преданию о действительном нападении Руссов на Сурож или Сугдею не примешали ли позднейшие писатели воспоминание о князе тмутраканском Ростиславе, который действительно пришел в Тмутракань прямо из Новгорода? Или воспоминание о князе новгородском Владимире Ярославиче, который в 1043 году предпринял морской поход на Византию? Последний князь, по всей вероятности, воевал с Греками не только на Черном море, но и в Тавриде, где, как мы знаем, русские владения сходились с греческими. Любопытно, что византийские писатели (Скилица-Кедрин) называют Владимира Новгородского человеком раздражительного, беспокойного нрава; что вполне совпадает с толкованием имени Русского князя Бравлин искажением слова "бранлив".

Продолжим взятые из нашей летописи примеры перенесения некоторых черт из эпохи близкой к летописцу или современной ему на лица и события более древние.

Под 1068 г. есть известие о сражении Святослава Ярославича Черниговского с Половцами. Видя превосходные силы неприятелей, Святослав воскликнул к дружине своей: "потягнем, уже нам нельзе камо ся дети"; ударил на Половцев, и выиграл битву. Почти то же обращение к дружине, только в распространенном виде, отнесено и к Святославу Игореву-

вичу во время его войны в Болгарии: "уже нам некамо ся дечи, и волею и неволею стати противу; да не посрашим земли Русския", и пр. Под тем же 1068 г. рассказывается, что Изяслав Ярославич распустил Ляхов своего союзника Болеслава II по киевским городам на покорм, где их тайно избили. То же самое отнесено и к Болеславу I, союзнику Святотоплка Окаянного. Под 1075 г. немцы говорят Святославу, смотря на его богатство; "серебро и золото лежит мертво; а с кметами (дружиной) можно доискаться и большаго". Почти те же слова отнесены к Владимиру Св. по поводу его отношений к своей дружине. Под 1096 г. упомянуто нашествие половецкого хана Куря; очень может быть, что его имя перенесено на того печенежского вождя, который сделал себе чашу из черепа Святослава Игоревича; едва ли настоящее имя этого вождя дошло до летописца.

Возвращаясь к летописному сказанию о призвании варягов, предположим свое соображение о том, когда это сказание получило ту искаженную редакцию, в которой оно дошло до нас.

Мы заметили, что до XIII века ни одно произведение, кроме летописи, не упоминает о призвании Рюрика с братьями, а главное, не смешивает Русь с Варягами. Для исторической критики важно именно последнее обстоятельство: вся норманнская система, как известно, построена на этом смешении, т. е. на искажении первоначальной летописной редакции; без этого искажения басня о призвании Варягов рухнет сама собой. В эпоху дотатарскую мы можем указать только одного писателя, у которого встречается намек на смешение Варягов с Русью. Это Симон, епископ Владимирский, который в своем послании к Поликарпу говорит по поводу Леонтия Ростовского: "и се третий гражданин небесный бысть Рускаго мира, с онема Варягома венчався от Христа, его же ради убиен бысть". Ясно, что он двух киевских мучеников считает Варягами и в то же время относит их к Русскому миру. Неверное представление об

этих мучениках как о Варягах было нами указано выше. В словах Симона очевидно слышится знакомство с Повестью временных лет, но, конечно, уже не в ее первоначальной редакции. В произведениях XII века (не говорим уже об XI), повторяем, кроме летописи, нигде нет намека на какое-либо тождество Руси и Варягов: искаженная редакция летописного сказания о Варягах еще не была известна людям книжно-образованным. Послание Симона к Поликарпу написано около 20-х годов XIII века. По этому поводу вновь утверждаем, что в самой летописи смешение Варягов с Русью по всем признакам произошло не ранее как во второй половине XII века, и произошло от невежественных списателей и сокращателей⁴. Но и в XIII веке искажение это проникло не во все списки летописи; как то доказывают: упомянутый выше летописец патриарха Никифора, написанный в Новгороде в конце XIII века, отрывок Иоакимовой летописи, основанный на не дошедшем до нас начале Новгородского же летописца, и указанные мной польские историки Длугош и Стрыйковский, имевшие под рукой древние юго-западные списки нашей летописи. Любопытно, что приведенный сейчас первый намек на смешение Руси с Варягами мы встречаем на северо-востоке России во Владимире на Клязьме. Любопытно, что Симон после упоминания о мучениках-Варягах немного ниже, по поводу печерских постриженников, ссылается на "старого летописца Ростовскаго". А этот летописец едва ли не был Ростовский список все той же Киевской летописи. Предлагаем вопрос: искаженная редакция, смешавшая Русь с Варягами, не утвердилась ли именно в той группе списков, которые распространились преимущественно в Северо-восточной России?

Прежде нежели в достаточной степени были изучены и проверены источники, прежде нежели восстановлены и освещены факты действительно исторические. Русская историческая литература уже была богата разными теориями и системами для объяснения нашего древнейшего периода.

Рядом с системами Норманнской, Славяно-Балтийской, Угро-Хазарской и пр.5, возникали теории быта Родового, Дружинного, Общинного или Вечевого, Вотчинного и т. п. Зачем прибавлять к ним еще теорию (если можно так выразиться) Дружинно-разбойничью? Появление дикой, наезднической шайки в среде оседлого, земледельческого населения и развитие из нее, как из зерна, государственной жизни - эта теория была бы еще более искусственна, чем предыдущая. Русское государство так же, как и все другие, произошло из борьбы племен и народов между собой. На данном пространстве из массы одноплеменных и разноплеменных элементов выделяется наиболее воинственный, наиболее способный к единению народ, который постепенно подчиняет себе соседей и распространяет свое господство обыкновенно до тех пределов, где встречаются или естественные преграды, или не менее сильные народы. Подчинение племен господствующему народу или его вождям конечно выражалось данью; но эта дань есть не что иное, как первобытная форма тех податей и повинностей, без которых не существует ни одно благоустроенное общество. Господствующее племя (из которого главным образом составлялись княжеские дружины) собирало дани не совсем даром: оно в свою очередь сторожило, чтобы никакой посторонний народ не грабил и не собирал даней в тех же местах; а вместе с тем оно вносило в страну кое-какой суд и кое-какой порядок, т. е. начала гражданской организации. Иногда господство одного народа вытеснялось господством другого, более сильного соседа; а этот в свою очередь бывал угнетен иным нашествием или побежден восставшим племенем, которое вновь усиливалось и опять брало верх над своими соседями. Так именно и было на Руси в течение целого ряда веков, которые предшествовали временам более историческим.

Если всматриваться в эту глубь прошедших веков, то можно возвести ко временам довольно глубокой древности

(хотя еще туманные) очерки той исторической местности и той группы народов, из которых развилось впоследствии Русское государство. Во времена Геродота и несколько столетий после него в Южной России преобладает племя т. наз. Царских Скифов, живших между Днепром и Доном 6. Самая священная для них местность, Геррос, где находились могильные курганы их царей, лежала, по всем признакам, около Днепровских порогов (что подтверждается и раскопками могильных курганов). В первом веке до Р. Х. на тех местах встречаем Сармато-славянский народ Россалан; а еще вероятнее их победители и близкие соплеменники, распространившиеся из-за Дона и Меотийского озера. В первые века по Рожд. Христове, в стране между Днестром и Днепром, усиливается западнскифское или восточногерманское племя Готы. В III веке мы видим, что они господствуют в Скифии, т. е. заставляют платить дань соседние народы, в том. числе и Россалан или Рокасов (как их иначе называет Иорнад). Но очевидно, между этими двумя сильнейшими народами Скифии, т. е. между Готами и Россалами, идет упорная борьба за господство в Восточной Европе. Решительный верх, т. е. кому будет принадлежать честь создания великого Восточно-европейского государства, Немцкому или Славянскому народу? 7 По всей вероятности, в связи с этой борьбой Немцев и Славян являются из-за Волги Болгаро-Гунны, которые вместе с Аланами не только разрушают владычество Готов в Южной России, но и самые Готские народы вытесняют за Днестр, а потом за Дунай и за Карпаты. Очевидно, толчок к т. наз. Великому Переселению народов дан был еще движением Восточно-славянским.

В VI веке Русское племя снова выплывает на поверхность. В этом веке встречаем его в исторических известиях, кроме общих имен Скифов и Сарматов, также под именами Роксалан, Антов и Тавроскифов (Иорнанд, Прокопий, Маврикий). Временное германское владычество уничтожено; но очевидно затем наступает долгий период трудной и упор-

ной борьбы как с соплеменниками, так и с дикими Угро-Тюркскими народами. В нашей летописи отголоски этой борьбы слышны в преданиях о насилии Обров и Казарской дани. В то же время Русь возвращается к своей объединительной деятельности и собирает вокруг себя соплеменные Славянские народы, которые, конечно, подчиняются ей не по доброй воле, уступают только силе оружия. Со второй половины IX века начинается период славы и могущества. Нападением на Царьград в 865 году и походом на Каспийское море в 913 Русь заставила говорить о себе Византийских и Арабских писателей⁸.

В X веке, когда источники проливают уже яркий свет на нашу историю, мы видим Русь господствующей от Новгорода до Тамани, и все это пространство объединенным под властью того княжеского рода, который сидел в Киеве, т. е. в земле Полян или Руси по преимуществу. Но и в этот, вполне исторический период, в иноземных источниках встречаем прежнее разнообразие по отношению к нашему народному имени. Арабы более постоянны в употреблении имени Русь; но Византийцы наряду с этим именем продолжают называть ее Сарматами, Скифами и преимущественно Тавроскифами. Даже для писателей XII века Киев есть столица Тавроскифии, Галиция страна Тавроскифская и т.п. Мы уже говорили прежде, что чрезвычайное множество народных имен в средневековых источниках по отношению к какой-либо стране вносило большую запутанность в историографию; но пора сознать, что менялись и разнообразились имена, а народы по большей части оставались те же самые.

Итак основателем Русского государства не была какая-то дикая, сбродная шайка, жившая на счет оседлого населения. Нет, это было энергичное могучее племя, выделявшее из себя военные дружины, которые считались иногда десятками тысяч человек. Мы уже сказали, что оно долго жило на Азовских и Черноморских пределах Грекоримского мира и,

конечно, не бесследно для своего умственного развития. Часть Сарматов-Роксалан даже завладела древним Боспорским царством и, конечно, опередила других своих соплеменников на пути гражданственности. Это так наз. Русь Тмутраканская, впоследствии отрезанная и затертая новым приливом дикарей, каковы Половцы и Татары. Во второй половине IX века, когда проясняется наша история, Руссы являются не только воинственным, но и торговым народом, и притом смелыми, опытными моряками; Русские гости проживают подолгу и в Константинополе, и в поле, и в хазарском Итиле. Своею наружностью и суровой энергией Руссы, очевидно, производили впечатление на южных жителей. Высокие, статные, светло-русые с острым взором - вот какими чертами описывают их Арабы (теми же чертами Аммиан Марцелин изображает Алан); при бедре широкий, обоюдоострый меч с волнообразным лезвием; на левое плечо наброшен плащ, вроде древнегреческой хламиды. Руссы остались Славянами; но, очевидно, у этих восточных Славян выработался тип несколько отличный от западных; что вполне естественно, если возьмем в расчет различие географических условий и прекращение с другими этнографическими элементами.

Никакая бродячая шайка - все равно домашняя или пришедшая из заморья не могла объединить (да еще притом в короткое время) и крепко сплотить в одно политическое тело многочисленные племена, расселившиеся на равнинах Восточной Европы, дать им единство не только политическое, но и национальное. Это в порядке вещей. Для такого единства потребно было однородное и весьма прочное ядро. Его мог совершить только сильный народ. Более критическое отношение к источникам подтверждает, что и наше прошедшее нисколько не отступало от исторических законов, действующих в развитии человеческих обществ.

Говоря о том, что совершено было тем или другим народом, мы, конечно, должны подразумевать при этом его

предводителей; ибо без них немыслимы никакие деяния, а тем более основание государства. Княжеская власть, по всем признакам, издревле существовала у Руссов, как и у прочих Славян. (Очевидно, не имелось никакой нужды призывать из-за моря для порядка чужих князей, так как и в своих недостатка не было.) Эта власть была довольно сильно развита. (У Царских Скифов, по известию Геродота, она является даже с характером деспотизма.) Достоинство князей было родовое, т. е. наследственное в известных княжеских родах. Борьба едиnodержавного порядка с удельным началась задолго до Святослава и Владимира; ибо не они, конечно, придумали удельную систему. Без такой борьбы невозможно было бы и объединение самих Руссов под властью одного княжеского рода. До нас не дошли имена предшествовавших князей-объединителей. В ряду Киевских князей первое достоверное имя, которое мы имеем, это Олег. Его исторические деяния нам неизвестны; надобно полагать, что они не были особенно громки, ибо ни один иноземный источник о нем не упоминает. Но он несомненно существовал и имел сношения с Греками: доказательством тому служит дошедший до нас его договор (который конечно и подал повод к летописной легенде о походе Олега под Царьград). Самое имя его несколько не иноземное: оно туземное из туземных. За ним выступает Игорь. Это более крупная историческая личность, нежели Олег; он предпринимал не сказочный, а действительный поход на Византию; о нем говорят иноземцы. Так как от него идет непрерывное потомство Русских государей до смерти Федора Иоанновича, то он (а не мифический Рюрик) и должен быть поставлен во главе нашей старой династии.

Вот в немногих словах сущность нашего взгляда на происхождение Русского государства. Мы убеждены в том, что усилия изыскателей, направленные не за море, а именно в Южную Россию, со временем разработают нашу древнейшую историю до той степени ясности, которая только воз-

можно при данном состоянии источников. Запас последних может расширяться научными раскопками, особенно в Приднепровском крае⁹.

1 Из моих заметок (в Рус. Архиве 1873 г. No 4) по поводу статей Костомарова о преданиях Русской летописи и его теории возникновения Русского государства (напечатанных в Вест. Евр. 1879 г. No 1-3).

2 Предание об Аварах или Обрах наш летописец заключает словами: "Есть притча в Руси и до сего дне": погибоша аки Обре. Эта притча отзывается скорее церковнославянским или Болгарским переводом, нежели народным Русским языком. А выражение "до сего дня" повторяется в летописи кстати и некстати и есть также заимствованная привычка.

3 Это смешение Царьграда с Солунью подтверждается и неоднократно нападениями Славян-Болгар на Солун в VI-VIII вв.; причем спасение города приписывалось обыкновенно св. Димитрию. О солунских легендах, относящихся сюда, см. статью преосв. Филарета в Чт. Об. И. и Д. 1848 No 6.

4 Выше мы приводим свои основания, по которым дошедшую до нас редакцию Повести временных лет полагаем не ранее второй половины XII века. Особенно укажем на Казарских Жидов, которые говорят Владимиру, что Бог отдал Иерусалим и землю их Христианам. Сам автор Повести не мог так выразиться: Святая земля была завоевана крестоносцами, так сказать, на его глазах, и, следовательно, он не мог не знать, что во времена Владимира христиане еще не владели ею. С этим моим указанием согласился и уважаемой памяти М. П. Погодин, который, как известно, не делал никаких уступок в данном вопросе. ("Борьба с новыми историч. ересями" 358.) Чтобы время завоевания Святой земли могло прийти в некоторое забвение у русских книжников, мы должны положить не менее 50 или 60 лет. А так как под 1187 годом киевская летопись упоминает о новой потере Иерусалима, который был завоеван Саладином, то

период, заключающийся между 1160 и 1187 гг., и может быть приблизительно назначен для того времени, когда произошла дошедшая до нас искаженная редакция сказания о призвании Варягов, т. е. когда в некоторых списках начальной летописи могло впервые появиться смешение Руси с Варягами.

5 Есть еще мнение, которое в параллель с Славяно-Балтийской теорией указывает на Славяно-Дунайское происхождение призванных князей. См. Пассека "Общий очерк периода уделов" (Чт. Об. И. и Др. 1868 кн. 3).

6 Что Скифы составляли ветвь Арийской семьи - это положение в настоящее время может считаться уже доказанным в науке, а Нибуrowsкое мнение об их монгольстве опровергнуто (после исследований Надеждина, Лиденера, Укерта, Цейса, Бергмана, Куно, Григорьева, после рассуждений о Скифском языке Шифнера, Мюлленгофа и особенно после раскопок в южной России). К Скифам Восточной Европы принадлежали вообще народы Германо-Славяно-Литовские. Царских Скифов, т. е. Скифов по преимуществу, одни по разным соображениям относят к Славянам, другие к Готам. Впрочем, в эпоху Геродотовскую языки Готский, Славянский и Литовский, конечно, были так близки друг к другу, что находились еще на степени разных наречий одного и того же языка. Под именем Сармат надобно разуместь преимущественно Славяно-Литовский отдел Скифов. (Впоследствии, названия Скифов и Сармат переносились и на народы Угро-Тюркские, т. е. получили смысл еще более географический.)

7 Объединительные стремления того и другого народа ясно выражаются в известиях Аммиана Марцелина и Иорнада. Аммиан, писатель IV века, с особою силою говорит о многочисленности и воинственности Аланского племени (которого передовою западною ветвью были Россаланы). По его словам, Алане подчинили себе многие народы и распространили на них свое имя. Он же перечисляет эти на-

роды, но употребляет при том названия еще Геродотовские, как-то: Невры, Будины, Гелоны, Агатирсы, Меланхлены и Антропофаги. В этом перечислении, конечно, было преувеличение. С другой стороны Иорнанд, писатель VI века, с явным пристрастием распространяется о могуществе Готов и говорит, будто Германриху подвластны были кроме Готов, Скифы, Туиды (Чудь), Васиначронки (Весь?), Меренсы (Меря), Морденсимны (Мордва), Кары (Карелы?), Рокасы (Русь), Тадзаны, Атуаль, Навего, Бубегенты, Кольды, Герулы, Венеты (Вятичи?) - одним словом, чуть не все народы Восточной Европы. Но интересно, что эти народы отчасти были ему известны под их живыми современными именами, а не под книжными названиями, повторяющимися со времен Геродота. Иорнанд как будто предупреждает нашу летопись, которая, перечисляя инородцев, "иже дань даю Руси", приводит тех же Чудь, Весь, Мерю, Мордву и пр. Как ни преувеличены эти известия Аммиана и Иорнанда, но они дают понять, что уже в те отдаленные времена история ясно намечала объем и состав будущего Русского государства. Что между Готами и Руссами шла исконная вражда за господство в Скифии, подтверждает предание, сообщенное тем же Иорданом: когда Готы пришли на берега Черного моря, то должны были выдержать борьбу за свои новые жилища с сильным народом Спалами. Последние были, конечно, то же, что Палеи и Спалеи классических писателей (Диодора и Плиния). В них мы узнаем наших Полян (от них же и слова сполин или исполин), а следовательно, тех же Россалан или Руссов.

8 Для объяснения события, записанного Византийцами, и сложились сказания об Оскольде и Дире о призвании князей в 862 году. Все подобные басни совершенно соответствуют понятиям и средствам старинных бытописателей и списателей. Но замечательно то, что они находят защитников и в наше время, время научной критики.

9 И в последнее время он действительно начал расширяться, благодаря особенно раскопкам Д. Я. Самоквасова.

О СЛАВЯНСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ДУНАЙСКИХ БОЛГАР

"Русский Архив". 1874 г. Июнь

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ИСТОРИЧЕСКИЕ

I

Теория Энгеля и Тунмана. Венелин и Шафарик. Названия Гунны и Болгаре. Путаница народных имен у средневековых летописцев

Вопрос о происхождении Руси естественно наводит исследователя на вопрос о происхождении и других народов, обитавших когда-то в нашем отечестве и находившихся в более или менее близких отношениях к нашим предкам. Между такими народами едва ли не первое место принадлежит Болгарам. Поэтому мы сочли необходимым посвятить им особое исследование, т. е. по возможности тщательно проверить те основания, на которых сложилось господствующее о них мнение. В настоящей монографии предлагаем вниманию образованной публики результаты этой проверки.

Что такое Болгары? Где их родина? К какой семье племен они принадлежат?

Ответ на эти вопросы уже давно сделан: Болгаре - говорят нам - была финская орда, соплеменная Уграм, пришедшая с берегов Волги на Дунай, здесь смешавшаяся с Славянами и принявшая их язык. Так решила Немецкая наука в лице Энгеля, Тунмана, Клапрота, Френа и некоторых других, касавшихся этого вопроса¹. За ними в том же смысле

высказалось большинство Славянских ученых, и во главе их знаменитый Шафарик. Но были и другие ученые, которые считали древних Болгар чистыми Славянами. Не буду говорить о писателях прошлого столетия, каковы, например, Сум и Раич, оставившие после себя труды почтенные, но мало удовлетворительные для нашего времени. Перейду прямо к известному Венелину. Этот талантливый карпаторосс в своем сочинении Древние и нынешние Болгаре (М. 1829) горячо восстал в защиту Славянского происхождения Болгар против Татаро-Финской теории Энгеля и Тунмана, которую можно поставить в параллель с Скандинавской теорией Байера и Шлецера по отношению к Руси. Сочинение Венелина в свое время произвело довольно сильное впечатление и нашло себе усердных последователей, особенно между Болгарскими патриотами. Но ученые авторитеты отнеслись к его мнениям весьма неблагоприятно. Шафарик отверг его выводы, как порожденные "страстию к новосказаниям и особенным понятиям о народной чести и славе" (Славян. Древн. т. II. кн. I). Тот же приговор подтверждали до сих пор и другие писатели-славянисты, касавшиеся этого предмета.

А между тем Венелин был близок к истине, но затемнил ее, отдавшись порывам своего пылкого воображения. Впрочем, его "Древние и нынешние Болгаре" есть произведение еще молодого и довольно неопытного ученого (ему было только 27 лет, когда эта книга явилась в печати). Впоследствии более спокойные изыскания, вероятно, заставили бы его отказаться от некоторых крайних выводов; это можно предполагать из его дальнейших трудов. Смерть похитила его слишком рано (в 1839 году, 37 лет от роду).

Венелин видел, что Тюрко-Финская теория о происхождении Болгар находится в явном противоречии с их исторической жизнью; он догадывался, что в основе этой теории должны быть разные недоразумения; но от него ускользнуло самое существенное из этих недоразумений. У некото-

рых средневековых писателей Болгаре называются смешанно то Гуннами, то Болгарами, и это обстоятельство послужило важнейшим основанием для Тюрко-Финской теории. Чтобы доказать славянство Болгар, Венелин начал доказывать, что сами Гунны с Аттилой включительно были племя Славянское. Но он тем не ограничился: Хазары, Авары, а кстати Готы, Гепиды, Франки и т. д. - все это, по его мнению, не кто иные, как Славяне. Понятно, что такое увлечение должно было вызвать суровое отрицание².

Так как доводы, на которых основана Тюрко-Финская теория, яснее и логичнее других писателей сведены и изложены в бессмертном труде Шафарика, то мы при их разборе будем держаться преимущественно того порядка, в котором они сгруппированы у автора "Славянских Древностей".

Первое основание, на котором построена означенная теория, есть наименование Болгар у средневековых летописцев Гуннами. А Гунны, по мнению многих ученых, будто бы составляли одно из племен Восточнофинской или Чудской группы и принадлежали к ее Угорской ветви. Гунны издревле обитали в степях Прикарпатских между Уралом и Волгою, по соседству с Скифскими народами Арийской семьи, и совсем не были каким-то новым народом, пришедшим в Европу прямо из глубины Средней Азии от границ Китая во второй половине IV века. У Птолемея, следовательно во II веке, они уже упоминаются как народ соседний с Роксаланами (он говорит, что они жили где-то между этими последними и Бастарнами. Lib. III. cap. 5). Аммиан Марцелин заметил, что о них слегка упоминают старые писатели. (Lib. XXXI. c. 2.) Но после победы над Готскими племенами и покорения большей части Восточной Европы это скромное и едва известное дотоле имя сделалось громким; по обыкновению оно распространилось на покоренные народы, как родственного, так и совершенно чуждого происхождения, т. е. распространилось в известиях иноземных писателей; но сами народы обыкновенно держатся своего

родного имени, которое меняют весьма редко и весьма туго. Так, византийские историки иногда причисляют к Гуннам готское племя Гепидов (Пасхальная хроника), или употребляют название Гуннов и Славян безразлично ("Гунны иначе Склавинны", выражается Кедрин, рассказывая об их нашествии на Фракию в 559 г.). А Прокопий замечает, что Славяне в обычаях и образе жизни имеют много общего с Гуннами. Сходство бытовых черт немало способствовало смешению разных варварских народов под одним общим именем, и от средневековых летописцев менее всего можно требовать точного этнографического распределения на основании языка. После того как Авары в VI веке наложили свое иго на некоторые Славянские племена, обитавшие по Дунаю, эти племена называются иногда Аварами и притом в эпоху, когда Аварское иго обратилось уже в предание. ("Склавны, которые и Аварами называются", говорит Константин Б. в своем соч. "Об управлении империей", гл. 29).

Известно, что имя господствующего народа нередко переходило на чуждые племена. Пример тому в особенности представляет название Гунны. У византийских и латинских писателей под общим или родовым названием Гуннов встречаются многие видовые имена: Акациры, Буругунды, Кутургуры, Савиры, Сарагуры и пр. и пр.3. Почти каждое из этих названий имеет еще свои варианты. Со стороны историографии едва ли не было ошибкою все означенные народы считать ветвями одного и того же Гуннского поколения. К Гуннам причисляются иногда чуть не все обитатели Дунайской и юго-восточной Европейской равнины; но если бы все эти народы были действительно Гунны, то куда же они исчезли и откуда на их место явились народы совершенно другие? Ясно, что под этими названиями скрываются иные племена, и преимущественно Славянские. Одним словом, в известный период времени слово Гунны употреблялось вообще для обозначения варваров Южной России и приобрело почти географическое значение; оно заменило собою преж-

нее слово Скифы. Впрочем, последнее название пережило Гуннов, и сами Гунны нередко в источниках называются Скифами. На это географическое значение, между прочим, указывает Иорнанд, который говорит, что страна к северо-востоку от Дуная называлась Гуннивар⁴.

Что касается до окончания народных имен на уры, гуры или гары, то это окончание несколько не означает народов Тюркских или Финских; оно отбрасывалось или прибавлялось, не изменяя коренного смысла в названии. Возьмем, например, у Прокопия название Утургуры или Утигуры с его вариантами, у Агафия и Менандра Утригуры и Витигуры, а в передаче Иорнанда Витугоры. Если отбросим окончание, то получим коренное название Уты или Виты, а, взяв в расчет древнее юсовое произношение (Жты), будем иметь Онты или Анты - столь известное название восточных Славян. Витичи или Вятичи нашей летописи есть только вариант того же названия (собственно Ванты или Вантичи); в связи с ним находится имя древнего города Витичева на Днепре. Точно так же Кутургуры Прокопия, Котрагиры или Котригуры Агафия и Менандра имеют форму Котраги у Феофана и Никифора, следовательно коренное название будет Куты или Кутры (м. б. то же, что Скуты или Скифы?). У Иорнанда встречаем Сатагаров или просто Сатагов, народ Сарматский или Аланский; а известно, что Сарматы-Алане не были Гуннами. Приск в числе народов, подчиненных Гуннами, называет Амалзуров; но тут, очевидно, подразумеваются Остроготы, у которых был княжеский род Амалов. Напомним также название одного Германского племени Гермундуры, и пр. Следовательно, окончание на гуры и гары не принадлежало никакой определенной группе.

Итак, кроме своего настоящего имени Болгаре являются у средневековых писателей под весьма разнообразными названиями, например: Гунны, Гунногундуры, Гуннобундобулгары, Киммеряни, Массагеты, Скифы, Котраги, Мизы и даже Влахи⁵.

Важная ошибка историографии заключается в том, что она излагала первоначальные судьбы Болгар - на основании только этого имени в источниках и упускала из виду многие известия, в которых Болгаре являются под другими именами. Главным исходным пунктом в истории Болгар обыкновенно принималось сказание о разделении их на пять частей между сыновьями Куврата и о поселении Аспаруховой части на Дунае только во второй половине VII века. А вся их предыдущая история являлась в виде нескольких отрывочных свидетельств, т. е. таких только, в которых упоминается слово Болгаре. Под этим именем они встречаются особенно у позднейших писателей (Феофана, Кедрина, Зонары); но встречаются у них уже в рассказах о второй половине V века, т. е. об эпохе, наступившей после нападения великой Гуннской державы. Болгаре начали производить в то время нашествия за Дунай во Фракию, и вскоре сделались так страшны, что император Анастасий в начале VI века построил длинную стену от Мраморного моря до Черного, чтобы обезопасить от них столицу. Но как же могло случиться, чтобы Болгаре, если верить хронике Феофана, только во второй половине VII века передвинулись на Дунай из-за Танаиса и Меотиды, если почти за два века они, по известию, между прочим, того же Феофана, уже являются во Фракии, и столица Византийской империи огораживается новою стеною для защиты от этих варваров? Над такою несообразностью не остановился доселе никто из славянских ученых, касавшихся Болгарской истории. Повторяю, главное недоразумение заключалось в названиях. Только довольно поздние византийские летописцы стали употреблять имя Болгар, и начальная их история до сих пор основывалась преимущественно на известиях Феофана и Никифора, писателей первой половины IX века, и еще более поздних компиляторов, каковы Кедрин и Зонар. При этом их сбивчивые рассказы о Куврате и его пяти сыновьях, по-

деливших между собою Болгарский народ, принимались буквально, т. е. без всякой критики.

А между тем более ранние византийские писатели сообщают нам довольно обстоятельные сведения о судьбах Болгар до второй половины VII века, только под другими именами.

1 Tunmann - Untersuchungen ueber die Geschichte der oeslichen Voelker. 1774. Engel- Geschichte der Bulgaren. 1797.

Klaproth - Tableaux histor. 1726. Fraehn- Die aelt arab. Nachr. uber die Wolga - Bulgaren в Mem. de l'Academie. VI, Ser. T. I.

2 Из последователей его укажу на сочинение г. Кръстьовича: История Българска. (Ч. I. Цариград. 1871) и на любопытную диссертацию Серг. Уварова De Bulgarorum utroque origine. (Dorpati, 1853.) К сожалению, последний не довел этого вопроса до надлежащей степени ясности и критики.

3 См. Memoriae Populorum. I. 451.

4 В этом исследовании о Болгарах я старался по возможности рассматривать их отдельно, не решая пока вопроса о народности Гуннов вообще. Решение его см. ниже. Позд. прим.

5 См. Memoriae Pop. II. 442.

II

Утургуры и Кутургуры Прокопия и Агафия

Писатели VI века, каковы Прокопий, младший его современник Агафий и продолжатель Агафия Менандр, совсем не употребляют имени Болгаре, а называют их Утургурами и Кутургурами. Подобное тому явление представляет Аммиан Марцелин, который, повествуя о нашествии Гуннов на Готские народы, не знает Иорнандовых Остроготов и Визиготов, а называет их Грутунгами и Тервингами; Прокопий,

хотя и современник Иорнанда, также не знает Остроготов и называет их Тетракситами. Имя Болгар точно так же не было неизвестно во время Прокопия, ибо о них упоминают и западные или латинские летописцы VI века, каковы Комис Марцелин и Иорнанд¹. В этом случае мы находим замечательную аналогию с именем Русь. Византийские писатели употребляют это имя только с IX века; между тем как западные упоминают его ранее, например тот же Иорнанд и потом географы Равенский и Баварский. Как Русь у старейших византийских писателей скрывается под именами Антов, Скифов, Тавроскифов и пр.; так и Болгаре долгое время скрываются под именем Гуннов и другими указанными выше, преимущественно же под названиями Утургуров и Кутургуров с их вариантами. Хотя никто из последователей Тюрко-Финской теории собственно не отвергает родства Болгар с Кутургурами и Утургурами Прокопия или Агафия²; однако, повторяю, никто из них не обратил внимания на противоречия между сказаниями Феофана и Никифора о приходе Болгар на Дунай в VII в. и известиями Прокопия. Последние говорили о событиях им современных, а потому должны служить проверкою для писателей более поздних. Обратимся к этим известиям.

Вот сущность того, что сообщает Прокопий о начале Болгарской истории (О Гот. войне кн. VI, и О постройках кн. III и IV):

За Танаисом, между Понтом и Меотидой, обитают "Утургуры, когда-то называемые иначе Киммерияне"; далее к северу живут "безчисленные племена Антов"; а там, где открывается пролив Киммерийский, находятся Готы, "по прозванию Тетракситы". Некогда великий народ Гуннов или Киммериян повиновался одному царю; но по смерти его два сына, Утургур и Кутургур, разделили между собой народ: и по их именам одна часть назвалась Утургурами, а другая Кутургурами. Киммерияне или Гунны обитали по ту сторону Меотиды; а по сию сторону жили Готские народы, "которые

некогда скифами назывались". После того как некоторые из этих народов удалились, именно Вандалы в Африку, а Визиготы в Испанию, однажды "если только молва справедлива" - несколько киммерийских юношей, гоняясь за ланью, перебрались через Меотиду, и таким образом открыли брод. Киммерияне воспользовались этим открытием; они тотчас вооружились, перешли на другой берег, напали на Готов и многих побили; остальные спаслись бегством³. Последние ушли за Дунай и получили от Римского императора жилища во Фракии; часть их вступила в римскую службу под именем федератов; а другая часть потом под начальством Теодориха двинулась в Италию. Места, где прежде обитали Готы, теперь заняты были Кутургурами. Хотя они ежегодно получают большие дары от императора (Юстиниана), однако не перестают переходить Истр и делать набеги на римские провинции, в качестве то союзников, то неприятелей. Между тем Утургуры воротились на берега Меотиды; здесь они вступили в борьбу с оставшимися в том краю Готами Тетракситами. Наконец по обоюдному согласию оба народа разместились на противоположных берегах пролива, соединяющего Меотиду с Понтом, причем Утургуры заняли свои прежние жилища. Там, за Таврами и Тавроскифами, на границах Римской империи, лежат приморские города Херсон и Боспор, которых стены, пришедшие в ветхость, император Юстиниан перестроил вновь. Кроме того, он построил крепости Алустон и Горсувит (ныне Алушта и Гурзуф). Особенно он укрепил город Боспор, разоренный варварами и находившийся некоторое время в их руках, но возвращенный императором под власть Римлян. А другие два города, Кипы и Фанагурию, с давнего времени принадлежавшие Римлянам, соседние варвары недавно взяли и совершенно разорили. "Страну же между Херсоном и Боспором держат в своих руках варвары, преимущественно Гунны".

Мы привели из сочинений Прокопия наиболее существенные данные для истории Болгар. Но при этом необходи-

мо заметить, что его географические указания могут быть принимаемы только в общих чертах; так как в своих частностях они не отличаются большою точностью и заключают в себе некоторую сбивчивость и противоречия. Он писал о том крае, очевидно, по слухам, а сам его не видал и ясного географического представления о нем не имел. Например, Готы Тетракситы или Остроготы по смыслу его известий прежде обитали где-то на западной стороне, Меотиды, т. е. Азовского моря, откуда были изгнаны Гуннами Кутургурами и Утургурами на Балканский полуостров; причем Кутургуры заняли их места. Но Утургуры, возвращаясь из похода, натолкнулись опять на Готов Тетракситов; следовательно, не все Остготы были изгнаны из Южной России Болгарами, которых он называет общими именами Гуннов и Киммериян (последнее, вероятно, по их жительству около Киммерийского Боспора). После упорной борьбы противники заключили мир и разместились по обоюдному согласию; причем Готы поселились в Тавриде; а Утургуры заняли опять свои прежние жилища по ту сторону пролива, т. е. на устьях Кубани. Таким образом на основании Готской войны Прокопия можно заключать, что Тетракситы и Утургуры в его время отделялись друг от друга Боспорским проливом. Но в ином его сочинении, О постройках, он сообщает, что Тетракситы занимали приморскую страну Дори; а эта страна совсем не лежала на берегу пролива. Она находилась в самой южной части Крыма, где, благодаря гористому положению, Готы долго сохраняли свою народность. С другой стороны из слов Прокопия о поселении варваров, преимущественно Гуннов, между Боспором и Херсоном ясно, что не все Утургуры перешли обратно на Кубань, но что значительная часть их обитала в восточных краях Таврии, и здесь-то она действительно находилась в тесном соседстве с Готами Тетракситами. Это соображение подтверждается тем же Прокопием. Он говорит, что Тетракситы и Утургуры, заключив мир, жили потом в дружбе и союзе друг с другом; но в ином

месте сообщает данное, не совсем подтверждающее искренность этой дружбы, по крайней мере со стороны Готов. А именно: в двадцать первом году Юстинианова царствования Тетракситы, бывшие христианами, прислали к императору четырех послов с просьбою назначить им епископа на место недавно умершего. Опасаясь Гуннов Утургуров, послы на торжественном приеме объявили только одну эту причину посольства; а потом в тайных переговорах они объяснили, какую пользу может получить империя, если постарается питать раздоры между соседними варварами. (О Гот. войне, кн. IV, гл. 4.)

Точно так же неясно, кого собственно Прокопий подразумевал под именем Тавроскифов, говоря, что "приморские города Боспор и Херсон лежат за Таврами и Тавроскифами" (О пост. кн. III, гл. 7). В другом месте (О Гот. в кн. IV, гл. 5) Прокопий толкует о том, что равнину около Меотийскаго озера занимают Гунны Кутургуры, что часть ее принадлежит Скифам и Таврам, отчего и называется Таврикой; а затем говорит об известном храме Дианы, в котором была жрицею Ифигения. Вообще обычай византийских историков к своим известиям о Скифских странах примешивать басни древних писателей, поддерживать запутанность и сбивчивость этих известий. Впоследствии византийцы под именем Тавроскифов разумеют преимущественно Руссов; а в упомянутом месте Прокопия это имя может быть отнесено и к Готам Тетракситам, и к Гуннам-Утургурам, которые жили по обеим сторонам Боспора. Собственные же Руссы, без сомнения, скрываются у него между теми "бесчисленными племенами Антов", которые обитали к северу от страны Утургуров. Последнее название, как мы сказали, включает в себе тот же корень, как Анты и Вятичи; в данном случае этот корень может намекать и на общее происхождение этих народов. Самая борьба с готами и изгнание их из Южной России были общим делом Гуннов и Антов, т. е. Болгар и Руссов; ибо и последние также были некогда соседями Го-

тов. На это совокупное действие против них со стороны Славянских племен, как увидим впоследствии, прямо указывает современник Прокопия Иорнанд.

Несмотря на указанные нами некоторые неточности в сочинениях Прокопия, известия его для нас в высшей степени драгоценны и должны служить исходными пунктами для разрешения тех вопросов, о которых идет речь. Во времена Юстиниана I Гунны, Склавины и Анты почти ежегодными нашествиями опустошали Иллирию, Фракию, Грецию, Херсонес Фракийский и всю страну от Ионийского моря до предместьев Константинополя; вследствие истребления и пленения жителей, в этих провинциях можно было видеть "почти скифские пустыни" (Hist. Arcana с. 18). В своей истории о Готской войне Прокопий изображает целый ряд этих нашествий, предпринятых то Склавинами и Антами отдельно, то в соединении с Гуннами Кутургурами. (У Феофана же и других более поздних историков при рассказе об этих войнах вместо Кутургуров Прокопия упоминаются или просто Гунны, или Болгаре.) Юстиниан строит непрерывный ряд укреплений по Дунаю, чтобы защитить империю против неукротимых варваров. Но это не мешало последним переходить реку, когда она замерзала. Однако, благодаря принятым мерам, варвары, обремененные добычей, нередко подвергались поражениям на своем обратном походе из византийских провинций. Их нападения особенно усилились к концу Юстинианова царствования, когда император, по словам одного писателя (Агафия), устарел и когда ослабла его энергия в учреждениях воинских. В это время по отношению к варварам он усвоил себе политику, основанную преимущественно на хитрости и вероломстве, т. е. старался истреблять их, возбуждая между ними раздоры и вооружая их друг против друга. Такая политика была, конечно, плодом его собственной опытности и изворотливости, а не явилась вследствие совета Готов Тетракситов, о котором повествует Прокопий. Юстиниан платил ежегодную дань со-

седним с империей Кутургурам; но так как этою данью не удерживался от нападений народ, находившийся под властью многих и редко согласных между собой князей, то император старался частыми подарками приобрести дружбу Утургуров. Последние по своей отдаленности были почти безопасны для византийских провинций на Балканском полуострове; но они могли быть полезными союзниками против своих родичей.

В 551 году 12 000 Кутургуров, предводимые князем Хиниалом, с помощью паннонских Гепидов переправились за Дунай и начали производить свои обычные грабежи и разорения. Тогда Юстиниан отправил послов к князьям Утургуров. Посольство упрекало варваров в том, что они, предаваясь праздности, позволяют другим разорять своих союзников Римлян. Оно ловко затронуло жадность варваров, указав на Кутургуров, которые не довольствуются ежегодною денежною данью, а еще грабят римские провинции; причем по своему высокомерию не думают делиться добычею с Утургурами; так что последним нет никакой пользы от этой добычи. Подобные коварные внушения сопровождались, конечно, большими дарами и обещанием еще больших. Утургуры поддались на эти речи, собрали дружину и присоединили к ней еще 2000 своих соседей Готов Тетракситов. Под предводительством князя Сандилха они напали на жилища Кутургуров, разгромили их и увели с собой множество их жен и детей. Этим погромом воспользовались тысячи римских пленников, находившихся в рабстве у Кутургуров, и бежали в отечество, - никем не преследуемые. Между тем сами же Римляне поспешили известить Хиниала о бедствии, постигшем его страну. Это известие также подкреплено было порядочною суммою золота. Тогда Кутургуры поспешили заключить мир с Римлянами и без всякого полона отправились на защиту собственного отечества.

В мирный договор включено и такое условие: те Кутургуры, которые будут не в силах отстоять родную землю, возв-

ратятся в Римские пределы, император даст им землю во Фракии с обязательством защищать ее от вторжения варваров. В силу этого условия действительно часть Кутургуров, побежденная Утургурами, с своими женами и детьми удалилась к Римлянам и получила землю во Фракии. В числе ее предводителей был Синнио, тот самый, который сражался под знаменами Велизария против Вандалов как один из начальников наемных гунно-славянских отрядов. Слух о таком обороте дела привел Сандилха в сильное негодование: мстя за обиду Римлян, он выгнал собственных родичей из их страны; а они после того нашли себе убежище в Римской земле, где пользуются гораздо большими удобствами, чем в прежних жилищах, изобилуя вином, дорогими тканями, золотом, и сверх того имея возможность наслаждаться римскими банями, между тем как Утургуры, несмотря на свои труды и заслуги, продолжают обитать в бесплодных пустынях. В этом смысле утургурские послы изложили свою жалобу императору, впрочем не письменно, а по обычаю варваров изустно; причем речь свою произнесли "как по писанному", замечает Прокопий. Но византийское правительство сумело, конечно, льстивыми увещаниями и богатыми дарами успокоить негодование своих союзников.

Почти то же самое, только еще больших размеров, повторилось спустя лет семь или восемь, о чем подробно повествует продолжатель Прокопия Агафий⁴. (*Agathiae hist. L. V.*) Это было знаменитое нашествие Кутургуров на Византийскую империю под начальством их князя Забергана в 559 г. Полчища их разделились: одна часть пошла на Грецию, другая на Херсон Фракийский, а сам Заберган с 7000 отборной конницы подступил к Константинополю. Чтобы спасти столицу, император вызвал из уединения престарелого Велизария, и последний с горстью наскоро собранного войска действовал так удачно, что Заберган был принужден отступить. Отряд, посланный на Грецию, воротился, будучи не в состоянии прорваться сквозь Фермопилы. Те, которые осаждали

Фракийский Херсонес, также не успели им овладеть. Из подробностей последней осады обратим внимание на одно обстоятельство. Потерпев неудачу с сухого пути, варвары довольно искусно устроили лодки из тростника и на этом легком флоте попытались сделать нападение с моря. Начальник греческого гарнизона Герман вовремя принял свои меры, и попытка неприятелей осталась без успеха. Но она подтверждает, что Кутургуры не были угорское племя, как известно, не способное ни к каким морским предприятиям; эта попытка указывает на понтийских Славян, которые с одинаковою отвагою действовали и на суше, и на море⁵.

Когда все отряды собрались, Заберган повел их назад; но он это сделал не прежде, как получил от Римлян значительный выкуп и заставил их выкупить также пленников, угрожая в противном случае избиением последних. Юстиниан насколько можно старался удовлетворить алчности варваров, лишь бы побудить их к удалению из своих пределов. А между тем он отправил послание к князю Утургуров Сандилу. В этом послании император опять укорял его в лени и беспечности, с которыми тот допускает грабить Римлян и брать у них золото, назначавшееся для союзников; он грозил на будущее время прекратить обычную плату Утургурам, а отдать ее Кутургурам и заключить с ними союз, как с народом более отважным и сильным. Подобные укоризны и угрозы как нельзя лучше достигли своей цели. Сандил немедленно собрал войско, разорил жилища Кутургуров, а потом подстерег последних, возвращающихся из-за Дуная с огромною добычею, разбил их и отнял у них добычу.

Агафий прибавляет, что эта ловкая политика Юстиниана воздвигла между варварами такие междоусобные войны, которые довели их почти до взаимного истребления. Хотя известие об истреблении слишком преувеличено, однако жестокие междоусобия двух главных Болгарских народов принесли обычный плод: они так ослабли, что вскоре подпали

под иго других варваров, которые являются под именем Авар. А что Кутургуры далеко не были истреблены, видно из следующего. По словам Менандра, в царствование Юстиниана II, в 574 году аварский каган Баян послал 10 000 Кутургуров разорять Далмацию; он требовал от императора той же дани, которую получали от Юстиниана Кутургуры и Утургуры, так как оба эти народа покорились теперь Аварам. Впрочем, под аварским игом находилась собственно западная ветвь Болгар, т. е. Кутургуры; а восточная ветвь или Утургуры, спустя несколько лет, по известию того же Менандра, встречается в зависимости от новых завоевателей, которые появились одновременно с Аварами; мы говорим о Турках, называемых Хазарами.

1 Некоторые другие случаи древнейшего упоминания имени Болгар см. в исследовании г. Дринова: Заселение Балканского полуострова Славянами (Москва, 1873 Год, стр. 90), а также в *Romanische Studien von Roesler* (Leipzig 1871 г., стр. 234 и 235). Из византийских источников первый употребляющий имя Болгар, вместо Гуннов, есть Феофилакт Симоката. А он писал в первой четверти VII века, следовательно был почти современник Менандра.

2 Они даже прямо отождествляли Котургуров и Утургуров с Болгарами, например: Шлецер (*Allgem. Nord. Geschichte*, 358), Тунмань (32-34), Энгель (253), Чертков (О переводе Манансиной летописи. 47) и Реслер (236).

3 Басню о лани, показавшей Гуннам путь через Меотиду, Иорнанд относит к первому нашествию Гуннов на Остготов, т. е. ко временам Германриха.

4 Так же, как Прокопий, и Агафий вместо Болгар употребляет общее название Гунны и делит их на Котригуров и Утигуров; но к этим двум прибавляет еще два племени: Ультинзуров и Буругундов.

5 По поводу именно этого нашествия Кутургуров Кедрен выразился: "Гунны или Стлавины"; а современник самого события африканский епископ Виктор Туннуненский назы-

вает их вместо Кутургуров просто Болгарами. Roncal. Vet. lat. Chron. II. 377.

6 Замечательное сходство в описаниях обоих нашествий, 551 и 559 гг., заставляют подозревать какое-либо недоразумение. Оба писателя, Прокопий и Агафий, не повествуют ли, в сущности, об одном и том же событии?

III

Иорнанд. Манасия. Легенда Феофана и Никифора о разделении Болгар и их расселении

Сличим известия Прокопия с известиями его современника Иорнанда, епископа Равенского. Он был смешанного готто-аланского происхождения, из Нижней Мизии, и, очевидно, имел коекакие сведения о народах Восточной Европы; впрочем, у него также дело не обходилось без некоторой сбивчивости и примеси древнего баснословия. Хотя под Гуннами он иногда понимает и Болгар; но знает последних и под их собственным именем.

Перечисляя современных ему обитателей Скифии (гл. V), Иорнанд говорит о "многочисленном народе Винидов, имена которых изменяются по разным племенам и различным местам, ими обитаемым; главные же их названия суть Склавины и Анты". Склавины, по его словам, живут от Мусианского озера (Балатона) до Днестра и Вислы, а на восток от них до Дуная - Анты, еще более храбрые, чем Склавины. Днепр он называет Дунаем, ссылаясь на то, что этим именем зовут его сами туземцы. Но восточную границу Антов Иорнанд определяет неверно: Днепр был их средоточием (напомним, что Прокопий полагал их соседями Утургуров на побережьях Метийского озера). Далее, где-то за Агацерами над Понтом он помещает жилища Булгар, к несчастью, сделавшимися слишком известными за наши грехи.

"Отсюда-то воинственные Гунны некогда двойным нашествием обрушились на народы. Ибо одни из них называются Аулягры, а другие Авиры; те и другие обитают в разных местах. Аулягры живут около Херсона, куда алчный купец привозит дорогие азиатские товары; летом они скитаются по широким равнинам, выбирая места с обильными пастбищами для своих стад; а на зиму удаляются к берегам Понта. Что же касается до Гунугаров, то они известны по куньим мехам, которыми снабжают торговлю". Здесь мы предполагаем у Иорнанда вероятное смешение настоящих Гуннов с теми народами, которые действовали с ними заодно против любезных ему Готов. Но о каком двойном нашествии он говорит? Мы думаем, что тут надобно разуместь, во первых, движение настоящих Гуннов, которые, соединяясь с восточными сармато-славянскими народами (упомянутыми у Аммиана Марцелина под общим именем Алан), обрушились в IV веке на Готов; что и побудило часть последних, именно Визиготов, уйти на Балканский полуостров. А второе движение, конечно, есть не что иное, как изгнание и другой части, т. е. Остроготов, из Южной России теми же сармато-славянскими народами, Антами и Болгарами, спустя около ста лет, т. е. во второй половине V века; это именно та война Кутургуров и Утургуров с Готами, которую мы встретили у Прокопия. Далее, что такое за Гунны Аулягры, обитающие где-то около Херсона Таврического? По всей вероятности, это Гунны Утургуры Прокопия; а имя их Аулягры (или Вулягры?), может быть, представляет то же, только испорченное, слово Вулгары, и Равеннский епископ, конечно на основании более отдаленного места жительства, отличает их от другой ветви, которую он называет собственно Вулгарами, т. е. от Кутургуров Прокопия. Разделив Гуннов на Аулягров и Авиров, Иорнанд потом забывает сказать что-нибудь об Авирах, а вместо них говорит о Гунугарах, богатых куньими мехами. Эти последние, не суть ли то же,

что Буртасы Арабских писателей, также богатые мехами? (Напомню "бурнастыя" лисицы русских былин.)

В ином месте своего сочинения (гл. XXIII) Иорнанд возвращается к Славянским народам, которых он называет общим именем Винидов или Венетов, и говорит:

"Эти народы, происшедшие, как я сказал, от одного корня, имеют три имени, т. е. Венеты, Анты и Склавы; они свирепствуют теперь за грехи наши". Мы видели, что последнее выражение выше он употребил именно о Болгарах. Ясно, что в обоих случаях речь идет о вражде славянских народов к Готам и о тех вторжениях в пределы Восточной Римской империи Кутургуров, Антов и Славян, которые известны нам из писателей византийских. Наконец, некоторые видовые названия Гуннов (собственно Болгар), приводимые византийцами, встречаются также у Иорнанда, например; Ульцингуры (Ультинзуры Агафия) и Витугоры (Витигуры Менандра); но он не причисляет их к Гуннам, как это делают византийцы; а относит к тем немногим народам, которые оставались еще в Гуннской зависимости во время Денгизиха, сына Атиллы (гл. LIII).

Но возвратимся к судьбе Болгар по византийским источникам.

Во второй половине VI века и в первой четверти VII мы находим Кутургуров под игом Авар и вспомогательные болгаро-славянские дружины в войсках Аварского кагана. Прежнее название Гуннами и Кутургурами начинает у византийских мало-помалу заменяться другими именами. Но до какой степени еще долго не устанавливались и путались народные имена, показывают нападения на Константинополь в 626 году, во время знаменитой борьбы императора Ираклия с персидским царем Хозроем. Между тем как на азиатском берегу Боспора появилось персидское войско, с европейской стороны Константинополь был окружен полчищами аварского кагана, союзника Хозроева. По известиям Хроники Пасхальной и патриарха Никифора вспомога-

тельные войска кагана состояли из Славян; Феофан называет Булгар, Славян и Гепидов, причем Гуннами он исключительно именуется Авар; а Манасия аварских подручников называет Тавроскифами. Когда осаждавшие сделали попытку действовать на город с моря, то замечательно, что в этом случае по обыкновению выступили не сами Авары, а их славянские сподручники на своих однодеревках. Манасия говорит: "князь неистовых Тавроскифов, собрав корабли с бесчисленным числом воинов, покрыли все море ладьями однодеревками". Народы, осаждавшие Византию, он характеризует следующими словами: "Перс уподоблялся колючему скорпиону, свирепое племя Скифов ядовитому змию, а народ Тавроскифский саранче, которая и ходит и летает" (т. е. двигается и на суше, и на море. Ed Von. 162). Под именем Скифов тут понимаются, по всей вероятности, Авары, а Тавроскифы, очевидно, означают Болгарские племена, жившие над самым Черным морем и привычные к мореплаванию. Заметим, что Манасия писал в XII в., когда именем Тавроскифов византийцы обозначали вообще южнорусских Славян. Патриарх Никифор, писатель первой половины IX века, следовательно живший гораздо ближе к событию, чем Манасий, говорит, что в морском сражении под стенами Константинополя славянские лодки были рассеяны; причем побито столько Славян, что море кругом окрасилось в пурпурный цвет; а между их трупов оказались многие женщины. Последняя черта совершенно совпадает с известием Прокопия, который заметил, что при вторжении в Римскую империю Гуннов (Кутургуров или Болгар), обыкновенно после их схваток с римскими войсками на поле сражения, Римляне находили женские трупы между убитыми варварами. Эти черты подтверждают, что речь идет все об одном и том же племени, являющемся в источниках под разными именами¹.

Нашествие аварского кагана в 626 г. на Константинополь окончилось неудачей. По всей вероятности, этою неудачей и происшедшим затем ослаблением аварского могущества

воспользовались Болгаре, чтобы возвратить себе независимость. По крайней мере, по известию Никифора несколько лет спустя, Куврат, вождь Гунногундуrow, восстал против Авар, изгнал их из своей земли и заключил союз с императором Ираклием. Можно догадаться, что и само восстание против Авар произошло не без участия византийской политики, старавшейся всегда вооружать соседних варваров друг против друга.

Перейдем теперь к рассказу Феофана, Никифора и Анастасия о разделении Болгар и их переселении за Дунай, к тому именно рассказу; на котором до сих пор еще ученые основывают начальную Болгарскую историю².

"Гунноболгары и Котраги, - говорит Феофан, - первоначально обитали за Эвксинским Понтом и Меотийским озером. В последнее впадают великая река Атель, протекающая от океана через всю землю Сарматов, и река Танаис, выходящая из Кавказских гор; а из слияния этих двух рек образуется Куфис, впадающий в Понтийское море подле Некропил у мыса, именуемого Баранья морда, там где Меотийское озеро изливается в Понт между Боспором и Фанагурией. От этого озера до реки Куфис лежит Древняя или Великая Булгария, которая называется иначе страной Котрагов соплеменников Болгар". Здесь мы видим, во первых, очень сбивчивые географические сведения. Так Атель, т. е. Волга, смешана с Танаисом или Доном, а Куфис, т. е. Кубань (у древних и Гупанис, и Танаис) представлен результатом их слияния. Но общее указание на Кубанскую страну как на древнюю родину Болгар совершенно совпадает с известием Прокопия о первобытных жилищах Кутургуров и Утургуров.

Во времена императора Константина (Погоната?), - продолжает Феофан, Куврат, вождь Булгар и Котрагов, умирая, завещал своим пяти сыновьям не разделяться между собою и общими силами бороться против внешних врагов. Но сыновья не исполнили его завещания, поделили отцовское

наследие и разошлись в разные стороны. Старший, по имени Батбай (у Никифора Баян), с своею частью остался на родной земле. Второй, Котраг, перешел на эту сторону Танаиса; четвертый двинулся в Паннонию, где потом поддался аварскому кагану; пятый удалился в Пентаполис или Равенский экзархат. А третий брат, Аспарух, двинулся за Днепр и Днестр, и остановился на реке Онгл. Когда таким образом братья разделились, многочисленный народ Хазар покорил все земли, лежащие за Танаисом около Понта, и наложил дань на участок Батбая, которую "он платит и до сего дня".

Дальнейшие, довольно запутанные известия упомянутых писателей повествуют, что Болгаре Аспаруховы, находившиеся недалеко от Дуная, начали переходить эту реку и опустошать Мизию и Фракию. Тогда император Константин предпринял против них поход (678 г.). Но поход был неудачен, и Болгаре быстро наводнили страну между Дунаем и Балканскими ущельями, в которой и поселились, покорив жившие здесь семь славянских племен и, кроме того, племя Северян (Сербов); причем Болгаре отодвинули эти племена далее на юг и запад.

Удивляться надо тому, каким образом такие писатели, как Шафарик, не обратили внимания на очевидные противоречия между подобными рассказами и несомненными историческими фактами и даже с самими собою. Например, выходит, что только по смерти Куврата, свергнувшего аварское иго, Болгаре разделились и большею частью покинули свою Кубанскую родину. Следовательно до его смерти все они жили за Меотийским морем, на Кубани? Но известно, что Авары господствовали в Паннонии, Дакии и вообще по всю сторону Меотийского моря; а на восточной стороне его властвовали Турко-Хазары. То, что писатели IX века изображают событием нескольких лет, относя его ко второй половине VII века, есть не более как обычный легендарный прием, повторяющийся в начальной истории едва ли не всех наро-

дов. Умиравший отец завещает сыновьям жить в единении и согласии; а сыновья не исполняют завещания и разделяются - все это очевидная легенда. Она сложилась, конечно, для того, чтобы объяснить широкое распространение Болгарского народа, которого ветви к началу IX века уже простирались от Волги и Кавказа до Аппенин.

Мы видели, что Болгаре переходили за Дунай, нападали на Мизию, Фракию и доходили до стен Константинополя еще во второй половине V века; но и тогда эти походы они предпринимали, конечно, не прямо из своей древней родины, с берегов Кубани. Совокупность всех известий показывает, что Болгаре, вытеснив Остготов из Южной России, вслед за ними подвинулись на запад и заняли некоторыми своими племенами страну между Днепром и Дунаем. Следовательно, не из-за Дона, а просто из-за Дуная совершали они свои вторжения в пределы Византийской империи в течение двух столетий, от второй половины V до второй половины VII века. Они не ограничивались одними набегами; нередко вступали наемниками на византийскую службу; а иногда получали от императора земли в Мизии и Фракии, и селились там с условием защищать эти земли от внешних неприятелей³.

Естественный, исторический ход событий приводит нас к следующему выводу относительно Болгар. Ловкая политика Юстиниана I, породившая взаимные раздоры и междоусобия князей, и наступившее затем аварское иго задержали на некоторое время их переселение за Дунай. Но в первой половине VII века в среде Болгар, живших около Дуная, повидимому совершился поворот к объединению под одним княжеским родом. Обыкновенно такое объединение возникает под давлением иноплеменников, а Болгар в то время, кроме Авар, теснили надвигавшиеся из Азовских степей новые кочевники-завоеватели в лице Угров. Является сильный князь Куврат, которому и удалось свергнуть аварское иго. Вслед за тем Болгаре возобновляют свое стремление за Дунай, и

во второй половине VII века значительная их часть поселяется в Мизии и Фракии, где она находит некоторых своих соплеменников, успевших поселиться там ранее, а также некоторые другие славянские роды, очевидно слишком слабые, чтобы противостоять такому наплыву. Следовательно, это была только эпоха окончательного утверждения Болгарского народа на южной стороне Дуная, после того как этот народ уже долго жил на его северной стороне и высылал от себя дружины в Мизию, Паннонию, Иллирик и даже за Адриатическое море. С удалением Болгар на запад по смерти Куврата легенда связывает и подчинение Приазовских их родичей Хазарам. Но мы знаем, что Болгаре-Утургуры, по известию Менандра, уже во второй половине VI века подпали зависимости от Турок, именуемых потом Хазарами. В рассказе Феофана обратим особое внимание на то, что участок Батбая "до сего дня платит дань Хазарам" (мы говорим участок Батбая, а не сам он, как свидетельствует буквальный смысл, приписывающий Батбаю таким образом полустолетний возраст). Отсюда ясно, что во время этого историка, т. е. в первой половине IX века, еще существовали Болгаре в своей древней родине около Азовского моря и что они еще находились под Хазарским игом. Это свидетельство для нас важно по отношению к Азовско-Кубанским Болгарам, о которых будем говорить в другом месте (по поводу вопроса о Тмутраканской Руси).

Надеюсь, мы достаточно обнаружили недостаток критики со стороны европейской ученой историографии, повторяющей о расселении Болгар сомнительные известия писателей позднейших, без согласования их с писателями более ранними. Теперь обратимся к другим сторонам помянутой теории, т. е. к доказательствам этнографическим и филологическим.

1 Напомним, что по известию Льва Диакона и Кедрина Тавроскифы (Руссы), воевавшие с Цимисхием в Болгарии,

также имели при себе женщин, и что между убитыми также нередко находились женские трупы.

2 Theophanis Chronographia. Ed. Bon. 545-550. Nicephori Patriarchae Breviarium. Ed. Bon. 38-40. Anastasii Bibliothecarii Historia Ecclesiastica. Ed. Bon. 179-182.

3 Мы видели, что уже Прокопий сообщает о таких поселениях Кутургуров. Имя это не исчезло бесследно на Балканском полуострове: по справедливому замечанию Рослера, оно доселе живет в названии Куцо-Влахов (Romaenische Studien 236). Вероятно, это племя произошло от смешения Валахов с Кутургурами под преобладанием Валашского элемента. (Они же называются Гоги.) О Куцо-Влахах см. Ионина в Зап. Геогр. Об. по отдел. этнографии. III. 1873.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ

IV

Неверное мнение о характере Славян и превращении Болгар. Соседство с Уграми. Сила славянского движения

Откуда на Балканском полуострове явилось такое сплошное и многочисленное Славянское население?

По некоторым признакам нет сомнения, что Сармато-Славянская стихия существовала там издревле рядом с Кельтической и Германской; но до так наз. эпохи Великого переселения народов эта стихия была довольно слаба. Все почти согласны в том, что сильный прилив Славян из-за Дуная совершился в V веке; особенно он увеличился после падения Гуннской державы и удаления Ост-Готов в Италию. Но каким образом совершилось это переселение Славян за Дунай? Шафарик, постоянно проповедующий о необыкновенно мирном и кротком характере Славянского племени,

говорит следующее: "Славяне, ища новых жилищ, никогда не приходили в Мизию, и окрестныя земли разом, с шумом и громом, напротив отдельными частями, тихо, и поселялись в них с позволения и ведома Греческого правительства. Такое мирное и продолжительное переселение земледельческого народа не могло обратить на себя внимания Греческих историков, гонявшихся только за звуком оружия и количеством крови, пролитой на поле сражения, а потому и не находим ничего в их творениях об этом поселении". (Слав. Древ. т. II. кн. I.)

Замечательно, что подобная характеристика мирного переселения нисколько не мешает тому же писателю изображать целый ряд славянских вторжений в пределы Византийской империи. А византийские историки, на которых он ссылается, нисколько не молчат о том, что эти вторжения сопровождались всякого рода жестокостями, совершенно не соответствующим понятию о каком-то кротком, миролюбивом настроении Славянского племени. Например, Прокопий в своей "Готской войне" рассказывает, как при одном вторжении во Фракию, в 550 г., Славяне сожгли живым римского военачальника Азвада, предварительно вырезав у него ремни из спины. (Это вырезывание ремней, судя по нашим сказам, было одним из приемов у Славян). Вообще жалобы византийских писателей на жестокости, совершаемые Славянами, вполне сходны с их рассказами о неистовствах, которые впоследствии производили Руссы при своих нападениях на Византию, например в 865 и 941 гг. По словам Прокопия, нападения Славян производились почти ежегодно. Нападения эти совершались, во-первых, Славянами уже жившими на Балканском полуострове, а во-вторых, теми, которые приходили с северной стороны Дуная. Последние нередко селились в Мизии, Иллирии и Фракии подле своих одноплеменников; а византийское правительство поневоле потом уступало им занятые земли с обычным обязательством доставлять вспомогательные дружины. Следова-

тельно, поселение Славян в пределах Византийской империи происходило совсем не тихо и незаметно для истории; напротив, оно совершалось при громе оружия и сопровождалось большим кровопролитием; о чем, повторяю, нисколько не думают умалчивать византийские историки. В этом заселении Балканского полуострова Славянами бесспорно главная роль принадлежала Болгарам; движение их за Дунай началось со второй половины V века; а во второй половине VII оно завершилось окончательным их утверждением в Мизии, значительной части Фракии и Македонии¹.

В половине IX века Болгарский народ принял христианство, а вместе с тем и Священное Писание на Славянском языке. Ясно, что в это время он был народом уже Славянским. А так как его тесное сожителство с Славянами считают со времени поселения за Дунаем, т. е. со второй половины VII века, то выходит, что он ославянился в течение полутора столетия. Венелин очень метко указал на эту самую слабую сторону Тунмано-Энгелевой теории: такое скорое и полное превращение могущественного племени завоевателей в народность покоренных, и при том народность совершенно чуждую, ни с чем несообразно, и не находит в истории никакой аналогии. Мы снова удивляемся, каким образом глубокомысленный Шафарик не остановил своего внимания над этим важным пунктом и ограничился только следующим замечанием: "Здесь, во многих отношениях, представляется нам такое же явление, какое, спустя около двухсот лет, повторилось на Руси, когда к тамошним Славянам пришли Варяги. Предводители воинственных полчищ, правда немногочисленных, но храбрых и искусных в военном деле, вторглись в земли миролюбивых Славян, занимавшихся земледелием и сельским хозяйством, присвоили себе над ними верховную власть и, поселясь среди их, так полюбили выгоды образованной гражданской жизни, что в короткое время породнились с новыми своими подданными, приняли их язык, нравы, образ жизни и даже вместе с ними самое

христианство, совершенно перероднились и сделались из Уральской Чуди Подгремскими Славянами" (ibid. 266). Мы видим, что незабвенный автор Славянских Древностей превращению Финских Болгар в Славян находит аналогию в таком же или еще более быстром превращении Скандинавской Руси тоже в Славян. После исследований, посвященных нами происхождению Руси, мы считаем себя вправе сказать, что означенное сравнение не может иметь места. Никакой другой, несомненно исторической, аналогии Тюрко-Финская теория нам не представила. Замечательно, что наш норманизм в свою очередь быстрому перерождению Руси в Славян находит аналогию в таком же перерождении Болгар. Таким образом обе эти мнимые теории опираются одна на другую².

Перекрещение или смешение разных народностей, порождающее новые типы, новые национальности, а также переход одного народа в другой совершаются по таким же неизменно действующим законам, как и все другое в мире; скачков, отступлений, идиллических исключений тут не бывает и не может быть. Дунайские Болгаре являются перед нами не каким-либо смешанным, переходным типом, а цельным Славянским народом; если были посторонние примеси, то они давно уже переработаны сильною, господствующей стихией, и оставили только некоторые следы. А если принять означенную теорию, то мы, наоборот, имели бы перед собою быстрый переход сильного, господствующего народа в другой, более слабый и притом подчиненный - явление совершенно противоречащее историческим законам. История как бы нарочно поместила рядом с Болгарами иные народы, чтобы свидетельствовать о невозможности подобных переходов. Вот уже около 1000 лет как орда Угров поселилась посреди Славян; однако они не только не ославились, а, напротив, благополучно продвигают вперед мадьяризацию наших соплеменников. Европейские Турки более 400 лет живут посреди Славян и Греков и доселе еще

не ославянились и не огречились, Румыны почти со всех сторон были окружены Славянами; в течение нескольких столетий они жили общею политической и религиозною жизнью с Славянскими Болгарами, имели церковно-славянскую письменность и все-таки не превратились в Славян. Вообще Тюрко-Финские племена отнюдь не легко переходят в другие народности; доказательством тому служит северная и восточная полоса Европейской России. Хотя племена эти не только не господствующие (каковыми были Болгаре), а, напротив, представляются лишенными всякой политической самобытности, бедными и слабыми; однако обрусение их совершается весьма медленно и постепенно, в течение многих столетий, и никаких исключений из этой постепенности мы не видим.

Если обратимся к Болгарам и поищем каких-либо особых условий, которые могли бы благоприятствовать их быстрому превращению в Славян, то никаких подобных условий мы не найдем. Сторонники Тюрко-Финской теории указывали на одно только смягчающее обстоятельство: малочисленность Болгар, покоривших Мизию, ибо они составляли одну пятую часть Кувратовой орды; притом они будто бы были отдалены от соплеменных им Финских народов³. Но эта малочисленность, которую уже предполагал Шафарик, принадлежит к очевидным натяжкам, и деление Кувратовой орды на пять равных частей есть не более как гипотеза. Мы видели, что вообще рассказ об этом делении имеет чисто легендарный характер. Весь ход Болгарского движения, напротив, указывает, что главная масса Болгар сосредоточилась на Дунае; причем значительная часть этой массы поселилась в Мизии, отчасти покорив живших там Славян, отчасти отодвинув их далее на юг и запад. По всем признакам здесь было многочисленное и сплошное Болгарское население.

Далее, если бы Дунайские Болгаре были Финнами, то нет никакого повода говорить об их отдаленности от родственных им народов. Не надобно, во-первых, упускать из виду,

что они нисколько не находились в изолированном положении по отношению к другим ветвям своего племени. Значительная их часть еще оставалась на северной стороне Дуная, в Дакии; кроме того, по смыслу сказания о разделе сыновей Куврата выходит, что к части Аспаруха с северо-восточной стороны, т. е. со стороны Днестра и Азовского моря, примыкал удел второго брата, а с северо-западной удел четвертого. Последний удел, т. е. Болгаре Паннонские, поселившиеся на р. Тиссе, не только не теряли связи с Нижнедунайскими Болгарами; но потом, когда было разрушено Аварское царство, они воссоединились с своими соплеменниками. Если Болгаре принадлежали к Тюрко-Финской семье, то их народность нашла бы могущественную поддержку и в самом народе Аварском, который также историография причисляла доселе к ТюркоФинским племенам. Болгаре некоторое время находились под игом Авар; но и после освобождения от этого ига они долгое время жили в соседстве с Аварями на Дунае. Однако эти два народа не только не могли слиться, но, напротив, мы видим между ними ожесточенную борьбу; эта борьба прекратилась только с конечным разрушением Аварского царства, которое было уничтожено соединенными усилиями Франков и Болгар в начале IX века. Болгаре "в конец истребили Авар" замечает один византийский писатель (Свида). Мы не думаем, чтобы это известие можно принимать буквально. По всей вероятности, далеко не все Авары были истреблены, и может быть, они впоследствии помогли Уграм завоевать Паннонских Славян.

А Угры, разве они далеко жили от Болгар? Нисколько. Они были их соседями с незапамятных времен еще в степях Южной России, откуда постепенно подвигались на запад; уже в первой половине IX века, по византийским известиям, мы находим Угров соседями Болгар на Нижнем Дунае. Если бы Болгаре были сами Угорское, т. е. Финское, племя, то их народность должна была получить сильную поддержку и со

стороны Угров. Принимая в расчет Болгар, оставшихся по ту и по другую сторону Азовского моря и близкие к ним племена Поволжских Финнов, мы получили бы почти непрерывное Финское население на огромном пространстве от Уральских до Балканских гор. Как же при таких условиях Дунайские Болгаре могли обратиться в Славян? Наоборот, тогда бы всем Южнорусским и Дунайским Славянам грозила опасность обратиться в Финнов. Но в томто и дело, что этот ряд Угорских народов был нарушен великим Болгарским племенем. По отношению к настоящим Уграм мы не только не находим со стороны Болгар какоголибо родственного влечения, а напротив, видим ту же племенную ненависть, как и в отношении Авар.

Наконец возьмем собственных Гуннов, т. е. Гуннов Аттилы. Напрасно было бы думать, что после падения его державы эти Гунны были все истреблены или ушли опять на восток. Напротив, часть их уцелела в Дакии и Паннонии. А другая часть, по словам Иорнанда, с сыновьями Аттилы удалилась на берега Понта в места, где некогда обитали Готы. Кроме того, небольшое количество Гуннов вместе с Сарматами (т. е. Сербами) основалось в Иллирике. Далее, младший сын Аттилы Эрнак поселился с своими Гуннами на краю Малой Скифии (в Добрудже), рядом с Аланами, которыми начальствовал царь Кондак. (Эти Алане были увлечены Гуннами из Задонских степей.) Двоюродные братья Эрнака, Эмнедзар и Узиндур, заняли соседнюю часть Береговой Дакии, откуда гуннские князья Уто и Искальм с своим народом перешли далее на юг: "потомки этих Гуннов прибавляет Иорнанд называются Сакромонтизии и Фозатизии" (сар. L.)⁴.

Следовательно, вот сколько гуннских элементов имели Болгаре вокруг себя, и, если бы Гунны и Болгаре были равно Туранцы, то, конечно, коренная Болгарская народность нашла бы обильную пищу для своего сохранения и дальнейшего развития. А между тем, наоборот, Болгаре малопомалу

ославянили почти всю восточную половину Балканского полуострова.

Итак, если допустить предположение, что Болгаре были соплеменниками Угров, то быстрое и коренное превращение их в Славян явилось бы событием не только чрезвычайным, но и просто ни с чем не сообразным. А потому мы смело можем утверждать, что Болгаре, пришедшие на Дунай, не могли быть не чем иным, как Славянами. Это положение только и может объяснить нам, почему вслед за окончательным поселением Болгар в Мизии мы видим усиленное славянское движение почти по всему Балканскому полуострову. Славянизация в VIII веке сделала такие успехи даже в южных частях полуострова, что Константин Багрянородный замечает: "ославянилась (esulabwuh) и оварварилась целая страна в то время, когда мировая язва свирепствовала во всей вселенной, а скипетр римский был в руках Константина Копронима" (*De thematibus occidentis*). Каким образом могла происходить такая славянизация уже в VIII веке, если бы сильное и господствующее над Славянами племя было чуждо им, финского или турецкого происхождения? Откуда бы вдруг взяли силы некоторые довольно слабые славянские народы, прозябавшие дотоле на почве империи? Да и вообще славянский элемент начал громко заявлять о своем существовании на полуострове только с появления на нем Болгар, т. е. с V века. Теория, толкующая о том, что Дунайские Славяне по своему мирному характеру даже не были способны ни к каким заявлениям, а ждали для этого предводителей, которые пришли к ним в виде чуждого и совершенно несимпатичного для них Угорского племени (как Славяне Русские ждали прихода Варягов, чтобы заявить миру о своем существовании) эта теория совершенно произвольная, не основанная ни на каких исторических свидетельствах и прямо не сообразная с историческим смыслом. Очевидно, пришествие Болгар подкрепило славянский элемент на Балканском полуострове и сообщило славянско-

му движению такую силу, что Византийская империя должна была напрячь все средства своей высшей гражданственности, чтобы положить преграду этому движению. Благодаря превосходству своей организации, ей удалось не только остановить его, но впоследствии произвести движение обратное, т. е. потрясти, ослабить Болгарское государство и снова огречить многие местности, сделавшиеся почти славянскими⁵.

1 Примеры постепенного водворения Славян за Дунаем см. в Заселении Балкан, полуострова Славянами Дринова. Только жаль, что г. Дринов при этом упустил из виду главную массу Славянского населения, т. е. Болгар, и, положась на мнения Шафарика и других авторитетов, не подверг анализу доказательства Тюрко-Финской теории.

2 Тот же идиллический взгляд на совершенное подчинение завоевателей влиянию покоренной народности разделял и многоуважаемый, слишком рано похищенный смертью, Гильфердинг. "Много орд, - говорит он, - в течение веков бросалось от Уральских гор или из Средней Азии на земледельцев Славян, и все почти сохраняли, среди мирного, общительного племени Славянского, свою дикую, исключительную народность, как-то Авары, Мадыяры, Печенеги, Половцы, Татары, Турки и столько других: отрадное между ними исключение представляют те степенные пришельцы, которые, когда и превосходили Славян силою оружия, склонялись перед их духовною силою и роднились с ними, делались их защитниками и братьями. Таковы были Гунны, столь ненавистные Германцам; таковыми оказались и Болгаре". Соч. Гильферд. (I. 26).

3 См. Черткова "О переводе Манасиинской летописи" (стр. 64) и Сочинения Гильфердинга (I. 26).

4 Менандр под 573 г. говорит, что на аварское посольство, возвращавшееся из Византии, напали "так называемые Скамары" и разграбили его. Феофан под 764 г. также упоминает о болгарских разбойниках, "называемых Скама-

рами". О тех же разбойниках Скамарах говорит Эвгипий в житии Северина. (См. Мет. Рор. II. 526). Упомянутые выше Иорнандовы Сакромонтизии, по всей вероятности, суть не что иное, как переименованное название Скарманты или Скамары. Мы (вслед за Шафариком) сближаем с этим названием славянское слово скамах или скоморох. Это одно из многих народных имен, обратившихся в бранное или насмешливое нарицательное имя.

5 Точно так же обитательницей та Болгарская колония, которая по баснословному рассказу византийцев перешла в Италию прямо от Азовского моря с пятым сыном Куврата. А по известиям Фредегария (гл. 72) и Павла Диакона (кн. V. гл. 29), просто дружина Булгар, "происходивших из Азиатской Сарматии", бежала из Баварии от преследований короля Догоберта в числе 700 человек, под начальством своего князя Альзека, и около 667 года поселилась в герцогстве Беневентском с дозволения короля Гримоальда. Они заняли здесь три селения: Сепино, Изернию и Бояно. (И этуто дружину, в 700 человек, разместившуюся в трех селениях, новая историография считала пятой частью Болгарского народа!) Дальнейшая судьба этой колонии неизвестна. В XV веке в тех же местах поселились новые славянские выходцы, именно из Сербии. (См. о том "Письма" деРубертис в Чтен. Об. И. и Д. 1858. 1.) Обращаем на этот предмет внимание наших славистов. Может быть, когданибудь им удастся открыть следы упомянутой Болгарской колонии в местных средневековых источниках.

V

Черты нравов и обычаев у Дунайских Болгар. Их одежда и наружность. Мнимая связь с Камскими Болгарами

Если обратимся к другому ряду доказательств Тюрко-Финской теории к обычаям, то и здесь найдем, что эти доказательства набросаны поверхностно, имеют только подобие научных приемов и лишены всестороннего, критического рассмотрения. Вот в каком виде они изложены у Шафарика. "Равномерно образ жизни и обычаи природных болгарских государей решительно не славянские, напр. принесение людей и зверей в жертву богам, священное омовение ног в море, множество жен, падающих при виде князя ниц на землю лицом и славящих его, несение впереди войска конского хвоста вместо знамени, клятва на обнаженном мече и расщепление при этом собак на части, употребление человеческих черепов вместо чаш, биение пойманного вора дубиной по голове и бодание железными кривыми крюками в ребра, ношение широких шаровар по обычаю Турков, сиденье, поджав колена, задом на пятках (по обычаю Персов), предпочтение левой стороны правой, как почетного места" (271-272).

Ныне доказано, что для решения этнографических вопросов сходство и различие обычаев представляют самую слабую основу; что общие черты быта и религии могут встречаться у народов не только не родственных по происхождению, но даже живущих в совершенно разных частях света и не имеющих никаких сношений между собою. Поэтому доказательства подобного рода надобно строить с большою осмотрительностью и отличать существенные, действительно родственные черты от общих, принадлежащих не только известной народности, сколько известной степени гражданственности или влиянию одного народа на другие соседние и особенно на покоренные. Поборники Тунмано-Энгелевой теории, во первых, не обратили внимания на весьма ясные свидетельства источников. Общие черты встречаем уже у Аммиана Марцелина при описании быта и характера Гуннов и Алан: Алане ("древние Массагеты" поясняет Аммиан) такой же кочевой, конный и воинственный народ, как и Гунны. Мало того, у Алан находим черты, пря-

мо тождественные с краснокожими дикарями Нового Света, например скальпирование неприятельских голов. Однако Алане никоим образом не могут быть отнесены к Монгольским и Татарским племенам, с понятием которых мы привыкли связывать представление о кочевом, конном народе. Любимый напиток Татаро-монгольских кочевников составляет кумыс, или кобылье молоко: но, как известно, древние Литовцы и Сарматы также употребляли этот напиток. Тот же Аммиан, восхищаясь храбростью Алан, объясняет воинственный характер Персов тем, что они родственного происхождения со СкифамиАланами (другие писатели называют Алан Сарматами); этим свидетельством положительно решается вопрос о принадлежности последних к Арийской семье. А Болгаре вышли именно из той страны и из той группы народов, которую Аммиан описывает в IV веке под общим именем Алан, обитавших за Доном и Азовским морем, и мы имеем полное право заключить, что Болгаре принадлежали к СкифоСарматоАланской группе.

Далее, Прокопий, описывая нравы Склавин и Антов, говорит: "Они ведут образ жизни суровый и грубый как Массагеты; и Подобно последним покрыты грязью и всякою нечистотою; злые и лукавые люди между ними очень редки; но при своем простосердечии они имеют гуннские нравы" (De Bello Goth. 1. III. с. 14). Какого же более ясного свидетельства можно требовать от источников, чтобы видеть всю несостоятельность упомянутых доводов? Склавины и Анты, т. е. Дунайские и Русские Славяне, имеют гуннские нравы. А известно, что Прокопий под именем Гуннов понимает преимущественно Болгарские племена, которые в его время играли едва не главную роль в политических отношениях империи со стороны Дунайской границы, и для нас совершенно понятно постоянное сопоставление с ними Антов и Придунайских Склавинов. В рассказах его о нападениях на империю мы обыкновенно встречаем то отдельно, то в сово-

купности, эти три народа: Гунны, Анты и Склавины. В его описании войн Вандальской и Готской в числе вспомогательных или наемных войск опять встречаются те же Гунны, Анты и Склавины; они преимущественно упоминаются в качестве отличных конников и стрелков. Общее или родовое название Гуннов, как мы уже говорили, заменяется у Прокопия иногда видовыми именами Кутургуров и Утургуров, а иногда другим общим названием Массагетов. (Припомним, что Аммиан Массагетами называет Алан.) Итак, о сходстве бытовых черт у Славян и у Болгар мы имеем положительное свидетельство Прокопия, который сам видел их и мог наблюдать их нравы, сопровождая Велизария в его походах. Следовательно, и с этой стороны, на которую, повторяем, можно опираться весьма условно и осмотрительно, источники говорят совсем не в пользу Тюрко-Финской теории.

Если сравним некоторые обычаи в частности, то опять встретим общеславянские черты. Например, клятва на обнаженном мече была также в обычае у Руссов; употребление человеческих черепов вместо чаш было присуще чуть ли не всем варварским народам; мы находим его у Германцев даже в VI веке, если припомним историю лангобардского короля Альбоина. Знамена или стяги с конским хвостом (столь свойственные народу, недавно вышедшему из кочевого, конного быта), предпочтение левой стороны, сидение, поджав колена на пятках (притом, "по обычаю Персов", народа совсем не турецкого), широкие шаровары (по известию ИбнФадлана, бывшие в употреблении также у Руссов) и пр. и пр. все это такие черты, которые никак нельзя признать финскими и турецкими по преимуществу.

Известно, что некоторые принадлежности одеяния, а также прическа и борода не только в наше время, но и во все времена подвергались разным влияниям или так наз. моде. Болгаре значительное время находились в зависимости от Авар, и потому нет ничего удивительного, если по одному

византийскому свидетельству (Свида) в костюме их оказалось коечто общее с Аварами. Но уже самое свидетельство, будто "Болгаре переменили свою одежду на аварскую" (Мет. Р. I. 758), показывает, что Болгаре и Авары не считались одним и тем же племенем. Какую именно одежду заимствовали Болгаре у Авар, Свида не объясняет: прическа у этих народов была различная. Феофан и Анастасий говорят, что Авары носили длинные волосы, отброшенные назад и переплетенные тесемками: а остальная внешность их была похожа на гуннскую (Мет. Рор. I. 644). Но, как мы видели, под Гуннами в те времена у византийцев разумелись преимущественно Болгаре. Прокопий, говоря о партиях цирка, описывает их модные костюмы и прическу, которые они усвоили себе по образу Массагетов или Гуннов, а известно, что и Гунны, и Массагеты у него означают именно Болгар. Главные черты этой моды составляли: оголенные щеки и подбородок, подстриженная кругом голова с пучком волос на затылке, рукава одежды, очень узкие у кисти рук и весьма широкие к плечу, плащи, исподнее платье и разные виды "гуннской обуви" (Hist. Arcana c. VII). Из этих сопоставлений мы можем только заключить, что Болгаре и Авары носили прическу разную, а одежда их была похожа.

Что обычай стричь бороду и голову принадлежал собственно Болгарам, подтверждает одно болгарское известие, именно роспись первых князей. Там прямо сказано, что пока они держали княжение об ону (северную) сторону Дуная, были "се остриженными головами". (Обзор Хронографов. Андр. Попова. I. 25.) Следовательно, после утверждения в Мизии и Фракии болгарская аристократия начала изменять свою прическу, конечно, под влиянием византийским. Таким образом, описанные Львом Диаконом, бритый подбородок Святослава и его оголенная голова с чубом, как оказывается представляли черты общие с древними Болгарами; только русские князья долее болгарских сохраняли старые привычки. Впрочем, с одной стороны, уже в век Святослава

не все Руссы брили бороду, некоторые отпускали ее и завивали в гриву (ИбнХаукал), а с другой, в том же веке встречаются болгарские вельможи все еще с подбритою кругом головою (Liutprandi Legatio)¹.

Вот одно из очевидных доказательств, что Понтийские Скифы не были ни Чудь, ни Монголы; фигуры этих Скифов на разных предметах, добытых раскопками в Южной России, снабжены отличными бородами. Обычай брить бороды был собственно не скифский, а сарматский.

Если от волос и одежды перейдем к типу лица, то и здесь не найдем никаких доказательств туранского происхождения. Современные нам Болгаре в большинстве имеют чистый южнославянский тип. Если же и встречаются (особенно в Подунайской равнине) многие физиономии с типом тюркофинских народов, то это объясняется историческими судьбами Болгар. Многие примеси тюркские и угорские вошли в Болгарский организм еще до утверждения их за Дунаем; но и после того долгое время продолжался прилив тюркских элементов. Припомним только, что после истребительных войн Цимисхия и особенно Василия II, когда Болгарское государство ослабело и подчинилось Византии, многие местности Болгарии запустели. В течение X века мы видим ряд Печенежских вторжений; а в XI целые орды Печенегов поселились в равнинных частях Болгарии с позволения Византии. За Печенегами последовали вторжения и колонизация Половцев, за Половцами Татары; наконец и Турки Османские внесли свою долю. И замечательно, как сильна и живуча была коренная славянская народность Болгар: она усвоила себе все чуждые элементы, ибо все эти обрывки тюркских народностей сделались Болгарами по языку и быту: но они оставили многие следы в наружном типе и в характере новых Болгар. Кроме того, неблагоприятное влияние чуждых примесей отразилось впоследствии в недостаточном стремлении к национальному единству и к самобытности. Итак, мы видим Болгар в постоянном и очень

тесном соприкосновении с народами тюркофинскими, с самого начала их истории до последних веков. Есть ли какая вероятность, чтобы при таких условиях они могли обратиться в чистых Славян и противостоять всем чуждым примесям, если бы они не были коренною славянскою народностью? Конечно нет. Исторические законы непреложны.

"Болгаре, говорит Шафарик, приносили людей и зверей в жертву богам". Да какой же народ, находившийся на степени варварства, этого не делал? Известно, что жертвоприношения, и даже человеческие, были в обычае у Руссов еще во второй половине X века. В числе некоторых языческих обрядов у Болгар было рассечение собак на части. Но и Руссы делали то же самое, судя по известию ИбнФадлана. Болгарские судьи пытали воров и разбойников батогами и железными крючьями. Но пытки, и самые варварские, существовали у народов более образованных. Какие же это доказательства турецкого или финского племени?

Продолжим выписку доводов, приводимых Шафариком в пользу не славянского происхождения: "раннее укоренение магометанства между Подунайскими Булгарами, следы коего, по словам папы Николая, можно было видеть у них даже и по обращении в христианскую веру (860-866), особенно многоженство, принятие святыни распоясавшись, покровение головы турбаном в храме, суеверное убиение животных, сарацинския книги" и т. п. Вероятно, Дунайские Булгары, и по утверждению своем в Мизии, продолжали прежние дружеские сношения с братьями своими, оставшимися на Волге, от коих, без сомнения, еще в VIII веке приняли первые начала магометанства, уступившего после место христианству" (272). Мнение о магометанстве Дунайских Болгар, как мы видим, построено на весьма слабых основаниях. Эти основания заимствованы преимущественно из Ответов папы Николая I в 866 г.2. Только что окрещенные Болгаре обратились к папе Николаю I с просьбою возвести Болгарию на степень отдельного патриархата и при этом предло-

жили ряд вопросов, имевших целью разъяснить некоторые их недоумения относительно новой религии. Из этих вопросов, на которые папа прислал свои ответы, ясно видно, что Болгарский народ держался еще многих языческих обычаев. Например, вопрос: "можно ли иметь двух жен и, если нельзя, то как поступать с имеющими" этот вопрос несколько не служит признаком мусульманства; многоженство есть черта языческая, и оно существовало у всех славянских народов. Далее, обычай распоясываться, приступая к какому-либо священному делу, ношение какой-то полотняной повязки на голове (*ligatura lintei*), которую новообращенные не привыкли еще снимать, входя в церковь, продолжавшиеся в народе идольские, жертвоприношения все это суть несомненные остатки язычества.

Из всех вопросов болгарских только один имеет отношение к магометанству. "Что делать с нечестивыми книгами, которые мы получили от Сарацин и имеем у себя?" спрашивают Болгаре. "Непременно сжечь", отвечает папа. Но что это за сарацинские книги и от кого они были получены, о том нет никаких дальнейших указаний. Неизвестно, были ли то чисто мусульманские книги или принадлежали какой-либо восточной секте, предшественнице болгарского богумильства. Предмет тем более темный, что о мусульманской пропаганде тут совсем не упоминается. В заключение своих вопросов Болгаре умоляют дать им чистую и совершенную христианскую веру: "ибо говорят они в землю нашу пришли из разных мест многие проповедники, както Греки, Армяне и другие, которые учат нас различно". Но если в Болгарию приходили проповедники из разных стран, то могла проникать и магометанская проповедь, особенно при помощи многочисленных славяноболгарских колоний, которые поселились в Малой Азии в VII и VIII вв. Так, например, в царствование императора Константина Копронима в Болгарии произошли сильные междоусобия, во время которых была свергнута династия Аспаруха и поставлен князь (Те-

лец) из другого рода. Вследствие этих междоусобий множество болгарских Славян оставили свои земли и, с разрешения византийского императора, переселились в Малую Азию на реку Артану; число этих переселенцев будто бы превышало 200000 человек (по известию Феофана). Следовательно, если бы и встретились действительно следы мусульманской пропаганды у Дунайских Болгар, то посредниками в этом случае могли явиться болгарские колонисты в Малой Азии.

Впрочем, сношения с Сарацинами в те времена были довольно обычны, особенно на почве Византийской империи, где Болгаре встречались с ними то в союзе с Византией против них, то наоборот. Но Тюрко-Финская теория совершенно упускает из виду эту близость Малой Азии и Сирии и сношения болгарских царей даже с египетскими халифами; а для подкрепления своего дела делает предложения о непосредственных связях Дунайских Болгар с Камскими и о сильном магометанском влиянии с берегов Камы на берега Дуная. Вопервых, магометанство утвердилось в Камской Болгарии только в X веке; а в VIII если и начали проникать туда зачатки этого учения, то еще весьма слабые. Вовторых, источники не упоминают ни о каких сношениях Дунайских Болгар с Камскими. Ближе к последним жили Болгаре Таврические и Таманские; но и те остались чужды мусульманству, хотя оно проникло в соседнюю с ними Хазарию. Итак, все эти предложения о мусульманстве Дунайских Болгар очевидно вызваны желанием привести их в живую связь с Камскими. Но, повторяем, источники нисколько не согласуются с таким желанием.

1 "Vulgarorum nuntium, imgarciō more tonsūm", говорит Лиутпранд. Почему же "остриженного по угорскому обычаю"? Оголенная кругом голова составляла древнеболгарский обычай, как то доказывают Прокопий и Роспись болгарских князей. Очень может быть, что и к Уграм этот обычай перешел от Болгар.

VI

Торговые договоры. Начало письменности и христианства у Болгар

Сами последователи Тюрко-Финской теории указывают на черту, которая находится в некотором противоречии с этой теорией. "Булгары принесли из Волжских степей замечательную способность к восприятию цивилизации" замечает один из новейших исследователей Византийско-Славянского мира и указывает затем на их торговую деятельность¹. И действительно, едва Болгаре утвердились в Мизии, как вошли в торговые сношения с своими соседями; Болгария вскоре сделалась торговой посредницей между Византией, Германией, Западно и ВосточноСлавянскими землями. Это значение ее метко определила наша летопись, вложив в уста Святослава известные слова, что в Переяславль на Дунае "сходятся вся благая" из разных стран. Торговля производилась в те времена особенно по речным и морским путям; а судоходство, как известно, не в характере чисто степного Чудско-Татарского народа. Последнюю черту подтверждают не только ТуркоХазары, Печенеги, Половцы, Татары, но и современные Угры, которые, несмотря на свой внешний европеизм, не сделались торговым народом; хотя они прежде жили около берегов Черного моря, потом владели частью берегов Адриатики и живут на такой судоходной реке, как Дунай. Болгаре, наоборот, как только утвердились за Дунаем, то первым их стремлением было захватить морские гавани, каковы: Одиссов (Варна), Истрополис, потом Анхаил, Мессемврия, Бургас, Созополис.

На постоянную, значительную торговлю Болгар с Византией указывают торговые договоры Болгарских князей с Греками, совершенно подобные таким же договорам князей Русских. Первый известный нам договор был заключен князем Кормезием (а по мнению некоторых Тервелем) при императоре Феодосии Адрамитине в 714 или 715 году. Статьи этого договора определили цены наиболее дорогих товаров, постановляли взаимную выдачу беглых преступников и вменяли в обязанность купцам иметь печати или правительственные клейма на своих товарах. Договор этот, конечно, был письменный; ибо спустя около ста лет болгарский царь Крум посылает угрожающее письмо к императору Михаилу Рангаба и требует мира не иначе как на основании Кормезиева договора (Феофан и Анастасий). А в промежутке между Кормезием и Крумом мы имеем известие того же Феофана о договоре Болгар с Греками при Константине Копрониме, в 774 г., причем обе стороны обменялись письменными договорами и грамотами. (Theoph. Ed. Bon. 691 и 775.)

Как значительна была торговая конкуренция болгарских купцов с греческими в самой Византии, показывают события второй половины IX века. В царствование Льва VI Философа по интриге греческих купцов, подкупивших кого следует, склады болгарских товаров в 888 г. были переведены из Константинополя в Солун. Хотя это был второй после столицы торговый город империи, однако положение болгарской торговли значительно изменилось к худшему: болгарские суда должны были огибать весь Фракийский полуостров и проходить мимо Константинополя, чтобы достигнуть Солуня. В то же время пошлины на их товары были увеличены. Знаменитый болгарский царь Симеон горячо принял к сердцу жалобы своих торговцев, и отсюда возникла его жестокая война с Греками. В этом случае мы опять находим разительную аналогию с Руссами, которые воевали с Греками за нарушение торговых договоров и притеснения

своих купцов. Сама торговля русская с Константинополем очевидно шла об руку с торговлей болгарской, и во многом за ней следовала. Замечательны также и общие мореходные приемы Руссов и Болгар. Как те, так и другие не достигли развития своих морских сил, и оба народа повидимому не пошли дальше своих лодок, однодеревки, которые были пригодны для речного и морского плавания. Еще в 626 г. во время осады Константинополя аварским каганом мы видели на Боспоре эти лодки Тавроскифов Болгар. Те же болгарские однодеревки встречаем у берегов Малой Азии, спустя около 100 лет после того, при императоре Льве Изавриане (Nisephor. Ed. Bon. 63). Дальнейшему развитию морских сил, конечно, воспрепятствовали относительно Руси кочевые орды, которые отрезали ее от моря, а относительно Болгарии политический упадок царства во второй половине X века и наступившая затем потеря самобытности. Прилив тюркских народов, т. е. Печенегов и Половцев, в XI веке, также немало задержал развитие болгарской образованности.

Речь о болгарской торговле приводит нас к вопросу о начале болгарской письменности. Обыкновенно это начало возводят ко времени крещения царя Бориса и апостольской деятельности Кирилла и Мефодия, т. е. ко второй половине IX века. Но верно ли это мнение? Отвечаем отрицательно. Мы видим существование письменных договоров с Греками уже до царя Бориса; первый известный нам (по Феофану) договор относится к 714 или 715 году. Если с этим данным сопоставим упомянутое выше известие Прокопия о посольстве князя Утургуров Сандилха к императору Юстиниану в 551 г., причем посол излагал свое поручение изустно, то придем к следующему предположению: болгарская письменность возникла в период времени между второй половиной VI и первой четвертью VIII века. Но какая же это была письменность? Конечно, славянская. Посольские грамоты и письменные договоры с Греками предполагают при

греческом тексте и существование славянских переводов, подобных тем, какие находим при договорах Олега и Игоря.

Свидетельства о письменных договорах и посланиях болгарских царей не принадлежат к какимлибо позднейшим известиям, сложившимся под влиянием собственно Кирилло-Мефодиевой грамоты; доказательством тому служит сам автор этих свидетельств Феофан, который жил ранее свв. Солунских братьев и был современник Крума. Можно предложить вопрос: не писались ли означенные договоры на одном греческом языке? Но, во первых, это предположение не подкрепляется никаким свидетельством источников; во вторых, тому противоречит существование славянских переводов при договорах Руссов с Греками. У нас повторилось то же явление: при князем дворе писались грамоты на славянском языке прежде, нежели христианство окончательно утвердилось в России. Притом два известных Олеговых договора не были первыми русскими грамотами в этом роде, так как в них самих заключаются намеки на договоры предшествовавшие, следовательно, относящиеся к IX веку.

На Руси начало грамоты совпадает с началом христианства. Первое свидетельство о крещении Руссов, как известно, заключается в окружном послании патриарха Фотия 866 года. И у Дунайских Болгар водворение письменности также по всей вероятности находилось в связи с началом их христианства. Историография обыкновенно возводит христианство Болгар к крещению царя Бориса Михаила и его бояр, т. е. ко второй половине IX века. Но она забывает, что это крещение было только окончательным торжеством христианства в Болгарии. Нет никакого вероятия, чтобы при таком близком соседстве с Византией в Болгарию не проникло христианство гораздо ранее. Что действительно так было, на это имеем свидетельство Константина Багрянородного и Кедрена. По их словам, преемник Крума Муртагон (или Критагон), княживший в первой четверти IX века, заметив, что Болгарский народ малопомалу отпадает от язычества и

переходит в христианство, воздвиг гонение на обращенных и подверг казни тех, которые не хотели оставить новой веры. При этом упомянутые историки распространение христианства между Болгарами приписывают пленному греческому епископу (Cedrenus. Ed. Von. II. 185. Memor. Pop. II. 563)². Но христианство, по всей вероятности, уже существовало между ними. Болгаре заняли страну, населенную отчасти их славянскими соплеменниками, которые искони жили на Балканском полуострове, входили в состав Византийской империи, и, конечно, если не все, то частью были уже христианами, когда утвердились здесь Болгаре. От этих туземных Славян христианство очень рано могло проникнуть к Болгарам. Есть поводы думать, что у последних была сильная христианская партия, с которой язычество долго боролось. По всей вероятности, не без связи с этой борьбой происходили те внутренние смуты, которыми ознаменована история Болгарии в VIII веке, свержение и убийство некоторых ее князей, и, может быть, по преимуществу тех, которые особенно дружились с Византией и обнаруживали наклонность к христианской религии. По крайней мере мы имеем из второй половины VIII века пример князя Телерика, который принужден был спасаться бегством из Болгарии; он удалился ко двору императора Льва IV, был им окрещен, женился на его родственнице и получил сан патриция (Theophan. 698).

Язычество долго и упорно держалось между Дунайскими Болгарами, конечно, вследствие почти постоянных войн с Византией, которая стремилась подчинить себе этих Болгар: они подозрительно и враждебно относились к греческой религии, опасаясь подчинения не только церковного, но и политического. Как бы то ни было, христианство вторгалось постепенно и неотразимо. Вот почему история не имеет никаких точных, определенных свидетельств даже о крещении самого царя Бориса. Относительно его обращения мы имеем только две скудные легенды. Одна из них приписывает это

обращение сестре Бориса, воротившейся из греческого плена, где она просветилась христианской верой, а другая приводит его в связь с картиной страшного суда, нарисованного на стене княжеского двора греческим монахом-живописцем Мефодием (Продолжатель Константина, Кедрен и Зонара). Третье, более достоверное, известие говорит, что Борис принял христианство во время неудачной войны с греческим императором Михаилом, чтобы получить мир на выгодных условиях (Симеон Логофет, Лев Граматик и Георгий Монах). Но он, конечно, был уже подготовлен к этому обращению. История даже не знает в точности года крещения Борисова. Можем только приблизительно сказать, что оно совершилось вскоре после 860 года.

Напрасно историография пыталась связать введение христианства в Дунайской Болгарии с деятельностью солунских братьев Константина и Мефодия, имея при этом почти единственным основанием сходство имени последнего с упомянутым живописцем Мефодием (хотя никакое свидетельство не говорит нам, чтобы брат Константина был живописцем). Впервые, сама хронология едва ли допускает эту гипотезу. По смыслу житий Константина и Мефодия, почти вслед за путешествием в Козарию наступила их миссия в Моравию, и трудно предположить, чтобы братья по пути в последнюю, так сказать мимоходом, крестили Болгар, как толкуют некоторые ученые, и при этом снабдили их (тоже мимоходом) славянской грамотой. Если принять известия западных летописцев, то крещение Бориса совершилось не ранее 863 или 864 года, т. е. в то время, когда братья находились уже в Моравии³. Вовторых, в это самое время мы видим сильную борьбу между греческой и латинской церковью за господство в Болгарии и колебание самого Бориса между этими двумя влияниями. Если бы Борис был только что окрещен Кириллом и Мефодием, то несколько странным является его обращение в 866 году в Рим с вопросами, относящимися до новой религии. В этих вопросах

упоминается о разных проповедниках в Болгарии, но не сделано ни малейшего намека на Солунских братьев. Встретных, нет никакого вероятия, чтобы такой важный подвиг, гораздо более важный, чем поездки к Сарацинам и Козарам, чтобы этот подвиг, т. е. крещение Болгар и дарование им славянской грамоты, пройден был совершенным молчанием в Паннонских житиях свв. братьев, если бы этот подвиг действительно был ими совершен. Дунайские Болгаре по всем признакам были отчасти христианами еще прежде Кирилла; они уже имели, конечно, славянскую грамоту, а также и начатки перевода Священного писания. Если бы славянская грамота не существовала прежде у Болгар, а была введена только при Борисе, то было бы трудно и объяснить то процветание болгарской письменности, которое началось еще при том же Борисе и достигло такой замечательной степени при его преемнике Симеоне. Но об отношении Кирилла и Мефодия к Славянской грамоте мы говорим в другом месте (по поводу Азовско-Черноморской Руси).

Итак, если Болгарский народ создал в IX в. богатую славянскую письменность, которой наделил и других Славян, то спрашивается: когда же этот народ был не славянским? И мог ли он быть не коренным славянским народом?

1 L'Empire Grecque au X. siècle. Par Rambaud. Paris 1870.

2 По рассказу Феофилакта, архиепископа Болгарского, один из сыновей того же Мортагона, Нравота или св. Баян, после смерти отца принял крещение и был за то предан смерти братом своим Маломиром (см. аббата Миня Patrolg. graec. t. CXXVI. p. 194).

3 Летопись Хинкмара. Pertz. I. 465. См. о том Byzantinische Geschichten von Weiss. Graz. 1873. (II. 79) и Viek i Djelovanje sv. Cyrilla i Methoda Racki. U Zagrebu. 1859. (147148). А также см. Очерк истории православных церквей Голубинского. Москва. 1871 (стр. 26 и 239).

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ

VII

Филологические приемы турко- и финноманов. Разбор некоторых личных имен и отдельных слов

Теперь перейдем в область тех доказательств, на которых ТюркоФинская система в особенности думала основать свои выводы, т. е. в область филологии, собственно в область личных имен. По поводу вопроса о происхождении Руси мы уже не раз имели случай указывать всю несостоятельность и всю произвольность подобных доказательств. Филология тогда только может делать точные выводы, когда она имеет перед собой язык народа с достаточным количеством лексического материала и грамматических форм. Если филологическая наука сделала огромные успехи в области сравнительного языкознания, то она еще слишком слаба, чтобы решать этнографические вопросы из области веков давно прошедших, на основании коекаких отдельных слов, подобно тому как наука палеонтология на основании коекаких кусков от костей иногда определяет объем и строение допотопных животных (впрочем, не всегда достоверно).

Личные имена, конечно, отражают в себе корни и характер словопроизводства в народном языке. Но чтобы добраться до этих корней и уяснить характер словопроизводства, прежде всего надобно восстановить народное произношение или фонетику данных имен; а это редко бывает возможно, потому что речь идет обыкновенно об именах, уже несуществующих в живом употреблении и дошедших до нас в иноземной, искаженной передаче, притом иногда в нескольких вариантах. Далее, личные имена и прозвища нередко переходили из одного народа в другой по причине близкого соседства, политической зависимости, родствен-

ных союзов и т. п.; следовательно, могут попадаться и такие, которые хотя чужого происхождения, но не означают, чтобы лица, их носившие, принадлежали к этому чужому племени. Наконец, в истории всякого народа могут попадаться лица иноплеменные, находившиеся на службе туземных государей или близких по какимлибо другим причинам. При всех этих соображениях посмотрим, однако, насколько справедливы слова Шафарика, будто "следующия имена всякому безпристрастному языкоисследователю представляются как внутренним, так и внешним своим видом ничего не заключающими в себе славянского"¹.

1. Куврат или Кубрат. Каким образом слово, которого основной слог есть врат или брат не может быть славянским? Разве рязанец Евпатий Коловрат или чешская аристократическая фамилия Коловратов не Славяне? Тот же корень встречается и в начале некоторых славянских имен, напр. Вратислав или Братислав (откуда Брячислав). Самое Куврат может быть сокращено из Колуврат, т. е. Коловрат. В Росписи болгарских князей (Обзор Хроногр. А. Попов. I. 25) оно встречается еще в более сокращенной форме Коур'т. Почти ту же форму находим у патриарха Никифора, именно Курат (Courato?). Но и этим не ограничиваются его варианты; так у Феофана оно встречается в форме Кробат или Кроват. А Кроватами византийцы называли Хорватов название, как известно, славянское. Упомянем и о форме Курбат, имеющейся в наших старинных актах и происшедшей отсюда фамилии Курбатовых. (Не забудем, что личные имена и фамильные прозвища нередко сохраняют слова, давно вышедшие из народного употребления.) Наконец, если предположим в данном имени древнее юсовое произношение (Кжврат), тогда получим почти то же, что Кунрад или Конрад, встречающееся не у Финнов, а у Немцев и Поляков.

2. Батбай. Легенда о разделении Болгар называет так старшего сына Кувратова. Но это имя встречается не один раз в истории, хотя и с легкими вариантами. У Иорнанда мы

имеем Бабая, князя Придунайских Сармат, которых победил Теодорих Остготский (сар. LV). По всем признакам эти Сарматы были те же Болгаре, которые в то время уже появились в придунайских странах, куда часть их последовала за Остготами. А Сарматами Иорнанд очевидно называет славянские народы, и во всяком случае не тюркские. Данное имя было остатком очень далекой древности. Еще Геродот говорит, что у Скифов главный бог, соответствующий греческому Зевесу, назывался Папай (Ραπαϊοζ). Корень этого слова нат или бат общеарийский и присутствует в словах, означающих отца, каковы санскр. pitar, зенд. patar, греч. πατήρ, латин. pater и пр. Он и доселе сохраняется в нашем слове батя, женское баба. А у Сербов бабо и теперь значит отец. Напомним еще, что по известию Иорнанда отец императора Максимиана, в III веке, был Гот, по имени Мекка, а мать Аланка, по имени Абаба. Следовательно, каким же образом это имя должно быть не славянское, а непременно турецкое или финское? Что касается до вариантов, то патриарх Никифор в одном месте называет старшего Кувратова сына Базиан, а в другом Баян.

3. Котраг, по легенде второй сын Куврата. Это имя подтверждает только тожество Болгар с Котрагами, Котрагурами или Кутургурами. Укажу на старое чешское имя Кутра. (См. Славянский Именослов Морошкина) и на речку Котру в Литовской Руси ("География начальной летописи" Барсова. 36).

4. Аспарух, четвертый сын Куврата. В упомянутой росписи Болгарских князей он назван Исперих или Исперик. А этот вариант указывает на славянские уменьшительные, оканчивающиеся на ик или ко. Почему же это имя должно быть тюркское, когда сам же Шафарик считает его персидского происхождения? Но персидский язык, как известно, принадлежит к арийским, а в древности был близок к Славянскому. Что это имя действительно не финское и не турецкое, доказывает существование его у Алан. А именно в

V веке у Приска в числе аланских вождей упоминается Аспар, помощи которого император Лев I был обязан престолом (Met. Rom. IV. 336. Кроме того, имя Гаспар существует и у Немцев). Асперих, Исперик, конечно, есть не что иное, как уменьшительная форма от Аспар (как Рюрик от Руря). Это обстоятельство подтверждает ту нашу мысль, что Болгаре и Алане были близкие сарматские племена. Asparicus можно читать не Аспарух, а Аспарих (Скифия и Скуфия). Но если оставим форму Аспарух или Аспарук, то и эта форма отнюдь не чужда славянскому языку. Разве в словах: пестух, пастух, барсук и т. п. суффикс не славянский?

5. Тербель или Тервель, преемник Аспаруха. Мы не видим никакого основания, отвергать подобно Шафарику, в этом имени присутствие славянского корня. В пример сомнительных филологических толкований знаменитого слависта приведем следующее. Константин Багрянородный в своем сочинении "Об управлении империей" (гл. 34) говорит, что название области Тервуния или Тербуния пославянски значит "укрепленное место" (твердыня). Кажется, ясно. Но из современного славянского языка нелегко объяснить такое значение, и Шафарик преспокойно отвергает его. Он утверждает, что Константин в этом случае "очень ошибся": так как в другом его сочинении (об обрядах Византийского двора), "переделанном впрочем в XI веке", читаем Травуны, а в сербских грамотах Травунийская земля. Отсюда Шафарик заключает, что это слово есть собственно иллиролатинское Трансвуния, в славянском переводе Захлумье; что во всяком случае современное название этой области Требине "никоим образом не может означать твердь, как это толкует Константин". (Славян. Древ. т. I, кн. 2, стр. 445). Между тем в данном толковании, кажется, более прав византийский император X века, нежели славянский филолог XIX. Шафарик, во первых, не взял в расчет столь обычную перегласовку, вследствие которой Тербуния (при полногласии Терebuния) обратилась в Требину. Во вторых, он

упустил из виду одно место русской летописи, именно под 1114 годом. "И рече Володимер: требите (вариант теребите) путь и мостите мост". Здесь "теребить путь" очевидно употреблено в смысле готовить, расчищать, устраивать. В древней России устройство дорог собственно ограничивалось вырубкой просек, построением мостов и проложением гатей по топким, непроходимым местам. Слово теребить существует у нас до сих пор. Следовательно, Константин приблизительно верно объяснил значение древней Тербунии или нынешней Требине в переносном смысле тверди². Может быть, и личное имя Тербель (Тервель по росписи Болгарских князей) одного корня с названием Тербуния, и соответственная ему форма в древнерусских именах была бы Тербило или Теребило, вроде нашего летописного Твердило. (Теребиха, см. Именослов Морошкина).

6. Кормезий, в росписи болгарских князей Кормисош. Опять не вижу причины, почему бы имя Кормеш или Кормисош было не славянское? Почему, например, он не может быть одного корня с словами кормило и кормчий?

7. Телец. Доказывать, что это слово чисто славянское, было бы излишне. Укажем еще на имена Теле по влахоболгарским грамотам и Теля по Писцовым книгам (см. у Морошкина). К тому же корню относится, конечно, имя и другого болгарского князя, жившего в VIII веке, Телерика (по другому известию Чериг). Этот Телерик и выше приведенный Эсперик подтверждают, что имена на рик принадлежали не одним Немцам, но и Славянам, в чем доселе сомневались норманисты. (Шафарик забыл при этом о собственном имени.)

8. Баян. Принадлежность его языку восточных Славян засвидетельствована Словом о Полку Игореве, и корень этого имени по всей вероятности один и тот же с глаголом баять, говорить, вещать; следовательно, баян то же, что вещун. Оно было в употреблении на Руси еще в XIII веке (см. Морошкина). То же имя носил один из аварских каганов;

что может указывать на славянскую примесь у Авар или на родство каганов с славянскими князьями. Подобно Аварам, некоторые славянские имена встречаются также у древне-угорских князей.

9. Умар, по росписи Оумор. Мы имеем довольно имен славянских и немецких на мир или мар; однако Шафарик сближает его с арабским Омаром; но и в таком случае это не доказательство тюркофинского его происхождения.

10. Крум с его вариантами Крумн и Крем. Почему бы мы не могли сблизить это имя, по его корню с нашими названиями: Кромы, Кремль, кремник и кремень³?

11. Борис или Богорис. Считать подобное имя не славянским, а финским было бы ни с чем несообразно. Это одно из самых употребительных славянских имен; на его распространение указывает и обилие вариантов, которые встречаются в источниках: Борило, Борко, Борик, Борич и пр. Интересно, что, кроме Бориса, у Болгар встречается, в X веке, и другое обычное древнерусское имя Глеба (Glabas, см. Mem. Pop. II. 628).

12. Алогоботур, один из военачальников царя Симеона. Это имя передано византийцами не совсем точно: настоящее его произношение конечно есть Алобоготур. Совершенно такую же перестановку встречаем мы у Симеона Логофета: вместо Богорис он пишет Гоборис. Албоготур есть, конечно, слово сложное из ал или ар, и боготур или богатырь. Следовательно, мы имеем здесь прозвание вроде Яртура Всеволода в Слове о Полку Игореве⁴.

Чтобы не утомлять внимание читателей, ограничимся примером этих 12 имен из числа тех, которые Шафарик объяснил "незакрывающими в себе ничего славянского". В числе остальных, им упомянутых, есть такие, которые принадлежат не Дунайским, а Камским Болгарам (Альм, Агмед и пр.), и, следовательно, совсем не идут к данному вопросу. Иные имена, по их искажению или просто по трудности найти их смысл, едва ли могут быть объяснены из какогото-

бо языка (вроде Ицбокля, Ехаций и т.п.). Наконец некоторые имена могут быть действительно чужие, что весьма естественно и нисколько не нарушало принадлежности Болгарского племени к Славянскому корню. Тут имели влияние бывшее господство Авар, соседство Угров и Валахов, родственные связи княжеских фамилий того и другого народа, кроме того, в числе бояр и дружины, как и у нас на Руси, были по всей вероятности люди действительно угротюркского или другого какого происхождения. Наконец Иорнанд прямо говорит: "Всем известно, что многая (чужия) имена усвоиваются народом чрез употребление; так Римляне часто заимствовали у Греков, Сарматы (Западные Славяне) у Германцев, Готы у Гуннов" (гл. IX. Он, очевидно, смешивает вместе имена действительно заимствованные с именами общими по родству корней). Точно так же имена славянские встречаются у Авар и Угров (Баян, Лебедий, Вологуд и др.).

В своих статьях о норманизме мы уже замечали, что напрасно было бы между древними именами у разных славянских народов искать непременно таких, которые оканчиваются на слав. Последняя приставка начинает входить в моду только с IX века. Многие древние имена у всех почти славянских народов не поддаются славянскому словопроизводству (Чех, Бех, Гериман, Мун, Бальде, Гатальд, Мик, Крок и пр.). А туранский оттенок особенно сильным должен был явиться у восточных Славян, т. е. Русских и Болгар. (Относительно русских имен см. выше статью "Еще о норманизме".) Впрочем Древне-болгарская история не чужда и таких имен, которые носили общеславянский оттенок, каковы имена на мир: Драгомир в VIII веке, Добромир в X; в числе предшественников Богориса имеем Владимира, а в числе его преемников Властимира. По рассказу о св. Баяне, или Нравоте, этот последний был дядей Владимира; другой его дядя назывался Маломир, а отец Zvynitzes, следовательно вроде Звонимира или Звенислава. В упомянутой росписи Болгарских князей, кроме тех имен, которые мы уже

приводили, с славянским оттенком встречаются: Гостун (напоминающий нашего легендарного Гостомысла и князя Бодричей исторического Гостомысла IX века), Безмер и Севар (последнее, вероятно, одного корня с именем славянина Сваруны у Агафия, а этот Сваруна то же, что русский Сварно или Шварно), Ирник (с обычным у Славян уменьшительным окончанием). Роспись говорит, что Ирник жил 108 лет; чем он напоминает Остготского Ерманарика, который когда-то господствовал над народами Южной России, и, по словам Иорнанда, умер на сто девятом году своей жизни.

Кстати, о Готах. Для тех, которые любят выводить имена древнерусские и древнеболгарские из чуждых языков, я предлагаю ряд готских имен из книги Иорнанда: Гальмал, Унильт, Аталъ (чуть ли не Атель, т. е. Атила), Ансила, Мекка, Книва, Респа, Ведуко и пр. Пусть означенные любители потрудятся объяснить мне эти имена из немецкого языка или найти такие же имена у других германских народов. Если же они не в состоянии сделать ни того, ни другого, то по их логике придется объявить Готский народ не принадлежащим к Немецкой группе⁵.

К числу болгарских княжеских имен можем отнести и те, которые встречались нам в истории ГунновКутургуров и Утургуров, каковы Синнио, Заберган и Сандил. Первое напоминает уменьшительную форму Синко в Игорево м договоре. Заберган или его вариант Заберга может быть сближен по корню с Veurgus, аланским князем V века, о котором упоминает Иорнанд. Относительно имени Сандил и его варианта Сандилх, если возьмем в расчет древнее носовое произношение (СЖдил), то получим чисто славянское имя Судило или Судилко (и сложное Судислав).

Если обратим внимание на тех Болгар, которые встречаются в дружинах Велизария и обозначены у Прокопия под общими названиями Гуннов и Массагетов, то и здесь также можно усмотреть славянскую стихию. Впервые, несколько раз упоминается один из предводителей конницы Айган или

Айга, родом Массaget. А у Менандра имеем Анагая или Анангая, предводителя Утургуров на берегах Меотиды (по-видимому, одного из преемников Сандила); вероятно, это имя есть вариант Прокопиева Айгана, хотя лицо не одно и то жеб. Далее в "Готской войне" Прокопия между начальниками конных дружин встречаются Массагеты Дзантер, Хорсоман и Эшман, имена чисто арийские, а не тюркофинские. Дзантер напоминает известного скифского царя Дантура или Идантура. Эшман, вероятно, имя тождественное с болгарскими Сисманами или Шишманами. Хорсоман, с его вариантом Хорсомант, очевидно, произошло от славянского божества Хорса. (А мант соответствует окончанию немецких имен на мунд, литовских на мунт, славянских на мут и мид.)

Этот Хорсомант был настоящий славянский богатырь как по силе и мужеству, так по излишней отваге и пристрастию к крепким напиткам. ("А Массагеты суть величайшие пьяницы из всех смертных" заметил Прокопий, *De Bel. Vand.* К. I. с. 12.) Однажды, когда Готы осаждали Велизария в Риме, Хорсамант с несколькими византийскими всадниками наткнулся на 70 неприятелей и гнал их до самого лагеря. Несколько времени спустя он был ранен в левую голень, так что не мог сесть на коня. Эта рана приводила его в гнев, и он грозил жестоко отомстить Готам. Когда ему стало лучше, то раз, по обычаю своему напившись за обедом в полпьяна, он объявил, что идет на неприятелей один и пеший. Дойдя до Пинчианских ворот, он сказал страже, что имеет поручение от Велизария в неприятельский лагерь. Стража, зная расположение к нему Велизария, пропустила его. Неприятели почли его сначала перебежчиком; но когда он стал пускать в них стрелы, то на него бросились 20 человек. Хорсомант побил их и пошел вперед. На него бросились новые толпы; наконец, окруженный со всех сторон, он пал, избив порядочное количество врагов. Да, это историческое событие, засвидетельствованное Прокопием, являет-

ся как будто отрывком из наших богатырских былин! Вот еще пример из "Готской войны". Анкона едва не была взята Готами, если бы в крепости на тот раз случайно не присутствовали два витязя, Улимун Фракиец и Вулгуду Массает: они приняли участие в сражении, своими мечами отразили неприятелей, но воротились в город сильно израненные. Вторая половина имени Вулгуду напоминает Гуды Олегова и Игорева договоров. С носовым звуком оно будет оканчиваться на гунд или ганд, и действительно в той же Готской войне встречается Гунн Ольдоганд и кроме того Гунн Улдах (с придыханием оно должно было произноситься Вулдах или Вулдай). Мало того, у Агафия из той же эпохи имеем Регнаря. Это имя, конечно, то же, что готское Рагнарь, о котором упоминает Прокопий в Готской войне; однако Регнарь Агафия не Гот: он родом Гунн из племени Витигоров (т. е. Утургуров). Ясно, что под именами Гуннов и Массаетов скрываются в данных случаях все те же Славяне-Болгаре.

Довольно об именах. ТюркоФинская теория усматривает и другие следы угорских наречий в языке Болгар, например слова: боиляды, таркан, аул. Но каким образом слово "боиляды" (boilades) может быть доказательством угорского происхождения, когда его совсем нет в финских языках? Означает ли оно былей Слова о полку Игореве или просто Русское боляре, во всяком случае оно должно быть поставлено в числе доказательств именно славянского, а не финского происхождения Болгар. Константин Багрянородный в своем сочинении "О церемониях Византийского двора" упоминает о "шести великих болядах", как о высших сановниках при болгарском государе. Эти великие боляды как нельзя лучше соответствуют тем Русским "великим (или светлым) боярам", о которых говорится в Олеговом договоре. Тот же Константин приводит болгарские титулы Конартикина и Вулия Таркана (*ibid.* о KonarticeinoV cai d BouliaV TarcanoV); эти титулы, повидимому, носили старшие сы-

новья болгарского государя. Конартикин м. б. есть испорченное в греческой передаче слово, вместо Контаркан (в X в. в числе болгарских послов в Византии встречается Калутеркан), т. е. вторая половина слова та же, что в титуле Вулий Таркан. А последнее, конечно, означает: Великий (великий) таркан. Не беремся объяснить происхождение слова "таркан". Предположим, что оно действительно принадлежит восточным языкам; но и в таком случае это не доказательство финского или турецкого происхождения Болгар. Известно, что титулы легче всего заимствуются у других народов (наши титулы царь, император, граф и т. п. разве славянского происхождения?). Притом само слово "таркан" никем не объяснено филологически из финских языков; а что в нем заключено слово хан, по толкованию Шафарика, то и это толкование довольно произвольное; да нам и не известен титул хана у народов собственно финских. Шафарик считал Болгар Финнами. А слова на кан, хан и ган встречаются в различных языках. Для примера укажу на персидского полководца Нахорагана в VI веке и византийского патриция Теодорокана в X. Последователи тюркофинской теории хазароаварский титул кагана или хакана отождествляют стартарским ханом; но такое тожество еще не доказано. Вообще филология при объяснении подобных слов нередко доказывает свой произвол и свою несостоятельность в решении вопросов историкофилологических, если она не ищет поддержки в строгой исторической критике.

Что касается до слова аул дворец, будто бы тождественного с киргизским ай 1 или мадьярским ol, то здесь, по всей вероятности, кроется какое-либо недоразумение. Некоторые византийские писатели (Феофан и Зонара) упоминают, что Греки в 811 г. взяли Крумову авлу (aulhn): "так Болгаре называют жилище своего государя" поясняет Зонара. Но каким образом слово "авла" можно относить исключительно к татарским или финским языкам, когда оно существовало и в греко-латинских наречиях? Очень может быть, что оно от

Греков же перешло к некоторым варварским народам, если не принадлежит к элементам общим лексикону Туранской и Иранской группы. Сверх того представляется вопрос: нет ли в означенной фразе какого пропуска у византийских писателей или собственно у Феофана, у которого заимствовали другие компиляторы; а он выразился сжато: "Крумову так называемую авлу". Может быть, следовало сказать: Крумову авлу или так называемый (двор? терем? палату? и т. п.).⁷

Вообще разве это научнофилологический прием: отыскать у Болгар несколько слов, похожих на татарские, и на этом основании утверждать, что они не Славяне? Между тем как Болгаре жили когда-то в соседстве именно с Урало-Алтайскими народами. В их лексиконе могло оказаться и несколько финнотюркских элементов; особенно эти элементы могли отразиться в личных именах, в названии высших титулов и т. п. На таком основании и древних Руссов можно было бы отнести к племенам тюркскофинским. Не говоря уже об эпохе послетатарской, оставившей некоторые следы в нашем лексиконе; но и в дотатарскую эпоху мы встречаем немало имен и слов, имеющих сходство с финскими и тюркскими, что совершенно естественно при давних и близких отношениях Восточных Славян к своим северовосточным и юговосточным соседям.

1 Куврат, Батбай, Котраг, Алтицей, Алзеко, Кубер, Аспарух, Тербель. Кормезий, Телец, Сабин, Паган или Баян, Умар, Токт, Чериг, Кардам, Крум, Мортагон, Пресиям, Борис, Алм, Ахмед, Талиб, Мумин, Боил, Чигат, Мармес, Книн, Ицбоклия, Алогоботур, Конартикин, Булий, Таркан, Калутеркан, Кракрас, Елемаг, Кавкан, Боритакан, Ехаций, Дебет, Била, Боксу, Гетеи и др. (Славян. Древн. т. II. кн. I. 269-270).

2 В Ипат. лет. под 1276 г. тоже употреблено слово "отеребить" в смысле расчистить, приготовить место для города или крепости. Позд. прим.

3 Позволяю себе не соглашаться с ученым автором Филологических Разысканий, который считает кремль и кремень словами не одного корня: на том основании, что кремень есть название твердого камня, а кремль первоначально был деревянной крепостью. (I. 256.) Но кремль очевидно означал вообще крепость или твердь; а известный камень получил название кремня именно по своей твердости или крепости. Относительно имени Крум есть еще вариант: в Белградском синаксаре 1340 года оно пишется КрЖг т. е. Круг (сл. Гильфердинга. I. 37) слово, надеюсь, совершенно сла

4 Почему-то у нас существует мнение, что слово богатырь не славянского происхождения, а заимствовано нами у Татар, и в доказательство приводят, что до Татарского владычества оно не встречается в письменных памятниках. Но, во-первых, есть множество других слов, несомненно употреблявшихся народом и случайно не попавших в немногие дошедшие до нас памятники до Татарской эпохи. Во-вторых, слова бог и тур несомненно славянские; почему же, будучи сложены вместе, они дадут татарское слово? В-третьих, слово богатырь есть у западных Славян, т. е. у поляков и Чехов. А приведенное здесь имя болгарского военачальника показывает, что это слово задолго до Татарского владычества существовало и у южных Славян. Следовательно объяснение его татарским влиянием было основано на недостаточном изучении. Мне уже случалось указывать на то, что у нас продолжает господствовать очевидная склонность всякое слово, сколько-нибудь трудное для объяснения, толковать иноземным влиянием, и что в лексиконе татаро-финских народов много общего с лексиконом народов арийских, особенно восточно-славянских. Не надобно забывать исконное и тесное соседство этих народов еще в древней Скифии и средней Азии. Следовательно, лексикон той и другой группы народов отражает влияние времен еще доисторических, и скорее можно предположить влияние арийских народов, как более одаренных и ранее

развившихся, на соседние народы Северной или Урало-Монгольской группы.

5 Для тех, которые относят имена болгарские к татарским или финским на том основании, что они им кажутся не славянскими, не арийскими, укажу еще на следующий пример. В Ипатьев, летописи встречается ряд имен литовских вождей, каковы: Давъят, Юдьки, Бикши, Кинтибут, Рукля, Репекья, Бурдикид и пр. С первого взгляда они также звучат какими-то татарскими или финскими и вообще не арийскими; а между тем очень хорошо известно, что Литва племя арийское, родственное Славянскому.

6 В Росписи Болгарских князей при их именах большей частью повторяется, что они были из рода Дуло. Нет ли чего общего между этим родоначальником и означенным утургурским князем Сандилом? Точно так же утургурского Анангая позволим себе сблизить с упоминаемым в той же росписи родом Угаин, к которому принадлежал князь Телец. О Гостуне в росписи сказано, что он был наместник из рода Ерми. Это Ерми напоминает первую половину в имени того же готского Ерманарика. Впрочем, у Алан также существовало подобное имя: в числе сыновей упомянутого выше Аспара был Ерминарик. А что имя Ермана или Германа не было чуждо Славянам, указывают древнечешское Гериман и древнерусское Ермак.

7 Это исследование наше напечатано было в 1874 г. (Русс. Архив, No 7). После того я встретил некоторое подтверждение своему предположению в "Филологических розысканиях" Я. К. Грота. Он приводит выписку Востокова из одного хронографа, где именно по поводу данного события местопребывание болгарских государей названо двором и кремлем. "Царь Никифор на болгары поиде... и победи их крепко, яко и глаголемаго двора князя их, иже есть кремль, пожещи его" (т. I. 254. Изд. 2е).

VIII

Роспись болгарских князей с загадочными фразами. Признаки чистого славянского языка у древних Болгар. Заключение

Здесь я упомяну об одном отрывке, который, казалось, должен был доставить окончательное торжество Тюрко-Финской теории. Именно, в интересной и весьма добросовестно составленной монографии г. А. Попова Обзор хронографов русской редакции, 1866 г. (вып. I. стр. 25) обнаружена вставка из одного хронографа, называемого "Эллинским летописцем", по спискам XVI века. Эта вставка заключает в себе ту роспись древних болгарских князей, о которой выше мы имели случай упоминать уже несколько раз. Тут мы находим какието загадочные фразы на непонятном языке.¹ Последователи Энгеле-Гуцмановой теории поспешили объяснить эти фразы с помощью лексикона Мадьярского и других финских наречий. Выходит, что каждому княжению соответствовала формула, обозначающая его княжение. Например: "а лет ему дилом твирем", значит "я исполнен, я совершенен"; шегор вечем "я есмь помощник"; вереиналем "я живу в крови" и пр. (соч. Гильферд. I. 23). "Обычай давать прозвище году, замечает Гильфердинг, обычен на Востоке, и мы не можем полагать, что он был заимствован Болгарами еще когда они странствовали между Волгой, Доном и Кубанью. В нашей записи каждое княжение имеет подобное прозвище. Эти прозвища представляют любопытный памятник языка завоевателей Болгар до слияния их с Славянами и служат несомненным свидетельством происхождения орды Аспаруховой" (стр. 22).

Темные фразы приведенной записи, по мнению их толкователей, суть не что иное, как памятник того финского наречия, на котором говорили древние Болгаре и который долго еще существовал рядом с Славянским языком. Но такое зак-

лючение по меньшей мере поспешно. Впервые, значение самих фраз истолковано еще слишком гадательно, и они ждут своего разъяснения от знатоков восточных наречий. Затем несколько не разъяснено происхождение данной записи и время, к которому она относится. Наконец, к какому бы иноплеменному языку ни принадлежали темные речения, мы не видим никакого повода заключать, что это именно тот язык, на котором говорили древние Болгаре. Если эти речения принадлежат языку финскому, то опятьтаки не забудем близкого соседства Угров. В хождении Афанасия Никитина "за три моря" встречаются татарские фразы; но можно ли отсюда заключать, что автор этого хождения был татарского племени? Или предположим, что язык наших офеней, существующий и до сих пор, оставил бы след в каком-либо письменном памятнике доПетровской Руси. Можно ли заключить отсюда, что эта Русь была не славянская? Итак, упомянутые загадочные фразы, по нашему крайнему разумению, несколько не подтверждают ТюркоФинской теории. Притом не означают ли они скорее какойлибо счет, нежели формулу? Не имеют ли они какого отношения к секте Богумилов? Вообще, подождем более удовлетворительного их разъяснения прежде, нежели делать какиелибо положительные выводы. А между тем укажем на следующее обстоятельство. Помянутая запись или Роспись составлена не ранее XI или X века. Выходит, что Болгары тогда еще сохраняли отчасти свой финский или тюркский язык. Возможно ли, чтобы он в те времена ничем иным не заявил себя, кроме нескольких фраз, записанных в какомто хронографе?2

Итак, мы не видим никаких серьезных доказательств существования финского языка у древних Болгар. Напротив, существуют неоспоримые свидетельства, что язык, на котором они говорили, был чистый славянский. Впервые, их народное название Болгаре или Волгаре принадлежит Славянскому языку; оно происходит от славянского слова Волга, то же, что волога или влага. Далее, страна, в которой

Болгаре жили перед своим переселением за Дунай (по известию Феофана и Никифора), называлась у них Онгл, т. е. Угл. А в южной России до сих пор существуют реки с названием Углы или, как мы их произносим теперь, Ингула. После переселения за Дунай Болгаре, при князе Тервеле, заставили Греков уступить южный склон Балканских гор около Черного моря. Патриарх Никифор прибавляет, что эта область "называется ныне" Загорье. Стало быть, прежде, т. е. до появления Болгар, она Загорьем не называлась. Не забудем при этом, что Феофан и Никифор писали в начале IX века; следовательно они сообщают болгарославянские названия еще в эпоху, которая предшествовала предполагаемому превращению финских Болгар в славянских. Вообще с появлением Болгар на Балканском полуострове мы видим весьма быстрое умножение славянских географических названий в Мизии, Фракии, Македонии, Эпире и даже в самой Греции, и никакого признака названий финских. Тут мы начинаем встречать многие имена, как будто прямо перенесенные из Руси, каковы: Вышгород, Смоленск, Остров, Верея, Переяславль, Плесков и пр. Такая черта вполне соответствует наводнению этих провинций Славянами в VII и VIII вв., что и заставило Константина сказать: "ославянилась целая страна". Ясно, что с утверждением Болгар на Балканском полуострове Славянский элемент получил здесь сильное подкрепление; чего никак не могло бы случиться, если бы Болгаре были Финны или Татары, а не Славяне. О столь быстром и коренном превращении господствующего Турецкого или Финского племени в покоренную им Славянскую народность, как мы замечали, не может быть и речи: оно противно всем историческим законам.

Если предположим, что Болгаре были действительно Финское племя, подчинившееся влиянию покоренных, в таком случае оно теряло бы свою народность не вдруг, а постепенно; оно оставило бы не несколько слов, а глубокие следы в языке, и не в одном лексиконе, но и в грамматике.

Мало того, в таком случае необходимо должно было произойти смешение двух языков; а из этого смешения должен выработаться новый тип языка, даже и при полном преобладании Славянского элемента. Вместо того мы видим в IX и X вв. необыкновенно богатое развитие болгарской письменности на чистом Славянском языке. И какой письменности! Которая легла в основу всей славянохристианской образованности. А какой был разговорный язык Болгар в те времена? Нет ли на него каких указаний? Есть. В 1016г., во время войны императора Василия II с Болгарами, раз болгарские лазутчики, испуганные приближением самого Василия, поспешили в лагерь с криком: "бежите, Цесарь!" (Bezeite d Tzarisar. Кедрен). Это уже отрывок не из лексикона, а из грамматики (даже сохранено свойство церковнославянского языка изменять г в з перед и, если только греческая з верно передала звук). Одна эта фраза дает ясное понятие, что вся масса Болгарского народа в это время говорила чистым славянским наречием, что было бы совершенно невозможно, если предположить, что Болгаре были одного происхождения с Уграми, или с Турками.

Но если Болгаре были Славянами, то могут спросить нас: почему же они с самого начала не названы Славянами в источниках? Ответим то же самое, что говорили в своих рассуждениях о Руси, т. е. Болгаре, как и Русь, сами себя Славянами не называли. Это имя перешло к ним впоследствии, когда название Славяне стало обобщаться, т. е. из видимого делалось родовым. Первоначально Славянами (собственно Склавинами) называлась часть Дунайских и Иллирских племен, соседних с Римской империей (Словинцы или Хорутане). От ближайших соседей потом средневековые латинские и византийские писатели перенесли это видимое имя и на другие народы, т. е. на те, которые были родственники Склавином. Отсюда произошло обобщение данного имени, которое Славяне осмыслили, т. е. Склавов обратили в Славов. Что это обобщение произошло путем собственнокниж-

ным, доказывает существующее доселе у большинства славянских народов неведение того, что они принадлежат к Славянам, и если они узнают о том, то только из книг. Мало того, что Болгаре не называли себя Славянами; но без всякого сомнения они говорили наречием, которое было отлично от языка Славян, еще прежде них обитавших на Дунае; ибо Болгаре были едва ли не самая восточная славянская ветвь. Без сомнения, она имела многие особенности в произношении сравнительно с отдаленными от нее Славянами югозападными. Между ними отношение было приблизительно такое же, какое между Готами, т. е. восточнонемецкой ветвью, и Франками или Алеманами, т. е. западнонемецкими племенами. Различие в языке между Готами и Алеманами или между нынешними Шведами и Немцами было более сильное, чем между восточными и западными Славянскими народами. Сами Готы в средневековых источниках не называются ни Тевтонами, ни Германами; отсюда, однако, не следует, чтобы Готы принадлежали к иной, не Немецкой группе народов.

Переселение восточнославянского народа на Дунай в соседство с Славянами югозападной ветви и объясняет, почему на Балканском полуострове явились рядом два такие славянские наречия, как Сербское и Болгарское. Странно, что филологи, толкующие о туркофинском происхождении, всего менее при этом обращали внимание на Болгарский язык. Откуда же взялся этот древнеболгарский или церковнославянский язык, столь цельный, гибкий и богатый? Некоторая порча и изменения в этом языке начались собственно не со времени поселения Болгар за Дунаем, а с приливом народов действительно тюркских. Последователи ТюркскоФинской теории, пытаясь опереться на филологию, более всего погрели против этой науки: указывая несколько непонятных для себя имен и слов, они совсем упустили из виду язык народа.

В заключение подведем итоги своего исследования, в пользу славянского происхождения Дунайских Болгар, против ТюркоФинской теории Энгеля, Тунмана, Шафарика и их последователей:

1. У византийских писателей VI века Болгаре называются или общим именем Гуннов или частными именами Котрагуров, Утригуров, Ультинзуров и пр. У писателей VIII и IX вв. они называются смешанно то Гуннами, то Болгарами. У последних писателей является легенда о разделении Болгар между пятью сыновьями Куврата и расселении их в разных странах только во второй половине VII века. Немецкая и Славянская историография приняла эту легенду за исторический факт, т. е. отнеслась к ней без надлежащей критики, и на ней основала начальную историю Болгар; тогда как их предыдущая история и их движения на Дунай рассказаны писателями VI века (Прокопием, Агафием и Менандром), но только они не употребляют имени Болгаре, Одним словом, новейшая европейская историография вместо того, чтобы разъяснить путаницу народных имен в средневековых источниках, увеличивала ее своими искусственными теориями. Она упустила из виду ясно обозначенную в источниках родину Болгарского народа, т. е. Кубанскую низменность; не заметила существования Болгар Таманских и Таврических с IV до X века включительно (т. е. с появления Утургуров до известия о т. наз. Черных Болгарах), а связывала Дунайских Болгар непосредственно с Камскими и производила первых от последних. Так как коренные Гунны принимались до сего преимущественно за племя Угрофинское, а Камские Болгаре тоже считаются Финским народом, то историография объявила Финнами и Болгар Дунайских. Но Болгаре вообще не были ни Турками, ни Уграми; а вопрос о коренных Гуннах и смешанная народность Камских Болгар еще недостаточно разъяснены. Есть поводы думать, что последние были славяноболгарской ветвью, постепенно утратившей свою народность посреди туземных татаро-

финских племен. (Признаки ее славянства отразились особенно в арабских известиях X века³.)

2. Доказательства в пользу Финского происхождения, основанные на сравнении народных нравов и обычаев, не выдерживают никакой критики. Это или черты общие разным языческим народам, или прямо родственные с другими Славянами, и преимущественно с восточными. Но что более всего противоречит помянутой теории, это быстрое и коренное превращение Дунайских Болгар в Славян, превращение, противоречащее всем историческим законам. Если бы Болгаре были Финны, то они не могли бы так легко усвоить себе народность покоренного племени, и тем более что Болгаре были не только господствующий народ, но и сильный, многочисленный народ. Притом же в близком соседстве с ним находились действительно финские народы, каковы Магьяры, которые неизбежно должны были подкрепить народность Болгар, если бы она была Финской. (Одного существования Магяров довольно для того, чтобы опровергнуть всю искусственную теорию финноманов.) Вместо того мы видим, что с утверждением Болгар на Балканском полуострове славянский элемент получил здесь могущественное подкрепление, и началась сильная славянизация византийских областей. С другой стороны если мнимо туранские Болгаре так быстро ославянились, будучи господствующим народом, то почему же вместе с ними не ославянились находившиеся под их владычеством Валахи или Румыны? Или: почему же Болгаре не орумынились, а ославянились?

3. Попытки финноманов подтвердить свою теорию филологическими данными, преимущественно личными именами древних Болгар, также обнаруживают недостатки их критических приемов и особенно недостатки сравнительно-исторической филологии. Толкование данных имен отличается произвольным, односторонним и поверхностным характером. Имена дошли до нас большей частью в иноземной передаче, в искажении, без определенного их произно-

шения. Притом личные имена легче всего переходили и заимствовались одним народом у другого. Вообще это не всегда надежный элемент для определения древних народов. Наконец в большинстве случаев есть возможность, при ближайшем рассмотрении отыскать славянские основы в болгарских именах. Отсутствие скольконибудь заметной финской стихии в языке Болгарского народа явно противоречит теории финноманов. А цветущая древнеболгарская или церковнославянская письменность, которой Болгаре наделили и другие Славянские народы, окончательно уничтожает эту теорию.

По поводу этого исследования считаем необходимой следующую оговорку относительно того, что у нас называется собственными или коренными Гуннами. Мы пока не касались господствующего теперь в науке мнения об их Угрофинской народности; ибо считаем этот вопрос нерешенным, т. е. подлежащим всестороннему и тщательному пересмотру. Что в известном толчке, породившем Великое переселение народов, мог участвовать какойлибо угорский элемент, мы пока не отвергаем; но не даем ему важного значения. По многим признакам, главная роль в этом толчке принадлежала именно народам СарматоСлавянским, и преимущественно Болгарам. Представляется вопрос: кому первоначально принадлежало само имя Гунны? Очень возможно, что оно с самого начала принадлежало Славянам Болгарам, и от них уже перенесено грекоримскими писателями на некоторые другие народы, а не наоборот. Этого вопроса в настоящем исследовании мы не берем на себя решить окончательно. Пересмотрев вопрос о Болгарской народности, мы пришли к убеждению, что историки и филологи сильно погрешили против нее, считая ее неславянской. Этих выводов вполне достаточно для нашей задачи (имеющей в виду собственно Русскую историю). Не желая отвлекаться от своей задачи, мы оставили пока в стороне специальное переисследование вопроса о Гуннах IV века, о царстве Аттилы и его собствен-

ных элементах. Это вопрос, достойный того, чтобы над ним попытал свои силы ктолибо из молодых и даровитых русских ученых. Но каково бы ни было его решение, оно, надемся, не изменит наших главных положений, т. е., что Болгарская народность была чисто славянской, и племена Болгарские, оставшиеся в южной России, играли видную роль в начальной Русской истории и наряду с другими южнорусскими Славянами участвовали в образовании великой Русской нации⁴.

1 Приведем эту вставку вполне: "Авитохол жил лет 300. Род ему доуло, а лет ему дилом твирем. Ирник жил лет 100 и 8; род ему доуло, а лет ему дилом твирем. Гостун наместник сын 2 лета, род ему Ерми; а лет ему дохе твирем. Коурт 60 лет держа, род ему доуло, а лет ему шегор вечем. Безмер 3 лета, а род ему доуло; а лет ему шегор вечем. Сии пять князь держаша княжение обону страну Доуная лет 500 и 15 с остриженями главами. И потом приде на страну Дуная Исперих князь тожде и доселе. Есперих князь 60 и одно лето, род ему доуло, а лет ему вереиналем. Тервел 20 и 1 лето, род ему доуло, а лет ему текоучетем твирем. 20 и 8 лет, род ему доуло, а лет ему двеншехтем. Севар 15 лет; род ему доуло, а лет ему тохалтом. Кормисош 16 лет; род ему вокиль, а лет ему шегор твирим. Сии же князь измени род доулов, рекше вихтун винех; 6 лет, а род ему оукиль ему имяше горалемь. Телец 3 лета, род ему оугаин; а лет ему сомор алтем. И сии иного род оумор, 40 дней, род ему оукиль, а ему дилом тоутом".

2 В пример неудачной филологии финноманов упомяну еще о доказательствах Рослера. В своей книге о Румунах он посвящает особую статью происхождению Болгар, где развивает ТюркоФинскую теорию и старается подкрепить ее новыми филологическими соображениями. По этому поводу он предлагает следующий, повидимому, весьма тонкий, прием. В Румунском языке встречаются слова, очевидно финского происхождения: а так как Румуны в течение нес-

кольных столетий жили в Мизии посреди Болгар, откуда потом постепенно перешли в северную сторону Дуная, то эти финские слова будто бы суть ни более, ни менее как именно те элементы, которые вошли в Румунский язык из древнеболгарского. Он предлагает примеры некоторых слов, которые сближает с угорскими, остякскими, самоедскими, эстонскими и пр. Но такое, повидимому, тонкое соображение не выдерживает ни малейшей критики. Начать с того, что само исследование Рослера о происхождении Румунского народа, при всех внешних признаках учености и добросовестности, по большей части построено на довольно шатких основаниях.

В одном из заседаний Московского Археологического общества, именно в Марте 1871 года, я имел случай высказать свое мнение о происхождении Румунского народа. В основу его легло племя Даков; следовательно, вопрос сводится к следующему: к какой семье народов принадлежали Даки? Я представил свои соображения в пользу того мнения, что Даки, по всей вероятности, были племя Кельтическое. Я прибавил, что Румунская народность в бурную эпоху великого переселения, открывшегося движением Гуннов и закончившегося поселением на Дунае Болгар и Угров, сохранилась преимущественно в горных убежищах Седмиградии, а отсюда, после перехода главной массы Болгар за Дунай, Румыны снова колонизовали равнинную часть древней Дакии, т. е. северную сторону Дуная (См. Древн. Моск. Арх. Об. т. III. вып. 3). Потом мне случалось прочесть книгу Рослера, *Romanische Studien*, которая вышла в том же 1871 году. Он доказывает, во первых, что Даки были племя Фракийское; во вторых, что Румунская национальность во время переселения народов сохранилась на юге от Дуная, откуда она потом колонизовала его северную сторону. Здесь не место входить в разбор его доказательств: но мне они показались настолько слабы, что не изменили моего мнения. Таким образом, слова из Румунского лексикона, которые он считает

древнеболгарскими, я предлагаю объяснить соседством с другим народом, действительно финского происхождения, т. е. с Мадырами, и особенно чересполосным сожительством с ними в Седмиградии.

В языке Румун конечно существуют многие следы действительно болгарского, т. е. славянского влияния. Замечательно, что Рослер изощряется иногда толковать финским происхождением слова, очевидно славянские. Напр., волошское *lorata* и болгарское *лопата*, в значении весла, он производит от остяцкосамоедского *lap* (254). Но и в Русском мы имеем слово *лапа* с его производными *лапоть* и *лопата*. Или Румунское *tete* сестра он сближает с самоедским *tati* младшая жена (256); но мы имеем слово *тетя*, *тетка*, которое означает сестру отца или матери. Далее румунское *circubeu* радуга Рослер сближает с остяцким названием радуги *raiĵogot*, что значит лук грома, и с самоедским *Mumbanipokrov* Нума или собственно покров медведя. С помощью разных натяжек он пытается доказать, что *circubeu* имеет почти то же самое значение, следовательно представляет отрывок из древней самоедской мифологии (256259), а отсюда прямой вывод: Дунайские Болгаре есть ветвь Остяцко-Самоедская! Более произвольных филологических сближений и выводов, по нашему мнению, трудно и придумать. Здесь особенно оригинально то, что толкователь, объясняющий финский элемент в Румунском языке болгарским влиянием, не указывает никакой финской стихии в самом Болгарском языке. Но вместо разностороннего, научного анализа, подобные толкователи идут от предвзятой идеи, т. е.: так как древние Болгаре были Финны, то и т. д.; а потому в своих натяжках и выводах они доходят иногда до наивного.

3 Теперь, когда мы знаем, что древней родиной Болгар была страна между Азовским морем и Нижней Волгой, что это был народ Славянского корня, для нас получают смысл те арабские известия о Камских Болгарах, которые казались странными и несовместными с Тюркофинской теорией. Так,

ИбнФадлан, лично посетивший Камскую Болгарию в первой половине X века, постоянно называет царя болгарского "царем Славян", город Болгар "городом Славян", и весь тот край "страною Славян". ИбнХордадбег называет Волгу "Славянской рекою". А по известию Димешки, Камские Болгаре сами считали себя народом, смешанным из Турок и Славян. Более поздние мусульманские писатели также отличают Болгар от других туземных племен, например, от "диких" Башкир и Мещеряков (см. Березина Булгар на Волге). Если бы ВолжскоКамские Болгаре были Финского происхождения, то они легко слились бы с местными угорскими племенами и образовали бы довольно плотную, однородную национальность. Однако этого мы не находим. Очевидно угротюркские элементы подавляли своей массой элемент болгарославянский, но не могли его совершенно усвоить. В свою очередь болгарославянский элемент, положивший начало государственному быту в том краю, был слишком слаб численно и слишком изолирован от других народов (особенно с принятием ислама), чтобы ослабить туземные угорские и тюркские народцы. Эта борьба разнородных элементов и объясняет отсутствие определенного национального типа и недостаток прочности в государстве Камских Болгар, несмотря на довольно развитую гражданственность. Оно легко было стерто с лица истории наплывом Татарской орды. Но уже само существование промышленных, торговых городов и вообще способность к цивилизации обнаруживают, что высший слой населения не был чисто Финский.

4 Переисследование вопроса о Гуннах см. ниже.

БОЛГАРЕ И РУСЬ НА АЗОВСКОМ МОРЕ

Журнал М. Н. Пр. 1875 г. Январь и февраль

Гунны-Болгаре в Тавриде и на Тамани. - Соседство с Херсоном, Боспором и Готией. - Первый христианский князь у таврических Болгар. - Действие византийской политики

В IV веке по Р. Хр. почти прекращаются известия о самостоятельном Боспорском царстве, существовавшем на обоих сторонах Керченского пролива, в конце X века на тех же местах, по нашим летописям является русское Тмутарканское княжество. Откуда взялось это княжество, и какие были судьбы Болгарского края в течение периода, обнимающего пять или шесть веков? На эти вопросы доселе не было почти никакого ответа. В другом месте мы объясняем, что после изгнания Ост-Готов из Южной России часть Болгар, именно Кутургуры, двинулась за ними и заняла страну между Днепром и Дунаем, а другая часть, то есть Утургуры, осталась на обеих сторонах Азовского моря и в восточной части Крыма (см. выше: О славян. происхож. Дунайск. Болгар). Эти Утургуры на севере, по замечанию Прокопия, граничили с бесчисленными племенами славянских Антов. На юге, кроме Херсонских Греков, соседил с ними небольшой остаток Готов Тетракситов, которые заняли горную область Южного Крыма, известную под именем Дори. Благодаря горам, эти Готы отстояли себя от окончательного истребления со стороны Болгар Утургуров.

По словам Прокопия они после отчаянной войны заключили союз с своими врагами, но, очевидно, союз не совсем искренний: Готы отстаивали себя не одним оружием, но и хитрою политикой. Они отдались под покровительство Византии; отправляя к Юстиниану I посольство с просьбой о назначении им нового епископа, они советовали императору поддерживать распри между соседними варварами, то есть, между Кутургурами и Утургурами. Но поддержание подобных распрей и без того было обычною политикой Византии. Во время нашествия Кутургуров на империю в 551

году, по просьбе Юстиниана, Сандилк, князь Утургуров, пошел на своих родичей; он присоединил к своему войску 2000 Тетракситов. Отсюда можно заключить, что последние, признавая над собой покровительство Византии, в то же время играли иногда роль подручников и по отношению к своим сильным соседям Болгарам Утургурам.

Итак, в первой половине VI века, мы встречаем утургурские поселения примыкающими к Азовскому морю с его восточной, южной и отчасти западной стороны. Сосредоточием их являются преимущественно берега пролива, то есть главная часть древнего Боспорского царства, которому они очевидно нанесли окончательный удар. На восточной стороне пролива они завладели Фанагорийским или Таманским островом и его городами, которые, как известно, вели свое происхождение от древних греческих поселенцев. Завоевания эти, по обычаю варваров, сопровождались разрушением и опустошением. Прокопий называет два города, именно Кипы и Фанагорию, которые были разрушены варварами; но и другие, менее значительные города, конечно подверглись той же участи. По крайней мере, впоследствии мы видим, что здесь только один пункт получил некоторое значение в истории: это Таматарха или Тмутракань наших летописей, очевидно, возникшая на месте разоренной Фанагории. На другой стороне пролива находилась бывшая столица Боспорского царства, Пантикапея, у византийских писателей известная более под именем Боспора. Этот знаменитый город, благодаря своим укреплениям, некоторое время оборонял себя от напора Гуннов Утургуров; наконец, чтобы не попасть в руки варваров, он поддался Византии. Подчинение это, по словам Прокопия, относится ко времени императора Юстиниана I; "а до того времени Боспориты управлялись собственными законами" (*De Bell. Pers L, cap. 12*) Нет сомнения, что варвары пытались завладеть всем Таврическим полуостровом; однако Византия успела отстоять от них не только Херсонес и Пантикапею, но и некоторые укреплен-

ные пункты на восточном берегу, каковы Гурзуф и Алустон (их называет Прокопий; но были, вероятно, и другие, которых он не называет, например, Сугдея). За исключением таких пунктов, восточное побережье Таврики, по словам Прокопия, было занято варварами, и преимущественно Гуннами, то есть Болгарами-Утургурами (De V. Goth. L. IV, с. 18).

Главная причина, почему остановились успехи Болгар, и они не могли овладеть всем Таврическим полуостровом, заключалась, конечно, в том, что они не имели единства. Борьба с Ост-Готами, очевидно, соединила их; но по окончании этой борьбы они снова разделились и распались на отдельные роды, находившиеся под управлением своих мелких князей. Тогда не замедлила возыметь свое действие обычная политика Византии - сдерживать соседних варваров, посевая между ними раздоры (наследованное от древнего Рима: *divide et impera*). Императоры заключали отдельные союзы с князьями варваров против их же соплеменников; осыпали их подарками; а относительно наиболее сильных князей эти подарки нередко обращались в постоянные и ежегодные, так что имели вид дани. Иногда византийской политике удавалось поставить этих варваров в вассальные к себе отношения. Византия пользовалась их силами в своих внешних войнах, то есть нанимала их дружины в свою службу. Первое упоминание о найме болгарских дружин на Таврическом полуострове относится также ко времени императора Юстиниана I. Прокопий в своей Персидской войне (L. I, с. 12) рассказывает следующее: Гурген, князь кавказской Иверии, угрожаемый персидским царем Кабадом, обратился с просьбой о помощи к императору Юстиниану. Тогда последний отправил в Боспор Киммерийский с большою суммою денег патриция Проба, который должен был нанять войско из Гуннов, обитавших между Херсоном и Боспором. Проб исполнил свое поручение, и Юстин часть этого войска отправил с другим военачальником в Лазику на помощь Гургеню. Особенно видную роль

играли болгарские наемные дружины в войнах Византии во времена Юстиниана I. Велизарий немало был обязан им своими успехами в Азии, Африке и Италии. Эти дружины вербовались в странах приазовских и придунайских, следовательно между ветвями Болгарского народа, Кутургурами и Утургурами.

Для укрощения варваров на помощь Византии вскоре является могущественный союзник, греческая религия. Византия ревностно исполняла свое высокое призвание на востоке - распространять христианство. Отчасти по духу Греко-восточной церкви, отчасти по недостатку материальных средств, она в этом отношении составляла совершенную противоположность с западной или Латинской империей, которая со времени Карла Великого вводила христианскую религию между языческими племенами преимущественно силою меча. Византия же более действовала проповедью и притом проповедовала на языке туземцев; кроме того, она старалась привлекать к христианству варварские племена блеском своей цивилизации, особенно великолепием своего церковного обряда, красотой храмов, дорогими подарками, приветливым обхождением и т. п. Известны наши летописные предания о том, как Греки, при заключении договора с Олегом, показывали русским послам свои храмы и царские палаты, и как потом послы Владимира были поражены великолепием Софийского собора и патриаршего служения. Но подобное гостеприимство не было оказано одним Русским; это была обычная политика Византии по отношению к соседним языческим народам. Различие в латинском и греческом способах распространять христианство имело своим главным последствием и то обстоятельство, что народы, принявшие веру от Византии, получили Священное Писание на родном языке; вместе с тем у них начала развиваться и своя собственная письменность; тогда как народы, обращенные западными миссионерами и признавшие свою духовную зависимость от Рима, получали латинское богос-

лужение и латинскую письменность. Известно также, что и начало национальной немецкой письменности, то есть перевод священного писания на готский язык, который приписывают Ульфиле, епископу IV века, принадлежит именно восточной половине Римской империи, а не западной.

Первое упоминание о христианстве между таврическими Болгарами относится к тому же знаменитому царствованию Юстиниана I. Начало же христианской проповеди на Таврическом полуострове восходит к I веку по Р. Хр. Предание говорит, Апостол Андрей из Синопа приезжал в Херсон и здесь проповедовал христианство. Затем во времена Траяна прославился своею апостольскою деятельностью сосланный сюда римский епископ св. Климент, который и был здесь утоплен по приказанию императора, за свою проповедь. Христианство медленно возрастало и укреплялось на полуострове и должно было выдерживать упорную борьбу с эллино-скифскою религией. Последователи его принуждены были скрывать свое богослужение в пещерах и катакомбах. Но со времени Константина Великого появились здесь открытые христианские храмы, и успехи проповеди пошли быстрее. Впрочем, христианство и эллино-скифское язычество и после того долго еще жили рядом в этих главных пунктах. В Херсонесе христианство восторжествовало ранее; а на Боспоре оно, по всей вероятности, окончательно утвердилось только с присоединением к Византийской империи, то есть в первой половине VI века. В это же время христианская проповедь начинает проникать и в среду соседних Гуннов-Болгар. Кроме влияния Херсона и Боспора, на них мог, конечно, действовать и пример соседних Готов-Тетракситов. Известно, что христианская религия распространилась между Готами первоначально в форме арианской ереси; к этой эпохе принадлежит деятельность их епископа Ульфилы и перевод Священного Писания на готский язык. Получили ли христианство таврические Готы от своих арианских соплеменников, или непосредственно из соседнего

Херсона - в точности неизвестно; но последнее имеет более вероятности. В первой половине VI века у них встречаем уже собственного епископа. По поводу его смерти и готского посольства в Константинополь Прокопий заметил следующее: "Были ли эти Готы когда-либо арианской секты, подобно прочим арианским народам, или какой другой - я не могу утверждать". Отсюда прямое заключение, что в его время они были православными; да иначе они не обращались бы к Юстиниану с просьбой о назначении им нового епископа. Следовательно, таврические Болгаре с разных сторон соприкасались православному населению, и византийское влияние не замедлило отразиться на них в деле религии.

Вскоре после воцарения Юстиниана I, именно в 528 году, князь Гуннов, соседних с Боспором, по имени Гордас, лично отправился к императору для заключения с ним союза и для принятия святого крещения. Император был его восприемником от купели и почтил дарами. В свою очередь князь обещался охранять от варваров римские владения, особенно город Боспор, и кроме того доставлять известное количество рогатого скота; следовательно, в сущности признал себя вассалом и данником Византии¹. Император послал еще некоторое количество войска под начальством военных трибунов для защиты Боспора от Гуннов и для собирания с них означенной дани рогатым скотом. "В этом городе, - прибавляют византийские историки, - значительная торговля Римлян с Гуннами". Приведенное свидетельство представляет для нас несомненную важность. Во-первых, само прозвище гуннского князя, Горд или Гордый, обнаруживает, что дело идет о Болгарах славянских (так называемых Гуннах-Утургурах²). Во-вторых, путешествие Горда в Византию - и конечно, с значительной свитой - указывает на морские плаванья таврических Гуннов, следовательно, подтверждает их славянский, а не угротюркский характер. В истории нашего христианства князь Горд является предшественником рус-

ской княгини Ольги, которая почти по тому же поводу предпринимала плавание в Византию. Следовательно, ко временам Ольги подобные путешествия вошли уже в некоторый обычай у восточных Славян.

Но этот первый христианский князь таврических Болгар имел печальную судьбу, по известию тех же византийских летописей. Когда Горд воротился в свою страну, то он начал не только открыто исповедовать новую религию, но и принялся истреблять языческие идолы, которым поклонялись Болгары; а те, которые были сделаны из серебра и электрона, он приказывал расплавлять. Но язычество было еще очень крепко в народе, и уничтожение идолов возбудило его к мятежу. По всей вероятности, к религиозной ревности присоединилось еще и неудовольствие на князя за вассальное подчинение Византии и за обязательство платить ей дань. Мятежники убили князя и преемником ему поставили его брата Моагера. Вслед за тем, опасаясь мщения со стороны Римлян, занимавших Боспор, они внезапно напали на этот город и избили византийский гарнизон с трибуном Далматием. Но Болгаре на этот раз недолго владели Боспором. Император отправил против них и морем, и сухим путем многочисленные войска, набранные "из Скифов" (конечно, главным образом, из Славян). Очевидно, он решился употребить большие усилия, чтобы смирить таврических Болгар и упрочить свою власть в таком торговом и стратегическом пункте, каков был Киммерийский Боспор. Усилия его увенчались успехом. Варвары, уstraшенные вестью о приближении сильного войска, покинули город, и Византийцы окончательно в нем утвердились. По-видимому, Боспориты или Пантикапейцы, признавшие над собой верховную власть императора Юстиниана I, чтобы иметь защиту от варваров, до этого времени еще сохраняли тень своего самоуправления; а теперь они должны были подчиниться византийским начальникам. Тогда же вероятно и были восстановлены Юстинианом обветшалые стены Боспора; импе-

ратор, по словам Прокопия, укрепил его преимущественно перед другими своими городами в Тавриде 3 .

Упомянутые события относятся к первой, то есть блестящей эпохе Юстинианова царствования, которая отличалась энергичной, многосторонней деятельностью государя и громкими подвигами его легионов. Не то видим во вторую половину этого царствования (явление довольно обычное в истории; для сравнения достаточно напомнить Людовика XIV). Когда Юстиниан устарел, упала его энергия; вместе с тем возросли, конечно, подозрительность и ревность к людям, выдвигавшимся своими талантами и заслугами; на место их получили влияния люди неспособные в государственном отношении, но умевшие тонко льстить. Историк Агафий говорит, что упадок деятельности особенно был замечен в военном деле, которое не замедлило прийти в расстройство; вместо 645 000, которые должны были находиться под знаменами по положению, армия византийская в это время едва насчитывала 150 000 человек для защиты своих пределов, и эти войска были разбросаны на весьма отдаленных друг от друга пунктах, именно на Дунае, в Италии, Испании, Нумидии, Египте, на Персидской границе и на восточном берегу Черного моря. Это обстоятельство, конечно, не замедлило отразиться на отношениях империи к северным варварам, и преимущественно на отношениях к обеим ветвям Болгарского народа, то есть Кутургурам и Утургурам. Первые усилили свои набеги на империю; тщетны были те многочисленные укрепления, которыми Юстиниан покрыл берега Дуная. Болгаре массами врывались в Мизию и Фракию, и особенно пользовались для своих нашествий тем временем, когда Дунай замерзал.

В эту вторую эпоху своего царствования Юстиниан усилил обычные приемы византийской политики по отношению к варварам; он откупался золотом от врагов, а также золотом приобретал себе между ними союзников и вооружал одних варваров на других. Самые значительные втор-

жения Кутургуров, как известно, произошли в 551 и 559 годах. Хотя оба раза эти варвары подверглись нападению своих единоплеменников Утургуров; однако их междоусобия не могли вознаградить императора за те бедствия и опустошения, от которых страдала империя, и никакие крепости, никакие союзы не могли заменить сильных и хорошо устроенных легионов, которые должны были охранять ее северные пределы. В союзе с Византией в эту эпоху снова усиливается восточно-болгарское племя, то есть Утургуры. Таврические и таманские Болгаре составляли только часть этого племени; жилища других его ветвей, повидимому, простирались тогда на запад приблизительно до Днепра, где они соприкасались с землями Кутургуров. Между тем как у последних из числа вождей выдвигался особенно Заберган, во главе утургурских князей является в то время Сандил или Сандилк (по нашему предположению то же, что Судило, Судилко, Судислав). Прокопий замечает, что это был муж, одаренный замечательным разумом, большой твердостью духа и весьма опытный в военном деле (De B. G.L. IV с. 18). Под его начальством Утургуры взяли верх над своими соплеменниками и заняли отчасти их земли; таким образом некоторые их ветви отодвинулись далее на запад. Враждуя между собой, Болгарские племена в то же время по некоторым признакам приходили в столкновение и с другими Славянскими народами, особенно с многочисленными племенами Антов, обитавших к северу от Болгар. Кроме того, они, вероятно, сталкивались и вели войны с Угорскими ордами, кочевавшими тогда в степях Поволжских. Растяжением болгарских ветвей и их взаимными распрями вскоре воспользовались другие варвары, надвинувшие с востока. Мы говорим о Хазарах и Авах.

Но что это были за варвары, и к какой семье народов они принадлежали?

1 Феофан, Анастасий и Кедрен. Замечательно, что, по известию тех же историков, около того же времени принял

крещение от императора Юстиниана князь придунайских Герулов Гретис с своими приближенными и обязался почти теми же условиями (Мет. Рор. I. 430). Очевидно, ко всем соседним варварам Византия прилагала одинаковые политические приемы.

2 Что это имя чисто славянское, доказывают русское Гордята ("Гордятинъ дворъ". Лавр. 54 стр. нов. изд.) и встречающийся у Византийцев военачальник из варваров (Славян) Всегорд (Agathias III. 6.) Болгарин Гръд в XIV в. (Иречек 338 стр.), у Византийцев GridoV. Последнее имя в наших старых актах встречается в форме Гридя.

3 Что действительно Византийцам только в это время удалось окончательно подчинить себе Боспор, видно из следующего известия Прокопия в его "Персидской войне" (L. II Cap. 3). В 540 году Армяне, отпавшие от союза с Византией и перешедшие на сторону Персов, жалуясь Персидскому царю на Юстиниана, между прочим, говорили, что он, "пославши войско на Боспоритов, подчиненных Гуннам, присоединил к своим владениям их город, на который не имел никакого права". Судя по этим словам и той легкости, с какой Болгаре захватили город и истребили византийский гарнизон, можно предложить вопрос: не сами ли Боспориты или Пантикапейцы помогали им в этом случае? Может быть, у них была антивизантийская партия, недовольная образом действий Византии. Не надобно также забывать, что в данную эпоху население этого города было более варварское, нежели эллинское

II

Сбивчивые мнения о Хазарах.- Пришлый турецкий элемент и туземный хазаро-черкесский. - Двойственный состав Аварского народа из Гуннов и Авар. - Отношения к Антам и Болгарам

Если обратимся к начальным судьбам Хазар, то относительно их найдем в исторических сочинениях почти такую же путаницу понятий, какую находим по отношению к Болгарам. Историю Болгар обыкновенно начинают с половины VII века, то есть со времени Куврата и мнимого их разделения между его сыновьями, под предводительством которых они будто бы разошлись в разные стороны. При этом упускают из виду весьма простое обстоятельство, а именно, что Болгаре за долгое время выступили на историческое поприще, уже давно разветвились на разные части (Кутургуры, Утургуры, Ультинзуры и пр.) и заняли большое протяжение земель. То же недоразумение по недостатку исторической критики повторилось и относительно Хазар. Историю последних обыкновенно начинают со времени императора Ираклия, когда они являются его союзниками в войне с персидским царем Хозроем, то есть с 626 года, и к этому именно времени приурочивают известие византийских писателей Феофана и Никифора о том, что Хазары пришли из "внутренней Берилии" или "Берзелии". Без всякой проверки повторялось свидетельство тех же писателей, что Хазары только во второй половине VII века наложили дань на часть Болгар, которая осталась за Азовским морем, или на уделе Батбая, старшего Кувратова сына. А между тем почти за 60 лет до упомянутого союза с Ираклием более ранние византийские писатели повествуют о вторжении в Европу новых завоевателей, именно Турок, пришедших из-за Каспийского моря и покоривших некоторые народы Юго-восточной Европы, в том числе и Болгар Утургуров. Замечательно, что в данном случае вводили в заблуждение те же писатели, которые баснословят о Болгарах, то есть, Феофан и Никифор; у них впервые встречается и само название Хазар. Впрочем, вместе с тем они называют их и "восточными Турками".

Известно, что народность Хазар до сих пор составляет вопрос в европейской историографии. Некоторые писатели

считают их народом турецким или татарским; большинство относит к финскому семейству и считает соплеменниками Угров; третьи называли их предками Черкесов (Сум, датский ученый прошлого столетия); четвертые, наконец, считали их Славянами (Венелин). Сличив по возможности разные известия об этом народе, мы пришли к следующим выводам.

Около половины V века произошло второе великое движение Гуннских народов на восточную Европу. (Первое было произведено в IV веке.) Начало этого второго движения восходит, впрочем, к половине V века; судя по известию Приска, византийского писателя того же века, какой-то закаспийский народ потеснил Авар и другие приволжские и прикавказские племена. (Excerpta de Legationibus.) Затем в течение почти ста лет византийские историки молчат об этом народе, пока в VI веке он не выступил, под именем Турок, в качестве нового завоевателя Юго-восточной Европы. Около этого времени в среде кочевников алтайских и Северного Туркестана, по всей вероятности, произошли те же перевороты, которые в XII веке совершились в среде родственных им и еще далее к востоку обитавших татаромонгольских орд, то есть, возвышение какого-либо ханского рода и объединение под его верховенством значительной части турецких племен. А следствием этих переворотов были такие же движения на юг и запад. В южных областях Аму и Сыр-Дарьи некогда процветала греко-бактрийская цивилизация, и существовали еще богатые промышленные города. На юг распространение турецкого владычества повидимому, не пошло далее Туркестана, потому что встретило отпор со стороны сильного в то время Персидского государства. Но на запад от Каспийского моря Турки не нашли ни одного организованного противника, а только разноплеменные народы, разделенные на мелкие владения и враждебные друг другу; а потому их завоевания вскоре распространились от Каспийского моря до Кавказа и берегов Азовско-Черно-

морских. Завоевания эти перешли за Кавказ и проникли до Армении; но и в той стороне они столкнулись с теми же Персами. Хотя Турки делились на разные орды, под управлением особых ханов, однако первое время все они подчинялись великому хану, жившему в Туркестане. Это единство продолжалось недолго. Тут мы встречаем то же самое явление, которое видим впоследствии в истории татаро-монгольского ига. Турки, поселившиеся между Каспийским и Азовским морями в VI веке, составили особый хаганат, сосредоточием которого сделался потом город Итиль, лежавший в нижнем течении реки Итиля, то есть Волги. Этот хаганат с городом Итилем был прямым предшественником Золотой орды с ее столицей Сараем. С VII же века он сделался известен преимущественно под именем царства Хазарского. Турки хазарские, подчинив себе многие города и оседлые населения, сами сделались народом полуоседлым. А те орды, которые в своем движении с востока остановились в степях Яицких и Волжских, продолжали вести прежний кочевой образ жизни; они встречаются потом в истории под разными именами, преимущественно Печенегов, Узов и Куманов (Половцев). Печенеги сделались известны своими набегами на Хазарское царство, основанное их соплеменниками.

Итак, Хазарское царство основано собственно турецким племенем; в этом едва ли может быть сомнение. Но почему же оно стало называться Хазарским? Было ли принесено это имя из Средней Азии турецкими завоевателями, или оно было туземное?

Если мы не ошибаемся, оно принадлежало не пришлым Туркам, а туземному прикавказскому народу.

Не восходя ко временам более отдаленным, в которых можно найти это имя, укажем на двух писателей V века: армянского историка Моисея Хоренского и греческого Приска. Моисей Хоренский упоминает о нашествии на армянские владения Хазиров, народа, обитавшего на северной сто-

роне Кавказских гор, и это нашествие относит к концу II или началу III века по Р. Х. (см. в переводе Эмина, стр. 134). Государя Хазиров Моисей Хоренский называет хаканом, словом, которое вообще означает у него владыку (*ibid.* 309)¹. Греческий современник армянского историка, Приск говорит о скифском народе Акацирах или Кацирах, обитавшем за Азовским морем около Кавказских гор. По его словам, этот народ управлялся многими князьями; старший из них, по имени Куридах, находясь в распре с другими, признал Аттилу судьей этих распрей и помог Гуннам подчинить себе народ Акацирский. Хотя зависимость эта окончилась при сыновьях Аттилы, но подобно соседним Болгарам, Акациры с того времени причислялись византийскими писателями к народам гуннским. В своем описании Скифии Иорнанд также упоминает храброе племя Акациров, которых помещает соседями Болгар, хотя, очевидно, не имеет точного представления об их географическом положении. По разным признакам Кациры и Казиры было одно из черкесских племен.

Около Каспийского моря византийские писатели помещают народ Ефталитов или Белых Гуннов, которые играли важную роль в войнах Византийцев с Персами, большею частью как союзники последних. По словам Прокопия, они отличались от других Гуннов более белым цветом кожи и более красивой наружностью. По словам Менандра, какой-то знатный Ефталит, по имени Каткульф, мстя своему государю за бесчестие жены, предал своих соплеменников Туркам. Это произошло в 560-х годах. Вслед за тем Турки покорили некоторые прикавказские народы, между прочим принуждены были платить им дань и азовско-черноморские Болгаре или Утургуры, ослабленные внутренними раздорами и удалением на запад значительной части своего племени. У византийских писателей VIII и IX века завоеватели этих народов являются иногда под своим названием Турок; но преимущественно они именуются Зазарами, то есть на

них перешло имя покоренного ими черкесского народа Хазаров. Следовательно, то, что мы привыкли понимать под словом "Хазары", в период приблизительно от VII до XI века, не представляло собственно одного определенного племени. Это было государство, составленное из разных народностей. Тут находились, во-первых, истые Турки, пришедшие из-за Каспийского моря, потом племена мидосарматские или черкесские, некоторая часть восточнославянских народов и некоторые орды угорские, кочевавшие в степях Волги и Дона. Кроме того, в городах этого царства рассеяно было значительное количество еврейского населения. Довольно продолжительное существование Турецко-Хазарского государства способствовало, конечно, некоторому смешению этих народов и их языков; по всей вероятности, здесь зарождались новые, переходные типы. Но прочной и однородной национальности здесь не выработалось; это отчасти и объясняет нам, почему впоследствии Хазарское государство сошло со сцены, не оставив никакого определенного этнографического типа в истории. Существование различных племен, не слившихся в один народ, объясняет нам и то замечательное разнообразие религий, которое мы встречаем здесь в эпоху процветания Хазарского государства. По некоторому родству языков, по образу жизни и по характеру турецкие завоеватели, поселившиеся главным образом около Нижней Волги, по всей вероятности, наиболее тяготели к народам Угорского племени. Но они неизбежно подверглись влиянию более одаренных и более развитых народностей славянских и особенно кавказских. Последний элемент, очевидно, взял верх над всеми другими с тех пор, как пришлые Турки отделились от своих среднеазиатских соплеменников и составили особое государство. Посредством своих женщин хазарский или черкесский элемент повлиял смягчающим образом конечно и на сам внешний тип турецких завоевателей 2 .

Одновременно с Турко-Хазарским государством, выступает на историческое поприще другой народ завоеватель, Авары. Хотя народность и история Хазар до сих пор остаются не выясненными, и известия о них очень мало разработанными критически, однако на их счет европейская историография имеет уже довольно богатую литературу. Назовем труды Стриттера, Сума, Лерберга, Френа, Доссона, Языкова, Григорьева, Дорна, Вивьенде-сен-Мартена, Бруна, Хвольсона и др. Но что серьезного или достойного внимания, кроме извлечений Стриттера из византийских историков, имеем мы для истории и этнографии Авар? Венелин в своей не оконченной (исходившей от предвзятой идеи) монографии об Обрах справедливо заметил: "Если перелистнем каталог всем историческим исследованиям, то найдем, что Обры или Авары почти совершенно забыты, вместе с их империей, несмотря на то, что почти всякий изыскатель или компилятор исторических сочинений, больше или меньше спотыкается об Аварскую империю или об Обрский народ". (Чтения Общества истории и древности 1847 г. No 3.) А между тем этот народ свирепствовал в Средней и Восточной Европе в продолжение 250 лет.

Не вдаваясь в особое исследование об Аварах, мы предложим относительно их несколько своих замечаний и соображений, предоставляя будущему окончательное решение этого темного вопроса.

Об Аварах существуют такие же разнообразные мнения, как о Хазарах. Господствующим мнением доселе было то, которое относит их к племенам угорским и татарским. Мнение это основано на том, что часть византийских писателей иногда смешивает Авар с Гуннами: особенно же подобное смешение заметно у важнейших латинских или западноевропейских летописцев VI-VIII веков, каковы Григорий Турский, Фредегарий и Павел Диакон. Но так как средневековые историки этого периода вообще щедры на имя Гун-

нов, то подобное доказательство требует еще подтверждения.

Первый из Византийцев, упоминающий об Авахах, был Приск, писатель V столетия. По поводу упомянутого нами выше движения закаспийских народов (Турок) он говорит, что потесненные ими Авары обрушились на Савиров, а последние - на другие гуннские народы. Затем византийские известия молчат об Авахах до второй половины VI века, то есть до завоевания Турками стран, лежащих между Каспийским и Азовским морями. Тогда Авары, не желая сносить турецкое иго, вступили в переговоры с императором Юстинианом I и просили у него земель для поселения, обещая охранять его империю от внешних врагов. Император, повидимому, был доволен их предложением, надеясь посредством этих новых варваров сдерживать Болгар, угнетавших северные провинции империи. Как бы то ни было, значительная часть Аварского народа из-за Дона и Азовского моря перешла на северную сторону Дуная в Паннонию. Но тут скоро оказалось, что Византийская империя приобрела себе соседа еще более свирепого и опасного, чем Болгаре. О переговорах с византийским правительством и переходе Авар в Паннонию повествует в особенности Менандр, писатель конца VI и начала VII века. Из того же писателя мы видим, что Турки смотрели на Авар, ушедших на Дунай, как на своих беглых рабов и требовали от преемника Юстиниана, Юстина II, чтоб он не давал убежища в своих землях их непокорным подданным. Но обстоятельства в то время немало покровительствовали этим новым завоевателям средней Европы, а именно: с одной стороны - слабость империи и ее отношения к Болгарам, а с другой взаимные отношения среднеевропейских народов, побудившие Лангобардов искать союза Авар против Гепидов.

Затем обращу внимание исследователей на известие младшего современника Менандра, Феофилакта Симокаты. По его словам, новые завоеватели, поселившиеся на Ду-

нае в Паннонии, были не настоящие Авары. Он говорит, что Псевдоавары принадлежали собственно к племени Огор, которое обитало около реки Тиль (Атель или Волга), и что часть этого племени по именам двух своих древних князей называлась Вар и Хунни. Когда, убегая от Турок, они приблизились к Савирам, последние приняли их за Авар и почтили дарами. Тогда Вар и Хунни, заметив эту счастливую для себя ошибку, начали уже сами выдавать себя за Авар. "Ибо, - прибавляет Феофилакт, - из всех скифских народов Авары отличаются наибольшею даровитостию" (*Theophilacti Historiarum lib. VII*). В этом известии скрывается, конечно, какое-либо недоразумение, но должна быть и некоторая доля правды. Несомненно то, что во времена Феофилакты паннонские Авары назывались отчасти Вар, отчасти Хунни (или сложным, искусственным словом Вархониты, как иногда находим у Менандра). Но что такое имя "Вар", как не то же "Авар" (как Тиль, вместо Атель)? Следовательно, этот народ состоял собственно из Авар и Гуннов. Феофилакт называет их Псевдоаварами и говорит, что они принадлежали к племени Огор, что такое было это племя, в точности неизвестно. Может быть, к нему относилась именно та часть народа, которая называлась "Хунни", и этих Гуннов действительно можно было назвать Псевдоаварами, но что другая часть, то есть "Вар", была настоящими Аварами. Одним словом, мы усматриваем два различные элемента в том народе, который под именем Авар долгое время господствовал на Дунае.

Притом движение из-за Азовского моря и Дона Аваро-Гуннов не ограничилось VI веком; по некоторым признакам оно продолжалось и после того 3 .

Итак, Аварский народ, пришедший на Дунай во второй половине VI века, состоял, по нашему мнению, из двух элементов: Аварского и Гуннского. Во главе этого союза, очевидно, находился Аварский элемент, более даровитый и храбрый. По известию Менандра, часть Авар, ушедшая на

запад от турецкого ига, будто бы заключала в себе до 200 000 человек. Замечательно, что та же двойственность типа, какую мы находим в государстве, основанном Аварами на Дунае, встречается и в государстве собственно Хазарском, то есть, около Кавказа. Пришлые Турки, заимствовав имя от туземцев Хазар, впоследствии хотя и смешались с ним отчасти, но очевидно, не успели совершенно слиться в один народ и выработать новый этнографический тип. Об этой двойственности их типа свидетельствуют арабские известия X века. Так, у Истахри говорится, что одни Хазары назывались Кара-Джур и были цвета столь смуглого, что казались черными, другие же были белы, прекрасны и стройны (см. Мордтмана *Das Buch der Lander von Istachri*. 105). Ибн-Даста замечает, что воины хазарского вице-царя (иша) "красивы собою", и что они "одеты в прочные брони" (Хвольсона *Известия о Хазарах и пр.* 18). О чистом турецко-татарском племени никак нельзя было сказать, что оно красиво, бело и стройно; это известие относилось, конечно, к туземным Хазарам, то есть, к Черкесам, между тем как весьма смуглая, некрасивая часть Хазар принадлежала к настоящему Татарскому племени. О присутствии этого некрасивого татарского элемента между Хазарами свидетельствует и следующее известие Симеона Логофета: однажды государственный секретарь сообщил императору Михаилу III, что патриарх Фотий проповедует о двух душах в человеке и что служители поэтому требуют двойного содержания. Император, рассмеявшись, сказал: "Так вот чему учит эта хазарская рожа!"

Принадлежность Авар Кавказу или Прикавказью, наравне с Хазарами, подтверждается и общим у них титулом кагана или хагана - титулом, который, повидимому, первоначально упоминается у народов прикавказских.

При своем движении из-за Азовского моря на запад, Аваро-Гунны должны были неизбежно столкнуться с южно-русскими Славянами, известными в те времена под общим

именем Антов. Хотя последние были многочисленны и храбры, но они еще не успели объединиться усилиями Днепровской Руси и управлялись своими мелкими князьями или своими шумными вечами. Как всегда бывает в подобных случаях, оседлое население, рассеянное на большом пространстве (по свидетельству Прокопия) и не имеющее для своей защиты многих крепких городов, с трудом может устоять против пришлых орд, действующих подвижными и плотными массами; однако Славяне по всем признакам оказали мужественное сопротивление. Феофилакт недаром назвал Авар самым изворотливым из скифских народов. Действительно в своей дальнейшей истории, особенно в своих отношениях к Византии, они являются довольно ловкими политиками и даже своего рода дипломатами, - чем помимо храбрости и объясняются их первые успехи и завоевания. Источники только мимоходом упоминают о их столкновениях с Антами. А именно, Менандр рассказывает, что, когда Авары начали своими набегами опустошать земли Антов, последние отправили к ним одного из своих старшин, Мезамира, для выкупа пленных. Мезамир, человек тщеславный и речистый, начал вести переговоры высокомерным тоном. Тогда некто Котрагег, находившийся в союзе и дружбе с Аварами, дал аварскому кагану такой совет: "Этот человек пользуется у своего племени большим значением и может вывести в поле столько людей, сколько захочет: надобно его убить, и тогда смело нападай на их земли". Авары послушались этого совета и, презрев обычаи, охраняющие особу посла, убили Мезамира. Действительно, с тех пор они еще свободнее опустошали земли своих соседей, брали большую добычу и уводили толпы пленных. Это известие Менандра бросает некоторый свет на отношения Авар к южно-русским Славянам в VI веке. Упомянутый Котрагег есть, конечно, то же, что Котраг; а это слово, как известно, было одно из видовых названий болгарского племени: Котраги или Котригуры в то время обитали в Черноморье меж-

ду Днепром и Дунаем. Под именем Котрага тут разумеется, вероятно, один из князей или знатных людей этого племени. Упомянутый совет намекает на обычное явление, то есть на раздоры и усобицы славянских народов. Между Болгарами и Антами шла, очевидно, мелкая вражда из-за земель или из-за добычи и пленных (то есть рабов). Авары, конечно, ловко пользовались этой враждой для своих целей.

Относительно Антов из византийских источников не видно, чтобы они находились собственно под аварским игом; вероятно, им удалось отстоять или вскоре возвратить свою независимость⁵. Но западную ветвь Болгар, то есть Гуннов Кутургуров, мы видим потом в течение 70 или 80 лет (то есть до времен Куврата) под игом Авар, которым они платят дань и дают вспомогательные войска. Авары пользуются преимущественно болгарскими силами в своих войнах с Византией и дунайскими Славянами. Например, уже в 574 году аварский каган Баян посылает 10000 Котригуров разорять Далмацию (Менандр). Около того же времени он отправляет императора Юстина II, чтобы та дань, которую его предшественник, Юстиниан I, платил Котригурам и Утургурам, была теперь вносима Аварам, так как они покорили оба эти народа. На такое требование император отвечал отказом. Здесь, как мы видим, в числе покоренных упоминаются обе ветви Болгар - и западная, и восточная. Но Утургуры тут должны быть понимаемы только отчасти; ибо большую их часть, обитавшую к югу и востоку от Азовского моря, в то же время мы встречаем под игом Турко-Хазар.

1 Г. Эмин выражает сомнение в турецком происхождении этого слова. Титул "хакан" или "хаган", кажется, существовал у народов прикавказских прежде пришествия туда завоевателей.

2 Эти выводы совпадают отчасти с мнениями В. В. Григорьева. См. его "О двойственной верховной власти у Хазар" (Россия и Азия. СПб. 1876 г.).

На догадку о черкесской народности коренных Хазар между прочим навел нас рассказ Константина Багрянородного о хазарском племени Кабарах (Кабардинцах?). В своем сочинении "об управлении империей" (гл. 39 и 40) Константин рассказывает, что Кабары составляли некогда одно из племен казарских, потом возмутились и произвели междоусобную войну, но были побеждены. Тогда часть Кабар ушла к Уграм, соединилась с ними и поселилась сначала в той стране, которую (во времена Константина) занимали Печенеги. Эта часть Кабар, соединясь с семью угорскими коленами, составила восьмое колено, которое в войнах первенствовало над другими своею храбростью. Оно доселе, (т. е. до времён Константина) сохранило между паннонскими Утрами свое особое наречие.

Недаром черкесское или хазарское племя отличалось своею наружностью, характером и языком посреди Угров еще в X веке, то есть в эпоху Константина. (Недаром и лучшее, самое почитаемое войско у них стало называться хусары, то есть хасары или хазары.) По этому поводу обратим внимание на известие русской летописи, которая делит Угров на Белых и Черных. Под Белыми Уграми обыкновенно историография разумела Хазар (впрочем, по смыслу летописи это название можно относить и к Аварам).

"Посем придоша Угри Белии, наследиша землю Словеньску (то-есть, Дунайских Славян); си бо Угри начата быти при Ираклии цари, иже находиша на Хоздора царя Персидскаго". (В войне Ираклия с Хозроем равно участвовали и Авары, и Хазары.) Белые Угры или Хазары (м. б. и Авары) у Русских позднее встречаются, повидимому, под общим именем кавказских горцев или Черкесов; это последнее имя восходит ко временам глубокой древности (кавказские Керкеты или Черкеты у Страбона). Распространение хазарского владычества на Таврическую страну, а также известие Константина Багрянородного о переселении Кабар в западное Черноморье могут несколько объяснить нам, откуда

явилось впоследствии именованье южнорусских казаков Черкасами. (См. по этому поводу любопытные соображения профессора Бруна в записк. од. *Общ. Ист. и Др.*, т. VII.) И само название казаки, вопреки всем попыткам объяснить его из татарских языков, есть, вероятно, то же, что Казары с его вариантами: Касахи у Константина Багрянородного и Касоги в нашей летописи.

3 Феофилакт Симоката сообщает, что во времена императора Маврикия турецкий каган окончательно покорил племя Огоров; причем число избитых людей этого племени простиралось до 300 000, так что трупы их были рассеяны на расстоянии четырех дней пути. После того часть покоренного народа удалась к дунайским Аварам и присоединилась к ним в числе 10 000 человек.

4 Любопытную характеристику Авар и указание на их родство с Лесгинами, часть которых доселе сохранила название Авар, см. у Бера в его трактате о Макрокефалах (*Memoires de l'Acad. des Sciences*. Т. II, No 6).

5 К этому-то столкновению Антов с Аварами, может быть, относится то смутное предание, которое наша летопись рассказывает по поводу хазарского нашествия на днепровских Славян: так как владения Турок, основавших собственно Хазарское государство, никогда не простирались до Днепра, и они никогда не господствовали в Киеве. По крайней мере, на это нет никаких достоверных свидетельств.

III

Союз Турко-Византийский. Посол Земарх у Дизавула. Валентин и Турксант. Покорение азовских Болгар и Тавриды

В царствование Юстина II, именно в 568 году, в Константинополь прибыло посольство из-за Каспийского моря от

Турок, и вот по какому поводу (Менандр in Excerptis de Legationibus). Турки покорили Согдаитов, обитавших в стране, занятой теперь ханством Бухарским (древняя Согдиана). Согдаиты были народ промышленный и торговый, который между прочим вел торговлю шелком. По их просьбе турецкий хан Дизавул отправил посольство к знаменитому персидскому царю Хозрою с предложением своего союза и с просьбой дозволить Согдаитам свободно торговать шелком в пределах персидских. Но, по совету Катульфа (того самого, который предал Туркам своих соплеменников Ефталитов, а потом бежал к Персам), Хозрой отверг эту просьбу и не пожелал быть в союзе с Турками. Тогда князь согдаитский Маньяк предложил Дизавулу отправить посольство к императору Византийскому, говоря, что союз с ним будет выгоднее для Турок, а шелк у Греков в большем употреблении, чем у других народов. Маньяк вызвался сам руководить этим посольством. Дизавул послушал и отправил его, снабдив дружеским письмом, а также богатыми подарками из шелковых тканей. Посольство это должно было проходить многие страны, болотистые пространства, лесистые земли и высокие Кавказские горы, покрытые туманами и снегами. Наконец после долгого странствия они достигли Константинополя. Подарки и письмо были ласково приняты Юстином. Император много расспрашивал о турецком государстве. Послы отвечали, что оно делится на четыре владения или ханства, но что верховная власть над всеми принадлежит Дизавулу; рассказывали о покорении им сильного народа Ефталитов и о завоевании их городов. Затем перевели речь на Авар, вопрос о которых составлял одну из задач посольства. Турки считали Авар своими беглецами и просили императора не принимать их в союз и не давать им земель; при этом они сообщили, будто число бежавших от них Авар простиралось до 200 000. Маньяку действительно удалось заключить союзный договор с византийским правительством. Союз этот имел будущность, потому что у Турок

и Византийцев оказался один общий неприятель, могущественный царь Персидский.

Вслед за первым турецким посольством в Византию, последовало и первое византийское посольство к Туркам. Чтобы скрепить новый союз, император, при возвращении турецких послов в Азию, отправил с ними киликийца Земарха, который тогда начальствовал в восточных городах. Последуем за Менандром в его любопытном описании этого посольства.

Земарх и Маньяк покинули Византию в августе следующего 569 года. Много дней провели они в дороге, наконец прибыли в страну Согдаитов. Здесь встретили их заклинатели, которые почитались охранителями от всяких зол и бедствий. Приблизясь к Земарху и его спутникам, они начали шептать какие-то слова, ударяя в бубны и потрясая колокольчиками, а также производя окуривание ладаном. Они с неистовым шумом делали движения, которыми как бы прогоняли все, что иноземцы могли принести с собой зловерного. Затем самого Земарха обвели вокруг священного пламени, который имел очистительное значение. По совершению этих обрядов, посольство в сопровождении особо назначенных для того людей продолжало путь к той местности, которая называлась Экстаг, что означало: "Золотая гора"¹. Она служила тогда местопребыванием главного турецкого кагана, и здесь в одной долине расположено было его жилище. Послы были введены в ханский шатер и предстали пред лицом Дизавула. Палатка его была обита ярко-пестрыми коврами, а каган сидел на блиставшей золотом колеснице, которая служила ему тронem. Совершив обычные поклоны и представив императорские дары, Земарх от имени своего государя произнес высокопарное приветствие, а также пожелания постоянной победы над врагами и неизменной дружбы между Римлянами и Турками. Дизавул отвечал такими же пожеланиями всякого благополучия для Римлян. Послов пригласили после того к ханскому пиршеству, за ко-

торым прошел весь остаток дня. Но их угощали не виноградным вином, к которому они привыкли, а каким-то особым варварским напитком, впрочем на вкус очень сладким (медом?). На другой день угощение происходило в иной ханской ставке, которая также была изукрашена шелковыми тканями с разными на них изображениями. Посредине расставлены были дорогие сосуды, вазы и золотые кувшины с напитками. Дизавул восседал на золотом ложе. Следующее угощение происходило опять в ином шатре, который был утвержден на деревянных столбах, покрытых золотыми листьями, а золотое ложе кагана покоилось на четырех павлинах из того же металла. У входа стояли многие колесницы, наполненные серебряною посудой и серебряными изваяниями животных, которые красотой и изяществом не уступали византийским изделиям этого рода и которые каган очень любил. Вся эта масса золотых и серебряных вещей свидетельствовала о промышленности и богатстве городов Средней Азии, разграбленных турецкими завоевателями, или присылавших им большие дары, чтоб избавиться от их грабежа.

Дизавул щедро одарил византийское посольство, а самого Земарха почтил молодою пленницей из племени Керхис (Киргиз?). Отправляясь в поход против Персов, каган взял с собою посла с частью его свиты; эта часть состояла из 20 человек. Во время похода на встречу Дизавулу прибыло персидское посольство. Когда оно вместе с римским было приглашено к столу кагана, то послу римскому воздавалось более почестей, чем персидскому, и первый был посажен на более почетное место. Во время пира зашла речь о причинах ссоры Турок с Персами. Дизавул возвысил голос и начал осыпать упреками поведение Персов. Но и персидский посол, забыв соблюдаемый за столом обычай молчания, начал резко возражать, чем привел кагана в сильный гнев; впрочем, он ограничился только бранью. После того персидское посольство было отослано назад, а каган продолжал свой

поход. Но Земарха он отпустил в отечество и вместе с ним отправил в Византию новое турецкое посольство, главою которого назначен был некто Тагма, имевший сан тархана, так как Маньяк в это время умер. По своей благосклонности к умершему, каган назначил его сына по имени также Маньяка, товарищем посла; молодой человек имел также достоинство тархана. Прямою целью вторичного турецкого посольства было упрочить союз с Римлянами и побудить их к немедленной войне против Персии. Когда в Туркестане распространилось известие о новом посольстве в Византию, то князь какого-то племени Холитов (Хвалитов, Хвалисов?) просил у Дизавула позволения отправить и с своей стороны несколько человек ради знакомства с Римским государством; остальные начальники племен обратились с той же просьбой. Очевидно, на востоке в то время еще сильно было обаяние римского имени и греко-римской цивилизации. Дизавул дал позволение одному только начальнику Холиатов. В городе этого племени Земарх промедлил несколько дней и послал отсюда вперед себя гонца, чтоб уведомить императора об успехе своего посольства. Гонец взял с собой, кроме собственных людей, еще 12 Турок и поехал той же дорогой, хотя пустынной и безводной, но более короткой, то есть мимо южных берегов Каспийского моря. А сам Земарх, вероятно из опасения попасть в руки Персов, с остальной свитой направился окольным путем вокруг северной части того же моря.

В 12 дней, по песчаным, холмистым и местами топким краям, караван достиг реки Гих (Аму или Сырь-Дарья?); затем миновал реку Даих (Яик?), и по топкому Каспийскому побережью достиг реки Аттила (Волга), откуда прибыл в степи Угуров. Князь этого племени, находившийся под рукой Дизавула, наполнил водой мехи путников, так как им предстоял еще путь по тем безводным степям, где в наше время кочуют Ногайцы и Калмыки. Тот же угурский князь предупредил Земарха, что где-то за рекой Кофен (Кубань?)

в лесистых местах скрывается 4 000 Персов, которые устроили засаду, что-бы захватить в плен посольство. Вследствие того, когда Римляне приблизились к болотам, с которыми сливается река Кофен, они остановились и послали лазутчиков, чтобы проверить слух о персидской засаде. Лазутчики воротились и донесли, что никого не видали. Тем не менее посольство двинулось в страну Алан с большим опасением, потому что боялись племени Горомосхов (иначе Мосхов или Месхиев, где-то в западной части Кавказа. См. Метог. Рор. IV).

Князь Алан, Сародий, принял благосклонно Земарха и его римскую свиту, но отказался допустить к себе вооруженными турецких спутников. Три дня продолжались споры об этом предмете при посредстве Земарха; наконец Турки уступили и явились к князю без оружия. Сародий, так же как и угурский князь, увещевал Земарха не направлять пути через страну Миндимьян, ибо Персы приготовили засаду около Свании, но лучше воротиться домой так называемым Дариевым путем (DareinhV atrarou Дарьял?)². Земарх последовал совету Сародия. Чтоб обмануть Персов, он отправил через страну Миндимьян десять коней, нагруженных пурпуровыми тканями, как бы свой передовой отряд; а сам пересек Кавказский хребет и направился в Апсилию, потом повернул к устью Фазиса или Риона, откуда морем поплыл в Трапезунд, а из Трапемунда большой конной дорогой воротился в Константинополь.

Описание Земархова путешествия к турецкому кагану как нельзя более походит на путешествия Европейцев в прикаспийской и среднеазиатской степи к позднейшим кочевым завоевателям, то есть к Татарам. Особенно сходные черты можно найти у Плано Карпини. Турецкие каганы с окружающими их обычаями и их двором являются прямыми предшественниками татарских ханов. То же поклонение огню и те же обряды очищения, исполняемые шаманами над чужеземцами, которые должны предстать перед ханское лицо. Те

же шатры, наполненные огромною добычей и особенно награбленным золотом, то же золотое ханское седалище, и само название резиденции Золотою Горою напоминает Золотую Орду. Те же отношения покоренных народов и одноплеменных ханов к главному или великому хану. Относительно турецких завоеваний мы видим, что до конца 60-х годов VI столетия эти завоевания распространились пока на страны Туркестана; а на западной стороне Каспийского моря им повинуются какое-то Угурское племя, обитавшее в степях Нижней Волги, и отчасти племена Хазарское и Аварское; другая часть последнего удалилась на запад. Но Алане и народы внутреннего Кавказа пока сохраняли свою независимость. Вместе с тем еще не упоминается о покорении Утургуров или азовско-черноморских Болгар.

За этим первым греко-римским посольством к Туркам последовал целый ряд других. Византийское правительство, очевидно, дорожило своими союзниками против могущественной монархии персидских Сассанидов. Наиболее замечательное после Земарха посольство было предпринято Валентином, спустя ровно десять лет. Описание его составлено тем же Менандром; уже сам факт описания свидетельствует, что это посольство было более торжественное, чем другие предшествующие ему, и вообще имело более значения. Официальной задачей его было возвестить турецкому кагану о восшествии на престол императора Тиверия, Юстинова преемника, и подтвердить союз, заключенный с Дизавулом против Персов. Кроме того, из хода событий выясняется, что Византия чувствовала теперь особую потребность дружеских отношений с Турками, ибо завоевания их все более и более расширялись на запад от Каспийского моря, так что грозили захватить и сами греческие владения в Тавриде и на берегах Боспора Киммерийского.

В число своих спутников Валентин выбрал и 106 Турок. Надобно заметить, что в Константинополе тогда проживало их довольно большое количество; они прибыли сюда в раз-

ное время, по разным поручениям, и преимущественно в свите возвращавшихся греческих послов, то есть Земарха, потом Ананкаста, Евтихия, Геродиана, Павла Киликийца и того же Валентина, который в 579 году ехал послом уже во второй раз. Валентин, бывший одним из приближенных императора Тиверия, сел с своим посольством в Константинополе на скороходные "олькады" (olcades, ладьи?) и вдоль азиатского берега направился к Синопу; а отсюда повернул на север к Херсонесу и таким образом пересек Черное море в самом узком его месте. Из Херсонеса он, вдоль юго-восточных берегов Тавриды, достиг страны Апатуров и других племен, живших на песчаных берегах Киммерийского Боспора и Тамани³. Здесь посольство с судов пересело на коней и продолжало свой путь посреди болотистых низменностей реки Кубани, поросших камышом и отчасти лесом. Тут оно миновало страну Анкагас, названную по имени своей царицы, которая управляла туземными Скифами под рукой Анагая, начальника племени Утургуров. После долгого и трудного пути посол прибыл наконец в те места, где непосредственно властвовал Турксант; так именовался каган одной турецкой орды, и именно той самой, которая расположилась в степях между Волгой и Кавказом.

Представ пред лицо Турксанта, Валентин с обычным византийским витийством приветствовал кагана и изложил цель своего посольства. Но прием, ему оказанный, совсем не походил на тот, с которым был встречен Земарх. Обстоятельства уже несколько изменились. Посольство имело в виду все того же Дизавула; но последний только что умер перед прибытием послов, а сын его Турксант нравом своим не походил на отца. По всем признакам это был жестокий, высокомерный деспот. Притом Турки, повидимому, уже несколько разочаровались в дружбе Византийцев, имея случай ознакомиться с их льстивой дипломатией и с их коварной, по отношению к другим народам, политикой. Очевидно, в борьбе с Персией Византийцы старались загребать жар

преимущественно руками Турок, кроме того, повод к неудовольствиям подавали двусмысленные отношения Византии к Аварам, которых Турки продолжали считать своими беглыми рабами.

На речь Валентина Турксант отвечал упреками и угрозами. Он показал ему свои десять пальцев, и сказал: "Вы, Римляне, с разными народами употребляете десять разных языков; но все они суть одна и та же ложь". В язвительных выражениях он распространился о том, как Римляне, обольстив какой-нибудь народ сладкими речами и заставив его очертя голову броситься в опасности, потом пренебрегают им и стараются только воспользоваться плодами его трудов. "И государь ваш, - прибавил он, - заплатит мне за то, что, ведя со мною дружеские переговоры, он в то же время принял в свой союз наших рабов Вархонитов (Авар). А вы, Римляне, зачем послов своих отправляете ко мне через Кавказ и говорите, что нет другой дороги? Вы делаете это для того, чтобы трудностью пути отвратить меня от нападения на вас самих. Но я очень хорошо знаю, где текут Днепр, Истр и Герб, через которые перешли наши рабы Вархониты, чтобы вступить в вашу сторону. Я знаю также и ваши силы. Мне же повинуются вся земля, которая начинается от первых солнечных лучей и кончается с последним (т. е. от востока до запада). Посмотрите, несчастные, на Аланский народ и даже на сами племена Утригуров. Одаренные крепостью тела и дерзостью духа, гордые своими многочисленными дружинами, они вступили в борьбу с непобедимым Турецким народом, однако обманулись в своих надеждах и теперь находятся в числе наших рабов".

На эти грозные слова Валентин отвечал смиренной речью. Он указал на обычаи всех народов, охраняющие особу послов; просил кагана смягчить свой гнев, не упрекать во лжи императора и напоминал о дружбе Римлян с его отцом Дизавулом, который первый, по собственному желанию, отправил к ним посольство, предпочитая римский союз пер-

сидскому. В заключение аудиенции Турксант заметил послам, что так как они прибыли в печальное время, то есть вслед за смертью его отца, то и им надлежит почтить память умершего по обычаю турецкому, то есть изрезать себе лица. Валентин поспешил исполнить желание варвара: он и его свита исцарапали свои физиономии остриями мечей. В один из этих дней печали Турксант, между прочим, принес в жертву покойному отцу четырех пленных Гуннов. Он велел умертвить их вместе с отцовскими конями, причем громким голосом поручил им отправиться к отцу вестниками от его народа. Когда все погребальные обряды были исполнены, Турксант допустил послов к себе для переговоров и затем отправил их во внутренние турецкие владения к своему родственнику Тарду. Последний имел пребывание на Золотой Горе, следовательно, после Дизавула остался старшим в княжеском роде, то есть, верховным каганом.

Между тем как римское посольство пребывало у Турок, Турксант находился в открытой войне с Римлянами. Войска его предприняли завоевание греческих городов на Киммерийском Боспоре. На берегах пролива уже стоял лагерем подручный Туркам князь утургурский, Анагай, с войском собственным и турецким; кроме того, Турксант в бытность у него Валентина послал с новыми силами своего военачальника, Бохана, для скорейшего завоевания города Боспора или Пантикапеи. Римское посольство, после многих скитаний и унижений, наконец было отпущено Турксантом в отечество.

Описание Валентинова посольства замечательно для нас в следующих отношениях. Во-первых, само направление его пути к Боспору Киммерийскому показывает, что морское плавание между Константинополем и Северным побережьем Черного моря совершалось не исключительно вдоль берегов, как мы привыкли думать на основании известного описания судовых русских караванов у Константина Багрянородного. Очевидно, для сообщения с Тавридой Греки

пользовались самым узким местом Черного моря и переплывали его именно между Синопом и Корсунем. Это указание объясняет нам известие Льва Диакона о том, что Игорь, после своего поражения у берегов Анатолии, отплыл не к устью Днепра, а именно в Боспор Киммерийский, то есть к восточным берегам Тавриды. Далее, часть турецких орд, как видно, уже основалась на западной стороне Каспийского моря. Менандр не говорит, где именно находилось местопребывание Турксанта, но, по всей вероятности, речь идет о степях собственно Астраханских или нижней Волги. В этом отношении орда Турксанта является прямой предшественницей орды Батыевой. Как потом Батый, Турксант отправляет европейских послов (а также, вероятно, и подчиненных князей) в Среднюю Азию на поклон верховному хану. Как волжские Татары отделились и составили особое ханство, так и волжские Турки составили вскоре особое, самостоятельное государство под именем Хазарского, средоточием которого сделался впоследствии город Итиль, предшественник Сарая. Турецкие завоевания VI века, впрочем, не имели, повидимому, такого опустошительного характера, как монголо-татарские XII и XIII столетий; следовательно, при всей своей свирепости, Турки не были такими беспощадными дикарями как Монголы. Да и вся история показывает, что при столкновении с образованными странами первые обнаружили более восприимчивости к началам гражданственности, нежели вторые.

Затем, для нас очень важны в речи Турксанта несколько слов, относящихся к Аланам и Утургурам или азовским Болгарам. Во время Земархова посольства, о зависимости этих народов от Турок еще не было речи. Напротив, мы видели, что Аланский князь допустил к себе турецких послов не иначе как без оружия. Но в следующий затем десятилетний период турецкие завоевания распространились до северо-восточных берегов Черного моря. Алане и Утургуры были приведены в зависимость, несмотря на их храбрую обо-

рону, на что прямо указывают слова Турксанта. Он называет их своими рабами; но, разумеется, подчинение выразилось по обычаям того времени данью и обязанностью выставить вспомогательные дружины. И действительно, мы видим, что князь утургурский Анагай вместе с Турками покоряет те боспорские города, которые принадлежали Византийской империи. Но этот князь на столько еще силен, что в свою очередь имеет и своих вассальных или подручных владетелей; например, под его рукой находится княгиня племени Анкагас.

Итак, покорив Гуннов-Утургуров, Турки приступили к завоеванию боспорских городов; но тут речь идет, конечно, о Пантикапее и других греческих колониях на западном берегу Боспорского пролива; ибо восточный берег, то есть Тамань, был уже во власти Болгар Утургуров и, следовательно вместе с их покорением перешел под турецкое владычество. Из описания посольства видно, что наиболее упорной защитой отличался город Боспор или Пантикапея, благодаря, конечно, своим крепким стенам, построенным при Юстиниане I. Об окончании осады Менандр не упоминает; но несомненно, что Турки и Болгаре овладели этим все еще значительным торговым городом. По всем признакам, они нанесли ему окончательное разорение, и Боспор после того уже не поднимался до степени важного и богатого города. О его древнем величии и богатстве доселе свидетельствует множество драгоценных предметов, находимых в бесчисленных Керченских курганах, а также в развалинах его акрополя на так называемой Митридатовой горе. За берегами Боспора последовало покорение всей северной и восточной части Таврического полуострова; вместе с тем подчинились Туркам и обитавшие здесь племена тех же Гуннов Утургуров, то есть, Болгар. Но всей Тавриды им не удалось завоевать. Спустя года полтора или два, именно под 582 годом, Менандр сообщает известие об осаде города Херсонеса; он опять не говорит об исходе осады; очевидно, однако, что

она кончилась неудачно. Херсонес и его окрестная область, укрепленная многими замками и длинными валами, отстояли себя от ига варваров. Не покоренной осталась пока и Готия или южное горное побережье Тавриды, может быть, до Сугдеи (Судака) включительно.

1 Другой византийский писатель, Феофилакт Симоката, поясняет, что место это получило у туземцев такое название вследствие своего плодородия и обильных пастбищ, на которых паслись многочисленные стада и конские табуны. Этот Эктаг, может быть, есть та горная гряда, которая называется теперь Актау, в бывшей северной части Бухарского ханства, ныне в русских владениях.

2 Действительно, в это время владения Персов в Закавказье простирались почти на всю Лазику (Мингрелию) с примыкающими к ней с севера областями. По известию Иоанна Епифанского, Персы старались подкупить Алан, чтобы последние истребили оба посольства, и римское, и турецкое, но, очевидно, без успеха. (См. в той же книге, где история Льва Диакова. стр. 168 рус. изд.)

3 На Таманском полуострове в древности упоминаются город Анатурос и храм Венеры Анатурской. В данную эпоху на этом полуострове жили уже другие народы, и главным образом, как мы видели, Болгаре-Утургуры; но византийские писатели, имевшие притязание на ученость, любили иногда употреблять географические названия из времен Птолемея и Страбона. Такие народы, как Анатуры, Аспурги, Синды, Цихи и другие, обитавшие на Тамани и ближнем Кавказском берегу, принадлежали, вероятно, к сармато-черкесским племенам, а может быть, некоторые из них были родственны сармато-славянскому племени Утургуров.

IV

Древняя Болгария и Турко-Хазарское государство. - Второй христианский князь у Болгар. - Корсунцы и Юстиан Ринотмет. - Иудейство в Хазарии

После известия Менандра о подчинении Гуннов Утургуров Туркам византийские историки уже не упоминают об Утургурах. Но это молчание несколько не означает, чтобы последние исчезли из истории. У более поздних историков они являются под другим племенным названием, но совершенно на тех же местах, где их оставил Менандр. А именно, Феофан и Никифор, писавшие два века спустя после Агафия и Менандра и около двух с половиной веков после Прокопия, уже не знают Гуннов Утургуров, а вместо них говорят о Гуннах Болгарах и Котрагах, которых родина, Древняя или Великая Болгария, то есть, там же, откуда Прокопий выводит своих Кутур-гуров и Утургуров. В известной легенде о разделении Болгар по смерти Куврата Феофан и Никифор говорят, что часть старшего Кувратова сына Батбая осталась на родине, где и была вскоре покорена Хазарами, которым платить дань "до сего дня" (то есть до времени Феофана и Никифора, писавших в первой четверти IX века). Несостоятельность этой легенды очевидна: таврические и кубанские Болгаре подпали игу восточных завоевателей не после смерти Куврата, то есть не во второй половине VII века, а гораздо ранее, во второй половине VI века, как это мы сейчас видели из рассказов Менандра, писавшего о событиях ему современных; только Менандр называет этих завоевателей Турками и не употребляет он имени Болгар, а называет их Утурурами.

Название Хазары впервые является у Феофана под 626 годом по поводу союза их с императором Ираклием и дружеского свидания его с из предводителем под стенами Тифлиса. Отсюда заключали обыкновенно, что Хазары только в это время явились в странах прикавказских, и совершенно упускали из виду то, что повествует Менандр о турецких за-

воеваниях в VI веке; хотя Феофан, употребляя впервые имя Хазар, поясняет, что так назывались "восточные Турки"; а его современник Никифор, рассказывая об упомянутом свидании Ираклия, союзников его именует просто Турками, и потом оба они, Феофан и Никифор, не раз еще называют их Турками. Никифор впервые приводит имя Хазар в упомянутой легенде о Куврате и Батбае. По этому поводу оба писателя замечают, что Хазары пришли из внутренней Верзелии (Феофан) или Верилии (Никифор), страны, соседней с Сарматами, и покорили все народы до Понта. На основании этих неточных указаний историография выводила заключение о пришествии в прикавказские страны какого-то нового народа Хазар в VII веке; тогда как здесь надобно заметить все тех же турок, на которых перешло туземное название древних Казиров или Акациров. Вообще в средневековой истории народов мы видим постоянную смену имен и довольно сбивчивое их употребление в источниках; это явление сильно отразилось также в истории Руссов, Болгар и Хазар; но историография по большей части упускала его из виду и, встречая новые народные имена, обыкновенно разумела под ними и новые народы¹.

Уже в конце VI века мы находим у Турок междоусобную войну из-за каганского престола. На этот раз верховному кагану с помощью трех остальных удалось подавить мятеж (см. у Феофилакта Симокаты под 597 г.). Но междоусобия, конечно, потом возобновились, и Волжско-каспийская орда Турок (как впоследствии орда Батыева или Золотая), по всем признакам, отделилась от своих туркестанских родичей, и в VII веке составила особое государство, сделавшееся известным преимущественно под именем Хазарского. Здесь господствующее турецкое племя подчинилось влиянию покоренных народов, отчасти смешалось с ним и мало-помалу утратило свою первоначальную дикость и свирепость.

После того как азовско-черноморские Болгаре вошли в состав Хазарского государства, история их в течение нес-

кольких столетий скрывается иногда под именем Гуннов. Но все-таки есть возможность следить за нею и в этот период. Так во время знаменитой борьбы императора Ираклия с Персами, союзниками Хозроя против Византии, как известно, были Авары. В 626 г. они подступили к Константинополю с европейской стороны, а на азиатском берегу Фракийского Боспора расположилось персидское войско. В числе вспомогательных дружин Аварского кагана находились и подчиненные ему дунайские Болгаре (в хронике Манассии названные Тавроскифами). Между тем союзниками Ираклия против Хозроя были Турко-Хазары, а вместе с ними, конечно, и те племена, которые состояли с ним в вассальных отношениях; следовательно, в числе хазарских войск находились и азовско-черноморские Болгаре. Здесь мы видим некоторое продолжение тех же отношений, как и в VI веке при Юстиниане I, когда Болгаре Кутургуры были врагами империи, а Болгары Утургуры явились ее союзниками и даже сражались за нее против своих родичей. Это соображение подтверждается и следующим известием, которое свидетельствует о союзных отношениях азовских Болгар к Ираклию. По словам патриарха Никифора, в 618 году какой-то гуннский князь, в сопровождении своих родственников, приближенных и даже их жен, отправился в Константинополь и просил о даровании ему святого крещения. Желание его было исполнено; его воспринимал сам император, воспреемником знатных Гуннов и их жен были римские вельможи с своими женами. Новокрещенным сделали приличные наставления, чтоб укрепить их в новой вере; оделили богатыми царскими подарками и римскими титулами; причем самому князю дали титул патриция; затем их отпустили на родину. Это известие для нас очень драгоценно. Речь идет, конечно, о том же Гуннском племени, к которому принадлежал князь Гордас; а последний, как мы узнаем из Феофана, 90 лет назад ездил в Константинополь принять крещение из рук Юстиниана I. (Феофан и Никифор, как из-

вестно, Болгар называли и Гуннами.) Гордас погиб жертвой своей ревности к вере, и после того распространение христианства между таврическими Болгарами, конечно, замедлилось на некоторое время. Но потом оно делает успехи: мы видим, что другой князь принимает крещение с своими боярами и даже с их женами; причем источник не говорит, чтобы судьба его была похожа на судьбу Гордаса. Следовательно, христианство с этого времени более прочно утвердилось между азовско-черноморскими Болгарами; хотя большая их часть оставалась в язычестве; чему способствовало и их раздробление на разные племена, подчиненные различным князьям.

Для истории этих Болгар важны также несколько дальнейших известий о Херсоне, Боспоре и Фанагории, сообщаемых по поводу Юстиниана Ринотмета или Безносого. Это был последний император из династии Ираклия, отличавшийся чрезвычайной жестокостью. Одним из тех переворотов, которые так обычны в Византийской истории, Юстиниан был свержен с престола и с обрезанным носом сослан в заточение в Херсонес Таврический, в 702 году. В ссылке он, повидимому, пользовался некоторой свободой, причем не скрывал своей надежды снова овладеть престолом. Херсониты не только не показывали охоты помочь ему, но, опасаясь преследования со стороны нового императора Тиверия Аписмара, хотели или убить изгнанника, или схватить его и отослать к Тверию. Проведав о том, Юстиниан бежал сначала в город Дорос, то есть в соседнюю Готию, а отсюда к Хазарскому кагану. Последний принял его с честью и выдал за него свою сестру. После того Юстиниан с молодой супругой, названной в крещении Феодорою, поселился в Фанагории и здесь питал планы о возвращении престола с помощью своего нового родственника, то есть Хазарского кагана. Тогда Аписмар отправил посольство, которое обещанием великих даров склоняло кагана или выдать Юстиниана живым, или прислать его голову в Конс-

тантинополь, Каган не устоял против золота и поручил своим наместникам Папацу Фанагорийскому и Бальгицу Боспорскому убить его зятя, когда подан будет к тому знак. Об этом проведала Феодора и сообщила своему мужу. Юстиниан поступил с обычной ему решительностью и свирепостью: он пригласил наместников к себе на свидание поодиночке и обоих задушил веревкой; затем, отослав жену к кагану, сам сел на корабль и бежал к Тервелю, царю дунайских Болгар. С помощью последнего ему удалось действительно воротить престол, после чего он призвал к себе и свою хазарскую супругу.

Злопамятный Ринотмет не мог простить Херсонитам их неприязни к нему во время ссылки и готовил им жестокое мщение. В 708 году он снарядил флот и войско и послал их в Тавриду, с тем чтоб опустошить Херсонскую область мечом и огнем; а правителем Херсона назначил спафария Илью. Отправленное войско исполнило свое поручение и побило многих жителей Херсонской области. Между прочим, оно схватило здесь хазарского наместника или тудуна и знатнейшего из граждан Зоила с сорока патрициями города и подвергло их пытке, а двадцать других патрициев потопило в лодке, наполненной камнями. Молодым людям была оставлена жизнь с тем, чтобы обратить их в рабство. Юстиниан велел привести их в Константинополь; но дорогой буря потопила корабли, причем погибло несколько тысяч Корсунской молодежи. Но месть Юстиниана все еще не насытилась. Он снарядил новый флот и отправил его с приказанием произвести в Корсунской области всеобщее беспощадное избиение. Известие о том привело Херсонитов в отчаяние; они единодушно восстали и отправили к кагану просьбу прислать им хазарский гарнизон. К этому восстанию присоединились и сами предводители императорского войска, именно спафарий Илья и начальник флота Вардан. Тогда Юстиниан назначил в Херсон новых начальников и послал их с дружиной в 300 человек. Он приказал отослать к кагану

тудуна и Зоила с извинениями. Корсунцы схватили новых начальников и умертвили, а их трехсотенную дружину вместе с тудуном и Зоилом выдали Хазарам. Дорогой к кагану тудун умер; сопровождавшие его Хазары (Турки) при его погребении принесли в жертву своим богам всех триста Византийцев. Между тем Херсониты отложились от Юстиниана и провозгласили императором помянутого Вардана, дав ему прозвание Филиппика. Юстиниан опять вооружил новый флот и снабдил его осадными машинами для совершения разрушения херсонских стен и башен. Машины эти начали действовать успешно и уже разрушили две башни (по имени Кентенарезий и Синагр), когда прибытие хазарского войска остановило их дальнейшие успехи. Вардан убежал к Хазарскому кагану. Флот и войско, потерпев неудачу и опасаясь мстительного императора, предпочли пристать к мятежникам, признали государем Вардана Филиппика и послали за ним к кагану. Последний взял с мятежников большой окуп и кроме того клятву, что они неизменят новому императору, и прислал им Филиппика. Этому претенденту вскоре удалось действительно свергнуть, убить Юстиниана и занять его место.

Так повествуют Феофан, Анастасий, Никифор и другие более поздние компиляторы. Для нас в этих событиях важны, между прочим, отношения к Хазарам. Откуда явился в Херсоне хазарский тудун, у Никифора названный архонтом, то есть наместником Херсона? Поведение Херсонитов относительно Юстиниана во время ссылки не вполне объясняет нам его ненасытное мщение. Притом он начинает эту месть только пять лет спустя после возвращения себе престола. Очевидно, источники передают нам события не полно и не точно. Соображая все обстоятельства, позволяем себе предположить следующее. Херсонская область была собственно вассальным владением Византийской империи; она все еще сохраняла свою автономию, а также свои торговые привилегии, которыми конечно дорожила. Мстительный, деспотич-

ный Юстиниан, вероятно, начал стеснять эту автономию. Тогда Корсунцы воспользовались соседством Хазарского государства, может быть, задумали отдаться под покровительство кагана и приняли к себе хазарского сановника с его свитой. Отсюда, вероятно, и возникла такая ожесточенная война со стороны Юстиниана. Странно, однако, что Хазары, в конце VI века тщетно осаждавшие Херсон, не воспользовались обстоятельствами, чтобы завладеть им во время этой войны. Но Корсунцы, вероятно, совсем и не желали наложить на себя хазарское иго и не пускали в свой город сильного хазарского гарнизона; они хотели только воспользоваться помощью кагана для спасения своей автономии и для свержения Юстиниана, что им и удалось. За хазарскую помощь они заплатили деньгами и остались в соединении с Византийской империей. Свою автономию и своих выборных правителей Корсунцы сохраняли до времен императора Феофила, то есть еще более столетия.

По отношению к таврическим и таманским Болгарам приведенные события подтверждают только их полную зависимость в то время от Хазар. Мы находим хазарских наместников на обеих сторонах пролива, то есть и в Боспоре, и в Фанагории. В течение VIII века уже весь почти Таврический полуостров подпал власти Хазар, за исключением Корсунской области; между прочим около этого времени они завоевали и соседнюю с Корсунью область Готию.

Во второй половине VII века Персидское государство, как известно, сменилось Арабским халифатом. Новые завоеватели вошли в столкновение с Хазарами в странах закавказских, которые всегда служили спорными владениями для сильных соседних государств. Отношения Хазар к Византии почти не изменились с появлением мусульманского халифата. Пунктами столкновения с византийским правительством попрежнему оставались владения в Тавриде и отчасти на восточном Черноморском берегу; но столкновения эти, как и прежде, уступали место общим интересам по отношению

к сильному азиатскому соседу. Союзы против Арабов сделались продолжением прежних союзов против Персии. Византийские императоры иногда вступали даже в родственные связи с хазарскими каганами. Так, после Юстиниана Ринотмета император Лев Исаврианин женил своего сына (Константина Копронима) на дочери кагана. Эта хазарская принцесса, нареченная в крещении Ириной, впоследствии прославилась во время иконоборства: она была почитательницей икон, между тем как ее муж Константин и сын Лев, прозванный по матери Хазаром, были известные гонители икон.

Около этого времени Хазария сделалась поприщем борьбы между разными религиями, из которых ни одна не получила окончательного преобладания; что имело важное влияние на судьбу Хазарского государства.

Мы видели, что Турки, в VI веке пришедшие из-за Каспийского моря, были дикие огнепоклонники. Кроме поклонения огню, они, по свидетельству Феофилакта, поклонялись ветрам и воде и слагали молитвы земле; однако чтили и верховное божество, творца вселенной, которому приносили в жертву коней, быков и овец. Они имели род жрецов-шаманов, которым приписывали дар прорицания. Христианская проповедь рано проникла в страну Турок, но, по-видимому, падала на бесплодную почву. Тот же Феофилакт рассказывает, что к императору Маврикию (в конце VI века) раз привели пленных Турок. На лбу у них оказалось изображение креста, отмеченное черными точками. На вопрос, что это значит, Турки рассказали следующее. Однажды в их стране свирепствовала моровая язва; некоторые жившие между ними христиане убедили их матерей отметить на лбу мальчиков крестное знамение, обещая им спасение от смерти. Эти спасенные, однако, остались такими же язычниками, какими были их отцы. Мы говорили, что Турки, поселившиеся на западной стороне Каспийского моря, подверглись влиянию покоренных ими народов. Влияние это отразилось

конечно и на религии. В конце VII века появился между ними ислам, внесенный силой меча. По известию Эльмакина, во время халифа Абдул-мелека сын его Мослим после одного сильного поражения, нанесенного Хазарам, многие их тысячи принудил принять магометанскую веру. Эта фантастическая религия, конечно, более подходила к дикому турецкому племени, нежели христианство, и действительно потом распространилась между ними, однако не получила преобладания. Она встретила здесь счастливого соперника в лице иудейства.

Евреи распространились на Кавказе и в Крыму из Палестины, Вавилонии и других мест Передней Азии еще до Р. Хр. Как народ промышленный, они рано встречаются в торговых греческих колониях и, между прочим, на Боспоре Киммерийском. Одна пантикапейская надпись, принадлежащая 81 году по Р. Х., говорит об отпущении еврейского раба с согласия синагоги (Воеск Corp. Inscript. No 214), а синагога предполагает уже целую общину. Давнее пребывание Евреев в Крыму подтверждается так-же заметками на старых свитках Пятикнижия и надгробными надписями, особенно так называемой Иосафатовой долины в Чуфут-Кале 2. Эти памятники заключают в себе указания на приток еврейской колонизации на Кавказ и в Крым из Передней Азии и Византийской империи, колонизации, продолжавшейся в течение всей первой половины средних веков. Особенно многочисленная еврейская община процветала в то время на восточном берегу Киммерийского Боспора в Фанагории или в Матарах, как она называется в еврейских памятниках. Эта община в свою очередь высылала колонии в ближние таврические города, например: в Керчь, Кафу, Солкат, Сугдею, Мангуп, и другие. В этом отношении с еврейскими памятниками вполне согласуется свидетельство византийского историка Феофана. Говоря о Кубанской стране как о родине Болгар, он замечает, что Фанагурия (означающая тут вообще Таманский полуостров) населена разными племенами,

причем поименовывает только Евреев; следовательно, в этой области они были особенно многочисленны.

Этим обилием в том краю еврейского элемента, весьма подвижного и промышленного, притом имевшего в своей среде многих ученых мужей, и объясняется успех иудейской пропаганды между Турко-Хазарами. Успех был столь значителен, что является целая хазарская династия, исповедующая религию Моисея - событие единственное в своем роде. О том, каким образом произошло это обращение, мы не имеем никаких достоверных свидетельств; ибо рассказы о принятии иудейства царем хазарским Булой или Буланом, около половины VIII века, должны быть отнесены к легендам; они черпаются только из некоторых сомнительных еврейских источников и не подтверждаются никакими другими. Царь, сомневающийся в истине язычества и испытывающий проповедников трех религий: иудейской, христианской и магометанской, - это весьма общий мотив для рассказов подобного рода ³. Трудно сказать, в какой именно форме утвердилось иудейство между Хазарами, в виде раввинского талмудизма или в виде караизма, издавна существовавшего в Крыму и на Кавказе. Вопрос этот спорный в ученом мире; но более вероятности, по нашему мнению, находится на стороне караизма. Во всяком случае существование еврейской религии у Хазар не подлежит сомнению, ибо о нем свидетельствуют разные независимые друг от друга источники. Известен рассказ нашей летописи о прибытии иудейских миссионеров от Хазар. То же подтверждают и арабские писатели, особенно Ибн-Даста и Ибн-Фадлан. Последний впрочем поясняет, что остальной народ состоит из мусульман, христиан и язычников ⁴.

Обращение хазарской династии в иудейство, по некоторым признакам, неблагоприятно повлияло на дальнейшее развитие государства. Между тем как царь был иудеем, войска его состояли преимущественно из магометан и язычников; собственно же еврейское население, рассеянное в ха-

зарских городах и занятое своими меркантильными интересами, представляло, конечно, весьма слабую опору для поддержания государственного единства и могущества. Соперничество разных религий не могло содействовать образованию одной полной нации, и Хазарское государство до конца осталось собранием разных народностей. Постепенному упадку хазарского могущества способствовало и само раздвоение власти. В руках верховного кагана (хазар-хакана, по Ибн-Дасту) с течением времени осталась власть почти номинальная, хотя особа его и была окружена чрезвычайным почитанием; а действительная власть сосредоточилась в руках его наместника, начальствовавшего над войском. Последний назывался по Константину Багрянородному просто пех (то есть бег), по Ибн-Фадланну хакан-бег, а по Ибн-Дасту, иша (то есть почти то же, что шах, как объясняет г. Хвольсон в своей книге об этом писателе, стр. 56). Подобное раздвоение власти, конечно, имело свою долю участия во внутренних смутах и разложении государства.

Мы думаем, что некоторый упадок хазарского могущества обнаружился уже в первой половине IX века по поводу построения крепости Саркела.

1 Не могу при этом не заметить, как филология, ложно применяемая, поддерживает эту сбивчивость. Например, мы знаем филологов, пользующихся известностью, которые продолжают рассуждать о финском происхождении Хазар на основании одного только названия их города "Саркел", толкуя его корни из финских наречий и преимущественно из Вогульского. Но, во-первых, эти филологи не подозревают того, что в данном случае название прикавказского народа Казиров перешло на пришлых из-за Каспийского моря Турок (впрочем, вина такого недоразумения падает на недостаток собственно исторической критики источников); а во-вторых, от Казар, кроме Саркела, осталось еще несколько названий географических и личных. Наконец, и само слово Саркел можно еще с большим успехом толковать из

языков турецко-татарских (к чему склоняется и Леберг в своем исследовании о Саркеле); напомним только об участии татарского слова кала, означающего крепость, в названии некоторых черноморских городов позднейшего турецко-татарского периода (Чуфут-кале, Ени-кале, Сухум-кале и пр.). При решении подобных вопросов не надобно упускать из виду и родство многих корней в наречиях финского и тюркского семейства, а также переход названий, особенно географических, от одного народа к другому; хазары же являются смесью пришлых Турок с разными туземными элементами, каковы угорский, славянский и особенно черкесский.

2 Большое количество подобных свитков и надписей собрано было трудами еврея Фирковича. Выводы из этого собрания см. в сочинении г. Хвольсона: *Achtzehn Hebraische Grabschriften aus der Krim* (*Memoires de l'Acad. VII-e serie. T. IX*). Впрочем, г. Фиркович позволил себе внести много подделок в свое собрание, как это доказано преимущественно трудами г. Гаркави.

3 Хотя г. Хвольсон в своем сейчас названном труде и настаивает на том, что ответ хазарского царя Иосифа испанскому еврею Хасдаю, заключающий упомянутую легенду, представляет подлинный памятник; но мы пока считаем недостаточно опровергнутым то мнение, по которому этот ответ есть не более как мистификация, сочиненная каким-нибудь ученым Евреем (русский перевод его см. в *Чт. Общ. Ист. и Др. Росс. 1847. No 6*).

4 В другом месте Ибн-Фадлан говорит: "Хазаре и царь их все Евреи". Но тут под словом Хазаре должно разуметь также двор или хазарскую аристократию, как это с вероятностью толкует г. Гаркави (*Сказания мусульманских писателей о Славянах и Руссах, 108*). Вообще все арабские известия согласны в том, что иудейскую религию исповедовала наименьшая часть Хазар (см. Лерберга, 349).

**Хазарский Саркел, построенный для защиты от
Печенегов и Руси. Посольство Русского кагана в 839
году. - Ряд известий о Роксаланском или Русском народе
от I до IX века включительно**

Около 835 года Хазарский каган и Хазарский бег (рес), по рассказу Константина Багрянородного, прислали к императору Феофану послов с просьбой построить им на Дону крепость. Император исполнил их просьбу и отправил на своих хеландиях спафарокандидата Петрону с мастерами и рабочими. В Херсоне Петрона пересел на плоскодонные суда, которые могли ходить по Азовскому морю и по реке Танаису. Он доплыл до назначенного места этой реки и здесь остановился. Так как в том краю не оказалось камня, годного для зданий, то Греки устроили печи, приготовили кирпичи, и затем воздвигли крепость, названную Саркел, что значит "Белая Гостиница", по объяснению Константина (а в русской летописи "Бела Вежа"). Современник Константина Леонтий (один из продолжателей Феофана), сообщая то же известие о построении этой крепости только в более коротких словах, прибавляет, что в Саркеле находился хазарский гарнизон в 300 человек, которые время от времени сменялись. С построением Саркела связана важная перемена в жизни Херсонеса Таврического. Дотоле, как известно, этот город с своей областью пользовался автономией: внутренними делами его заведовали городские патриции под председательством выбранного из их среды протевона. По совету Петроны, воротившегося из своей экспедиции, Феофан, чтобы иметь Херсон в полной своей власти, назначил туда императорского наместника или стратига, которому подчинил протевона и патрициев. Первым херсонским стратигом был назначен тот же Петрона, как хорошо знавший местные

дела; причем из спафарокандидатов он был повышен в следующее достоинство, то есть протоспафария.

Для защиты от какого народа построена была крепость Саркел?

Главный источник, то есть Константин Багрянородный, ничего не говорит на этот счет; но он указывает на Саркел как на пограничную крепость с Печенегами, обитавшими к западу от Дона; а Кедрен, писатель XI века, уже прямо говорит, что Саркел был построен для защиты от Печенегов. На это Лерберг в своем исследовании "О положении Саркела" заметил, что в эпоху его построения Печенеги кочевали в степях поволжских, то есть к северу от Хазарского государства; а на западную сторону Дона они перешли несколько позднее; следовательно, эта крепость не имела целью защиту от Печенегов. По его мнению, еще менее могла она иметь в виду защиту от Руссов. Но при более точном и беспристрастном рассмотрении обстоятельств, то и другое его положение должно оказаться несостоятельным.

Недаром Саркел стоял на судовом ходу Азовского моря в Каспийское: он, конечно, стерег этот важный путь. По всем признакам он находился там, где караваны должны были оставлять Дон и волоком перетаскиваться в Волгу, то есть около того места, где эти две реки близко подходят друг к другу. Этот волок служил, конечно, главным средством защиты против судовой рати, так как Турко-Хазары сами не были искусны в судоходстве и не имели флота. Саркел преграждал дорогу Руссам, которые из Азовского моря Доном и Волгой переходили в Каспийское море с целью грабежа; следовательно, он должен был охранять от их нападений столицу Хазарского царства Итиль. Лерберг отрицал такое предположение, как последователь норманской школы. (Ведь Руссы, если верить известной басне, еще не существовали на Руси в первой половине IX века: они только во второй его половине были призваны из-за моря!) Но для нас немислимы народы и государства, внезапно упавшие с не-

ба. Подтверждением нашего мнения о назначении Саркела защищать Хазарию от Руси служат последующие события.

Арабский географ Масуди, писавший в первой половине X века, в своих "Золотых Лугах" повествует о походе Руси на Каспийское море в числе 500 судов, в 913 году. Он говорит, что Руссы вошли в рукав Нейтаса, соединяющийся с Хазарской рекой. Под именем последней разумеется Волга; а под рукавом Нейтаса (то есть, Азовского моря) надобно разуметь нижнее течение Дона от его устья до крутого изгиба на север. Масуди поясняет, что здесь стояла многочисленная хазарская стража, чтоб удерживать как проходящих Азовским морем, так и наступающих сухим путем. Он именно указывает на турецких кочевников Гузов, которые обыкновенно приходят к этому месту зимовать. Когда же реки замерзают, то Гузы переправляются по льду и вторгаются в страну Хазар; но летом они не имеют переправы (следовательно, не могут обойти Саркела). Когда русские корабли продолжает Масуди - подошли к устью рукава (то есть, к волоку между Доном и Волгой), то они послали к Хазарскому царю просить, чтобы он дозволил им войти в его реку (то есть, Волгу) и вступить в Хазарское море. Они обещали отдать ему половину из всего, что нагрябят у народов, живущих по этому морю. Царь согласился. Исход предприятия известен. Руссы пограбили и опустошили прибрежные Каспийскому морю магометанские страны и отдали по уговору часть добычи Хазарскому царю. Но мусульманский отряд, находившийся у него на службе, и другие мусульманские жители Хазарии выпросили у него позволение отомстить Руссам за избиение своих единоверцев. Далее в известии Масуди, очевидно, есть некоторая неточность: по его рассказу, битва произошла, будто бы, около Итиля. Руссы, увидав мусульман, вышли на берег, сразились и после трехдневного боя были разбиты. Остаток их отправился на судах в страну, примыкающую к Буртасам;

там они были окончательно истреблены Буртасами и мусульманскими Болгарами.

Но зачем же Руссам после их поражения надобно было отправляться в страну Буртас и Камских Болгар? Не естественнее ли было спешить домой тем же обычным путем, то есть, Доном и Азовским морем? А также к чему им было выходить на берег и три дня сражаться с превосходным в силах неприятелем, когда они могли спокойно уйти на судах, так как Хазары не имели флота, и путь на реке был более или менее свободен? Эти несообразности дают понять, что битва происходила именно в том месте, где Руссы, обремененные добычей, должны были покинуть Волгу и идти волоком в Дон. Здесь-то, около крепкого Саркела, враги, конечно, и загородили им дорогу. Тогда, не могши пробиться после трехдневной отчаянной битвы, остаток Руси естественно должен был сесть на суда и плыть вверх по реке на север - единственный оставшийся у них путь отступления. Но тут встретили их новые враги и доконали.

Описание этого похода, между прочим, ясно показывает, как неверны были представления норманской школы о походах Скандинавов, которые, будто бы, свободно разгуливали по речным путям Восточной Европы, куда им вздумается, - и в Черное море, и в Азовское, и в Каспийское. Нет, походы эти были очень и очень трудны, а волоки делали их иногда невозможными. Далее из слов Масуди мы можем вывести заключение, что упомянутая им многочисленная хазарская стража на том месте, где рукав Азовского моря, то есть, Дон, подходит к Волге, и есть в сущности не что иное, как гарнизон Саркела, хотя Масуди не приводит имени крепости. Этот гарнизон препятствовал Руссам перейти из Дона в Волгу, и они могли совершить переход только с дозволения Хазар.

На основании того же известия мы думаем, что построением Саркела в одно время достигались две цели, ибо он занимал очень выгодное оборонительное положение. С од-

ной стороны, он препятствовал кочевым турецким народам вторгаться в Хазарское царство перешейком, лежащим между Доном и Волгой, за исключением того времени, когда эти реки покрывались таким толстым льдом, который мог выдержать целую конную орду; что в тех местах случалось не каждую зиму. Разумеется, перешеек этот был не настолько узок, что-бы гарнизон мог загородить дорогу коннице, и по всей вероятности в связи с главной крепостью устроен был ряд других укреплений, защищенный большим валом; длинные валы служили в то время обычным средством для защиты своей земли от неприятельских вторжений. Во время Масуди около этого перешейка кочевали Узы; но веком ранее на месте Узов жили Печенеги (изгнанные потом на западную сторону Дона Узами или Половцами); а следовательно, известие Кедрена, что Саркел построен против Печенегов, имело основание. С другой стороны, эта крепость своим положением около волока, очевидно, служила оплотом против судовых походов Руси. Отсюда понятно, почему она так неприятна была для Руси, и почему Святослав взял Саркел и разорил его¹.

Первое достоверное известие о существовании Русского княжества в Южной России замечательным образом совпадает по времени с известием о построении Саркела. Последнее происходило, повидимому, в 835 году, при Византийском императоре Феофиле. А спустя около четырех лет, то есть в 839 году, по известию Бертинских летописей, тот же император, отправляя к Людовику Благочестивому посольство, препровождает вместе с ним и несколько человек, которые называли себя Рось. Последние были посланы в Константинополь для изъявления дружбы от своего князя, именуемого хаканом; но так как враждебные варварские народы препятствовали им воротиться домой тем же путем, каким они пришли, то Феофил просил Людовика дать им средства вернуться другим путем. Под именем этого хакана или кагана, конечно, разумеется Киевский князь, а не какой-

нибудь из скандинавских владетелей, которые никогда каганами не назывались; равным образом никакой Руси в Скандинавии того времени источники не упоминают. (Все натяжки норманистов, на основании неясной фразы "из рода Свеонов", перетолковывать это место в свою пользу остаются бесплодны.) Очень возможно, что упомянутое хронологическое совпадение не было простой случайностью. Возможно, что помощь, оказанная Греками в построении Саркела, то есть в защите Хазарских владений со стороны Печенегов и Руси, побудила также и Русского князя войти в непосредственные сношения с Византийским двором, чтоб отвлечь его от союза с Хазарами. При этом возможно, конечно, и даже очень вероятно, что подобные сношения начались еще ранее, особенно по делам торговым, и что посольство это было совсем не первое; но хазарские дела могли оживить и усилить стремления Русских князей к непосредственным сношениям с Византийским двором².

Прежде нежели пойдем далее, спросим себя: откуда же взялось это Русское княжество или каганство, о существовании которого с первой половины IX века свидетельствует современное известие Бертинских летописей?

Ответ на этот вопрос вытекает сам собой, если припомним известия греко-латинских источников о скифо-сарматском народе Роксаланах или Рос-Аланах, и если отнесем к источникам просто, без всяких умствований. Для решения данного вопроса достаточно только привести в хронологическом порядке важнейшие из этих известий.

Наиболее ранние и вместе наиболее обстоятельные свидетельства принадлежат двум знаменитым писателям первого века по Р. Хр., Страбону и Тациту. Страбон говорит, что Роксалане жили между Доном и Днепром; он считает их самыми северными из известных (ему) Скифов. Он рассказывает, что они принимали участие в войне знаменитого Митридата, царя Понтийского и Боспорского, с царем скифским Скилуром, как союзники последнего, в 94 г. до Р. Хр.; они

явились на войну под предводительством Тасия, в числе будто бы 50000, в шлемах и панцирях из воловьей кожи, вооруженные копьями, луком, мечом и щитом, плетеным из тростника. Они потерпели поражение от полководца Митридатова Диофанта, имевшего 6000 отлично устроенного войска. Этот народ живет в войлочных кибитках, окруженный своими стадами, питаясь их молоком, сыром и мясом и передвигаясь постоянно на равнинах, а зимой приближается к болотистым берегам Меотиды. (Strabo. Lib. II и VII).

По известию Тацита, сарматское племя Роксалане, числом 9000 конницы, вторглось в римскую Мизию в 69 году по Р. Хр. Сначала они имели успех и истребили две римские когорты. Но когда варвары рассыпались для грабежа и предались беспечности, римские начальники ударили на них с своими легионами и нанесли им совершенное поражение. Этому поражению способствовала наступившая оттепель; кони Роксалан спотыкались, всадники падали и нелегко поднимались при своем довольно тяжелом вооружении; они имели длинные мечи и копья, а у знатных панцири сделаны были из железных блях или из твердой кожи; но щиты будто бы не были у них в обыкновении. В пешем бою они были неискусны. (Taciti Hist. L. I).

Кроме того в первом веке имя Роксалан встречается у Плиния в его "Естественной истории" и в одной надгробной надписи из времен императора Веспасиана. В последней говорится именно о возвращении Римлянами князьям Бастарнов и Роксалан их сыновей (бывших, конечно, заложниками).

Во II веке о Роксаланах упоминают римские писатели Спартиан и Капитолин и греческие Птоломей и Дион Кассий. Первый говорит о договоре императора Адриана с князем Роксалан, который жаловался на уменьшение суммы, платимой ему Римлянами. Ко времени того же императора относят одну латинскую надпись, в которой упоминается Роксаланский князь Элий Распарасан (принявший имя

Элия, конечно, в честь Элия Адриана). Капитолин в числе понтийских народов, угнетавших Римлян на нижнем Дунае, называет Роксалан. Географ Птоломей помещает их около Меотиды. Но ясно, что в это время жилища их простирались и на западную сторону Днепра, откуда они могли напасть на римские области Дакию и Мизию. Дион Кассий рассказывает, что император Марк Антонин позволил Языгам из их новых жилищ пройти через Дакию к Роксаланам.

В III веке Роксалане, по словам Требеллия Полиона, убили Регилиана, одного из так называемых тридцати тиранов. По словам Вописка, в триумфе императора Аврелиана в числе других участвовали и пленники роксаланские со связанными руками. Относимые к III-IV вв. Певтингеровы таблицы помещают "Роксалан Сармат" вблизи Меотиды.

В IV веке Аммиан Марцелин приводит Роксалан в числе народов, обитавших все около того же Меотийского озера, к северу от Понта.

Иорнанд, писатель VI века, в числе народов, подвластных готскому царю Германриху, приводит Рокасов (Rocas), которых в другом месте называет их сложным именем Роксалан и изображает их народом вероломным, погубившим Германриха. Последний за измену одного знатного Роксаланина (по-видимому, передавшегося на сторону Гуннов) велел жену его Санелгу привязать к диким коням и размыкать по полю: тогда два ее брата, Сарус и Аммиус, мстя за смерть сестры, нанесли тяжелую рану Германриху, так что он после того не мог сражаться с Гуннами и вскоре умер. (Сар. 24). Из этого известия с полной вероятностью можно заключить, что движение Гуннов произошло в связи с восстанием Роксалан против Готского владычества³. После удаления Готов и Гуннов на запад, Роксалане, по-видимому, снова заняли прежнее первенствующее положение в странах к северу от Понта; судя по словам того же Иорнанда, в его время Дакия (называвшаяся тогда и Генидия) опять на востоке граничила с Роксаланами. (Сар. 12).

Совокупность этих греко-латинских известий от I до VI века включительно, кажется, ясно указывает нам на сильный, многочисленный народ, которого средоточием был Днепр, а отдельные ветви простирались с одной стороны до Азовского моря, с другой до Днестра или до пределов древней Дакии. В первом веке по Р. Хр. он находился еще на степени кочевого или полукочевого быта; в те времена не только часть Славян, но и часть Германских племен еще не вышла из этого быта, что и объясняет нам последующую эпоху, известную под именем Великого переселения народов, и особенно передвижение Готских народов от северных берегов Черного моря до пределов крайнего запада. Но в течение дальнейших столетий Роксаланское или Русское племя, конечно, все более и более приобретало привычки быта оседлого, сохраняя однако свой подвижный, предприимчивый характер и охоту к дальним походам, на что указывают его столкновения с Римским миром. Те известия ясно свидетельствуют о присутствии у этого племени княжеского достоинства и знатного сословия, отличавшегося на войне более богатым вооружением.

Известна сбивчивость и путаница народных имен у средневековых писателей. Особенно велика эта путаница по отношению к народам Скифии или Восточной Европы. Один и тот же народ не только в разные времена, но иногда в одну и ту же эпоху является у них под различными именами. Так Роксаланы в VI веке скрываются у византийских писателей (Прокопия и Маврикия) преимущественно под именем Антов, не говоря о более общих именах Скифов и Сарматов, которые долго еще не выходили из употребления. Относительно византийских писателей естественно забвение имени Роксалан, ибо они никогда его и не употребляли в этой сложной форме; она встречается более у латинских писателей; но и тот же Иорнанд, перечисляя народы Скифии, забывает о Роксаланах, и на месте их ставит Антов. Однако название Роксаланы (вопреки мнению норманистов) не ис-

чезло из истории последующих веков. Мы его встречаем в IX веке, и опять у латинского писателя, именно у географа Равеннского. Он два раза упоминает в восточной Европе страну Роксалан, за которой далеко к океану лежит великий остров Скифия или Скандза, то есть, Скандинавия. (L. I. с. 12 и L. IV. с. 4.)

Точно так же, вопреки норманской школе, народное имя Русь и Рось, вместо своей сложной формы Рос-Алане, упоминается некоторыми источниками по отношению к южной России ранее второй половины IX века, то есть, эпохи мнимого призвания Варягов-Руси из-за моря. Уже Иорнанд употребляет эту простую форму (ибо его Rocas есть не что иное, как Rox или Ross); далее, мы видели ее, по поводу народа Рось и Русского каганата, в Бертинских летописях. Ту же простую, несложную форму употребляет географ Баварский, который наряду с Угличами (Unlizi) и Казарами (Caziri) помещает и Русь (Ruzzi). Упоминание о туземном народе Русь под этим ее именем встречается также у арабских писателей второй половины IX века, например у Хордадбега.

В течение восьми веков, протекших от Страбона до известия Бертинских летописей, Роксаланский или Русский народ пережил, конечно, много испытаний и много перемен. Он выдержал напоры разных народов и отстоял свою землю и свою самобытность, хотя и не раз подвергался временной зависимости, например, от Готов, и отчасти от Авар. Не одни чужие племена вступали с ним в борьбу и иногда угнетали его; соседние славянские племена также воевали с ним за земли, за добычу, за дань. Особенно сильные столкновения он должен был выдерживать с племенами Болгарскими, которые в V веке, то есть, после Остроготов из южной России, широко распространились по Черноморским краям от Тавриды до Дуная. Но рано или поздно, мужественный, упругий Роксаланский народ брал верх над туземными и пришлыми соседями. Главная его масса мало-помалу сосредото-

чилась на среднем течении Днепра, к северу от порогов, в краю, обильном цветущими полями, рощами и текучими водами, в стороне от южных степей, слишком открытых вторжению кочевых народов. В этом краю он построил себе крепкие города и положил начало государственному быту с помощью своих родовых князей, из которых возвысился над другими род Киевский. Здесь Русь развила свою способность к политической организации. Отсюда, из этого средоточия, посредством своих дружин, она постепенно распространила свою объединительную деятельность на родственные ей племена восточных Славян; разумеется, объединение это долгое время совершалось в первобытной форме, то есть, в форме дани. Как одно из наиболее даровитых и предприимчивых арийских племен, Русь с одинаковым успехом предавалась мирным и воинственным занятиям, грабежу и торговле, сухопутным и морским предприятиям; дружинники русские с одинаковой отвагой владели конем и лодкой, мечом и парусом. Их смелые судовые походы по рекам и морям не замедлили сделать громким русское имя на востоке и на западе.

Но возвратимся к русскому посольству 839 года, и спросим: кто были те жестокие варварские народы, которые в эту эпоху препятствовали сношениям Киевской Руси с Византией?

Без всякого сомнения, это были если не сами Хазары, то их данники Угры или Мадьяры. По всей вероятности часть угорских кочевых орд была покорена Турками еще в VI веке. За хазарскими Турками явились, по эту сторону Урала, другие турецкие орды, именно Печенеги; эти последние и потеснили Угров волжских. Случилось то же, что и всегда происходило при подобных движениях в степях юго-восточной Европы: часть волжских Угров сменила хазарскую зависимость на печенежскую; а другая, и вероятно еще большая, часть передвинулась далее на запад по пути, давно проложенному кочевниками, то есть, в степи черноморские.

Судя по известию о построении Саркела, Печенеги в первой половине IX века уже находились в степях придонских; стало быть, последнее передвижение Угров в западное Черноморье совершилось не позднее конца VIII века. И действительно, в той же первой половине IX века мы встречаем их там, по свидетельству византийских писателей (именно Льва Граматика и Георгия Мниха). Македонские пленники, поселенные болгарским царем Крумом на северной стороне Дуная, вздумали бежать оттуда с помощью греческих кораблей. Так как главные силы Болгар в то время воевали Солунскую область, то болгарский царь Владимир пригласил на помощь Угров (которых Византийцы при этом называют и Гуннами, и Турками). Угры явились в большом числе на берега Дуная, однако не помешали бегству Македонян. А это событие происходило в эпоху императора Феофила (829-842 гг.), то есть, именно в эпоху упомянутого выше посольства Днепровской или Киевской Руси к этому императору⁴.

Известие о русском посольстве к Феофилу, сохраненное нам Бертинскими летописями, есть драгоценный луч света, прорезывающий тот мрак, который покрывает судьбы Руси перед ее грозным появлением под стенами Константинополя в 865 году. Это известие, несомненно указывающее на существование Днепровско-Русского княжества и на его мирные сношения с Византией уже в первой половине IX века, находится в полном согласии с последующим свидетельством патриарха Фотия о Руси 865 года. Он говорит, что "варвары справедливо разсвирепели за умерщвление их соплеменников; они благословно требовали и ожидали кары, равной злодеянию". И в другом месте: "Их привел к нам гнев их, но, как мы видели. Божья милость отвратили их набег". (Четыре беседы Фотия- архим. Порфирия Успенского). Из этих слов можно понять, что нападению Руси предшествовали ее посольские и торговые сношения с Византией, и не только сношения, но и договоры (ибо известные догово-

ры Олега и Игоря являются только продолжением прежних). Ясно, что какое-то умерщвление Русских людей в Греции вызвало набег Руси на Константинополь.

Подобно латинскому известию о русском посольстве 839 года, византийское свидетельство о построении Саркела также бросает некоторый луч света на русскую историю того времени. Это свидетельство устраняет нашу летописную басню об Аскольде и Дире, освободивших Киев от хазарской дани; ибо оно и показывает, что уже в первой половине IX века границей Хазарского государства на севере было нижнее течение Дона и Волги, и что Хазары стараются с этой стороны защитить себя от нападений других народов, именно Печенегов и Руси. Очевидно, летописное предание или, как мы заметили, смешивало Турко-Хазар с Аварами, или спутывало Днепровскую Русь с Русью Тмутраканской, собственно Болгарской, которая действительно находилась в зависимости от Хазар. Точно так же невероятны известия летописи о хазарской дани у Радимичей, Северян и Вятичей, если принять в расчет географическое их положение. Но вопрос несколько изменяется, если названия двух последних племен примем в более обширном значении, нежели какое они имеют у наших летописцев. Известно, что наша Севера есть то же, что Сервы или Сербы, имя, когда-то бывшее не видовым, а родовым названием для значительной части Славянских племен. Точно так же и название Вятичи есть только видоизменение другого родового имени, то есть, Антов или Вантов, Вятгов (Венетов). А "безчисленные" племена Антов, как замечает Прокопий, соприкасались своими жилищами на юге с таврическими и кубанскими Гуннами, то есть, Болгарами⁵ .

Вообще, Славянские племена в те времена далеко распространялись на юго-восток, до самого Кавказа и нижней Волги. Только в течение длинного ряда веков многократным наплывом турецких кочевых орд, начиная с Турко-Хазар и кончая Татарами, юго-восточные ветви Славян были

отторгнуты от своих соплеменников и впоследствии утратили свою народность. Но в эпоху, о которой идет речь, часть этих Славян входили в пределы Хазарского государства. О том в особенности свидетельствуют арабские известия. В этих известиях Дон и Волга нередко встречаются под именем "Славянской реки". Баладури, писатель IX века, говорит, что арабский полководец Мерван, во время набега на Хазарию, взял в плен 20000 Славян, которых поселил за Кавказом; а такая цифра ясно указывает на присутствие многочисленного славянского населения в пределах Хазарского государства. Масуди прямо говорит, что некоторые племена язычников, обитающих в земле хазарского царя, суть Славяне и Руссы, что из них набираются отряды в его войско и что они населяют целую часть его столичного города Итиля.

1 Нашему мнению о положении Саркела на переволоке соответствует известие о путешествии митрополита Пимена (Никон, лет.). Плывя по Дону, он видел городище Серклию перед тем, как обогнуть Великую Луку, т. е. колена Дона, подходящее к Волге. Леонтьев полагал это место несколько выше Качалинской станицы ("Розыскания на устьях Дона". Пропилеи. IV. 524). Константин Б. также говорит, что "Танаис идет от Саркела". Позд. прим.

2 Некоторую аналогию с известием о русских послах при дворе Людовика Благочестивого в 839 году представляет свидетельство хроники Регинона о послах княгини Ольги при дворе Отгона I в 959 году. То и другое свидетельство темно подвержено разноречивым толкованиям; но оба они несомненно относятся к Киевской Руси.

3 Иорнанд сообщает и о дальнейшей вражде Готов и Роксалан; только последних он в этом случае называет Антами. Преемник Германриха Винитар напал на Антоу и был сначала побежден, но потом взял их князя Бокса и распял на кресте с его сыновьями и семидесятью вельможами, которых оставил висеть на виселице, чтобы навести страх на

Ангов. Очевидно, он мстил Антам-Роксаланам за их восстание против готского владычества и за союз с Гуннами. Только благодаря этой племенной вражде двух главных туземных народов, царю Гуннов Валамиру удалось потом победить Винитара, и таким образом подчинить себе всех Остроготов. Обратим также внимание на роксаланские имена у Иорнанда. Санелга, очевидно, включает в себе коренное древнерусское имя Ольга или Елга (в этой форме см. у Константина Багрянородного), встречающееся также в названиях рек Олег, Волга, ольга (болото) и пр. А ее брат Аммиус слышится в названии Миус и Калмиус, двух рек, впадающих в Азовское море и протекающих в стране древних Роксалан.

4 Вот явное доказательство произвольной хронологии в нашей начальной летописи. Она помещает пришествие Черных Угров в южную Россию под 898 годом и ошибается при этом по крайней мере на целое столетие. (Ранее означенного года Угры явились уже в Паннонии). По всей вероятности, наши книжники известие Византийцев о войне с Уграми Симеона Болгарского истолковали в смысле первого пришествия Черных Угров. А между тем историография наша принимала на веру эту хронологию и пыталась согласить ее с событиями!

5 Что касается до Северян, то довольно трудно провести границу между этой славянской ветвью и Гуннами Савирами. Византийские писатели, причисляющие Савиров к Гуннам, суть преимущественно те же самые, которые Гуннами называют и славянских Болгар, то есть Прокопий, Агафий и Менандр. Иорнанд также относит к Гуннам Савиров или Авиров наряду с азовскими Болгарами. Прокопий говорит, что "Савиры, народ гуннский, обитают около Кавказа", что они "очень многочисленны, чрезвычайно воинственны и разделены на многия княжества". Агафий также отзывается о них, как о народе весьма многочисленном и очень опытным в войне и грабежах. По его известию, в 556 г. в римс-

ком войске, защищавшем закавказские владения от Персов, участвовало около 2000 тяжело вооруженных Савиров под начальством трех знаменитейших вождей, Балмаха, Кутилгиза и Илигера. А эти имена едва ли могут быть признаны за угро-финские, особенно последнее: оно весьма близко отзывается древне-русским Елг (Олег), латинским- Ольгерд и болгарским Вульгер (который встречается в том же VI веке как предводитель Болгар, вторгшихся в Мизию. См. у Феофана и Анастасия). По известию Феофана, у Савиров кавказских была княгиня Боарис или Боарикс, которая наследует своему мужу Балаху, является также союзницей императора Юстиниана I в его войнах с Персами и сама предводительствует войском. Имя ее, по всей вероятности, одного корня с славяно-русским Борис или Богорис. Не забудем при этом, что Кавказские края в древности почитались родиной Амазонок. Название Савиры или Савары слышится также в древнем названии Савароматы или Савроматы; а этот народ был известен своими воинственными женщинами, и по мнению древних, вел происхождение от Скифов, сочетавшихся с Амазонками.

Вообще, трудно найти где-либо более сбивчивую и запутанную массу народных имен сравнительно с именами тех народов, которые вышли из стран Прикавказских. Как под именем Савиров могут скрываться наши Северяне, так и имя Алан когда-то распространялось на разные народы, о чем прямо говорит Аммиан Марцелин в IV веке. Впоследствии оно сосредоточилось преимущественно на одном кавказском племени, остатки которого мы узнаем в современных Осетинах (Ясы наших летописей). Исследования филологов (особенно Шегрена) показали, что это последнее племя принадлежит к арийской семье, именно к группе сармато-мидийских народов, которая, по-видимому, была родственна с одной стороны с группой германо-славяно-литовской, а с другой с языками иранскими.

VI

Судовой путь из Киева в Азовское море и связи Днепровской Руси с Боспорским краем. - Угличи и Тиверцы суть племена Болгарские. - Черная Болгария и ее тожество с третьей группой Руссов у арабских писателей.

Сблизив, при помощи хронологии и других обстоятельств, построение Серкела с известием о Руси Бертинских летописей, мы подходим к уяснению исторической связи между Русью Днепровской и тем краем, который является потом под именем Тмутраканского княжества. До прихода Печенежских орд в Черноморские степи племена Антов, по всем признакам, еще жили почти сплошь от Днепра до Азовского моря. Последнее еще долго потом, до Половцев или даже до Татар, не было обнажено от славяно-русских поселений на северо-западных его берегах и славяно-болгарских - на юго-восточных. Если обратим внимание на положительное известие Масуди о том, что Руссы живут на одном из берегов Русского моря, на котором никто, кроме их, не плавает, и если под этим морем признаем преимущественно Азовское (ибо о Черном никак нельзя было сказать того же), то убедимся, что еще в X веке Русь сохраняла свои поселения на Азовском побережье и свою связь с этим побережьем. Эта связь объяснит нам многое в начальной истории нашего государства. Обыкновенно думали, что Киевская Русь сообщалась с Тмутраканью и ходила в Азовское море Днепром и Черным морем, то есть вокруг Таврического полуострова. Такое мнение не выдерживает более тщательного рассмотрения обстоятельств. Наша историография, очевидно, увлекалась картинным описанием плавания Руси в Византию у Константина Багрянородного. Историография доселе не задала себе простого вопроса: Константин

описывает только путешествие в Грецию, а каким способом Русь возвращалась назад в Киев? Если плавание сквозь пороги вниз по Днепру было сопряжено с такими трудностями, то как же оно могло совершаться вверх, против течения? Чтобы Руссы переволакивали свои ладьи посуху мимо всех порогов, то есть на расстояние 70 или 80 верст, это совершенно невероятно. Из описания Константина видно, что когда они плыли вниз, то большей частью и не вытаскивали своих лодок на берег, а проводили их у самого берега по мелкому каменистому дну или спускали по быстрине. При этом Константин описывает собственно торговый караван; а как совершалось плавание военного флота в несколько сот и даже тысяч ладей, отправлявшегося грабить берега Черного или Каспийского морей, и как он возвращался домой, этого не объясняет нам прямо ни один источник.

Не было ли еще какого пути из Киева в Азовское море?

Такой путь действительно был. На него указывает Боплан в своем описании Украины. Рассказывая о возвращении Запорожцев из своих походов по Черному морю, он поясняет, что кроме Днепра у них была и другая дорога из Черного моря в Запорожье, а именно: Керченским проливом, Азовским морем и рекой Миусом; от последнего они около мили идут волоком в Тачаводу (Волчью Воду?), из нее в Самару, а из Самары в Днепр. В настоящее время такие степные реки, как Миус или Волчья Вода, не судоходны. Но они, как видим, были судоходны еще в XVII веке. Судя по Боплану, пространство между Днепром, Самарой и Миусом в его время еще было обильно остатками больших лесов. В XIII веке Рубруквис, описывая свое путешествие к Татарам, также говорит о большом лесе на запад от реки Дона. Отсюда можно заключить, какие густые леса росли в более глубокой древности; а они-то и обуславливали значительную массу воды в реках этого края. Особенно в полную воду судоходство могло совершаться беспрепятственно, и сам волок между

Волчьей Водой и каким-либо ближним притоком Миуса или Калмиуса, по всей вероятности, покрывался водой.

Нет ли указаний на этот путь в древнейших источниках Русской истории?

Есть. Тот же Константин Багрянородный в своем сочинении "Об управлении империей", говорит: "К северу Печенеги имеют реку Днепр, из которого Россы отправляются в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию". Очевидно, автор имел только общее сведение об этом пути и не знал его так отчетливо, как путь Днепровский или Греческий; однако указание это для нас очень важно. Прежде затруднялись, куда отнести эту Черную Болгарию. Но для нас ясно, что тут речь идет о Болгарах Таврическо-Таманских, соседних с Хазарами. Сирия так-же запутывает это свидетельство, если под ней разуметь известную страну, лежащую к югу от Малой Азии. Но чтобы достигнуть ее на судах, надобно было плыть мимо Константинополя в Мраморное море и т. д., о чем нет никакого помину. Поэтому толкование согласуется с походами Руссов из Азовского моря Доном и Волгой в Каспийское, о котором рассказывают арабские писатели¹. Далее, в том же X веке, кроме Константина Багрянородного, мы имеем и другое византийское указание на азовско-днепровский путь. У Льва Диакона сказано, что Игорь после своего поражения у берегов Малой Азии с оставшимися десятью судами отплыл в Боспор Киммерийский. Если бы не существовало означенного пути, то зачем было ему плыть к Таврическому проливу, а не к Днепровскому устью?

Наконец в русских летописях есть намек на то же сообщение, именно там, где говорится о путях Соляном и Залозном (Ипат. лет. под 1170 г.). Профессор Брун в прекрасной своей статье "Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море" (Записки Одесск. Общ. т. V) весьма удовлетворительно разъясняет, что пути эти шли из Днепра к соляным озерам Перекопским, Геничским и Бердянским по рекам Калмиусу и Миусу. По его мнению, одну из них (ве-

роятно последнюю) должно подразумевать под именем "Русской реки" у Эдриси, арабского писателя XII века, и на генуэзских картах XIV и XV столетий. То же судоходное сообщение, по словам г. Бруна, объясняет и заблуждение некоторых средневековых географов, которые думали, будто Днепр одним рукавом изливается в Черное море, а другим в Азовское².

Таким образом для нас становятся понятны связи Киевской Руси с Тмутраканью. Кроме судового сообщения, было, конечно и сухопутное, существовавшее особенно в зимнее время и необходимое для конных дружин. (Для примера напомним вспомогательную хазарскую или черкесскую конницу, приведенную Мстиславом Чермным против своего брата Ярослава.) Оно совершалось также при помощи Арабатской стрелки, как правдоподобно толкует г. Брун, указывая на путешествие раввина Петахия в XII веке. О сухопутном сообщении между Днепром и побережьем Азовского моря свидетельствует и знаменитый поход наших князей в 1224 году: переправившись за Днепр около Хортицы, они восемь или девять дней шли потом до берегов Калки (Калмиуса), где произошла несчастная битва с Татарами. Если в XIII веке Русские дружины хорошо знали пути к Азовскому морю, то тем более последние были им известны в древнейшую эпоху, когда кочевые орды еще не успели оттеснить их от этого моря; судя по известиям Арабов, значительные русские поселения находились здесь несомненно еще в X веке. Если бы не свидетельство Масуди о том, что Русь живет на берегах Русского моря и на нем господствует, то нам трудно было бы и объяснить ее морские предприятия, торговые и военные, за которыми можно следить от IX до XII века включительно, то есть до той эпохи, когда она была совершенно оттерта от морского побережья. Иначе нельзя было бы понять, почему Киевская Русь в IX и X веках является смелым мореходным племенем и каким образом она могла объединить под своим господством такие славянские племе-

на, как Таманских и Таврических Болгар, обитавших за морем. Жительство на берегах Азовского моря и исконные связи Киевского края с этими берегами устраняют и сам вопрос о том, когда начались сношения Днепровской Руси с Азовско-Черноморскими Болгарами. Напомним известие Прокопия, что к северу от Гуннов-Утургуров живут племена Антов; следовательно, уже в VI веке мы видим Болгар соседями Руси. От VI до IX века в ее положении еще не произошло больших перемен; движение Авар и Угров хотя и внесло новые этнографические элементы в край, заключенный между Днепром, Азовским и Черным морем, но главная масса этих народов передвинулась далее на запад в Придунайскую равнину.

Многочисленный Болгарский народ во время движения к Дунаю оставил значительную часть своих племен в южной России, на пространстве между Азовским морем и Дунаем. У писателей VI века (Прокопия и Агафия) мы встречаем здесь поселения Утургуров и Кутургуров; а более поздние писатели (Феофан и Никифор), в известной легенде о разделе сыновей Куврата, отнесли это пространство к уделам его второго сына Котрага и третьего Аспаруха. Котраг занял место на запад от реки Дона и Азовского моря, против части старшего брата Батбая, оставшегося на родине, то есть, за Азовским морем. Выше мы указываем, что эта легенда произошла из попытки объяснить широкое расселение болгарского семейства. Сближая разные известия, приходим к тому выводу, что приводимые нашей начальной летописью сами южные славянские племена, сидевшие по Днестру к Дунаю до самого моря, Улучи и Тиверцы, были именно племена болгарские. Летопись замечает, что племена эти (собственно место их жительства) у Греков назывались Великая Скуфь. Только пределы им она назначает слишком тесные, так как они, по всем признакам, от Днестра сидели не только к западу до Дуная, но и к востоку до Днепра или до Азовского моря. Улучи, с их вариантами Уличи, Улутичи и

Лутичи, обыкновенно отождествляются, и совершенно справедливо, с народом Угличи, у баварского географа Unlizi, у Константина Багрянородного Oultinoi. Константин причисляет Ультинов к тем славянским племенам, которые платили дань Руси. Восходя к более ранним источникам, мы встречаем тех же Ультинов в VI веке у Агафия, только с обычным в то время окончанием на гуры или зуры, а именно Ультинзуры (Oultinzouroi). Агафий приводит их как подразделение Гуннского племени вместе с Котригурами, Утригурами и Буругундами; а под Гуннами у него являются не кто другой, как Болгаре. У старшего Агафиева современника Иорнанда встречаем тех же Ультинзуров, но под вариантом Ульцингуров (Ulzingures); он приводит их в числе народов, подвластных Гуннам (сар. LIII). Что наши южные Угличи были племена Болгарские, подтверждает так-же упомянутая выше легенда. Она повествует, что Аспарухова часть пришла на Дунай от реки или от местности, которая "на их языке" (то есть на болгарском) называется Онглон или Оглон (Унгул или Ингул, а без носового звука - Угол).

Что касается до Тиверцев, то мы отождествляем это название с византийскими Тавроскифами. Название Тавроскифы встречается очень рано, именно у греко-латинских писателей II века по Р. Х. Птоломея и Юлия Капитолина. По их свидетельству, они жили в соседстве с Оливией около полуострова, который назывался "Бег Ахилла", то есть около Днепровского лимана и Кинбурнской косы. Какому народу первоначально дано было это имя, положительно сказать нельзя; оно намекает только на смесь древних обитателей Крымского полуострова или Тавров с соседними Скифами; а под этими последними мы разумеем в тех местах племена готские и славянские. У писателей византийских опять встречаем то же имя, начиная с VI века. Именно Прокопий в своем сочинении "О постройках" говорит, что города Херсон и Боспор лежали за Таврами и Тавроскифами. А в тех местах, как мы доказываем, жили тогда племена Болгарс-

кие. Манасия, писатель XII века, рассказывая о нападении Аварского кагана на Константинополь, в числе его вспомогательных войск упоминает и Тавроскифов, вместо которых в данном случае у писателей более ранних (например у Феофана) поставлены Болгаре. Эти свидетельства заставляют нас предполагать, что Византийцы называли Тавроскифами сначала (приблизительно с VI века) часть Болгарского племени. Но позднее это имя перешло на тот родственный ему народ, который завладел этой частью, то есть на Руссов. Известно, что под именем Тавроскифов являются они в X веке у Льва Диакона, который замечает при этом, что на своем родном языке они называют себя Рось (а не Тавроскифы).

Но в то же время родиной их он считает страну, прилежащую к Боспору Киммерийскому, - следовательно, или смешивает азовских Болгар с господствующим тогда у них народом, то есть Русью, или понимает тут вообще Приазовские края. Между прочим, к Скифам или Тавроскифам он относит Ахиллеса (который будто бы по словам Арриана был родом из меотийского города Мирмикиона). Как на признаки его скифского происхождения, он указывает на следующие его черты, общие с Русью: покроей плаща с пряжкой, привычка сражаться пешим, светло-русые волосы, светлые глаза, безумная отвага и жестокий нрав.

С мифом об Ахилле, не забудем, был связан в особенности полуостров, образуемый Днепровским лиманом и Перекопским заливом; полуостров этот носил название "Тавроскифия", а примыкающая к нему Кинбурнская коса называлась "Ахилловым Бегом" (Georg. min ed Huds . Т. 11, р. 87. См. Skythien von Ukert. 164)³ . Но замечательно, что русские книжники, сколько известно, не выводили свой народ от Ахилла и его сподвижников, между тем как мнение о подобном происхождении встречается именно у книжников болгарских. Так, в одном болгарском памятнике, передающем легенды о Троянской войне, читаем: "Сий Ахиллеус имый воя своя, иже нарицахуся тогда Мурмидонес, ныне

Болгаре и Унну". (Калайдовича "Иоанн экзарх Болгарский", 181.) Последнее слово ясно показывает, что болгарские книжники причисляли свой народ к Уннам или Гуннам, подобно Византийцам, от которых они заимствовали и мнение о скифском происхождении Ахилла. Вообще, сказания о Троянской войне были любимым чтением у Дунайских Болгар 4. Итак, по всем соображениям, Тавроскифами Византийцы называли собственно Черноморских Болгар, а потом уже перенесли это название на родственное им и покорившее их племя Руссов. Последние не называли себя Тавроскифами, а именем подобным, или от того же корня происходящим, называли часть Черноморских Болгар, то есть Тиверцев (собственно Тыричи или Тавричи). Между тем, как племя Угличей жило преимущественно между Днепром и Днестром, Тиверцы, без сомнения, обитали между нижним Днепром и Азовским морем, и здесь их поселения сходились с поселениями Руси или древних Роксалан.

Итак, связи между Русью с одной стороны, и Болгарами Таврическими и Таманскими, с другой, существовали искони. Но начало русского влияния у этих Болгар можно приблизительно определить первой половиной IX века. Построение Саркела, имевшего назначением защищать хазарские пределы от Руси и Печенегов, и. посольство русского кагана в Константинополь в 838-839 гг. могут свидетельствовать о том, что Днепровская или Полянская Русь около этого времени значительно подвинула вперед свое дело объединения восточных Славян и выступила на более широкое историческое поприще, так что ее имя вскоре сделалось знаменитым и в Европе, и в Азии. Следующее за посольством 839 года византийское известие о Руси относится уже прямо к ее нападению на Царьград в 864-865 гг., нападению, которое так ярко рисуют нам беседы Фотия. В свою очередь, это нападение подтверждает существование предварительных связей Руси с Болгарскими поселениями на берегах Боспора Киммерийского; ибо только при таком условии возможно

было возвращение русского флота на родину, что впоследствии повторилось и с флотом Игоря. Начало русского влияния на Боспоре в первой половине IX века совпадает и с ослаблением хазарского могущества, которое заметно обнаруживается около того же времени. Хазар начинают теснить со всех сторон враждебные им народы: с юга - Арабы и Закавказские племена, с севера - Печенеги, с запада - Руссы; а некоторые покоренные племена свергают с себя их иго. Так, в первой половине X века, судя по известию Константина Багрянородного, Кавказские Аланы не только являются независимыми от Хазар, но и своими нападениями препятствуют их сношениям с Черноморскими областями и с Таврическим полуостровом. А именно, в своем сочинении "Об управлении империей" Константин говорит: "Узы могут воевать Хазар как их соседи (на севере), равно и князь Алании, к которой прилежат девять хазарских округов; Аланин, если захочет, может грабить эти последние, тем причинять Хазарам великий вред и производить у них нужду; поелику из этих девяти округов Хазары получают все свое довольство". И далее: "Если государь Алании предпочитает римскую дружбу хазарской, то в случае разрыва Хазар с Римлянами может причинить Хазарам большой вред, устраивая засады и нечаянно нападая на них в то время, когда они отправляются в Саркел, в округи и в Херсон. Если этот государь постарается преградить им путь, то в Херсоне и в округах (климатах) будет полное спокойствие. Хазары, опасаясь аланских вторжений и будучи не в состоянии напасть с войском на Херсон и климаты, принуждены оставаться в мире, так как не могут в одно и то же время вести войну с обоими неприятелями".

Азовско-Черноморским Болгарам, разделенным на разные княжения и общины и притом жившим в равнинах и низменных местах, было труднее освободиться от хазарской зависимости, нежели Аланским горцам, которые, по ясному смыслу Константинова известия, сосредоточены были под

властью одного государя. Но на помощь Болгарам явились соплеменные Руссы. Целый ряд войн Руси с Хазарами, о котором вспоминает и наша летопись, очевидно, произошел не из-за Радимичей и Вятичей, а именно из-за Боспорских или Черных Болгар. Окончательное освобождение последних от Хазар и подчинение их Руси совершились, по всем признакам, в период между 911 и 945 годами, то есть в период между договорами Олега и Игоря. В первом, то есть в Олеговом договоре, еще нет никаких статей относительно Черных Болгар и Корсунской земли; а в договоре Игоря поставлено условие, чтобы Русский князь не пускал Черных Болгар воевать страну Корсунскую. Очевидно, в эпоху последнего договора Черные Болгаре находились уже в вассальной зависимости не к Хазарам, а к князю киевскому. К этим Боспорским Болгарам, как известно, спасся Игорь с остатком своего флота в 941 г. Да и сам поход, по всей вероятности, был предпринят отсюда же, из Киммерийского Боспора. Он напал на вифинские берега Малой Азии; следовательно, путь его был тот же, о котором мы говорили при описании византийского посольства к Туркам, в VI веке; то есть: он туда и обратно пересек Черное море в самом узком его месте, между Корсунем и Синопом.

Откуда взялось название Таврических Болгар "Черными" в Игоровом договоре?

Очевидно, оно буквально переведено с греческого, так же, как и весь договор. Замечательно, что и в византийских источниках оно встречается только в ту же самую эпоху, ни прежде ни после. А именно, Черные Болгаре упоминаются только у Константина Багрянородного в его сочинении "Об управлении империей" и не более двух раз. В одном месте (которое приведено нами выше) он говорит, что из Днепра Руссы отправляются в Черную Болгарию, Хазарию и Сирию. В другом месте Константин, по-видимому, хотел посвятить Черным Болгарам целую главу, которую и обозначил так: "О Черной Болгарии и Хазарии". Но, к великому сожа-

лению, почему-то под этим заглавием он ограничился только следующими словами: "Булгария, которая называется Черною, может воевать Хазар". То есть Черных Болгар, так же как и Алан, византийское правительство в случае нужды могло вооружить против Хазар. Следовательно, в это время, повторяем, и Черные Болгаре, и Алане были уже независимы от Хазар.

Два одновременные свидетельства, Игорева договора и Константина Багрянородного, относительно Черных Болгар, соседивших с Хазарией и Корсунской областью, окончательно уничтожают всякое сомнение, с одной стороны в том, что Гунны Прокопия (Утургуры), пришедшие с Кубани и поселившиеся между Херсоном и Боспором, были не кто иные, как Болгаре, а с другой, что эти Болгаре существовали там еще в X веке. Свидетельства эти подтверждают, что Русь Тмутраканская явилась на основе болгарской, то есть родственной славянской. Отсюда понятно, почему Константин Багрянородный, сообщивший такие драгоценные сведения о Руссах, ничего не упоминает о Руси Черноморской или Тмутраканской. Дело в том, что эта область в его время у Византийцев была известна под именем Черной Болгарии. А несколько ранее писатели VIII и IX веков, как мы знаем, называли ее Великой или Древней Болгарией. Название "Черная", по всей вероятности, находится в связи с северным рукавом Кубани, который в настоящее время именуется Черной Протокой. Г. Брун, в упомянутой выше статье, весьма правдоподобно отождествляет этот рукав с Константиновой рекой Харукуль, которая изливалась в Меотийское море с востока и славилась ловлей рыбы берзетикон. Это известие Константина совпадает с известием Феофана о том, что около (полуострова) Фанагорий в реке Куфис (то есть Кубани) ловилась болгарская рыба ксистос. Г. Брун эту рыбу считает за одну и ту же с Константиновой берзетикон; а слово Харакуль, по его мнению, следует читать Карагул, что и будет соответствовать названию Черная Протока.

Впрочем, и сама Кубань в нижнем своем течении отчасти называется Кара-Кубань; также называется один из ее притоков с левой стороны. А что касается до того, будто Харакуль или Карагул есть турецкое название, то это еще вопрос (ибо у восточных Славян встречаются названия рек, оканчивающихся на гул; есть у них и слово карий, в смысле темный).

Высказанное нами положение, что Черная Болгария окончательно подчинилась Руси в эпоху Игоря, находит себе некоторое подтверждение и в арабских известиях X века, а именно у тех писателей (Истахри и Хаукала), которые рядом с Киевом и Новгородом упоминают третье племя Руси (Артанию); последнее иначе и объяснить нельзя, как Черной Болгарией или Тмутраканью. Сюда же надобно отнести известия (Ибн-Даста и Мукадеси) о Руси, живущей на лесистом, болотистом и нездоровом острове, под которым, очевидно, разумеется Фанагория или Тамань 5 .

Не встречается ли у Арабов этот край также и под своим собственным именем Болгар?

Думаем, что встречается, хотя и сбивчиво. До сих пор все, что у арабских писателей говорится о Болгарах, толкователи обыкновенно относили или к Дунайским, или к Камским. Но они упускали из виду существование третьей Болгарии, Кубанской, благодаря которой известия арабские иногда получают более смысла, чем имели его доселе. Например, Масуди в своих "Золотых Лугах" говорит, что город Бургар лежит на берегу Азовского моря. Это место сильно затрудняло толкователей, и они прибегали к разным натяжкам для его объяснения (для примера см. Хвольсона "Ибн-Даста" стр. 81). Но если возьмем в расчет Черных Болгар, то увидим, что под этим городом, вероятно, разумеется Таматарха. Тот же Масуди говорит, что Болгаре воюют Греков, Славян, Хазар и Турок. Толкователи думали, что он смешивает здесь Дунайских Болгар с Камскими; но Камские не могли воевать Греков, а Дунайские Хазар; поэтому с

большим вероятно можно предположить смешение Дунайских не с Камскими, а с Черными или Кубанскими. Это предположение будет совершенно согласно с приведенным выше и современным известием Константина Багрянородного, что Черные Болгаре могут воевать Хазар; а судя по Игореву договору, они воевали и Греков, то есть Корсунцев. Далее, некоторые черты болгарских нравов, приводимые у Масуди, также заставляют предполагать смешение Дунайских не с Камскими, а с Черными. Бурджане, говорит он, суть язычники и не имеют священной книги; напротив того, у Дунайских в это время уже процветала богословская литература, а Камские были Магометами; между тем как Черные только отчасти были христианами, а большинство, по всем признакам, коснело в язычестве. К последним, вероятно, относится известие, что, когда умрет болгарин (конечно, знатный), то слуг его сожигают вместе с мертвецом, или что у них есть большой храм, и покойника заключают в этом храме вместе с женой и слугами, которые и остаются там, пока умрут. В известии этом, конечно, есть неточности; но в общих чертах оно достоверно. Два способа погребения указывают, что у языческих Болгар, с одной стороны, существовало сожжение как у Русских Славян, а с другой - заключали жену и некоторых слуг в могилу покойника (которую надобно разуметь под словом храм или покой); в том и другом случаях над ними, конечно, насыпали курганб. Второй способ погребения также существовал у языческих Руссов по ясному свидетельству Ибн-Даста (Хвольсон, 40). Последнее еще более убеждает нас, что болгары Масуди в этом случае суть Черные болгары, которые не только имели с Руссами много общего в обычаях, но и находились в то время с ними в политическом единении. Далее, Масуди замечает, что Бурджане не имеют ни золотой, ни серебряной монеты, а все их покупки и свадьбы оплачиваются коровами и овцами. Это известие подходит и к Дунайским Болгарам и к Черным, но особенно к последним, а равно и к языческой

Руси. (Отсюда понятно, почему в древнерусском языке слово скот имело значение денег.) Наконец, в большом Словаре Якута сказано, что Булгария составляет область Хазарии и что мусульмане нападали на нее при халифе Османе. Это известие вошло в Словарь, конечно, из более древнего источника. Толкователи видят здесь необъяснимую путаницу (см. о том у Гаркави, стр. 20). Но вопрос решается очень просто существованием Черной или Кубанской Булгарии, тогда-то действительно входившей в состав Хазарского государства.

По поводу арабских известий о Болгарах, обратим внимание людей компетентных на то место "Золотых Лугов" Масуди, где он описывает племена Славян. "Из этих племен, - говорит он, - одно господствовало в древности над остальными; царь его именовался Маджак (Махак, Бабак?), а само племя называлось Валинана. Этому племени прежде подчинялись все прочие Славянские племена, ибо верховная власть была у него, и прочие цари ему повиновались". И несколько ниже: "Славяне составляют многия племена и многочисленныя роды. Мы уже выше рассказали про царя, коему повиновались в прежнее время остальные цари их; это был Маджак, царь Валинаны, каковое племя есть одно из коренных поколений славянских и общепочитаемое между ними. Но впоследствии пошли раздоры между их племенами; порядок был нарушен; оне разделились, и каждое племя избрало себе царя". (*Relation de Masoudi, etc., par Charmoy, Bulletin de L'Academie. VIme serie.*) Это любопытное место подвергалось различным толкованиям; но ни одно из них, очевидно, не попало на истину, за исключением самого имени Валинана, в котором с достоверностью узнают Волянян. Все сказанное у Масуди об этом племени, по нашему мнению, замечательным образом совпадает, конечно в общих чертах, с историей Болгарского народа, если припомним его первоначальные судьбы. Он был могуществен и страшен своим соседям, пока жил в юго-восточной

Европе и не разделился, не рассеялся по разным странам. Разделившись, он потерял прежнюю силу и подпал отчасти под власть других народов. Имя его царя читается разным образом (о вариантах см. у Гаркави, 163); один из вариантов его, Бабак, не напоминает ли Батбая (иначе Баяна), который, по известию Византийцев, властвовал когда-то над Болгарами Приазовскими? А имя Валынян разве не в связи с Каспийским морем, которое в древней России известно было под названием Хвалынского или Валынского?

Имели ли какое отношение к Болгарам наши Волыняне, сказать трудно: некоторые племенные названия у Славян повторялись и встречаются в совершенно различных местах (например, Сербы или Севера, Друговичи, Поляне и Древляне). Но принимая в расчет невозможность определить, где кончались Угличи и начинались Волыняне, а также некоторый антагонизм между Киевской Русью и Волынской, которые постоянно стремились к обособлению, можно допустить, что Волынское племя, подобное Угличам и Тиверцам, было ветвью собственно не Русского, а Болгарского семейства или, по крайней мере, имело значительную болгарскую примесь. Тогда, пожалуй, мы придем к возможности уяснить несколько вопросов, откуда пошли два главные наречия Русского языка, то есть откуда взялось наречие Малорусское. Язык Киевской Руси, судя по письменным памятникам, мы можем отнести именно к наречию Великорусскому, а не Малорусскому. Предлагая свои догадки по этому вопросу, мы, конечно, еще не думаем о его решении, а указываем только на тот путь, который может впоследствии привести к некоторым более положительным выводам 7 .

Итак, Черные Болгаре являются в арабских известиях отчасти под собственным своим именем, но преимущественно под именем Руси. Арабские известия о делении Руси на три части, Куяву, Славию и Артанию (или Артсанию), невозможно объяснить помимо Руси Азовско-Черноморской или Болгарской. Относительно первых двух все согласны, что

тут разумеются Киев и Новгород; но толкования Артании Мордвой Эрдзянами (Френ) или Биармией, то есть Пермью (Рено), не выдерживают ни малейшей критики. Да и незачем отыскивать ее где-нибудь на севере, когда сама летопись наша с конца X века указывает на существование Руси Тмутраканской. А последняя, как мы доказываем, возникла на почве родственного нам племени, то есть Черных Болгар⁸. Арабские известия об этой части относятся к тому времени, когда имя Руси уже сделалось славным и громким на Востоке после их известных походов в Каспийское море и после ударов, нанесенных ими Хазарскому царству, и когда Черная Болгария была уже объединена с Русью под властью того могучего княжеского рода, который сидел в Киеве. Впрочем, и вообще имя Русь гораздо более было распространено в те времена на востоке, нежели на западе: между тем как Арабы указывают на поселения Руссов в Италии, на их торговцев в Камской Болгарии и в Хазарии, прямо называя их Руссами, Византийцы отчасти продолжают именовать их Скифами и особенно усвоивают им название Тавроскифов.

Некоторые этнографические черты, сообщенные теми же арабскими известиями о Руси-Артании, подтверждают наше предположение, что это край Азовско-Черноморский. А именно: Руссы, там живущие, будто бы убивают всякого попавшего к ним иностранца; они ведут торговлю водяным путем и ничего не рассказывают про свои дела и товары. Судоходство, конечно, может указывать на приморское положение этой Руси; а слухи о жестоком обращении ее с иноземцами сильно напоминают древние басни о Таврах, которые приносили в жертву своей богине всякого иноземца, занесенного на берег. Баснословная примесь в этих арабских известиях несомненна, ибо по другим арабским свидетельствам (например, Ибн-Дасты) Руссы именно отличались гостеприимством. "Из Арты, - говорит Истархи, - вывозятся чернью соболи, черные лисицы и свинец". Пушные меха

были одним из главных предметов торговли у древних руссов; водились ли соболи и лисицы в самой стране Черных Болгар, трудно сказать; во всяком случае Русь Черноморская получала их от своих более северных единоплеменников. То же можно сказать и о некоторых металлах, если последние не добывались в горах Крыма и соседнего Кавказа; кроме того, они могли вымениваться у Греков, собственно у Корсунцев, и потом продаваться Русью в Хазарии и других восточных странах.

1 Может быть, это та страна, которая в арабских известиях встречается под именем Серир, в соседстве с Хазарией (Альбалхи, Истархи и Ибн-Хаукал). Еще вероятнее, что здесь вместо Сирия надобно читать Зихия (так читает г. Куник); а эта область соседила с Таманью. Впрочем, Шафарик доказывал, что юго-западные берега Каспийского моря назывались Сирией (*Ueber die Abkunft der Slaven*).

2 Замечания г. Бурачка на статью Бруна об этих путях см. в Известиях Геогр. Общ. т. V. Соглашаемся с некоторыми из этих замечаний; но мы не предполагаем, чтобы те же ладьи, на которых Русь ходила по Черному морю, были употребляемы по рр. Миусу и Самаре. Позд. прим.

3 От этого Ахиллова Бега или Дромоса византийские писатели называли Русь Дромитами, как то справедливо доказывает г. Куник. (О записке гот. топарха. 115). У Арриана нет помянутых слов об Ахиллесе.

4 Болгарские переводы и переделки этих сказаний переходили потом и на Русь и здесь распространялись между людьми книжно образованными. Это обстоятельство наводит нас на мысль, что "вечи Трояни" Слова о полку Игореве, пожалуй, относятся не к императору Траяну, а собственно к Троянской войне. Впрочем, могло быть, что воспоминания о том и о другом перепутались.

Фраза "Мурмидонес ныне Болгаре" находится уже в греческом тексте Малалы (по замечанию кн. Вяземского, в его "Слово о П. Иг." стр. 121), следовательно древнее поселение

Болгар во Фракии. Это указывает г. Васильевский в своей статье "Сказания об Апостоле Андрее" (Русско-Визант. отрывки. Ж. М. Н. Пр. Февраль) на 177 стр. А на стр. 179 он говорит, что название Мирмидонян у Греков прилагается Славянским племенем. Позд. примеч.

5 Этой характеристике особенно соответствует та низменная, северо-восточная часть Кубанской дельты, которая лежит между северным рукавом Кубани или Черной Протокой и Курчанским или Верхнетемрюцким лиманом. Эта низменность наполнена плавнями, т. е. тростником и болотами. Вследствие своей непроходимой почвы и нездорового климата, она обыкновенно не посещается ни естествоиспытателями, ни археологами; а между тем в древности она была обитаема, и, конечно, такому судоходному народу, как Руссы, доступ к ней не представлял затруднений, тем более что Черная Протока шире и глубже, чем сама Кубань. (См. Археологич. Топограф. Таманск. полуострова - К. Герца. Москва. 1870.)

6 Более тщательные изыскания в курганах Тамани и катакомбах Восточного Крыма, может быть, подтвердят эти известия Масуди.

7 Известие Масуди о господстве племени Валинана над остальными Славянами не относится ли ко времени Гуннов Аттилы? Болгары, по некоторым указаниям, иначе назывались Хвалиссами; отсюда, вероятно, произошло название Хвалынян или Валынян. Позд. прим.

8 У арабских писателей встречается один вариант названия Артания именно Утания. (Гаркави. Ж. М. Н. Пр. 1874. Но 4.) Может быть, этот корень ут и есть то же, что Уты, Ут-ургуры, как иначе назывались Черные Болгары. Позд. прим.

VII

Русская церковь по уставу Льва Философа. - Сказание о хазарской миссии Кирилла и Мефодия и его исторические данные. - Достоверность известия о славянских книгах, найденных в Корсуни

Мы сказали, что название Черных Болгар Русью встречается по преимуществу у арабских писателей X века. Но его можно встретить и у Византийцев. А именно в уставе императора Льва Философа (886-911 гг.) "О чине митрополичьих церквей, подлежащих патриарху Константинопольскому", в списке этих церквей находим на 61-м месте церковь Русскую (Rwsia), рядом со следующей за ней церковью Аланскую; а далее, в числе архиепископий, подчиненных Константинопольскому патриарху, находим на 29-м месте Боспор и на 39-м - Метраху (ta Metraca), то есть Таматарху или Тмутракань, рядом с Готией, Сугдией и Фулой (Codini de officiis. Париж, изд. Т. I, стр. 379 и след.). О какой Русской митрополии тут упоминается?

Едва ли под ней можно разуметь церковь, собственно Киевскую; скорее можно видеть здесь именно Черную Болгарию или Русь Азовско-Черноморскую. К этойто Руси, вероятно, и относится известие Фотия о ее обращении в окружающем послании 866 года. Трудно предположить здесь Киев, в котором во время Льва Философа княжил язычник Олег; не только Киевский князь, но и вся дружина его была языческой, ибо в Олеговом договоре о крещеной Руси не упоминается; последняя, а равно и христианский храм в Киеве, встречаются только со времени Игоря. (Оставляем в стороне легендарные лица Аскольда и Дира; а отдельные случаи обращения в Киеве до того времени, конечно, не могли составить особой митрополичьей церкви.) Поэтому мы вправе предложить вопрос: под именем России в уставе Льва Философа не следует ли разуметь соединенные Боспор и Таматарху? Не только у арабских писателей, но и в западных источниках встречаем иногда Боспор или Керчь под именем

города "Росия" (например, в договоре Генуэзцев с Греками в 1170 г. См. в упомянутой статье г. Бруна, стр. 132). Собственно Боспорская церковь существовала, по крайней мере, с IV века, и упоминание Боспорской архиепископии рядом с Русской митрополией может быть объяснено тем, что Кюдин приводил списки церквей, не различая строго времени, к которому относились эти списки. Титул архиепископии Боспорская церковь имела во времена более ранние; а в эпоху Льва Философа она могла быть повышена на степень митрополии с расширением своих пределов, то есть с соединением архиепископии Боспора и Таматархи в одну митрополию; подобный пример мы видим в соседних с ней архиепископиях Сугдейской и Фульской, которые были соединены в одну митрополию (см. о том у преосв. Макария: "История христианства до Владимира", стр. 86). Херсон, Сугдея, Боспор и Таматарха были именно теми пунктами, откуда христианство постепенно распространилось между Болгарскими племенами, жившими по обеим сторонам Боспорского пролива. А примеры их обращения мы уже видели в VI и VII веках.

Те Черные Болгаре, которые исповедовали христианскую религию, по всей вероятности, получили богослужение на родном языке, а следовательно, уже имели перевод Священного Писания, по крайней мере наиболее необходимых богослужебных книг. Это предположение, совершенно согласное с духом греческой проповеди и с примерами других восточных народов, приводит нас к известному спорному месту из жития Константина Философа. Славянский апостол на пути своем к Хазарам нашел в Корсуни Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами. Теперь, когда мы знаем о существовании в те времена Таврических и Таманских Болгар и не сомневаемся в их исконных связях с Руссами, теперь мы не найдем ничего странного в этом известии, которое предыдущим исследователям казалось каким-то недоразумением. Очевидно, тут разумеется перевод

Священного Писания на древнеболгарский язык, иначе называемый у нас церковно-славянским. Почему же письма в житии названы "русскими"? На этот вопрос можно отвечать двояко: или составитель жития употребил название Русь, под которым Черные Болгаре более были известны собственно в его время, приблизительно во второй половине X века; или это название употреблялось для обозначения тех же Болгар уже во второй половине IX века, то есть в эпоху Кирилла и Мефодия. Первое нам кажется вероятнее; но и второе было бы соответственно упомянутой выше "Русской митрополии" времен Льва Философа, которую мы также относим в страну Черных Болгар.

Но обратимся к самому сказанию о миссии Константина в Хазарию. Напомним содержание этого любопытного сказания по наиболее полному его житию, так называемому Паннонскому.

К императору Византийскому пришли послы от Хазар и сказали: "С одной стороны Сарацины, с другой Евреи стараются нас обратить в свою веру; просим у вас мужа, свядущаго в книжном учении: если он переспорит Евреев и Сарацин, то мы примем вашу веру". Царь послал к ним Константина Философа. Последний отправился в путь и прибыл в Корсун. Здесь он научил жидовскому языку и письму и перевел восемь частей грамматики. Тут жил некий Самарянин, который дал ему свою книгу; философ с Божией помощью научился читать и самарянские книги; вследствие этого удивленный Самарянин принял крещение. Константин нашел тут Евангелие и Псалтирь, написанные русскими письменами, и человека нашел, который говорил русским языком; беседуя с ним, он научился читать и говорить на этом языке. Потом, услышав, что мощи св. Климента, папы Римского (сосланного в Херсонес во время гонения на христиан при Траяне и утопленного здесь по его приказанию), все еще находятся в море, Константин, с помощью Херсонс-

кого архиепископа и клира, предпринял труд отыскать мощи, сел на корабль и действительно нашел их.

Между тем хазарский воевода осадил какой-то христианский город. Узнав о том, философ отправился к этому воеводе и так подействовал на него своей проповедью, что тот обещал креститься и отступил от города. Вслед затем на философа во время пути напали Угры в тот час, когда он молился, и хотели его убить; но он не устранился и продолжал свою молитву. Угры укротились, послушали его назидательных слов и отпустили невредимым со всеми спутниками. После того Константин сел на корабль и отправился в Хазарию по Меотийскому озеру, к Каспийским воротам Кавказских гор. Следуют прения о вере с хитрыми и лукавыми еврейскими учителями в присутствии Хазарского кагана о Св. Троице, о воплощении Сына Божия, о Моисеевом законе обрезания, об иконопочитании и проч. Разумеется, Константин "перепрел", то есть победил своих противников. Каган дал своим людям позволение креститься; из них было окрещено двести человек. Сам каган, однако, ограничился похвалой Константину и благодарственным письмом царю Византийскому. Вместо предложенных ему даров Константин испросил у кагана освобождения двадцати пленным Грекам. После того он воротился в Корсунскую страну.

По соседству с этой страной лежала область Фульская, населенная каким-то племенем, хотя и принявшим уже христианскую веру, но все еще не покидавшим своих языческих обрядов и суеверий. Здесь стоял большой дуб, сросшийся с черешней; жители называли его Александром и совершали под его тенью свои языческие обряды; только женщинам было запрещено приближаться к заповедному дубу. Константин отправился в эту область и начал уговаривать жителей оставить идолопоклонство и предать дуб огню. Жители отвечали, что почитание дуба они наследовали от своих отцов и привыкли обращаться к нему в своих нуждах,

особенно с молением о дожде; что если кто дерзнет коснуться его, то будет поражен смертью, и не будет им более дождя. Философ, взяв Евангелие, своим поучением наконец так подействовал на них, что старейшина сделал поклон и облобызал Евангелие; за ним последовали и другие. Константин роздал им зажженные свечи и с пением молитв повел их к дубу. Взяв топор, он ударил тридцать три раза по дубу; затем велел срубить его и сжечь. В ту же ночь Бог послал обильный дождь.

Мы указываем преимущественно на эти подробности, потому что они имеют важность для вопросов, нас занимающих; а между тем главное внимание сказания о путешествии Константина к Хазарам посвящено прениям его с Евреями. Тут прямо указано, что рассказ об этих прениях взят из книги Мефодия, который написал о них особое сочинение и разделил его на восемь глав. Тому же сочинению, конечно, принадлежат и указанные нами подробности о путешествии Кирилла в Корсун и Хазарию, путешествии, в котором Мефодий сопровождал своему брату. В то время, когда составлены были Паннонские жития обоих братьев, очевидно, деяния их сделались уже предметом легенды; так что нелегко выделить исторический элемент. Первое составление этих житий совершилось не ранее X века; а редакция, в которой они дошли до нас, относится ко времени более позднему. Постараемся теперь определить те исторические данные, которые можно извлечь из сказания о Хазарской миссии Кирилла.

Во-первых, само посольство Хазарского кагана к Византийскому императору с просьбой прислать учителя по вопросу о религии есть общий мотив для подобных сказаний. Но обыкновенно просьба о присылке учителей следует уже после принятия веры, собственно для утверждения в ней, и подобная просьба встречается не только в христианском мире, но и в мусульманском (например, у Камских Болгар по Ибн-Фадлану). А так как хазарские каганы уже с VIII века

исповедовали иудейскую религию, то в действительности едва ли они могли обращаться к императору с просьбой о присылке христианских миссионеров. Правда, между их подданными, по известию арабских писателей (впрочем X века), было много христиан; но и это обстоятельство едва ли могло побудить кагана к особой заботливости об успехах христианской религии. Результат миссии при Хазарском дворе, очевидно, не был особенно блистательный; так как он ограничился крещением двухсот человек; причем сам каган не принял христианской веры. Поэтому в просьбе верховного Хазарского кагана о присылке христианских проповедников мы сомневаемся. Но мы знаем, что христианская проповедь в странах Прикавказских была предметом постоянных забот и попечений со стороны византийского правительства. Примером этих попечений служит распространение христианства в Лазии (Мингрелии), Иверии (Грузии), Авазгии (Абхазии) и Зихии или соседней с Таманью части Кавказа. Мы знаем также примеры крещения у тех Гуннов, которые позднее являются под именем Черных Болгар. Нет никакого сомнения, что византийское правительство неоднократно делало попытки обратить в христианство и народ Хазарский. Но очевидно, оно встретило здесь сильное препятствие в лице иудейства, которое успело укрепиться при Хазарском дворе в VIII веке, то есть в том веке, когда греческая церковь была волнуема иконоборством, и следовательно, не могла сосредоточить свою энергию на борьбе с этим препятствием. Подобные соображения приводят нас к вопросам: куда, собственно, путешествовал Кирилл? Был ли он действительно у Хазарского кагана, где-то подле Каспийских ворот, то есть около Дербента? Эти "Каспийские ворота Кавказских гор" не представляют ли здесь какого-либо позднейшего искажения, когда миссия Кирилла облеклась уже в легендарную форму? Может быть, Кирилл плывал Меотийским морем (и отчасти рекой Кубанью) просто к подошве Кавказских гор (около Дарьяльского пути), туда,

где жило настоящее Хазарское племя? Таким образом мы снова приходим к вопросу о двойственном составе Хазарской народности и решаемся предположить, что Кирилл путешествовал не к тем Турко-Хазарам, которые жили около Каспийского моря и Нижней Волги, а, собственно, к Хазарам-Черкесам. Он мог частью Меотийского моря приплыть в правый рукав Кубани, то есть в Черную Протоку, и потом пробраться в Кабарду, причем, собственно, Кавказские ворота (Дарьяльские) в предании могли быть смешаны с воротами Каспийскими, то есть с Дербентом.

В языческой Черкесии в то время сталкивались проповедники трех соседних религий: иудейской, магометанской и христианской. Христианская религия проникла сюда, вероятно, еще в предыдущем веке, и очень может быть, что некоторые черкесские князья обратились к Константинопольскому дворцу с просьбой прислать им учителей, которые могли бы утвердить их в вере и вступить в прения с проповедниками других религий, особенно с еврейскими раввинами; последние действовали тем настойчивее, что их поддерживал и сам верховный каган. Миссия Кирилла у Черкесов могла быть гораздо успешнее, чем у Каспийских Турок: известно, что христианство потом действительно процветало в Черкесских горах; чему явным свидетельством служат остатки христианских храмов.

Кроме Черкесов Кавказских, миссия эта могла быть связана с отношениями к Черкесам Таврическим. Известно, что в VII и VIII веках Хазары были господствующим народом в Крыму, который они завоевали, за исключением только южной его части. Владычество Хазар-Черкесов оставило здесь глубокие следы, особенно в географических названиях. Так, еще в XIII веке Крым назывался у Генуэзцев Газарией, хотя владычество Хазар здесь давно уже перешло в область преданий. Некоторые топографические имена показывают, что сюда когда-то направлялась хазарская колонизация, но не Турецкая, а собственно Черкесская - явление совершенно

естественное при близких, соседственных отношениях Крыма и Кабарды. Таковы: замок Черкес-Кермен, развалины которого существуют недалеко от Бахчисарая; Черкес-Эли, деревня на реке Альме; Черкес, селение в Евпаторийском уезде, и другие названия разных урочищ, соединенные с именем Черкесов¹. Что в этих местах жили когда-то Черкесы из племени Хазар-Кабарон, на это указывают и верховья реки Бельбека, именуемые Кабардою.

В житии Константина, как мы видели, упоминается какой-то хазарский вождь: он осадил христианский город, но уступил увещаниям проповедника и снял осаду. По всей вероятности, здесь идет речь о каком-либо хазарском или черкесском князе, находившемся в вассальных отношениях к верховному кагану. Мы имеем здесь намек на борьбу, которая шла в то время между местными племенами и пришлыми хазарскими дружинами. Не забудем, что вскоре потом, то есть в 864 г., мы встречаем уже Руссов, предпринимавших поход на Византию, и конечно, не без связи с Боспором Киммерийским, на берегах которого обитали их соплеменники Болгаре. Окончание этой борьбы и совершенное уничтожение хазарских владений в Крыму мы встречаем в начале XI века, когда, по известию Кедрена, соединенные греко-русские силы покорили страну Хазар и взяли в плен их князя Георгия Чула. Последнее имя указывает на то, что эти Хазары или часть их была в то время христианами.

В сказании о миссии Кирилла видна также историческая связь Хазар-Черкесов с Уграми. Вслед за пребыванием его в стане Хазарского вождя он попал было в руки Угров. Эти кочевники, по всей вероятности, встречались тогда и в северной степной части Крыма или являлись сюда в качестве хазарских союзников и подручников именно для войны с Греками, Болгарами и Руссами. Такие отношения совпадают с тем, что Константин Багрянородный сообщает о хазарском влиянии на Угров и об их связях с Хазаро-Кабарами.

Далее, в житии упоминается какой-то язык или народ Фульский, который уже принял христианскую веру, но еще так мало укрепился в ней, что продолжал совершать свои языческие обряды и жертвоприношения. Что это за Фульский язык? Город Фулла встречается в жизнеописании епископа Иоанна Готского, который жил в VIII веке. Потом в уставе Льва Философа о порядке церквей Фульская епархия приводится в числе архиепископий на 36-м месте, вслед за епархиями Готской и Сугдейской. Впоследствии в уставе императора Андроника встречается епархия Сугдейско-Фульская, то есть Сугдея и Фулла были соединены в одну митрополию. Все это ясно говорит, что Фулла находилась в соседстве Готии и Сугдеи (Судака), но положение ее мы можем определить только приблизительно 2 . Итак, под Фульским языком в житии Константина должно понимать какое-то племя, обитавшее между Готией и Судаком. Это не могли быть сами Готы, потому что они вели свое христианство по крайней мере с IV века; у них упоминается особый епископ уже в первой половине VI века. Прокопий еще в то время засвидетельствовал о их благочестии и преданности православию; следовательно, трудно предположить, чтобы в IX веке они еще совершали языческие обряды и приносили жертвы под дубом. Это не могли быть Хазары, ибо житие называет их своим именем и ясно отличает от других народов; притом Хазары-Черкесы если и жили в Крыму, то преимущественно в качестве дружин, рассеянных по городам и замкам, откуда они собирали дани с подчиненных туземцев. Остается предположить, что это была какая-либо часть все тех же Черных Болгар или Гуннов, по известию Прокопия занимавших всю восточную полосу Крыма от Корсуня до Боспора. Мы уже приводили известия об их обращении в христианство в VI и VII веках. Разумеется, оно продолжало распространяться и в последующие века, и преимущественно по соседству с такими греческими центрами, как Корсун и Сугдея. Эти языческие обряды у на-

рода, еще не твердого в вере, и это поклонение дубу совершенно согласны как с общим ходом христианства у Черных Болгар в Крыму, так и вообще с языческой религией Славян. Следовательно, в данном случае Кирилл и Мефодий, обращаясь к туземцам, могли показать свое знание славянского языка. Последнее обстоятельство приводит нас к вопросу об упомянутых в житии русских письменах, а также вообще к вопросу о письменах Славян и переводе Священного Писания на церковно-славянский язык.

По смыслу жития Константин (и Мефодий), прибыв в Корсун, остановился здесь на некоторое время и начал изучать языки соседних народов. Это известие весьма правдоподобно. Херсонес Таврический был в то время деятельным торговым посредником между византийскими областями, лежавшими по западному и южному берегу Черного моря, с одной стороны, и варварскими народами, обитавшими на север и восток с этого моря, - с другой. На Херсонском торжище сходились весьма разнообразные языки. Здесь, между прочим, можно было встретить Евреев, Хазар, Болгар и Руссов. Следовательно, этот город представлял большое удобство для знакомства с языками упомянутых народов. Так, Константин здесь научился "жидовской беседе" и еврейским книгам. В данном случае я думаю, что жидовская беседа и еврейские книги суть не один и тот же язык. Известно, что Евреи давно уже перестали говорить на своем древнем языке, а принимали обыкновенно речь тех народов, среди которых они жили.

Следовательно, Константин с помощью книг действительно мог изучать древнееврейский язык. В житии говорится именно о Самарянине, и может быть, Константин научился понимать книжное самаританское наречие³. А что касается до живой разговорной речи, которой он научился от Евреев в Херсоне, то вероятно, это была речь Хазар или Черкесов, среди которых жили Евреи, и часть которых они обращали в свою религию. Такое предположение тем

более вероятно, что Константин отправился именно к Хазарам и, следовательно, имел нужду ознакомиться с их языком. Далее в Херсоне Константин нашел русские книги, Псалтирь и Евангелие, и человека, говорившего русским языком; у этого Русина он выучился читать и говорить по-русски, "к удивлению многих".

На последнем известии мы остановимся и спросим: на каком языке были написаны означенные книги?

По всем соображениям эти книги были не что иное, как церковно-славянский, то есть болгарский перевод Священного Писания. Если бы подобный перевод существовал в IX веке собственно на русском языке, то естественно представляется вопрос: зачем же Киевская Русь, принявшая христианство в X веке, не воспользовалась переводом на своем родном наречии, а приняла церковные книги на языке болгарском? Если существовал русский перевод, то куда же он пропал? Затем: есть ли вероятность, чтоб около половины IX века был уже русский перевод, когда мы не имеем указаний на христианство Русского народа до этого времени? Между тем если обратимся к Болгарам, то увидим все данные на их стороне. Мы говорили о начатках христианской религии у Таврических Болгар в VI и VII веках. С того времени она, разумеется, утверждалась все более и более, и около половины IX века значительная часть Черных Болгар исповедовала греческую веру, между тем как другая часть оставалась в язычестве. Если христианство не получило еще между ними окончательного господства, то, конечно, вследствие их раздробления на мелкие общины и владения, то есть вследствие недостатка централизации. Значение последней в этом отношении мы видим у Дунайских Болгар при Борисе и в Киевской Руси при Владимире: когда принимали крещение верховный князь и его дружина, то с помощью их могущественной поддержки крещение подчиненных племен пошло быстрее.

Если часть Болгар уже в течение нескольких столетий исповедовала христианство, то, следовательно, имела и богослужение на своем языке. Греческая проповедь, как мы знаем, отличалась от латинской тем, что первая почти везде новообращенным народам давала богослужение на их родном языке, а вместе с тем на их языки переводилось и Священное Писание. Если б у Болгар VII, VIII и первой половины IX века было богослужение на греческом языке и греческие богослужебные книги, то они успели бы настолько укорениться, что едва ли уступили бы потом без борьбы свое место славянскому языку. Между тем никакой борьбы, никаких следов этого перехода мы не видим. Но если существовали болгарские переводы, то были и болгарские, то есть славянские письмена до Кирилла. Мы с достаточной вероятностью можем утверждать, что сказания об изобретении славянских письмен Кириллом имеют легендарную примесь.

Повторяем, из всех сказаний, вошедших в так называемые Паннонские жития Константина и Мефодия, сказание о путешествии к Хазарам, по нашему мнению, заключает в себе наиболее исторических данных, хотя и в нем есть легендарная, то есть позднейшая примесь. Этот более исторический характер подтверждает, что в основу его действительно легло сочинение Мефодия о хазарской миссии; тогда как для других частей жития основанием послужили сочинения и рассказы его учеников, и следовательно, эти части успели более проникнуться духом легенды. А потом данные из первого сказания послужат для нас исходными пунктами, и именно данные, относящиеся к пребыванию братьев в Тавриде или собственно в Корсуни; так как здесь мы находим наиболее точные и обстоятельные указания. Напрасно ученые слависты относились с пренебрежением к этим указаниям и, так сказать, обходили их, предпочтительно давая веру другим данным, не согласным с ними и менее их достоверным. Они слишком легко решали вопрос о русских, то

есть славянских Псалтире и Евангелии, найденных в Корсуни, предполагая в них то готскую письменность, то глагольскую, то просто считая все это место о русских письменах позднейшей вставкой. Впрочем, невозможно винить одних филологов в этом случае: главная вина должна пасть на историков, которые и не подозревали исконного существования Славяно-Болгарского племени на таврическом полуострове в соседстве с Корсунской областью; а Русь IX века считали народом норманским⁴.

1 О них см. в Крымском Сборнике Кеппена, стр. 251.

2 Название Фуллы не скрывается ли в названии Русско-фулей или Ускрофиль на Никитском мысу около Ялты? (См. Крымск. Сборн. Кеппена. 132).

3 Упоминание о Самарянинах принадлежит к тем чертам, которые свидетельствуют о достоверности этой части жития. Крымские Евреи Средних веков считали себя именно выходцами Самарянскими и имели Самаританскую эру. См. о том в упомянутом выше исследовании г. Хвольсона: *Achtzehn Hebraische Grabschriften aus der Krim*. 1865.

4 Исключение из ученых славистов в данном случае представляет И. И. Срезневский, который на первом археологическом съезде, происходившем в Москве в 1869 г., предложил некоторые новые соображения о начале славянской азбуки, связав их с известием жития о русских письменах, найденных в Корсуни. Вот сущность его соображений. Он указал, во-первых, на то, что начертание букв или уставное письмо в древнейших славянских рукописях совсем не соответствует греческим рукописям IX-X веков, то есть эпохе, к которой относят изобретение Кирилла; в эту эпоху в греческих рукописях преобладает уже скоропись. Следовательно, буквы, вошедшие в славянскую азбуку, взяты из того греческого письма, которое господствовало в более раннее время, приблизительно в VI-VII веках. Далее он указывает на господство надстрочных знаков и правильное употребление знаков препинания в греческом письме IX века,

чего нет в славянских рукописях. Наконец, он напомнил известие Константинова жития о русских письменах, найденных в Корсуни, известие, которое, несмотря на многочисленность рукописей, везде читается одинаковым образом. Против готского языка, по его мнению, свидетельствует само житие, которое говорит, что Константин, услышав Русского, должен был только прислушиваться к видоизменениям гласных и согласных и вскоре начал "чести и сказати", то есть читать и объяснять. Это указание, по замечанию г. Срезневского, очень важно, и его "не следует упускать из виду". (См. Труды съезда, т. I, стр. СХV.)

VIII

Вопрос об изобретении славянских письмен. - Недостоверное сказание Храбра. - Одновременное существование кириллицы и глаголицы. - Принесение первой из Корсуни Кириллом и Мефодием. - Домыслы позднейших книжников. Труды ученых славистов

Константин и Мефодий были родом, очевидно, Греки, и первоначально познакомились с славянским языком, конечно, благодаря соседству болгарских поселений с Солунью, или вероятному присутствию болгарского элемента в самом городе. Но едва ли они владели этим языком вполне. Особенно последнее можно сказать о Константине, который еще во времена отрочества был взят в Константинополе, где и получил свое образование. Мефодий, вероятно, долее оставался на родине и ближе ознакомился с языком болгарским. Недаром же в одном древнем прологе сказано, что Кирилл упросил брата Мефодия сопутствовать ему в Хазарию, занемняше язык словенск (О времени происх. слав. письмен - Бодянского, 73). Братья, по-видимому, очень хорошо знали, что в Хазарии они прежде всего встретят Болгарское племя. В Корсуни они нашли некоторые книги Священного Писа-

ния в переводе на славянские письма. В то же время они воспользовались проживавшими в Корсуни Славянами, чтоб усовершенствовать себя и в разговорной речи.

Затем, славянский язык и найденный перевод Псалтири и Евангелия проходят уже чрез все житие Солунских братьев¹. Так, еще не выезжая из Тавриды, Константин укрепляет в вере обитателей Фуллы и обращается к ним с речью, конечно, на их родном языке, а иначе они его не поняли бы: при этом он дает им целовать святое Евангелие. А мы уже заметили, что эти обитатели Фуллы, по всем соображениям, были не кто иное, как часть тех же Черных Болгар. После его возвращения из Тавриды является к императору посольство от Моравских князей с просьбой прислать им учителей, и император отправляет к ним Солунских братьев, как хорошо знающих славянский язык. Снаряжаясь в Моравию, братья, как повествует их житие, приготавливают прежде всего Евангелие и Псалтырь как книги наиболее необходимые для богослужения. Конечно, это были те самые книги, которые они нашли в Корсуни и, по всей вероятности, взяли с собой или списали. Во всяком случае, дело идет о переписывании готовых славянских книг и о продолжении переводов, и едва ли имеет какую-либо вероятность известие жития о том, чтобы братья принялись изобретать славянские письма только тогда, когда император решил отправить их в Моравию. Невозможно было бы в такой короткий срок составить алфавит и перевести хотя одно Евангелие. Да притом и не было нужды изобретать славянское письмо и переводить Евангелие, так как братья то и другое уже нашли в Корсуни. Впрочем, в житии и не говорится об изобретении писмен; а употребляются неопределенные и весьма краткие выражения: "и тогда сложи письма и нача беседу писати евангельскую". Это говорится в Паннонском житии Константина; а в житии его брата Мефодия по поводу отправления в Моравию сказано: "Да ту яви Бог философу словенскы книги, и абие устроив письма и беседу

ставль"; а далее упоминается, что "псалтырь бо бе токмо и евангелие с апостолом и избранными службами церковными с философом преложил первые"; то есть это сделал Мефодий еще вместе с братом, отчасти в Моравии, а отчасти (как свидетельствует житие Константина) до прихода в Моравию. По смерти брата, когда Мефодий один подвизался в Моравии в сан архиепископа, то он "отъ ученикъ своихъ посажь два попы скорописца зело, преложи въбързе вся книги испльнь, разве Макавеви, от греческа языка въ словенъскъ шестию месяцъ". Уже само указание на время, то есть на шесть месяцев, и на скоропись исключает всякое вероятие, чтобы тут шла речь собственно о переводе почти всего Священного Писания; оно отчасти было переведено прежде Константина и Мефодия, а отчасти сделано их трудами или под их руководством.

Что в житиях Константина и Мефодия обозначается еще неопределенными выражениями, допускающими разнообразные толкования, то в более позднем произведении, именно в Сказании черноризца Храбра о письменах Славянских, облекается в более определенные формы. Последнее уже прямо приписывает Константину и Мефодию изобретение славянских письмен и переводов Священного Писания на славянский язык. Но в хронологическом отношении между житиями и Храбром существует непримиримое разногласие. По смыслу житий, изобретение письмен предпринято было только вследствие посольства Моравских князей, то есть в 862 году; этот год принимают и наиболее известные слависты, например Шафарик и Бодянский. (См. доказательства, собранные в книге последнего: О времени происхождения Славянских письмен.) Но Храбр приводит самый год изобретения, именно 855-й, и этого года держались некоторые другие слависты (например, Добровский и Гильфердинг). Но если принять последнюю хронологию, то уничтожится сам повод изобретения, приводимый житием, то есть предстоявшая миссия в землю Моравских Славян,

так как в 855 году еще не было о ней речи. Притом, по замечанию г. Бодянского, Храбр говорит, что письмена были изобретены во времена Михаила царя Болгарского, Растица князя Моравского и Коцела Блатенского, - между тем как Коцел наследовал своему отцу в княжестве Блатенском только в 861 году. Г. Бодянский указывает и другие обстоятельства, противоречащие 855 году, как времени изобретения письмен. Кто был черноризец Храбр, когда и где писал свое сказание, до сих пор остается неизвестным. Его относят обыкновенно к X веку и даже считают современником царя Симеона, преимущественно на основании следующего выражения: "суть бо еще живи, иже суть видели их", то есть живы те, которые видели Константина и Мефодия. Но это выражение встречается только в одном списке сказания (в библиотеке Московской Духовной академии) и потому дает повод к некоторым сомнениям, то есть не есть ли это позднейшая вставка? А также: действительно ли под словом их надобно подразумевать Кирилла и Мефодия? Далее, мы не имеем списков этого сказания ранее второй половины XIV века; по смыслу же сказания совсем не видно, чтобы сочинитель по времени жил очень близко к Солунским братьям.

По нашему мнению, исследователи недостаточно обращали внимания на полемический характер Храброва сказания. Оно, очевидно, было написано с целью защитить уже сложившееся представление о Солунских братьях, как изобретателях письмен, от тех скептиков, которые не согласны были с этим представлением. Например, он указывает на людей, утверждавших, что Константин и Мефодий не хорошо устроили письмена, так как они все еще продолжают устраиваться. А в конце сказания, обозначая время изобретения письмен, сочинитель прибавляет: "суть же и ини ответи, яже и инде речем", то есть существуют и другие ответы или мнения об этом предмете; но о них поговорим в другом месте. Следовательно, во времена Храбра были разные мнения о времени изобретения. Все это указывает, что он совсем не

жил так близко к эпохе Кирилла и Мефодия, как то казалось. Мы полагаем, что сказание Храбра едва ли было написано ранее XI века, а следовательно, едва ли ранее того времени, когда деятельность Солунских братьев и происхождение славянских письмен уже сделались достоянием легенды.

Храбр недаром намекает в своем сочинении, что были и другие мнения; и действительно, если сравнить между собой все известные нам источники, относящиеся к деятельности Кирилла и Мефодия, то мы найдем значительные разноречия. Наибольшую цену для нас имеют, конечно, источники, современные Солунским братьям, именно латинские свидетельства папы Иоанна VIII и Зальцбургского анонима. Иоанн VIII в письме своем 880 года к Моравскому князю Святополку говорит, между прочим, следующее: "По справедливости хвалим письма славянские, открытые неким философом Константином, по которым воздается должное славословие Господу" (*Litteras denique sclavonicas a Conslantino quodam philosophic repertas, quibus Deo laudes debilae resonent, jure laudamus*). А Зальцбургский аноним в своей записке об обращении Баварцев и Хорутан, составленной около 873 года, между прочим, выражается так: "Пока не появился какой-то Грек, именем Мефодий, со вновь изобретенными славянскими письменами" (*noviter inventis sclavinicis litteris*; см. соч. Бодянского). Что же можно извлечь из этих свидетельств? Главным образом то, что латинское духовенство того времени считало славянские письма недавно открытыми или изобретенными. Это открытие, судя по словам Иоанна VIII, приписывалось Константину; Зальцбургский аноним не назвал изобретателя, а заметил только, что Мефодий и принес в Моравию эти вновь изобретенные письма. Мы не находим здесь ясного отчетливого представления о самом открытии или изобретении; несомненно только одно, что письменность эта была новостью, принесенной в Моравию Кириллом и Мефодием.

Отсюда вытекает вопрос: в какой степени Кирилл и Мефодий могут быть названы изобретателями этих письмен? Чтобы разъяснить сколько-нибудь подобный вопрос, мы все-таки возвращаемся к их Паннонским житиям, в основание которых легли достоверные факты, но впоследствии затемненные или запутанные некоторыми легендарными примесями.

Упоминание о русских Евангелии и Псалтири, найденных в Корсуни, мы считаем драгоценным известием, которое бросает луч света на вопрос об изобретении славянских письмен. Уж и прежде слышались возражения против непосредственного изобретения; основательно указывали на то, что письмена обыкновенно не изобретались вдруг, одним человеком; что они создавались постепенно, с помощью заимствований, переделок и приспособлений. Следовательно, говоря о Кирилле и Мефодий, невозможно понимать слово изобретение в буквальном смысле. Сам Храбр говорит, что Славяне уже употребляли греческие и латинские письмена, но только с затруднениями, которые, конечно, происходили главным образом от недостатков знаков, способных выразить звуки шипящие и свистящие, почти чуждые классическим языкам. Основание нашего алфавита или большинство букв чисто греческое, и древний славянский устав в этом отношении немного отличается от устава греческого VI-VII веков. Следовательно, тут не было никакого изобретения, а прямое заимствование. Это заимствование, мы думаем, возникло преимущественно там, где Восточно-Славянский мир соприкасался с Греческим и находился с ним в деятельных сношениях, то есть на берегах Черного моря, в греко-скифских епархиях Херсона и Боспора. Впрочем, относительно прямого перехода 24 греческих букв в славянский алфавит теперь почти никто не сомневается; вопрос заключается собственно в 12 или 14 знаках для передачи звуков носовых, шипящих и свистящих и так называемых полугласных. Откуда они взялись, и можно ли

изобретение их приписывать Солунским братьям? Мы думаем, что и эти буквы уже существовали, и что они не были сочинены или взяты Константином из других восточных алфавитов. Что подобные буквы существовали, доказательством тому служит другой славянский алфавит, известный под именем глаголицы. Там есть также шипящие и свистящие буквы, но при этом почти весь алфавит своим начертанием не похож на греческий. Можно ли предположить, что и глаголица есть также изобретение какого-либо лица?

Известно, что Шафарик в последнее время своей жизни отказался от прежнего мнения и считал глаголицу изобретением Константина и Мефодия, а кириллицу - делом ученика Климента, который будто бы отступил от изобретения своих учителей и приблизил славянский алфавит к греческому. Такое оригинальное мнение не нашло последователей и встретило сильные опровержения. И действительно, оно не подтверждается никакими данными. Известен также спор между учеными славистами о том, какая азбука древнее: кириллица или глаголица? Главный источник подобного спора, так же как причина недоумения великого славянского ученого и вообще противоречивых мнений об этом предмете, заключается в том, что исходный пункт был не верен. Доселе ученые в своих мнениях исходили от изобретения письмен, совершенного известным лицом в известное время, - тогда как в действительности подобного изобретения не было. Уже само существование двух славянских азбук, существование параллельное и стародавнее, показывает, что намеренного изобретения не было: если одна какая-либо азбука издавна существовала у Славян, то Константину и Мефодию не было надобности изобретать другую. Толкование, что глаголица изобретена специально для отделения Славян католических от православных, не подтверждается никакими данными; католическое духовенство могло только воспользоваться для этой цели уже существовавшим алфави-

том. Мы думаем, что два означенные алфавита и при самом начале своем так же относились друг к другу, как они относятся и теперь, то есть: это - алфавиты западнославянский и восточнославянский.

Некоторые (например, г. Григорович) полагали, что русские книги, найденные Константином в Корсуни, по всей вероятности, принадлежали собственно глагольской письменности. Но доселе ни один памятник не позволяет думать, чтоб эта письменность получила начало в Южной России. Почти все значительные глагольские памятники принадлежат Славянам Иллирийским и Дунайским. (Некоторые отрывки, найденные в России, еще не могут свидетельствовать о русском происхождении глаголицы.) Когда возник этот алфавит, мы не знаем; но по всей вероятности, он издавна существовал у этих Славян. Замечательно, что на западе, то есть в латинском мире, он имел, между прочим, название алфавита "Булгарскаго" (*Abecedarium Bulgarsicum*). Но и это название еще не указывает на его происхождение. Мы можем предположить, что Болгарские Славяне нашли его у Иллирийских и Мизийских Славян, которых они отчасти покорили в VI-VII веках. Между этими последними уже распространилось христианство, и очень вероятно, что у них уже существовали начатки переводов Священного Писания на славянский язык, написанных именно глагольскими знаками. Но впоследствии глаголица у Болгар была вытеснена так называемой кириллицей. Откуда же взялась последняя? Полагаем, что это был восточнославянский алфавит, именно тот, которым были написаны русские книги, найденные в Корсуни. Мы говорили, что между Черными Болгарами уже давно существовало христианство, а следовательно, можем предположить у них существование славянского богослужения и славянских переводов Священного Писания. Известие Паннонского жития о русских письменах совершенно соответствует этому предположению. Оно согласуется и с тем выводом, что в распростране-

нии христианства здесь главную роль играл Корсун. Мы видели, что та Фульская область, в которой находилось полужыческое, полухристианское население, лежала по соседству с Корсунской землей. Здесь-то в Корсуни, вероятно, были положены начатки восточнославянских переводов неизвестными миру миссионерами полугреческого происхождения, хорошо владевшими и тем, и другим языком.

Переводы эти в житии названы письменами русскими. Но такое название нисколько не должно нас затруднять. Оно могло быть уже в первоначальной записке о путешествии Константина в Хазарию. В эпоху Солунских братьев Русь уже проникла в Крым; что подтверждается нападением ее на Царьград, нападением, которое, как мы говорили, обуславливалось присутствием русского влияния или русского владычества на берегах Боспора Киммерийского (это присутствие Руси в том краю подтверждается и арабскими известиями). Но возможно также, что это название принадлежит собственно редакции жития, то есть тому времени, когда Русь, господствуя в стране Черных Болгар, уже получила болгаро-славянскую письменность, которую поэтому могли иногда вместо "славянской" называть "русскою". Что корсунские Евангелие и Псалтырь были написаны собственно не на русском, а на болгарском языке, это ясно. Повторяем, никаких следов русского перевода мы не имеем; а если б он существовал на Корсуни, то крещеной Руси потом не было бы нужды усваивать себе богослужение и переводы на языке древнеболгарском. Между тем все данные подтверждают, что и начало русского христианства было также в Крыму; что оно возникло между Руссами после их соединения с Черными Болгарами, что в нашем христианстве первенствующая роль принадлежит все тому же Корсуню. Недаром и самый главный акт в истории нашего христианства, то есть крещение Владимира, совершилось именно в Корсуни. Археологические изыскания доказывают, что и первые Киевс-

кие храмы, например Десятинная церковь, были созданы по плану и образцу именно храмов Корсунских.

Итак, мы полагаем, что Солунские братья действительно нашли в Корсуни восточнославянскую азбуку и начатки собственно болгарских переводов. Они благоразумно и искусно воспользовались этой письменностью для своей миссии к Славянам Моравским. Мы собственно отрицаем изобретение ими письмен; но затем остаются за ними огромные заслуги по устройению и распространению этой письменности. По всей вероятности, они привели в более стройный порядок славянскую азбуку, продолжали дело перевода, исправляли переводы прежние и особенно много заботились о списывании богослужебных книг. Эти восточнославянские книги, принесенные ими в Моравию, действительно могли показаться там вновь изобретенными письменами. Что же касается Дунайских Болгар, то здесь эта письменность, по всей вероятности, была распространена собственно учениками Солунских братьев, которые по смерти Мефодия принуждены были, вследствие гонений, покинуть Моравию и удалиться в Болгарию. Таковы знаменитые седмичисленники Горазд, Наум, Климент, Сава и Ангеларий. Кирилловское письмо тем легче могло восторжествовать здесь над другим письмом (глагольским), что само оно (то есть кириллица) было собственно болгарского происхождения.

Краткое известие жития о русских письменах, найденных в Корсуни, и о человеке, научившем Константина русской грамоте, не осталось без кривых толков и у наших старинных книжников. Оно служит наглядным примером тому, как неудобопонятные места древнейших памятников подвергаются произвольным толкованиям со стороны позднейших писателей. Упомянутое известие породило у русских книжников домысел о том, что русская грамота никем не изобретена, но самим Богом явлена в Корсуни некоему благочестивому Русину во дни царя Михаила и матери его Ирины, и что от этого Русина Константин Философ научил-

ся русской грамоте, которую ввел между Моравами, Чехами и Ляхами, откуда она потом была вытеснена ревнителем католического обряда Войтехом. Это сказание встречается в рукописи XV века, принадлежащей Московской духовной академии, в той же рукописи, где находится Паннонское житие Константина Философа (См. *Общ. Ист. и Др.* 1863 г., № 2). Достоуважаемый автор исследования "О времени происхождения Славянских письмен" справедливо называет это сказание позднейшим домыслом (стр. 101). Но мы не можем согласиться с его мнением, что этот домысел породил вставку о русских письменах в самом житии Константина. Очевидно, дело произошло наоборот, то есть, как мы выше заметили, плохо понятое известие Константинова жития породило сказание о русских письменах, явленных самим Богом некоему Русину. Читая известие, что Константин нашел в Корсуни русские письмена, пытливый книжник не мог не задать себе вопроса: а откуда же взялись эти письмена, и решил его совершенно в духе своего патриотизма и благочестия 2 .

Рядом с этим толкованием возникло другое сказание о происхождении русских письмен. Это сказание приписывает изобретение их епископу, крестившему Русь во времена императора Василия Македонянина. Оно дошло до нас в греческом сочинении, принадлежащем неизвестному автору и напечатано у Бандури в его *Imperium Orientale* с латинским переводом (т. II, стр. 112). Сказание это повествует об отправлении Русским князем послов сначала в Рим, потом в Константинополь для испытания обряда. Послы отдают предпочтение обряду греческому. Тогда великий князь Русский обращается к императору Василию Македонянину с просьбой о присылке епископа с двумя товарищами, Кириллом и Афанасием. Эти мужи действительно крестили народ; но увидав его грубость и невежество, они составили для него азбуку из 35 букв, в число которых поместили 24 греческие буквы. (Следуют славянские их названия, то есть

аз, буки, веди и пр.) Потом рассказывается встречающееся и в других греческих источниках чудо с Евангелием, которое епископ по требованию князя и народа бросил в зажженный костер, и оно осталось невредимым. Все это сказание есть, очевидно, довольно позднее сочинение и представляет смесь разных легенд, по всей вероятности, более русского происхождения, чем греческого. О том свидетельствуют славянские названия букв, заключающие следы южнорусского произношения (как доказывает г. Бодянский в упомянутом выше исследовании). Тут с известными рассказами о посольстве русских мужей для испытания церковных обрядов связалась и легенда о Кирилле и Мефодии, как изобретателях славянских письмен: но изобретение это назначается собственно для Русского народа. Подобное назначение также указывает на русское происхождение самого сказания. Может быть, приведенное выше толкование о русских письменах, явленных некоему Русину самим Богом, отчасти имело в виду отпор другому мнению, которое считало их изобретением Греков. Все это свидетельствует о том, какие разнообразные мнения существовали в старину о деятельности Кирилла и Мефодия и о происхождении славянских письмен.

Для данного вопроса весьма важно то обстоятельство, что во всей обширной литературе византийской мы не имеем ни одного греческого источника, современного или близкого по времени к эпохе Константина и Мефодия, источника, который хотя бы одним словом упомянул о деятельности Солунских братьев в пользу Славян. Это полное молчание бросает сильную тень на достоверность сказаний об изобретении славянских письмен в IX веке. Трудно предположить, чтобы византийские историки умолчали о таком важном деле двух своих соотечественников, если б это дело совершилось в действительности. Все попытки объяснить подобное молчание представляют крайние натяжки. Помынутое сочинение анонима у Бандури хотя и написано по-

гречески, но, как мы заметили, есть довольно позднее произведение, основанное не на греческих источниках. То же самое можно сказать о другом памятнике, именно о Житии святого Климента, епископа Булгарского, существующем на греческом языке. Это сочинение приписывается болгарскому архиепископу Феофилакту (умершему в 1107 году), родом Греку³. Но, очевидно, оно составлено в Болгарии и на основании болгарских, а не греческих источников. Житие это приписывает изобретение письмен обоим братьям Кириллу и Мефодию. Существует еще другое, краткое житие Климента, также на греческом языке (изданное г. Григоровичем в Журн. Мин. Народ. Просв. 1847 г. № 1). Последнее составляет, по-видимому, сокращение первого жития, но имеет сравнительно с ним разные прибавки и переделки. Так, в этом кратком житии встречается известие, которого нет в полном, именно о том, будто бы Климент изобрел "другие знаки письмен, явственнее тех, которые открыты ученым Кириллом". Известие это сделалось источником сильных споров между некоторыми представителями славянской науки. Шафарик, на основании его некоторых открытых памятников глагольской письменности, восходящих к X в., изменил свой прежний взгляд на кириллицу и начал доказывать, что письмо, изобретенное Кириллом и Мефодием, есть глаголица, а что так называемая кириллица произошла из глаголицы и введена трудами Климента (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolittismus. Von P. J. Schafarik Prag. 1858). Это мнение не было принято наукой, несмотря на великий авторитет Шафарика; оно вызвало горячие опровержения и вообще заметно оживило вопрос о взаимном отношении кирилловского и глагольского письма⁴. Упоминание краткого жития Климента об. изобретении им других письмен можно толковать в смысле упрощения, улучшения и вообще дальнейшего развития кирилловского письма; что совершенно согласно с свидетельством Храбра о продолжавшемся устроении этого

письма и после Кирилла. То и другое свидетельство подтверждает нашу мысль, что кирилловское письмо утверждено в Болгарии трудами не самих Солунских братьев, но преимущественно их учеников, удалившихся из Моравии в Болгарию; а процвело оно здесь постепенно уже трудами их преемников.

Известно, что деятельность Кирилла и Мефодия и происхождение славянского письма представляют поприще, на котором пробовали свои силы многие славянские и некоторые немецкие ученые. Вопрос этот имеет весьма богатую литературу; напомним только труды: Шлецера, Добровского, Клайдовича, Венелина, Шафарика, архимандрита Макария, епископа Филарета, отца Горского, Копитара, Миклошича, Шлейхера, Ваттенбаха, Палаузова, В. И. Григоровича и И. И. Срезневского. Почти все эти предшествовавшие труды нашли себе тщательную оценку в упомянутом выше сочинении О. М. Бодянского: "О времени происхождения Славянских письмен" (Москва. 1855 г.). Но и после этой книги разработка вопроса не прекратилась; напротив, он оживился и обогатился новыми трудами. Кроме сочинения Дюммлера, появившегося почти одновременно с книгой Бодянского (*Die pannonische Ltegende vom heiligen Mthodius* в *Archiv fur Kunde osterreichischer Geschichts - Quellen* . Vicn. 1854), укажу на Гануша (*Zur slavischen Runen-Fragc*. Ibid. 1857), Гинцеля (*Geschichle der Slaven Apostel*. Leitmeritz. 1857), Рачкого (*Viek i djelovanje sv. Cyrilla i Methoda*. U Zagrcbu 1859), Викторова ("Последнее мнение Шафарика о глаголице" 1859-1861 годов и "Кирилл и Мефодий" 1865 г.), П. Лавровского (Кирилл и Мефодий. Харьков. 1863 г.), Срезневского ("Древние памятники письма и языка юго-западных Славян" в *Христиан. Древ. Прохорова*. 1864), Леже-ра (*Cyrille et Methode*. Paris. 1868) и Бильбасова (Кирилл и Мефодий. 1868-1871 гг.).

Казалось бы, что можно прибавить к столь подробной и многосторонней обработке предмета? Но в томто и дело,

что, несмотря на эту обработку, уже само разнообразие мнений говорит, что вопрос все еще далек от положительного решения. Следовательно, в нем самом, то есть в его постановке или в его исходных пунктах заключались условия, не благоприятствующие его разрешению. Мы думаем, что эти условия прежде всего суть легендарный элемент, от которого наука все еще не могла вполне освободиться. Исследователи по большей части шли от изобретения письмен Кириллом и Мефодием и пытались определить: какое письмо изобретено прежде, глагольское или кирилловское? Мы думаем, исходные пункты будут ближе к истине, если примем положение, что обе азбуки существовали до времен Солунских братьев и возникли независимо друг от друга, хотя и могли оказывать потом взаимное влияние⁵. Повторяем, наука доселе слишком мало обращала внимания на известие Константинова жития о славянских письменах, найденных в Корсуни. Очень вероятно, что это восточнославянское письмо заключало в себе ту азбуку, которая впоследствии была названа кириллицей; она, вместе с начатками переводов, была принесена Кириллом и Мефодием в Моравию, трудами их учеников и преемников утверждена в Болгарии, откуда вытеснила западнославянское письмо или глаголицу, существовавшую у дунайских Славян. Надеемся, что нашим мнением не умаляются заслуги Солунских братьев. Бесспорно им принадлежит честь лучшего устройства и приспособления восточнославянской азбуки к потребностям крещеного Славянского мира, а также ее утверждение и распространение посредством дальнейших переводов Священного Писания и деятельного размножения его списков. Уже само появление легенд, относящихся к их деятельности все начало славянской письменности, показывает, что они действительно совершили великие подвиги на этом поприще и произвели значительный переворот в этом деле.

Далее, филологи, занимавшиеся вопросом о славянских письменах, повторяем, и не могли прийти к удовлетворительному разрешению этого вопроса уже вследствие неверного представления о народностях Болгарской и Русской. Большинство их считало эти народности чуждыми Славянскому миру, и еще менее подозревало присутствие чистого Славяно-Болгарского элемента, притом элемента христианского, в Крыму по соседству с Корсуном, в эпоху пребывания там Константина и Мефодия. Вот новое доказательство тому, в какой тесной связи находится филология и история при разрешении подобных вопросов. Как бы ни была тщательна филологическая разработка предмета, но если к ней присоединились неверные исторические положения, то и выводы ее никогда не достигнут надлежащей ясности. Мы далеки от притязания решить положительно вопрос о происхождении славянских письмен и о взаимном отношении двух славянских азбук; но смеем надеяться, что добытые нами выводы, относительно народности и разных ветвей великого Болгарского племени, могут принести свою долю участия в решении помянутого вопроса.

1 См. паннонские жития Константина и Мефодия в Чтен. Общ. истор. и Древн. 1863 г., № 2 и 1865 г., № 1.

2 Константин философ Костенский в XV в. писал, что Кирилл и Мефодий переводили Св. писание главным образом на русский язык. (Иречек. Одесса 1878. 570. стр. Со ссылкой на Starine Даничича.)

3 Некоторые слависты, впрочем, не признают его сочинением Феофилакта, а считают произведением собственно болгарской литературы, переведенным впоследствии на греческий язык (см. у Бодянского, стр. 9). Доказательства последнего мнения мы не находим убедительными; они направлены к тому, чтобы житие это перенести во время, более близкое к Клименту (умершему в 916 г.) и приписать его комулибо из учеников Климента; следовательно, эти доказательства отзываются предвзятой мыслью. Напротив, в са-

мом житии существуют ясные указания на то, что оно написано не ранее конца X века, напр. выражение о "скифском мече, который упился в крови Болгарской"; тут разумеется завоевание Болгарии Святославом Русским. Это житие издано с переводом на русский язык профессора Меньшикова в "Материалах для истории письмен". М. 1855.

4 В русской литературе укажу на возражение Гильфердинга; но самое обстоятельное опровержение доводов Шафарика и свод мнений по этому вопросу см. в статье г. Виктора: "Последнее мнение Шафарика о глаголице (Летописи Русской литературы: Изд. Тихонравова. Т. II и III). Перевод на рус. язык этого сочинения Шафарика в Чт. О. И. и Др. 1860. IV.

5 Говорим только о совместном существовании двух славянских азбук в эпоху предкирилловскую: но не входим в рассмотрение вопроса об их происхождении и об их связи с древними рунами (которую старается доказать, например, Гануш) или с теми чертами и резами, на которые указывает Храбр. Этот предмет еще слишком мало обследован, чтобы делать какие-либо вероятные выводы.

IX

Вывод о времени русского владычества в Черной Болгарии. - Известия о Руси в житиях св. Георгия и св. Стефана. - Свидетельство Таврического анонима и его предполагаемое отношение к Игорю. - Таматарха

Из всего предыдущего выводим, что тесные связи Черных Болгар с Руссами или Азовско-Днепровскими Роксаланами начались приблизительно в первой половине IX века.

Представим в сжатом виде сущность доказательств, на которых мы основываем это положение. По известию византийских историков Феофана и Никифора, Кубанская или

Черная - а по их словам Великая или Древняя Болгария в те времена платила дань Хазарам: историки эти писали в первой четверти IX века. В 864-865 гг. Русь совершает морской набег на Царьград; а мы доказывали, что подобные набеги сделались возможны только с ее появлением на берегах Боспора Киммерийского. Беседы патриарха Фотия дают понимать, что это нападение Руссов на столицу Византии произведено было в первый раз, но что сам народ Русский не был там неизвестен, то есть что русские послы и торговцы уже посещали Византию. Следовательно, утверждение Руси на берегах Боспора Киммерийского совершилось в период времени между Феофаном и Никифором, с одной стороны, и Фотием - с другой. И действительно, на этот период падают два свидетельства, которые могут бросить некоторый свет в темную эпоху, нас занимающую: это известие Константина Багрянородного о построении Саркела около 835 года и упоминание Бертинских летописей о послах русского кагана к императору византийскому Феофилу около 839 года. Мы говорили, что эти два известия, по всей вероятности, имеют связь между собой, то есть намекают на борьбу Руси с Хазарами, причем тот и другой народ искал союза с Византийской империей. Русское посольство не воротилось тем же путем в Киев по причине варварских народов. По всем признакам, на юге России и на Таврическом полуострове в то время кипела жестокая война Болгар, с которыми соединились Руссы, против Хазар и Угров. Эти войны окончились освобождением Черных Болгар; но вместе с тем Хазарское иго они должны были променять на некоторую зависимость от Русских князей. Руссы, по всей вероятности, прежде всего утвердили свое господство на берегах Боспора Киммерийского, то есть изгнали хазарские гарнизоны из городов Боспора (Керчи), Фанагурии (Тмутракани) и некоторых других и заменили их своими дружинами; а разным племенам Черных Болгар, вероятно, предоставляли управляться по-прежнему своими вечами и мелкими князьями.

Вообще, первая половина IX века по всем признакам была эпохой упадка Хазарской державы. С севера ее теснили Печенеги, с запада - Русь, с юга - мусульманские халифы. В то же время покоренные народы восставали и завоевывали себе независимость. Так, около этой эпохи возвратили свою независимость Прикавказские Алане, ибо в первой половине X века, по свидетельству Константина Багрянородного, они уже не только свободны, но и теснят самих Хазар. Черкесские племена, то есть собственные Хазары и Кабардинцы, иначе Касоги, неохотно сносили иго каспийско-волжских хаканов, на что ясно указывает известие Константина о кабарском восстании. Хотя время этого восстания и выселение части Кабар он не определяет; но, по всей вероятности, оно повторялось не один раз и подрывало крепость Хазарской державы. В первой половине X века находим Черкесские племена только в вассальных отношениях к Итильскому верховному хакану, и под управлением своих собственных князей или каганов.

Мы уже говорили, что хазарское владычество в Крыму держалось собственно черкесскими дружинами, и что с этими-то дружинами должны были бороться Черные Болгаре, Русь и Греки. Борьба была продолжительна, так как Черкесы-Хазары, очевидно, засели во многих укрепленных пунктах восточной и нагорной части Крыма; опираясь на эти пункты, они долго еще держались в Крыму и, конечно, не раз пытались вновь завоевать утраченные области. Их союзниками в этих войнах или просто наемниками служили Угры, кочевавшие на западной и южной стороне Азовского моря. Одну из таких попыток мы усматриваем в приведенном выше свидетельстве жития Константинова об осаде Хазарами какого-то христианского города. Город этот мог быть самим Боспором или Корчевом, который уже давно служил резиденцией особого епископа.

Союз Руси с Греками против Хазар в начале XI века заставляет предполагать, что и прежде того хитрая, властолю-

бивая Русь, смотря по обстоятельствам, то дружила с Греками против Хазар, то наоборот воевала против Греков и нанимала в свою службу черкесские дружины (подобно Мстиславу Тмутраканскому, который имел у себя черкесские дружины в войне с братом Ярославом). До появления Руси владычество в Крыму разделялось между Хазарами и Греками. Русь втеснилась между ними и, справившись с Хазарами, не остановилась перед Греками. Фотий намекает на убиение каких-то Русских людей. На основании последующих отношений можем заключать, что тут дело идет о русских торговцах; ибо Русь с самого начала является народом не только воинственным, но и торговым. Где произошло это убийство или обида русских торговцев, не известно; событие могло произойти также и в Корсуни, этом важном торговом пункте, лежавшем на пограничье Византийского мира с северными варварами. Мы заметили, что житие Константина может указывать на присутствие Русских людей в этом городе около половины IX века.

Далее, если Русь в 864-865 гг. считала себя достаточно сильной, чтобы напасть на сам Царьград, то, по всей вероятности, она уж имела и прежде столкновения с греками там, где их владения соприкасались с Русскими землями, то есть на северных берегах Черного моря, и преимущественно в Крыму, которого юго-восточный горный берег в те времена был покрыт греческими городами и замками, именно пространство между Херсонесом и Сугдией. Известная осада Корсуни Владимиром была, конечно, только последним эпизодом в стремлении Русских князей присоединить к своим владениям этот берег. Точно так же, если Русь в 864 году отважилась сделать нападение прямо на Царьград, то понятно, что она уже хорошо была знакома с Черным морем и с его берегами; что, следовательно, этот первый набег на столицу Византийской империи не был вообще ее первым морским набегом на пределы империи. Таким образом нам становятся более понятными известия о Руси, встречающи-

еся в житиях св. Георгия, епископа Амастрийского, и св. Стефана, епископа Сурожского. В этих известиях, несмотря на сильную легендарную примесь, мы можем признать действительную, то есть историческую, основу.

В первом житии говорится, что русские пираты, разорив и пленив всю приморскую страну, начиная от Пропонтиды, напали, между прочим, на город Амастриду (на южном берегу Черного моря, в Пафлагонии). Они вторглись в храм, где покоились мощи св. Георгия, и начали раскапывать его гроб, думая найти там сокровища, но были схвачены внезапной немощью и остались как бы связаны невидимыми узами. Князь варваров, пораженный чудом, раскаялся в своей жестокости и алчности и отпустил христианских пленников; усердными молитвами последних варвары получили исцеление и удалились, заключив мир с христианами (Acta Sanct. под XXI февраля, III, 278).

Другое житие дает еще более любопытные подробности, хотя, впрочем, еще более заключает в себе легендарной примеси. Какой-то Русский князь, попленив всю страну от Корсуня до Корчева, с великой силой приступил к Сурожу. После десятидневной битвы он вломился в город и устремился в храм Софии, где находился гроб св. Стефана. Забрав все золотые сосуды и драгоценные вещи, он захотел ограбить и сами мощи святого, покрытые многоценными наволоками. Но едва прикоснулся к нему, как упал на землю с искривленным лицом и пеной, исходящей изо рта: какая-то сила давила его и едва позволяла ему дышать. Князь велел тотчас возвратить в храм все похищенное. Но тут он услышал глас святого: "Если ты не крестишься в сем храме, то и не изыдешь из него". Князь изъявил готовность креститься, что и было немедленно исполнено; после того он получил исцеление. Вместе с ним крестились и все его бояре. По возвращении князь дал свободу всем своим пленникам и с миром отошел от города¹ .

Тот и другой святой жили в XIII веке, и события, на которые намекают их жизнеописания, могли совершиться еще в IX веке, чему не противоречит общий исторический ход водворения Руссов на Таврическом полуострове, их морских предприятий и их постепенного обращения в христианскую веру. Относительно последнего обстоятельства укажем на окружное послание патриарха Фотия в 866 году. В этом послании говорится о крещении Руссов, которое последовало за их нашествием на Константинополь. По всей вероятности, они в то время не ограничились одним нападением на столицу империи, а старались захватить или разграбить и греческие города в Тавриде и, следовательно, могли между прочим взять Сугдей или Сурож. Впрочем, судя по некоторым признакам, мы можем приурочивать обе легенды и к более поздним историческим событиям и лицам. Так, описания русского нашествия на Амастриду своими чертами напоминает византийские описания Игоря нашествия на Вифинские берега, то есть на места соседние, и нет ничего удивительного, если во время этого нашествия Русь успела заглянуть и в Амастриду. А чудо, совершившееся с Русским князем в Суроже, и крещение его сильно отзываются известной легендой о крещении Владимира, только не в Суроже, а в Корсуне. Последнее сближение подтверждается чудесным исцелением царицы Анны, о котором упоминает тоже житие св. Стефана.

Деятельность отважного и предприимчивого Игоря, повидимому, составила важную эпоху в отношениях Черных Болгар к Русским князьям. Мы имеем поводы догадываться, что именно ему принадлежит окончательное утверждение русского на берегах Боспора Киммерийского и более решительное подчинение Черных Болгар. Главным поводом для этой догадки служит сравнение двух известных нам договоров с Греками, Олега и Игоря. В Олеговом договоре 911 года нет помину ни о Черных Болгарах, ни о Корсунской земле; тогда как в Игоревом договоре 945 года прямо говорится

о том, что-бы Русский князь не имел никаких притязаний на города Корсунской области, не воевал бы этой страны и не позволял воевать ее Черным Болгарам. Следовательно, окончательное утверждение русского владычества в Тавриде и подчинение Черных Болгар русскому княжескому роду, сидевшему в Киеве, совершилось в период между 911 и 945 годами; а этот период приходится в княжение Игоревое. Что в Олеговом договоре не случайно пропущено условие о Корсунском пограничье, подтверждением тому служит следующий за Игоревым договор Святослава: в последнем опять повторяется условие не воевать страны Корсунской. Следовательно, со времен Игоря Византийская империя на этом своем пограничьи пришла в непосредственное столкновение с Руссами. В Святославовом договоре мы не встречаем Черных Болгар. Это могло произойти или от того, что до нас не дошел договор вполне, и мы имеем из него только небольшую часть, или потому, что Черные Болгары к тому времени уже находились на такой степени слияния с господствующей у них Русью, что особое о них упоминание делалось излишним. Приписывая Игорю подчинение Таврических Болгар, мы, однако, не должны упускать из виду, что это было только дальнейшим шагом русского владычества в восточной части Таврического полуострова. Самое естественное для Азовско-Днепровской Руси стремление было прежде всего завладеть берегами пролива: через него проходил главный их судовой путь в Черное море и области Византийской империи. Во времена Олега между русскими владениями на Боспоре и Корсунской областью еще лежала земля Черных Болгар, хотя и освобожденная с помощью Руси от хазарского ига и находящаяся к ней в полузависимых отношениях; русские владения еще не пришли в тесное соприкосновение с греческими владениями, и потому в Олеговом договоре нет условия об этих пограничных отношениях. Игорь распространил свои владения далее на юго-восточном берегу и прежние союзнические, полузависимые от-

ношения Черных Болгар к русским князьям обратил силой меча в отношения подчиненные. Такой поворот находился, конечно, в связи с хазарскими делами: русское владычество усиливалось по мере того, как вытеснялись Хазары. Пока борьба с Хазарами еще была трудна, сметливые Русские князья ограничивались союзническими или полусвободными отношениями Черных Болгар; а когда удалось сломить хазарское могущество, они стали действовать решительнее. Но борьба с Хазарами за обладание восточным Крымом и Таманью еще далеко не кончилась, и Русские князья иногда действовали против них в союзе с Греками. Это предположение мы выводим из того места Игорева договора, где Византия, взамен обязательства Руси не воевать Корсунской области, обещает давать Русскому князю военную помощь, сколько ему потребуется. Против кого могла быть направлена эта помощь? Естественнее всего предположить, что против соседних крымских и кавказских Черкесов-Хазар.

Мы позволяем себе привести в тесную связь с деятельностью Игоря на Таврическом полуострове один из греческих отрывков, изданных Газом (Leo Diaconus. Ed. Bon. 496-505, Nota ad p. 175). В этом отрывке какой-то греческий военачальник доносит о войне с варварами. Судя по тому, что он упоминает о Климатах, действие происходит в Тавриде, ибо Климатами называлась Греческая область в южной части Крыма по соседству с Корсунем. Начальника варваров он называет "князем страны, лежащей к северу от Дуная". Эти варвары отличались прежде справедливостью, так что к ним "добровольно" присоединялись многие города и целые народы; но теперь они принялись без жалости грабить и опустошать землю даже своих близких союзников и подчиненных, чтобы поработить их совершенно. Они разорили более десяти городов и не менее 500 селений. Это опустошение приблизилось наконец к пределам греческим. Тщетно греческий начальник посылал с предложением о мире; неприятели ворвались в его область, то есть в Кли-

маты, с великой конницей и пехотой и осадили какую-то крепость, но после неудачных приступов отступили. Однако война продолжалась. Автор донесения послал звать на совещание тех соседних жителей, которые были его союзниками (*eos autem, qui ditionis nostrae erant*). Когда они собирались, то он устроил совет из их старшин и держал к ним речь о мерах, какие надобно было принять в подобных обстоятельствах. Но те, "не имея понятия о действии императорского благоволения, или чуждаясь греческих обычаев и любя независимость, или по соседству и сходству своих нравов с князем варваров, обладающим большой военной силой, решили заключить с ним союз", - к чему склоняли и греческого начальника. Тогда последний отправился в стан неприятельский. Князь варваров принял его очень ласково, возвратил ему Климаты, даже присоединил к тому еще целую область и определил в его пользу какие-то доходы с собственной земли.

Под именем князя варваров, владевшего землей к северу от Дуная, конечно, скрывается князь Киевской Руси, ибо никакой другой владетель подобной земли не мог в то же время иметь области в Крыму и вести там войну с Греками. Но исследователи терялись в догадках о том, кого из известных Киевских князей здесь можно разуместь. Одни предполагали Владимира и его поход на Корсунь. Но это предположение не вероятно. Таврический аноним говорит о нападении только на Климаты и неудачной осаде какой-то из второстепенных греческих крепостей в Крыму, после чего был заключен мир; тогда как поход Владимира окончился взятием Корсуни и крещением князя, а на эти события тут нет никакого намека. Другие думали видеть здесь Святослава, и это предположение имеет за себя уже более вероятности. Русские и византийские источники довольно тесно связывают деятельность Святослава с берегами Киммерийского Боспора, то есть с Крымом и Таманью. По нашей летописи, он воевал с Ясами и Касогами, следовательно, в той же

стороне; а договор с Цимисхием обязывает его не нападать на Корсунскую область. Лев Диакон рассказывает, что император Никифор Фока, приглашая Святослава напасть на Дунайских Болгар, отправил к нему патриция Калокира, которого Кедрен называет сыном херсонского начальника, и мы можем догадываться, что сами эти переговоры происходили, вероятно, в Крыму, то есть в русских владениях, соседних с Корсунью. Лев Диакон называет Киммерийский Боспор отечеством Тавроскифов или Святославовых Руссов, говоря, что греческие суда на Дунае отрезали им бегство в ту сторону.

Оставляя за Святославом некоторую вероятность по отношению к помянутому отрывку, мы, однако, думаем, что еще с большей вероятностью можно отнести рассказанное в нем событие к деятельности Святослава отца Игоря. Во-первых, отрывок повествует о порабощении князем варваров союзного и родственного племени; это племя было, конечно, не что иное, как Черные Болгаре, занимавшие восточные побережья Крыма; о подчинении же их Киевскому князю впервые упоминается в Игоровом договоре. Во-вторых, тот же договор упоминает и о Корсунской области; следовательно, владения Киевского князя при Игоре вошли в непосредственное с ней соприкосновение, с окончательным подчинением Черных Болгар. В-третьих, в договоре Греки обещают военную помощь Русскому князю, и мы уже говорили, что это, без сомнения, была помощь против общего врага, то есть соседних Хазар. Подтверждение нашему предположению можно найти и в известии Константина Багрянородного, который говорит, что в случае нужды против Хазар можно вооружить или Алан, или Черных Болгар. Недаром же варварский князь, если верить отрывку, легко помирился с греческим начальником и даже щедро наградил его; может быть, хазарские отношения имели тут некоторую долю влияния. В-четвертых, Лев Диакон подтверждает связь Игоровой деятельности с восточной частью Тав-

риды: он сообщает, что после поражения у берегов Малой Азии Игорь с остатками своего флота бежал в Киммерийский Боспор. Наконец, в-пятых, Игорь является первым Киевским князем, которого по имени знают византийские и западные писатели, и, конечно, потому, что это был князь предприимчивый, властолюбивый и жадный к добыче; он предпринимал дальние походы и заставлял много говорить о себе и о своих Руссах. Жестокость и жадность, высказанные им особенно по отношению к Древлянам и причинившие ему погибель, весьма походят на черты, которыми анонимный отрывок, не без примеси риторики, описывает его образ действия по отношению и к его Таврическим данникам, то есть к Черным Болгарам. Но главное историческое значение его деятельности, конечно, было более важное, нежели разорение и вымогательства; судя по всем данным, этот энергичный князь сильно подвинул вперед объединение Восточно-Славянских племен под властью великого князя Киевского. Он-то и совершил, вероятно, полное подчинение Черных Болгар, так что следующий за ним договор Святослава с Греками (или дошедший до нас отрывок этого договора) уже не упоминает о Черных Болгарах, а говорит прямо о сопредельности русских владений с Корсунской областью.

Но кто были туземцы данного отрывка, несколько зависимые от Греков, а в то же время соседние с князем варваров и подобные ему нравами? Очевидно, это была та часть Черных Болгар, которая обитала около греческих Климатов и находилась под некоторым влиянием Греков, хотя и не успела еще проникнуться большим сочувствием к их обычаям, а сохраняла обычаи, сходные с другой частью того же племени, то есть с Руссо-Болгарским элементом в Тавриде. Мы едва ли будем далеки от истины, если предложим в этих туземцах тот Фульский язык, который во времена Константина и Мефодия хотя исповедовал уже христианскую религию, однако еще поклонялся своему священному дубу и

соблюдал прежние языческие обряды. По всей вероятности, и лет 70 спустя, то есть во время Игора, этот народ еще не далеко ушел в усвоении христианских нравов и все еще по своим понятиям и образу жизни был ближе к своим соплеменникам (также отчасти принявшим крещение), нежели к Грекам или к соседним Готам; последние уже во время Юстиниана I отличались преданностью христианству и были союзниками Греков против Утургуров-Болгар. Малая симпатия к греческому господству и особенно племенное родство с Русью, конечно, увлекли Фульских туземцев на сторону Русского князя в войне с Греками². Последние, как известно, старались привлекать на свою сторону соседних варваров, обращая их в христианство или склоняя их подарками. Очень может быть, что греческие интриги между Таврическими Болгарами не остались без влияния на какие-либо их попытки к отпадению от Русских князей, что, в свою очередь, могло послужить поводом к жестокому наказанию и окончательному подчинению этих Болгар, а также и к войне с самими Греками. Во всяком случае склонная к интригам византийская политика, умевшая сеять раздоры между соседями, очень хорошо всем известна. То, что автор отрывка говорит о награждении его областью и о доходах, назначенных в его пользу из собственных земель неприятельского князя, отзывается неточностью донесения, то есть некоторым хвастовством. Конечно, тут надобно разуметь возвращение какого-либо клочка земли, занятого варварами во время войны, и обещание помогать хлебом и скотом, в которых Греки нуждались и которые у варваров были в изобилии. Указание отрывка на доходы неприятельского вождя с собственных земель, конечно лежавших по соседству, свидетельствует, что Русский князь не впервые только пришел и покорил соседнюю страну, но что дело идет именно об усмирении и окончательном подчинении Черных Болгар. А иначе было бы непонятно, о каких доходах идет речь. Конечно, эти доходы, то есть дани с туземного населения

Киевскому князю, уже существовали; впрочем, теперь они могли быть увеличены³ .

Таким образом, по нашему мнению, появление Руси на берегах Боспора Киммерийского восходит собственно к первой половине IX века; но окончательное утверждение здесь Киевских князей и распространение их господства на всю восточную часть Таврического полуострова совершилось не ранее эпохи Игоря, то есть приблизительно во второй четверти X века. В это-то время, как надобно полагать, образовалось здесь то русское владение, которое вскоре сделалось известно под именем Тмутраканского княжества. Русское название Тмутракан (позднее сокращенное Тамань), конечно, есть только видоизменение греческого имени Таматарха. А последнее в свою очередь произошло от слитного названия Матарха или Метраха с членом та. В церковном уставе Льва Философа - следовательно, IX века - в числе архиепископий, подчиненных Константинопольскому патриарху, на 39-м месте упоминается та Мераса. Константин Багрянородный, у которого впервые встречается слитное название Таматарса, рядом с ним употребляет и название простое, то есть Матарса. Затем в источниках находим следующие варианты этого названия: в средневековых еврейских надписях - Материка, у Нубийского географа Метреха, у Арабов и Генуэзцев XII века - Матерха, у Рубруквиса - Матрека и Матрага, и пр.

Таким образом, на месте Фанагории древних писателей и Фанагурии Прокопия и Феофана встречается у Константина Багрянородного Таматарха или Матарха. Но в период времени между Феофаном и Константином в странах Азовско-Черноморских совершились довольно важные перемены. Хазарское могущество было сломлено восстаниями некоторых покоренных племен, а также усилиями двух соседних народов, Печенегов и особенно Руссов. Последние своими судовыми походами в Азовское и Каспийское море нанесли сильные удары Хазарскому государству и уничто-

жили его господство на берегах Киммерийского Боспора, где и основали свою собственную колонию. Печенеги долгое время теснили Хазар с севера и опустошали их области; наконец, стесненные, в свою очередь, союзом Хазар и Узов, они устремились на западную сторону Дона и нахлынули на черноморские степи, занятые дотоле племенами Угров и отчасти Кабаров. Угро-Кабары не выдержали этого нашествия и двинулись далее на запад в Дунайские равнины. Некоторая часть Печенегов осталась в своих прежних жилищах за Доном и Волгой, в соседстве с Команами; но большая часть их орд заняла огромное пространство от нижнего Дуная до нижнего Дона. Византийское правительство с помощью золота и ловкой политики не замедлило воспользоваться этими варварами, чтобы сдерживать своих соседей как на Балканском полуострове, так и в Черноморских владениях, то есть Болгар, Руссов и Хазар. Впрочем, Печенеги служили орудием обоюдоострым, то есть за плату и добычу давали вспомогательные дружины и тем, которые воевали с Греками, например Русским князьям. Этот варварский народ, в свою очередь, внес еще большее разорение и запустение в Черноморские области и расширил там господство степной природы. Он также начал затруднять Днепровской Руси ее связи с берегами Азовского и Черного морей. Но он далеко не отрезал Русь от этих берегов, как отрезали впоследствии более многочисленные и еще более дикие варвары, то есть Половцы и Татары.

Печенеги, между прочим, выгнали Угров и Хазар также из северной, степной, части Крыма и таким образом очутились на этом полуострове соседями греческих областей, то есть Херсона и Климатов. По словам Константина Багрянородного, они даже оказывали услуги Херсонитам в их торговых сношениях с Русью, Хазарией и Зихией, а именно, за условную плату перевозили в Херсонес и обратно разные товары, как-то: рыбу, воск, хлебные запасы, сукна, разные украшения одежды, пряности, дорогие меха и пр. Сами они

доставляли Грекам быков, овец, кожи и прочие сырые произведения своего скотоводства.

1 См. Зап. Одесск. Общ., т I. и Описан. Румянц. Музея - Востокова, 689. Житие Стефана Сурожского дошло до нас в списках XV и XVI веков и, очевидно, искажено разными прибавками. Так, князь Русский, нападавший на Сурож, будто прибыл из Новгорода и назывался Бравлин: имя это, как объясняют, переделано позднейшими писателями из прилагательного "бранлив".

2 С христианским элементом у Таврических Болгар можно привести в связь и христианский элемент Игоревой дружины, о которой упоминается в договоре. Этот энергичный и даже жестокий князь, очевидно, отличался терпимостью в отношении к христианам; следовательно, религия не мешала Фульскому народцу вступить с ним в союз.

3 Недавно появилось рассуждение А. А. Куника "О записке Готского топарха" (в XXIV томе Зап. Акад. Наук); так он называет анонимный отрывок, о котором шла сейчас речь. В этом рассуждении достоуважаемый ученый представляет несколько очень дельных соображений, но еще более таких, с которыми нет никакой возможности согласиться. При всей ученой обстановке, то есть при богатстве ссылок на источники, рассуждение страдает выводами, лишенными оснований. Так, г. Куник два разные отрывка, изданные Газом, приписывает одному лицу и считает их автографами самого Готского топарха, хотя на это нет никаких серьезных доказательств. А главное, чтобы решить вопрос о народностях, подразумеваемых в отрывке, надо было прежде произвести точное исследование о том, какие народы в то время обитали в Крыму, и каковы были их взаимные отношения. Так, г. Куник варваров, напавших на Климаты, считает Хазарами, в особенности потому, что они являются тут могущественным народом, хотя в X веке Хазары были уже стеснены в Крыму Печенегами и Русью. Между прочим он считает Алан в числе народцев, сопредельных с Корсунем, а

Черных или Кубанских Болгар помещает только на Кубани, хотя о положении Алан на севере от Кавказа, а не в Крыму, ясно говорит Константин Багрянородный, а на соседство Черных Болгар с Корсунской областью, то есть на жительство их в восточной части Крыма, указывает договор Игоря. Климаты, о которых говорится в отрывке, действительно могут быть Готскими; но отсюда еще не следует считать Готами и тех союзных Грекам жителей, которые предались на сторону князя варваров, властвующего к северу от Дуная. Г. Куник идет далее и, связывая два разные отрывка, вместо поездки в стан неприятельского князя заставляет греческого военачальника путешествовать в Киев, единственно на том основании, что этот князь властвовал к северу от Дуная. Но, владея Киевской землей, Русские князья в X веке господствовали и в восточной части Крыма, на что ясно указывают договоры Игоря и Святослава.

Х

Географические известия Константина Багрянородного о Болгаро-Тмутраканском крае. - Девять Хазарских округов. - Русское Тмутраканское княжество и его судьбы

Константин Багрянородный сообщает нам некоторые любопытные географические подробности о Болгаро-Тмутраканской области, а также и вообще о Северном Черноморье.

Вот что говорит он в 42-й главе своего сочинения "Об управлении Империей".

"Пацинакия ограничивает всю Русь и Боспор до самого Херсона, а также до Серета и Прута. Морской берег от Дуная до Днепра (Днестра?) заключает 120 миль (milion - тысяча шагов, следовательно, около нашей версты). Днестр от Днепра отстоит на 80 миль, и этот берег называется Золо-

тым". "От Днепра до Херсо-на 300 миль; по середине встречаются гавань и озера, в которых Херсониты добывают соль. Между Херсоном и Боспором расстояние в 300 миль; тут лежат города Климатов. За Боспором находится устье Меотийского озера, которое по его величине все называют морем; в него впадают многие и великие реки. Так, на севере он имеет Днепр реку, из которой Руссы отправляются в Черную Булгарию, Хазарию и Сирию. Залив Меотиды достигает до Некропил, отстоящих от Днепра на четыре мили, и соединяется с ним там, где древние переплывали море каналом поперек Херсона, Климатов и Боспора на расстоянии тысячи или более миль. Но с течением времени путь этот засыпался и обратился в густой лес, и теперь существуют две дороги, по которым Печенеги отправляются в Херсон, Боспор и Климаты. С восточной стороны Меотийское озеро принимает в себя многие реки, каковы Танаис, который идет от Саркела, и Харакул, в котором ловится рыба берзетик (berxhticon), кроме того - реки Баль, Бурлик, Хадырь и многие другие. Устье Меотиды, изливающееся в Понт, также называется Бурлик; здесь есть город Боспор; а напротив его лежит город, называющийся Таматарха. Это устье простирается на 18 миль, и посреди его находится большой, низменный остров, называемый Атех. От Таматархи на расстоянии 15 или 20 миль есть река, именуемая Укрух, которая отделяет Зихию от (области) Таматархи. Зихия простирается на расстоянии 300 миль от Укруха до реки Никопсис, на которой находится город того же имени. Выше Зихии лежит страна Папагия, выше Папагии Казахия, над Казахией Кавказские горы, позади Кавказа Алания. Морской берег Зихии имеет острова, один большой и три малых, между которыми есть и другие острова, населенные и возделанные Зихами, то есть Турганерх и Чарбагани; кроме того, еще остров при устье реки, и еще около Птелеев; на последний спасаются Зихи во время нападения Аланов. От Зихии, то есть от реки

Никопсиса, до города Сотериополя по морскому побережью лежит Авазгия на протяжении 300 миль".

Излишне было бы ожидать от подобных известий полной ясности и точности. Очевидно, северные берега Черного моря и особенно страны, лежащие к востоку от Азовского моря, были известны любознательному императору в общих чертах, и только местами он мог сообщить некоторые верные подробности. Наиболее темные и запутанные сведения относятся к какому-то древнему каналу, который шел поперек Херсона, областей и Боспора и потом обратился в густой лес с двумя сухопутными дорогами. Мы предложим следующий вопрос: в этом месте у Константина не скрывается ли отголосок древнейших преданий, вспоминающих о том времени, когда Крым был островом, и когда суда, например из Ольвии, то есть Днепровско-Бугского лимана, могли проходить в Азовское море и следовать до Боспора вдоль северных, а не южных берегов Крыма? А что касается до двух сухопутных дорог, ведущих в Крым из Печенежских степей, то здесь, может быть, подразумеваются Перекопский перешеек и Арбатская стрелка, которая только узким Геническим проливом отделяется от северного берега Азовского моря. Последним путем, как мы замечали, по всей вероятности, происходили сухопутные сообщения Днепровской Руси с Тмутраканской областью, и, конечно, им пользовались в особенности при движении конницы. Далее из слов Константина можно понять, что сам Днепр как бы соединялся (каким-то протоком) с Азовским морем, и Русь ходила этой дорогой на судах в Черную Болгарию; Хазарию и Сирию. В этом представлении, повторяем, заключается подтверждение того, что действительно между Днепром и Азовским морем существовало водное сообщение посредством Самары, Миуса и их притоков, при небольшом волоке. Что касается до рек, впадающих в Азовское море с восточной стороны, то опять повторяем, под Харакулем можно разуместь северный рукав Кубани

или так называемую Черную Протоку, Бал, Бурлик и Хадыр, по всей вероятности, суть не что иное, как другие рукава той же реки или протоки, наполнявшие Кубанскую дельту. Не забудем, что в X веке Тамань имела несколько иной вид, нежели в настоящее время: некоторые протоки заволокло песком и землей, другие, вследствие засыпавшегося устья, обратились во внутренние лиманы; таким образом Кубанская дельта получила характер полуострова. Но в X веке, по всей вероятности, она представляла еще группу островов. Боспорский или Керченский пролив у Константина называется устьем Меотиды, и действительно его можно так назвать вследствие течения из Азовского моря в Черное. Упомянутый посреди этого пролива низменный остров Атех, конечно, есть не что иное, как часть южной Таманской косы, в те времена еще представлявшая совершенно отдельный остров. Области, лежавшие по восточному берегу Черного моря, то есть Зихия и Авазгия, обозначены верно; но те, которые находились далее внутрь страны, очевидно, в своем взаимном отношении определены только приблизительно, то есть Панагия, Казахия и Алания. Алания будто бы находилась над Кавказом, а Казахия под Кавказом; выходит, что между ними лежал Кавказ. Но тут заключается явная неточность, и можно понять так, что они были разделены какими-либо отрогами Кавказа. Судя по тому, что Алане могли заграждать сообщение Каспийско-Волжским Хазарам с Кавказскими, то есть с Кабардою или Папагией и Казахией, а также затруднять сообщение с Саркелом, надо полагать, что Алане были ограничены той горной областью, в которой обитают предполагаемые их потомки, то есть нынешние Осетины¹.

Нельзя также не обратить внимания на некоторые названия рек с их филологической стороны. Один из рукавов Кубани, именно самый южный, назывался Укрут, а другой рукав и вместе сам пролив именовался Бурлик - эти слова, очевидно, славянские и принадлежали к названиям болгаро-

русским. В Каракуле мы узнаем КараИнгуль или Черный (Карий) Ингуль (может быть, то же, что впоследствии Черная Протока); название Хадырь (Cadhr) представляет также славянскую форму. А слово Бал и до сих пор в польском языке означает бревно (у нас в уменьшенной форме балка), если же греческое *b* произносить как *в*, то получим другое славянское слово, "вал", которое могло означать первоначально вал или волну, а потом уже и земляную насыпь².

В 53-й главе того же сочинения, в главе, посвященной рассказам из истории города Херсона и его борьбы с Боспорскими царями, Константин дает еще следующие подробности о Тмутракани и соседних с ней областях:

"За городом Таматархою находятся многие источники, которые после питья производят сыпь во рту. Также и в Зихии, подле места, называемого Пагис, около Папагии, существует девять источников, производящих сыпь во рту. Но они имеют не одинаковые цвета: один красный, другой, желтый, третий темный. В Зихии, в месте, называемом Папага, по соседству с округом, именуемым Сапакси (Сапаху), что значит "грязь", есть источник, который также возбуждает сыпь: существует и другой подобный источник в округе, называемом Хамух, по имени своего основателя Хамуха. Это место отстоит от моря на один день конного переезда. В области Дерзинес, подле двух округов, из которых один называется Сапикий (Саписиу), а другой Епископий (Епискориоу), есть тоже производящий сыпь источник, а также и в области Чиляперт (Тзилиаперт) в округе Среchia-баракс (Среchiaбах)".

Очевидно, Константин описывает здесь вулканические грязи и источники Таманского полуострова и соседнего Кавказа. Не заметно, однако, чтоб эти источники были известны в то время своими лечебными свойствами, так как Константин знает о них только то, что они для питья не годятся, ибо производят во рту сыпь. Интересны некоторые местные названия, здесь приведенные. Представляем

объяснение их знатокам кавказских языков и обратим внимание только на слово Сапакси. (Следующее затем название Сапикиу, может быть, происходит от одного с ним корня.) Предложим вопрос: не есть ли это слово в несколько искаженной передаче славянское сопки, то есть именно вулканы, извергающие из себя грязные потоки? Далее: девять разноцветных источников где-то за Таманским полуостровом на западном конце Кавказа - это число не находится ли в какой-либо связи с названием "Девяти Хазарских климатов" (ta ennea clhmata thV CaVariaV), о которых Константин упоминает в 10-й главе того же сочинения?

Хазарские климаты или округи надобно различать от климатов Греческих, которые лежали в юго-восточном углу Таврического полуострова, по соседству с Херсонской областью. Мы говорим: надобно их различать, потому что у Константина иногда упоминание о них довольно сбивчиво. Например, во 11-й главе он говорит, что Алане могут преграждать Хазарам путь "в Саркел, Климаты и Херсон". Здесь под климатами в географическом смысле могут быть понимаемы и те, и другие, если взять в расчет, что те и другие лежали между Саркелом и Херсоном; но соображаясь с внутренним смыслом, надобно здесь разуместь климаты Хазарские, о которых Константин говорит в предыдущей главе. В этой последней он объясняет, что девять Хазарских округов лежат по соседству с Аланией, и если Алане подвергали их опустошениям, то наносили тем большой вред Хазарам, так как из этих девяти округов Хазары получали все нужное для жизни. Очевидно, область этих округов лежала в западной части Кавказа около Кубанской дельты, то есть там, где находились упомянутые выше девять источников; по-видимому, то была часть Зихии и Папагии, подвластная собственным Хазарам, то есть Касогам или Черкесам - Кабардинцам. Эта в сущности небольшая область была дорога для них, ибо, по словам Константина, отсюда они получали все нужное для жизни. Это все нужное, конечно,

доставляла им торговля с Греками и Руссо-Болгарами при помощи гаваней Азовских и Черноморских, из которых товары шли в Хазарию при посредстве области, прилегавшей к Кубанской дельте. Кроме греческих тканей и металлических изделий они получали отсюда хлеб и рыбу. Последняя особенно в изобилии ловилась в Кубанских лиманах. Так, Феофан преимущественно указывает на болгарскую рыбу ксис, а Константин на берзетик (по весьма вероятному мнению г. Бруна, это одна и та же рыба; но он не мог узнать, какая порода тут подразумевается. См. зап. Од. Общ. V . 147).

Берзетик ловился именно в Карагуле, то есть в северном рукаве Кубани. А страна, прилегавшая в этому рукаву в те времена, может быть, еще не была отвоевана Руссами от Хазар, и следовательно, обитавшая здесь часть Черных Болгар еще платила дань Хазарам и, конечно, платила естественными произведениями. Вот почему в случае опустошения Аланами девяти округов Хазарам грозил голод. Это известие подтверждает нашу мысль, что тут надобно разуметь Хазар Кавказских, а не Волжских. У последних, по известию Ибн-Фадлана, главной пищей служили рис и рыба; но рыбой снабжала их Каспийско-Волжская ловля; и рис они получали или от ближайших покоренных племен, или от торговцев, особенно восточных. Одним словом, нет вероятности, чтобы Волжские Хазары питались хлебом и рыбой, доставшимися с устьев Кубани или с Западного Кавказа. По всем признакам, Константин не имел ясного представления о положении в разных частях Хазарского государства: он смешивал Хазар Волжских с Черкесами или Кавказско-Крымскими. Его известия могут быть отнесены по преимуществу к последним, тогда как арабские известия того же века относятся преимущественно к первым.

Итак, мы можем положительно сказать, что около первой половины X века Алане уже возвратили себе независимость от хазарских государей и тем нарушили связь Каспийско-

Волжской Хазарии с Западным Кавказом или Кабардою. Но источники не дают определенных указаний на то, в каких отношениях последняя находилась к Итилю. Мы можем только догадываться, что Черкесия или собственная Хазария во времена Константина еще сохраняла вассальные отношения к Итильским каганам. Но без сомнения, она также стремилась к независимости, и восстание воинственных Кабаров, о котором вспоминает Константин, вероятно, повторилось не один раз. Во второй половине X века, когда Хазарское государство ослабло под ударами Алан, Печенегов и особенно Руссов, которые разорили Саркел, тогда и собственные хазары, то есть Крымские и Кавказские Черкесы, по-видимому, возвратили себе самостоятельность и отделились от Турок-Хазар Каспийских. Указанием на это обстоятельство могут служить войны Руси и Греков в первой половине XI века с Черкесскими князьями Георгием Чулом и Редедю3 .

Теперь в коротких словах доскажем дальнейшую судьбу Тмутраканской Руси.

Киево-русские князья, чтоб упрочить за собою обладание Тмутраканским краем, не раз должны были возобновлять борьбу с Хазарами-Кабардинцами, а иногда и с их соседями Аланами. Так, Святослав, по словам нашей летописи, воевал с Касогами и с Ясами. Затем мы имеем известие византийского писателя Кедрена о предприятии Греков против Хазар при императоре Василии II. В 1016 году он послал к Хазарии флот под начальством Монга; последний, "вспомоществуемый Сфенгом, братом Владимира, того самого, который женился на сестре императора Василия, покорил эту страну, взяв в плен в первой же битве князя ее Георгия Чула". Известие это, по всем признакам, не совсем точно; по крайней мере оно не совсем согласно с русской летописью, которая не знает у Владимира никакого брата с именем Сфенга. Далее, не ясно, о какой Хазарии здесь говорится, во всяком случае не о волжской, куда греческие войска не про-

никали; притом имя Георгия показывает, что он был христианин, а Итильские каганы исповедуют иудейскую веру. Здесь, по всей вероятности, речь идет о каком-либо Хазарско-кабардинском владении, которое уцелело до начала XI века в Тавриде, по соседству с Корсунской областью (может быть, там, где лежат развалины Мангупа и Черкес-Кермена). Русские помогали тогда Грекам и в этой стороне, конечно, так же, как помогали им в борьбе с Болгарами Дунайскими (вследствие родственного союза с Греческими императорами).

Вскоре потом, именно под 1022 годом, наша летопись помещает известие о войне с Касогами Владимиров сына Мстислава, которому отец назначил в удел Тмутракан. Эти Хазары-Касоги были соседями Тмутраканской Руси с восточной стороны, и, конечно, между ними происходили споры за границы. Но не видно, чтобы в эти споры вмешивались каганы Итильские; следовательно, Касоги-Кабардинцы в то время были уже самостоятельны и не имели политической связи с Хазарами Каспийско-Волжскими. Мстислав, как известно, одолел в единоборстве Касожского князя Редедю и заколол его; после чего, по условию, взял его семейство и наложил дань на Касогов, а по возвращении в город Тмутракан, исполняя обет, построил церковь Богородицы. Эта церковь стояла еще во время летописца, то есть в XII веке. Как сильно было в ту эпоху Тмутраканское княжество, показывает успех Мстислава в борьбе с старшим братом Ярославом. С своей руссо-болгарской дружиной и хазаро-черкесской конницей он победил Ярослава и заставил уступить себе восточную сторону Днепра. Мстислав перенес свою резиденцию в Чернигов, где и умер (в 1036 году); не оставляя после себя детей, он все свои земли передал брату Ярославу. Последний при разделе Руси между своими сыновьями отдал Тмутракань второму сыну, Святославу, то есть причислил ее к уделу Черниговскому. С тех пор она, за не-

большим исключением, и оставалась в роде Черниговских Святославичей.

Святослав отдал Тмутракань в удел своему сыну Глебу. Деятельность Глеба Святославича в этом отдаленном конце древней Руси засвидетельствована дошедшим до нас камнем с следующей надписью: "В лето 6576 индикта 6 Глеб князь мерил море по леду от Тьмутороканя до Керчева... сажени"⁴. На этой надписи мы впервые встречаем болгаро-русское название Корчево или Корчев, откуда явилось сокращенное Керчь. Это название заменило греческие "Пантикапея" и "Боспор", так же как имя "Тмутракань" сменило древнее "Фанагория". По-видимому, эти два города, лежавшие друг против друга на берегах пролива, уж успели несколько оправиться от разорений, причиненных им во времена гунно-болгарского и потом турко-хазарского завоевания. Керчь-Пантикапея не достигала уже никогда своего прежнего блеска; однако сохраняла свой торговый характер, благодаря выгодному положению на торном пути между Русью и Хазарией, с одной стороны, и Византийской империей, с другой. О торговом характере Тмутраканской Руси, как мы говорили, особенно свидетельствуют арабские известия. Тмутракань в это время имел верх над Корчевом, ибо был стольным городом княжества.

Отдаленное от Киевской Руси положение, смешанный, разноплеменный состав населения и соседство варварских народов, готовых доставлять наемные дружины всякому предприимчивому вождю, делали беспокойным и довольно шатким положение Тмутраканских князей, когда начались междоусобия в потомстве Ярослава I. Положение это сделалось особенно шатким с того времени, как из-за Дона, около половины XI века, надвинулись в южнорусские степи новые орды кочевников, дикие Половцы, которые мало-помалу стали отрезать Тмутраканскую землю от остальной Руси и затруднять между ними сообщение.

Один из внуков Ярослава, Ростислав Владимирович, после смерти отца своего Владимира Новгородского, проживал в Новгороде без удела. Этот смелый воинственный князь, вместе с Вышатою, сыном посадника Остромира, ушел на юг, набрал дружину и изгнал из Тмутраканя своего двоюродного брата Глеба Святославича. Отец последнего, Святослав, явился было на помощь сыну и возвратил ему Тмутраканский стол (в 1064 г.). Но едва отец отправился назад в свой Чернигов, как Ростислав снова выгнал Глеба и снова занял Тмутракань, где и княжил до своей смерти. Но княжение это было кратковременно: оно продолжалось только два года. Храбрый Ростислав сделался грозен для своих соседей, то есть для Корсунских Греков и Кавказских Касогов; последние платили ему дань. Греки тяготились соседством такого воинственного князя и решились извести его. Летопись наша рассказывает, что какой-то греческий начальник или катапан приехал к Русскому князю, подольстился к нему и потом отравил его в то время, когда он по обыкновению пировал с своей дружиной (1066 г.). Предание, записанное русским летописцем, прибавляет, будто катапан, успевший бежать в Корсунь, был побит камнями от самих Корсунцев, когда Ростислав умер; но последнее известие едва ли вероятно, так как, по словам той же летописи, сами Греки подослали его к Ростиславу. Этот князь погребен в том же каменном храме Богородицы, который был построен Мстиславом Владимировичем.

После Ростислава Тмутраканский удел снова перешел во владение Черниговских Святославичей. Там мы встречаем опять Глеба, потом его брата, Романа Святославича. Когда умер их отец Святослав Ярославич, наступили известные междоусобия братьев его Изяслава и Всеволода с племянниками Святославичами, которые хотели воротить себе отцовскую часть, то есть Черниговскую землю. В 1078 году знаменитый Олег Святославич убежал к брату Роману в Тмутракань, куда еще прежде явился двоюродный брат его

Борис Вячеславич, тоже обделенный своими дядьями. Здесь эти беспокойные князья вошли в связи с варварами, особенно с Половцами, и с их помощью начали ряд своих попыток против дядей. Олегу и Борису не посчастливилось, и последний пал в битве на Нежатиной ниве. Тогда Роман с новыми толпами Половцев пошел на помощь Олегу, чтобы добыть Чернигов. Но варвары изменили братьям и заключили союз с их дядей Всеволодом, конечно, склоненные к тому золотом. Мало того, на обратном походе варвары убили Романа. Олег, по смерти братьев сделавшийся наследником Тмутраканского стола, был схвачен и отправлен за море в Царьград (1079 г.). По поводу этих событий в нашей летописи упоминаются тмутраканские Хазары: они подговорили Половцев убить Романа, они же схватили Олега и выдали Грекам (см. Ипатскую летопись, новое издание, 143-144). Итак, мы имеем ясное свидетельство, что часть населения в Тмутраканском княжестве, и, конечно, часть влиятельная, состояла из Хазар или Черкесов - Кабардинцев, которые прежде владели этим краем. В данном случае туземные Хазары, очевидно, действовали в согласии с великим князем Всеволодом, то есть, по всей вероятности, были подкуплены деньгами или обещанием каких-либо льгот. По крайней мере после удаления Олега в Грецию мы видим в Тмутракане Всеволодова посадника Ратибора, но не надолго. В следующем году здесь явились два новые искателя уделов, Давид Игоревич и Володарь Ростиславич; они схватили Ратибора и завладели Тмутраканью. Все эти быстрые перемены, конечно, делались не без участия все того же влиятельного элемента в Тмутракане, то есть Хазар.

Между тем наследственный Тмутраканский князь Олег Святославич из Константинополя был отправлен далее на остров Родос, где провел два года. Об этом пребывании его на Родосе упоминает известный паломник игумен Даниил при описании своего хождения в Иерусалим. В то время на византийском престоле царствовал Никифор Вотаниат, ко-

торый, конечно, был в союзе с врагами Олега; кроме того, Греки, вероятно, опасались найти в нем такого же беспокойного соседа, каким был Ростислав Владимирович. Но когда Вотаниат был низвержен и на престол вступил знаменитый Алексей Комнен, обстоятельства, очевидно, изменились в пользу Олега. В 1083 году он снова появляется в Тмутракане, которую, по всей вероятности, воротил себе с помощью прежних неприятелей, а теперь новых союзников - Греков. Володаря и Давида он отпустил на свободу, но строго наказал крамольных Тмутраканских Хазар, предав смертной казни своих главных врагов⁵.

После того, в течение целых десяти лет, ничего не слышно об Олеге. Повидимому, он в это время спокойно княжил в Тмутракане. Но в 1093 году умер Всеволод. Тогда Олег снова выступил на сцену: он опять явился с наемными Половцами добывать Чернигов у Владимира Мономаха, и на этот раз достиг своей цели. Может быть, к тому же десятилетнему периоду относится один вещественный памятник Олегова княжения в Тмутракане. Мы говорим о серебряной монете, которая несколько лет тому назад найдена на Тамани. На одной стороне ее видно довольно неясное лицевое изображение, а на другой надпись: "Господи, помози Михаилу". Олег Святославич в крещении назван Михаилом, и некоторые исследователи с большой вероятностью приписывают ему эту монету (см. Древности, издание Моск. Археолог. Общества, т. III, вып. II).

С переселением Олега Святославича в Чернигов в летописи нашей прекращаются все упоминания о Тмутраканском крае. Можем только догадываться, что этот край в XII веке был наконец оторван от Руси Половецкой ордой. Но Чернигово-Северские князья не забывали о нем и делали иногда попытки воротить его в свое владение. На эти попытки указывает знаменитое Слово о Полку Игореве. Оно прямо говорит, что Игорь Северский и его брат Всеволод Трубчевский предприняли поход на Половцев с целью "по-

искати града Тмутороканя". Вообще это Слово не один раз и с заметным сочувствием упоминает о Тмутракани. Известно обращение поэта к "Тмутраканскому балвану". Мы уже имели случай представить свои соображения о том, что под словом болван тут не скрывается какой-то воображаемый идол, но что это значит пролив, а в переносном смысле здесь надобно разуместь весь Тмутраканский край. Какого-либо половецкого идола нельзя здесь разуместь и потому, что этот край, оторванный от Руси, во второй половине XII века снова подпал господству Византии.

Византийская историография XIII, XIV и XV веков мимоходом бросает некоторый свет на дальнейшие судьбы Тмутраканской Руси. В первой половине XIII века вместе с соседними Зихами, Абасгами и Готами она была покорена Татарами Чингисхана, по известию Никифора Грегоры (он называет здесь Черноморских и Азовских Руссо-Болгар Тавроскифами и Бористенитами). Писатель второй половины XIII века Георгий Пахимер говорит, что Алане, Зихи, Готы и Россы, покоренные Татарами, мало-помалу стали усваивать себе их нравы, а вместе с одеждой стали употреблять и их язык, будучи принуждены поставлять Татарам вспомогательные войска. Одежда, а отчасти и нравы завоевателей довольно легко переходят к покоренным народам. Под этой переменой нравов, конечно, надобно разуместь постепенное огрубление и одичание, которому подвергались Тмутраканские Болгаро-Руссы под игом диких монголо-татарских орд, наводнивших юго-восток Европы, Кавказ и Закавказье. Но что касается до языка, то он не так скоро утратился из народного употребления и заменился языком господствующего народа. О Готах мы знаем, что они долго еще сохраняли свой язык. То же можем предположить и относительно Азовско-Черноморских Руссо-Болгар, пока христианство не было у них вытеснено мусульманством. По крайней мере во второй половине XIII века христианская церковь еще впол-

не соблюдалась, судя по известию Кодина о том, что архиепископ Зихи и Метрахов был возвышен в сан митрополита.

В начале XV века Болгаро-Руссы еще раз упоминаются по поводу войны Тамерлана. По известию Дуки, в его полчищах находились дружины Тавроскифов, Зихов и Авазгов.

Открытие новых исторических источников и особенно местные изыскания, может быть, дадут впоследствии более подробные сведения о судьбах этой Азовско-Черноморской Руси.

1 Иосафат Барбаро, путешественник XV века, указывает на древние жилища Алан недалеко от восточного берега Азовского моря рядом с Черкесами Кабардинцами, которые жили на Кубанской плоскости. Алане, по его словам, называли себя Ас (главы 1 и 10); это Ясы наших летописей, ныне Осетины.

2 Как в X веке Киммерийский Боспор по имени рукава Кубани, а вместе и по характеру своему, назывался у славянских туземцев Бурлик (то есть Бурливый), так в XII веке встречаем название Балван, напоминающее другой рукав Кубани, то есть Бал. Мы разумеем тут известное место в Слове о Полку Игореве: "Дивъ, кличетъ верху древа, велить послушати земли незнаеме, Влзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу, и Корсуню, и тебе, Тмутраканский балван". Много было сделано разных догадок для объяснения последнего выражения; но все они принимали слово балван в том смысле, в котором оно теперь у нас употребляется. Мы думаем, что ключом к разъяснению этого выражения может служить польское *balwan*, доселе употребляемое в смысле волны. Отсюда приходим к тому заключению, что Тмутраканский балван Слова о Полку Игореве просто означает "Тмутраканский пролив", в переносном значении "Тмутраканский край". (См. наши соображения о том в издании Москов. Общества Древности 1874 г.)

3 Мы уже упоминали, что часть Кабаров ушла к Уграм и соединилась с ними, и что хусарская конница, по всей веро-

ятности, получила свое начало от этих Черкесов-Хазар. Точно так же и уланская конница ведет свое происхождение от кавказских Алан. У Татар под названием улан разумелось сословие благородных, что свидетельствует об их уважении к воинственным Аланам. Отличительным оружием гусар, как известно, служит кривая сабля, аулан - копье; вероятно, это вооружение отличало и самые племена Касогов и Ясов. О кривой хазарской или гусарской сабле упоминает и наша летопись, противопоставляя ее русскому обоюдоострому мечу.

4 Камень этот найден был в 1792 г. на острове Тамани. Он имеет вид плиты, и надпись высечена на боковой ее стороне; хранится в Петербурге в Императорском Эрмитаже. Число сажен (лнд) подвергается разночтениям: по одним это 8054, по другим - 1400.

5 Очень может быть, что именно к этим Тмутраканским Хазарам и соседним Касогам, платившим дань, относятся известные слова нашей летописи о том, что "володеют Русские князья Хазарами и до сего дня".

ОТВЕТЫ И ЗАМЕТКИ

I

К вопросу о названиях порогов и личных именах. Вообще о филологии норманистов I

Исследуя вопрос о происхождении Руси, мы встретились с Болгарами и не могли оставить в стороне вопрос об их народности, и не посвятить ему особого исследования. Разъяснение народности и начальной истории Болгар в свою очередь осветило некоторые пункты начальной Русской истории, казавшиеся доселе не совсем понятными. Например, теперь, когда мы знаем, что Болгаре с IV или V века встречаются в исторических источниках живущими на

Кубани и в восточной части Крыма и продолжают там жить еще в IX веке, теперь устраняется и сам вопрос о том, кто такое были и где обитали Черные Болгаре, упомянутые в Игоровом договоре и в сочинении Константина "Об управлении империей". А эти Черные Болгаре в свою очередь до некоторой степени выясняют происхождение русского Тмутраканского княжества, отношения Руси к Хазарам в этом краю и ту роль, которую играл греческий Корсунь в истории нашего христианства. Мало того, разъяснение Болгарской народности, могут сказать, неожиданно для меня самого бросило свет на тот пункт, который я не далее как в первых своих статьях о Варяго-Русском вопросе еще считал в числе почти безнадежно темных: на имена Днепровских порогов. Такие результаты, разумеется, утверждают меня на исторической почве по отношению к начатому направлению и все более убеждают в несостоятельности тех легенд и тех искусственных теорий, которые затемнили собой начальную Русскую и вообще Славянскую историю.

Указывая на принадлежность Славянам обеих параллелей, славянской и русской, в названиях порогов у Константина Б., я заметил: "впрочем, какому именно племени первоначально принадлежали так называемые славянские имена порогов, Славянам северным или еще более южным, чем Киевская Русь, решить пока не беремся". (См. выше стр. 210.) В настоящее время, когда мы знаем, что к югу от Киевской Руси жили племена Славяноболгарские (Угличы и Тиверцы), можем уже прямо предположить, что славянская параллель в именах порогов представляет ни более, ни менее как болгарские варианты более древних, т. е. славяно-русских, названий. И если филологи без предубеждения взглянут на эти варианты, то убедятся, что они действительно заключают в себе признаки церковнославянского, т. е. древнеболгарского, наречия. Например, Остроуни-праг и Вулни-праг. Здесь вторая часть сложных имен, т. е. праг, свойственна языку так наз. церковнославянскому или древ-

неболгарскому, а никак не славянорусскому, который во всех своих памятниках письменности имеет полногласную форму этого слова т. е. порог. Точно так же славянское название порога Веручи более соответствует церковнославянскому глаголу врети, а не славянорусскому варити; тогда как последний мы узнаем в русском названии порога Вару-форос (почему и позволяем себе в параллель ему ставить Веручи, а не Вулнипраг, как стоит у Константина Б., очевидно, спутавшего некоторые параллели). Название порога Неасыть, параллельное русскому Айфар, также есть церковнославянское или древнеболгарское слово, и наконец последнее славянское название Напрези тоже отзывается церковно-славянской формой, хотя смысл его доселе неясен и, вероятно, оно подверглось искажению.

Мы и прежде предполагали, что коренные древнейшие названия порогов у Константина суть те, которые названы русскими; а славянские представляют только некоторые их варианты. Это было видно уже из самого порядка, в каком их передает Константин; из того, что прибавленные к ним объяснения преимущественно относятся к славянской параллели; наконец из неодолимой трудности провести эти объяснения через всю русскую параллель (хотя норманисты и провели их с помощью величайших натяжек). Невольно приходила мысль, что некоторые из русских названий по своей древности уже во времена Константина едва ли не утратили своего первоначального смысла; так что их объясняли уже с помощью осмысления. Разъяснение начальной Болгарской истории подтверждает наши предположения. Болгарские племена передвинулись в Приднепровские края не ранее IV века, т. е. не ранее Гуннской эпохи; тогда как Роксаланы, по Страбону, уже в первом веке до Р. Х. жили между Доном и Днепром.

Что во времена Константина действительно смысл некоторых Русских названий был уже потерян, доказательством тому служит порог Есупи (Essouph). Константин говорит,

что по-русски и по-славянски это значило "Не спи". Но ясно, что тут мы имеем дело с осмыслением, основанным на созвучии; само по себе это повелительное наклонение невозможно как географическое название. Филология норманистов уже потому показала свою научную несостоятельность, что она до последнего времени относилась к слову "Не спи" как к действительному географическому имени и подыскивала для него такую же форму в переводе на Скандинавские языки. По моему мнению, это могло быть одно из названий, сохранившихся от древнейшей, еще Скифской эпохи. Ключ к его происхождению, может быть, заключается в известии Геродота о том, что область, лежащая между Гипанисом и Бористеном, на границах Скифов-земледельцев и Алазонов, называлась Еksamпей (EхампейоV), и что это скифское название значило: "Святые пути". Мы можем видеть тут темное известие именно о Днепровских порогах, около которых находилась священная для Скифов страна Геррос. Каменные гряды, преграждавшие течение Днепра, вероятно, у туземцев были связаны с мифическим представлением о каком-либо божестве или герое, переходившем реку по этим скалам, или набросавшем их для перехода на другой берег, или вообще с чем-либо подобным². Слово Еksamпи (при сокращенном окончании) или Ессампи с утратой носового звука (вроде славянского Ж) должно было произноситься "Есупи". Так сначала назывались вообще Днепровские пороги; а потом, когда их стали различать отдельными названиями, Есупи осталось за первым. Затем явилось его осмысление в форме: "Не спи". Еще позднее, под влиянием этого осмысления, один из порогов стал называться "Будило", то есть названием, более соответствующим духу языка при данном осмыслении. Конечно, все это предлагаю не более как догадку; но надеюсь, что во всяком случае она имеет за собой большую степень достоверности, нежели забавное название "Не спи" с его переводным *ne suefe* или *eisofa*.

Второй порог, Ульворси, норманисты продолжают превращать в скандинавское holmfors: ибо только при таком превращении у этого названия получается одинаковый смысл с стоящим против него славянским Островунипраг. Что русское холм обратилось у Константина в ул, по-прежнему доказывается "непривычным" греческим ухом, "вероятным" смешением аспирантов, переходом таких-то звуков в такие-то, и пр. Одним словом, неверная передача этого названия будто бы совершилась по известным фонетическим законам. А между тем все подобные ссылки на законы языка уничтожаются следующим соображением. Иностранные слова действительно произносятся на свой лад, но это бывает обыкновенно в том случае, когда народ усваивает себе или часто употребляет какое-либо чужое слово. Но когда образованный человек записывает иностранное название, то он старается передать его как можно ближе к настоящему произношению, а не переделывать его непременно в духе своего родного языка. Доказательством тому служит тот же Константин, который передает в своих сочинениях множество варварских названий всякого рода; причем часто сохраняет их произношение, совершенно не соответствующее духу греческого языка, а иногда сообщает их в очень искаженном виде. Вообще подобные ошибки и неточности подвести под известные законы и с помощью их восстановить точные данные по большей части бывает невозможно. Например, на основании каких фонетических законов русский Любеч у Константина обратился в Телюча? и т. п. Это столь простое соображение норманисты упускают из виду.

Третий порог, Геландри, по новому толкованию, есть собственно сравнительная степень от скандинавского причастия настоящего времени gellandi - звенящий, а может быть, звук р тут только послышался Константину. Славянским же языком нельзя объяснить это название, потому что у Славян будто бы нет слов, начинающихся с ие и по славянс-

кой фонетике и в таком случае должно перейти в ж. Нет будто бы у Славян и слов, оканчивающихся на андр. Но, во-первых, название данного порога исправляется посвоему, т. е. выбрасывается звук р и удваивается л; а иначе не совсем удобно предположить собственное имя в сравнительной степени. Мы также, хотя и примерно, предполагали только маленькую поправку: вместо Геландри читать Гуландри, и это слово совершенно подходило бы к толкованию Константина, по которому оно означает шум или гул. Во-вторых, не совсем верно, будто в славяно-русском языке нет и не могло быть слов, оканчивающихся на андр. Мы уже указывали некоторые примеры (глухандря, слепандря и т. п.; прибавим тундра, форма своя, а не чужая, хандра малорус. халандра и пр.); они представляют остаток какой-то весьма древней формы, для нас уже утратившей свой грамматический смысл. (Впрочем, по мнению филологов норманнской школы, кажется, подобные слова стоят вне всяких законов славяно-русского языка?) В-третьих, неверно также и положение, что Славянский язык не терпит слов, начинающихся с ге. На основании какого же фонетического закона в одном из древнейших наших памятников, в Повести Временных лет, мы постоянно читаем "генварь" вместо "январь"? Укажу еще на следующий пример. У Бандури в известном греческом рассказе Анонима о происхождении Славянской азбуки приводятся славянские названия букв с помощью греческой транскрипции. При этом не только все названия, начинающиеся по-славянски буквой е (есть, ер, еры, ерь), но даже н, ю и оба юса переданы с ие, а именно *geesti*, *geor*, *gerh*, *ger*, *geat*, *giou*, *geouV*, *gea*. О. М. Бодянский в своем сочинении "О врем. происхожд. Славян, письмен" указывает, что так, вероятно, записано по-южнорусскому или малорусскому произношению³.

Для русского названия порога Айфар, соответствовавшего славянскому Неясыть (пеликан), норманисты, по новейшему их толкованию, подыскали голландское слово *oievar*,

что означает аиста. Уже сама по себе эта комбинация невероятна. У Скандинавов не водились пеликаны и не существовало их название; но им надобно было во что бы ни стало перевести славянское название "неясыть", и вот они берут для того у Голландцев слово, означающее все-таки аиста, а не пеликана. Так объясняют А. А. Куник и Я. К. Грот. Выше (на стр. 325) мы уже упоминали об этом толковании. После нашей заметки на него встречаем то же толкование и в том же виде во втором, "пополненном" издании "Филологических разысканий" Я. К. Грота (Сиб. 1876 т. I стр. 422 и след.). Причем опять повторяется как неопровержимый факт, что норманисты ездили по Днепру в Царьград и, следовательно, переводили туземные названия на родной язык; хотя я и спрашивал: где же несомненное, историческое свидетельство об этих плаваниях до второй половины X века? Снова является ссылка на Петра В., который один из кораблей назвал по-голландски Айфар или Ойфар; хотя нет никаких свидетельств, что корабль назван был именно голландским словом. Против нашего предположения о принадлежности двух параллелей двум наречиям Славянского языка приводится положение, что такое явление "не встречается в области географии"; хотя я прямо указал на свидетельство летописи ("река Ерел у Руси зовется Угол"), которое подтверждает, что действительно были у южно-русских Славян варианты к некоторым географическим названиям⁴. Тут любопытно между прочим следующее сообщение А. А. Куника. Лейденский профессор Фрис напечатал целое исследование под заглавием *Aifar*, в котором вопреки нашим норманистам отвергает производство этого названия от голландского слова (439 стр.). Г. Куник, конечно, не соглашается с Фрисом; но мы не видим убедительных оснований для этого несогласия. Например, голландский автор замечает, что в Скандинавии нет и следа подобного названия. Но это ничего не значит, возражает А. А. Куник, "потому что слово то, заимствованное мореплавателями, только им и

могло быть известно". Едва ли может быть что-либо более искусственное, более придуманное, чем подобное возражение. И опять оно основано на том же ничем не доказанном предположении, что еще до второй половины X века Скандинавы массами плавали по Днепру, и притом именно те же моряки, которые в то же время посещали Голландию, где занимались естественноисторическими и филологическими наблюдениями!

О названиях Днепровских порогов мы неоднократно говорили и утверждали, что только выходившие из предвзятой мысли толкования могли объяснять т. наз. русские имена исключительно скандинавскими языками. Повторим вкратце те выводы, к которым мы во время своих работ постепенно пришли по этому отделу Варяго-Русского вопроса:

1. Русские названия суть основанные, первоначальные, восходящие к глубокой древности. В некоторых из них можно видеть остаток еще Скифской эпохи.

2. Славянские названия суть варианты русских и принадлежат наречию древнеболгарскому, так как к югу от Полян в V-X вв. жили племена болгарские (Угличи и др.).

3. Названия порогов дошли до нас в весьма искаженной передаче. У нас нет средств проверить их даже самим Константином Б., потому что он приводит их только один раз. Сравнение с другими географическими именами в его сочинении, а также и сами славянские варианты подтверждают мысль об этом искажении. Кроме того, Константин в некоторых случаях перемешал соответствие славянских вариантов с русскими.

4. Первоначальный смысл некоторых русских названий утратился, и Константин приводит собственно их позднейшее осмысление. Напр., название первого порога Есупи (которое я позволяю себе сближать с скифским *Εχαμραιος*) по созвучию осмыслялось словом Неспи; но последнее как противное духу языка не сделалось собственным именем, а отразилось в более позднем названии Будило.

5. Старания норманистов объяснять русские названия исключительно скандинавскими языками сопровождаются всевозможными натяжками. Мы думаем, что с меньшими натяжками можно объяснять их языками славянскими, но и то собственно некоторые из них, потому что другие, вследствие утраты слова из народного употребления, или потери своего смысла, или по крайнему искажению, пока не поддаются объяснениям (Есупи, Айфар и Леанти).

6. Те объяснения славяно-русского языка, которые мы предлагаем, не считаем окончательными, а только примерными, ибо отвергаем возможность делать точные выводы там, где нет ни точных данных, ни средств определить степень их неточности. Вообще географические названия какой-либо местности часто бывают необъяснимы из языка того народа, который употребляет их в данную минуту; тут всегда возможны постепенные наслоения, позднейшие осмысления и т. п. 5

7. Что действительно в Южной России существовали когда при некоторых русских названиях варианты славянские, указывает и наша летопись в известных словах: "И стояша на месте, нарицаемом Ерел его же Русь зоветь Угол". И в данном случае русское название более древнее, чем славянское, потому что первое утратилось, а второе осталось доныне (р. Орель).

Эти выводы наши остаются пока во всей силе; хотя норманисты и продолжают настаивать на скандинавских словопроизводствах. Всякая новая попытка их подкрепить эти словопроизводства порождает только новые и новые натяжки.

Точно так же остаются пока никем не опровергнутые мои доводы о том, что имена наших первых исторически известных князей, т. е. Олега и Игоря, несомненно туземные. Это имена почти исключительно русские (Олега встречаем еще только у Литовцев в сложных именах Олегерд и Ольгимунд); тогда как между историческими именами Скандина-

вов их, можно сказать, совсем нет. И наоборот, наиболее употребительные исторические имена скандинавских князей, каковы Гаральд, Эймунд, Олаф и т. п., совсем не встречаются у наших князей. Относительно туземства Олегова имени г. Костомаров справедливо указал на слова, происшедшие от того же корня, каковы льгота, вольгота и пр. В одной из предыдущих статей мы сближали личные имена Олег и Ольга (которую летопись иногда называет Вольга или просто Волга) с названиями некоторых рек и преимущественно с названием главной Русской реки, т. е. Волги (и следовательно, с словом влага или волога). После того в интересном издании г. Барсова Причитания Северного Края я встретил слово ольга, которое и доселе употребляется в том краю в смысле болота (следовательно, заключает в себе понятие воды или влаги). Лучшего подтверждения для своего сближения я, конечно, и не желал. Выше я тоже указывал на имя знатной роксаланской женщины Санелги (по Иорнанду); вторая часть этого сложного слова, очевидно, есть та же Ольга или Елга, как она называется у Константина Б. Следовательно, с какой же стати выводить подобные имена из Скандинавии? А по поводу Игоря и нашего произношения св. Георгия Егором пользуюсь случаем упомянуть о том, что по этому поводу писал ко мне профессор Харьковского университета Н. Я. Аристов в марте 1874 года. Соглашаясь с моими толкованиями, он идет еще далее и между прочим приводит имя Игоря в связь с языческим великаном наших былин Святогором (Свят-Игор). Прибавка слова "свят" к имени Игоря, по его мнению, получилась под влиянием христианства и применившегося представления о св. Георгии. Что действительно первоначальное его имя было несложное, Н. Я. Аристов подтверждает стихом былины:

Был на земле богатырь Егор-Святогорб .

Что же касается до имен дружинников, приведенных в договорах Олега и Игоря, то это отрывки из Русской ономастики языческого периода; часть их встречается потом

рядом с христианскими именами в XI, XII и даже XIII веках в разных сторонах России, и только несовершенство филологических приемов может объяснять их исключительно скандинавским племенем. Если некоторая часть этих имен напоминает подобные имена в древней северно-германской ономотологии, что весьма естественно по многим причинам (выше не раз указанным), то другая часть их сильно отзывается восточным или каким-то мидо-сармато-литовским, а некоторые, пожалуй, и угро-тюркским характером, и это все-таки не мешает их славяно-русской народности (Алвад, Адун, Адулб, Алдан, Турд-ов Мутур, Карш-ев, Кары, Карн и т. п. Последнее, т. е. Карн, очевидно, по происхождению своему и смыслу то же, что карна- печаль или беда в слове о П. Игор.). Вообще этимология личных имен по своей сложности, по разнообразным отношениям и влияниям, политическим и этнографическим, может составить особый отдел сравнительно-исторической филологии, и приступать к решению вопросов с такими нехитрыми приемами, как это доселе делалось, несогласно с настоящими требованиями науки. Если бы в упомянутых договорах нашлось два, три (не более) имени действительно варяжских, то это подтвердило бы только мысль, что, начиная с Олега, в Новгороде содержался наемный варяжский гарнизон и что некоторые знатные люди из Варягов уже с того времени могли появляться в самой киевской дружине. Повторим то же, что и прежде не раз высказывали: обыкновенно там, где этимологические выводы противоречат историческому ходу событий, при более внимательном и многостороннем рассмотрении эти выводы оказываются неверны и указывают только на несовершенство филологических приемов.

Известно, что главный и постоянный враг истории как науки - это элемент вымысла, басни, с которым ей приходилось бороться от самых древнейших до самых новейших времен. Этот элемент так переплетается с источниками собственно историческими, что часто нужны величайшие

усилия, чтобы выделить его. Но кроме вымысла у исторической науки есть и другие неприятели, напр. недостаток свидетельств, недостаток беспристрастия и проч. А в данном вопросе, как мы видим, ей приходится бороться с ошибочными филологическими приемами.

Филология стремится стать наукой точной; но до полной точности ей еще очень далеко; приблизительно верных выводов она может достигать только там, где имеет для того достаточный материал. Но во многих случаях, особенно относящихся к векам прошедшим, она бессильна представить удовлетворительные объяснения, хотя это и не избавляет ее от обязанности делать к тому попытки. Движение ее в этом отношении находится в тесной связи с движением вообще исторической науки, которая, как известно, имеет в виду всю сложность явлений. Нет сомнения, что наука славяно-русской филологии сделала уже много успехов; но как она еще слаба при объяснении самой истории языка, лучше всего показывает следующее. Перед нами великорусское и малорусское наречие в полном своем составе; мы имеем обильные письменные памятники, которые восходят до X столетия, и, однако, русская филология не объяснила нам доселе, откуда взялось Малорусское наречие, когда оно сложилось, в каких отношениях было к ветви Великорусской и т. д. Есть по этому поводу некоторые попытки, некоторые мнения, но до решения вопроса еще очень далеко. Это решение зависит от более тщательной разработки древнейшей Русской истории. Точно так же филологическая наука еще не в состоянии определить, где кончается церковно-славянский язык и начинается собственно русский в древних памятниках нашей письменности. Если после стольких трудов, посвященных вопросу, на каком славянском наречии сделан был перевод Священного писания, все еще продолжают о том споры записных филологов, то ясно, как еще слаба филологическая наука по отношению к истории языка. И этот вопрос не может быть решен без помощи более

точных исследований по древней истории Славян 7 . Часто еще слабее оказывается филология там, где она пытается разъяснить географические, народные и личные имена, дошедшие до нас от веков давно минувших. Тут обширное поприще для всякого рода догадок, предположений, вероятностей и проч., и в этих случаях только те догадки получают вес, которые могут опереться на историю. Считаю не лишним напомнить о всех этих истинах ввиду усилий норманизма: за недостатком исторических данных на своей стороне искать поддержки преимущественно в области филологии⁸ .

1 Из Сборника Древняя и Новая Россия. 1875. No 5. (По поводу рассуждений В. Ф. Миллера о названиях порогов.)

2 Для аналогии укажу народную легенду о происхождении каменной гряды, разделяющей на две части озера Свибло Витеб. губ., Себеж. уезда. Гряда эта называется "Чертовым мостом" ("Памятники Старины Витеб. губ."). Позд. прим.

3 Еще напомню греческую передачу имени Ярослав - Геростлавос. Могло также быть, что в Геландри буква г принадлежала не самому имени, а его византийской передаче. Позд. прим.

4 Я. К. Грот в издании 1876 г. продолжает ссылаться только на мою первую статью (О мним. призыв. Варяг), напечатанную в 1871 г., в ней я еще слегка коснулся вопроса о порогах, а более развил свои соображения в следующих статьях. Он продолжает приписывать мне толкование Холмборы, вместо Ульборси, хотя я такого толкования собственно не предлагал, а говорил, что если обращать ул в holm, то и в славянском языке есть слово холм, и тогда вместо Ульборси примерно можем получить не Holmfors, а Холмоборы. Но дело в том, что я с самого начала отвергал превращение ул в хольм, как неестественное и сочиненное искусственно для получения известного смысла.

5 Просим обратить внимание на последние два вывода (5 и 6), так как норманисты приписывают мне попытку объяснить все из славянского языка. Между тем я именно указывал, что мы имеем много слов и названий, издревле принадлежащих Славянам, и никак не можем уяснить их смысл из одного славянского языка, например: Перун, Днепр, Бог, Хорс, Мокошь и пр. и пр. И притом это не какие-нибудь искаженные слова, которых мы не в состоянии проверить. Не надобно еще упускать из виду, что и доселе существуют многие славянские слова, которых первоначальный смысл может быть объясняем с помощью Готских и вообще древненемецких памятников письменности; что весьма естественно по родству корней.

6 Укажу еще на речку Ингорь, впадающую с правой стороны в Волхов. ("География Начальн. Летописи". Барсова. 169.) Что с принятием христианских имен их переделывали на старый, языческий лад, о том заметил и Морошкин ("О личных именах Рус. Славян" в Извест. Археол. Об. IV. 517). Позд. прим.

7 Какие, например, могут быть точные выводы о древнеболгарском наречии, когда самих Болгар записные филологи считают Финской и Турецкой ордой, отстаивая теорию, основанную на одних недоразумениях. Они, например, хватаются за несколько непонятных фраз в одном славянском хронографе, Бог знает на каком основании предполагая, что эти фразы суть остаток настоящего болгарского языка. (А м. т. даже Волжских Болгар в X в. Арабы называют Славянами.)

8 Обращу внимание на одно неразъясненное доселе женское имя в древнем княжеском семействе.

В Лавр. лет. под 1000 годом сказано: "Преставился Малфредь. В сеже лето преставился и Рогнедь, мати Ярославля". То же известие буквально повторяется и в Ипат. лет.: "Преставися Мальфридъ" и пр. Что это за Малфрида или Малфредь? Обыкновенно ее считают одной из жен Владимира

Великого и ее имя относят к именам норманнским. Но эти заключения совершенно произвольны. По всей вероятности, это есть не жена, а мать Владимира, известная Малуша, по Лаврен. лет. "ключница", а по Ипат. "милостница" Ольги. Брат ее был известный воевода Добрыня, а отец любечанин Малко (уменьшительное от имени Мал: такое же имя носил, как мы знаем, один древлянский князь). Следовательно это была чисто славянская семья. Малуша, конечно, получила свое ласкательное имя или прозвание по отцу (как Любко и Любуша и т. п.). А когда ее сын Владимир сделался великим князем Киевским, то, естественно, ради почета ее имени придали одно из тех почетных окончаний, каковыми были слав, а также мир или фрид, и вместо Малуши получилась Малфрида или Малфредь. Только таким образом можно объяснить упоминание о смерти ее как лица известного; тогда как прежде ни о какой Малфриде не говорилось. Летописец, отмечая ее кончину, как бы указывает именно на любопытное совпадение; в одном и том же году умерли обе матери: и Владимира, и сына его Ярослава. Имя Малфредь, подобно Рогнедь, было долго в употребление в русском князем семействе, так в Ипат. лет. под 1167 упоминается туровская княжна Малфрид, а под 1168 смоленская Рогнедь, сестра в. князя Ростислава Мстиславича. Пример этот подтверждает только мое положение, что в древних именах Скандинавских и русских было много общих элементов. Позд. прим.

II

Ответ В. Г. Васильевскому¹

В No 12 "Древней и Новой России" за 1875 год В. Г. Васильевский почтил меня ответом на мою рецензию его исследования о Византийских Варангах (ibid No 5).

Обращусь прямо к наиболее важным аргументам, которыми автор "Ответа" возражает на мою рецензию, и начну с главного, т. е. с известия Атталиоты об экспедиции против города Афира. Мой оппонент выводит из него тождество Варангов и Руси; мы же, наоборот, этого тождества совсем не видим. Атталиота не перечисляет отрядов, которые входили в состав экспедиции; мы только из самого рассказа узнаем, что в ней участвовали Русь и Варанги. И замечательно, что здесь, в XI веке, встречаются именно русские корабли (конечно, с русскими воинами), подобно тому, как они встречаются на византийской службе еще в X веке у Константина Багрянородного ("Об управлении империей"). По поводу означенного отрывка я поставлен в неприятное положение упрекнуть достоуважаемого противника в не совсем точной передаче и в неверном толковании подлинного известия Атталиоты. Отсылаю интересующихся делом к переводу этого известия и к его толкованию (Древ. и Нов. Рос. No 12, стр. 397-398).

В переводе я укажу на следующую неточность: "В одном и том же месте собралось сухопутное и морское войска; но воины сухопутного отряда, отправившись вперед к городку, уклонились с своего пути" и пр. Здесь, во-первых, неточно употреблено 2 раза слово сухопутный вместо буквального пеший, и из рассказа видно, что действительно тут речь идет о пехоте. Во-вторых, оппонент переводит так, как будто все воины сухопутного отряда уклонились с своего пути. Латинский перевод, приложенный к Боннскому изданию, вернее передает смысл подлинника, говоря о воинах, "которые были из отдела пехоты". Это относительно перевода: а в перифразе своем г. Васильевский предлагает толкования, еще более не согласные с подлинником. По смыслу последнего выходит так: между тем как часть пехоты пустилась преследовать неприятелей, которые находились в поле, и потеряла на это время, Варанги (также входившие в состав пехоты), верные знаку, поданному с русских кораблей

(подступивших к городу с моря), ранним утром начали штурмовать город и ворвались в него. Тогда приверженцы Вриенния, будучи конниками, ускакали из города. После того подъехали главные вожди экспедиции, Урсель и Алексей Комнен, которые, видя бегство противников, хотели их преследовать, конечно, имея при себе конный отряд; но не нашли повиновения у собственных воинов. Между тем некоторые неприятели, оставшиеся в крепости, частью пали от русских, частью взяты в плен как ими, так и конницею (прибывшею с вождями). Следовательно, только Варанги и Русь действовали согласно с заранее составленным планом: ранним утром первые штурмовали город с сухого пути, а вторая приступила с морской стороны. Если не удалось окружить неприятелей и захватить их "как бы в сети", то виною тому была другая часть пехоты, которая отклонилась от этого плана. В своем толковании г. Васильевский вместе с нею заставляет самих предводителей, Урселя и Алексея, гоняться за неприятелями, расположенными в поле, и делает таким образом их самих виновниками неполного успеха. Между тем из подлинника выходит наоборот, что эти предводители с своею конницею явились на место действия уже после того, как упомянутая пехота отклонилась от своего назначения, а Варанги вломились в город. Из подлинного известия Атталиоты совсем нельзя заключить, что экспедиция разделялась на два отряда: "один русский - пеший на кораблях, другой греческий конный - сухим путем". Там мы видим более разнообразия, а именно: 1) русский морской отряд; 2) пехота Варангов; 3) пехота, уклонившаяся с пути и 4) конница, прибывшая с предводителями. Какой народности были два последние отряда, подлинник не говорит. А Скилица-Кедрен, упоминающий об этой экспедиции еще в более сокращенном виде, говорит только о русских кораблях и сухопутном войске без всяких дальнейших указаний.

Итак, где же Атталиота называет Варангов Русью или Русь Варангами? Где же он их отождествляет? Между тем

мой противник выражается следующим образом: "Самая твердая наша опора - рассказ Атталиоты, который пишет о том, что сам видел- рассказ, в котором упоминаются русские и Варяги, но совсем не как что-либо отличное одно от другого". И далее: "Из него (т. е. из этого рассказа) несомненно следует тождество Варягов и Руси, хотя Д. И. Иловайский и относится несколько иронически к нашему убеждению. Пусть судят читатели, кто прав и кто не прав". Если в предыдущей рецензии мы только иронически относились к этому убеждению, то в настоящей статье, надеемся, фактически указываем на его несостоятельность. Исследователь прибавляет, что он "по крайней мере двадцать раз читал и перечитывал этот отрывок", и никак не мог понять его иначе. Мало того, он "предложил этот отрывок на обсуждение в одном частном ученом собрании, где достаточно было лиц, знающих греческий язык и, конечно, не лишенных здравого смысла. Они также не нашли возможным другого объяснения". Меня несколько не удивляет подобный результат. Дело в том, что никто из присутствующих, вероятно, не взял на себя труда серьезно вдуматься в смысл предложенного отрывка, и все охотно согласилось с толкованием исследователя; а толкование последнего сложилось под влиянием засевавшей в голове мысли о тождестве Варангов и Руси. Я, с своей стороны, не только предоставляю читателям судить, кто прав, но и предлагаю составить специальную комиссию из ученых и беспристрастных знатоков дела для решения вопроса, кто из нас ближе к истине при объяснении упомянутого известия Атталиоты. Прежде нежели усмотреть здесь отождествление Руси с Варангами, следовало предложить себе вопрос: да возможно ли, чтобы Атталиота одних и тех же людей, на расстоянии нескольких строк, называл то Русью, то Варангами, нигде не оговариваясь, что эти названия означают одно и то же? Ни он, ни другой какой-либо писатель нигде не сделали такой оговорки (подобно тому, как это сделал Лев Диакон относительно

Тавроскифов). Следовательно, прав ли я был, нападая на критические приемы В. Г. Васильевского, на такие приемы, с помощью которых можно приходиться к самым неожиданным выводам.

Итак, "самая твердая опора" оказывается просто недоразумением, недосмотром, неточным толкованием текста, хотя на текстах мой противник главным образом и старается, так сказать, меня допечь. Конечно, недоразумения и недосмотры могут случаться со всяким исследователем, и мы нисколько не желаем на подобном основании умалять всем известные ученые достоинства В. Г. Васильевского. Жаль только, что это случайное недоразумение послужило главным основанием его главного вывода.

Затем автор "Ответа" снова возвращается к тем хризовулам, в которых стоят рядом Русь и Варанги, и в трех случаях без разделительной частицы или. Автор хочет непременно читать их "слитно", Русь-Варяги или Варяго-Русь. Повторяю то же, что сказал в рецензии: из этих грамот отнюдь не следует заключать о тождестве Варангов и Руси. По моему мнению, истинная критика отнеслась бы иначе к данному факту и, вместо того чтобы преувеличивать значение частицы или, поискала бы в условиях того времени ответа на вопрос: почему в самом деле эти два имени стоят рядом во всех четырех грамотах? Она обратила бы внимание на тесные, дружеские связи, установившиеся между Варягами и Русью при Владимире и Ярославе, на постоянное присутствие в эту эпоху наемной варяжской дружины в Киеве и на то, чтобы из Киева Варяги ходили также и на службу в Византию. Весьма вероятно, что русские военные люди нередко вместе на одних кораблях (русских, конечно, а не варяжских), отправлялись в Грецию, и там хотя их дружины разделялись по своей народности, но могли составить и отряды соединенные. В конце своего исследования г. Васильевский как бы забыл об исландских сагах, о которых он довольно подробно говорит в начале и середине исследова-

ния. Саги эти положительно указывают на существование скандинавской дружины Верингов из Византии в XI веке. Напомним историю Гаральда Смелого, который начальствовал подобною дружиною и который отправился в Царьград именно из Руси после службы при киевском дворе. Г. Васильевский в своем исследовании только мимоходом заметил, что Скандинавы составляли часть византийских Варангов, а другая более значительная часть состояла из славянской Руси. Если бы он остановился на этом предположении о двойном составе варангского войска, то, пожалуй, еще мог бы упомянутые в хривулах два имени читать слитно Варанго-Рось; что означало бы соединенные отряды из двух различных народностей (вроде, например, употреблявшегося в крымскую войну названия англо-французы). Но, признав мимоходом существование скандинавских Верингов в Византии, автор потом усиливается доказать, что византийцы отождествляли славянскую Русь с Варангами по племени, и толкует источники так, как будто бы скандинавских верингов и не было в византийской службе. Во всяком случае, как ни объясняйте упомянутое место хривулов, никакая истинно историческая критика не выведет из них племенного тождества Варягов и Руси. Если бы существовало такое тождество по понятиям греков, то им не было бы никакой нужды постоянно употреблять плеоназм, т. е. называть оба имени; достаточно было бы сказать просто "русь" или просто "варанги"² .

Означенные хривулы и отрывок из Атталиоты, по сознанию автора, суть его важнейшие доказательства. Остальные он называет второстепенными, над которыми, по его словам, я в своей рецензии "останавливался несоразмерно долго". В настоящем письме я уже совсем не буду останавливаться над ними, а повторю то же самое: сколько бы ни сличали тексты Атталиоты, Пселла и Скилицы и какие бы натяжки ни делали, а племенное тождество Варягов и Руси из них никто не докажет.

Перейду к свидетельству тех греческих историков, которые, говоря о Варангах, указывают на их национальность, не имеющую ничего общего с Русью. Это именно Скилица, Вриенний и Анна Комнен. Г. Васильевский устраняет всех троих, полагая, что их известия суть или позднейшая вставка, или анахронизм, или увлечение стилистической обработкой материала. Относительно Скилицы-Кедрена еще можно допустить позднейшую вставку, хотя и она все-таки имеет значение. Но относительно Вриенния и Анны мы не видим ни вставки, ни увлечения стилистикой. Вообще, странным может показаться ряд ошибок в источниках именно в одну сторону и такое согласие в отсутствии указаний на русское происхождение Варангов. Несколько раз греческие источники говорят об их национальности и хотя бы один раз указали на русское происхождение. С конца XI века в состав варангской дружины приливают выходцы из Англии, и затем вместо скандинавского элемента в ней получает преобладание элемент англо-саксонский. Разумеется, такой переход совершился не вдруг, а в течение значительного времени. Я имел полное право сказать в своей рецензии, что этот переход совершался на глазах упомянутых историков; но они не замечали его, благодаря родству элементов, и совсем другое дело было бы, если бы английская народность сменила славянскую, чуждую по племени и по религии: подобная перемена не могла остаться незамеченною. Мой оппонент пытается устранить мои соображения заявлением, что "таких историков, на глазах которых совершался переход, не было". Как не было? Да именно Вриенний и Анна Комнен жили во время этого перехода. Положим, они писали уже при Мануиле Комнене, т. е. после 1043 года; но разве наблюдения писателя над современной историей ограничиваются только временем его сочинения, а не эпохою его жизни? Анна Комнен родилась в 1083 году; Вриенний был ее ровесник. Прекрасно. Но хризовул Алексея Комнена, приведенный самим оппонентом, относится к 1088 г. Там

упоминаются и Рось, и Варанги, по толкованию г. Васильевского "русские варяги". Стало быть, прежняя их национальность еще существовала в полной силе, и если она потом постоянно менялась, то именно на глазах Анны Комнен и Вриенния, и последние лучше, чем кто-либо, могли наблюдать этот переход. Но они его не замечали еще и потому, что начавшийся приток Варангов из Англии не всегда мог означать собственно англо-саксонскую народность. В Англии в то время существовал многочисленный датско-норманнский элемент, еще не успевший слиться в одну нацию с англо-саксонским.

А будто бы Анна Комнен под островом Фуле разумела не просто далекий остров северного океана, но именно Англию, это не более как догадка. Вообще, мы думаем, что византийцы того времени едва ли имели ясные, точные географические представления о северных окраинах Европы, например о взаимном отношении Британии и Скандинавии. Анна и ее муж Вриенний, конечно, имели одинаковые понятия о Варангах. Вриенний же заметил, что они "родом из варварской страны, соседней океану". Почти так же выражается и Скилица-Кедрен в известии о русском походе на Византию 1043 года. Он говорит, что в этом походе участвовало и союзное войско из народов, "обитающих на северных островах океана". Русские летописи подтверждают действительное участие наемных Варягов в походе. Да и сам г. Васильевский признает здесь Скандинавов. Напрасно он не обратил должного внимания на это известие Скилицы и на его соответствие с тем, что говорят Вриенний и Анна Комнен о родине Варангов, а также на их согласие с известиями исландских саг. Все это вместе взятое ясно доказывает, что в XI столетии греки нисколько не думали смешивать Русь с Варягами или считать их людьми одной и той же национальности.

Г. Васильевский укоряет меня за то, что я не оценил открытий, сделанных им в сочинениях Атталиоты и недавно

изданного Пселла. Какого рода открытия, сделанные у Атталиоты, мы видели выше. А что касается до Пселла, то издание его действительно составляет богатый вклад в историческую науку. Но вопрос был о тех выводах из этого писателя, с которыми нельзя согласиться. Притом оппонент в некоторых случаях преувеличивает значение Пселла для русской истории. Например, поход 1043 года Пселл описывает как очевидец и сообщает несколько интересных подробностей о главной битве. Но в то же время он говорит явную несообразность о беспричинности похода, о том, будто варварское русское племя в этом случае было движимо просто какою-то ненавистью к греческой игомнии и т. п. О присутствии Варягов в русском войске он не упоминает. Поэтому в данном случае мы все-таки отдаем преимущество младшему современнику Пселла, Скилице, который описывает тот же поход обстоятельнее и беспристрастнее. У Пселла есть известие о том, что наш Владимир после брака с царевной Анной послал ее брату императору Василию II вспомогательное войско, с которым тот подавил восстание Варды Фоки. Почти то же самое было нам известно из Скилицы. Г. Васильевский с помощью весьма сложных соображений и сопоставления разных текстов, доходит до вывода, что именно вспомогательное войско, посланное Владимиром, образовало тот варяжский корпус в Византии, о котором упоминают историки XI века. Повторяем, с таким открытием никак не можем согласиться. Кроме явных натяжек насчет текстов, тут еще, повидимому, смешиваются два разные понятия: русские войска, которые наши князья иногда посылали на помощь грекам, и наемные дружины из русских людей, дружины, которые встречаются почти постоянно в течение X и XI веков. Нет никаких указаний на то, чтобы Владимир не просто послал войско на помощь зятю, а подарил ему в вечное и потомственное владение дружину в 6000 человек.

Между прочим г. Васильевский в своем "Ответе" говорит о какой-то западне, в которую я попал по поводу церкви Варяжской Богородицы. По актам XIV века оказывается, что эта церковь была православная. Очень хорошо; но это не мешает несколько варягам XI века быть латинского исповедания, а не греческого, о чем я, собственно, и говорил. Только из названия церкви Варяжская и из того, что она находилась где-то подле св. Софии, мой оппонент заключает о православном (русском) исповедании варягов. Повторяю, вывод очень смелый и очень поспешный - при таких скудных данных. Мы не знаем, когда и кем построена эта церковь, почему она называлась варяжскою, принадлежала ли Варягам XI века или более поздним, даже существовала ли в этом веке, и т. п. Наконец, так ли велико уже было различие в обрядах и церковной архитектуре; были ли придворные Варяги такими ультрамонтанами, что они, например, не могли получить от императоров для своего богослужения одну из многочисленных часовен или небольших храмов, примыкавших к дворцовым зданиям? Повторяю, можно ли при полном отсутствии необходимых сведений заключать о православии Варягов XI века? В своем исследовании г. Васильевский относительно храма Варяжской Богородицы сослался на сочинение Белэна; но Белэн именно указывает на существование латинских церквей в Константинополе в XI веке и на то, что некоторые храмы, вследствие разных переворотов, переходили от одного исповедания к другому.

В "Ответе" г. Васильевского мы все-таки не находим сколько-нибудь понятного ответа на наши недоумения: почему греки, называвшие в X веке наемную Русь ее собственным именем, вдруг со времени вспомогательного войска, посланного Владимиром, стали именовать ее Варангами? С какой стати та же Русь, которая в X веке называла себя Русью, в XI величает себя Варягами? Мой оппонент пытается устранить подобное затруднение предположением, что слово варяг означало на Руси и в Византии иностранца; по-

тому русские и называли себя варягами в Константинополе. Не понимаем, каким образом серьезный историк (каким мы считаем своего противника) мог придумать такое толкование. Неужели надобно еще доказывать, что хотя варяг в данную эпоху и означал на Руси иностранца, но иностранца известной страны, известной народности, и народности именно католического исповедания? Напомню о существовании в древних Киеве и Новгороде варяжских или латинских божниц. Наши церковные писатели XI века именуют латинство верою варяжскою.

Но довольно о системе доказательств моего оппонента. Скажем несколько слов о поводе к нашей рецензии.

В числе главных оснований моей теории о происхождении Руси находится положение, что "византийцы нигде не смешивают Русь с варягами". В. Г. Васильевский в начале своего исследования о византийских Варангах заявил, что он не считает себя компетентным в вопросе о происхождении Руси и не намерен вмешиваться в спор, снова мною поднятый. Он задался только мыслию доказать, что служебные византийские Варяги в XI веке были не что иное, как славянская, православная Русь. Если бы автор сохранил заявленный им нейтралитет, едва ли мне пришлось бы печатно разбирать его исследование. Мои выводы главным образом опираются на писателей IX и X века, каковы преимущественно патриарх Фотий, Константин Б. и Лев Диакон, т. е. на современников той самой Руси, которую норманисты считают чисто норманнскою. Притом основное положение г. Васильевского (славянство самих варангов в XI в.) не только не служит каким-либо подтверждением для моих противников норманистов; наоборот, оно, если бы было верно, могло послужить подкреплением для тех ученых, которые производили и производят Русь от балтийских Славян.

Ясно, кажется, что мне не было особой нужды употреблять свое время на опровержение нового взгляда по отноше-

нию к византийским Варангам. Но В. Г. Васильевскому в течение своего исследования угодно было радикально изменить свое отношение к предмету спора. В ноябрьской книжке Журнала Мин. Нр. Пр. за 1874 г. он заявляет о своем нейтралитете и даже обнаруживает наклонности к антинорманизму, что и естественно, если взять во внимание его основной вывод. В февральской книжке 1875 года он начинает покидать свой нейтралитет в пользу норманизма; а в мартовской уже является решительным приверженцем норманнской теории, говоря, что он не желает расходиться с наукою. Каким образом он соглашает свой норманизм с главным выводом своего исследования, этого мы не знаем. Но, вследствие нарушенного нейтралитета, я не счел удобным оставлять без разбора это исследование. Обращу внимание читателей на следующее обстоятельство. Пишется историческое исследование со всеми внешними признаками ученой добросовестности, с постоянными и критическими ссылками на источники и с обильными из них выдержками. А в конце своего труда исследователь провозглашает, что моя теория есть только неудачная попытка поколебать норманнскую систему, прочно утвержденную на научных столпах. Много ли нашлось читателей, которые взяли на себя труд вникнуть в сущность исследования и поняли, что между нею и только что приведенным заявлением нет ничего общего; что автор его не прибавил ни одного доказательства в пользу норманнской теории; а между тем провозглашает ее непоколебимость, как будто речь идет о простой подаче голосов для решения весьма сложных научных вопросов.

В ответ на рецензию мой оппонент снова не прибавляет ни одной черты в пользу норманизма и тем не менее снова провозглашает, что моя теория есть не более, как заблуждение, и что на стороне моих противников "все преимущества метода и научности". Интересно было бы знать, кто уполномочил В. Г. Васильевского голословно говорить от лица на-

уки в данном случае? Ответ на этот вопрос можно найти в его собственных статьях. Едва ли мы ошибемся, если скажем, что уполномочил его главным образом многоуважаемый А. А. Куник. В упомянутой выше февральской книжке исследователь упоминает о "приятном внимании" к его труду со стороны А. А. Куника; последний сообщил ему, тогда еще не вышедшую из печати, свою статью, приложенную к Каспию академика Дорна. В этой статье А. А. Куник, по замечанию г. Васильевского, наносит сильные удары противникам норманнской теории. В "Ответе" он опять упоминает об А. А. Кунике: последний сообщил ему сведение, с помощью которого оппонент устраивает упомянутую выше мнимую западню.

Как сильны удары, наносимые приложением к Каспию, это надеюсь показать в следующем письме. Я обращусь к этому приложению тем с большею охотою, что автор его совращает в норманизм таких русских ученых, от которых русская наука могла бы ожидать многого. По этому поводу укажу на новое сообщение В. Г. Васильевского "Русско-византийские отрывки" (Журнал Мин. Нар. Пров. 1875 г., декабрь). Здесь он опять извлекает из византийских памятников, издаваемых достопочтенным Савою, интересный материал, который относится к сношениям византийских императоров с русским княжеским домом в XI в. Г. Васильевский на этот раз снабжает свой материал весьма дельными комментариями; можно не согласиться разве только с двумя-тремя толкованиями второстепенной важности 3. Между прочим здесь в одном письме императора к русскому князю встречаем следующие знаменательные слова: "Научают меня священные книги и достоверные истории, что наши государства оба имеют один некий источник и корень". В. Г. Васильевский довольно правдоподобно указывает на связь этих слов с преданиями о посылке венца русскому князю и о даровании придворного титула Константином Великим тоже русскому князю. Но, повидимому,

он и не замечает того, что приведенные слова письма и его собственные объяснения к ним прибавляют лишний аргумент против норманнской теории. Ясно, что византийцы XI века, притом знакомые и с историей прошлых веков, нисколько не сомневаются в древнем и туземном происхождении русских князей.

1 Из Сборника Древняя и Новая Россия. 1876 г. No 2.

2 Это наше возражение на мнение В. Г. Васильевского получило подтверждение в его собственных дальнейших изысканиях. Недавно он извлек из одного рукописного греческого сборника, хранящегося в Москов. Синод. библиотеке, любопытные записки какого-то византийского вельможи XI века и подробно познакомил ученую публику с их содержанием, присоединив к ним свои комментарии. Между прочим в □ 78 этих записок говорится следующее: "В Италии при море есть город Отранто. Его охранял уроженец Отрантский Малопетци, имея гарнизон, состоявший из русских и Варягов (Rwswn cai BaraggouV), пехотинцев и моряков". (Советы и Рассказы византийского боярина XI века - Ж. Мин. Н. Пр. 1881. Июнь, стр. 277-8.) Здесь опять находим ясное свидетельство, что в XI веке на византийской службе пребывали наемные варяжские и русские отряды, которые встречаются почти всегда рядом друг с другом, но не смешиваются в одну народность. Любопытно далее известие этого нового источника о Гаральде Смелом и его Варягах на византийской службе (ibid. Август. 327). И здесь опять не видим ни малейшего смешения их с Русью. Позд. прим.

3 Чтоб не быть голословным, замечу следующее. Объяснение двух писем Михаила VII и определение лица, которому они были адресованы (Всеволоду Ярославичу), сделаны не только с ученою добросовестностью, но и с искусством. Относительно выводов второстепенной важности не могу согласиться с тем, чтобы Леон Диогенович был женат не на дочери Владимира Мономаха, а на его сестре и

чтобы Василько Леонович и Василько Маричич были два разные лица. Я нахожу удачным предположение г. Васильевского, что у Романа было два сына с именем Леона, один от первой жены, а другой от Евдокии; но думаю, что зятем Владимира Мономаха был не старший Леон, а младший. Таким образом, разрешается мое недоумение насчет зятя Владимировича: он оказывается не только не самозванец, но истинный царевич и даже порфирородный. В сражении с печенегам в 1088 г., вероятно, погиб старший Леон. Такому выводу не противоречат источники, и на его стороне особенно хронология, т. е. относительный возраст обоих братьев. То сватовство Диогена, на которое намекают письма Михаила VII, вероятно, окончилось одним обручением, а не браком. (Не относилось ли оно к известной Янке, сестре Мономаха?). Кстати, автор "Отрывков" мимоходом поправляет меня в чтении года на Тматораканском камне. В этом отношении он совершенно прав. Я ждал только удобного случая оговорить свой недосмотр, касательно индикта. Прибавляю: хотя летопись не упоминает о возвращении Глеба в Тматоракань по смерти Ростислава, но о том свидетельствует Нестор в житии Феодосия Печерского.

III

Ответ А. А. Кунику I

В конце 1875 года вышло из печати сочинение известного нашего ориенталиста, академика Дорна, озаглавленное "Каспий, или О походах древних русских в Табаристан". Эта объемистая книга по содержанию своему распадается на две неравные части. Большую ее половину занимает труд Б. А. Дорна. Он представляет тщательный и подробный свод не только всех дошедших до нас восточных свидетельств о русских морских походах на берега Каспия, но и

доводит этот свод до позднейшего времени. Труд этот есть богатый вклад в историческую науку, и мы можем только благодарить его автора. Затем вторую, меньшую, половину книги составляют рассеянные по разным местам замечания, приложения, дополнения и рассуждения другого нашего академика, уважаемого А. А. Куника. В большинстве случаев эти приложения и дополнения не имеют внутренней связи с первою частью и могут быть рассматриваемы совершенно отдельно; вместе взятые они составляют не что иное, как полемическое сочинение, направленное в защиту пресловутой норманнской теории по вопросу о происхождении Руси. Мы упомянули об отсутствии внутренней связи между частями книги. Действительно, во всем труде Б. А. Дорна, т. е. во всех приведенных им восточных известиях о Древней Руси, нет ни единой черты, которая бы указывала на их норманнское происхождение. А между тем, благодаря примечаниям и дополнениям, по наружности выходит, как будто вся книга служит защитой норманизма. Итак, строго различая эти две части, мы остановим внимание читателей только на второй, т. е. полемической; причем коснемся самых существенных ее сторон и постараемся быть возможно краткими.

Во-первых, отдаем полную справедливость нашему многоуважаемому противнику за тщательно рассмотренный им вопрос об одном византийском свидетельстве, которое антинорманисты полагали в числе своих доказательств. Разумею *rousia celandia* 773 года. Оставляя в стороне все, что говорится в этом трактате постороннего, а принимая в соображение только фактический свод доказательств по отношению к данному вопросу, я должен признать за ними значительную долю убедительности и согласен, что вернее перевести "красные хеландии", нежели "русские хеландии". (Дополнение III стр. 359 и след.) Охотно вычеркиваю эти хеландии из системы своих аргументов. Но мне показалась излишнею являющаяся по этому поводу филиппика против

антинорманистов (стр. 371). По крайней мере лично ко мне она едва ли может относиться. В одной из первых своих статей я сказал: "Относительно некоторых соображений второстепенной важности мы можем ошибаться; но от того не пострадают наши главные положения" (Рус. Вест. 1872, декабрь). Слова эти исполнились буквально; нам пришлось пока сделать две, три поправки, которые нисколько не имеют влияния на существенные стороны вопроса о Варягах и Руси. Упомянутые хеландии в первой статье я отнес к доказательствам спорным, а потом раза два упомянул о них мимоходом; но не выдвигал на первый план и не поместил их в тексте тех тридцати важнейших оснований, на которых построены мои выводы (*ibid.*). Точно так же г. Куник много распространяется о Табариевых Руссах VII века, объясняя это известие позднейшею вставкою. Предоставляю другим решать вопрос о Табари, о котором я тоже упоминал мимоходом; ибо прежде всего ценю свидетельства современные или близкие к ним по времени. Те мои основания (NoNo 21 и 22), на которых построен вывод, что арабские свидетельства о Руси несогласимы с норманнской теорией и что все они более или менее тяготеют к южному происхождению Руси, а не к северному, эти основания остаются в полной силе (см. выше стр. 340) 2 .

Затем нам приходится указать на несостоятельность тех критических приемов, которые норманизм в лице нашего противника прилагает к другим, более важным, доказательствам. Во-первых, известие "Венецианской хроники" о *gentes Normannorum*, которые в 865 году напали на Константинополь в количестве 360 кораблей. Автор этой хроники, Иоанн Диякон, писавший в XI веке, повторяет выражение предшествовавшего ему писателя Лиутпранда. Последний заметил о Руссах, что это народ, живущий к северу от Константинополя между Хазарами и Булгарами, в соседстве печенегов и угров, и что "Греки по наружному качеству называют его Руссами, а мы (Итальянцы) по положению стра-

ны Нордманами". Следовательно, *gentes Normannorum* Венецианской хроники просто значит "северные народы"; известие об их нападении, конечно, пришло из Константинополя; а греки не только русских, но и другие народы, соседние северному Черноморью, называли Гипербореями. Если бы Лиутпранд и Венецианская хроника действительно разумели Скандинавов, то вышло бы явное противоречие; оба известия (о нападениях 865 и 941 гг.) получены от Византийцев, а последние в обоих случаях говорят только о Руси, которую знают очень хорошо и нигде не смешивают ее с Варягами. Не разбираю ссылки на писателя XV века Блонди, который повторяет известие Иоанна Диякона, причем смешивает вместе разные события и разные народы (375 стр.). Подобные источники только годны для того, чтобы запутывать вопрос и отвлекать внимание от современных свидетельств о языческой Руси, от тех свидетельств, которые изображают ее сильным туземным народом Восточной Европы.

Сколько исследователи ни разыскивали в средневековых хрониках целой Европы, а до сих пор важнейшими источниками для вопроса о народности Руссов остаются византийские писатели IX и X веков, в особенности патриарх Фотий, Константин Багрянородный и Лев Диякон. А эти писатели, совершенно не зависимые друг от друга, согласно указывают на исконное существование туземной Руси.

По поводу упомянутого нападения на Константинополь в 865 году вновь обращаю внимание людей интересующихся на следующий критический прием норманизма. А. А. Куник все еще продолжает относиться к рассказу русской летописи об этом походе как к известию самостоятельному и на основании его продолжает рассуждать об Оскольде как предводителе похода, не обращая никакого внимания на мои возражения. Я говорил и подтверждаю, что известие это не самостоятельно; самое поверхностное сравнение с хроникой Амартола и его продолжателей убеждает, что оно

взято буквально из этой хроники или из ее славянского перевода, даже удержано число 200 кораблей, тогда как известие Венецианской хроники, насчитывающее их 360, конечно ближе к действительности. Летописец к простому переводу греческой хроники только приклеил имена Аскольда и Дира. Мой оппонент согласен, что Кий, Щек и Хорев лица мифические, сочиненные на основании географических названий (396); но Аскольда считает все-таки сподвижником Рюрика и предводителем Руссов 865 года. О Дире же он умалчивает и считает их за одно лицо, хотя в летописи ясно указаны Оскольдова могила и Дирова могила, лежавшие в разных местах. Если кто принимает летописную легенду о них за достоверное событие, то простая логика требует согласно с летописью принимать их за два лица, а не за одно.

Мы же повторяем, что поводом к рассказу об Оскольде и Дире, без сомнения, послужили названия двух урочищ: Оскольдова могила и Дирова могила. Если бы у летописца были свои домашние сведения об их походе на Константинополь, то не мог он взять без перемен известие из византийской хроники и только приклеить к нему голые имена предводителей. Ясно, что своих сведений не было, а приклейка эта совершенно произвольная. Но А. А. Куник не считает нужным отвечать на подобное возражение. Точно так же взято в русскую летопись из продолжателей Феофана и Амартола известие о морском походе Игоря на Византию. Ясно, что и для этого времени все еще не было домашних сведений о русских походах в Черное море; о походах же в Каспийское море наш летописец совсем не упоминает, будучи незнаком с арабскими писателями. Правда, о походе Олега в 907 году и вторичном походе Игоря в 944-м мы имеем летописные рассказы, не зависящие от византийцев, которые совсем не знают этих походов; но потому-то наши рассказы и носят баснословный характер, в особенности о походе Олега. Новое доказательство, что собственных исторически достоверных сведений о морских походах Руси до второй

половины X века у летописца под рукой не было. Обстоятельство это уясняется еще более при сравнении с известиями о предприятии 1043 года.

По русской летописи в морском походе Владимира Ярославича участвовала наемная дружина Варягов. Ее участие засвидетельствовано не древнейшими списками летописи, Ипатьевским и Лаврентьевским, а позднейшими сводами, Воскресенским и Никоновским; но без сомнения свидетельство это не выдуманно, а взято из более древних списков начальной Киевской летописи. Это свидетельство подтверждается византийскою хроникой Скилицы-Кедрена, которая говорит, что в числе русских войск находились союзники, "обитающие на северных островах океана", т. е. Варяги. Русское известие в этом случае самостоятельное, не зависимое от греческих источников: оно заключает такие подробности, которых нет ни у Пселла, ни у Скилицы-Кедрена; наш летописец почерпнул их из рассказов стариков, современников самому событию⁴. Ввиду этих двух независимых друг от друга известий, русского и византийского, присутствие Варягов в русском войске 1043 года уже несомненно. В походах же 865 и 941 годов Варяги не участвовали ни по византийским свидетельствам, ни по русской летописи, которая в обоих случаях представляет только перевод византийских известий. Но в 1043 году, как только Варяги появились перед Боспором в числе русских войск, Византийцы не преминули о том упомянуть. Ясно, что в предыдущих морских походах их не было; так как их присутствие не могло остаться не известным для Византийцев, особенно ввиду множества пленных, захваченных после поражения Игоря. Откуда же являются иногда Варяги нашей летописи в IX и в первой половине X века? Я уже говорил, что исходною точкою зрения для летописца служили времена Владимира и Ярослава, при которых наемные варяжские дружины действительно участвовали в русских войнах и даже занимали почетное место в русском войске. В XI веке к ним уже

так привыкли, что не мудрено было летописцу и другим его современникам предположить их участие и в прежние времена, о которых в сущности он знал очень мало. Но там, где он черпал известия прямо из греческого источника, там Варягов нет. Следовательно, большая часть летописных известий о Варягах на Руси в IX и X веках есть плод домашних домыслов, ничем не подтвержденных.

А. А. Куник много трактует в Каспии о походах 1043 года: но он нисколько не думает критически сличить известия об этом походе с известиями о походах предыдущих и сделать выводы о самостоятельности наших летописных свидетельств, на основании их проверки с свидетельствами византийскими. Кажется, здравый критический прием не мог бы обойти подобную проверку. Нисколько не пытаюсь систематически опровергнуть мои доводы, противник просто голословно продолжает уверять, что первые русские походы на Константинополь были совершены не кем другим, как Скандинавами. Ссылка на известное летописное выражение "бе путь из Варяг в Греки" (422) равняется чистому голословию. Мы уже говорили, что эта неопределенная фраза относится только к XI веку, а не к IX, о котором наш летописец имел так мало исторических сведений. Ее нельзя отнести и к первой половине X века, потому что Константин Багрянородный, описывая русский путь в Византию, начинает его от Новгорода и ничего не говорит о хождении Скандинавов. Но подобные препятствия нисколько не затрудняют норманистов, и они преспокойно продолжают повторять некоторые летописные басни и домыслы как несомненные факты. Между прочим, г. Куник все еще относится к рассказу об осаде Константинополя Олегом как к достоверному историческому свидетельству, не представляя для того никаких исторических оснований. Он считает его достоверным просто потому, что о нем говорит Нестор. Войско Олега под Константинополем состояло, конечно, из Скандинавов, потому что Нестор говорит о Варягах Руси. А Скандина-

динавы плавали через Россию в Царьград еще в IX веке, потому что тот же Нестор сказал "бе путь из Варяг в Греки". Призвание варяжских князей чудью и славянами не подлежит сомнению, потому что о нем повествует Нестор. А что Варяги и Руси одно и то же, это ясно из слов Нестора: "мнози бо беша Варязи христиане". Вот тот круг доказательств, в котором упорно вращается норманизм. Мой достоуважаемый противник, впрочем, не ограничивается повторением одних летописных домыслов; иногда он сам без всяких источников сочиняет целые события; к таковым относится поход Норманнов из устьев Дуная в Каспийское море в 944 году (см. 521 стр.).

Немудрено, что с такими приемами спор может длиться до бесконечности, ибо нет никакой возможности поставить норманистов на историческую почву, т. е. сделать для них точками отправления факты несомненно исторические. От норманизма требуется доказать тождество Варягов и Руси; а он это тождество считает не подлежащим сомнению и делает его исходным пунктом. Ему доказывают, что сама наша летопись первоначально не смешивала Русь с Варягами, а начала смешивать позднейшие ее редакции. Он на эти доказательства не отвечает, хотя говорит о какой-то окончательной редакции, в которой слово Варяг означало уже не дружинника, а торговца (стр. 422). Норманизму указывают, что нет никаких европейских свидетельств о путешествии варяжских дружин в Царьград через Россию ранее второй половины X века. А он отыскал одну сагу, из которой можно вывести заключение, что один исландец ездил в Константинополь в первой четверти X века; впрочем, с некоторыми натяжками получается и еще один таковой же исландец; причем предполагается, что они служили там в отряде Варангов (424). Но, во-первых, это единичные случаи, и исландцы путешествовали в Грецию через Западную Европу, а не Россию. Во-вторых, Византийцы о Варангах упоминают только с XI века, тогда как о народе Русь они ясно гово-

рят еще в IX веке. Способ, посредством которого норманизм устраняет последнее возражение, есть верх совершенства относительно критических приемов. Что Византийцы не упоминают о Варангах в IX и X веках, это совершенно естественно - отвечает норманнская теория: - они говорят о Руси, а ведь Руси и Варяги одно и то же. Блестящим подтверждением этому тождеству служит один византийский памятник конца XII века: там есть замечание, помещенное в скобках, что название Варанги принадлежит общему, разговорному, языку (426). Отсюда будто бы ясно, что - даже в IX веке - их литературное этническое название было Рось (428).

Что можно отвечать на подобные соображения и выводы? Замечательно, что даже такой добросовестный, основательный ученый, как А. А. Куник, не может не прибегать к голословным, гадательным выводам, защищая скандинавское происхождение Руси. Он игнорирует столь известный факт, что название Рось принадлежало именно простому народному языку, а в более литературном стиле византийцы заменяли его словом Тавроскифы. Но таково уже свойство норманнской теории: без крайних натяжек ее защищать невозможно.

Не более имеет значения и повторяющаяся ссылка на Бертинские летописи по поводу русского посольства в 839 году, т. е. на фразу *ex gente Sueonum*. Мы уже не раз говорили, что о шведах здесь не может быть речи, потому что у них не существовало титула хакана или кагана, тогда как у русских славян он был. Данное известие Бертинских летописей разделяется на две части, неравные по качеству. В первой части послы объявляют, что они принадлежат народу Рось и что государь их называется хаканом. Эта часть есть данное несомненное, не подлежащее спору; автор латинской хроники не мог его придумать. Затем он прибавляет, что навели справки (конечно, потому, что народ Рось не был еще хорошо известен при франкском дворе) и оказа-

лось, что это были люди из племени Свеонов. Но если тут разуместь шведов, то вторая часть известия несогласима с первой. Первая сообщает факт бесспорный, а вторая только мнение автора или франкских придворных, мнение, которое всегда может быть случайно и ошибочно; притом неизвестно, подтвердилось ли это мнение, и нет никаких сведений о дальнейшей судьбе русского посольства. Мы имели полное право предположить здесь или этнографическое недоразумение со стороны людей, подозрительно смотревших на неведомых пришельцев, или ошибку переписчика. Подобные этнографические недоразумения или просто описки очень нередки в средневековых источниках, и сами норманисты часто находят в них ошибки или позднейшие вставки, особенно там, где это полезно для их теории. Например, автор "Дополнений" старается доказать, что Gualani одной латинской хроники не означают Alani, а их надобно читать Guarani = Guarangi = Barangi (655); что в другой хронике стоит Wandalorum вместо Warangorum (658), и затем с помощью разных натяжек этих Гваланов - Варангов приурочивает приблизительно к половине X века (659); напрасные усилия, так как все еще далеко до половины IX века, т. е. до времени, в которое Русь громко заявляет о себе в Византии. Упомянутое выше известие Табари о Руссах VII века, как было замечено, г. Куник пространно доказывает позднейшею вставкою (379). Он делает и многие другие поправки в источниках. (А между тем продолжает читать у Дитмара *ex velocibus Danis* вместо подлинного *Danais*, стр. 451.) Но относительно Бертинских летописей мой противник не допускает недоразумения или ошибки и не сомневается, что тут надобно разуместь шведов (631); хотя и соглашается, что нарицательное *хакан* нельзя обратить в собственное имя *Гакон* (681); следовательно, ничем не объясняет безвыходного противоречия. Правда, он затрудняется несколько предположить деятельные сношения шведов с греками в первой половине IX века, так как ни в Швеции, ни на острове Гот-

ланде не находили золотых византийских монет той эпохи; но это затруднение легко устраняется рассказом Нестора об Оскольде и Дире, которые около 862 года отпросились у Рюрика на службу в Византию, конечно, уже имея некоторое знакомство с ее делами (423). Таким образом археологический факт должен уступить баснословному рассказу. Любопытно, что, отстаивая басни так называемого Нестора, уважаемый оппонент исправляет его хронологию и полагает, что призвание Варягов совершилось прежде 862 года (394 стр.).

Как бы то ни было, а, оставаясь при первой части в упомянутом известии Бертинских летописей, при той части, которая неопровержима, мы получаем ясное иноземное свидетельство о существовании Русского княжества в Восточной Европе еще в первой половине IX века, следовательно во времена до-Рюриковские. Что же касается до второй части известия, то заметим следующее: если и встречаются две, три сбивчивые фразы относительно Руси, то именно у некоторых западных, латинских писателей, мало или совсем ее не знавших, тогда как Византийцы, хорошо знакомые с нашими предками, не подали ни малейшего повода смешивать их с Норманнами.

Далее обратим внимание на критическое отношение нашего противника к Славянорусскому племени. Оказывается, что если бы Русь была славянским народом, то морские походы на Византию не были бы возможны. Почему же? Да просто потому, что славяне неспособны не только к морскому, но и к речному судоходству. Другое дело Норманны, которые "проволакивали свои ладьи мимо Днепровских и Двинских порогов" (393). Во-первых, я уже докладывал, что такое переволакивание лодок мимо порогов есть плод пылкого воображения; о нем не говорит ни один источник; известно, что Константин Б. описывает, как Руссы проводили свои ладьи сквозь Днепровские пороги⁵. Во-вторых, что эти Руссы были Норманнами, требуется еще доказать. Вооб-

ще рассуждения о том, что Русь была хорошо знакома с морем, а следовательно, не могла быть славянской, что славяне, живя внутри страны, не могли освоиться с морем внезапно (378) - все подобные рассуждения более или менее гадательны. Сам автор упоминает о существовании Сербских пиратов; укажу еще на мореходство у славян Балтийских и славян Новгородских; следовательно, о неспособности славян к морскому делу не может быть и речи. Затем, прежде нежели говорить о внезапном знакомстве с морем, надобно было опровергнуть доказательства исконного существования Руси на берегах Азовского моря, между прочим опровергнуть относящееся сюда известие Масуди. Наконец, казачьи походы XVI и XVII веков в Черное и Каспийское моря совершенно уничтожают помянутые рассуждения: известно, что казаки принадлежали к Славянорусскому племени и жили даже не на морских берегах. Новгородцы также жили не на Балтийском море, по которому они плавали. Для русских славян, даже обитавших внутри страны, дорога к морю была открыта, благодаря большим судоходным рекам.

В том же гадательном роде находим соображения, отрицающие тождество Руси и Роксалан. Это тождество есть одно из самых главных оснований моей теории; против него я не встретил доселе ни единого серьезного возражения. А. А. Куник в настоящем своем труде широко распространяется о многих предметах второстепенной и третьестепенной важности; но относительно Роксалан он голословен и очень краток, как и относительно других важнейших моих оснований. Когда-то он написал рассуждение: "Псевдорусские Роксаланы", где с помощью многих натяжек, исторических, этимологических и этнографических, старался доказать, что Роксаланы и Русь не одно и то же и что Роксаланский народ с появлением Гуннов исчез из истории. В прежних статьях мы уже указывали на несостоятельность такого вывода. Но мой противник думает, что навсегда покончил с Роксаланами. Он только мимоходом напоминает о своих главных до-

казательствах: Роксалане не могли быть славянами, потому что это степные наездники (367), степной народ (362); "причисление диких Роксалан к славянской семье обнаружило бы совершенное незнакомство с сравнительной историей военного быта у кочующих и у оседлых народов" (ibid.). Таковыми-то фразами почтенный ученый отделяется от неприятных для него Роксалан. А любопытно было бы хотя слегка познакомиться с тою сравнительною историей военного быта, на которую он ссылается; вероятно, мы узнали бы тогда много удивительных фактов. Но как бы то ни было, а эти несносные Роксалане существовали и совсем не думали исчезать из истории. О них свидетельствуют не только исторические писатели, но и знаменитые Певтингеровы таблицы, которые обнимают время от Августа до Юстиниана включительно. (Так утверждает известный их знаток Дежардэн. См. *Revue historique* 1876. No 1.) Здесь Роксалане помещены там же, где потом находим и народ Рось, между Днепром и Доном; притом они, как сильное племя, обозначены более крупными буквами, нежели их соседи. Отвергать тождество Роксалан и Роси, по моему мнению, все равно что спорить против очевидности.

Итак, Роксалане будто бы не могли быть Славяне, потому что имели конницу; а Русь не могла быть славянскою, потому что имела судоходство и еще потому, что она объединила народы, разбросанные на обширных равнинах (393). Оказывается, что славянское племя совершенно обижено судьбою. Даже финны, и те, оказывается, гораздо более одарены от природы и более способны к разнообразной деятельности. Так, в этом мало подвижном, преимущественно лесном племени встречаем с одной стороны пиратов (на Балтийском море), с другой - целый степной, конный народ (угры), и притом такой народ, который основал значительное государство. Туркмены, тип степного, конного народа, и те имели своих пиратов на Каспийском море. Не приводя других примеров для сравнения, укажу опять на

славянорусских казаков XVI и XVII веков: они жили в тех же местах, в которых встречаем древних Роксалан и Русь. И что же? Казаки одновременно являются и конницей, и пиратами, а при случае и пехотой. Странно как-то столь известному ученому указывать на столь известные факты. Обратимся к самым древним временам. Скифы вообще представляются степным, кочевым и конным народом. А между тем у них были также морские пираты; у них была пехота. Так, в рассказе Лукьяна Токсарис пехота является еще в большем числе, нежели конница. Повторяю, любопытно было бы познакомиться с тою сравнительною историей военного быта, которая доказывает, что русские славяне никогда не находились в диком состоянии, никогда не были кочевниками, никогда не были знакомы с морем и никогда не были способны к созданию государственного быта. И при этом г. Куник упрекает своих противников в том, что они "страдают незнанием оснований этнологической критики" (452).

Голословно отрицая всякую связь между Роксаланами и Русью, автор "Дополнений" к Каспию не раз спрашивает, почему же ни один источник не говорит о морских походах Руси до так называемого Рюрика. Ответ на этот вопрос уже был мною предложен; но по обыкновению норманисты не обратили на него внимания. Я говорил в том смысле, что Русь, конечно, и прежде была знакома с Каспийским и особенно с Черным морем; когда же она объединилась и достигла известной степени могущества, то уже не ограничивалась более мелким пиратством или плаванием для торговых целей и для найма в иноземную службу, а стала предпринимать походы в больших силах, и в 865 году сделала нападение на самый Константинополь. Это нападение и заставило Византийцев громко заговорить о Руси, хотя по всем признакам они уже давно были знакомы с нею. (О том, например, свидетельствует патриарх Фотий в своих "беседах".) Наш летописец почерпнул начало Русской истории из ви-

зантийского рассказа о нападении 865 года и приурочил к этому событию мнимое призвание Варягов с Рюриком и Оскольдом во главе. Я уже замечал, что если бы нападение на Константинополь случилось столетием ранее, то Рюрик и Оскольд в нашей летописи, конечно, были бы отнесены на сотню лет выше. Если противник не согласен с таким заключением, то пусть прежде всего потрудится доказать, что известие нашей летописи о событии 865 года совершенно самостоятельное, а не заимствовано буквально из хроники Амартола.

Но довольно о доказательствах исторических и этнографических. Нам остается сказать еще несколько слов о столпах норманнской системы; столпами она называет свои доказательства филологические. Мы с своей стороны говорили и повторяем, что вообще филология, как наука, имеет более или менее развитые стороны, но что самую слабую составляют словопроизводства. В этом отношении постоянно возникают споры или новые объяснения. А где есть возможность делать разнообразные выводы, там невозможно требовать точности. Если происхождение слов, даже взятых из современного языка, часто совсем не находит себе объяснения или объясняется гадательно, то можно ли ожидать точного определения слов отживших, известных только по письменным памятникам? Всего менее можно ожидать его при разборе названий собственных, личных и географических. Норманизм, однако, претендует на эту точность. Мы уже указывали на слабую сторону славянорусской филологии, именно на весьма распространенную привычку отказываться от русских слов. Если корень слова и его история не поддаются легкому объяснению из славянского языка, то оно немедленно относится к заимствованным из немецкого, или из финского, или из татарского; или просто замечают, что это слово не русское. Почему же оно не русское? Да оно звучит не по-славянски. Другими словами, оно кажется не славянским, и на этом кажется нередко строят филологичес-

кие выводы. Много обнаруживается промахов вследствие подобного приема. Некоторые слова считались заимствованными у татар, потому что они якобы звучали по-татарски, а потом эти слова оказывались в памятниках дотатарской эпохи; некоторые русские названия считались финскими, а они отыскивались у Дунайских или у Западных славян. Кстати укажу на следующий курьез. Еще недавно записные филологи считали (в "Слове о полку Игореве") карна и жля именами двух половецких ханов, тогда как они означают скорбь и жалость, а слово жля в том же значении встречается и в летописи. Эти половецкие ханы продолжали существовать даже после того, как их несостоятельность была указана. И кем указана? Вельтманом, которого никто и не считал глубоким филологом. Или напомним оригинальную историю с греческим словом гира, которым Константин Багрянородный объяснил русское полюдьё; нашлись ученые, которые дуга считали словом русским, а polydia греческим, т. е. совершенно наоборот. Много еще неверных, но общепринятых словопроизводств обращается и до настоящего времени. Между прочим, филологи, открывая разные законы, долго не замечали такого простого закона, как народное осмысление слов, утративших свой первоначальный смысл; при своих словопроизводствах они иногда совсем не замечают того, что имеют дело не с коренным значением слова, а с его позднейшим осмыслением, основанным на созвучии. Например, для них немец доселе происходит от немой (вроде летописного объяснения Переяславля от переяславу). Лингвистика нередко дает нам смелые и положительные объяснения там, где добросовестность требовала сказать: "не знаю". Норманизм, как увидим ниже, не только употребляет явные натяжки, чтобы объяснить некоторые древнерусские слова, но и выставляет иногда такие законы в русском языке, которые в действительности не существуют.

Как в русской истории г. Куник держится системы исчезания целых больших народов неизвестно куда, так и в русской филологии он держится системы объяснения русских слов преимущественно чрез заимствование их у инородцев. Напр., слово враг или ворог, заимствовано из готского языка (406), вор из финского (408), якорь и костер из шведского (416), топор из какого-то каспийского языка (71 и 678) и т. д. и т.д., всего не перечесть. Если поверить подобной этимологии, то наш язык, по крайней мере наполовину, окажется сбродом слов, заимствованных у всех соседних и даже не соседних народов. Какое смешение эпох, влияний и отношений в истории языка! Какое смешение созвучий с тождеством и общих родственных по корню слов с заимствованиями. Вообще у наших противников, как скоро зайдет речь о словопроизводствах, тотчас начинают смешиваться понятия о принадлежности известных слов известному народу с определением их корней при помощи сравнительной филологии. Г. Куник с особенным усердием останавливается на объяснении названий Варяги и Русь (400 и след.). Это целая этимологическая диссертация. Между прочим, он много возражает против толкования слова варяг- волками и врагами, хотя в настоящее время едва ли какой-либо серьезный ученый держится этого толкования. Он доказывает, что это слово произошло от скандинавского Waring, соответственно древнерусскому ро тник или присяжник, в смысле наемного воина. Может быть, это и верно; но трудно следить за всеми перипетиями, которым автор подвергает соединявшиеся с данным названием понятия, проводя их по разным странам и народам. Много тут гадательного, и сам автор прибегает иногда к помощи вероятно, кажется и разным ссылкам на сказочные свидетельства, между прочим, на басню нашей летописи о Варягах. Так как мы никогда не утверждали, что слово Варяг славянского происхождения, то и не будем останавливаться над ним. Что же касается до имени Русь, то г. Куник снова возвращается к отождествлению его с финским

Rot си; так финны называют шведов (437 и 672). Он предполагает здесь первоначальную гото-шведскую форму Hrods, которая перешла к финнам от шведов. Эту мысль он пытается подтвердить целым рядом всевозможных натяжек, исторических и этимологических. Не считаем нужным углубляться в эту путаницу. Мы только напомним, что прежде, нежели предпринимать ее, надобно было, во-первых, доказать тождество названий Ротси и Русь. Если это тождество, а не созвучие, то почему же финны именно русских-то и не называют Ротсами? Если это название перешло к финнам от шведов, то почему же сами шведы себя так никогда не называли и почему история не знает никакого народа Рось или Русь в Скандинавии? Мы предпочитаем то мнение, которое видит в этих названиях только внешнее подобие, но разные корни и разное значение. А во-вторых, и это самое важное, можно ли доказывать происхождение названия Русь от предполагаемой шведской формы Hrods и даже от Hrodthgotov (441), когда уже была указана несомненная связь названия народа Русь или Рось с именами рек Восточной Европы? Прежде надобно было опровергнуть эту связь; к сожалению, норманизм мало внимания обращает на важнейшие доказательства своих противников.

Точно так же г. Куник продолжает стоять на чисто норманских именах русских князей и дружинников, ничем не опровергая моих доводов. Я не брал на себя удовлетворительно объяснить все русские языческие имена и все русские названия порогов; да подобную задачу никто и не в состоянии выполнить при настоящих средствах науки. Достаточно и того, что большая часть имен Олегова и Игорева договоров встречается в последующих столетиях в разных частях России, чем доказывается их принадлежность русскому народу, то есть их туземство. Однако некоторые частные объяснения свои я позволяю себе считать такими, против которых мои противники не могут представить никаких серьезных опровержений. Например: тождество имени пер-

вого исторически известного русского князя Олег, женское Ольга, с названиями рек Олег и Волга, большая древность и большая порча русских названий порогов сравнительно с их славянскими вариантами; принадлежность последних наречию более южному, чем славяно-русское, а именно славяно-болгарскому; осмысление непонятного Есупи с помощью созвучия "Не спи", и пр.7

Уже одно то, что норманисты серьезно считали существовавшим название Неспи и соответственно ему приискивали повелительное наклонение в скандинавских языках, показывает, как мало они были знакомы с духом славянорусского языка и с его истинными законами. Или: на основании даже не большинства русских личных имен, а только некоторых, имеющих подобие с именами в скандинавских сагах, утверждать, что Руссы явились в истории с норманскими именами - этот прием годился только для норманистов прошлого столетия, когда сравнительная филология еще находилась в состоянии блаженной наивности. А между тем норманизм не может даже отнять у Славяноруссов имя Карлы. (Интересно было бы слышать его объяснения, откуда взялся половецкий хан Кобяк Карлыевич!) По этому поводу укажу на то, что г. Куник славянское окончание в именах Гуды и Карлы считает просто ошибкой писца, и произвольно ставит Гуд и Карл (461. А Кары, Бруны, Моны, Туклы?) Число чуждых имен на Руси он увеличивает еще Глебом, который будто бы заимствован или у каких-то иранцев, или у хазар (680). Повторим то, что говорили и прежде: с объяснением собственных имен, географических и личных, нельзя обращаться так легко, как доселе обращались норманисты, и нет столбов более шатких, как те, на которые думает опереться норманская теория.

Пока норманизм огулом отрицает принадлежность данных имен и названий славянорусскому племени, ссылаясь на какие-то этимологические законы вообще, спор, конечно, не может прийти к ясным выводам. Но как скоро он пытается-

ся войти в подробности и разъяснить нам эти законы языка, то вместо несомненных, строго научных положений мы видим по большей части одни гадания. Повторяю, особенно грешит он тем, что принадлежность слова или целой группы слов известному языку смешивает с возможностью объяснять их корни и значение с помощью сравнительного языкознания; причем и эта возможность иногда бывает только кажущаяся, и от нее еще далеко до действительного, положительного объяснения. Достоуважаемый А. А. Куник представляет следующий пример филологических гаданий, выдаваемых за положительные законы языка. Некоторые слова, оканчивающиеся в германской группе на *ing*, в славяно-русском языке являются с окончанием *яг*, напр.: веринг-варяг, шилинг-шеляг и т.п. Отсюда вывели уже общее правило, закон, что если в русском встречается слово на *яг*, то, значит, оно заимствовано от иноземцев. Г. Куник именно настаивает на этом мнимом законе (409); к подобным словам он относит Ятвяг и Колбян, которые будто бы заимствованы у немцев. Позволяю себе усматривать здесь большое недоразумение: ятвяги были окружены славянами и с одной стороны примыкали к Литве, следовательно их название отнюдь не изобретено немцами; а под колбьягами, как теперь с достоверностью можно сказать, разумелись кочевые или полукочевые инородцы южной Руси, между прочим, "Черные Клобуки" нашей летописи, и название их также никоим образом не заимствовано от немцев или от норманнов. Quasi научная этимология забывает о существовании у древних славян носового произношения, которое и доселе осталось в чистоте у поляков; вот почему у последних ятвяги имеют форму ядзвинги, а колбьяги в византийских хривулах XI века Кулпинги (вероятно, по произношению собственно славяноболгарскому, с малым юсом, т. е. кулпянги, между тем как по русскому произношению кулпяги или колбьяги). Следовательно, суффикс *ing* совсем не есть какая-то исключительная принадлежность германской

группы и не есть неперенный признак заимствованных слов. Подобный суффикс существовал и в литовском языке.

На беду для этой этимологии, в русском языке оказывается целый отдел слов с тем же суффиксом только в женской форме, т. е. яга (в польском еда), каковы: бродяга, бедняга, портняга, плутяга, скупяга, скряга и т. д. Как же г. Куник устраняет это противоречие с вышеприведенным законом о заимствовании? Он говорит, что этот суффикс "относится к сравнительно позднему периоду образования языка и произошел от более древнего ека" (410). Во-первых, ека и еда это все равно, и, стало быть, с одной стороны г. Куник признает, что подобный суффикс существовал и в древнеславянском языке. (Впрочем, тут объяснение несколько запутано и, по-видимому, говорится о древности этого суффикса только в литовском языке, как будто славянский язык находился под сильным влиянием литовского, и даже после XI столетия!) Во-вторых, он пытается собрать все русские слова с окончанием на яга (455 и 460) и насчитывает их до 30 или более; число значительное, ясно показывающее, что это суффикс собственный, русский, а не заимствованный от немцев или от литовцев, и тем более, что тут же приведены аналогичные слова и в других славянских языках. Но автор "Дополнений" далеко не исчерпывает их запас: существует много и других слов, которые способны принять тот же суффикс, когда требуется выразить известный смысл; чего никак не могло бы случиться, если бы таковой суффикс не был родным, привычным⁸. Следовательно, вывод о его позднейшем происхождении совершенно гадательный. При этом неизбежно возник бы вопрос: позднейшее сравнительно с каким временем? Например, существовал ли он в XI веке, когда в славяно-русском языке еще могли сохраняться некоторые следы древнего юсового произношения? Итак, был ли я прав, говоря о разных этимологических гаданиях, которые пускаются в ход под именем законов языка.

Глядя на подобные трактаты, можно только пожалеть, что так много труда и эрудиции потрачено для того, чтобы отстоять басню или по крайней мере запутать вопрос. Не отвечаем на те филиппики и на те эпитеты, которые обнаруживают некоторое раздражение со стороны норманизма, весьма, впрочем, понятное. Будучи довольно беспощаден к норманнской системе вообще, я едва ли могу себя упрекнуть в том, чтобы в предыдущих своих статьях относился без должного уважения к ученым заслугам автора "Дополнений". Во всяком случае, поблагодарим А. А. Куника за то, во-первых, что он дает нам возможность сделать две, три поправки второстепенной важности и устранить доказательства, так сказать, излишние, а далее за то, что его "Дополнения" окончательно убеждают нас в несостоятельности норманнской теории. Вот уже около пяти лет, как я веду с ней борьбу, отвечая почти всем оппонентам. Надобно было поддержать интерес к данному вопросу и не дать ему снова заглохнуть на страницах весьма почтенных, но мало читаемых изданий; надобно было подвинуть на ответ противников более солидных, ибо полемика с ними ясней всего могла обнаружить те шаткие основания, на которых доселе держалась норманнская теория. Между прочим, я именно ждал ответа от г. Куника, которого считал наиболее добросовестным и компетентным из ее защитников. Настоящий его труд не уничтожает ни одного из главных оснований, на которых построено мое мнение; большинство их даже не затронуты. Замечу при этом мимоходом: я убедился, что противники большею частью даже не давали себе труда прочесть внимательно систему моих доказательств; они часто повторяли свои аргументы, ничем не опровергая моих возражений или совсем их игнорируя.

В числе важнейших моих оснований стоит невозможность быстрых, неуловимых превращений одной народности в другую, чуждую ей. История не представляет таких примеров; они противоречат всем ее законам. Напротив, мы

повсюду видим большую или меньшую живучесть языка и других племенных особенностей у народов, поселившихся в чужой земле. Противники мои даже не пытались отвечать что-нибудь на подобное основание.

Норманизм именно заслуживает следующего упрека: ссылаясь на мнимые лингвистические законы, он совершенно игнорирует законы исторические, те законы, которые неизменно действуют и проявляются в жизни народов, в происхождении и развитии человеческих обществ, называемых государствами. Если бы защитники пресловутой теории серьезно вникали в эти законы, то они не могли бы смешивать факты литературные с фактами историческими, наивные домыслы старинных книжников выдавать за достоверное историческое свидетельство, да еще отстаивать их в той бессмысленной форме, которую они получили по невежеству позднейших писателей. Законы политико-исторические так же непреложны, как и естественно-исторические: происхождение русской нации не может быть исключением. Сказочное, внезапное возникновение великих народов и государств с исторической точки зрения есть бессмыслица.

Повторяю, настоящий спор может продолжаться до бесконечности с помощью тех приемов, на которые я не раз указывал, а также с помощью многих соображений и рассуждений, совсем не идущих к делу. Но серьезно, систематически, научно доказать скандинавское происхождение невозможно; таково мое убеждение. Объяснив туземное начало Русского государства, насколько это было в моих средствах и силах, я уже перешел к последующей эпохе Русской истории. Дальнейшую обработку данного вопроса предоставляю будущим исследователям. Мне остается только пересмотреть и собрать воедино свои исследования и заметки, разбросанные по разным изданиям 9 . Впрочем, я не отказываюсь и впоследствии возвращаться к тому же вопросу, но только тогда, когда найду это нужным, например в случае его нового запутывания и затемнения. А запутать его весьма

не трудно: стоит только сделать еще два, три мнимых открытия вроде того, что византийцы в литературном языке Варягов называли Русью, что славяне неспособны к мореплаванию, и т. п.

Справедливость, впрочем, требует прибавить, что в конце книги многоуважаемый А. А. Куник уже не с такою уверенностью борется с антинорманизмом, как в начале; он сознается, что в предании о "призвании Рюрика уже пробито несколько брешь" (696). Мы еще не теряем надежды, что всем известная ученая добросовестность со временем приведет его и к другим уступкам.

1 Из Сборника Древняя и Новая Россия. 1876, No 3.

2 Г. Куник, между прочим, сетует на С. М. Соловьева, который занял, так сказать, среднее направление в данном вопросе: он отрицает хронологию начальной летописи и признает за Русью если не славянское происхождение, то по крайней мере более древнее пребывание на берегах Черного моря, ссылаясь преимущественно на согласные свидетельства арабских писателей. (См. "Историю России", т. I, издание пятое. Примеч. 150.) Такое отступление от догматов норманнской системы наш многоуважаемый историк обнаружил еще в первом издании. Он указывает также на окружное послание Фотия, из которого видно давнее знакомство Византийцев с Русью. А. А. Куник хорошо понимает, что это среднее направление не может удержаться долго и что силою логики оно должно прийти впоследствии не к примирению иноземных свидетельств с нашим летописным сказанием о призвании Варяго-русов, а к полному отрицанию последнего (459). Из личных сношений мы знаем и других русских ученых (не называем имен, не имея на то полномочия), которые держатся того же среднего положения в нашей борьбе с норманизмом. Но как скоро эти ученые, признающие существование русского народа в Южной России до времени так называемого Призвания, попытаются

сообщить дальнейшее развитие своему взгляду, то они несомненно придут к Роксаланам.

3 Авторитет А. А. Куника в данном вопросе вводит в заблуждение и других писателей, особенно иностранных. Для примера укажу на статью г. Альфонса Купе: *La Russie a Constantinople* в *Revue des Questions historiques*. Pars. 1876. No 1. Статья эта представляет образец легкомыслия и отсутствия критики, до которых могут доходить последователи норманнской системы. Здесь вы найдете сказочный поход Олега на Константинополь, изображенный весьма картинно. "Полунагие обитатели лесов, Древляне, Радимичи, Тиверцы и Хорваты, вооруженные отравленными стрелами и ременными лассо; финны с Белаозера и верхней Волги, рыжевласые с суровым взглядом и темносмуглою кожею, одетые в медвежьи шкуры с тяжелыми дубинами на плечах; чудские всадники из Финляндии и Эстонии, галопирующие на своих малорослых конях" (по морю-то!) и т. д. - Это все состав Олегова войска! Абсолютное молчание Византийцев о его нападении очень просто объясняется их национальной гордостью. Скандинавская колония, основавшая Русское государство, исчисляется ни более, ни менее как во 100000 человек и уподобляется Спартиатам в Лаконии; а пришла она из Литвы или вероятнее из окрестностей Упсалы. И это все обставлено, как следует, ученою внешностью, т. е. ссылками на источники и пособия. В числе последних встречаем самые разнообразные имена: Карамзина, Куника, Шторха, Муральта, Ворсо, Риана, Шницлера, Жеребцова, Ламбина, Рамбо и многих других; есть упоминание о Костомарове и обо мне. Кажется, у автора не было недостатка в средствах; ему недоставало только трезвого взгляда или исторической логики

4 Главную роль, вероятно, играли тут рассказы Яна Вышатича. О том см. ниже. Позд. прим.

5 Ни один источник не говорит о перетаскивании судов по сухопутным волокам и мимо Двинских или Волховских

порогов; а о перегрузке на порогах и волоках ясно говорят договоры Новгорода с Ганзою и Смоленска с Ригою.

б Так, многоуважаемый Я. К. Грот выразился в том смысле, что русский язык не допускает слов, начинающихся с буквы а (Жур. М. Н. Пр. 1872. Апрель. 289). Положение неверное: и в настоящем языке существуют такие слова, а прежде их было еще более. Многие слова, произносимые прежде через а, теперь произносятся через я; это последнее есть тоже а, только смягченное, йотированное. (Напр., в договоре Игоря встречаем русское имя Акун, а позднее в летописи то же имя уже пишется Якун.) Далее, есть немало слов, которые пишутся с о, а произносятся через а, если нет на этом о ударения.

Нелишним считаю напомнить: я полемизую только против одной слабой стороны славяно-русской филологии; что, конечно, не мешает мне ценить ее успехи и многие замечательные труды наших ученых на этом поприще и, между прочим, отдавать справедливость богатому содержанию Филологических Разысканий Я. К. Грота. (Выше заявленное правило мы находим здесь уже в смягченном виде: буква а, с"толь редкая в начале славянских слов".) В этом труде автор хотя и обнаруживает склонность объяснять иногда чисто русские слова через заимствование, но все-таки не в той степени, как г. Куник. В пример этой склонности приведем: Пинега будто слово финское, означающее "Малая река" (I. 242. А что же будет значить Пина, река западной России? Стало быть, и Волга или Влага тоже имеет финское окончание)? Ладога будто есть переименованное скандинавское Альдога и произошло от финского Acelto волна (245. В таком случае славянский бог Ладо тоже заимствован у финнов?) Мордва, по объяснению Кастрена, будто по-фински значит "народ у воды" (243). Мы думаем, что ва в этом случае чисто русский суффикс, имеющий собирательное значение; а иначе Литва, простонародное Татарва и т. п. тоже все финские слова? Укажем также на летописные Волхва вмес-

то Волохове, Жидова в. Жидове. Если принять догадку Кастрена, все это будут народы, живущие у воды, что представляет явную несообразность.

7 Не отвечая на мои важнейшие доказательства в пользу славянства болгар, г. Куник, однако, нашел случай по поводу моего исследования "Болгаре и Русь на Азовском по-морье" приписать мне и такие промахи, которых у меня нет; например, относительно Россов в житии Георгия Амастрийского, которых я будто бы приписываю VIII столетию, и относительно русина, научившего Кирилла русской грамоте (632). У меня доказывается, что эта грамота была собственно не русская, а болгарская. Если г. Куник не согласен, что Болгаре были славяне, то пусть попробует не голословно, а систематически опровергнуть мои главные доводы; пусть между прочим докажет, что загадочные выражения в известном хронографе принадлежат не иному какому языку, а именно древнеболгарскому.

8 Напр.: бродяга, верещага (откуда Верещагин как от сипяга Сипягин), моняга (неудалый человек. См. Этнографич. Сбор. VI. Не в связи ли с этим словом имя одного из послов Игорева договора, т.е. Моны?) и т.д. Или: от дурной- дурняга; от добрый - добряга и пр.

9 Что я и привел в исполнение настоящею книгою (т. е. первым изданием Разысканий о начале Руси)

IV

Могильные данные в отношении к вопросу о Руси и болгарях

Кроме истории и филологии, которыми злоупотребляла норманнская система для того, чтобы утвердить басню о призвании никогда не бывалых Варяго-Руссов на якобы научных основаниях, приверженцы этой системы немало зло-

употребляли и археологией. Такие раскопки могильных курганов давали повод везде находить следы Варягов, к которым относили все то, что принадлежало Руси. Впрочем, такое заключение было естественно в то время, когда в тождестве этих двух народов не сомневались. Но вот что говорят археологические факты.

Византийские золотые монеты, найденные в числе нескольких сот подле Ненасытетского порога на острове Майстрове, обнимают время по крайней мере от VII века до XI включительно¹. Отсюда ясно следует, что плавание русских караванов по Днепру из Киева в Грецию восходит ко времени не позднее VII или первой половины VIII века, т. е. к тому времени, когда о Варягах на Руси еще не было и помину.

Затем обращаю внимание читателей на те в высшей степени любопытные результаты, которые получены раскопками варшавского профессора Д. Я. Самоквасова, произведенными в 1872-73 годах в пределах земли Северян. Множество разрытых им могильных курганов вполне подтвердило русские, византийские и арабские известия о погребении покойников чрез сожжение у Славянорусских язычников; а вместе с тем представило разнообразные вещественные памятники и самого народа. Означенные могилы и находимые в них предметы вооружения и другие вещи с арабскими и византийскими монетами, во-первых, свидетельствуют об исконном пребывании могучего Русского племени в области Десны, Семи, Суды и вообще в Приднепровском краю, а во-вторых, о воинственном характере этого племени и его деятельных торговых сношениях с миром Восточным и Греческим еще в эпоху так наз. Дорюриковскую, следовательно о его уже значительно развитой гражданственности (разумеется, сравнительно с другими языческими народами Средней и Северной Европы того времени). С результатами раскопок г. Самоквасова и с значительнейшими его находками (особенно из Черниговского кургана, известного под

именем Черного) мне впервые пришлось познакомиться на Киевском Археологическом съезде летом 1874 года. Мои главные выводы, добытые пересмотром вопроса о Варягах и Руси, тогда уже были закончены, и мне пришлось скорее, чем я мог надеяться, найти такое неопровержимое, вещественное подтверждение этим выводам² .

Я не знаю, к каким натяжкам прибегнет теперь норманнская школа, чтобы отрицать эти очевидные данные и настаивать на существовании небывалого народа Варягоруссов, пришедшего из Скандинавии во второй половине IX века. По моему мнению, для нее остается единственный исход: согласиться с первоначальной летописной редакцией, по которой Русь, Славяне и Чудь призывали Варяжских князей, и, следовательно, отстаивать эту легенду в ее первобытном, т. е. династическом значении. Но, по всей вероятности, норманисты этого не сделают; они очень хорошо понимают, что тогда и басня о призвании уничтожится сама собою. Сильному, воинственному Русскому племени, объединившему восточных славян и грозному для соседей, не было никакой нужды призывать к себе чужих князей изза моря: оно издавна имело своих собственных. Исторические источники упоминают о Роксаланских князьях еще в первые века по Р. Х. (См. выше.)

Одновременно с означенными раскопками в Приднепровском крае сделано весьма любопытное открытие далее на юге, именно в окрестностях Керчи. Открытие это, как сейчас увидим, имеет некоторое отношение к вопросам о Древней Руси и болгарях. Приведу сообщение, сделанное мною не далее как в марте 1876 года в одном из заседаний Московского Археологического общества³ :

Нельзя не отдать справедливости добросовестному исследованию г. Стасова, исследованию, которое он посвятил объяснению фресок, найденных в 1872 году в одной Керченской катакомбе⁴ . Сближение их с памятниками восточными, преимущественно иранскими, по моему мнению,

очень удачно. Сходные черты в костюмах, вооружении и орнаментах, встречающиеся здесь, действительно указывают на связи с Востоком, с Азией и на восточное происхождение самых племен, представители которых изображены на данных фресках. Но за этим общим положением возникает неизбежный вопрос, нельзя ли еще точнее определить, какие именно племена, какие народные типы, какую эпоху имеем мы перед собою?

Время, к которому должны быть отнесены означенные фрески, г. Стасов полагает между началом II и концом IV века по Р. Х. По всем данным такое положение надобно считать верным или весьма вероятным. Следовательно, мы имеем перед собою последнюю эпоху Боспорского царства, эпоху династии Савроматов. Известно, что в самом начале первого века по Р. Х. Боспорским краем овладело сарматское племя Аспургов. Это было одно из тех Сарматских племен, которые издавна жили между Азовским морем и Кавказом, и отчасти на Таманском полуострове, т. е. в самых пределах Боспорского царства. Князья Аспургов, захвативших это царство, по дошедшим до нас монетам, носили по преимуществу имена Савроматов и Рескупоридов. Эти варварские князья, однако, уже настолько были знакомы с эллино-римскою цивилизацией и настолько искусны в политике, что вначале они сумели приобрести покровительство самих римских императоров, начиная с Августа и Тиберия. Разумеется, чтобы обеспечить за собою Боспор, они признали себя покорными вассалами римских императоров, и показывали им особую преданность; это видно, между прочим, из того, что они к своим именам присоединили имена своих покровителей; отсюда мы встречаем на монетах и надписях Тиберия Юлия Савромата или Тиберия Юлия Рескупорида⁵. Но подчинение Риму продолжалось только до тех пор, пока в самой Римской империи не наступил смутный период, т. е. до второй половины III века. Тогда Савро-

матская династия не замедлила воспользоваться этими смутами, чтобы приобрести самостоятельность.

Находясь в тесных отношениях с миром Эллино-римским, подчиняясь влиянию его цивилизации, Савроматы в то же время, очевидно, сохраняли нравы и предания, вытекавшие из восточного происхождения. Они заключали родственные связи с потомками Митридата Понтийского, который одно время, как известно, владел Боспорским царством, и вследствие этих связей последняя Боспорская династия может быть равно относима к Савроматам и Ахеменидам. Я именно позволяю себе в главных фигурах, которые изображены на фресках, усмотреть представителей этой Савроматской эпохи в Пантикапее, разные бытовые черты, здесь встречающиеся, без сомнения указывают на двойственное влияние, т. е. римское и восточное.

Герой этих фресок, т. е. лицо погребенное в данной катакомбе, есть, конечно, один из предводителей, отличившийся своими подвигами в войнах с соседними варварами; а известно, что соседние варварские народы в эту эпоху все более и более теснили Боспорское царство, пока впоследствии не разрушили его окончательно. Тип главного героя и его воинов, а также и вооружение их совершенно соответствуют известиям древних и средневековых писателей о народах сарматских. А Сарматы, как это утвердительно можно сказать, принадлежали к Арийской семье и в ближайшем родстве находились с народами Мидо-иранской группы. Означенные воины покрыты чешуйчатым панцирем, конусообразным шлемом и имеют копья, у всадников по одному длинному, а у пехотинцев большею частью по два коротких. На Траяновой колонне мы именно встречаем сарматских всадников, покрытых такою же чешуйчатой броней. Тацит говорит, что знатные Роксаланы (а Роксаланы было сарматское племя) носили чешуйчатые панцири из железных блях. Аммиан Марцелин сообщает о Сарматах, что они были вооружены длинными копьями и носили полотняные

кирасы, на которых была нашита роговая чешуя, сделанная наподобие птичьих перьев. Конусообразные шлемы суть также одна из принадлежностей сарматских народов; они встречаются и на сарматских всадниках Траяновой колонны, и у древних Руссов. (Мы же, как известно, доказываем, что древняя Русь тождественна с Сарматами - Роксаланами.) Эта форма шлемов, конечно, имеет восточный характер; конусообразные шапки преобладали всегда у иранских народов. У самого предводителя Пантикапейского сверх того наброшен на плечи плащ, развевающийся позади. Этот плащ есть также одна из принадлежностей знатных лиц у Сарматских народов. Лев Дракон именно упоминает о таком плаще как об одной из отличительных черт Руси от греков. Еще прежде того Прокопий нечто подобное говорит о болгарях. Я не утверждаю тождества Аспургов ни с болгарями, ни с Роксаданами или Русью; я только говорю об их общей принадлежности к Сарматскому семейству. Рядом с общими чертами встречаем и некоторые отличия, например овальная форма и небольшой размер щитов не походят на большие и суживающиеся книзу щиты древней Руси. Впрочем надобно взять в расчет и разницу эпох: между IV и X веком могли, конечно, произойти разные перемены в вооружении и привычках сарматских народов. К таким переменам, например, надобно отнести и употребление стремян; известно, что у греков и у римлян не было стремян. Их мы не находим и на данных фресках. Тогда как древняя Русь употребляла их; по крайней мере это можно сказать о IX и X веке. Укажу на раскопки, произведенные г. Самоквасовым в Приднепровском краю; в могилах языческой Руси найдены между другими предметами и стремяна.

Затем обращаю внимание еще на отличительную черту типа, встречающегося на означенных фресках. Пантикапейские воины являются здесь без всяких признаков бороды и усов; а изпод шлемов их совсем не видно волос. Но бритые подбородки и оголенные головы, как известно, составляли

принадлежность древних руссов и древних болгар; а оба эти народа принадлежали первоначально к Сарматской группе и жили около Азовского моря, т. е. в Сарматских краях. Разница с типами фресок заключается только в том, что на последних отсутствуют и усы. Но, во-первых, обычай бритья, конечно, видоизменялся по разным племенам; а во-вторых, не забудем разницу нескольких столетий между данными фресками и временем Святослава; моды могли несколько меняться. Самые руссы X века, по известию арабов, не все брили бороду; некоторые отпускали ее. Замечательно, что лица русских воинов в известной рукописи XIV века, заключающей Сказание о Борисе и Глебе, эти лица так же, как на данных фресках не имеют ни бороды, ни усов. Кроме того известно, что римляне брили не только бороду, но и усы, и можно также предложить вопрос: не отразилась ли эта мода и на Боспоре Киммерийском? Под шлемами Пантикапейцев, как я сказал, совсем не видно волос. По этому поводу напомним известие Лукьяна, греческого писателя II века по Р. Х. В своем рассказе Токсарис он сообщает, что Скифы и Алане походят друг на друга и говорят близкими языками, но Скифы носят более длинные волосы, и один из героев рассказа, Скиф, выдающий себя за Алана, должен был обрезать свои волосы по-алански. И действительно, известные нам по памятникам фигуры Скифов обыкновенно снабжены длинными волосами и бородою. Алане принадлежали все к той же группе народов Сарматских, как боспорские Аспурги, как древние руссы и болгаре. Известно, что наш Святослав имел оголенную голову с чубом; языческие болгарские князья, по замечанию одного хронографа, были "с остриженными главами". А Прокопий еще в VI веке говорит, что гунны-болгаре имели оголенные щеки и подбородок, а также подстриженную кругом голову с пучком волос наверху.

Но кроме пантикапейских воинов, покрытых шлемом, мы видим еще три фигуры из того же ополчения, с открытыми головами. Они также без бороды и усов, но имеют волосы

на голове, спускающиеся до ушей или немного ниже. Эти три фигуры не имеют ни шлема, ни панциря, а вооружены щитом и двумя короткими копьями. (По словам Маврикия, два копья-дротика составляли обычное вооружение славян.) Мне кажется, что это фигуры женские, особенно две последние, у которых волосы как будто скручены назад и лица совсем не мужские. Известно, что именно у Сармат женщины отличались воинственными привычками, что они ходили на войну вместе с мужчинами и носили мужское платье. У некоторых племен был даже обычай, что девушка не может выйти замуж, пока не убьет хотя одного неприятеля. Эти сарматские женщины и послужили источником для греческих сказаний об амазонках. Если обратимся к Руси и болгарам, то найдем у них ту же сарматскую черту. По известиям того же Прокопия, писателя VI века, после сражений византийцев с болгарами обыкновенно на поле битвы между павшими варварами находили женские трупы. Точно то же заметил и Лев Диакон о руссах Святослава. То же самое подтверждает арабский писатель Масуди о болгарях в X веке. Он говорит следующее: "когда они отправляются в поход, то строятся в ряды; стрелки из лука образуют передний строй, а женщины и дети задний". (Гаркави. 126.) По моему мнению, известие это замечательным образом совпадает с Керченскими фресками, именно с IX таблицей атласа, на которой изображена пехота: впереди два воина в шлемах и панцирях, а позади три без панцирей и шлемов. Из последних две самые задние фигуры я принимаю за женщин, а третью, помещенную в середине, я готов счесть за мальчика.

Что касается до остальных фигур, т. е. до неприятелей Пантикапейцев, то г. Стасов, по справедливости, различает между ними два типа. Первый, изображенный на таблице X, близок к той же Сарматской народности. У него также нет ни бороды, ни усов; но он отличается густыми и довольно длинными волосами. У воинов этого типа нет ни шлемов,

ни панцирей, ни щитов, и даже у главной фигуры, т. е. у предводителя. На плечах у последнего, однако, наброшен плащ, похожий на сарматский; а на левом боку довольно большой меч; вместо панциря ему повидимому служит кожаная кираса. Это по всем признакам какой-то соседний степной, конный народ. Но второй тип, изображенный на таблице VI, уже гораздо более удален от Пантикапейского. Он представлен в одном только лице. Это мужчина с резкими чертами лица, густыми, отброшенными назад волосами и черною густою бородою. Он пеший, также без шлема и панциря, но вооружен широким ножом или кинжалом и ромбовидным щитом. Мы можем предположить в нем представителя какого-либо из соседних черкесских горных племен. Очень может быть, что здесь изображен поединок между пантикапейским предводителем и вождем неприятельского войска. Вместо общего сражения решать дело поединком было иногда в обычае у варварских народов, и между прочим у народов прикавказских. Напомним единоборство тмутраканского князя Мстислава Чермного с касожским или черкесским князем Редедюю. А гораздо ранее того у Константа Багрянородного в его соч. об Управл. Империей встречаем рассказ именно о единоборстве боспорского царя Савромата VII с протевонном или вождем Херсонитов Фарнаком. Это единоборство, решившее судьбу их войны, происходило, как надобно полагать, в IV веке по Р. Х., следовательно, в эпоху, к которой можно отнести данные фрески. Но не этот эпизод здесь изображен. Единоборство с Фарнаком окончилось смертью Савромата; тогда как здесь пантикапейский предводитель, очевидно, торжествует; при том Савромат был поражен копьем, а у пешего воина в руках только меч. Странно только одно, почему противники сражаются при неравных условиях: один на коне и лучше вооружен, а другой пеший, но зато со щитом, которого нет у Пантикапейца. Может быть, варвар понадеялся на свою силу и ловкость и сам пожелал сражаться при этих услови-

ях. Но могло быть и то, что он уже потерял коня и теперь, с кинжалом в руке, готовится дорого продать свою жизнь.

Обращу также внимание ваше на следующее обстоятельство. Из всех трех данных типов мы не находим ни одного, который бы напоминал присутствие в тех странах народностей угорского, турецкого или монгольского корня. Это подтверждает высказанное мною мнение о принадлежности настоящих Скифов и Сармат к арийскому семейству и о том, что турецко-татарские народы появляются в тех краях довольно поздно, приблизительно около VI века. (Что, между прочим, важно и для решения вопроса о каменных бабах.)

Мне остается еще сделать одно сближение. Переходом к нему может послужить упомянутое мною выше известие Масуди о болгарах. Известие это по всем признакам относится не столько к Дунайским болгарам, сколько к Черным, т. е. к тем, которые жили на Кубани и на Боспоре Киммерийском, ибо он говорит о язычниках; тогда как у Дунайских болгар в его время процветало христианство. В своих исследованиях я именно доказывал, что болгаре приблизительно в V веке завладели почти всем Боспорским царством и жили здесь еще в IX и X вв., когда этот край был освобожден от хазарского ига и покорен Русью и там основано известное Тмутраканское княжество. Следовательно, господство Сарматских Аспургов здесь сменилось господством болгар и потом Руси, племен тоже сарматских. Эта смена происходила постепенно; причем кроме сходства нравов, без сомнения, на последние племена продолжало действовать и влияние древней боспорской цивилизации.

Масуди говорит, что у языческих болгар сожигали мертвеца или заключали его в храмину вместе с женой и слугами. Но такой же двойкий обычай погребения, т. е. чрез сожжение и зарывание трупа, существовал и у языческой Руси. Обряд сожжения подробнее всего описан у Ибн Фадлана. Между тем Ибн Даста, писатель X века, так же, как Масуди

и Фадлан, говорит следующее о Руссах. "Когда умирает кто-либо из знатных, то выкапывают ему могилу в виде большого дома, кладут его туда и вместе с ним кладут в ту же могилу как одежду его, так и браслеты золотые, которые он носил; далее опускают туда множество съестных припасов, сосуды с напитками и чеканенную монету. Наконец кладут в могилу живую и любимую жену покойника. Затем отверстие могилы закладывается, и жена умирает в заключении" (по переводу Хвольсона, стр. 40). Очевидно, Ибн Даста о Руси повторяет с большими подробностями то же, что сказал Масуди о болгарях Таврическо-Таманских. Но Ибн Даста по всем признакам также говорит о Руси именно Тмутраканской или Таманской; он изображает ее живущею на сыром, болотистом острове.

Но что же это за дом или храмина, в которой погребали знатных болгар и руссов в Таврическо-Таманском крае?

Нет сомнения, что тут идет речь о катакомбах, подобных той, фрески которой мы имеем перед собою. Следовательно, весьма вероятно, что дальнейшие розыски в катакомбах Боспорского края приведут к открытиям предметов из другой, более поздней эпохи, сравнительно с Аспургинанской династией Савроматов, то есть из эпохи болгаро-русской.

1 Графа А. С. Уварова "О древностях Южной России". Автор видел из них две монеты: одну императора Ираклия, VII века, а другую Константина Дуки, XI-го. "Разные люди уверяли нас, - замечает он, - что эти монеты были найдены в различных местах. Другие, наоборот, говорили, будто они открыты вместе в одном глиняном кувшине". Едва ли вероятно, чтобы в одном кувшине хранились монеты пяти веков. В таком случае пришлось бы, пожалуй, предположить, что какой-либо любитель византийской нумизматики во второй половине XI века зарыл здесь свою коллекцию. Не было ли на этом островке чего-либо вроде разбойничьего притона, в котором прятали добычу с разграбленных или с потерпев-

ших крушение судов? Или не существовало ли здесь какого святилища, где путники клали свои жертвоприношения ради благополучного плавания сквозь пороги?

2 Интересующихся этими данными отсылаю к отчету самого Д. Я. Самоквасова "Древние земляные насыпи и их значение для науки". (Древн. и Нов. Россия. 1876. No 3 и 4.) Единственное мое замечание, которое можно сделать по поводу этой статьи, относится к ссылкам на легендарные свидетельства летописи, например о погребении Олега, Аскольда и Дира. Каким способом они погребены, в летописи не говорится, это известие несовременное, притом же два последние лица не исторические. Другое дело известие той же летописи о погребении у Вятичей, а также рассказы Ибн Фадлана и других арабов о погребальных обычаях Руси - это свидетельства современников и очевидцев. Далее, в среде русских славян, по всем признакам, рядом с сожжением и притом не всегда одинаковым в подробностях, существовал и другой, хотя не столь распространенный обычай погребения, т. е. чрез зарывание трупа; но кем именно и в каких случаях он употреблялся, еще нельзя определить с достоверностью. Наконец, достоуважаемый исследователь старается с точностью определить границы собственно русского обычая сожжения трупов. Намеченные им пределы, т. е. область Северной Руси, вполне подтверждают древние свидетельства о месте жительства Роксалан между Днепром и Азовским морем; тем не менее подождем еще ограничить эти пределы, пока не приведено в известность содержание большинства могильных курганов и в других частях Южной России. В настоящее время достаточно и того неопровержимого вывода, что Русь, на основании могильных раскопок, является также племенем туземным, южнорусским, а не пришедшим откуда-то с севера.

3 Из Трудов этого Общества. Т. VI. Вып. 2

4 Отчет Императорской Археологической комиссии за 1872 год с атласом. Спб. 1875 г.

5 Любопытно, что князя Роксалан точно так же поступали в отношении к некоторым римским императорам. В одной латинской надписи упоминается роксаланский князь Элий Распарасан, по-видимому, современный Элию Адриану

V

Тмутраканская Русь г. Ламбина1

В нашей исторической литературе, особенно в отделе исследований, заметно делает успехи следующая черта (впрочем, заимствованная от других): во что бы то ни стало сообщать своим произведениям внешний вид глубокомыслия и обширной учености. С этой целью они обставляются многочисленными, кстати и некстати приведенными, цитатами и ссылками на источники, а также удивительными соображениями и сопоставлениями; только логика и вообще мыслительная работа остаются в некотором пренебрежении. Авторы их не особенно хлопчут о том, чтобы предварительно вдуматься в факты, проверить известия, перебрать их со всех сторон, выяснить до возможной степени и потом уже приступить к изложению. Последний прием, конечно, потребует более времени и более усилий; но зато и результаты были бы несравненно плодотворнее. Такие или тому подобные мысли иногда приходят нам в голову при пересмотре трудов той исторической школы, которая известна под именем норманизма. Интересно особенно следить за ее усилиями с помощью подобранных цитат, произвольных догадок и не всегда остроумных соображений доказать невозможное, т. е. утвердить, якобы на научных основаниях, ту басню, которая служит исходным пунктом норманнской теории. Но результаты всегда будут одни и те же: никакие натяжки не помогут, и для науки басня всегда останется

баснею. А наружно-ученая обстановка может сбивать только читателей, или предубежденных или совершенно некомпетентных.

В январской книжке журнала Министерства Народного Просвещения мы с интересом прочли исследование г. Ламбина: "О Тмутраканской Руси", которое, как сказано в оглавлении, представляет отрывок из сочинения: "Опыт восстановления и объяснения Нестеровой летописи". Несколько времени тому назад мы имели случай отвечать на возражения г. Ламбина против нашего мнения о несостоятельности норманнской теории ("Рус. Стар." 1873 г., сентябрь). А может быть, мы отнеслись к его возражениям несколько сурово; но их тон и содержание давали нам на то полное право. Новый труд г. Ламбина подтверждает за ним репутацию трудолюбивого исследователя; но, увы, он также подтверждает вновь и несостоятельность его теории. Чтобы не быть голословными, передадим сущность этого труда.

Г. Ламбин задался мыслию, что Тмутраканское княжество основано Олегом и его норманнскою дружиною. Первое известие нашей летописи о связях киевского князя с Тавридой встречается в договоре Игоря. Там есть условие, чтобы русский князь не имел притязания на Корсунскую область и не позволял бы нападать на нее Черным болгарам. То же условие не воевать Корсунской области повторяется и в договоре Святослава. Это условие ясно указывает на существование русских владений в Тавриде, по соседству с Корсунью, т. е. на существование Тмутраканского княжества еще во времена Игоря. Но каким князем оно было основано? В Олеговом договоре о Корсунской стране не упоминается; а этот договор, судя по летописи, заключен в последний год его княжения. Следовательно, договоры не дают никакого основания приписать Олегу начало Тмутраканского княжества. Однако г. Ламбин упорствует в своем мнении и старается подкрепить его рядом совершенно произвольных догадок и выводов. Так, по его мнению, условия о

Корсунской стране суть не что иное, как "отдельный трактат, заключенный между Русью и херсонцами и включенный в общий договор с греками". Это произвольное предположение, в свою очередь, опирается на другое предположение, точно так же произвольное, о каких-то грабежах и набегах на Херсонскую область, которые русские "дозволяли себе при Игоре" именно потому, что об этой области не было упомянуто в Олеговом договоре (59). Таким образом, обиды корсунцам очень просто объясняются забывчивостью и непредусмотрительностью греческой дипломатии при заключении Олегова договора. Но, в таком случае, условие о Корсунской области в договоре Святослава также предполагает грабежи и набеги. Стало быть, русские "дозволяли себе" эти набеги, несмотря на Игорев договор; а следовательно, причем же тут Олегов договор? Вот к каким обратным заключениям могут иногда приводить блистательные догадки автора.

Дальнейшие соображения г. Ламбина относительно того, что в статье Игорева договора о Корсунской стране под словами русский князь подразумевается не Игорь, а кто-то другой, представляют такую путаницу, которую в коротких словах передать невозможно. Справедливость, однако, требует прибавить, что посреди этой путаницы встречается и дельное соображение, а именно о Черных болгарях: эти болгаре не были ни Дунайские, ни Камские, а должны почитаться Кубанскими.

Представим теперь образцы того способа, каким автор восстанавливает первоначальный текст нашей летописи. Дело идет все о той же статье Игорева договора. В летописном своде по Лаврентьевскому списку сказано: "А о Корсуньстей стране. Елико же есть городов на той части, да не имать волости князь Руский, да воует на тех странах, и та страна не покаряется нам". Г. Ламбин, на основании вариантов по другим спискам, восстанавливает следующее чтение: "да не имате волости, князи рустии, да воуете на тех стра-

нах, и та страна не покаряется вам". Автору, для его смелой догадки, что в Игоревом договоре речь идет не об Игоре, желательным было слово князь русский обратить в звательный падеж множественного числа. Прекрасно; но каким образом, предполагая здесь разные ошибки в списках летописи, он не видит самой главной и оставляет бессмыслицу? Можно ли читать "да воюете на тех странах". Выходит, что греки, стараясь оградить Корсунскую область от притязаний русских князей, в тѣже время позволяют им воевать ее. Каким образом не догадаться, что здесь пропущена частица "не" ("да не воюет"). Этот пропуск очевиден и по дальнейшему условию, чтобы русский князь не пускал Черных болгар нападать на Корсунскую область. То же условие не воевать этой области подтверждается и в договоре Святослава.

О Черных болгарях в том же договоре сказано: "А о сих, оже то приходят Чернии болгаре и воюют в стране Корсунстей, и велим князю Русскому да их не пускает и пакостят стороне его" (по Ипат. списку). Что такое значит "стороне его"? Это место, очевидно, дошло до нас в испорченном виде, и Тимковский если не вполне, то приблизительно исправил чтение таким образом: "да не пускает пакостить стране той". Но г. Ламбин именно эту-то бессмыслицу и отстаивает. По его мнению, надобно читать: "и велим князю русскому да их не пускает: пакостят и стране его". Выходит, что греки в договоре с русским князем условились о недопущении болгар в страну Корсунскую мотивировали тем, что они вредят и его собственной стране (т. е. владению русского князя). Так именно и объясняет нам г. Ламбин. Объяснение, как видите, в высшей степени произвольное; но оно нужно г. Ламбину, чтобы подкрепить свою теорию о положении Тмутраканской Руси. Последняя, по его мнению, находилась в Тавриде, где-то между Корсунью и Черными болгарями или хазарскими округами; хотя город

Тмутракань, как известно, лежал на Таманском, а не на Таврическом полуострове.

Далее г. Ламбин делает самое неожиданное предположение. Тмутраканская Русь оказывается у него ни более ни менее, как Аланское княжество, о котором Константин Багрянородный упоминает в своем сочинении "Об управлении империи". Описание Константина не допускает и мысли, чтобы речь шла о каких-либо других Аланах, кроме Кавказских. А по мнению г. Ламбина, "о Кавказской Алании у него здесь не может быть и речи". Эта Алания у него оказывается в восточной части Крыма. Тут встречается маленькое затруднение: у Константина говорится, что князь Алан может подстергать хазар на пути к Саркелу, лежавшему на Дону. Относительно народа, обитавшего на северной стороне Кавказа, такое известие понятно; а относительно обитателей Тавриды оно было бы очень странно. Г. Ламбин из этого затруднения выпутывается весьма просто: он предполагает, что у Таврических Алан были корабли, на которых они ходили в Азовское море, а следовательно, и в Дон. Для полной вероятности такой догадки остается еще предположить, что хазары жили не на восток от Азовского моря, а на запад. Автор исследования согласен, пожалуй, допустить, что Константин тут "спутался" и что известия его "нуждаются в строгой критической оценке"; но то несомненно, "что у него под названием Алании почему-то сокрыта Русь Черноморская". Конечно, при таких наивно-критических приемах сомнение и невозможно.

В числе доказательств, что Тмутраканское княжество основано отнюдь не Игорем, а Олегом, важную роль играют их характеры. Игорь оказывается князем слабым, ленивым и невоинственным; Олег же имел совсем противоположные свойства. Мы уже имели случай заметить, что иностранные свидетельства рисуют нам Игоря князем чрезвычайно предприимчивым и деятельным, а что Олега история знает только по имени, ибо о делах его у нас нет никаких извест-

тий, кроме летописных легенд. Но что могут значить подобные замечания для таких глубокомысленных исследователей!

Дальнейшие рассуждения г. Ламбина представляют все тот же ряд самых произвольных догадок и удивительных соображений, которые передавать мы не беремся. В конце своей статьи он возвращается к известным греческим отрывкам, найденным Газе и помещенным в его издании Льва Диакона. Относительно их г. Ламбин опять позволяет себе все те же вопиющие толкования. Во-первых, оба отрывка он приписывает одному и тому же автору; на что нет ровно никаких доказательств. Напротив, по содержанию их можно прийти к выводу совершенно противоположному. Во-вторых, он думает, что рукопись, в которой найдены эти отрывки, представляет собственное письмо предполагаемого Херсонского начальника, что они суть его "черновые автографы". И эта догадка вполне произвольная. В-третьих, по мнению Газе, письмо отрывков принадлежит X или даже XI веку; а г. Ламбин относит их к IX веку, и опять совершенно произвольно, единственно для того, чтобы приурочить их ко времени Олега и открыть его в том князе варваров, о котором говорится во втором отрывке. Нельзя же считать серьезными доказательствами те крайние натяжки, с помощью которых автор усматривает "поразительно тесную связь" между двумя упомянутыми отрывками и двумя из писем патриарха Николая Мистика (помещенных в , t. X). Например, у патриарха в одном месте упоминается об опасном пути и благополучном прибытии в "город Херсонитов". Г. Ламбин считает это письмо ответным на первый отрывок, где описываются переправа через реку Днепр и трудный поход в город Маврокастрон. Не говоря уже о различии Маврокастроны от города Херсонитов, тут не может быть связи и потому, что сообщение Византии с Корсунем производилось морем, а в отрывке говорится о сухопутном походе. Но

к каким догадкам и выводам нельзя прийти с подобными критическими приемами!

Г. Ламбин упорствует в том мнении, будто второй из упомянутых отрывков заключает в себе намек на пресловутое призвание князей из Скандинавии. Для большей убедительности он перепечатывает весь этот отрывок в латинском переводе и подчеркивает соответственные с своею целью выражения. Но сколько бы ни перепечатывали данный отрывок, ни один серьезный исследователь не найдет там искомого намека. А что касается до варваров, чуждавшихся греческого образа жизни, сопредельных князю, властвующему к северу от Дуная, и нравами ему подобных, то весьма мало оснований видеть в них Таврических готов Тетракситов. Эти готы представляли небольшое племя, уцелевшее в горной, южной части Крыма. Они издавна (еще с IV или V века) исповедовали христианскую религию, и, по всей вероятности, их нравы в данное время совсем не походили на языческую Русь. Невероятно, чтобы они возымели к последней более сочувствия, чем к грекам, и передались на ее сторону. Их недружелюбные отношения к Руси слышатся еще и в XII веке в "Слове о полку Игореве". Отрывок указывает именно на ту часть варваров, которая подчинена нам, т. е. грекам. (Хотя тут же оказывается, что подчинение было более номинальное.) Следовательно, была и другая часть этих варваров, грекам не подчиненных. Г. Ламбин утверждает, будто, кроме готов, история не знает никаких других обитателей Тавриды, сходных обычаями с Русью. Но прежде нежели делать подобные выводы, следовало уяснить вопрос: какие племена могли обитать в то время в Тавриде? Кроме готов, мы имеем положительные свидетельства о пребывании на полуострове печенегов. Далее, г. Ламбин упустил из виду очень важное свидетельство Прокпия о гуннах, поселившихся в юго-восточной части Крыма, между Боспором и Херсонесом. Эти-то таврические гунны, по нашему мнению, и есть искомый народ.

1 Из журнала "Русская Старина". 1874. Март. Эта статья, по хронологическому порядку, собственно должна быть помещена перед исследованием "О славянстве болгар", но случайно не попала на свое место.

ДАЛЬНЕЙШАЯ БОРЬБА О РУСИ И БОЛГАРАХ И ГУННСКИЙ ВОПРОС

То, что следует далее, написано после первого издания Разысканий о начале Руси, т. е. после 1876 года, и составляет дополнение к настоящему, второму, изданию.

ДАЛЬНЕЙШАЯ БОРЬБА О РУСИ И БОЛГАРАХ

I

Славяно-Балтийская теория¹

Свою борьбу с норманнской школой по вопросу о происхождении Руси мы можем считать почти оконченной. В течение полемики, длившейся около шести лет, она не опровергла научным, систематическим способом ни одного из моих главных выводов и доказательств; но я весьма благодарен ей за некоторые поправки второстепенной важности, а главное - за поднятый ею труд возражений, помогших мне еще более разъяснить шаткость ее оснований. Хотя некоторые представители этой системы и продолжают отстаивать ее с помощью обычных приемов, но такие приемы могут вводить в заблуждение только людей некомпетентных или пристрастных. Например, в последнее время норманизм с особым рвением ухватился за какую-то сочиненную им теорию конных и пеших народов, с помощью которой пытается отвергнуть тождество Роксолан и Руси. Любопытно главное основание для этой попытки. В первом веке по Р. Х. Роксолане совершили набег за Дунай в числе девяти тысяч

конницы, которая обнаружила неискusstво в пешем бою; а в X веке, т. е. спустя ровно девятьсот лет, Русь явилась за Дунай в виде приплывшей на судах пехоты, которая оказалась неискустною в конном сражении. Не говоря уже об огромном промежутке и в течение его происшедших изменениях в народном быте, самые известия о том и другом походе могут быть рассматриваемы только критически, в связи с воззрениями их авторов и со многими другими обстоятельствами. У норманистов же выходит, что присутствие конницы есть прямой признак татарского племени, а пехоты - арийского. Но древние персы, мидяне, даже лидийцы славились своею конницею; парфяне являются самым конным народом; литовцы из своих лесов делали конные набеги на Русь еще в XII и XIII вв., и они же пили лошадиное молоко. Разве это все были народы монголо-татарского, а не арийского семейства? А Днепровская Русь, которая, по мнению норманистов, будто бы в X веке уже не имела конницы, в XI веке имеет ее в значительном числе, по прямым свидетельствам летописца-современника. Первые битвы Руси с половцами были по преимуществу конные. "Дай нам оружие и коней; хотим еще биться с половцами" - говорили великому князю Изяславу киевляне, т. е. не дружина собственно, а народ. В это же время один только удельный князь Черниговский вышел в поле с трехтысячным конным отрядом и разбил половцев. По указанию летописи, все княжеские дружины и в X, и в XI вв. были конные. А если русские князья того времени нанимали иногда толпы конницы из кочевых народов, то, с другой стороны, они же нанимали и отряды пехоты, особенно из Варягов. Раскопки же курганов ясно говорят о русских конниках в XI и в предшествующие века². Впрочем, постоянно вновь и вновь опровергать все натяжки норманизма представляется делом хотя и нетрудным, зато длинным и довольно скучным. Свою настоящую заметку я посвящаю собственно другой системе.

Если доселе я вел борьбу исключительно с норманнской теорией происхождения Руси, то потому, конечно, что она была у нас господствующею и имела за собою, кроме укоренившейся привычки, наружный вид строгой научной системы. Другие же теории имели значение преимущественно отрицательное по отношению к этой господствующей, но не представляли такой положительной стороны, с которою можно было бы в настоящее время вести серьезную борьбу. Между ними первое место по количеству и таланту сторонников и по объему литературы занимает теория Варягов-Руси, пришедших с Славяно-Балтийского поморья. Она возникла на началах довольно естественных и логичных. Еще в прошлом столетии некоторые русские ученые (например, Ломоносов) начали сознавать нелепость призвания князей из племени не только чуждого, но и враждебного. Отсюда естественно было перейти к мысли: если Новгородцы и призвали себе варяжских князей из-за моря, то не от Скандинавов, а от родственного племени поморских славян; кстати же, там была область Вагрия, народ вагиры - почти что Варяги. Эта мысль привилась и произвела на свет целую систему, которая блеснит именами Венелина, Максимовича, Морошкина, Савельева, Ламанского, Котляревского, а в прошлом году закончилась трудами гг. Гедеонова и Забелина. Эта система, как мы видим, явилась в отпор норманизму; но их исходный пункт один и тот же: обе теории идут от призвания князей, считают его историческим фактом. Наши доказательства тому, что это не факт, а басня, полагаем, достаточно известны.

Г. Гедеонов задумал свой труд "Варяги и Русь" еще с 1846 г., следовательно, ровно за тридцать лет до его окончания. Очевидно, этот труд был вызван известным сочинением А. А. Куника (*Die Berufung der Schwedischen Rodesen*. S.-Petersb. 1844-1845), в котором норманнская система доведена, так сказать, до своего апогея. В 1862- 1863 гг. в Записках Академии наук г. Гедеонов представил ряд отрывков из сво-

его исследования. До какой степени обнаружились в них эрудиция и логика автора, можно судить по тому, что представители норманнской школы тотчас признали в нем опасного противника, и принуждены были сделать ему некоторые довольно существенные уступки. В своих первых статьях по варяго-русскому вопросу мы отдали полную справедливость ученым заслугам г. Гедеонова и его успешной борьбе с норманизмом. Но тогда же мы заметили, что положительная сторона его собственной теории не имеет надежды на успех, поскольку эта сторона проглядывала в отрывках. В настоящее время, когда имеем перед собой уже полный и законченный труд, нам приходится только повторить то же мнение.

Там, где г. Гедеонов борется с доказательствами норманистов, он наносит им неотразимые удары и весьма метко разоблачает их натяжки филологические и этнографические. Казалось бы, норманизму остается только положить перед ним оружие. И это действительно могло бы случиться, если бы автор исследования остановился на своей отрицательной стороне. Но рядом с ней он предлагает принять факт призвания варяжских князей с славяно-балтийского поморья. Здесь-то и открывается слабая сторона исследования; в свою очередь, начинаются очевидные натяжки и гадания. Тут, на почве призвания, норманизму легко справиться с своим противником, имея у себя такого союзника, как самый текст летописи. Что летописная легенда указывает на варяго-норманнов, по нашему крайнему разумению, это несомненно. Летопись знает славянских поморян и лютичей; но нисколько не смешивает их с варягами, которые приходили в Россию в качестве наемных воинов и торговцев; а призванных князей, очевидно, считает соплеменниками этих Варягов (что касается до указания на Прусскую землю, то оно принадлежит позднейшим летописным сводам). Предположим, что князья были призваны, и призваны именно из славяно-балтийского народа. Но в таком случае,

стало быть, у новгородцев были деятельные сношения с этим народом в IX и X веках? Однако не только деятельных, автору не удалось показать никаких сношений за это время; вместо фактов мы находим одни предположения, ничем не подтверждаемые. Например, летопись говорит, что Владимир в 977 году бежал "за море", откуда через три года пришел с варягами. Она ясно говорит здесь о варягах-скандинавах; саги исландские также рассказывают о их службе у Владимира. Однако автор исследования отсылает Владимира куда-то на Славянское поморье и его трехгодичному пребыванию там придает большое значение. Так, из Вендского поморья Владимир вывез особую ревность к языческой религии (350) и поклонение Дажьбогу (хотя его имени мы и не встречаем у поморских славян), откуда же он, по-видимому, привез на Русь "или готовые уже изображения богов, или по крайней мере вендских художников" (353), и даже чуть ли в ту же поездку не заимствовано оттуда слово "пискуп" (312). Если же наши князья клялись Перуном и Волосом, а не Святовитом и Триглавом, то они поступали так по политическим соображениям (349). Точно так же гадательны все те "следы вендского начала", которые автор пытается отыскать в языке, праве, обычаях и общественном устройстве древней Руси. Приведенные на эту тему факты и сближения указывают только на родство славянских наречий и племен, а никоим образом не предполагаемое вендское влияние. В XII веке упоминаются в Новгороде заморские купцы, построившие церковь св. Пятницы. Но отсюда еще далеко до возможности видеть здесь Вендов, проживавших в Новгороде и принявших православное исповедание (348). Напомним автору, что "Гречники" в Киеве означали не греческих купцов, а русских, торговавших с Грецией. Во всяком случае, на подобных догадках трудно возвести какое-либо здание.

Любопытен научный прием, с помощью которого г. Геденов находит в русском языке следы вендского влияния. Из-

вестно, что древние Венды не оставили нам письменных памятников на своем языке. Но так как, по мнению Копитара и Шафарика, полабский язык составлял средину между чешским и польским, то г. Гедеонов и прибегает к этим последним, чтобы объяснить заимствованием от Вендов такие встречающиеся в русских памятниках слова и выражения, как: уклад, рало, смильное, свод, вымол, чин, утнет, поженет, кмет, комонь, хоть (супруга), болонь, уедие, яртур, Стрибог, Велес, отня злата стола, свычая и обычая, онако, троскотать, убудити (разбудить) и пр. и пр. (см. 309 стр. и след.). Натяжки на мнимое вендское влияние слишком очевидны, чтобы о них можно было говорить серьезно. Этому мнимому влиянию приписывается, между прочим, и то, что принадлежало несомненно влиянию церковно-славянского языка. А если такие слова, как павороз (веревка), серен (роса) и т. п., в настоящее время утрачены, сделались для нас непонятными и смысл их может быть объяснен с помощью польской и чешской письменности, то это есть самое естественное явление, и нет никакого основания объяснять его призыванием варягов с вендского поморья.

Также гадательны доказательства вендского влияния на обычаи. Например, бритая голова Святослава сближается с описанием Святовитова идола и с изображением чехов на миниатюрных рисунках XI и XII вв. (360 и след.); но при этом упускается из виду, что древнеболгарские князья тоже ходили с "остриженными главами". Обычай русских князей и дружины ездить на конях будто бы перешел к нам от вендов, и при этом несколько ссылок на источники, которые показывают, что действительно князья и воеводы у поморян и чехов ездили верхом на конях (367). Да и самые воеводы, с их значением судей и наместников, явились на Руси вследствие вендского влияния; ибо "о воеводах у вендов, ляхов, чехов свидетельствуют все западные источники" (следуют ссылки на Мартина Галла, Кадлубка, Богуфала и пр. (390- 292 стр.). Увлекаясь подобною аргументацией, ав-

тор рискует вызвать следующий вопрос: известно, что наши князья и бояре в XII веке обедали и ужинали; не был ли этот обычай принесен к нам в IX веке с Балтийского поморья?

По мнению автора, "Рюрик привел с собой не более трех, четырех сот человек" (172). Цифра, конечно, взята совершенно гадательная; однако выходит так, что эти три, четыре сотни не только устроили государственный быт многочисленных восточнославянских народов, но и внесли значительные новые элементы в их язык, религию и обычаи. Таким образом г. Гедеонов, сам того не замечая, вступает на тот именно способ норманофильских, доказательств, который он столь победоносно опровергает в отрицательной части своего труда. Известно, что норманисты-историки всякое историческое свидетельство, относящееся к Древней Руси, перетолковывали посвоему; норманисты-филологи множество чисто русских имен и слов производили из скандинавских языков; а норманисты-археологи, раскапывая курганы, везде находили следы целой массы норманнов. Такой же ряд натяжек представляет IV глава данного исследования, посвященная Призванию. Автор находит даже "темное предание" об этом призвании у арабского писателя Эд-риси (137), хотя в приведенной им цитате нет ничего даже подходящего. Мифический Гостомысл является "представителем западнославянского начала в Новгороде" (139). "Вместе с Рюриком вышли к нам и Морозовы" (143. Ссылка на Курбского, как будто на какое-либо несомненное свидетельство. А в примеч. 53 прибавляется, что ; откуда взято это прибавление - не сказано; во всяком случае оно ничего не доказывает). Автор признает существование князей у славян восточных, но полагает, что новгородские славяне предварительно прогнали своих старых князей на юг, а потом и призвали к себе новых с Балтийского поморья (146), и т. д. и т.д.

Но почему же искусный обличитель норманофильских натяжек должен прибегать к натяжкам еще менее состо-

ятельным при созидании своей собственной теории? Очень просто. Потому что он идет от одного с ними исходного пункта, т. е. считает историческим фактом басню о призвании варяжских князей. А на этой почве, как мы сказали, норманизм всегда будет сильнее своих противников, потому что летопись говорит о варягах скандинавских, а не вендских, в чем невозможно сомневаться. Варяго-скандинавские дружины X и XI вв. нанимались в службу русских князей не только по известию нашей летописи, но и по свидетельствам иноземным, каковы Византийцы и саги исландские. Куда же деваться с этими несомненными скандинавами на Руси, о том г. Гедеонов, кажется, и не подумал серьезно. Мы же утверждали и повторяем, что именно присутствие этих наемных дружин, а также дружественные и родственные связи наших князей с скандинавскими (особенно Владимира и Ярослава) и самая слава норманнов послужили поводом к происхождению басни о призвании варяжских князей. О каких-либо славяно-балтийских князьях и дружинах при этом нет и помину. Жаль, очень жаль, что г. Гедеонов, уже 30 лет тому назад задумавший вступить на борьбу с норманизмом, в течение этого довольно долгого срока не напал на мысль: подвергнуть историко-критическому анализу самую легенду о призвании. Напади он на эту мысль, при его несомненном критическом даровании и соответствующей эрудиции, он наверное пришел бы к иным выводам и многое разъяснил бы в нашей первоначальной истории. Хотя окончание его исследования совершено три-четыре года после начала нашей борьбы с данною легендою, но понятно, что уже было поздно вновь пересматривать самые основы большого труда, почти законченного. При этом не могут же главнейшие представители какой-либо системы легко с нею расстаться. И если мы вели усердную борьбу с противниками, то имели в виду не столько убедить их самих, сколько раскрыть их слабые стороны и поставить дальнейшую разработку вопроса на почву исто-

рическую (по нашему крайнему разумению). Такие примеры, как Н.И.Костомаров, благородно отказавшийся от Литовской теории, редки.

Г. Гедеонов мимоходом упоминает обо мне в предисловии; причем сообщает нечто для меня совершенно новое и неожиданное. Он говорит о каком-то "неподдельном, радостном сочувствии, с которым была встречена норманнскою школою вновь вызванная г. Иловайским к (кратковременной, кажется) жизни, мысль Каченовского о недостоверности дошедшей до нас древнейшей русской летописи" (IX стр.). Признаюсь, я и не подозревал, что мои противники-норманисты только по наружности ворчали на мою Роксоланскую теорию, а что в действительности они ей очень обрадовались. Не знал я также, что Каченовский предупредил меня в систематическом опровержении легенды о призвании князей. Сам я полагал, что могу относить себя к школе историка-критической; но меня стараются уверить, что я только последователь скептической школы Каченовского. Пожалуй, из-за названий спорить не будем.

Затем г. Гедеонов слегка полемизует со мною в первом примечании к своему исследованию. Он не отвечает на мои "общенаучные соображения" относительно несостоятельности легенды о призвании, уверяя, что на них "можно найти готовые ответы у Шлецера, Эверса, Круга, Погодина и других". Может быть, у этих других, мне неизвестных, и существуют означенные ответы, но упомянутые ученые, как известно, состоятельность самой легенды ничем не доказали, да о ней почти и не рассуждали, принимая ее просто за факт. Г. Гедеонов берет только мое мнение о летописных редакциях: причем приписывает мне положение, что "киевская летопись варягов не знала", что "они плод воображения новгородского составителя" и что второе "извращение древней летописи" произошло в XIV-XV вв. Тут мнение мое передано более чем неточно. Я говорил о том, что легенда в известной нам летописной редакции не сохранила своего

первоначального вида, - это главное мое положение - и затем, что она, вероятно, новгородского происхождения. О последнем можно спорить, тогда как первое я считаю фактом и представил свои доказательства, которых никто доселе не опроверг. Я утверждал, что первоначальная летописная легенда отделяла Русь от Варягов, а более поздняя ее редакция (не ранее второй половины XII века) смешала их в один небывалый народ Варяго-русов. Г. Геденов такое "умышленное" искажение текста писателями считает "неслыханным, беспримерным фактом"; хотя об умышленном (в нашем смысле) искажении никто не говорил. Подобные возражения со стороны норманистов нас не удивляли; но удивительно их слышать от автора того исследования, которое служит очевидным подтверждением моего мнения об искажении первоначальной редакции. Г. Геденов признает Русь народом туземным (см. XIII главу), а варягов пришлым с поморья. Известная же нам летописная редакция несомненно понимает варягов-русь как один пришлый народ. Каким именно образом г. Геденов объясняет себе это противоречие, из его исследования трудно понять. Вообще он в одно и то же время признает легенду с ее искаженной редакцией и позволяет себе существенные отступления названия русской земли от пришлых варягорусов; но исследователь считает это производство домыслом самого Нестора (463), а имя Руси ведет от рек. Аскольда и Дира он называет пришлыми варягами; исследователь же считает Аскольда венгром, наместником хазарского хагана, а Дира потомком Кия (492). Приведенных примеров, надеюсь, достаточно, чтобы судить о том, имеет ли славяно-балтийская система какую-либо будущность в нашей науке?

Один очень почтенный историк, отдавая справедливость отрицательной стороне исследований г. Геденова и не соглашаясь с его положительной стороной, прибавил: "То же должно сказать об исследованиях г. Иловайского". Я не совсем понимаю это тождество, так как моя положительная

сторона сама собою вытекает из отрицательной. Я доказываю, что Русь не была пришлым и неславянским народом; а если так, то отсюда ясно следует, что она была народом туземным и славянским. Следовательно, никакой искусственной, придуманной теории я не создаю, а просто произвожу критическую ампутацию того легендарного нароста, который уселся на самом корне русской историографии. Поднимать при этом вопрос о достоверности летописи вообще, по моему мнению, значит уклоняться от вопроса прямого. Никто этой достоверности в настоящее время не отвергает; дело идет только о некоторых проникших в летопись легендах, которые ничем не подтверждаются. Мы только сейчас указали, что сами ученые, отстаивающие басню о призвании варягов-руси, принуждены отступать от нее в некоторых существенных ее чертах. Точно так же упомянутый выше достоуважаемый историк по отношению к данному вопросу принадлежит к той группе норманистов, которые признают, что Русь уже существовала на юге России до так называемого призвания варягов, но каким-то образом думают примирить этот факт с басней о призвании. Такое примирение, конечно, уничтожится само собою, как скоро от возражений отрывочных и частных они перейдут к систематическому, научному построению своей средней теории. Идя логическим путем от того положения, что Русь несомненно существовала у нас до второй половины IX века, они неизбежно придут к Роксоланам. Приведу пример их отрывочных возражений. "Можно ли предположить, что сыновья Ярослава, правнуки Рюрикова внука, забыли о своем происхождении?" Отвечаю: очень и очень возможно. Притом "Повесть временных лет" написана даже не при сыновьях Ярослава, а при его внуках, спустя 250 лет после мнимого призвания князей ("История России" Соловьева. Т. I. Изд. пятое. Примеч. 150).

Кстати, пользуюсь случаем сказать несколько слов по поводу рецензии на мои две книги многоуважаемого Н. И.

Костомарова (см. "Рус. Стар." 1877, No 1), собственно по поводу его замечаний на "Розыскания о начале Руси". Он, повидимому, сомневается, относительно филологического тождества Роксалан и Руси. Но это тождество мы считаем несомненным; слова Рось и Алане, сложенные вместе, у греко-латинских писателей никакого другого имени (книжного) не могли и произвести - как Роксалане. Некоторые из этих писателей причисляют их к Сарматам; но что под именем Сарматов тогда скрывались и славянские народы, в том также едва ли ныне может быть какое сомнение. Тождество самой страны, в которой являются и Роксалане и Русь, не допускает предположения, чтобы в их именах могло быть только случайное созвучие. Что касается до моих филологических доказательств, особенно по поводу русских и болгарских имен, то вообще мои оппоненты, сколько я заметил, не обращают внимания на самое главное. Объяснения мои в большинстве случаев только примерные, о чем ясно и неоднократно сказано в моей книге. Только за некоторые свои филологические выводы я стою решительно; они тоже указаны, и никто их пока не опроверг. Я постоянно повторяю, что в настоящее время не признаю за филологией возможности объяснить удовлетворительно даже и сколько-нибудь значительной части древнерусских и древнеболгарских имен. Приемы, употребленные ею до сих пор, вертелись или на созвучии, или на родстве корней, или на общности некоторых имен у славянских и германских народов. Обращу внимание при этом на следующее обстоятельство. Объяснялись славянские имена из скандинавских языков, или из финских, или из татарских; русские ученые обыкновенно молчали и не находили даже ничего странного в таких объяснениях. Но это происходило главным образом от незнакомства с упомянутыми языками, и вопиющие словопроизводства казались прежде строго филологическими объяснениями.

Мои же попытки обзываются натяжками, произволом и т.п., хотя я и не думал в этом случае давать положительные словопроизводства, а только указываю на возможность иных объяснений и допускаю к ним бесконечные поправки. Но тут ясно выступает на сцену не раз указанная мною привычка русских ученых отвергать принадлежность славянскому языку тех слов, которые с первого же взгляда не поддаются объяснению из этого языка. Между тем я постоянно твердил и повторяю, что к личным и географическим именам, особенно древним, невозможно так относиться; что всякие их объяснения только гадательные, при настоящих приемах и средствах науки. Укажу и на пример г. Гедеонова. В его книге многие древнерусские имена объясняются с помощью славянских наречий, и при всей ученой обстановке этих объяснений только часть их имеет некоторую степень вероятности; а положительно они не могут быть доказаны. Говорил я также не раз, что не только древние имена, в которых могли быть искажения, заимствования, наслоения, но и самые употребительные наши слова не могут быть объяснены из одного славянского языка, а только с помощью других арийских ветвей, да и то объяснены приблизительно и отнюдь не окончательно; например: Бог, Днепр, конь, тур, боярин, сокол и пр. и пр. Любопытно также, что не только ученые люди на веру соглашались с словопроизводствами, например, древнеболгарских имен из татарских или финских языков, но и сами словопроизводители не знали этих языков. В подобном обстоятельстве мы должны, между прочим, упрекнуть и знаменитого Шафарика. Имена болгар Дунайских и Камских он собирает в одну группу (что повторяет и мой рецензент); причем и те, которые очевидно были занесены на Каму от арабов вместе с исламом, пошли также в доказательство не славянского происхождения Болгар. Титул, которого происхождение неизвестно, вроде "Булий (т. е. велий) таркан", который мог быть и заимствован, также пошел в число этих доказательств. Разве

слово эсаул может доказывать неславянство наших казаков? Несоввершенство филологической науки относительно этимологических вопросов лучше всего обнаружилось в том, что она не подозревала широко распространенного закона осмысления и часто принимала за коренное значение то, что было только позднейшим осмыслением. Попросил бы я также выписать из Ипатьевской летописи все имена литовских князей и попытаться хотя бы половину их объяснить из одного литовского языка.

Славянство болгар я не только не считаю сомнительным, а, напротив, позволяю себе упрекнуть историков и филологов, когда они упускают из виду один из самых крупных исторических законов. Говорю о трудности и медленности, с которыми сопряжено перерождение одного народа в другой. История нам представляет, наоборот, живучесть народностей и их языков. А таких примеров, чтобы сильный народ завоевателей легко, скоро и радикально обратился в народность совершенно ему чуждую, им покоренную и очевидно сравнительно с ним слабую, таких примеров не только не было, они и немислимы. Приведенные против меня аналогии, каковы балтийские славяне, мордва и литва, не опровергают этого закона, а вполне его подтверждают; при всем подчиненном положении своем, сколько веков сохраняли они свою народность, а частью сохраняют ее и доселе, когда приемы ассимиляции сравнительно с средними веками значительно усовершенствовались (школа, церковь, администрация, судопроизводство и т. п.). История не знает болгар другим, неславянским народом. Толки о их неславянстве основаны главным образом на запутанном употреблении имени гуннов в источниках. Какому народу принадлежало это имя первоначально, пока оставляем вопросом. Я не имел в своем распоряжении столько времени, чтобы пересмотреть его специально, систематически, всесторонне, и потому оставил его открытым, указав, однако, на вероятность его решения в пользу тех же славяно-болгар. Но что-

бы поселившиеся на Дунае болгаре были турецкая или финская орда, быстро превратившаяся в славян, это я считаю мнением предвзятым, ненаучным, антиисторическим. Понятно, что за неимением прочных основ оно пробавляется некоторыми трудно объяснимыми именами или несколькими фразами неизвестного происхождения и неизвестно откуда попавшими в один болгарский хронограф, которого время и место составления также неизвестно. Любопытно и то, что противники славянского происхождения обращаются с своими соображениями то к финнам, то к татарам, как будто это одно и то же! Эти противники даже не потрудились задать себе самый простой вопрос. До основания Болгарского царства на Балканском полуострове мы знаем славян только сербской ветви. Стало быть, пришлые болгаре должны были бы усвоить себе сербский язык или произвести язык смешанный, вроде романских. А вместо того мы видим, что, наряду с сербским, является другой такой же чистый славянский язык, распространившийся от Нижнего Дуная и Черного моря до Архипелага. Скажите, пожалуйста, откуда взялся этот цельный, богатый и гибкий славяно-болгарский язык, если болгаре были не славяне? Противники могут спорить сколько им угодно; но они никогда не опровергнут непреложных исторических законов и исторических фактов. Говорю все это к слову, и только по поводу упомянутой рецензии, а никак не в виде препирательства с ее достойным автором, который, сколько я мог заметить, в сущности, ставит вопросы, но не принимает решительно ни той, ни другой стороны⁴.

Postscriptum. После того как статья моя была написана, на днях получил я первую книжку *Historische Zritschrift* Зибеля за текущий год. Там в литературном обозрении есть рецензия Альфреда фон Гутшмид на Каспий, известное сочинение нашего академика Б. А. Дорна, снабженное дополнениями и примечаниями другого, А. А. Куника. По поводу "варангомахии" последнего рецензент не преминул заметить,

что вне России даже трудно понять, каким образом еще может существовать вопрос: были ли древние руссы и варяги норманнами или славянами? Русские историки, говорит он, делятся на школы, норманнскую и антинорманнскую, а г. Куник в "Каспии" вновь дает "научно единственно возможное решение вопроса в норманнском смысле". Между прочим, рецензент указывает на трактат г. Куника о русских хеландиях, и прибавляет, что эти хеландии "одним из корифеев антинорманнской школы, г. Иловайским, были выставлены как решительный исторический факт" в свою пользу.

Во-первых, как известно, антинорманисты не составляют одной школы, утверждающей, что русь и варяги были славянами. Всего менее может относиться такое положение ко мне, хотя я и назван одним из корифеев этой школы. Варягов я отнюдь не считаю славянами. Во-вторых, уже год тому назад я заявил свое согласие с доказательствами г. Куника, что пресловутые хеландии надобно понимать в смысле красных, а не русских. Притом я не только никогда не выдвигал их вперед как решающий исторический факт, а, напротив, совсем не поместил их в число своих 30 пунктов. Вообще рецензент, по всем признакам, незнаком с настоящим положением вопроса; а между тем говорит о нем самым положительным тоном, берет под свою защиту якобы униженного Нестора и грозит какою-то Немезидой дурно понятому патриотизму, дерзнувшему "отстаивать чисто славянское происхождение Русского государства".

Подобные статьи невольно возбуждают вопрос: от чего это немцам так неприятна мысль о чисто славянском происхождении Русского государства и с какой стороны рельефнее выступает дурно понятый патриотизм, проникший в область науки?

1 Из журнала "Русская Старина". 1877. Март. По поводу сочинения С. Геденова "Варяги и Русь". Спб. 1876 г.; два тома.

2 Кроме известия летописи о Святославе, раскопки г. Самоквасова также свидетельствуют, что языческая Русь не только ездила верхом на конях, но и употребляла их в пищу.

3 К той же системе примыкает и теория г. Забелина, какою она является в первой части его "Истории русской жизни". М. 1876. До половины IX века он для истории Южной Руси держится Роксаланской теории; но около этого времени сворачивает на легенду о призвании князей, которых ведет с славяно-балтийского поморья. В призвании, по его мнению, участвовали с новгородцами и киевляне (437 стр.). Приложенная к его труду карта Померании XVII в., сама по себе любопытная, ничего не доказывает по отношению к данной системе.

4 Заговорив о рецензии Н. И. Костомарова, приведу и еще одно его возражение по поводу другой, не славяно-балтийской теории. Ни с чем несообразное мнение о финском происхождении руссов время от времени находит тоже своих последователей. Для любопытствующих укажу на теорию Волжско-Финской Руси г. Щеглова: "Новый опыт изложения первых страниц Русской истории" (Спб. 1874) и "Первые страницы Русской истории" (в Ж. М. Н. Пр. 1876. Апрель). Теория эта несерьезна, и если бы норманизму пришлось иметь дело только с подобными домыслами, то его господство было бы бесконечно. В последнее время уважаемый В. В. Стасов выступил с статьей, в которой пытается доказывать, что руссы Ибн Фадлана не есть славянский и вообще арийский народ, а скорее должны быть признаны финским или тюркским народом. ("Заметки о Русах Ибн Фадлана и других арабских писателей". Ж. М. Н. Пр. Август. 1881 г.) Доказательства его основаны на разных этнографических соображениях, в высшей степени натянутых и гадательных. Тем не менее Н. И. Костомаров принял сторону этого мнения, и в подтверждение его выставил приводимое еще г. Щегловым известное место русской летописи под 1229 г.: "победи Пургаса Пурешов сын с Половци и из-

би Мордву всю и Русь Пургасову". Г. Костомаров думает, что это не просто какая-нибудь русская сбродная дружина, бывшая на службе у мордовского владетеля Пургаса, а что эта Русь есть целый особый народ финского или турецкого племени. Он руководствуется тем соображением, что "в данную эпоху только Киев и прилегавшие к нему земли назывались Русью", а что население северных областей летопись Русью не называет. В доказательство чего приводит ряд цитат из летописи (Вестник Европы. 1881. Декабрь). Ни с чем несообразно было бы предположить, что летопись наша знала о существовании какого-то особого финского народа Русь и проговорила о нем только один раз, мимоходом. При том если бы эта Русь была финское племя, над которым княжил Пургас, то к чему же рядом с ним отдельно упоминается Мордва? Но тут же в летописи Пургасова волость названа не русскою, а мордовскою. Самый же важный недосмотр достоуважаемого Н. И. Костомарова заключается в том, что он не обратил внимание на известие той же летописи, занесенное под тем же годом, несколькими строками ниже, по поводу мученической смерти Авраамия в Болгарах. С"е бысть инога языка, не русского, крестьян же сы", "Его же Русь крестьяне взявше тело положите в гробе, иде же все крестьяне лежать". Вот эта славянская Русь, торговавшая в Великих Болгарах, равно опровергает домысел и В. В. Стасова, и Н. И. Костомарова. В первой половине XIII века она точно так же является там торговым людом, гостями, как и в первой половине X века, при Ибн Фадлане; только теперь она не языческая, а христианская. То же место летописи поясняет, что киевское население называлось по преимуществу Русью в сравнении с другими русскими областями, а в сравнении с инородцами и северное население также называлось Русью, Русским языком. Позд. прим

К вопросу о болгарах I

В 1874 году впервые было напечатано мое исследование "О славянском происхождении Дунайских болгар". Как и можно было ожидать, исследование это, идущее вразрез с накопившимися воззрениями на славян, многими было встречено неприязненно. Мнение о вялости, пассивности и неспособности славян к созданию государственного быта, пущенное в ход и своими и чужими авторитетами и поддержанное нашею модною склонностью к самоотрицанию, до того укоренилось, что, например, даже люди, специально занимающиеся славянством, иногда оказываются нежелающими самостоятельно, критически отнестись к этому мнению, проверить его по источникам и фактам. Пока дело ограничивалось голословным отрицанием и никто не брал на себя труда выступить против меня с критическими и фактическими опровержениями, то и я не имел случаев подтвердить свои выводы. Только в последнее время начали представляться подобные случаи, которыми я полагаю воспользоваться в настоящей своей заметке.

Известный специалист по славянству, профессор Варшавского университета г. Макушев, в своей критике "Истории болгар" Иречка, коснулся и моего исследования об их происхождении (Ж. М. Нар. Пр. 1878 г. Апрель). Этому основному в истории болгар вопросу он посвятил немного внимания, всего около пяти страниц; но и тут успел высказать довольно много погрешностей фактических и критических. Кому сколько-нибудь знакомому с данным вопросом неизвестно, что главным основанием для Шафарика и других считать болгар не славянами послужила их связь с гуннами. В моем исследовании указано на это основание и приведены самые источники, где болгарские народы причисляются к гуннам. Г. Макушев замечает, что "это положительно неверно", т. е. что такого основания не было. И затем

приводит из Шафарика цитату, меня подтверждающую, прибавляя, что Шафарик "говорит не об имени, а о родстве болгар с гуннами". Да родство-то это на чем же он основывал, если не на том, что болгары у некоторых писателей называются гуннами? Дело в том, что я в своем исследовании старался выделить болгар из общей массы тех народов, на которые распространялось имя гуннов; вопрос о гуннах Аттилы считаю пока открытым; "но каково бы ни было его решение, болгаре во всяком случае останутся чистыми славянами" (Розыск. о нач. Руси, 410. Перв. изд.). Следовательно, как же можно было утверждать, что название болгар гуннами не послужило главным основанием для теории Шафарика и других о финском или угорском происхождении болгар.

Далее г. Макушев говорит, что "арабские писатели строго отличают болгар от славян и Руси и сближают их с хазарами". Опять не понимаем, как можно говорить подобную неправду, вопреки самым положительным свидетельствам. А главнейшие свидетельства мною указаны. В действительности арабские писатели не только не различают строго, а напротив, смешивают болгар со славянами, и сами Камские болгаре считали себя народом, смешанным из турок и славян. Таким смешанным народом я их и признаю. О моих филологических доказательствах г. Макушев выражается кратко, что они "несостоятельны и произвольны". По его словам выходит, будто я положительно объясняю Куврата коловратом, Батбая батюшкой и т. д., а между тем я предлагаю только примерные сближения. Какие из них окажутся удачны, какие неудачны, пусть решит беспристрастная филологическая наука; может быть, некоторые она примет к сведению. Но пока никто не дал ровно никаких объяснений для этих имен; мы встречаем только голое заявление, что они якобы не славянские и не могут быть славянскими. Возьмем хоть имя Кормисош. Спрашиваю: "почему бы оно не могло быть славянским? почему, например,

оно не может быть одного корня с словами кормило и кормчий, или корм и кормилец?" В самом деле, пусть г. Макушев по всем правилам филологического искусства попытается доказать, что этого не может быть на основании таких-то и таких-то лингвистических законов. Голословно-то отрицать может всякий; для этого не нужно быть ученым специалистом.

Любопытны также рассуждения г. Макушева об этнографических чертах, которые будто бы ясно как день доказывают неславянство болгар. Правда, от некоторых из этих черт, сгруппированных Шафариком, он уже отказывается (клятва на обнаженном мече, употребление человеческих черепов вместо чаш, и проч.), но все еще решительно стоит за другие, которые, по его словам, "противоречат положительным нашим сведениям о быте, нравах и обычаях не только славян, но и родственных (т. е. арабских) народов". В числе этих ужасных туранских черт все еще находятся - конский хвост вместо знамени, тюрбаны на головах, сидение поджав ноги и проч. Замечательны эти тюрбаны или чалмы, которыми толкуются слова источника *ligatura lintei* (буквально: полотняная повязка). Во-первых - почему это непременно означает ничто другое, как чалму? А во-вторых - откуда г. Макушев почерпнул такое сведение, что чалма есть признак финской народности? (Он считает болгар финнами вслед за Шафариком.) Из источника видно, что новообращенные болгары, входя в церковь, не снимали свой обычный головной убор. В глазах Шафарика это был явный признак неславянства; для его времени оно и неудивительно. Но г. Макушеву, заявляющему притязания на "положительные сведения о быте" славян, должно бы быть известно, что, например, русские князья еще в конце XI века слушали богослужение в храме, не снимая клобуков. Для Шафарика и "принятие святыни распоясавшись" было признаком неславянства. А между тем митрополит Киприан еще в 1395 году в своем послании псковскому духовенству поучает, чтобы

мужчины, приступая к святому причастию, припоясывали свои шубы и опашни (Ак. Ист., I, 18). Или что это за доказательство туранского происхождения, если на знаменах болгар-язычников (или выходящих из язычества) развевался конский хвост? Откуда мой противник почерпнул убеждение, что такое знамя могли употреблять только финны (прибавим и турки)? Известно ли ему, что монголо-татарские ханы на главных своих знаменах, предпочтительно перед конскими, употребляли хвосты яков, т. е. буйволов.

Мы не обвиняем г. Макушева в недостатке сведений. Его труды по некоторым отделам славянских древностей известны и весьма почтенны. А всего знать невозможно. Мы хотим только сказать, что не следует так поверхностно относиться к одному из важных вопросов, входящих в круг его специальности. Чтобы высказывать свой решительный приговор над моим исследованием, надобно было подкрепить этот приговор какими-либо действительно научными доводами.

Г. Макушев говорит, что учение Шафарика о финском происхождении болгар было развито Гильфердином и Дриновым. Кто справится с трудами этих уважаемых славистов, найдет там простое последование за мнением Шафарика, а не какое-либо научное развитие этого мнения. В том-то и дело, что, не подвергая его всестороннему критическому анализу, они сделали его исходным пунктом для своих трудов относительно болгар. Возьмем главное сочинение Дринова, "Заселение Балканского полуострова славянами", сочинение, исполненное эрудиции и многих дельных суждений. Он доказал, что переселения славян на полуостров начались с конца II века по Р. Х. и потом все усиливались, так что в VII веке славянское население является уже сплошной массой. С севера, из Паннонии и от Карпат, перешли сюда племена сербо-хорвато-словинской ветви. Дринов основательно отвергает рассказ Константина Багрянородного о переселении всего сербского племени за Дунай и Саву

только в VII веке, во времена императора Ираклия, и вообще западная, т. е. Сербская часть полуострова выяснена у него удовлетворительно. Но нельзя того же сказать о восточной, т. е. Болгарской части. Перечисляя имена славянских народцев, здесь поселившихся, он совсем не обратил внимания на самих болгар, хотя и приводит известия, которые указывают на их движения за Дунай, под этим именем, уже в V веке. Говоря о берзитах, смолянах, сагудатах, драговичах и пр., он как бы не подозревает той простой истины, что это только части все того же болгарского племени. Называя рассказ византийцев о приходе Аспаруха (собств. Аспариха) с болгарами в 678 г. баснословным, он все-таки следует этому рассказу и верит в необычайно быстрое основание и распространение Болгарского государства. Указывая в славяно-болгарском языке следы разных стихий, как-то: древних обитателей (Фракийского семейства), римлян, греков, германцев, сербов, румын, он совсем упустил из виду самый естественный вопрос: как же это болгары, господствуя над славянами и потом сливаясь с ними, не внесли никакого финского элемента в язык покоренных, будучи сами финнами?2

При такой теории нельзя понять, откуда же на Балканском полуострове явились именно два славянских языка: сербский и болгарский. Как и всякий другой язык, болгарский имеет разные местные наречия; но все-таки сам-то он откуда бы взялся, если бы неславянские болгары покорили разные племена славян, пришедшие на Балканский полуостров в разное время и с разных сторон? Замечателен также следующий факт. Г. Дринов приводит разные свидетельства о народе Уругундах или Буругундиях, которые уже в III веке жили около Дуная и Карпат, делали вторжение в империю и были во вражде с готами. Он дельно доказывает, что этот народ принадлежал к славянам и что его не следует смешивать с немецкими Бургундами. Те же Буругундии или Буругунды являются далее у писателя VI века Агафия; Ша-

фарик считает их частью болгарского народа, что несомненно вытекает из источников. Но г. Дринов отвергает в этом случае мнение Тунмана и Шафарика. На каком же основании? Да в таком случае, говорит он, "само собой рушилось бы учение об угорской, или, как выражается Шафарик, чудской народности болгар". (Чт. Об. И. и Др. 1872, кн. 4.)

Надеюсь читателю ясно, что г. Дринов, будучи сам болгарин, обнаружил слишком мало самостоятельности и беспристрастия в своем исследовании по отношению именно к болгарам. Собственные изыскания наводили его на истину, а он постоянно уклонялся от нее в сторону, чтобы как-нибудь не изменить учению Шафарика о чудском происхождении болгар!

Обращаясь к сочинениям покойного Гильфердинга, мы также найдем только бездоказательное повторение того же учения. (Эта частность, конечно, ничего не значит в сравнении с его заслугами славянству.) Единственную прибавку к доказательствам Шафарика он сделал по поводу "Росписи болгарских князей", изданной в 1866 г. А. А. Поповым в его "Обзоре хронографов". Там при каждом имени князя находятся какие-то непонятные фразы. Гильфердинг взял мадьярский лексикон, да и разъяснил эти фразы. А вывод, конечно, вышел такой, что тут мы имеем перед собой остатки того финского языка, которым говорили болгары до своего слияния с славянами. Казалось бы, чего проще было вместо мадьярского лексикона обратиться в данном случае к финнологам; их же в Петербурге довольно. Я с своей стороны обращался к покойному профессору Московского университета Петрову, известному ориенталисту. Он несколько был знаком с мадьярским языком, но в данных фразах не мог добиться никакого смысла. Показывал я их одному образованному финляндцу и спрашивал его, напоминают ли эти фразы ему сколько-нибудь родной язык. Он отвечал, что они ему совершенно чужды. Впрочем, мои справки оказались излишни. Опровержение чудской теории по поводу

этих фраз в настоящее время является с другой стороны: со стороны тюркской теории достоуважаемого А. А. Куника.

Новейшие разыскания г. Куника явились в приложении к XXXII тому Записок Академии Наук, носящему заглавие: "Известия алБекри и других авторов о Руси и славянах". Отрывки из этих известий помещены здесь с переводом на русский язык барона Розена. Самую существенную часть их составляет неизданная доселе записка еврея Ибрагима Ибн-Якуба, жившего в X веке. Эта записка, между прочим, изображает Дунайских болгар славянами. Но подобное обстоятельство нисколько не смущает нашего изыскателя: ведь болгаре к X веку успели радикально превратиться в славян! Мы обратим внимание собственно на помещенные затем, независимо от ал-Бекри, два "Разыскания" А. А. Куника: 1) о родстве болгар с чувашами и 2) о тождестве Руси с норманнами. В настоящей статье будем говорить только о первом "Разыскании", предоставляя себе ко второму обратиться впоследствии.

Приемы, употребляемые А. А. Куником в данном вопросе, настолько любопытны, что я позволю себе специально на них указать. Достоуважаемый академик обвиняет Шафарика в том, что "он внес в этот вопрос неисправимую путаницу, назвав "болгар уралофинским народом" (123); говорит, что подборники финского происхождения не представили ровно никаких доказательств в пользу своего мнения о болгарях (124) и что вопрос о гуннах и Аттиле также напрасно решен в мадьярском смысле (149). Против таких положений мы, конечно, возражать не будем. Но читатель тщетно будет искать в данном "Разыскании": на чем же основалось мнение самого автора о болгаро-турках? Перед нами часто мелькают выражения, вроде следующих: болгары, как народ тюркской расы, несомненно переселились в Европу с Алтая (147); "будучи тюркским конным народом, болгары не могли посеять никаких семян цивилизации среди подвластных им славян" (150). А между тем тщетно вы бу-

дете искать указания на то, какие источники называют их турками или говорят об их пришествии с Алтая. Напротив, Моисей Хоренский, писатель V века, повествует о вторжении болгар с высот Кавказа в Армению, около 120 г. до Р. Х., и прибавляет, что местность, где они поселились, получила название Вананд. Последнее название естественно некоторые отождествляли с вендами и с антами. Против всего этого сильно восстает почтенный академик. И название венды будто только употребилось скандинавами, финнами и готами, и анты будто бы в действительности были не славяне, а только "династы азиатского происхождения". И чтения-то названий все извращенные. Наконец, и самого-то Моисея Хоренского, Гутшмид уже "сдвинул как историка с пьедестала" (1478). Правда, есть еще известие одной греческой хроники III века по Р. Х., в которой болгаре также приурочиваются к Понту или Кавказу: *Ziezi ex quo Vulgares*. Но такая заметка "весьма может быть приписана впоследствии" (148). Что сказать о подобных академических приемах, с помощью которых устраняются все исторические источники, противоречащие излюбленной теории?

На прямых исторических свидетельствах невозможно основать тюркскую теорию. Но для этого существует сравнительная лингвистика, кстати, наука еще очень молодая, едва наметившая общие основы и в частности своих представляющая пока великий простор спорным мнениям и теориям, особенно когда речь заходит о славянах. Тут камнем преткновения являются имена, взятые из эпохи языческой. Их можно объяснять из какого угодно языка; имена Руси и Болгар наглядный тому пример. Только не пытайтесь, хотя бы примерно, сблизать их с славянским языком; на это уже заранее вопиют, что всякая подобная попытка в высшей степени ненаучна!

Вот образцы тюркских объяснений А. А. Куника для болгарских имен в помянутой росписи князей. Сообщаем суть этих объяснений:

Авитохол, "Вероятно, не точно передано переводчиком Именика на славянский язык". Следует ли читать Абитохол, - решит, вероятно, со временем древнетюркская оноματοлогия".

Ирник. "Вероятно, в греческом тексте тут была буква эта (Н). Напоминает Эрнаха одного из сыновей Аттилы". (Припомните, что вопрос о народности Аттилы и гуннов г. Кунник пока еще не решает.)

Гостун. "Конечно, звучит совершенно по-славянски; но ведь можно и тюркскому имени, извратив его, придать славянскую форму". "Очень может быть, что форма Гостун принадлежала к числу заимствованных тюрками прежних слов".

Безмер. "Звучит опять совершенно по-славянски; но невозможно в древних памятниках указать другое подобное имя". "Едва ли мы ошибемся, предположив, что в греческом оригинале вместо него стояло Базиан". (Я думаю, что ошибемся).

Эсперих. "Иранская форма его легко может быть объяснена" - соседством Алан.

Имена - Курт, Тервел, Севар, Кормисош, Телец, Умор - остаются без филологических объяснений, хотя о каждом из них что-то такое говорится. Читатель, конечно, с удивлением спросит: да где же тут хотя тень доказательства тюркскому значению болгарских имен, приведенных в росписи? В числе болгарских бояр действительно могли встретиться люди восточного, инородческого происхождения, как это было и у русских. Но отсюда еще не вижу необходимости, например, имя Сурсубул или Сурсувул непременно сближать с турецким Дизавул. У греков тоже были подобные имена или прозвища, например Тразибул, византийское хризовул или еврейское вельзевул разве должны быть также татарские слова? (кстати: что значит Сунбул, прозвище Федора Ивановича, родоначальника старой рязанской фамилии Сунбуловых? Предки его вышли в Россию не из половцев

или татар, а из Литвы). А, главное, я напомним такие имена, которые ближе всего имеют отношение к данному случаю, т. е. румынские. В староболгарских грамотах встречаются имена: Сурдул, Урсул, Владул, Драгул и т. д. (см. Иречка "Историю Болгар". Глава XIII). Известно, что в составе древнеболгарских царств Влашская или Румынская народность играла очень видную роль, и академик, забывающий о таком важном обстоятельстве, тем самым обнаруживает не совсем беспристрастное отношение к предмету своего учебного "Разыскания". (Судя по ссылкам, он знаком с сочинением Иречка; но, очевидно, ищет там только одного: подтверждения своего мнения о неславянском происхождении болгар.)

Не более убедительны для нас рассуждения о титулах каган и кавкан, которые весьма немного раз упоминаются в источниках по отношению к болгарам. Во-первых, остается пока неизвестным, какому именно языку первоначально принадлежали эти титулы. А во-вторых, известно, что и древнерусские князья тоже в некоторых источниках называются каганами. Ввиду аварского и хазарского господства над припонтийскими славянами, заимствование этого титула весьма естественно. Цесарь или царь - тоже заимствованный славянами титул, однако он не служит доказательством неславянского происхождения. (И к нам от татар перешло слово тар-хан.) Некоторые сравнительные лингвисты уверяют, буд-то и князь слово не славянское, а заимствованное. Следовательно, два-три титула не могут еще служить филологическим основанием при определении народности 3. А между тем г. Куник, чтобы окончательно отуречить болгар, постоянно именуется их князей ханами, хотя нигде источники такого титула им не приписывают. Впрочем, он указывает некоторое как бы основание тому, но весьма шаткое. покойный Даскалов в одной тырновской мечети, обращенной из христианского храма, снял высеченную на колонне греческую надпись. В ней темно говорится о построении како-

го-то дома и кургана и упоминается Оморгаг (имя одного из болгарских князей IX века). В одном месте стоит непонятное Гиомомортаг, а в другом - что-то вроде омортагкани. Даскалов добросовестно предупреждает, что нет никаких указаний на то, кем и когда составлена эта надпись, что начала ее не видно, что она высечена неразборчиво и безграмотно и что слово кани не есть "хан". (Чт. Об. И. и Др. 1859, No 2.) И прибавим, нельзя разобрать, конец ли это предыдущей фразы или начало последующей. Тщетные предостережения! Если не ошибемся, Гильфердинг первый установил положительное чтение: Омортаг-хан, забыв, что такого титула не было у Чуди, за которую он принимал болгар (Соч., I, 41). Иречек повторил то же чтение в своей "Истории народа Болгарского". А г. Куник ссылается на Иречка без всяких оговорок (154); хотя ближе бы обратиться к первым рукам, т. е. к Даскалову. Но к чему тут какой-нибудь критический прием? Другое дело известия источников, подтверждающие арийское происхождение болгар; там возможны самые радикальные, самые произвольные предположения, чтобы их устранить. Но, кстати, болгары теперь сами господа в Тырнове. Желательно было бы проверить надпись (если она еще существует) и, прежде чем пользоваться ею, установить правильное ее чтение. При ближайшем рассмотрении надписи не окажется ли это кани все тем же титулом каган или хакан? 4

Перейдем к главному сравнительно лингвистическому аргументу А. А. Куника, к тем непонятным фразам в росписи князей, о которых мы говорили выше. Припомним, что Гильфердинг истолковал их таким образом: дилом твирем значит "я исполнен"; шегор вечем - "я есмь помощник" и т. д. Г. Куник, отвергая подобное толкование, предлагает объяснять эти речения в смысле числительном: они означают числа лет жизни или царствования данных князей. В числах этих он видит "поразительное сходство" с тюркски-

ми. Вот прием объяснения, употребленный им в данном случае, по его же собственному рассказу.

Задавшись мнением о татарской народности болгар, достоуважаемый академик обратил свое внимание на чувашей и усмотрел в них "если не остатки камских болгар, то все же одну из тюркских отраслей, к которой принадлежали и жители Болгарского ханства в среднем Поволжье" (120). После открытия и издания г. Поповым означенной росписи, г. Куник обратился к известному знатоку татарских языков, В. В. Радлову, с просьбою сравнить непонятные речения с разными тюркскими числительными именами и с вопросом, не найдет ли он тут близкой связи с чувашским языком. Г. Радлов сравнил и нашел. Желаящих видеть самый процесс этого сравнения отсылаю к данной монографии (138-143). Главную роль тут играют предположения об ошибках в рукописи, вероятно, кажется и если. И вот результаты: веч росписи есть то же, что чувашское виссе дилом = пилик, чет = сичча, шегор = саккыр, дохе = тукур и т. д. Сходство, очевидно, не особенно поразительное. Надобно отдать справедливость В. В. Радлову: в письме своем он сознает "всю неудовлетворительность" своих изысканий. А. А. Куник не усомнился, однако, приложить эти результаты к росписи, и, таким образом, получилось любопытное ее разъяснение. Одно только еще неудобопонятно: некоторые князья или властвовали, или жили дольше, нежели жили (sic.). Авитохол жил 300 лет, а жил двадцать пять. Ирник жил 108 лет, а лет ему было двадцать пять. Курт властвовал 60 лет, а жил тридцать восемь. Эсперих был князем 61 лето, а лет ему было пятьдесят один. Между прочим два слова, твирим и винех, которые прежде относились к тем же непонятным речениям, тут отнесены к числу собственных имен князей; хотя византийские историки таких князей не знают. Заметьте при этом, что вопрос о коренной народности самих чуваш далеко не решен. Некоторые, не без основания, считают их частью черемис, отатарившихся со времени монгольского

владычества, т. е. после XIII века; древние наши летописцы не знают чуваш, и они являются отдельным народцем в истории только с XVI века⁵. И сам А. А. Куник, в примеч. на стр. 145, вдруг высказывает такую дилемму: "Хотя без сомнения родство между хазарами и болгарами было самое близкое, тем не менее в настоящее время приходится держаться того мнения, что чувашаи составляют остаток болгарского народа, каким он был до разделения своего в V или VI столетиях. Или, может быть, чувашаи не что иное, как отуречившиеся черемисы?" Следовательно, с одной стороны, приходится считать их остатком болгар, а с другой - вопрос, кто они такие? Что же после того означают все вышеприведенные выводы о народности болгар. Любопытно также узнать, на каких достоверных свидетельствах основано, якобы несомненное, "родство между хазарами и болгарами".

Итак, во-первых, темные речения росписи еще ждут своего разъяснения; а во-вторых, к какому бы не славянскому языку они ни принадлежали, отсюда еще очень далеко до вывода, будто это и есть остаток языка самих болгар. Выходило бы, что, с одной стороны они были вполне славяне, а с другой татары, в одно и то же время, и что книжники их, неизвестно зачем, употребляли рядом числительные имена славянские и чувашские. А в самом болгарском языке все-таки никакого чувашского элемента не оказывается. Впрочем, к каким выводам нельзя прийти с помощью таких приемов!

На третьем археологическом съезде, когда я предложил результаты своего исследования о болгарях, в числе возражателей выступил и г. Ягич, хорватский филолог, тогда еще профессор одесского, а ныне берлинского университета (теперь же петербургского). Он объявил, что исследования моего не читал, но что, во всяком случае, как лицо компетентное, со мною не согласен. Я попросил предварительно прочесть и вникнуть в мои доводы. Не знаю, исполнил ли он

мою просьбу, а лягнуть копытом не преминул в своем журнале за 1876 г. (I, 593). Не знаю также, отчего сему слависту ненавистна самая мысль о славянском происхождении Руси и болгар; во всяком случае, в своей компетентности по данному вопросу он так и не убедил меня до сих пор. Я не хочу этим сказать, что г. Ягич плохой филолог. (Точно так же данное разногласие не мешает мне весьма ценить А. А. Кунника, как ученого, особенно как нумизмата и издателя памятников.) Нет, я просто не считаю сравнительную филологию наукою уже настолько зрелою, чтобы некоторые представители ее могли решать вопросы из истории языка и народа, не предаваясь гадательным, предвзятым и произвольным толкованиям. Особенно несостоятельность их обнаруживается при разборе каких-либо древних личных или географических имен. Чтобы определить народность таких имен, как Святослав, Владимир и т. п., не нужно быть ученым специалистом, а для распознавания вообще славянских или неславянских имен слависты пока не выработали решительно никакого критерия; хотя претензии ученых, подобных г. Ягичу, громадные. Надобно, наконец, сознаться, что эти сравнительные лингвисты своими пристрастными и предвзятыми теориями немало тормозят разработку древнеславянской истории. Они, повидимому, и не подозревают существования основного закона сравнительной филологии относительно живучести языков и их взаимодействия при скрещении разных народностей. Очевидно, процессы этого взаимодействия они и не думают подвергать научным наблюдениям, и для них все еще возможным представляется быстрое радикальное превращение одного народа в другой, и даже таковое превращение завоевателей в народность покоренную, с немедленным и рабски-покорным усвоением себе языка последней и с полною, бесследною потерей своего собственного. История ничего подобного нам не представляет. Приглашаю своих противников поразмыслить об этом законе и хотя ради ученого приличия сделать несколько

наблюдений, а пока они его не опрокинули я позволяю себе на его основании противопоставить историческое veto всем вышепомянутым quasi-научным лингвистическим приемам и толкованиям. Повторяю, такого превращения не было, потому что его не могло быть.

Из другого ответа г. Макушеву о том же предметеб

История человечества не знает другой формы гражданственности, помимо государственного быта. Она не знает ни одной национальности, которая выработалась бы вне этого быта. Все жившее и живущее вне его осталось на первых ступенях развития, в состоянии так называемых дикарей. Вот почему жизнь какого-либо народа только тогда и становится достоянием истории, когда он начинает выходить из племенного прозябания и слагаться в государство. Переход этот бывает более или менее постепенен и длится иногда очень долгое время. Условие, которое более всего влияет на ускорение этого процесса, есть взаимная борьба родов, племен и целых народов за землю, за господство, за существование. Эта борьба, это взаимное терпение и служит главным побуждением для сосредоточения народных сил. А что такое и есть государство, как не сосредоточение (централизация) народных сил в руках правительственных? Мы не знаем ни одного государства, которое бы сложилось без борьбы родственных или чуждых друг другу племен, без их взаимодействия. Иногда элементы и влияния, из которых возникло государство, бывают очень сложны и разнообразны. Раскрытие этих элементов и влияний составляет одну из важнейших задач исторической науки. Они важны не для одной только первоначальной эпохи; они сильно действуют и на последующее развитие. Происхождение государства кладет неизгладимую печать на всю его историю. Основания его отражаются на характере власти, на учреждениях, на целом общественном складе, на типе всей национальности. Отсюда, естественно, мы придаем большую важность тому, чтобы историческая наука возможно точнее и тща-

тельнее разъясняла происхождение того или другого государства, т. е. той или другой национальности; по крайней мере, чтобы вопрос этот был поставлен возможно правильнее для дальнейшей разработки.

Обыкновенно возникновение и развитие государственного быта значительно ускоряется, когда полудикие племена входят в близкое соприкосновение или в прямое столкновение с народами, стоящими уже на высокой степени гражданственности, т. е. с государствами цивилизованными. Ясный пример тому мы видим в Западной Европе, где возникают германские государства на пределах Римской империи и в самых областях этой империи. Подобное же явление находим и в Восточной Европе, где возникают славянские государства на других пределах или в других областях той же Римской империи, преимущественно в византийской половине. Таковы именно государства Сербское, Болгарское и Русское.

Никто не усомнился доселе в славянском происхождении государства и народности сербской. Но русские и болгаре оказались менее счастливы в этом отношении. Отрицание славянства Руси по крайней мере опирается на сплетение летописных домыслов и искажение первоначального текста нашей летописи. Об этом мы достаточно говорили прежде, не отказываемся говорить и впредь. Но любопытно, что отрицание славянства болгар не опирается ни на какие исторические свидетельства. Оно явилось просто плодом догадок и умствований со стороны немецких писателей позднейшего времени, именно с конца прошлого столетия. А с голоса немцев начали тоже повторять и славянские ученые, с знаменитым Шафариком во главе, без тщательного рассмотрения этого вопроса. Некоторые исследователи, например Венелин и Савельев-Ростиславич, пытались опровергнуть столь легко установившееся мнение, но безуспешно; виною тому было отчасти их собственное увлечение и не

совсем удачные приемы, отчасти и недостаточная еще зрелость этнологического отдела исторической науки.

Надеюсь, в моем исследовании достаточно указана историческая последовательность болгарских переселений на Балканский полуостров в течение V, VI и VII веков под именами гуннов, кутургуров и просто болгар. Я указал на важную ошибку славистов-историков, которые легендарное известие о Куврате и его пяти сыновьях принимали за исторический факт и без всякой критики повторяли рассказ о единовременном переселении болгар за Дунай в VII веке, упуская из виду их предыдущие движения. Г. Макушев проходит молчанием вопрос об этой легенде и, вообще не коснувшись исторической стороны предмета, переходит прямо к этнографической части моего исследования.

Я считал нужным рассмотреть критически все три стороны угро-финской теории, историческую, этнографическую и филологическую. А между тем, строго говоря, эта полнота для меня не была обязательною в данном случае. Всем толкам и умствованиям о неславянском происхождении Дунайских болгар историк может противопоставить свое veto единственно на том основании, что быстрое и радикальное превращение народности завоевателей и основателей государства в народность ею покоренную и очевидно ее слабейшую, такое превращение возможно только в сказке, а не в истории; в последней примеров ему нет и быть не может. Только при недостаточном сознании этого неизменного исторического закона, то есть, при недостаточной зрелости некоторых отделов исторической науки, и могла явиться помянутая теория. Правда, это естественное превращение уже бросалось в глаза и указывалось прежде; но противники славянства болгар как-то легко обходили его или прибегали к разным искусственным и произвольным домыслам вроде предполагаемой восприимчивости и благодушия диких угро-финнов. А если им указывали на соседнюю Венгрию, представляющую совершенно противоположный пример, то

сочиняли невероятную малочисленность завоевателей или измышляли огромное влияние различных географических условий и т. п. Если и приводились какие аналогии в подкрепление этой теории, то обыкновенно самые неподходящие. Например, можно ли сослаться на обрусение наших финских инородцев, которые более всего и показывают, как туго, медленно, постепенно в течение многих столетий претворяются они в господствующую народность, и заметьте в господствующую, а не в подчиненную, как это выходит в данном случае. Финское племя (равно и татарское), бесспорно, есть одно из самых неподатливых на превращения; а если оно получило в свои руки правительственную, политическую силу, то для нашего поколения ученых наивно было бы и говорить о подобном превращении. Далее, существует ли хотя какая-нибудь аналогия между болгарами дунайскими и германскими завоевателями на романской почве? Франки завоевали Галлию и слились с покоренным населением. Считайте, однако, сколько веков происходило это постепенное слияние. Хлодвиг был германец; но и Карл Великий, царствовавший три века спустя, тоже был германец. Франки мало-помалу уступали только силе высоко развитой римской гражданственности, и при своем слиянии все-таки не перейти ни в галлов, ни в римлян, а образовали с ними новую романскую национальность и внесли в лексикон языка свою значительную стихию. Считайте также, сколько веков Лангобарды сливались с туземным населением Италии, и точно так же не просто обратились в этих туземцев, а образовали с ними новую, романскую народность и выработали особый романский язык. Не забудьте также при этом могущественное объединительное влияние латинской иерархии. Подобные примеры не допускают и мысли о быстром и совершенном превращении финской орды завоевателей в покоренную ею славянскую народность. История не только не представляет нам примеров подобного превращения, а наоборот, постоянно являет примеры проти-

воположного свойства, т. е. живучести родного языка и племенных особенностей при тесном сожительстве различных рас.

В своем исследовании я настойчиво указывал на физическую невозможность помянутого превращения. Всякий принимающий на себя долг рассмотреть мои доводы, не может обойти такое крупное и основное мое доказательство. Чтобы поколебать его, нужно противопоставить ему ряд исторических аналогий, т. е. действительно исторических и вполне сюда подходящих, а не какую-нибудь пустую ссылку на мнимое превращение небывалых варяго-русов в славян, как это обыкновенно делалось. Но как же поступает г. Макушев? Он проходит мимо этого основного столпа. "Мы не будем останавливаться на соображениях, в силу которых признается невозможным перерождение болгарской орды Аспаруха в славян-болгар. Это увлекло бы нас слишком далеко и принудило бы проверить другую славянскую теорию г. Иловайского, о происхождении Руси". И прибавляет, будто аналогичные примеры уже приведены Шафариком и Иречком; тогда как никаких аналогичных примеров мы там не находим. Вот как ученые слависты обращаются у нас с научными вопросами! Относительно Руси замечу следующее: сделайте милость, проверяйте мою славянскую теорию ее происхождения, но только не так, как это делаете с славянским происхождением болгар. В настоящее время имею перед глазами уже не один пример такого рода: какой-либо ученый противник мой по данному вопросу делает резкие отзывы о новой его постановке или в печати, или перед своей аудиторией; пока эти отзывы голословны, они, конечно, неуловимы; совсем другое происходит, когда подобный противник вступает в научную полемику.

Мы находим несколько странными и самые попытки тюрко- и финноманов решать вопрос о народности на основании отрывочных неразъясненных имен. Подумаешь: дело идет о каком-нибудь давно исчезнувшем из истории народе,

вроде этрусков. Г. Макушев, очевидно не читавший внимательно моей книги, не заметил моих важнейших филологических оснований, каковы: масса чисто славянских названий городов, рек и других географических имен, которые появились в Мизии, Фракии и Македонии только после пришествия болгар, усиление славянизации на Балканском полуострове после этого пришествия (засвидетельствованное Константином Б.); отсутствие финского элемента в славяно-болгарском языке; а главное, самое существование этого языка, рядом с сербским.

На Балканском полуострове мы находим два славянские наречия: болгарское и сербское. Если болгаре были не славяне, то откуда же пришел болгарский язык? Где же родина тех славян, которые говорили этим языком? Балканский полуостров оказался заселенным именно двумя славянскими племенами, сербским и болгарским; заселение это происходило на глазах истории, и притом довольно постепенно, в несколько приемов: сербы пришли из земель, лежащих к западу от Карпат, а болгаре - к востоку. Сами последователи финской теории (Дринов) доказывают, что славянское население в Мизии и Фракии не было аборигенами, и действительно если оно там и существовало прежде, то было слишком слабо и незначительно, чтобы привить свой язык позднее пришедшей большой массе славян. Следовательно, эта пришедшая масса, хотя и приходила в разное время и является потом под разными местными и родовыми наименованиями в различных источниках, однако несомненно она принадлежала к одной и той же ветви, так что составила компактное целое с единым языком, особым от других известных нам славянских наречий. Это ни сербо-хорватское, ни чехо-моравское, ни русское, ни ляшское наречие, никакая либо смесь из них, а наречие самостоятельное. Если бы славянская масса, постепенно наводнившая Нижнюю Мизию и Фракию, была не болгаре, а какая-то неизвестная нам по имени славянская ветвь, то откуда же она взялась? Итак, ес-

ли болгаре не славяне, то откуда же взялось столь распространенное, богатое и самостоятельное славяно-болгарское наречие, которому большая часть славянского мира обязана своими богослужебными книгами?

Сторонникам тюрко-финской теории не пришел в голову столь простой и естественный историко-филологический вопрос. Пусть хотя об одном этом вопросе почтенный славист поразмыслит самостоятельно, собственным умом, не прикрываясь именами Шафарика и Гильфердинга.

1 Из журнала "Русская Старина". 1879. Май. Ответ гг. Макушеву и Кунику.

2 Это обстоятельство, т. е. неестественное, удивительное превращение болгар завоевателей в завоеванных славян, всегда ставило в затруднение последователей теории, и, Боже, к каким натяжкам не прибегают они, чтобы обойти неприятное обстоятельство! В числе доказательств неславянства болгар, например, не последнюю роль играют их дикие, неукротимые нравы; а когда пойдет речь о превращении в славян, придумываются чрезвычайная малочисленность, кротость и необыкновенное благодушие болгар, преклонившихся пред высшею расою, и свирепые завоеватели вдруг изображаются народом смирным, невоинственным.

3 Из византийских историков известно, что некоторые части болгарского народа в VI и VII вв. находились под игом хазар и авар. Следовало обратить на это некоторое внимание и сообразить, что подобное иго должно было оставить гораздо более заметные следы, чем два-три титула. Двухсотлетнее владычество татар оставило у нас крупные черты в языке, нравах и государственном быте. Мало того, в памятниках дотатарской эпохи уже встречаются слова, объясняемые из турецких корней: ясно, что и самое соседство торков, печенегов и половцев не прошло бесследно. Но вопрос: существуют ли для моих противников действительно исторические аналогии?

4 Любопытно, что у этого будто бы татарского хана известны три сына с такими именами: Нравота, Званица и Маломир. Кажется, каких бы еще более славянских имен!

5 У Курбского: "Черемиса Горняя, а по их Чуваша зовомые, язык особливый".

6 Сборник государственных знаний. Т. VII. Спб. 1879. ("Славянство болгар перед критикой слависта".)

III

О некоторых этнографических наблюдениях¹

(по вопросу о происхождении государственного быта)

Мм. Гг. Позвольте мне воспользоваться настоящим ученым собранием, чтобы выразить одну свою мысль или, точнее сказать, одно свое желание, хотя бы оно, может быть, и не вполне подходило к задачам Общества Естествознания, Антропологии и Этнографии. Пределы и самое содержание некоторых наук так тесно соприкасаются и иногда переплетаются между собою, что их связь и взаимная поддержка являются не только желательными, но и необходимыми. Антрополог ищет большого уяснения своих наблюдений и подтверждения своим выводам в этнографии и истории; наоборот, историк и археолог стараются опереться в своих исследованиях на данные естествознания, антропологии и этнографии.

Перейду прямо к моей цели.

Вам, в особенности членам нашего Общества, известно, как быстро растет и накапливается материал для изучения человека по отношению к его быту, к его физическим и духовным свойствам. Наружный тип, домашняя обстановка, средства пропитания, одежда, жилища, обычаи, верования и песни народов, стоящих на первобытной ступени развития

или близкой к ней, все это уже давно служит предметом многочисленных и разнообразных наблюдений, совершаемых и отдельными лицами, и целыми учеными экспедициями. Не говоря о массе собранного европейскою наукою материала вообще, укажу только на издания нашего Общества, которые, несмотря на короткое время своего существования, уже представляют весьма богатое и весьма любопытное собрание разного рода наблюдений и исследований по данному предмету. Я желал бы обратить ваше внимание на один пробел в ряду подобных наблюдений. Пробел этот наука антропологов в тесном смысле может и не принимать на свой счет; но нельзя того же сказать об антропологии в обширном смысле, и именно о ее этнографическом или этнологическом отделе. Я говорю о пробеле относительно наблюдений над состоянием общественности у народов, близких к первобытной ступени развития. Этот пробел чрезвычайно важен для науки вообще и в особенности для нас, людей, специально занимающихся наукой исторической. С первого взгляда, может быть, некоторым покажется странным самое указание мое на означенный пробел ввиду все той же массы путешественников и наблюдателей, посещавших всевозможные народы Старого и Нового Света. Уже классические писатели обращали внимание и оставили нам описание общественного быта, нравов и обычаев разных народов, между прочим, народов первобытных или диких. В этом отношении первое место занимает Геродот, который был не только отцом истории, но и великим путешественником-наблюдателем. Затем мы имеем много любопытных путешествий Средних и первой половины Новых веков, например, заключающиеся в известных соображениях Бергерона и Гаклюйта, не говоря уже о возрастающей массе новейших путешествий. И тем не менее все это дает сравнительно небольшой материал для тех собственно наблюдений, о которых я говорю.

Историческая наука для объяснения первоначальной истории какой-нибудь нации или собственно государства, - так как вне государства доньше не развивалась ни одна нация, - доселе должна была ограничиваться обыкновенно разного рода сказаниями, более или менее недостоверными, или какими-нибудь неясными намеками у разных писателей. Начало народов и государств почти всегда бывает покрыто так называемым "мраком неизвестности", разумеется, за исключением немногих позднейших государственных организмов; но и те при ближайшем рассмотрении оказываются только позднейшими наслоениями, а не совсем новыми организмами. Я хочу сказать, что обыкновенные исторические источники не дают нам возможности подвергнуть микроскопическому наблюдению ту человеческую клеточку, из которой развился быт общественный, из которой развились государственные или национальные организмы. Отсюда сама собою вытекает необходимость обратиться к наблюдениям над различными проявлениями общественного быта у первобытных народов, живущих в наше время; ибо общие законы человеческого развития одни и те же у всех племен и народов; они могут быть осложняемы влиянием разнообразных условий, как местных географических, так и собственно антропологических, но и эти влияния в свою очередь совершаются также по известным законам. Если масса путешественников, быто- и нравоописателей все еще дает мало материала для той цели, о которой я говорю, то и это обстоятельство, помоему мнению, является вполне естественным. Путешественник замечает, конечно, то, что прежде всего бросается ему в глаза, что особенно для него доступно. Тут на первом плане наружность обитателей, их костюмы, жилища и т. п. Мимоходом он, пожалуй, заметит несколько обычаев или кое-какие черты нравов, также бросившиеся ему в глаза, кое-какие черты религии, жертвоприношения и т. п. Но ему некогда, - да обыкновенно он и не подготовлен, он не знает местного языка, - для того, чтобы всмотреться в

социальные условия первобытного племени, чтобы подвергнуть тщательному наблюдению не только его верования и семейные отношения, но и те начала, на которых существует сама общественная связь в данном племени, в особенности подвергнуть наблюдению те авторитеты или власти, которые служат главными элементами и представителями общественного быта. Равным образом весьма редко можно встретить, чтобы путешественник делал обстоятельные заметки о характере землевладения, о проявлении сословных форм, о характере общественного суда, о средствах обороны, об отношениях к соседям и т. п. А между тем в наше время уже не легко находить, не говоря о Европе, даже и в Азии те именно первобытные народы, которые могут служить для указанной мною цели: в этой части света почти всякий народ входит в какое-нибудь большое государство и, следовательно, уже не представляет в чистоте той общественной формы и в особенности той общественной власти, какие можно встретить у народов самобытных. Наиболее соответствующий для этой цели материал можно найти между народами Австралии и Внутренней Африки. В особенности в последней, судя по известиям новейших путешественников, можно встретить и наблюдать все ступени, первобытные, переходные и более высшие, относительно общественных или государственных форм, начиная с их зародыша и кончая некоторыми довольно обширными монархиями. К сожалению, наиболее знаменитые из последних путешественников, от Ливингстона до Станлея включительно, не дают ответа на те именно вопросы, которые относятся к этой области человековедения. Мы пока имеем дело собственно с открытиями географическими и отчасти промышленными. В особенности смелые британские путешественники, проникающие в глубь материка, в наше время преследуют уже более практическую цель: открытие новых рынков для своей промышленности. Если на розыскания и наблюдения над разными ступенями общественного и госу-

дарственного быта у народов Внутренней Африки будет хотя вполонину потрачено столько усилий и энергии, сколько их употреблено было, например, на открытие источников Нила, то бесспорно мы получим богатый научный материал для уяснения тех законов, по которым зарождаются и развиваются формы государственного быта. Этот важный вопрос еще в классическом мире привлекал внимание некоторых великих умов.

Так, знаменитый Аристотель в известном сочинении о политике заметил, что "человек по своей природе есть животное самое общественное". Тут же он высказал взгляд и на происхождение государства из семьи. Этот взгляд держался до наших времен. Объяснение показалось так просто и естественно: семья разрослась в род или племя, которое в свою очередь превратилось в государство, причем глава семьи или рода сделался общим главою, т. е. государем. Это так называемая патриархальная теория. Но в настоящее время такая, повидимому, простая теория уже не может иметь научного значения. Самая первобытная семья является для нас вопросом. Между прочим, не одна политика, но и филология в наше время потерпела неудачу на этом вопросе. Известно, что некоторые представители науки сравнительной филологии, с Максом Мюллером во главе, попытались было восстановить быт арийских народов на основании языка, и именно тех слов, которые оказались общими, т. е. сохранившими общий свой корень у всех или у большинства этих народов. Тут на первом плане явились названия разных членов семьи, и они получили любопытное этимологическое толкование. Например: отец значит питатель или покровитель, мать - производительница, брат - помощник, сестра - утеша, дочь - доительница и т. д. Таким образом, явилась следующая картина первобытного семейного быта арийцев: отец - питает и охраняет семью, мать рождает детей, брат помогает в работах сестре, сестра служит для него утешительницею, дочь занимается доением коров и т. п. Но увы,

эта картина первобытного семейного счастья, эта идиллия, просуществовала очень недолго в нашем воображении; так как дальнейшие более тщательные разыскания над первоначальным бытом арийцев совершенно не подтвердили ее. Не говоря уже о несостоятельности таких идиллических отношений в тот суровый дикий период, явился вопрос: что прежде существовало - семья в полном, то есть настоящем нашем значении этого слова, или факты языка, сюда относящиеся? Очевидно, язык, т. е. имена и названия, которые прилагались к разным членам семьи, сложились прежде, чем сложилась вполне самая семья, и, следовательно, значение их совсем не то, которое я сейчас привел. Теперь некоторые ученые предполагают, и довольно основательно, что началом новой семьи в первобытном состоянии была мать, а не отец, т. е. что дети в этом состоянии знали свою мать, но еще не знали отца.

Если обратимся к тому предположению, что из семьи выросло государство, то и здесь повторяется тот же результат и также падают разные искусственные теории о происхождении общественной жизни. Одним из представителей этих теорий явился и Фюстель де Куланж в своей книге *La cite antique*. Семья в нашем значении представляет уже высшую или более развитую степень, нежели племя. Племя нарождалось прежде, чем выработалась семья, а государство уже образовалось из племени. Но этой высшей степени, т. е. государства, достигли и достигают не все первобытные племена; некоторые из них так и остаются на племенной ступени. Для государственных форм нужны соответственные качества и условия. Разъяснение этих качеств, как я полагаю, и составляет задачу сравнительной этнологии, т. е. антропологии и этнографии вместе взятых; но для этой цели прежде всего нужно систематическое собирание подходящего сюда материала.

Кроме упомянутого воззрения Аристотеля, в древности можно встретить и другие, еще менее состоятельные, взгля-

ды на происхождение государств. Эти взгляды являются не в виде отвлеченной теории, как у Аристотеля, а в форме легенд и преданий, повествующих о начале некоторых великих монархий древнего мира. Для примера напомню вам о том предании, какое сообщает Геродот относительно происхождения Мидийского царства. Мидяне, удручаемые внутренними распрями и неурядицами, пришли к мысли выбрать себе судию, который бы разбирал их взаимные ссоры и водворил бы между ними спокойствие и порядок. Выбрали Дейока, и он сделался их царем. Такие басни совершенно естественны в устах древних писателей. Но удивительно то, что и в наше время научной критики возможна еще между учеными вера в такую басню, по которой различные племена, тоже удручаемые внутренними неурядицами, взяли да и выписали из-за моря себе господ, а последние пришли и в несколько лет состроили одно очень большое государство. Ясно, следовательно, как еще наука сравнительной этнологии мало развита и как еще мало распространено убеждение в том, что происхождение и развитие форм государственно-го быта или государственного организма подчинены таким же непреложным естественным законам, как и всякая жизнь, всякий живой организм. Напомню также вам об известном споре между представителями родового и общинного быта, т. е. споре о том, в каком быте находились наши предки в начальную эпоху своей истории. В настоящее время этот спор уже теряет под собою почву, во-первых, потому, что упраздняется самый факт, его вызвавший, а во-вторых, потому, что слова "родовой быт" и "общинный быт" не дают определенного понятия о действительном быте наших предков в древнюю эпоху. Если посмотреть на него с одной стороны, то, пожалуй, он окажется родовым, а если подойти с другой, то увидим несомненные черты общинного. Вопрос о данной эпохе, по моему крайнему разумению, должен быть поставлен совершенно иначе, и если спрашивать, в каком быте состояли наши предки в первой половине IX века,

то вопрос должен относиться к следующим двум формам быта: племенному и государственному. Лично я уже ответил на этот вопрос относительно наших предков. В настоящую же минуту желаю обратить ваше внимание именно на то обстоятельство, что, по моему крайнему разумению, можно признать только две главных ступени в развитии человеческого общества, первая первобытная ступень - это племя, а вторая дальнейшая - это государство. Разумеется, затем и самые формы племенного и государственного быта в свою очередь распадаются на многие и весьма разнообразные ступени: но это уже будет дальнейшее развитие вопроса. Прежде всего, надобно установить главные рубрики, главные положения. Самое главное мое положение состоит в том, что государство происходит из племени. Напрасно было бы облекать это происхождение каким-либо мирным, а тем менее идиллическим характером. Нет, в основе государственного быта всегда лежит борьба племен: обыкновенно наиболее крепкое, наиболее сильное из них одолевает другие и занимает господствующее положение; а во время этой борьбы выдвигаются предводители и вырабатывается власть, которая потом получает государственное, т. е. правительственное значение. Вот в общих чертах то положение, к которому, по моему мнению, приходит наука в наше время по отношению к вопросу о происхождении государственного быта.

Относительно борьбы племен, из которой возникают формы государственного быта, необходимо заметить, что племя, достигающее господствующего положения над другими племенами, обыкновенно превосходит их и физическими, и умственными качествами. В действительности, однако, это общее правило сильно усложняется и видоизменяется вследствие различных условий и обстоятельств. Из своих историко-этнографических наблюдений я пришел к такому выводу, что только те племена достигают государственного быта, которые одарены мужеством, воинственным и предп-

риимчивым характером, а главное - способностью к организации, т. е. к сосредоточению своих сил, к дисциплине и к некоторому, так сказать, политическому творчеству. Есть целые семьи народов, которые отмечены как бы неспособностью к развитию государственных форм. В нашей истории таковыми являются народы финской семьи. Из них мы заметили одно исключение - это мадьяры; но происхождение Магьярского государства составляет еще вопрос: есть поводы думать, что тут действовала иная, не финская народность, которая и послужила ядром при образовании государственного быта у этого племени, но какое это племя, еще не решено. С другой стороны, история представляет нам примеры воинственных народов, которые бывали грозой своих соседей, однако не основали собственного государства и со временем подчинились чуждой власти. Русская история представляет примеры тому в ятвягах, печенеггах, половцах и наконец черкесах. Следовательно, способность к политической организации, к общественной дисциплине составляет главное условие, чтобы быть народом государственным и потом уже народом культурным; ибо история не знает культурных народов вне государственных форм. У всякого народа обыкновенно успехи культуры идут рядом или за развитием государственности. Есть, однако, примеры, что народ или племя основало государство и даже большое государство, а все-таки не сделалось племенем культурным. Такая черта относится вообще к народам Урало-алтайской семьи. Помянутые мадьяры не делают отсюда исключения, а ярким тому примером служат турко-османы в наше время и монголо-татары в средние века.

Я сказал, что господствующее государственное племя обыкновенно отличается превосходством умственных и физических качеств; но это правило в действительности нередко видоизменяется. Можно указать такие случаи, когда племя подчиняет себе другие племена, и физически более сильные и умственно более одаренные. Разительный тому

пример представляют те же монголо-татары. Они основали огромную империю, покорив некоторые арийские народы, более их многочисленные и более их одаренные умственными и физическими силами. Об умственном первенстве над ними белой расы нечего и говорить, но любопытно, что и физически они были слабее, о чем ясно свидетельствует современник той эпохи и очевидец монгольской орды, итальянский монах Плано Карпини. Между прочим, он рассказывает следующий факт. Однажды два христианина из Грузии, бывшие в татарском стане, шутя стали бороться с двумя татарами и обоих повалили на землю. Увидя это, толпа татар с яростью бросилась на грузин и страшно их изуродовала. С помощью своего строгого объединения и искусной по тому времени воинской тактики, монголо-татары покорили многие народы и основали огромную империю или собственно целый ряд новых государств; но, не имея высших, культурных свойств, они не удержались на завоеванной ими высоте и кончили все-таки тем, что по большей части подчинились другим, более развитым народам.

Вообще все более и более чувствуется потребность для объяснения разных сторон исторической жизни обращаться к племенному типу, к племенным особенностям. Чтобы указать нам тому наглядные примеры, напомним по этому поводу Бокля с его историей цивилизации. Известно, что некоторое время он пользовался чрезвычайным успехом в русской читающей публике; но достоинства его труда не вполне соответствовали этому успеху и потому не упрочили за ним большого значения в науке. Например, помнится мне, какими мрачными красками он изображал влияние католического духовенства на ход испанской цивилизации и почти все темные ее стороны приписывал этому влиянию. Но ему не пришел в голову простой вопрос: да откуда же взялось там влияние духовенства и почему у одного народа оно выражается таким, у иного другим образом? Он не догадался прежде всего рассмотреть самый тип Испанской народности, ее

составные и преобладающие в ней элементы, и здесь именно искать разъяснения многих сторон ее истории. Ему также не пришел в голову другой простой вопрос: отчего в Англии католицизм легко заменился протестантизмом, а в Ирландии, напротив, упорно удержался? Для объяснения такого явления надобно было опять обратиться к различию рас: Тевтонской и Кельтической. В параллель этому явлению мы можем указать на Польско-Литовскую Речь Посполитую; там протестантизм некоторое время имел большой успех и, однако, иезуиты легко с этим справились. Но отчего же они не справились с ним в большей части Германии? Можно объяснять подобные явления разными условиями и обстоятельствами, но главное между ними место принадлежит племенным свойствам. Если продолжать параллель, то увидим, что также не случайно турецкие народы большей частью сделались мусульманскими, а монгольские буддистами. Между турками рано распространились начатки христианства, и, однако, они легко уступили место другой религии. Как в христианском мире протестантизм, католицизм и православие утвердились в связи с племенными особенностями, так и в мусульманском мире раскол на суннитов и шиитов развился в связи с племенными свойствами турок и персов. Если от религиозных форм перейдем к формам правления, точно так же везде мы найдем в их развитии тесную связь с племенным типом. Разумеется, сюда не подходят те случаи, где церковные или политические формы введены силою извне.

Наука сравнительной археологии, как известно, выработала теорию, впрочем далеко еще не установившуюся, о постепенном развитии человеческого быта в связи с орудиями, домашними и военными, теорию, выраженную тремя периодами или веками: каменным, бронзовым и железным. Считаю не лишним заметить, что эти периоды нередко совпадают с указанными мною периодами в развитии быта общественного. Однако не всегда первобытные, т. е. камен-

ные, орудия соответствуют племенному быту, а употребление железных орудий не доказывает неперемного присутствия государственных форм.

Например, европейцы, открыв Америку, нашли тут уже большие государства с довольно развитой цивилизацией, но без употребления железных орудий. Конечно, не в одно наше время кровью и железом созидалось политическое могущество; но, как вы видите, нельзя сказать, чтобы железо во все времена участвовало в этом созидании: его заменяли когда-то камень и бронза. Только кровь человеческая всегда лилась при этом обильными потоками, и ничто ее не заменяло. Что касается до наблюдений над разными формами общественного быта у современных народов, то в этом отношении я и хотел высказать перед вами свое желание, чтобы и наши русские путешественники, этнографы и антропологи, по возможности уделяли часть своего времени наблюдениям над указанными мною сторонами, которые можно назвать общим именем политических сторон. Многие материалы для подобных наблюдений все-таки можно найти как в самых пределах нашего отечества, так и в соседних странах Азии, хотя бы и у народов не вполне самобытных. Позволю себе по этому поводу напомнить, что в настоящее время мы имеем русского наблюдателя над первобытными народами в одном из самых подходящих для того пунктов Земного Шара. (Я говорю о Миклухо-Маклае; но признаюсь, для меня пока не ясно, что такое именно он наблюдает, какие преследует задачи и цели.) Наконец надобно еще прибавить, что для тех наблюдений, о которых идет речь, требуется все-таки некоторая подготовка, некоторая зрелость мысли и прежде всего самое объективное, самое беспристрастное отношение к делу. Если и между учеными могут еще возникать споры по отношению к вопросу о происхождении государственного быта, то можно ли требовать, чтобы в массе общества были уже распространены на этот счет ясные, твердые взгляды. Если думают, что великое госу-

дарство может быть легко и скоро построено, то отсюда недалеко до умозаключения, что оно так же легко и скоро может быть разрушено. А между тем и то, и другое положение было бы в высшей степени неверно и легкомысленно. Следовательно, с какой стороны ни посмотрите на выраженное мною желание, надеюсь, вы признаете, что наше настоящее ученое собрание не найдет его излишним и согласится с тем, что для верных и точных выводов о происхождении и развитии государственного быта нам нужны систематические и тщательные наблюдения, нужно содействие различных наук. Отсюда, повторяю, очень было бы желательно, чтобы русские путешественники, русские антропологи и этнологи, по возможности подвергали внимательному наблюдению у разных народов и те черты быта, в которых выражается сторона общественно-политическая, т. е. зародыши власти военной, судебной и административной, а также характер землевладения, родственных отношений и т. к.

1 Читано в публичном заседании ученого съезда при Московской Антропологической выставке, в апреле 1879 года, и напечатано в изданиях Московского Общества Любителей Естествознания, Антропологии и Этнографии.

IV

Еще о происхождении Руси¹

Куник: "Известия Аль-Бекри и других авторов о Руси и Славянах", Спб. 1878. - Соловьев: "Начала Русской земли" ("Сборник государств, знаний" Т. IV и VII. Спб. 1877-1879).- . Gotha. 1879. Новые данные и новые соображения о происхождении легенды и ее первоначальном тексте.

Уже несколько лет прошло со времени моих ответов поборникам норманистской теории по вопросу о происхождении Русского государства. С того времени накопилось порядочное количество новых книжек, статей и заметок, направ-

ленных на поддержку и подпору этой совершенно расшатанной теории. Приведенные выше заглавия представляют наиболее видные попытки в данном смысле.

Во-первых, А. А. Куник. В приложении к XXII тому "Записок Академии наук" помещены отрывки из арабского географа Ал-Бекри, жившего в XI веке, отрывки, заключающие некоторые известия о славянских народах. Главным источником его в этом случае явилась записка испанского еврея Ибрагима Ибн-Якуба, по-видимому жившего в X веке и посетившего некоторые страны Южной и Средней Европы. Отрывки эти снабжены здесь русским переводом барона Розена. А. А. Куник в последнее время, очевидно, сделал своею задачею снабжать комментариями издания петербургских ориенталистов, касающиеся арабских известий о древних руссах и славянах. Первый пример тому мы видели в издании Б.А.Дорна "Каспий" (см. выше: "Ответ А. А. Кунику"). Второй пример является в данном случае. Означенные комментарии имеют специальною своею целью подкрепить норманофильскую теорию средневековыми арабскими писателями, и для достижения этой цели делаются усилия, можно сказать невероятные (т. е. невероятные в логическом смысле). Поистине надобно удивляться тем приемам, с помощью которых автор комментариев сумел прицепить к известиям Ал-Бекри татарство болгар и норманство Руси. Ничего подходящего к тому в этих известиях нет. Болгар они прямо толкуют как племя славянское; тем не менее г. Куник приложил к своим комментариям собственное "Розыскание о родстве Хагано-Болгар с Чувашиами по Славяно-Болгарскому именику". В каком роде составлено это розыскание, мы уже имели случай высказать наше мнение. (См. выше: "К вопросу о болгарях".) Теперь перейдем к тому, что в данной брошюре говорится о Руси.

Ибрагим Ибн-Якуб сообщает о руссах очень немного; он упоминает о них вскользь и, очевидно, имеет о Восточной Европе весьма скудные и сбивчивые сведения; тогда как он

в качестве испанского еврея кое-что знает о славянах западных и южных. Например, он знает о существовании больших славянских городов Праги и Кракова; но самое имя Киева ему неизвестно. О руссах он говорит, что они живут на восток от Мшки (Мешко, князь польский), т. е. от поляков, что они и славяне приходят из Кракова с товарами в Прагу, что они с запада нападают на кораблях на Брусов (пруссос) и что на запад от них находится город женщин. Далее, он замечает, что из земли славян товары доходят морем и сушею до земли русов и до Константинополя, и что главнейшие племена севера говорят по-славянски, потому что смешались с ними, например Ал-Тршин (?) и Анклий (?), и Баджакия (печенеги), и русы, и хазарь. Вот все, что Ибрагим сообщает о руссах. Кажется, норманизм тут ни при чем. Тем не менее г. Куник удивлен его "правильным взглядом на отношения Руси к восточным славянам" (68). В одном месте Ибрагим заметил, что "племена севера завладели некоторыми из славян и обитают по сие время между ними" (46). Почтенный академик не сомневается, что под племенами севера тут разумеются не кто другие, как Норманны и что они-то именно смешались со славянами и приняли их язык. Ему "из сообщаемых сведений ясно видно, что в то время ославление Руси делало большие успехи, хотя не было еще вполне совершившимся фактом, вследствие постоянного притока из-за моря новых масс норманнов" (71). Правда, тут представляется некоторое затруднение по поводу печенегов и хазар, которые тоже являются говорящими по-славянски; но эта неточность якобы не мешает испанскому еврею быть замечательно точным по отношению к руси-норманнам. Кстати, и Дитмар говорит, что население Киева еще в 1018 г. большею частью состояло из быстрых Данов 2 ; "приток же норманов в России прекратился только" после Ярослава (107). Академик не замечает того, что, объясняя таким образом известия Ибрагима, он окончательно запутывает дело. Как же это: в X и XI вв. все притекали в Россию

массы норманнов-руси, еще в 1018 году большинство киевских жителей состояло из датчан, а между тем в половине X века (приблизительно когда писал Ибрагим) Русь уже говорила по-славянски?

Норманнская теория решительно напоминает птицу, которая голову вытащит, хвост увязнет и т. д.

Второе затруднение в известиях Ибрагима представляют Русы, нападающие на пруссов с запада. Кажется, явная географическая нелепость, свидетельствующая о сбивчивых представлениях испанского еврея по отношению к Восточной Европе. Тут можно разве заподозрить смешение Руси с руянами, жителями Рюгена, которые действительно могли делать пиратские набеги на пруссов. Но г. академик находит здесь не что иное, как "слово Русь, употребленное в значении родового названия норманов" (108). Выше мы видели, что Ибрагим под племенами севера понимает именно восточно-европейских руссов, наравне с хазарами и печенегами, которых тоже причисляет к северным племенам; а усердный норманист заставляет его везде бредить норманнами, хотя испанский еврей о норманнах совсем не упоминает.

Нам приходится в сотый раз напоминать норманнской школе, что от средневековых писателей невозможно требовать точной, основанной на лингвистике, этнографической классификации; что название славяне прилагалось ими не ко всем, а только к некоторым славянским народам, и что вообще в этом отношении встречается немалая путаница и нередкие ошибки в источниках. На основании такой путаницы можно доказывать какую угодно этнографическую теорию, если не принимать в расчет других, несомненно исторических фактов. Если источники упоминают рядом имена "славяне" и "руссы", отсюда еще не следует, чтобы руссы были не славяне. Точно так же писатели VI века, например, повествуют о склавинах и антах; но известно, что анты также были славяне. Уже не раз мною указано, что название

"славяне" у средневековых писателей тяготеет более к славянам дунайским и полабским; что Русь называла себя Русью, а не славянами; что она имела, конечно, собственное наречие, отличное от других славянских племен и т. д. Впрочем, назови Ибрагим руссов прямо славянским племенем, для норманистов и это было бы все равно. Так, он положительно приводит болгар в числе славянских племен, а г. Куник в той же книжке распространяется об их якобы чувашском происхождении. Следовательно, источники тут ни при чем, когда существует такая закоренелость предвзятой идеи. В источниках мы постоянно встречаем шведов, датчан, англичан, голландцев (фризов), отдельными от немцев народами; но кому же приходит в голову доказывать, что все это совершенно различные племена, не принадлежавшие к одному немецкому корню?

В конце книги г. Куник поместил свое "Розыскание" о тождестве русов и норманнов в послании папы Николая I в 865 году. Признаюсь, даже совестно указывать на приём, который употребляется академиком для доказательства такого тождества. Дело в том, что папа Николай I в послании к императору Византийскому Михаилу III между прочим напоминает ему о варварах язычниках, которые сожгли церкви и окрестности Константинополя, причем умертвили множество людей. Ясно, тут идет речь об известном нападении Руси на Царьград весной 865 года. Г. Куник утверждает, что под словом "язычники" (*pagani*) папа "не мог никого разуметь кроме норманнов". Почему же? спрашиваете вы с удивлением. Да очень просто: норманны "действительно как раз в то время в Западной Европе опустошали церкви и монастыри и весьма часто с особенною яростью убивали в самых церквах епископов и монахов" (175). Оказывается, что одни норманны владели тогда привилегией опустошать церкви и с яростью убивать монахов, и что, следовательно, другие язычники были кротки и смиренны, как агнцы. Пос-

ле такого научного открытия, право, не знаешь, что и подумывать об исторической науке в академической ее обработке.

Вообще г. Куник совсем не желает знать новую постановку вопроса о происхождении Русского государства и указанное мною явное смешение Руси с варягами в русских летописных сводах Суздальской редакции; какового смешения не было в первоначальном киевском тексте Повести временных лет, а также в древнейших сводах Новгородских и Западнорусских. Мало того, почтенный академик положительным тоном высказывает произвольные, никем не доказанные мнения о русском летописании. Например: "нет сомнения, что уже во времена Святослава некоторые события заносились в летопись в самом Киеве". Оказывается, таким образом, что Русская летопись о русских князьях велась в Киеве на славянском языке, конечно, монахом или священником еще при Святославе, когда, по норманнской теории, сам князь, его дружина и большинство киевских жителей были не только язычники, но и совершенные норманны. Опять мы можем только поздравить норманистов с подобными комбинациями; а для нас они не более как плод усердного воображения.

Если обратимся к филологической стороне данной монографии, то опять найдем те же гадания и натяжки, - как и всегда, хотя школа и считает себя наиболее сильною с этой стороны. Мы же попрежнему утверждаем, что филология, которая расходится с историей, никуда не годится и пока отнюдь не имеет научного значения. Относительно Руси в этой монографии этимология почти отсутствует; но она в изобилии предлагается по отношению к болгарским личным именам. В означенном выше ответе мы уже указывали на весь произвол и несостоятельность этой этимологии.

Перейдем теперь к следующему рассуждению, заглавие которого выписано нами в начале. Оно принадлежит перу уважаемого нашего историка и также академика Сергея Михайловича Соловьева, недавно похищенного

смертью, столь чувствительною для русской историографии. Соловьев, весь поглощенный сводом громадного печатного и рукописного материала для своего общего курса Русской истории, никогда не останавливался специально над вопросом о происхождении Русского государства и потому никогда не занимал в норманнской школе такого места, как Шлецер, Погодин и Куник. С последним он даже не сходил по некоторым сторонам вопроса. Но известно, как туг и неуступчив был покойный историк в своих раз установленных исторических воззрениях - что несомненно представляло почтенную черту в большинстве случаев. Несмотря на свою уклончивость от участия в полемике, С. М., однако, незадолго до своей смерти отозвался на новую постановку вопроса о происхождении Русского государства; но успел напечатать только две небольшие статьи (в "Сборнике Государственных Знаний"), и, конечно, в духе старого решения. Хотя статьи эти, по нашему крайнему разумению, представляют весьма слабую защиту норманнской системы и не стоят в уровень с другими трудами покойного историка; но уже в силу его авторитетного имени мы не желаем оставить их без надлежащего ответа с нашей стороны.

Первая статья (Т. IV. "Сборн. Гос. Зн.") посвящена некоторым общим рассуждениям, преимущественно о народах, живущих в родовом быте. Здесь на протяжении 18 страниц встречаем мы много разных исторических положений, верных и спорных; разделить между собою те и другие довольно трудно по самой их краткости и бездоказательности. Обращу внимание только на следующее положение. "В истории, как в естественных науках, только самые внимательные и точные микроскопические наблюдения всей обстановки явления в разные времена и в разных местностях могут освободить от неверных выводов, относительно общих законов наблюдаемой жизни". Положение, конечно, верное. Но дело в его приложении. А именно этого приложения, этих точных микроскопических наблюдений над

жизнью народов мы и не находим. Вместо них историк берет слова нашего летописца о славянах, которые "жили каждый с родом своим", и полагает их в основу своего исторического здания как нечто весьма точное и несомненное. А между тем следовало прежде всего подвергнуть точному критическому анализу самое известие летописца и уяснить: имел ли человек, писавший в начале XII века, какое-нибудь хотя приблизительно верное понятие о политическом состоянии Восточной Европы первой половины IX века? Какие у него были источники для этого? Каково было его мировоззрение? и т. п. Затем следовало подвергнуть критическому анализу дошедший до нас текст его летописи и уяснить, насколько он остался близок или удалился и исказился сравнительно с текстом первоначальным. И наконец если приводить аналогии с другими народами, то надобно выбирать для того самые подходящие и притом бесспорные, вполне известные и объясненные. Легкие же указания на шотландский клан, славянскую задругу, индийскую общину и т. п. ничего не дают нам для решения вопроса о том, каким путем, когда и где возник славяно-русский государственный быт? Такие указания отнюдь не дают права считать свои выводы основанными на "сравнительном изучении первоначального быта племен".

Во второй своей статейке, также обнимающей не более 18 страниц, покойный историограф уже прямо нападает на мое мнение о естественном, постепенном и туземном происхождении Русского государства и пытается защитить басню о призвании Варяжских князей. Аргументы его распадаются на две группы: во-первых, гадательные, никакими фактами не подкрепленные предположения, и, во-вторых, неточная передача моих доказательств.

Между гадательными предположениями первое место занимает указание на то, что летописец знавал старика, который помнил крещение Руси и, следовательно, был молодым человеком при Владимире св.; а Владимир был правнук Рю-

рика, призванного из-за моря. В наших глазах подобная комбинация не имеет серьезного значения. Мы опираемся на факты. А факт заключается в том, что летописец принял-ся за составление летописи не ранее или около 1113 года, следовательно- спустя 250 лет после события, о котором мы спорим (т. е. мнимого призвания варягов). Составил ее он уже будучи пожилым человеком, и нигде он не говорит, чтобы при самом ее составлении пользовался рассказами монаха Еремии, который помнил крещение Руси; он упоминает только Еремию в числе печерских старцев при Феодосии; мы даже не знаем, сам ли он слышал от Еремии рассказы о старине или только слышал об этих рассказах. Если он и видел Еремию, то, конечно, в своей молодости, когда еще у него и в мыслях не было писать летопись и заранее собирать для нее материалы. Что наше соображение небезосновательно - доказывает сама летопись. Она говорит, что были разные мнения о том, где крестился Владимир. Если во время составления летописи уже не было одного определенного мнения о крещении Владимира, несмотря на Еремию (который, впрочем, в это время, вероятно, был уже давно умершим), то каковы же должны быть смутные и сбивчивые представления о событиях, отдаленных на 250 лет. Итак, ни Еремия, ни сам Владимир св. тут ни при чем. Мы думаем, что этот Владимир еще мог понаслышке знать что-нибудь о своем прадеде; но, к сожалению, ничего не заявил о том потомству. Летопись наша составлена не при нем, а при Владимире Мономахе, который, на основании только устных рассказов, уже едва ли имел какие-либо точные верные сведения о своем пра-пра-пра-пра-деде. Разумеется, если принять смелое предположение г. Куника о том, что Русская летопись велась в Киеве уже при Святославе, тогда все затруднения устраняются, но зато мы уже выйдем из области точной, научной критики.

Затем С. М. Соловьев в своей статье приписывает мне положение, что "сказание о призвании князей из-за Балтийско-

го моря есть позднейшее Новгородское сочинение, XIII века". И возражает против такого положения. Любопытно, что мне приходится повторить в этом случае тот же упрек, который я сделал покойному М. П. Погодину, упрек в неверной передаче моего мнения. У меня говорится о позднейших летописных редакциях и сводах; а происхождение басни о призвании варягов и не только не считаю "выдуманною когда-то в Новгороде в XIII в.", но, наоборот, - приурочиваю ее ко времени Ярослава и супруги его шведской принцессы Ингигерды, следовательно - к XI столетию. У меня говорилось о позднейших искажениях первоначального летописного текста, об искажениях, следствием которых явилось смешение Руси с варягами, чего не было в первоначальном тексте. Несколько раз я указывал, что в этом факте заключается весь корень поднятого мною вопроса. Но замечательно, что достоуважаемый историограф обошел этот мой главный аргумент совершенным молчанием. Защищая какую-то историчность нашего летописца, норманнская школа защищает, в сущности, его искажения; тогда как моя задача очистить его от этих искажений, от этого бессмысленного смешения Руси с варягами, двух разных народов в один небывалый нигде народ варяго-руссосов.

Покойный историограф выразился даже так, будто, по моему мнению, "надо оторвать начало летописи и заменить его догадкою Стрыйковского о Роксалане". Приходится только удивляться подобным выражениям под пером серьезных ученых, у которых сильное племя Роксалан, имеющее о себе целый ряд известий, начиная с Тацита и Страбона, является в истории какою-то догадкою Стрыйковского! После нескольких подобных возражений, более или менее голословных, не останавливаясь ни над каким аргументом основательно, автор остальную половину своей статейки посвящает общим и в то же время отрывочным рассуждениям об украинном положении Руси (хороша европейская Украина, занимающая чуть не половину Европы!), о лесе, о

поле, о городах, о редкости населения и пр. Но какое отношение все это имеет к вопросу о призвании варяжских князей, о смешении Руси с варягами, вообще о происхождении нашего государственного быта - остается неизвестным.

Повторяю, если я остановился несколько над возражениями покойного С. М. Соловьева, то сделал это только ради его авторитетного имени. Вопросом о происхождении Русского государства он никогда специально не занимался, а аргументы его по большей части являются простым повторением аргументов покойного М. П. Погодина.

Если и такие почтенные русские ученые так легко относились к данному вопросу, не желали вникнуть в мои доказательства, обходили важнейшую их фактическую часть, а выхватывали кое-какие бессвязные фразы и неточно передавали мои доводы и заключения, то чего же можно ожидать от других, менее почтенных возражателей, особенно от людей, не расположенных к беспристрастному отношению уже в силу своего нерусского происхождения. Одним из представителей этой категории является копенгагенский профессор сравнительного языковедения Вильгельм Томсен. Сей профессор в мае 1876 года прочел в Оксфорде три лекции "Об отношениях Древней Руси к Скандинавии и о происхождении Русского государства", чтобы в качестве компетентного лица просветить английскую публику насчет этих вопросов. Мы имеем эти лекции перед собою в "просмотренном" немецком издании Борнемана.

Тенденциозность копенгагенского профессора бросается в глаза с первой же страницы, где он заявляет, что "политическое и численное преобладание славянского элемента над другими народами Восточной Европы есть результат сравнительно недавних времен; тогда как основание Русского государства совсем не дело этого племени".

Немецкий издатель этих лекций в предисловии торжественно заявляет о каких-то "самостоятельных исследованиях" автора по данному вопросу. Читаете и удивляетесь тако-

му смелому заявлению. Не только никаких самостоятельных исследований тут не находим, но автору даже совсем не известны последняя постановка вопроса и аргументы, опровергающие норманнскую теорию; хотя он, очевидно, что-то слышал о том и, по поводу исследований Геденова, не упускает случая пройти на счет "произвольных фантазий" (17). Это не только не самостоятельные исследования, а, напротив, самое поверхностное повторение мнений и доводов известных норманистов, преимущественно А. А. Куника. Там, где автор пытается представить какие-либо соображения от себя, он обнаруживает только свое невежество. Например, он вздумал поправлять известия Ибн-Дасты; говорит, что Русь жила тогда не на каком-то нездоровом острове, а в Киеве (28). Как будто она только и существовала тогда в одном Киеве! Известия Ибн-Фадлана, более всего не подходящие под норманнскую теорию, Томсен называет "очевидно по некоторым пунктам преувеличенными и не критичными" (29). Разумеется, в числе главных доказательств Скандинавского происхождения Руси является пресловутое *gentis Sueonum* Бертинских летописей. Но любопытно, как автор отделяется от несовместимого со шведским происхождением *Chasanus vocabulo*. "Самое вероятное", по его мнению, это то, что греки в данном случае шведских руссов смешали с аварами и хазарами и русскому королю придали хазарский титул, так как послы его могли прибыть в Константинополь через Хазарию (45). Комбинация, можно сказать, замечательная по своей невероятности.

В своей отсталости Томсен повторяет даже такие доказательства г. Куника, от которых сей последний уже отказался; например, Севельских руссов Аль Катиба (54). Скандинавский ученый также не нашел никакой Руси в Скандинавии. Как же он устраняет это затруднение? Видите ли, древние Руссы не называли себя Русью на своем родном языке; а так их называли на Востоке; аналогией тому будто бы слу-

жит название немцев Германами (96). Большого невежества по отношению к Древней Руси и к приведенной аналогии, мне кажется, трудно и представить себе! Русский народ сам и не называл себя иначе как Русью или Росью, о чем, кроме Льва Диакона, ясно свидетельствуют договоры Олега и Игоря; а немцы, наоборот, сами себя не называли Германами и до сих не называют. Аналогию с Русью представляют только названия вроде Франции. Как русское племя, покорив родственные славянские и чуждые финские племена, постепенно в течение веков распространило имя Руси или Роси на большую часть Восточной Европы, так и франкское племя, покорив родственные немецкие племена (бургундов, готов) и неродственное кельтическое население Галлии, постепенно в течение нескольких столетий распространило имя Франции на всю Галлию. Изложенные на следующих страницах догадки автора, старающиеся объяснить отсутствие Руси в самой Скандинавии, сводятся к тому, что имя Русь произошло от финского Ротси, которым финны называли шведов, и что это имя славяне дали пришедшим скандинавам, заимствуя его от финнов, и т. п. Все подобные догадки обнаруживают только крайнюю наивность их автора в сфере историко-этнографических вопросов. А главное, догадки эти совершенно не нужны, потому что Русь распространяла свое господство не с севера, а с юга. Известно, что имя ее как народа встречается уже у классических писателей I века; это - Роксалане или Россалане, которых норманнская школа всеми способами, но тщетно, пытается изгнать из истории.

Если г. Томсен слаб собственно в исторической критике, то от него, как филолога-специалиста и притом природного скандинава, можно было бы ожидать каких-либо научных подтверждений для норманнской системы, именно со стороны филологии; например, более удовлетворительного объяснения русских названий порогов и личных имен, т. е. объяснения из скандинавских языков. Ничуть не бывало.

Филология его представляет все те же этимологические натяжки, которые сочинены петербургскими академиками. А то, что г. Томсен присовокупляет от себя, ниже всякой критики. Например, слово Айфар, соответствующее славянскому названию Неясыть и означающее, по Константину Багрянородному, пеликана, совсем не существует в скандинавских языках, да и пеликанов там нет; поэтому автор предлагает превратить его в Eiforr, что значит "всегда стремящийся". Но в таком случае что же станет с текстом Константина, по которому Айфар означает пеликана? Геландри, по новому объяснению г. Томсена, значит не что иное, как "смеющийся". (Смеющийся порог!) Далее вместо Струвун он придумал Струкун, чтобы получить из него "маленький порог" на старошведском языке (68-72). Относительно личных имен все та же система превращения их в скандинавские, на основании разных подобий, например Олега в Гельги, Берна в Бьерна, Рогволода в Рагнвальда, Ингивлада в Ингивальда, Свирька в Сверкира, Шибрида в Зигфрида и пр. Те же имена, для которых не находится скандинавских подобий, автор считает до того испорченными, что их трудно определить; в их числе упомянуты и такие, которые, напротив, отчетливее других сохранились в рукописях, каковы Ятвяг, Бойко, Синько, Борич.

Относительно последнего имени, т. е. Борич, замечу, что оно служит одним из многих примеров того искажения, которому подвергался первоначальный текст летописи у позднейших сводчиков и писателей. Мы можем теперь восстановить истину, благодаря фотографическому изданию списков Лаврентьевского и Ипатьевского. В Лаврентьевском в конце Игоревых послов, заключивших договор, стоит синко борич; а в Ипатском исинько-бирич. (Так же в списках Радвиловском и Моск. Духов. Академии.) Любопытно, что редакция нового издания Ипатской летописи, 1871 года, напечатавшая ее список с началом (которого в прежнем издании недоставало) последние слова прочла и напечатала так:

Исинько Бирич. Таким образом, по Лаврентьевскому выходило два имени: одно Синко, другое Борич; по Ипатскому тоже два, но несколько отличные: одно Исинько, другое Бирич. А между тем Ипатский список и однородные с ним раскрывают истину. Тут оказывается только одно собственное имя; другое же слово есть звание того же лица; понятно, что перед этим именем как перед последним поставлена частица и, т. е. получается: и Синько бирич. Этот Синько не только носит совершенно славянскую уменьшительную кличку, но и является княжим "биричем", входившим в состав посольства. Надеюсь, что сие древнеславянское название герольда или глашатая никоим образом не гармонирует с якобы норманскими именами послов; так же, как совершенно не соответствует этой норманизации их клятва Перуном и Волосом, - о чем г. Томсен, очевидно, не знает, что сказать.

Кстати, к прежним своим соображениям относительно личных имен прибавлю несколько новых. Один из послов Grim как будто непременно должен быть немцем или норманном; а между тем по-малорусски гром и доселе произносится grim, что совершенно соответствует выражению grimдют сабли в Слове о П. Игоре (как уже было указано мною прежде). Далее у чехов и лужицких сербов тоже произносится grimати вместо нашего греметь. Затем в числе древних славяно-русских имен встречается Grimислава; так, по Длугошу, называлась Русская княжна, вышедшая замуж за Лешка Белого в XIII веке; вероятно, было и мужское имя Grimислав. В XIV веке встречаются имена Grimко и Grimало (см. у Белевского, Monum. II). Отсюда понятно потом существование славяно-польской фамилии Grimайлов или Grжималов. Возьмем тоже Прастена, посла Турдова. Прастен до того славянское слово, что только предвзятая теория может превращать его в Frustain и т. п. (142). А что Турд было туземное, не пришлое из Скандинавии имя, подтверждает существование таких названий в Суздальском

крае, как Турдан, городище на р. Колокше, село Турдиево и Турдиевы враги (овраги) в Костромской губернии (гр. Уварова о Мери в Трудах первого Археологич. съезда 673 и 683 стр.). Или возьмем Гунара; имя Гудя не только существовало в старину у малороссов, а также у сербов и болгар; но гуня доселе означает род кафтана в Пермской губернии и Западной Сибири (см. "Юго-западную часть Томской губернии" Потанина II т. 571 стр. в Этногр. Сборн." VI и "Пермскую губ." Мозеля). Не продолжаю набравшихся у меня еще разных мелких заметок по этой части, надеюсь, сказанного достаточно, чтобы видеть всю поверхностность, всю предвзятость отношения норманнской школы к данному вопросу. Русь вместе с крещением приняла греческие имена, и только небольшая часть прежних языческих имен продолжала после того обращаться в народе. Тем не менее значительное количество имен Олегова и Игорева договоров все-таки встречается потом в Древней Руси, в летописях и других памятниках. Мы имеем полное право заключать, что эти договоры счастливым случаем сохранили нам целый сборник славяно-русских имен языческой эпохи.

Надеюсь также, что приведенных указаний достаточно, чтобы дать настоящую цену хвастливому заявлению немецкого издателя, будто брошюрка г. Томсена представляет, так сказать, последнее слово науки по варяго-русскому вопросу. А между тем наши отечественные норманисты весьма ей обрадовались, и одно периодическое издание, специально посвященное критике, поспешило усмотреть в ней какие-то новые подтверждения пресловутой теории. ("Критическое Обозрение". М. 1879. No 20. Изд. В. Миллера и М. Ковалевского.) Вот что значит явное пристрастие!

Обращаясь к тому положению, которое я выставил краеугольным камнем, исходною точкою отправления в своей борьбе с норманнизмом, т. е. к первоначальному тексту летописи и к смешению Руси с варягами в позднейших ее списках, нельзя не удивляться, что мои противники совер-

шенно обходят молчанием это положение и представленные мною доказательства и ограничиваются голословными фразами о правдивости Нестора вообще. (Заметьте при этом также их упрямство по отношению к имени летописца. Не существует никаких серьезных доказательств, что Повесть временных лет написал Нестор. Мало того, игумен Сильвестр сам ясно говорит в ней, что он написал сей летописец. Так нет, он, видите ли, не написал, а только переписал летопись Несторову.) Я же с своей стороны все более и более убеждаюсь в помянутом положении. Между прочим льщу себя надеждою, что мне посчастливилось напасть на самый ключ к этому позднему недоразумению.

Никто доселе не обратил внимания на то, что в некоторых списках начальной летописи, по поводу посольства за море к варяжским князьям, сказано: "Реша (Варягом) Русь, Чудь, Словене, Кривичи и Весь: земля наша велика" и пр. Так значит, например, в списках Ипатском, Троицком, Переяславском. Между тем в других, напр, в Лаврентьевском, стоит: "Реша Руси, Чюдь, Словене, Кривичи" и т. д. Мы не сомневаемся, что в первых списках в этом случае сохранился остаток первоначальной редакции, где Русь является в числе народов, отправивших послов за море к варягам. Следовательно, не одни летописные своды Западнорусские (судя по польским историкам, которые ими пользовались) и Новгородские (судя по летописцу Никифора и по отрывку Иакимовской летописи) сохраняли первоначальную редакцию; но следы ее находим и в северо-восточной России. Это столь, повидимому, ничтожное изменение первоначального Русь в Руси повело к важному недоразумению. Стоило только какому-либо переписчику или сводчику, не разобрав подлинника, поставить "послаша (или реша) к Варягом Руси, Чюдь, Словене" и пр., вместо "к Варягом Русь, Чюдь, Словене", как мало-помалу явилась целая группа таких искаженных списков; а кто-либо из дальнейших северо-восточных писателей и сводчиков, приняв эту ошибку за исти-

ну, и, смешивая Русь с Варягами, постарался еще подкрепить ее некоторыми голосами вроде: "сице бо звахуть ты Варягы Русь, яко се друзии зовутся Свее, друзии же Урманни, Англяне" и пр. И вот таким образом в Суздальских и позднейших северных сводах появилась смешанная в одно, небывалая народность Варяго-Руссов. Но любопытно, что в некоторых местах северо-восточных летописных сводов все-таки остались следы первоначального текста, резко противоречащие этой позднейшей редакции. Например: "Поляне яже ныне зовома я Русь", а "Словенск язык и Руский одно есть", и пр. Точно так же сохранившиеся тексты договоров Олега и Игоря говорят только о Руси и никаких варяго-руссов не знают.

Кто пристально занимался разными списками наших летописей, тот знает, как часто встречаются разногласия в их текстах. Вы не найдете и двух списков буквально во всем сходных. Явное доказательство, как сильно местами попорчен, искажен первоначальный текст под пером сводчиков и переписчиков! Я мог бы привести многие примеры разногласий и искажений, которые совершенно затемняют или извращают смысл и могут быть исправляемы только при тщательном сличении списков. Чтобы недалеко ходить, укажу на ту же самую фразу о речи послов варягам. По некоторым спискам, за море посылали послов Русь, Чюдь, Словене (новгородцы), Кривичи и Весь; а в других Весь превратилась во вся или во вси, и сообразно с тем получился различный смысл. По одним это вси как бы относится к предыдущему слову "Кривичи", т. е. "все Кривичи". По другим это вся отошло к следующему слову "земля", и вышло так: "вся земля наша велика и обильна". Подобным же образом, повторяю, кем-либо не разобранный именительная форма Русь и ошибкою списанная в дательной форме Руси отнесена потом к предыдущему слову (стоявшему или подразумеваемому) "Варягом", и получилось понятие о послахе, отправленных за море к Руси или "к Варягом к Руси". А затем пошло

уже, почти систематическое, нелепое смешение двух разных народов в один. Но в этом смешении, как я сказал, участвовали далеко не все группы летописных списков; древние Западнорусские и Новгородские списки по всем признакам остались более или менее близки к первоначальной редакции.

Ввиду многих и добросовестных исследований, посвященных Русской летописи, можно бы удивляться тому, что доселе не был восстановлен ее первоначальный текст в таком важном пункте. Но, пока норманизм господствовал в нашей историографии, никому и в голову не приходило подвергнуть критическому анализу помянутые разногласия списков и рассмотреть их в связи с отношениями варягов к Русской истории.

Итак, повторяю, легенда о призвании варягов имела первоначально династический характер, т. е. выводила Киевский княжеский род из-за моря от Варяжских князей; но отнюдь не представляла все Русское племя чуждым, неславянским, пришлым из-за моря. Раз установив это положение, мы уже собственно не имеем большой надобности опровергать самую легенду. Если Русь была туземное племя, известное у более древних писателей под именем Роксалан, то ей не было нужды призывать к себе чужих князей, так как у нее издревле были свои собственные. О Роксаланских князьях упоминают источники еще I и II века по Р. Х.

Для нас достаточно отвергнуть басню о призвании варяжских князей на основании ее фактической несостоятельности, и никто не вправе требовать, чтобы мы непременно объяснили когда, почему, каким путем возникла эта басня. Однако и на этот счет мы уже предлагали свои соображения. В настоящее время пополним их следующими указаниями.

Некоторый свет на происхождение данной басни бросают слова летописца по поводу убиения Андрея Боголюбского и последующих беспорядков. "Не ведуче глаголемаго: идеже

закон, туи обид много", "князь бо не туне меч носит" и т. п. (Лаврент. список). Затем повествуется, как вследствие этих беспорядков и опасности от соседей дружина и земство собрались на вече, и начали думать, за каким князем послать, т. е. кого из князей призвать на свой стол. Летописец, очевидно, пользуется этим случаем, чтобы указать на положение земли, которая не может стоять без князя, и вообще на необходимость княжеской власти. Те же самые понятия очевидно выставлял на первый план и начальный Киевский летописец, свидетель многих смут и усобиц в конце XI и начале XII века. (Не говорю о Новгороде, где призвание того или другого князя сделалось обычным явлением.) Когда ему пришлось объяснить начало Русского княжения, то, ровно ничего не зная о стародавних, исторических князьях Руси, он выставил домысел, конечно не ему одному принадлежавший, а сложившийся около того времени при самом князем дворе, домысел о том, что были когда-то на Руси смуты и безнарядье, усобицы и обиды от соседей, и вот, чтобы прекратить это безнарядье, земское вече решило призвать князей из-за моря от варягов. А варяги как раз в те времена, т. е. в XI веке, состояли у нас в почете и в родстве с нашим княжим домом и были славны в целой Европе. В этой легенде заключается своего рода легитимная или монархическая тенденция, тем более понятная, что летописец принадлежал к духовному сословию, которое с самого начала является у нас в тесном союзе со светскою или княжею властью.

Следовательно, для того, кто близко ознакомится с духом древней Русской истории, книжный домысел о призвании варяжских князей не покажется бессмысленным. Он сделался таковым только после искажения первоначального летописного текста, когда некоторые невежественные переписчики и сводчики все Русское племя стали относить к варягам.

Если искать аналогии для происхождения Русского государства и для самой басни о трех братьях варягах, то самую

подходящую аналогию представляет возникновение литовского великого княжения. Известно, какие генеалогические басни сложились о заморском выходце Палемоне и его трех сыновьях, судя по хроникам Быховца и Стрыйковского. К счастью, Литовское государство возникало на глазах русских летописцев, и самые достоверные известия, хотя краткие и отрывочные, мы находим именно в Волынской летописи. Там мы встречаем большое количество мелких туземных князей или державцев. Для отпора внешней опасности они составляют родовые союзы под главенством старших в роде, или более сильных державцев; а потом из среды этих родов возвышается один, к которому принадлежал Миндовг; сей последний подчиняет себе значительную часть Литовской земли и соседней Руси. Но не вдруг окрепло начатое им объединение. Следуют разные смуты и перевороты, пока объединение вновь и еще с большим успехом стало совершаться трудами Гедимина. То же самое, но еще в более продолжительный период происходило с Восточнославянскими и некоторыми финскими племенами, которых объединили Киевско-Русский княжий род и его славяно-русские дружины. Любопытно, что договоры Литовских князей с Волынскими также можно поставить в параллель с договорами Олега и Игоря. Например, укажу на заключение мирного договора в 1215 г. (по Ипат. списку). Содержание трактата не приводится; но тут приведены имена участвовавших в нем до двадцати Литовских князей со старшим Живинбудом во главе, - что напоминает договорные имена удельных князей и бояр Олега и Игоря.

По поводу данного вопроса не могу не посетовать на большинство наших славистов. Немцы отлично разработали начало Немецкой истории. Но, скажите, где начало славянской? Мы, пожалуй, готовы разыскивать славянские колонии в Италии, Испании, Азии и Африке; но постоянно упускали из виду главное массу славян Понтийских и отчасти Дунайских, откуда и пошла Славянская история. Славянство в ви-

де Руси и болгар бьет сильным ключом в истории Юго-Западной Европы с V по X век включительно. Болгаре потрясли Византийскую империю, наводнили ее Балканские провинции и заставили сказать Константина Багрянородного: "ославянилась вся страна". А Русь своим мечом объединила многие славянские племена и распространила свое владычество от Ладожского озера до Тамани и от Карпат до нижнего течения Оки. Наши же слависты выставляют эти могучие цельные славянские народы какими-то тенями, межеумками. Все это, по их мнению, сделала с одной стороны горсть каких-то скандинавских выходцев, а с другой - какая-то татарская или чудская орда, сама непонятным образом обратившаяся в славян. Ясно, что подобные "Славянские слависты", с гг. Ягичем и Макушевым во главе, не ведают основных исторических законов, действующих в развитии народов и государств. Они являются в этом случае прислужниками немецких теорий и стараются поддержать их, возлагая древнерусские имена на этимологическую дыбу и всеми неправдами вымучивая из них иноземное значение или, даже без всякой дыбы, голословно объявляя болгарские имена не то чудскими, не то татарскими, потому только, что не умеют добыть из них никакого смысла. И такие-то в высшей степени поверхностные приемы выставляются ими же за якобы высоконаучные!

В заключение не лишним считаю заметить, что я веду борьбу только с норманизмом как системой, долго господствовавшей в русской историографии и имевшей за себя хотя некоторые основания. Другие, еще менее состоятельные, теории происхождения Руси оставляю в стороне. Так, например, в последнее время известен исполненный эрудиции большой труд Геденова, пытавшегося провести Славяно-Балтийскую теорию Руси. (См. выше.) Ту же теорию продолжает отстаивать г. Забелин. Мы считаем ее настолько безнадежною, что не желаем тратить время на ее опровержение. Что касается собственно моей системы, то ее

по справедливости называют Роксоланскою. Но, в сущности, я не предлагаю никакой искусственной теории. Я только вооружился критическим анализом относительно всех тех источников и аргументов, на которых создались теории иноземного и неславянского происхождения Руси. Я только отрицаю все подобные теории, выставя несостоятельность их источников и доказательств. А затем моя положительная сторона вытекает уже сама собою из этого отрицания. Если нет никаких серьезных доказательств считать Русь народом чуждым, пришлым в IX веке из Скандинавии и откуда бы то ни было, то ясно, что в данную эпоху (в эпоху мнимого призвания князей) это был народ туземный, и притом славянский. А если пойдем в глубь веков, то встречаем приблизительно на тех же местах народ Роксалан или Рос-Алан; следовательно, вот имя, под которым наши предки были известны у более древних писателей. Такова сущность моей системы: надеюсь, никакой сложной искусственной теории я не предлагаю. Я стараюсь только восстановить исторический факт, затемненный сначала домыслами и относительным невежеством наших старых книжников, а потом окончательно извращенный некоторыми учеными прошлого и настоящего столетия, с помощью неверных историко-филологических приемов.

1 Из журнала "Древняя и Новая Россия". 1880. Апрель.

2 Норманисты все еще настаивают на Данах, хотя по некоторым вариантам видно, что надобно читать Данаев, т. е. греков. На основании греческой религии, латинские хронисты Русь причисляют иногда к Греции.

V

Специальные труды по начальной русской истории

"Русская военная история". Составил князь Н. Голицын. Две части (до Петра Великого). С.-Пб. 1877-1878. "История Русской церкви". Е. Голубинского. Период домонгольский. М. 1880. "Очерки Русской истории в памятниках быта". П. Полевого. Два выпуска (до XIV века). 1879-1880.

Нам уже не раз случалось указывать на тот вред, который принесла и продолжает приносить норманнская теория, препятствуя правильной обработке первого периода Русской истории почти по всем сторонам народного и государственного быта. История гражданская, военная, церковная, бытовая, юридическая, филология, этнография, археология, все это немилосердно искажает факты и делает ложные выводы, как скоро берет своим исходным пунктом мнимое пришествие Руси откуда-то из-за моря, в IX веке. Перед нами три довольно объемистых труда, которые именно страдают от помянутой теории, в особенности два первые.

Во введении к своему сочинению князь Голицын перечисляет массу источников и пособий. Тут вы найдете: летописи русские, византийские и западнославянские, даже жития святых и разные акты, всевозможные сочинения по истории русской, западнославянской, польской, чешской, литовской, шведской, монгольской и т. д. Но для нас важны отношения автора к своим источникам: как и насколько он ими воспользовался? Предпринимая самое изложение русской военной истории, князь Голицын начинает свое повествование очень издалека, то есть со скифов и сарматов: перечисляет все их племена, описывает религию, сообщает вкратце историю. Затем он переходит к описанию славян, их расселению, быту, перечислению всех племен и т. п. Не упускает повторить домысел о невоинственности славян (стр. 21), а в сущности, об их пассивности, - домысел, пущенный в ход немецкими писателями и поддержанный их близорукими славянскими последователями, тогда как самый поверхностный обзор исторических фактов противоречит этому взгляду. Судя по перечню источников и пособий,

сочинителю как будто известны и мои исследования о начале Руси. Тем не менее он повторяет старые басни о призвании варягов и считает "первоначальный состав и характер нашей княжеской дружины чисто норманнскими" (стр. 31); преобразование же норманнского войска в славянское совершили Владимир и Ярослав (стр. 32). И вот таким образом вся начальная военная история руссов, можно сказать уничтожена одним ударом. Зачеркнуты те своеобразные и характерные черты, с которыми русская рать является под Царьградом в 865 году. Пропали для русской военной истории те в высшей степени любопытные подробности, которые Лев Диакон сообщает о военном строе и боевых приемах Руси Святослава. Ибо все это оказывается не наше собственное, а чужое, норманнское. Сообразно с норманнской тенденцией, автор старается уменьшать действительные цифры русской рати. Так, под Царьградом, по всем данным, Русь можно положить *minimum* в 12 или 15 тысяч воинов; у Святослава же, по византийским известиям, было в Болгарии 60 000 человек. Понятно, что такие числа никак не подходят к норманнским наемным отрядам; а потому в первом случае выставляется 8 тысяч, а во втором 10; к последнему для пополнения цифры прибавляются толпы венгров и печенегов (стр. 32), хотя Лев Диакон ясно говорит о большом и однородном войске, сплошь состоявшем из руссов. Упущены из виду известия арабские, повествующие о походах Руси в Каспийское море в количестве пятидесяти-тысячной рати.

Князь Голицын утверждает, что Владимир и Ярослав образовали "народное русское войско" и с того времени перестали призывать наемные варяжские дружины. Между тем в действительности было наоборот. До Владимира только в Новгороде находим намеки на пребывание наемного варяжского отряда или гарнизона; а в Киевской Руси, судя по ясным свидетельствам византийцев-современников, еще не было в обычае употреблять для войны дружины наемных

варягов. Только при Владимире они являются в Киеве, и только при Ярославе встречаются в русском войске, ходившем на греков. Исходя от ложного мнения о норманнском составе наших древних дружин, сочинитель, между прочим, приписывает им клинообразный строй, который "по тогдашнему выражению назывался свиньей" (37), тогда как это выражение встречается в летописях только в XIII веке, в применении к Ливонским рыцарям.

"В походах по рекам, - говорит сочинитель, - войска часто вытаскивали суда свои на берега и несли их на себе (на револоках, порогах и т. п.), а один раз, в походе к Константинополю, если верить византийским летописцам, ехали на своих ладьях по земле и по ветру на парусах и катках" (стр. 38). В этих немногих словах заключается несколько капитальных ошибок. Во-первых, никакие византийские летописцы не говорят о путешествии русских ладий на парусах и катках, а есть нечто подобное между теми баснями, которыми наполнена наша начальная летопись, именно по поводу мифической осады Константинополя Олегом. Во-вторых, о перетаскивании судов на руках по волокам и мимо порогов, на расстоянии нескольких десятков верст, не говорит ни один источник. Это плод пылкого воображения норманистов, которые заставляют варягов на своих морских судах плавать из Балтийского моря в Черное по обширным волокам, мимо Двинских и Днепровских порогов; источники же говорят следующее. И скандинавские саги, и русские летописи, рассказывая о норманнских походах в Россию, указывают город Ладогу крайним пределом, до которого доходили их суда. Далее вверх по Волхову они не могли следовать по причине порогов. Торговые караваны около этих порогов перегружались на туземные более легкие суда, чтобы идти в Новгород. Вверх по Двине могли ходить тоже не морские суда, а плоскодонные барки или дощаники, также по причине порогов; затем товары перегружались на телеги и волоком, то есть сухопутьем, перевозились до Смоленска, к

верхнему Днепру. На этот порядок прямо указывают торговые договоры Новгорода и Смоленска с варяжскими и немецкими городами. Караваны, ходившие Днепром в Грецию, составлялись из ладей, которые строились в Полесье и весною спускались в Днепр; в Киеве они снаряжались и выгружались и отсюда шли вниз. Они проходили сквозь пороги, а никак не таскались на руках мимо них, что было бы невозможно физически. О том ясно говорит Константин Багрянородный. На все эти обстоятельства я имел уже честь указывать в своих изысканиях; но последователи тенденциозной норманнской теории продолжают игнорировать несомненные свидетельства источников.

"В удельном периоде руссы в строе и образе действий войск в бою заимствовали уже многое от соседних народов - особенно тюркского племени, равно и от венгров" (стр. 38). И несколько ниже: "Весьма вероятно, что в строе и образе действий войск руссы многое заимствовали: в северной Руси у шведов и Ливонских рыцарей, а в западной и юго-западной - у соседей своих, поляков и венгров". Эта основанная на одних предположениях характеристика русского военного искусства в удельный период страдает таким же недостатком изучения, как и предыдущий мнимо-норманнский период. А между тем вот что говорит главный источник для нашего удельного времени, то есть русская летопись. В 1229 г. Даниил Романович с братом Васильком ходили на помощь Конраду Мазовецкому и вместе с ним осаждали город Калиш. "Кондрату же любящу русский бой и понужающу Ляхы свое, онем же одинако нехотящим". (Ипат. летоп. по нов. изд., 504.) Итак, был свой собственный "русский бой", то есть свои особые приемы, свое русское военное искусство, которому Конрад отдавал предпочтение перед собственным польским. Если бы сочинитель вместо помянутого перечня многочисленных источников внимательно изучил хотя бы одну Киево-Волынскую летопись, то он нашел бы там довольно ценного материала для характе-

ристики нашего военного искусства в удельную эпоху и убедился бы, что оно стояло довольно высоко по тому времени и было вполне своеобразно; следовательно, имело уже свои традиции, свое историческое развитие. Вместо ни к чему не пригодного, сухого перечня почти всех войн и походов этого периода и его запутанной политической истории, автор поступил бы гораздо лучше, если бы сосредоточил свое внимание на фактах, самых характерных и более подробно изложенных летописцами, а потом уже отсюда строил бы свои выводы о военной стороне русской исторической жизни. Например, следовало бы подвергнуть особому изучению такие события, как известный поход Игоря на половцев, битву на Руте, Липецкую битву, походы Даниила Романовича на ятвягов и т. п.

Ограничивая пока свою критику собственно киевскою эпохою нашей истории, я оставляю здесь сочинение князя Голицына, которое чем более подвигается к позднему времени, тем более представляет разнообразного поучительного материала и вообще заслуживает внимания как первая систематическая попытка в этом роде. Перехожу к следующему специальному труду: к "Истории Русской церкви" г. Голубинского.

Не скроем, что книга г. Голубинского произвела на нас тяжелое впечатление. От писателя, уже известного добросовестными трудами, признаться, мы никак не ожидали столь превратного и поверхностного отношения к делу и такого слепого поклонения отжившей норманнской системе. Если бы г. Голубинский, просто и не мудрствуя лукаво, следовал летописным басням и ошибкам списателей, а также установленным норманистами домыслам и толкованиям, его труд имел бы хотя внешний вид некоторого построения. Но автор вздумал местами не соглашаться с начальною летописью и поправлять ее, а местами пересыпать свой рассказ о введении в России христианства с полемикою с антинорманистами. В числе последних, очевидно, он возражает и на

мои доводы, хотя меня не называет; причем на каждом шагу мы убеждаемся, что исследования наши если он отчасти и просматривал, то очень невнимательно. В результате он постоянно пугается в новых домыслах и противоречит не только историческим фактам, но и самому себе.

Во-первых, он принимает Аскольда и Дира за исторические лица, пришедшие с Рюриком из Скандинавии, но отвергает рассказ летописи об их нападении на Царьград. Русь, нападавшая на Царьград и после того крестившаяся, по его мнению, была не киевская, а таврическая, "не имевшая к киевской никакого отношения" (стр. 24). "О руссах азовско-таврических пока еще не найдено никаких исторических свидетельств". И вслед за тем сочинитель сам приводит свидетельства о ней арабов и некоторые географические названия. Варяго-руссы пришли и поселились на Таманском полуострове (неизвестно когда) рядом с своими родичами готами "и слились с ними в один народ, так что русское называли готским и наоборот". Таким образом, русское Евангелие, найденное Константином в Крыму, было собственно готское (стр. 30). Далее, по поводу Сурожской легенды, автор говорит: "Мы ни одного писателя не знаем и ни одного свидетельства не имеем, чтобы славяне наши до прибытия к нам варягов занимались набегами на другие народы, а напротив, знаем только, что они сами были целью этих набегов и что эта постоянная страдательная роль составляла их характеристическую и отличительную черту" (стр. 45). Сказать это может только тот, кто не имеет ни малейшего понятия о фактической истории славян. Если автор не верит в тождество Руси и Роксалан, то все-таки неужели ему неизвестны византийские свидетельства об антах или восточных славянах? (Не говорим уже о сарматах, которых автор, вероятно, тоже относит к немцам.)

Между прочим, г. Голубинский пускается и в филологические толкования этот самый скользкий путь для всех толкователей. Относительно имени Руси он принимает такую

комбинацию. Финны называют шведов Rotsi; новгородцы познакомились с норманнами через финнов, назвали их финским именем "и произошло русское (славянское) имя норманнов. Вслед за русскими назвали норманнов этим именем греки, а за греками арабы" (стр. 49). Можно ли придумать комбинацию более наивную и менее серьезную! Тут не выходит главного: как же сами-то русские славяне стали себя называть Русью? Откуда, из каких источников видно, что новгородцы познакомились с норманнами через финнов? Известно, например, что первые плавали ко вторым прямо на остров Готланд, а вторые прямо плавали к первым в Ладогу. Притом сам же автор говорит, что новгородцы назвали себя не Русью, а славянами (стр. 45). Притом уже было приведено столько фактов, указывающих на принадлежность имени Руси преимущественно днепровским славянам, что необыкновенно странно теперь встречать подобные толкования. Если все соседи называли нас руссами, то конечно, потому, что мы сами так себя называли. "Созвучие в имени народа русь с названиями рек Рось и Руса просто случайное" (стр. 51). В том же роде идут далее рассуждения об именах князей и послов. Но обратимся собственно к введению христианства.

Оказывается, что христианство ввели к нам варяги, служившие прежде в Константинополе. Следует ссылка на договор Игоря. Там говорится о христианской Руси, о варягах же ни слова. Но для автора это все равно, так как он убежден в их тождестве; притом же в летописи стоят слова: "мнози бо беша Варязи християни". Между тем эти слова не принадлежат договору, а суть замечание самого летописца и вставлены очевидно позднее, то есть, когда составители сводов начали смешивать варягов с русью; но автору до таких истин нет дела. Он верит А. А. Кунику более, чем историческим фактам; верит ему в том, что варяги давным-давно служили в Константино-поле и там крестились, хотя прямые византийские известия начинают упоминать об этой

службе только с XI века, когда варяги были уже христианами западной (а не восточной) церкви. Затем г. Голубинский полагает, что киевская церковь Илии была только подражанием воображаемой им варяжской Ильинской церкви в Константинополе и что от сей последней церкви киевские варяги получали для себя священников (стр. 63). Одним словом, мы видим полный произвол в догадках и толкованиях автора по самому существенному предмету его книги (как известно, его докторской диссертации).

Приступая к крещению Владимира, г. Голубинский выражает свое прискорбие о том, что он должен уничтожить старую веру в летописную повесть об этом крещении: "Неумолимый долг историка заставляет нас сказать, что повесть эта не заключает в себе ничего истинного, что она есть позднейший вымысел, по всей вероятности, не русский, а греческий". Он признает ее "позднейшею вставкой в летописи", не имеющею связи с предыдущим (стр. 91). Затем автор старается опровергнуть летописный рассказ. Мы не будем разбирать этих опровержений, хотя не согласны с ним в некоторых подробностях. Обратим внимание только на явное противоречие: сочинитель не задумывается вычеркнуть из летописи даже эту священную легенду, тогда как благоговет перед басней о призвании варягов и не обнаруживает ни малейших критических попыток в вопросе о позднейшем смешении в летописях варягов с русью и таких позднейших глоссах, как фраза: "мнози бо беша Варязи христиане".

Устранив легенду о выборе веры и крещении Владимира, г. Голубинский ведет опять длинные рассуждения о том, как варяги, служившие прежде в Константинополе, вводили христианскую веру в России. Следить за этими рассуждениями, по их запутанности и беспрерывно встречающимся произвольным догадкам, мы отказываемся, а поставим ему на вид следующие обстоятельства: говоря о перемене религии, кажется, можно было бы коснуться прежней, старой религии народа. Автор этого не касается. Толкуя о договорах

с греками, он совсем не замечает, что его мнимые варяги поклоняются Перуну и Волосу, а не Тору и Одину. Положим, это обычный промах норманистов. Но вот что особенно удивительно в историке Русской церкви: это совершенный пропуск вопроса о церковно-славянской грамоте и славянском богослужении. По мнению г. Голубинского, христианство ввели в России варяги; они же ввели у нас грамотность, причем воспользовались готскою письменностью. И эта готская грамотность образовалась у нас, повидимому, до Владимира (стр. 83). С другой стороны, Владимир, по толкованиям автора, только продолжал дело варягов и сам принял крещение не от греков или болгар, а именно от варягов (стр. 110-112). Когда же и каким образом готская грамотность и готское богослужение превратились в славянское, на это книга г. Голубинского ответа не дает. Нам казалось бы, что автор начальной истории нашего христианства на первом плане должен иметь вопрос о церковно-славянском богослужении и тесно связанной с ним славянской грамотности; пройти мимо этого вопроса просто невыносимо.

Вот к чему приводят норманнские измышления хотя и умных людей, но нетвердых в исторической критике!

Любопытна также последняя глава (IV) книги г. Голубинского, трактующая о древнерусском просвещении. Он пытается доказать, что в домонгольский период у нас просвещение отнюдь не стояло выше, чем в период татарского ига, и что иго это никакого особого ущерба русскому просвещению не сделало. О таком воззрении можно только сказать: ново и оригинально, но исторически неверно. Очевидно г. Голубинский не задумывался над такими сохранившимися до нас произведениями домонгольской Руси, как, например, Слово о полку Игореве и Дмитриевский собор во Владимире. Ему и в голову не пришло сравнить их с произведениями последующей, т. е. татарской эпохи.

Обратимся к третьему сочинению, то есть, к "Очеркам Русской истории в памятниках быта". Перед нами труд, да-

леко оставляющий за собою оба предыдущие по своему более добросовестному отношению к источникам, ясному и толковому изложению; к тому же он снабжен хорошими рисунками памятников. Это очень полезное пособие для знакомства с домонгольским периодом русской истории. Мы не будем останавливаться на некоторых замечаниях, которые могли бы сделать по поводу того или другого положения. Коснемся только отношений этого труда к вопросу о происхождении Русской народности, и к мнениям о древнем русском искусстве.

В первой части сочинения, в которой автор начинает свое изложение с каменного века и обзрывает народы, обитавшие в Восточной Европе, он как будто не отделяет руссов от славян, например, при описании судовых караванов на Днепре и обрядов трупосожжения. Но во второй части, посвященной Преимущественно Киевскому периоду, он является вдруг норманистом и последователем летописных басен. Это обстоятельство помешало ему, например, более исторично взглянуть на древнейший Киев. Ему так же, как мифическим Аскольду и Диру, Киев во второй половине IX века представляется "небольшим городком на горе". Исходя из этого положения, автор считает за "первоначальный городок Киев" вершину "так называемой СтароКиевской горы" (стр. 9). А Подол, по его мнению, начал заселяться позднее, собственно при Владимире I и Ярославе I (стр. 11). Мы полагаем, что в действительности происходило наоборот. По всем признакам, поселение на Подоле было древнее верхнего города. Множество предметов каменного века, находимых в соседних береговых низинах, ясно говорит - в какую глубокую древность простиралось их заселение. На то же обстоятельство указывают остатки пещерных жилищ. А затем, с установлением водного торгового пути, конечно, начал обстроиваться нижний город как судовая пристань. Отсюда поселения постепенно распространились вверх по холмам и удолям. Тогда-то обстроился верхний город или

кремль, как укрепленное жилище князя и его дружины, возворившихся здесь уже в виду значительного и торгового поселения. Таков естественный ход вещей по отношению к данной местности. А что Киев "только со второй половины X века стал быстро возрастать и к концу XI века уже успел увеличиться в двадцать раз против своего первоначального объема" (стр. 9), то есть объема второй половины IX века, это совершенная гипербола, навеянная басней о вокняжении здесь варяжских выходцев.

Неверный исходный пункт (господство в Киеве варягов) ведет автора и к дальнейшим натяжкам, именно там, где он рассуждает о князе и его отношениях к народу. Непонятным является, почему же не Новгород, а Киев, столь незначительный еще во второй половине IX века, в начале X, то есть при Олеге, является уже значительным торговым городом, главою обширной страны, имевшей и другие славные торговые города, как Чернигов, Любеч, Переяславль? Откуда в этом якобы маленьком городке, отвоеванном у хазар варягами, так быстро развилось шумное народное вече, ограничивавшее княжескую власть? Откуда произошли эти "ряды" или уговоры народа с князем? Да откуда, наконец, взялся сам этот сильный славянорусский народ киевлян (о котором арабские писатели ясно говорят тоже в начале X века), если в IX веке он был слаб и ничтожен и переходил то к хазарскому, то к варяжскому господству?

В обзоре Владимиро-Суздальского края автор сообщает результаты курганных раскопок в области мерян, причем пользуется исследованием графа Уварова "Меряне и их быт по курганным раскопкам" (Труды перв. археол. съезда). Это превосходное исследование вызывает только следующее недоумение. Автор его нашел в раскопанных могильниках два племени: одно туземное, несомненно мерянское, другое пришлое и, несомненно, с более развитою гражданственностью. Последнее он признал за варягов. Судя по монетам, племя это сохраняло свои языческие обряды погребения до

самого XI века. Между тем в этом веке, по всем историческим данным, Суздальский край уже является краем по преимуществу славянорусским. Меря так рано ославянилась, что мы не можем найти никаких остатков ее языка и только по аналогии и по раскопкам судим о ее религии. Выходит, таким образом, что чистокровные Варяги ославянили Мерю. Вот к каким логическим выводам приводила даже лучших исследователей нашей старины норманнская теория! Автор "Очерков" также выставляет положение, что Меря очень рано ославянилась (стр. 142 и 150). Но он как-то обходит указание раскопок на другое высшее по развитию племя, в котором мы можем с полной достоверностью признать славяно-русов. Вместо того чтоб указать именно на русскую колонизацию, он говорит вообще о славянских колонистах; голословно заставляют Мерю посылать своих купцов в Камскую Болгарию, в Новгород и на Балтийское поморье; а началом этих торговых сношений с западом полагает IX век, "когда смелые ватаги варяжские новгородским путем проникли в верховье Волги, а оттуда в дебри дремучих ростовских и владимирских лесов" (стр. 149). Следовательно, опять получается значительная путаница представлений. Варяги приходят в ростовские дебри, а Меря оказывается настолько предприимчива и промышленна, что сама отправляется торговать на Балтийское поморье. При чем же тут славяне и каким образом эта торговая, предприимчивая Меря успела значительно ославяниться к XI веку? Нет, как хотите, а с норманнской системой, по русской поговорке, куда ни кинь, все выходит клин, то есть совершенный разлад с несомненными историческими фактами. От варягов якобы мы получили военное искусство; от них же пришло к нам христианство, с церковно-славянской грамотой впридачу. Наконец, варяги ославянили для нас целый северо-восточный край древней Руси! 1

Последнее наше возражение П. Н. Полевому относится к архитектуре и орнаментике суздальских храмов XII и XIII веков².

"При первом взгляде на памятники владимирские бросается в глаза их резкое различие с памятниками киевскими, как в общем характере, так и в частности", - говорит г. Полевой (стр. 186). Затем он распространяется о западном, романском влиянии, которое принесло с собою в Ростовско-Суздальскую область новые (не греческие и киевские) архитектурные образцы" (стр.189). "Простое сравнение древних памятников Ростовско-Суздальской области, в связи с некоторыми хронологическими данными их истории, заставило прийти к тому убеждению, что западное влияние уже и ранее Андрея Боголюбского, может быть- под влиянием Смоленска, Новгорода и Пскова, нашло себе доступ на северо-восточную окраину Руси XII века" (ibid.). "Судя по некоторым подробностям плана его (владимирского Успенского собора) и по летописному известию, указывающему на то, что собор Андреев был одноглавый, мы имеем право заключить, что он также не отступал по внешности от общего романского типа церквей, построенных в Владимиро-Суздальском крае Юрием и Андреем" (стр. 195). Относительно рельефных изображений на стенах Дмитровского собора автор, вслед за графом Строгановым, полагает, что художник подражал церкви св. Марка в Венеции, и разместил на стенах православного храма сюжеты, взятые из западных преданий и не имевшие "ничего общего с русско-византийскою почвою нашего северо-востока" (стр. 205). В XIII веке, по его мнению, суздальские храмы отступают "от первоначального простого образца романских построек". Например, пятиглавие является уже в конце XII века. Собор в Юрьеве-Польском "значительно уклонился от романского образца в том, что к нему с трех сторон пристроены были обширные притворы, покрытые богатыми резными украшениями" (стр. 206).

Мы выписали из текста существенные положения автора, относящиеся к суздальскому стилю. В примечаниях 89-м - 96-м он старается подкрепить свои положения разными ссылками, преимущественно на статью графа Уварова: "Взгляд на архитектуру XII века в Суздальском княжестве" (Труды первого археологического съезда) и монографию графа Строганова: "Дмитриевский собор в Владимире на Клязьме" (М. 1849), а также на полемическую анонимную брошюру, изданную в 1878 году в Петербурге против известного сочинения французского ученого архитектора Виоллеле-Дюка (Lart Russe. Paris- 1877). Между прочим, в примечании 98-м П. Н. Полевой говорит о проверке фактов археологической критикой. "В необходимости такой проверки нас еще более убедили те страницы новой книги Д. И. Иловайского, которые он посвящает описанию древнерусского орнамента, наряда и украшений одежды" (стр. 226). Этими немногими словами автор "Очерков" заявил, что мое последнее сочинение ("Владимирский период русской истории") не осталось для него неизвестным, и вместе с тем заявил сомнение в моей археологической критике.

Для тех, которые ознакомились с моим сочинением, напомним, что относительно полемики, возникшей по поводу книги Виоллеле-Дюка, я (хотя далеко не разделяю всех его положений) склоняюсь несколько на его сторону в вопросе о так называемом романском стиле суздальских храмов, их украшений и вообще древнерусских орнаментов. Стиль этих орнаментов отразился даже на некоторых украшениях одежды. В своей книге я говорю, что во всех подобных украшениях в сильной степени проявилось самостоятельное русское художество и своеобразный русский вкус: "Сей последний, при известной даровитости племени, с незапамятных времен воспитывался на роскошных образцах искусства и промышленности, как греческой, так и восточной, преимущественно персидской, которые путем военной добычи, торговых и других сношений постоянно притекали в

Восточную Европу" (стр. 319). Такое мое положение о своеобразном русском вкусе, с незапамятных времен развивавшемся на греко-восточных образцах, очевидно, не нравится тем, которые не признают за нашими предками более старой и более оригинальной гражданственности. По их мнению, как Русское государство - не древнего и самобытного происхождения, а создано западными пришельцами не ранее второй половины IX века, так и старое русское искусство не имело какого-либо более древнего начала и своеобразного характера, а явилось простым внешним подражанием прежде Византии, потом западу. Это отрицание древнерусской самобытности, как мы видим, доходит до того, что и начало нашему военному искусству будто бы положили варяги, и христианство, и грамоту к нам ввели тоже варяги.

Обратимся к приведенным выше положениям "Очерков" о стиле суздальских храмов.

Во-первых, автор решительно говорит об архитектурных романских образцах, тогда как в изложении подробностей никакой собственно романской архитектуры мы не видим. Одноглавие не составляет какой-либо отличительной романской черты: оно существует и в храмах чисто византийского типа. Относительно плана суздальских церквей опять мы видим византийский или собственно византийско-киевский тип. Нельзя сравнивать суздальские постройки с храмом св. Марка в Венеции, помимо этой византийско-киевской архитектуры, которой он соответствует и по времени, и по характеру стиля. Он такой же пятиглавый, как соборы Черниговский и Новгородский (последний имеет шестую главу над вежею), а своими мозаиками сближается с Киево-Софийским. В плане он несколько отстает от них; например, имеет только одно алтарное полукружие, тогда как на Руси утвердилось преимущественно тройное. Вообще св. Марк принадлежит к типу чисто византийскому, а не романскому, хотя последний и возник на византийской основе. Далее, нельзя говорить о каком-то западном влиянии, ко-

торое - может быть - через Смоленск, Новгород и Псков проникло в северо-восточную Россию еще ранее Андрея Боголюбского. Псков пока не играл значительной роли в сношении с Западом; а храмы смоленские и новгородские той эпохи принадлежат к такому же византийскому типу, как и киевские. В домонгольский период гражданственность Суздальской Руси не была ниже Новгородской, особенно в деле зодчества: храмы суздальские несравненно изящнее построены и украшены, нежели храмы новгородские. В течение всего этого периода Суздальский край находился под непосредственным влиянием киевской гражданственности, и ростовско-владимирские храмы доказывают это лучше всего. Автор "Очерков" начинает историю суздальского храмового зодчества с построек Юрия Долгорукого и образцов для них ищет на западе, в романской архитектуре, полагаясь на выводы названных выше сторонников романского влияния. Между тем в книге моей (стр. 211) указан первоначальный образец для этого зодчества, именно Успенский храм в Киево-Печерском монастыре. В сказании Печерского патерика о построении сего последнего храма прямо говорится, что по его точному подобию Владимир Мономах создал храм Богородицы в Ростове, в такую же высоту, ширину и длину, и велел расписать его теми же самыми иконами и на тех же самых местах. А сын Мономаха, Юрий Долгорукий, во время своего княжения "в ту же меру" построил Богородичный собор в Суздале. (Памятники Русской Литературы XII и XIII веков. Изд. Яковлевым. С.-Пб. 1872, стр. СХХIII.) Это свидетельство, доселе упускавшееся из виду, ясно указывает на то, что суздальское храмовое зодчество возникло под непосредственным влиянием зодчества киевского. Росписание икон на тех же самых местах подтверждает, что архитектурные здания были тождественны с Киево-Печерским храмом. Разумеется, при дальнейшем развитии этого зодчества происходили некоторые несущественные видоизменения и приспособления первоначального образца.

Итак, вопрос о романском влиянии должен быть сведен не к архитектуре, а собственно к наружной орнаментации и дугообразным порталам. Хотя в постройке суздальских храмов и участвовали западные мастера, но они должны были вполне подчиняться установившемуся греко-русскому типу; церковное разъединение наше с западом, ревность к греческому обряду и высшая духовная власть, находившаяся в руках Греков, препятствовали всякому отступлению от этого типа. Не забудем, что сооружение данных храмов производилось под непосредственным наблюдением епископов и вообще духовенства. Еще менее могло быть отступлений в украшении внутренних стен, которое на севере состояло исключительно из фресковой иконописи. Некоторая свобода могла быть предоставлена только наружным украшениям. Действительно, художество воспользовалось этою долею свободы и покрыло стены суздальских храмов затейливыми, по местам раскрашенными, рельефами. В этих только украшениях и могло сказаться влияние западных мастеров, но не в такой степени, как полагают поборники романского влияния. В данных украшениях, несомненно, сказался и собственный русский вкус, как известно, весьма склонный к пестроте и затейливости. Оживленный спор между романистами и византийцами по поводу суздальского стиля вообще начался с 1869 года, то есть с Первого археологического съезда. Я внимательно следил за этим спором. Когда же вышло сочинение Виолле-ле-Дюка, то для меня было очень важно, что такой знаток романской архитектуры, и по своему положению лицо беспристрастное, не только не усмотрел в суздальских орнаментах исключительно романского влияния, а напротив, указал на присутствие художественного вкуса, развивавшегося преимущественно под влиянием Византии и Востока. Впрочем, ученый архитектор вдался несколько в другую крайность, то есть предоставил восточным элементам уже чрезмерное преобладание. Притом вве-

денный в заблуждение норманнской теорией происхождения Руси, он припутал еще и скандинавские элементы.

Считая проводниками романского влияния в Суздаль северно-русские города, Смоленск и Новгород, автор "Очерков" не обратил внимания еще на другое фактическое указание: на присутствие разных узорчатых порталов и раскрашенных с позолотой наружных рельефов ("прилепов") в юго-западной Руси того времени. О них говорит волынский летописец, сообщая нам подробности о построенной Даниилом Романовичем на Холме церкви Иоанна Златоуста. В Галиции, скорее чем в Суздале, могло сказаться западное влияние. Любопытно, однако, что приведенное летописцем имя "хитреца", высекавшего узоры на камне (Авдий), совсем не указывает на западное происхождение. Конечно, и там изящный Холмский храм не был каким-либо нововведением, а явился результатом долгого предшествовавшего развития художеств. Тот же летописец, по поводу татарского нашествия, говорит о большом количестве русских мастеров всякого рода. Так называемые обронные, то есть скульптурные украшения не были совершенною новостью на Руси ни в Суздале, ни в Холме. Они не чужды и древне-киевским орнаментам, на что указывают рельефы Ярославовой гробницы и некоторые другие фрагменты с высеченными на камне фигурами животных и людей. Звериным мотивам Дмитровского собора предшествовали таковые же мотивы киево-софийских фресок. В "Очерках", в примечании 94-м, как доказательство немецкой народности строителей Дмитровского собора и сильного немецкого влияния на его обронные украшения, указаны "те орлы, которые мы видим в числе его орнаментов и которые при Фридрихе I введены были в герб западных императоров". По этому поводу заметим, что орел является и гербом Галицкого княжения, судя по известию той же Волынской летописи. Она говорит, что наверху каменной башни, воздвигнутой Даниилом близ Холма, стоял изваянный из камня орел, и, повидимому,

двуглавый. Такой, именно двуглавый, орел свидетельствует опять о происхождении герба из Византии, хотя к Галичу Германия была бы еще ближе.

Что касается до мастеров в Суздальском крае, то поборники преобладавшего западного влияния обыкновенно приводят свидетельства летописи над 1194 годом по поводу обновления собора в городе Суздале. Епископ Иоанн не искал мастеров из немцев, а нашел своих: одни лили олово, другие им покрывали кровлю, третьи белили стены известью. Но здесь говорится о мастерах-техниках, о штукатурках и литейщиках. Каменные постройки на нашем севере начались собственно с христианских храмов, а в техническом отношении там мы, несомненно, должны были коечему поучиться у немцев, между прочим искусству каменной резьбы, особенно человеческих фигур. Но вопрос идет о стиле и орнаментах; а это не одно и то же. Я нисколько не исключаю некоторого романского влияния на суздальские прилепы и прямо указываю в своей книге на участие западных мастеров в суздальских постройках (особенно Андрея Боголюбского). Мое главное положение состоит в том, что владими́ро-суздальский архитектурный стиль есть дальнейшее развитие византийско-киевского, его непосредственное продолжение; что в суздальской орнаментации наряду с романским влиянием сказался своеобразный русский вкус, и проявились многие своеобразные мотивы, напоминающие более восточный, чем западный пошиб. Собственно архитектурный стиль развивался не из романского, а параллельно с ним; тот и другой имел византийскую основу, но суздальский к ней ближе, чем романский. Только варварское татарское иго воспрепятствовало дальнейшему самостоятельному развитию изящного русского стиля на нашем северо-востоке.

Приведенная "Очерками" в числе своих авторитетов анонимная брошюра, озаглавленная "Виолле-ле-Дюк и архитектура в России", является крайнюю степенью романизма в

данном споре и полным отрицанием самобытных черт в древнерусском искусстве. Но брошюра эта сама исполнена фактических промахов, начиная с того, что Ярослав соорудил церковь св. Софии в Киеве будто бы "по образцу храма Юстиниана в Константинополе" (стр. 4). Известно, что Киево-Софийский собор принадлежит иному, более позднему византийскому типу, чем Константинопольская София. Почти такая же неточность повторяется на следующей странице относительно Черниговского собора, в котором были галереи для женщин, будто бы не встречающиеся в других русских храмах. Хоры или галереи для женщин существуют и в суздальских храмах, но обыкновенно они ограничиваются там одною западною стороною, подобно некоторым византийским церквам близкого к той эпохи периода. При сравнении суздальских храмов с киево-черниговскими, автор брошюры упустил из виду, например, Успенский храм черниговского Елецкого монастыря, который в архитектурном отношении может служить одним из звеньев, связующих ростовско-суздальский стиль с киево-черниговским. Далее говорится, будто "области Ростова и Суздаля, покрытые в те отдаленные времена дремучими лесами и непроходимыми болотами, не имели почти никаких сношений с востоком" (стр. 6). Это противоречит не только арабским свидетельствам и арабским монетам, но даже нашим летописям. Болота и леса не мешали сообщениям по водному Волжскому пути (к тому же сношения и связи русского племени с востоком начались, конечно, не с X века, а еще в те времена, когда русское или Роксаланское племя соседило с Боспорским царством и прикавказскими народами. Далее, будто бы "в Ростовской земле до XIII века находился всего один монастырь" (стр. 7), тогда как только известных нам монастырей можно насчитать около десятка. "Тип самого здания владимирского Успенского собора был избран совершенно противоположным византийскому" (ibid). Этот тип, как известно, общий ростовско-суздальским храмам, а

что послужило им непосредственным образцом, мы указали выше; да и без этого указания один поверхностный взгляд на планы и разрезы здания убеждает в византийско-киевских образцах. "Великий князь Всеволод обратился (за строителями) к Фридриху I, находившемуся с ним в близких сношениях после того, как последний приютил сына его, Владимира, и помог ему снова овладеть княжеством Галицким" (стр. 17). В этих немногих словах находим целый ряд неточностей. Во-первых, едва ли Фридрих Барбарусса имеет какое-либо отношение к Дмитровскому собору, о котором летопись упоминает спустя семь лет после его смерти. Владимир был племянник, а не сын Всеволода III. "Ближние сношения" между Всеволодом и Фридрихом не могли возникнуть вследствие услуги, оказанной последним Владимиром: она случилась в тот момент, когда император собирался в крестовый поход; действительно, он вскоре отправился и погиб в этом походе. Наоборот, Фридрих радушно принял беглеца Владимира, потому что прежде того находился в дружеских отношениях со Всеволодом. Помянутое выше свидетельство летописи под 1194 годом заставляет предполагать, что Всеволод мог уже найти у себя дома мастеров для постройки Дмитровского собора. Несколько позднейший по времени Юрьевский собор и его роскошное оброчное узорочье даже некоторыми поборниками романизма признаются за произведение русских мастеров. А не могла же эта русская художественная школа образоваться вдруг, без долгого предварительного развития. Вообще, рассказ об обращении Всеволода к Фридриху и о посылке сим последним строителей не основан ни на каких данных. Не продолжаем далее выписок, обнаруживающих разлад помянутой брошюры с точными фактами. Автор "Очерков" положился на выводы этой полемической брошюры, очевидно, без особой критики.

1 Придется предположить, что в старину северо-германское племя питало необыкновенную симпатию ко всему сла-

вянскому, очень легко и охотно превращалось в славян и в этом отношении составляло совершенную противоположность современным немцам, в особенности ученым.

2 Привожу здесь и эту часть своей рецензии, так как она касается источников русского строительного искусства, которое доселе представляли простыми и поздними заимствованиями у других народов, подобно только что приведенному примеру относительно искусства военного.

VI

Заключительное слово о народности руссов и болгар¹

В предыдущей статье ("Специальные труды по начальной русской истории") я старался показать на некоторых специальных исторических трудах последнего времени, в какие неизбежные противоречия с фактами и несомненными свидетельствами впадают те исследователи начального периода нашей истории, которые продолжают принимать за свой исходный пункт норманнскую теорию происхождения Руси. Вот уже в течение десяти лет я веду постоянную, непрерывную борьбу с этой искусственной теорией, которая, благодаря долговременному господству в русской историографии, успела приобрести почти догматический характер и многочисленных сторонников. К тому же на ее поддержку выступила и племенная тенденция в лице ученых преимущественно немецкого происхождения. Понятно, что при подобных условиях легкомысленно было бы думать, что с нею можно раз навсегда покончить в один, в два приема. Нет, чтобы покончить с нею основательно и бесповоротно, чтобы расчистить место более прочному, более научному построению нашего исторического фундамента, нужно было вести возможно энергичную и неустанную борьбу, нужно было отражать сыпавшиеся с разных сторон возражения, за-

мечания, недоумения и даже глумления. Надеюсь, соотечественники не упрекнут меня в том, чтоб я отступил перед этою борьбою. Я имею доказательства, что варяго-русский вопрос, в 1871 году поднятый мною вновь и на новых основаниях, пользуется несомненным вниманием русского образованного общества; хотя некоторые поверхностные отзывы и пытались ослабить его скучным, надоевшим вопросом. Это внимание, помимо собственного, научного интереса, служило мне немалым одобрением в помянутой борьбе. В настоящей своей статье я желаю объяснить последний фазис вопроса, указать вообще на приемы моих противников и прибавить еще несколько черт к сумме прежних своих доказательств.

Я много благодарен моим возражателям в том отношении, что они заставляли меня вновь и вновь возвращаться к предмету, проверять свои основания и все более углубляться в сущность вопроса. Благодаря тому, некоторые его стороны и подробности, мало освещенные и недостаточно развитые в первых моих статьях, впоследствии более уяснились и подвинулись в обработке, а некоторые соображения и доказательства второстепенной важности подверглись поправкам или совсем отброшены.

Между прочим в своих изысканиях о руссах я натолкнулся на болгарские племена, обитавшие в Южной Руси, и счел необходимым пересмотр вопроса о болгарях. Этот пересмотр привел меня к тому выводу, что болгаре, как и русь, были чистое восточно-славянское племя. Тогда сделалось возможным отнести так называемую славянскую параллель в названиях Днепровских порогов у Константина Багрянородного именно к названиям какой-либо болгарской ветви. Уяснилось тогда для меня отношение так называемых Черных Болгар к Руси Тмутраканской, и сделалось возможным предположение, что русские письмена, найденные Кириллом и Мефодием в Крыму, были не что иное, как письмена славяно-болгарские. Уяснилась таким образом и связь на-

чального русского христианства с греческими городами в Тавриде. Далее, высказанное мною в первых статьях предположение, что относительно сказания о призвании варягов-руси в летописях, дошедших до нас, мы имеем дело с позднейшим искаженным текстом и с какими-то позднейшими вставками - это предположение впоследствии подверглось более тщательному обследованию. Конечный мой вывод был тот, что басня о призвании трех варяжских князей, несомненно, была внесена уже в первоначальный текст Повести временных лет самим игуменом Выдубецким Сильвестром, который был автором этой повести, а не переписчиком ее (как ошибочно думали, полагая сочинителем ее печерского инок Нестора, автора житий игумена Феодосия и Бориса и Глеба). Начало басни о призвании варягов я отнес к первой половине XI века, а развитие ее - ко второй половине, то есть к эпохе сыновей и внуков Ингигерды. Потом в некоторых списках летописи, не ранее конца XII века, русь, посылавшая послов к варягам, была спутана с самими варягами, и тогда получился небывалый народ варяги-русь. Я указал и на самый процесс этого искажения, именно в списках северо-восточных: утверждению такого искаженного текста много способствовала наступившая эпоха татарского ига, эпоха упадка древнерусской образованности и затемнения киевских преданий.

Такое позднейшее искажение первоначального летописного текста, такое смешение варягов и руси в один народ невежественными переписчиками и сводчиками я выставил краеугольным камнем всего здания норманнской системы происхождения Руси, и пригласил моих противников опровергнуть прежде всего этот мой главный вывод. Весьма любопытно то обстоятельство, что противники, несмотря на многократные заявления с моей стороны, до сих пор тщательно обходили именно этот основной пункт моей Роксаланской системы или стародавнего туземного происхождения Руси. Даже наиболее почтенные из них в своих возра-

жениях приписывали мне такое мнение, будто самая легенда о призвании варягов "была сочинена в Новгороде в XIII веке". При этом обыкновенно они ссылались на первые мои статьи, неверно их перетолковывая и совсем игнорируя последующие, и именно те, в которых основное мое положение об искажении текста развито наиболее. Вообще от такого невнимания к новой постановке вопроса и к другим существенным моим основаниям полемика неизбежно должна была затянуться. Мне нередко приходилось напоминать, что ответы на многие возражения уже даны в моих статьях; что прежде, нежели повторять эти возражения, следовало опровергнуть мои ответы. Я даже приходил иногда к убеждению, что противники не только не вникали в мои доводы, но и просто не читали их толком или совсем не читали.

В особенности любопытны приемы норманистов по отношению к филологической стороне вопроса. Если в первых моих статьях и были сделаны попытки дать иные объяснения собственным именам, нежели давала норманнская система, то впоследствии, глубже вникая в эту сторону, я убедился в полной несостоятельности современной филологической науки точно и удовлетворительно объяснить нам древние личные имена и географические названия; приглашал пока просто остановиться на факте несомненного употребления большинства данных имен у восточных славян, употребления, засвидетельствованного разнообразными источниками, и предлагал только объяснения примерные, за исключением немногих случаев, относительно которых высказал положительное заключение. Норманисты продолжали игнорировать эту мою основную мысль и голословно присвоивать своей этимологии монополию научности, несмотря на вопиющие натяжки и произвол своих объяснений. Несостоятельность их филологии доказывается тем, что если они в подтверждение своих толкований и ссылались на какие-то законы языка, то при сем никогда не могли привести ни одного ясного, бесспорного закона, который мог бы

точно и фактически быть проверенным. А между тем им оставался неизвестным такой фактор, как закон народного осмысления многих собственных имен, которых настоящий смысл или давно утратился, или был непонятен по своему инородческому происхождению. Кроме того, они злоупотребляли тою возможностью, которую представляет для этимологических толкований общее арийское родство языков немецкого и славянского корня.

Итак, никто из моих специальных возражателей, сколько-нибудь известных в ученой литературе, не может пожаловаться, чтоб он остался без ответа с моей стороны. В особенности это относится к покойному Погдину и А. А. Куннику. Последние мои ответы были представлены на рассуждения о варягах-руси того же петербургского академика Кунника, копенгагенского профессора Томсена и покойного нашего историка Соловьева (см. выше). Кроме таких специальных противников, в нашей науке и литературе последнего времени встречались и другие, которые, не принимая на себя систематической полемики со мною, высказывались или вообще за норманнскую систему, или прямо против меня, при удобном случае, мимоходом. Но так как их мнения выражались большею частью или слишком отрывочно, или в голословной, бездоказательной форме, то они почти не представляют материала для научной полемики. Однако я не желал по возможности и таковых противников оставлять совсем без ответа. (Последним доказательством тому служит моя предыдущая статья.) В настоящее время представляю еще пример выставленных против меня некоторых соображений, не выдерживающих фактической проверки.

На Казанском археологическом съезде 1877 года один весьма уважаемый мною ученый, хотя и не безусловный сторонник норманнской теории, по поводу своего реферата "О характере власти наших первых князей", высказал, между прочим, два возражения. Против туземного их происхождения будто бы говорят следующие обстоятельства: 1) на

Руси не сохранилось народных легенд о божественном происхождении князей, как это встречается у других народов, и 2) начальная хронология нашей летописи достоверна, так как летописец пользовался какими-то старыми записями, что подтверждается его сказанием о комете 912 года. (Возражения эти, хотя и не вполне, напечатаны в "Известиях Четвертого археологического съезда" Казань, 1877, стр. 125-127.) Случайно я не мог в то время ответить на эти возражения. Отвечаю теперь. Легенды о божественном происхождении князей не везде сохранились и у других народов. А главное, у кого мы будем искать сохранения таких легенд на Руси? Они, конечно, могли принадлежать только к языческому периоду; а наш летописец-монах или игумен менее всего расположен был передавать потомству мифологические басни. И если он, почему бы то ни было, раз остановился на известном домысле о призвании князей из-за моря, то, естественно, не желал и повторять такие легенды, которые противоречили бы этому его излюбленному домыслу. Скорее всего подобная легенда могла сохраниться в поэтических произведениях, проникнутых языческим мировоззрением. И она действительно сохранилась. Слово о Полку Игореве прямо называет русских князей потомками (внуками) Даждьбога. Поэт, конечно, не сам придумал такую генеалогию, а взял ее из народных этнических сказаний. Мало вероятно, чтобы таковые сказания остались совершенно неизвестными автору начальной летописи, игумну Сильвестру; но он, повторяю, с своей точки зрения относился к подобной генеалогии неприязненно, отрицательно. Что же касается до кометы 912 года, то она менее всего может свидетельствовать в пользу каких-то современных ей русских записок и достоверности летописной хронологии о варяжских князьях. Известно, что образцом и главным источником начальной летописи служил славянский перевод византийской хроники Амартола и его продолжателей. Из той же хроники заимствовано также известие и о комете 912 г. (см. гречес-

кий текст в Учен. Зап. Акад. Н., кн. VI, стр. 797). В русской летописи оно, конечно ошибкой, отнесено к 911 году. Мы уверены, что многоуважаемый ученый (К. Н. Бестужев-Рюмин) примет наше объяснение с обычными ему беспристрастием и любовью к исторической истине.

Пользуюсь случаем прибавить кое-что к вопросу об источниках русского начального летописца.

В прежних своих работах я уже указывал на результаты, которые получаются от сравнения всех известий летописи о морских походах в Византию. Оказывается, что известия о походах 865 и 941 гг. заимствованы ею буквально из хроники Амартола и его продолжателей, и в них не упоминается о варягах. Известия о походах 907 и 944 гг. свои собственные, не заимствованные; они баснословны и приплетают варягов. Наконец, известие о походе 1043 г. очевидно самостоятельное, независимое от византийских хроник; оно отличается от них подробностями, но сходно с ними указывает на участие наемных варягов. Таким образом, это участие в данном морском походе является несомненным и хронологически первым. А отсюда, от времен Владимира и Ярослава, от конца X и первой половины XI века, летописец делал произвольное заключение о присутствии варягов и в двух помянутых предыдущих походах, о которых он не имел положительных, достоверных сведений (см. выше стр. 372-374). Я высказал предположение, что наш летописец известие о походе 1043 года, конечно, "почерпнул из рассказов стариков, современников самому событию". Это предположение свое могу подтвердить и дополнить следующей догадкой, основанной на сопоставлении разных свидетельств самой летописи. Под 1106 г. в ней говорится: "преставился Ян, старец добрый, жив лет 90; от него же аз многа словеса слышах, еже и вписах в летописаньи семь; его же гроб есть в Печерском монастыре в притворе". Этот старец был не кто иной, как знатный киевский боярин Ян Вышатич, друг знаменитого игумена Феодосия Печерского. Автор летописи,

игумен Выдубецкий Сильвестр, вероятно, сам был печерским иноком при Феодосии, а потому имел возможность нередко слышать рассказы Яна, когда тот посещал монастырь (а м.б. он беседовал с Яном, уже будучи Выдубецким игуменом?). К рассказам Яна, приводимым летописью, несомненно принадлежит пространное известие о волхвах в Ростовской области под 1071 г., причем Ян Вышатич главным образом повествовал о собственных подвигах. Если обратимся к неудачному походу Руси на Царьград в 1043 г., то увидим, во-первых, что тут не только подтверждается присутствие наемных варягов, но и прямо указано на их антагонизм или несогласие с Русью; а во-вторых, явно прославляется Вышата, "отец Янев", в ущерб другим начальникам. Из всех воевод только один Вышата не захотел покинуть 6000 руси, выброшенной бурей на берег, и сказал мужественные слова: "еще жив буду, с ними, еще ли погибну, то с дружиною". В этом известии нельзя не узнать того же источника, то есть Яна Вышатича, который, очевидно, любил рассказать что-нибудь любопытное или похвальное о себе и своем отце. Подробности похода 1043 г. он, конечно, слышал от отца Вышаты; но и сам Ян мог лично участвовать в том же походе, так как имел уже 27 лет от роду.

Если мы ближе всмотримся в то обстоятельство, что, только благодаря старикам, подобным Яну Вышатичу, летописец мог вести достоверное повествование с конца X или начала XI века; что туземных исторических записей о русских событиях он не имел ранее XI века (исключая некоторые договоры с греками), но еще более убедимся в том, как шатки и ненадежны его известия о событиях IX века и какое поле представлялось разного рода генеалогическим басням и тенденциозным домыслам. Он, например, ровно ничего не знает, по крайней мере не говорит, о великих походах Руси на восток, в Каспийское море, в первой половине X века; о чем так громко повествуют арабские писатели.

В параллель с басней о призвании варяжских князей можно поставить в наших летописях и другие сказания, сообщаемые еще более положительным тоном, но фактически совершенно неверные, и даже целые документы. Бог весть на каких основаниях сочиненные. Например, "Сказание о убийении Батыя во Угрех" (Воскресенск. и Никоновск.) или "Рукописание Магнуша короля Свейского". (Новогор. IV под 1347 г. Воскресенск. и Софийск. под 1352, Никоновская). Мало того, в настоящее время на Валааме монахи покажут вам даже могилу этого Магнуса, который будто бы здесь окончил свою жизнь православным иноком. Это так же, как в наше время сочинили могилу Синеуса около Белозерска, а под Новгородом вы найдете могилу Гостомысла. В недавнее время развалины каменной крепости в Старой Ладоге стали именовать "Рюриковым Городищем"; хотя нет никаких свидетельств о древности такого названия, и хотя летописи прямо свидетельствуют, что эта крепость построена ладожским посадником Павлом при Владимире Мономахе, именно в 1116 году. Тем не менее можно иногда встретить ссылки на подобные названия и могилы, как будто на какое-либо историческое свидетельство.

Впрочем, опять повторяю, что не призвание трех иноземных князей (наставительный домысел о начале княжеской власти как источнике гражданского порядка) считаю и корнем или узлом всего вопроса и всей норманнской системы, а несомненное искажение первоначального летописного текста, повлекшее за собою смешение туземной Руси с заморскими варягами в один небывалый народ. Приглашаю своих противников, и прежде всех достоуважаемого А. А. Куника, сосредоточиться на этом пункте и сопоставлением всех существующих текстов опровергнуть это мое главное положение.

Ввиду такого приглашения приведу вкратце мои доводы относительно позднейшего искажения летописного текста, в

котором первоначально Русь стояла на первом месте во ряду народов, призывавших варяжских князей.

1) Новгородские летописи, начало которых до нас не дошло, несомненно заключали в себе легенду о призвании князей. На это указывают: слова новгородских послов в Швеции в 1611 году, отрывок из Иоакимовой летописи и Летописец патриарха Никифора. Но в новгородских летописях Русь вместе с другими народами участвует в призвании князей от заморских варягов (а не от варягов-русов), о чем свидетельствуют тот же Иоакимовский отрывок, а главным образом Летописец патриарха Никифора. Сей последний не только составлен в Новгороде, но и дошел до нас в рукописи XIII века; следовательно, это самый старший из всех имеющихся налицо летописных списков. А там ясно сказано: "Придоша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи к Варягом, реша: земля наша" и проч.

2) Древние (XII-XIV вв.) западнорусские списки начальной летописи, равно и самые киевские списки, до нас не дошли. Но они имели текст легенды приблизительно в том же виде, как и новгородские. Доказательством тому служат черпавшие из них свои рассказы о Руси польские историки Длугош, Кромер, Меховский, Стрыйковской и др. Историки эти сообщают, что трех варяжских князей призвал не кто другой, как сама Русь или собственно часть ее (*nonnullae Ruthenorum nationes* - у Длугоша). В особенности для нас важно показание Стрыйковского, передающего подробно легенду о призвании князей с цитатой из русских летописей. Он говорит, что русские летописи не сообщают, кто были варяги, и предается по этому поводу разным домыслам, между прочим, сближает варягов с ваграми славяне-балтийскими. (Вот когда уже начались измышления славяно-балтийской теории!) Но замечательны следующие его слова: "Летописцы русские, не зная, кто были варяги, прямо начинают свои хроники таким образом: послаша Русь к Варягам, говоря "приходите княжить и владеть нами" и проч.

К тем же писателям XVI века, знакомым с русскими летописями и отделявшим Русь от Варягов, принадлежит и Герберштейн.

3) В некоторых имеющихся списках Повести временных лет и, между прочим, в старейших сохранились явные следы первоначальной, то есть Сильвестровой редакции. Например, в Лаврентьевском, Ипатьевском, Троицком, Переяславском при описании посольства за море сказано: "реша Русь, Чюдь, Словене, Кривичи и Весь: земля наша" и проч. В других списках (например, Радзивиловском) стоит: "реша Руси, Чудь, Словене, Кривичи". Весьма вероятно, что именно эта ошибка какого-то писца, сказавшего Руси вместо Русь, повторенная другими переписчиками, и послужила одним из источников искаженного текста. Так как выходило, что послы, отправленные к варягам, обращались с своей речью к Руси, то заключили об их тождестве, и в некоторых летописных сводах получился небывалый народ варяги-русь. По отделении руси от призывающих народов, на первом месте в числе сих народов осталась Чудь, чем и объясняется это странное первенство Чуди перед славянами в деле призвания князей. (То же в сводах Софийском и Воскресенском.)

4) Когда Русь по ошибке и невежеству переписчиков отнесена была к Варягам, тогда явились в тексте позднейшие вставки или глоссы, старавшиеся пояснить этих непонятных варяго-русов. Например: "сице бо звяхут ты Варагы Русь яко се другии зовутся Свее, друзии Урмани, Англяне, инии Готе". Или: "от тех прозвася Русская земля Новгородци, ти суть людие Новгородцы от рода Варяжска, преже бо беша Словене" (по Лаврент. списку); то есть: от варяг прозвались Русскою землею Новгородцы; а эти Новгородцы, будучи варяжского рода, прежде были славянами - бессмыслица полная. Но если возьмем в расчет Ипатьевский список, где в данном месте сказано только: "от тех варяг (то есть от Рюрика с братьями) прозвася Русская земля", и сравним с од-

ним предыдущим местом летописи, то, может быть, доберемся и до происхождения этой глоссы. А именно: "в лето 6360, индикта 15, наченшю Михаилу царствовати, начася прозывати Русская земля. О сем бо уведахом яко при сем цари приходиша Русь на Царьград, якоже пишет в летописании грецком". В этом первоначальном тексте довольно ясно говорится, что Русская земля тогда-то, при Михаиле царе, стала впервые прозываться, то есть впервые имя Руси встретилось в хронике Георгия Амартола по поводу нападения на Царьград. А глоссатор понял это буквально, то есть что Русь стала называться Русью только с того времени, к которому легенда приурочила свое призвание варяжских князей. Выходило, таким образом, что имя Руси пришло к нам с этими князьями, и тем более что (по указанной выше ошибке) послов посылали Чудь и Славяне к Руси. Но рядом с подобными глоссами остались и другие, явно противоречащие им выражения первоначальной редакции. Например: "Поляне яже зовома Русь"; или: "Словенск язык и русский один". Образчик позднейшего искажения текста о призвании видим и на слове Вель. В некоторых списках она занимает последнее место в ряду призывающих народов, а в других обратилась в слово вси или вся и отнесена то к предыдущему слову ("Кривичи вси"), то к последующему ("вся земля наша"). Следовательно, названия первого народа мнимой федерации (Русь) и последнего (Вель) подверглись отделению от этой федерации, искажению и вообще путанице.

5) Те же польские историки указывают на другой факт искажения в первоначальном тексте, именно на Оскольда и Дира, которые являются у них туземными князьями, потомками мифического Кия, что гораздо естественнее и сообразнее с ходом рассказа. (Нечто подобное видим в Степен кн., Никоновс. лет. и Русск. хронографе в Изборнике А. Попова.) Все это указывает на разнообразие, на варианты летописного текста. Наконец, если бы в первоначальном тексте легенды прямо и положительно говорилось, что Русь при-

надлежала к варягам, то не могло бы явиться и весьма разнообразного толкования имени Руси по свидетельству польских историков и некоторых русских летописей. Кроме домысла о происхождении ее от варягов, приводилось до шести следующих толкований: 1) от Руса, брата Чеху и Леху; 2) от сарматского народа Роксалан; 3) от города Русы; 4) от русских волос; 5) от слова рассеяния; 6) от реки Русы или Рось.

Надеюсь, что все приведенные мною ссылки и указания суть факты, которые каждый может проверить. А затем приглашаю опровергнуть те выводы, которые я делаю на основании этих факторов.

Изыскания о начале Руси, как я сказал, натолкнули меня, между прочим, на вопрос о народности древних болгар. А пересмотр этого вопроса привел меня к тому убеждению, что прежнее его решение было основано на явных недоразумениях, и предвзятых толкованиях. Та же немецкая наука, которая построила норманнскую систему Руси, усмотрела в болгарях какое-то туранское происхождение. Против нее восстал было Венелин. Но Шафарик, находившийся под непосредственным влиянием этой науки, своим авторитетом освятил мнение немцев; а за ним и западные, и наши слависты начали повторять это мнение как бы какую-то, в самом деле, научную истину. В действительности никто из них, положительно никто, не занялся этим вопросом специально и не обследовал его со всех сторон. Тем не менее некоторые из них, в особенности гг. Макушев и Ягич, заодно с А. А. Куником, весьма враждебно отнеслись к моему исследованию о происхождении болгар. Между тем до сих пор последователи туранской теории сами еще не установили твердого, определенного мнения об этом происхождении: большая часть их, вслед за Шафариком, видит в болгарях чудское или финское племя, а некоторые усматривают в них турецкую расу. Г. Куник построил даже особую теорию чувашско-татарского их происхождения. Главным орудием

подобных имен, которые не поддаются никаким строго научным объяснениям, а обыкновенно вздергиваются на этимологическую дыбу (любимое выражение наших норманистов), благодаря которой и получаются желаемые результаты. Любопытно при этом, что люди, не знающие финских или татарских языков, смело относят данные имена к тому или другому из этих языков.

Немалое влияние имеет в этом вопросе то обстоятельство, что наши университетские слависты - собственно специалисты по славянским наречиям, а не по славянской истории. Кафедра славянская большею частью у нас так поставлена, что история славян как бы для нее необязательна, а обязательны только их наречия. Еще менее можем ожидать строго научной, беспристрастной обработки древнеславянской истории от наших академиков-немцев. Поэтому и не удивительно, что древнейшая история славянства еще не имеет под собою твердо установленной почвы и слишком далеко отстала от той степени обработки, какую пользуется в науке начальная история племени германского.

По поводу болгар я уже имел случай отвечать гг. Макушеву и Кунику. (См. выше "К вопросу о болгарях".) Г. Ягичу отвечать было нечего, потому что его немецкое издание *Archiv für Slavische Philologie* при всяком удобном случае резко, но голословно высказывало свое несочувствие моим исследованиям о руси и болгарях. Другое дело, если бы г. Ягич попытался что-нибудь в этих исследованиях опровергнуть систематически, научным образом. Но так как, будучи филологом и отчасти этнографом, он менее всего историк славянства, то собственно нельзя и ожидать от него подобных опровержений.

Между тем недостаток Исторической почвы, недостаток историко-критического метода по отношению к древней истории славянства со стороны славистов-профессоров, как мы видим, отражается и на их учениках, то есть на тех мо-

лодых ученых, которые посвящают свои труды какому-либо отделу именно из этой древней славянской истории.

Перед нами, например, два сочинения молодых ученых, относящиеся к балканским славянам; одно: "Из истории древних болгар" М. Соколова. С.-Пб. 1879; другое: "Известия Константина Багрянородного о сербах и хорватах" К. Грота. С.-Пб. 1880. Оба сочинения удостоены награждения золотой медалью от С.-Петербургского университета. Награда заслуженная: от молодых ученых невозможно и требовать более основательного знакомства с источниками и литературой предмета; нельзя также требовать от них вполне самостоятельного и зрелого критического отношения к этой литературе. Отдавая должную им справедливость вообще, мы остановимся только на том, как они отнеслись к вопросу о болгарской народности. Преимущественно укажем на сочинение г. Соколова, которое специально посвящено болгарам; оно распадается на две половины: "Образование болгарской национальности" и "Принятие христианства болгарскими славянами".

Казалось бы, что сочинение, наполовину посвященное вопросу о национальности болгар, должно было отнестись к нему с особым тщанием, рассмотреть новую постановку этого вопроса и взвесить ее доводы. Ничуть не бывало. Тут мы видим повторение все тех же приемов и натяжек, которые так запутали и затемнили вопрос. Перечисляется масса славянских племен, поселившихся в восточной половине Балканского полуострова, с их именами и местами жительства, и эти племена трактуются отдельно от болгар, как бы существовавшие там до их прихода (57-58). А между тем источники упоминают об этих славянских племенах уже после водворения Аспаруховых болгар, и нет никаких данных утверждать, чтоб это не были племена именно болгарские. И те семь славянских родов, которые нашел там Аспарух (точнее Есперик), кроме сербов (или северян), были, вероятнее всего, болгары, переселение которых за Дунай со-

вершалось в течение, по крайней мере, двух столетий до Аспаруха.

Сам автор соглашается, что кутургуры, поселившиеся во Фракии при Юстиниане, были болгары; что сии последние появились за Дунаем еще ранее, в V веке; что с того времени не прекращалось их движение в эту сторону (стр. 40 и далее). Но в то же время автор продолжает исходным пунктом для болгарской истории считать легенду о Курате и его пяти сыновьях, относимых к VII веку, и без всяких доказательств выдавать эту легенду за исторический факт. Нельзя же принять за серьезное возражение мне и за доказательство ее историчности предположение, что "в их (Никифора и Феофана) изложении сохранились следы близости к событию автора того источника, которым они пользовались" (76). И это единственное возражение, которое я встретил у г. Соколова на исследование мое о болгарях. Впрочем, он упоминает обо мне еще раз, заметив, что я свое мнение о воинственности славян заимствовал у г. Дринова (91). Между тем моя борьба с антиславистами появилась в печати, если не ошибаюсь, двумя годами ранее диссертации г. Дринова, который притом в своей диссертации и в отношении болгар принадлежит также к антиславистам. Г. Соколов добавляет при этом: "Достаточно подробное опровержение теории Иловайского сделал Макушев в рецензии на книгу Иречка" (об этом опровержении г. Макушева, поверхностном и голословном, см. мой ответ выше). Я даже полагаю, что г. Соколов прочел только рецензию г. Макушева, но моего исследования, вероятно, не читал.

"Что касается национальности болгар, то в настоящее время можно считать окончательно доказанным, к какой группе народов они принадлежали" говорит г. Соколов (89). И тут же из дальнейшего развития этого положения мы видим, что ничего не только окончательно не доказано, а напротив, сами антислависты распадаются на две категории: одни относят болгар к чудской или финской группе, а дру-

гие - к тюркской. Г. Соколов склоняется к последней. Затем следуют обычные измышления против арийской народности болгар, как-то: "конный, воинственный народ со многими обычаями, свойственными только азиатским народам турецко-татарского племени"; "крепкая военная организация, развитое военное искусство и сильная монархическая власть", и все это противопоставляется "мягким нравам славян", отсутствию у них "военной, государственной организации". Отсталость и ненаучность подобных доводов я уже объяснял не раз и не буду вновь о них распространяться. Тут все произвольно и гадательно. Откуда, например, из каких источников взято это положение о сильной монархической власти у болгар еще в то время, когда они появились на пределах Византийской империи? И чем она была сильнее княжеской власти у русских и других славян? Что это за смешение всех славян того времени в один мирный, оседлый, пеший народ? История застаёт славян на пространстве от Адриатического моря до Волги, в горных и степных местах, по берегам морей и внутри континента, в соседстве с дикими и культурными народами, и все это будто имело одни обычаи, один склад жизни, одно политическое состояние и т.д.? Откуда это гадание, что именно восточные славяне, пришедшие прямо из черноморских степей, не могли явиться народом грубым, склонным к грабежу и разорению чужих земель? Произвол во всех этих доводах слишком очевиден, чтоб иметь притязание на какое-нибудь научное значение.

В своих исследованиях я, надеюсь, ясно показал, что, говоря о нравах и обычаях, наивно было бы смешивать вопрос о степени и характере культуры с вопросом о народности, что остатки кочевого быта не могут служить признаками исключительно туранского происхождения, и т. п.

Верх совершенства в приемах антиславистов составляют те гадания, посредством которых они пытаются объяснить быстрое и совершенно непонятное превращение болгар в

славян уже в IX веке. Вот эти гадания: "Влияние славян на болгар началось ранее их переселения за Дунай"; "очень может быть, что в Аспаруховой орде был элемент славянский". "Болгарский элемент несомненно продолжал существовать и после крещения болгар - в Добрудже, удобной для пастбищ коней, где положение их было изолировано".

"Орда Аспаруха была не очень многочисленная, не могла довольствоваться собственными силами и для борьбы с греками употребляла покоренных славян" (93-94). В наше время исторической критики как-то совестно вести борьбу с такими наивными приемами; их несостоятельность должна бросаться в глаза даже всякому, не посвященному в дело науки и обладающему только здравым смыслом. Чтобы спасти мнимое туранство болгар, оказывается необходимым прибегнуть к таким произвольным, ни на каких исторических свидетельствах не основанным гаданиям, как малочисленность болгар и присутствие славян в какой-то болгарской орде еще прежде ее переселения за Дунай. Оказывается, что этот грозный, воинственный болгарский народ был так слаб, что покорил себе балканских славян с помощью невоинственных, покоренных славян, неизвестно откуда взявшихся и к какой ветви принадлежавших. Оказывается, что этот энергичный, господствующий над славянами народ, снабженный сильною монархическою властью и военно-государственною организацией, не устоял перед кротким, покоренным племенем и быстро растаял; причем принял его язык, и так основательно, что не оставил в этом языке никаких своих следов. А что это за болгары, сохранившие свою татарскую национальность в Добрудже? На каких источниках это основано? И куда же исчезла эта якобы сохранившаяся там народность? Совершенно несправедливо также ссылаться на принятие христианства в оправдание такого превращения. Христианство тут ни при чем. Угры также покорили славян, поселились между ними, крестились (сначала также по византийскому обряду), однако не утратили своего

языка и народности. Вообще таких примеров нет, чтобы какой-либо господствующий народ быстро утратил свой язык, приняв христианство. Одним словом, тут мы встречаем полное неведение основных, элементарных законов исторической жизни народов и государств, совершенное неведение законов вымирания старых языков или образования новых. Ничего подобного нигде история нам не представляет.

Обращу внимание еще на следующее: Рядом с произвольным предположением о малочисленности болгар ставится еще другое произвольное предположение о том, что они ославянились не так быстро; что от VII века (времени их окончательного водворения за Дунаем) до IX века (времени крещения и славянской письменности) прошло около двух веков. И этот срок все-таки небывалый для превращения господствующего энергического племени в покоренное, притом якобы вялое, пассивное племя, дотоле ничем себя не заявившее и никакою культурою не обладавшее. Но не замечают еще при этом следующего промаха. Доказательства неславянства болгар, на основании их варварских нравов, сгруппированные Шафариком (на которого ссылаются), взяты преимущественно из войн Крума с Византией и из Ответов папы Николая I в 866 г. В эпоху же своего крещения (около 860 г.) болгары пользуются славянской грамотой и вообще являются уже чистыми славянами. Итак, если взять в расчет варварство болгар во время Крума, то для превращения их в славян получится каких-нибудь пятьдесят лет. А если принять во внимание указание на варварские превращения болгар в славян не только времени не останется, а первые продолжали оставаться болгарами, то есть самими собою, так сказать, вне всяких сроков. Одним словом, со всех сторон такие вопиющие противоречия, такое отсутствие смысла, что говорить после того о каком-то туранстве болгарских личных имен, прибегая при этом к греческой транскрипции и всякого рода натяжкам, и искать поддержки этому туранству в этимологических домыслах -

просто недостойно людей, занимающихся наукою². Вообще, в виду выставленного мною на передний план положения о невозможности помянутого превращения болгар в славян при данных условиях, заниматься всякого рода иными аргументами, вроде некоторых личных имен и некоторых обычаев - я в настоящее время считаю не более как толчением воды, простым делом самолюбия или национального пристрастия со стороны корифеев туранских теорий. Считаю долгом оговориться при этом, что книгою г. Соколова я пользуюсь как новым случаем указать на полный недостаток научных историко-критических приемов той школы, к которой он принадлежит относительно данного вопроса. От него, как начинающего молодого ученого, нельзя еще требовать полной самостоятельности и критической зрелости в подобных вопросах. Я имею в виду собственно тех, кого он повторяет. Нельзя не заметить, что в вопросах о неславянстве руси и болгар петербургская университетская наука находится под непосредственным влиянием С.-Петербургской академии наук и главным образом А. А. Куника. По крайней мере, я постоянно встречаюсь со ссылками на него в статьях и книгах петербургских молодых и немолодых ученых, как скоро речь заходит о древней Руси и болгарях. (К ним принадлежит и г. Соколов.)

Относительно названного выше сочинения г. К. Грота я должен отдать справедливость его изысканиям о Сербях и Хорватах. Тут можно было бы сделать только кое-какие замечания второстепенной важности. Но одно из приложений к своей книге он посвятил Болгарам, где касается вопроса о их народности. При этом он почти буквально, только вкратце, повторяет те же доводы и те же положения, какие предлагает г. Соколов. От г. Грота, конечно, также нельзя еще требовать самостоятельности в этом случае и критического отношения к туранской теории своих руководителей.

Итак, я обвиняю своих противников по данным вопросам в сильном недостатке истинных критических приемов, в за-

нятиях мелочами, вообще предметами, не имеющими серьезного значения, и в упущении из виду главных и важнейших сторон. Так, в вопросе о Руси я приглашал их прежде всего объяснить, как и куда бесследно пропал сильный Роксаланский народ и филологически опровергнуть, что первая половина его имени тождественна с названием Рось; затем приглашал доказать, что уже первоначальный летописный текст заключал в себе смешение Варягов с Русью в один народ, а далее доказать возможность того, чтобы целая федерация разноплеменных народов призвала откуда-то из-за моря чуждый народ для господства над собою. Точно так же в вопросе о Болгарах прежде всего им следовало доказать физическую возможность такого быстрого превращения энергического племени завоевателей и основателей государственного быта в народность покоренную, не обнаружившую дотолем никакой политической организации, никакой сколько-нибудь развитой культуры, доказать сравнительно-филологическим путем возможность такой быстрой, бесследной утраты родного языка этим туранским племенем в пользу языка славянского. Когда это будет доказано, только тогда и можно толковать о таких предметах, как сбивчивая какая-нибудь фраза источника, как некоторые черты нравов или некоторые личные имена, этимологию которых филологическая наука пока разъяснить не в состоянии, точное произношение которых нам неизвестно и которые в древней истории Болгар перемешаны с такими общими или явнотуркскими именами, как Драгомир, Добромир, Владимир, Нравота, Звениц (*Zvynitzes*), Баян, Борис и др. Что касается до моих собственных исследований, то я уже не раз заявлял о возможности мелких недосмотров и не раз делал в этом случае разные поправки. Но такие поправки не нарушают моих главных выводов; не нарушат их и впредь. Позволяю себе говорить с уверенностью. Ибо прежде чем выступить в печати с иным решением данных двух вопросов (о Руси и Болгарах), я много и внимательно взвешивал и

обследовал основные, исходные или краеугольные пункты, которым и принадлежит решающее значение. В их правильной установке и заключается вся суть дела; а разработка мелочей и даже второстепенных сторон должна следовать после, и тут я мог что-нибудь недосмотреть. Но моих основных пунктов никто не опровергнет, или история - не наука. Повторяю это смело и решительно.

1 Из Журн. М. Н. Пр. 1881. Май.

2 В высшей степени ненаучно и ссылаться на непонятные речения в известной Росписи болгарских князей (найденной А. Поповым) как на признак туранства болгар; прежде следовало разъяснить эти речения, а потом еще доказать их принадлежность болгарскому языку.

ГУННСКИЙ ВОПРОС

I

Пересмотр вопроса о гуннах¹

В 1876 году, издавая сборник своих исследований и полемических статей под общим заглавием "Розыскания о начале Руси", куда вошло и мое исследование о болгарях дунайских, я в конце сего последнего поместил оговорку относительно собственно гуннов. Не отвергая пока господствующего мнения об их угро-финской народности, я объявил вопрос о них еще не решенным окончательно или открытым. "По многим признакам, - сказал я, едва ли главная роль в толчке, породившем так называемое великое переселение народов, не принадлежала именно народам сармато-славянским, и преимущественно болгарам. Представляется еще вопрос: кому первоначально принадлежало самое имя гунны? Очень возможно, что оно и с самого начала принадлежало славяно-болгарам, и от них уже перенесено греко-римскими писателями на некоторые другие народы, а не на-

оборот" (см. выше стр. 228). Дело в том, что немецкое мнение о туранстве гуннов послужило исходным пунктом антиславянской теории в отношении болгар, так как некоторые источники относят сих последних к народам гуннским. В своем исследовании я старался выделить болгар из группы гуннских народов и рассматривать их независимо от вопроса о том, кто были сами гунны IV века и времен Аттилы. Изыскания мои расположились таким образом, что я постепенно восходил от последующего к предыдущему. Занявшись вопросом, кто такое была русь, я убедился в ее туземном, славянском происхождении; но в то же время я натолкнулся на некоторые болгарские племена, обитавшие в Южной России и вошедшие в состав русской национальности. Это обстоятельство заставило меня пересмотреть вопрос о народности болгар, и результатом пересмотра есть полнейшее убеждение в их славянстве. В свою очередь, исследование сего вопроса волей-неволей приводит меня к пересмотру туранской теории о народности гуннов. Тем труднее уклониться от такого пересмотра, что великое гуннское движение тесно связано не только с начальной историей всего славянского мира, но и с судьбою Роксаланского племени, то есть с начальной историей русской государственной жизни. Со времени помянутой выше моей оговорки прошло пять лет, и я неоднократно посвящал свой досуг пересмотру этого вопроса и наблюдениям, к нему относящимся. Не берусь в настоящий момент представить о нем подробное и законченное исследование. Если время и обстоятельства позволят, может быть, вернусь к нему впоследствии. А пока ограничусь сообщением тех результатов, к которым я пришел.

Известно, что против татаро-финской теории немцев (Энгеля, Тунмана, Клапрота и др.), по отношению к болгарам и к гуннам вообще, сильно восстал Венелин (в сочинении "Древние и нынешние болгаре". М. 1829). Но он поддавался многим увлечениям в своей собственной теории и

встретил решительное противодействие со стороны самих славянских ученых, с знаменитым Шафариком во главе. Так сильно было их подчинение своим учителям немцам даже в сфере славянской науки! После того некоторые писатели не раз пытались поддержать борьбу, начатую Венелиным. Но на них смотрели только как на оригиналов, и, пожалуй, отчасти справедливо. Таковым, например, явился Вельтман ("Индо-Германы или Сайване". М. 1856; "Аттила и Русь IV и V вв.". М. 1858). У него можно встретить несколько любопытных замечаний и соображений; однако в целом его исследования представляют какой-то мистический сумбур. Затем мнение Венелина повторяет болгарский писатель Крестович (История Българска, Ч. I. Царьград. 1871). В последнее время поборником славянства гуннов выступил г. Забелин ("История Русской жизни". Ч. I. С. 1876). Не прибавив почти ничего существенно к доказательствам Венелина, он, к сожалению, несколько запутал вопрос, отождествив каким-то образом гуннов именно с балтийскими славянами, а сих последних с варягами. Но уже самые подобные попытки указывают, что теория туранства гуннов никогда не была доказана сколько-нибудь удовлетворительно, научным образом и постоянно требовала серьезного пересмотра.

Пересматривая вопрос о народности гуннов, я пришел к тому убеждению, что положительное решение его уже заключается в разъяснении народности болгар. В своем исследовании о сих последних я старался выделить их из общего состава гуннских народов, упоминаемых источниками, и рассматривал народность болгар независимо от народности гуннов; другими словами, восходя от последующего к предыдущему, я рассматривал факты IX, VIII, VII и VI веков, только отчасти касаясь истории IV и V веков. Для моей цели, то есть для разъяснения, кто были болгаре, этого было совершенно достаточно. Если мы находим их славянами в IX веке, идем далее в глубь веков и не замечаем нигде ни малейшей перемены, никаких фактов, которые противоре-

чили бы этому славянству или указывали бы на какое-либо превращение в славян совершенно чуждой народности, то естественно имеем полное право заключить, что болгаре всегда были славянами. Раз установив это положение, я обращаюсь к разъяснению вопроса о взаимном отношении болгар и гуннов и прихожу к тому заключению, что первых не следует выделять из состава собственно гуннских народов. Сличая свидетельства источников, особенно известия Прокопия, Агафия и Менандра, с другими писателями, мы видим, что две главные ветви болгар, утургуры и кутургуры, были племена гуннские по преимуществу. Мы приходим к убеждению (совершенно согласному с источниками), что по разрушении царства Аттилы гунны не думали пропадать куда-то на восток или проваливаться сквозь землю. Соединенные на время могучею волей и энергией этого замечательного человека, они потом посреди обычных княжеских распрей и междоусобий утратили господство над Германским миром, снова разделились и продолжали жить отдельными племенами, будучи известны византийским и латинским писателям под разными племенными названиями, как-то - болгар, кутургуров, утургуров, ультинзуров, буругундов, савиров и т. п. Следовательно, если болгаре, будучи славянами, в то же время были тождественны с гуннами, то гунны являются не кем иным, как славянами.

Обращаясь к известной росписи болгарских князей, обнаруженной А. Н. Поповым, находим там до некоторой степени подтверждение тому, что дунайские болгаре не только были потомки гуннов Аттилы, но что и княжеский их дом происходил от него по прямой линии. Первым по этой росписи называется Авитохол, который происходил из рода Дуло и жил 300 лет; за ним следует Ирник, который жил 108 лет. Далее из того же рода Дуло были князья Коурт (Куврат Византийцев), а потом Есперик (Аспарух Византийцев), при котором болгаре завоевали страну к югу от Дуная. Ирника сами противники славянства болгар (например, г.

Куник) справедливо отождествляют с младшим сыном Аттилы Ирнахом или Ирною, о котором рассказывает писатель Приск, посетивший Аттилу в свите византийского посольства. По его свидетельству, Аттила любил и ласкал Ирну предпочтительно перед другими своими детьми, потому что какие-то предсказатели объявили, что только посредством этого мальчика будет продолжаться его царский род. Весьма любопытно, что это предсказание оправдалось на болгарских князьях, основавших новое Гуннское царство на нижнем Дунае. В таком случае загадочный Авитохол означенной росписи будет не кто иной, как сам Аттила, которому, как человеку необыкновенному, народные предания болгар успели придать полумифический характер, снабдив его трехсотлетним возрастом.

Теперь, когда начинаешь пристально всматриваться в сочиненную французом Дегинем и поддержанную немцами туранскую теорию гуннов, то удивляешься даже, как могла эта теория столь долгое время господствовать в науке при своих шатких основаниях.

А на чем она, главным образом, была основана?

Да просто на неверном толковании некоторых риторических выражений двух латинских писателей, Аммиана Марцеллина и Иорнанда, выражений, относящихся к наружному виду и образу жизни гуннов.

"Новорожденным мужеского пола гунны делают железом глубокие нарезы на щеках, чтобы уничтожить растительность волос: они стареют безбородые, некрасивые, подобные евнухам", - говорит Аммиан. - "У них плотные, крепкие члены тела, толстый затылок (*optimis cervicibus*); ужасного вида и сутулые (*prodigiosae formae et pandi*), они похожи на двуногих животных или на те грубо изваянные фигуры, которые стоят по краям мостов" (*Lib. XXXI*). Если строго разбирать эти фразы, то где же тут указание на чисто монгольскую, или туркскую, или чудскую наружность гуннов? Уже Венелин объяснял, что под нарезками на щеках

младенцев надобно разуместь обычай брить бороду, распространенный издревле у сарматских народов Восточной Европы. Напомним бритую бороду и подстриженную кругом голову русских и болгарских князей. Прибавлю, что, может быть, гунны и действительно делали какие-нибудь нарезы на щеках младенцев, чтоб у них впоследствии не росла борода и, следовательно, не было бы нужды постоянно ее брить. Во всяком случае это свидетельствует именно о борьбе с сильною растительностью бороды, а не с ее отсутствием. Если б у гуннов плохо росла борода, как у монголов или у чуди, то не было бы нужды бороться с нею при помощи каких-то нарезов, которые, конечно, обезображивали лицо. Итак, известие это, наоборот, свидетельствует об арийской, а не туранской народности гуннов. А что они были широкоплечи, плотного сложения, с ногами, закутанными в бараньи или козлиные шкуры (как далее говорится), казались грекам и римлянам очень неуклюжи, и живя на конях, непривычные к пешему хождению, были как бы похожи на двуногих животных или на грубо изваянные статуи - все это такие черты, которые не могут служить отличительным признаком какой-либо расы, а относятся к известной степени быта и находятся в тесной связи с тем, что Аммиан далее говорит о их дикости, свирепости и кочевом или полукочевом состоянии. (*Sed vagi montes peragrantes et silvas, pruinas, famem sitimque perferre ab incunabulis assuescunt.*) Таковое же состояние в одинаковой мере было свойственно и туранским, и некоторым арийским народам древности. Наконец, мы не находим здесь тех именно черт, которые служат отличительными признаками туранской расы, каковы: узкие глаза, широкие скулы и острый подбородок. Наконец, мы никак не должны упускать из виду, под какими впечатлениями и при каких обстоятельствах писал Аммиан свой рассказ о гуннах. У него нет никаких указаний на то, чтоб он наблюдал их лично. Будучи родом грек, он писал свою книгу уже удалившись от дел, далеко от места со-

бытий (в Антиохии, а, может быть, и в Риме). Книга его захватывает только начало гуннского движения или собственно бегство готов перед гуннами на южную сторону Дуная. Писал он об этом движении, очевидно, по слухам, а гуннов изображал по рассказам их врагов, готских беглецов, и притом, может быть, не самих очевидцев и участников событий. Понятно, что он не пожалел мрачных красок для изображения народа, который тогда начал наводить ужас на мир германский и римский. То, что Аммиан говорит собственно о быте и нравах гуннов, почти то же самое он прилагает к аланам, которые являются у него такими же конниками и кочевниками, как и гунны. Да если сравнить с ними готов, то и последние в то время, очевидно, еще не вполне вышли из кочевого быта; чем и объясняются их передвижения из черноморских степей на Балканский полуостров, а оттуда в Италию и Испанию.

Перейдем теперь к известию Иорнанда.

Если Аммиан Марцеллин, современник гуннского движения, изобразил гуннов не совсем точно и преувеличил их безобразия, то чего же можно ожидать от Иорнанда, писавшего около двух столетий спустя, бывшего (как полагают) готским епископом в Италии, весьма пристрастного к готам, а потому дышавшего ненавистью к их гонителям, гуннам? И действительно, в своей "Истории Готов" он не пожалел красок, так что входившее в число его источников Аммианово изображение гуннов представляется в сравнении с сим последним довольно бледно. Во-первых, гунны у Иорнанда являются не чем иным, как порождением изгнанных готами в пустыню ведьм и совокупившихся с ними злых духов. Там, в этой пустыне за Меотийским болотом, возникла "гнусная, жалкая, почти нелюдская порода (гуннов) с языком, едва похожим на человеческий говор". Однако, как оказывается далее, этот жалкий народ подобно вихрю налетел из-за Дона на скифов (готов) и победил их, увлекая за собою Алан и другие соседние народы. Но побежденные

будто бы не столько пугались их оружия, сколько не могли выносить их страшного вида. "У них лицо ужасающей черноты и похоже более, если можно так выразиться, на безобразный кусок мяса с двумя дырами вместо глаз. Самоуверенность и мужество светятся в их ужасном взгляде. Свирепость свою они упражняют над своими детьми с первого же дня их рождения: младенцам мужского пола изрезают железом щеки, чтобы те, еще прежде чем научатся сосать молоко матери, уже приучались к перенесению ран. После юности, лишенной красоты, они стареют безбородые, потому что глубокие рубцы от железа уничтожают на лице корни волос. Они малы ростом (*exigui quidem forta*), но ловки в движениях и проворны на коне, широкоплечи, вооружены луком и стрелами, с толстым затылком (*firmis cervicibus*), всегда гордо поднятым вверх. По своей свирепости, это звери в образе людей" (Сар. СХХIV).

Риторика этого ходульного описания, проникнутая явным озлоблением против гуннов, так бросается в глаза, что, удивляешься тому туману, в котором историческая критика столь долго находилась по отношению к гуннам. Да где же тут черты несомненно монгольской, татарской или чудской народности? Если перевести все это на обыкновенный язык, окажется, что гунны были не особенно велики ростом, то есть, как говорится у нас, коренасты, крепко сложены, широкоплечи, нечистоплотные (чумазые, как мы говорим), с загорелою, истрескавшеюся на ветру кожею; имели с младенчества изрезанные щеки, или чтобы приучить себя к ранам, или чтобы не росла у них борода². Лица у них были вообще кругловатые, а глаза небольшие (сравнительно с южными европейскими народами), но взор острый, смелый, выражение мужественное. Повторяю, никакого намека нет на выдавшиеся скулы и широко расставленные, узкие, косые глаза. Я нахожу даже в этих чертах замечательное сходство с нашим собственным велико-русским типом, с обликом у нас так называемых мордовских физиономий. И

очень возможно, что подобно нашему, в гуннском типе отразилась некоторая, еще доисторическая, подмесь иных элементов, что не мешало гуннам, как не мешает и нам, быть чистыми славянами по языку и характеру. По моему мнению, наглядное изображение этого гуннского типа можно видеть на фресках в одной керченской катакомбе, которые относятся ко времени между началом II и концом IV века по Р. Х. (см. объяснения г. Стасова в "Отчете Императорской Археологической комиссии" за 1872 г., С.-Пб. 1875). Там изображены какие-то степные наездники именно с круглым или овальным лицом и безбородые, которых физиономия ясно отличается от южноевропейских народов и в то же время не походит ни на монголов, ни на угров.

Что касается до свирепости, воинственности, кочевой жизни и привычки к верховой езде, то повторяю, в наше время просто наивно было бы по таким чертам определять народность, а не известную низшую степень культуры, которую переживали народы самого разнообразного происхождения. Финноманы и монголоманьяны почему-то, например, вообразили себе, что предприимчивость, свирепость и воинственность должны служить отличительной чертой чуди и монголов. А между тем тот же Иорнанд, передавая разные ужасы о гуннах, называет финнов "смирнейшим" народом (*Finni mitissimi*. Сар. III). Монголо-татары только временами выходили из своего апатичного состояния и никогда не превосходили арийцев своею энергией и воинственностью. Если свирепость и страсть к разрушению суть признак чудских и монгольских народов, то к ним надобно отнести и вандалов. Впрочем, и сами финноманы отрицают воинственность славян только тогда, когда это не подходит, например, к их теории о гуннах и болгарях. А когда говорят вообще о славянах, то говорят о них несколько иначе. Например, г. Макушев писал, что "иностранцы удивлялись храбрости и ловкости славян", чему приводит доказательства ("Сказания иностранцев о быте и нравах славян").

С.-Пб. 1861, стр. 132 и 152). По свидетельству Прокопия, они "не отличались белизною лица; всегда покрыты были грязью и всякою нечистотою" (*ibid.*, 151). Следовательно, видим черты почти тождественные с гуннами. Да Прокопий тут же говорит, что анты и славяне "при своем простосердечии имеют гуннские нравы". А если он или Иордан гуннов и болгар еще не называют прямо славянами, то я уже несколько раз указывал, что название это в те времена еще не было распространено на все славянские народы и что под славянами тогда разумелись преимущественно западнобалканские или западодунайские славяне, а не восточные. На таком основании и готов пришлось бы не считать германским племенем; например, Иорнанд прямо отличает их от германцев (*сujus consilio Gothi Germanorum terras, quas mine Franci obtinent, depopulati sunt. Cap. IX*). Простосердечие славян, о котором говорит Прокопий, - тоже не противоречит родству с ними гуннов. "Добродушные и человеколюбивые дома, славяне отличались на войне хищностию и свирепостью", - говорит г. Макушев и подтверждает это длинным рядом красноречивых фактов из разных источников (стр. 156).

Поборники туранской теории, как мы видели, - придумали какую-то сильную монархическую власть как доказательство неславянства. Но вот что говорит Аммиан о гуннах: "Царская власть им неизвестна; они шумно следуют за вождем, который их ведет в битву". Но очевидно, у них были княжеские роды, из среды последних возвысился над другими род, к которому принадлежал Атила. Он, как это обыкновенно бывает в истории, направив силы своего племени на борьбу с другими народами и на завоевания, успел было объединить гуннов и основать обширную монархию. А вместе с тем, конечно, возросла и его личная власть. Распалась потом его монархия, племена гуннские опять раздробились, и княжеская власть опять упала. Известные болгарские князья снова успели соединить некоторые племена, за-

воевать целую большую римскую провинцию, и власть их снова усилилась. Все это черты общечеловеческие. К тому же власть болгарских царей не была сильнее княжеской власти у русских и других славян; она также была ограничена влиятельным боярским сословием.

Иорнанд, писавший спустя около ста лет по смерти Аттилы, берется описывать его наружность, основываясь неизвестно на каких источниках: "Малый рост, широкая грудь, большая голова, маленькие глаза, редкая борода, волосы с проседью, курносый (*simo naso*), смуглый- он являл черты своего племени" (Сар. XXXV). Но едва ли это описание не есть плод воображения, тенденциозно настроенного. Иорнанд полагал, что ненавистный Аттила, конечно, совмещал в себе все непривлекательные стороны гуннской наружности, и сообразно с тем его описал, придав ему редкую бороду (хотя выше у него гунны до старости безбородые), да еще "гордую осанку и пытливые взоры". И при всей тенденциозности или предвзятости описания мы не видим тут никаких несомненных признаков туранской расы. Наконец все фразы Аммиана и Иорнанда о безобразии гуннов теряют свой острый характер, если сравнить их с известиями византийца Приска. Сей последний лично посетил столицу гуннов и видел самого Аттилу, следовательно, мог бы в точности описать их безобразие. Однако он совсем не говорит о наружности гуннов вообще и Аттилы в особенности, чего никак бы не случилось, если бы эта наружность его поразила, то есть если бы она была так безобразна и так отлична от европейской, как это можно заключать из слов Аммиана и Иорнанда, одного писавшего о гуннах по слухам, другого - очень враждебно к ним настроенного.

Если мы обратимся к Приску, весьма обстоятельно и подробно описавшему свое путешествие и пребывание у Аттилы, и разберем все его показания о гуннах, то увидим, что этот важнейший, добросовестный и вполне достоверный о них источник ни одною чертою, ни одною фразою не подк-

репляет теорию о мнимой урало-алтайской народности гуннов. Его не поражает ни их якобы безобразная наружность, ни их будто бы нечеловеческая дикость и свирепость. Аттилу он изображает замечательным человеком; наружности его не описывает, а говорит только о его умеренности в одежде, пище и питье, о его серьезности, горделивой осанке и пытливым взоре. (Последние качества, очевидно, Иорнанд почерпнул из Приска.) Далее, эти лодки-однодеревки на Дунае столь обычны восточным славянам, эти деревянные, украшенные узорчатою резьбой и стоящие посреди дворов, окруженных забором, терема Аттилы, его жен и приближенных совсем не похожи на войлочные юрты монголо-татарских ханов. Эти девушки, приветствующие родными песнями царя при его возвращении в столицу; жена любимца, поднесшая ему при этом серебряное блюдо с кушаньем и чашу с вином (обычай хлеба-соли); пир в его дворце, сопровождаемый также заздравною чашею с вином (здравицей), певцами его военных подвигов (баянами), шутом и скомоухом, остриженные в кружок головы и разные другие подробности скорее говорят нам о народности вообще арийской и преимущественно славянской. Далее, нельзя не обратить здесь внимание на договоры между гуннскими вождями и византийским двором; одним из главных договорных пунктов было обеспечение за гуннами свободного торга с византийцами, чего обыкновенно мы не встречаем в отношениях к ним урало-алтайских народов. Завоеватели из этих народов, если и требовали каких торговых льгот, то не для своего собственного племени, а для покоренных ими иных племен. Сравните с описанием Приска описанные Меландром византийские посольства Земарха и Валентина, отправленных в следующем VI веке к действительным татарам, именно в турецкую орду к Дизавулу и сыну его Турксанту. Где же эти шаманы, подвергавшие иноземцев очистительным обрядам, хождению вокруг священного пламени и разные другие подробности, не похожие на гуннские обы-

чай? Любопытно при этом известие, что Турксант принес в жертву своему покойному отцу четырех пленных гуннов. Ясно, что последних турки не считали своими соплеменниками. Нигде гунны не являются такими огнепоклонниками. Сами византийцы того времени, очевидно, различают гуннов и турок и нигде их не смешивают.

Но что особенно для нас важно в рассказе Приска, так это некоторые известия о языке гуннов. "Скифы, будучи сбором разных народов, сверх собственного своего языка варварского, охотно употребляют язык уннов или готов или же авзониев в сношениях с римлянами" (По переводу Дестуниса в Уч. Зап. Ак. Наук, кн. VII, 52). Здесь производят некоторую сбивчивость и затрудняют комментаторов (см. того же Дестуниса в прим. 69) "скифы, употребляющие свой язык и в то же время бывшие сборищем разных народов". Выражение действительно неточное, но понятное для того, кто примет во внимание обстоятельства. Дело идет частью о Дакии, а главным образом о Паннонии и лежавшем в последней стольном городе Аттилы. Приск в течение своего рассказа словом "скифы" безразлично обозначает и туземных жителей Паннонии, и гуннов-завоевателей. Вместо слова "гуннский язык", "гуннский закон" он нередко говорит "скифский язык", "скифский закон". В туземном населении едва ли не главный элемент составляли славяне, а затем готы, также подвластные Аттиле. Особенно в его столице было много представителей разных покоренных народов. Были в Дако-Паннонии и остатки даков (предки румынов или валахов). Как бывшая римская провинция, Паннония успела уже подвергнуться некоторой романизации (а Дакия еще более); следовательно, между жителями ее можно было встретить многих говорящих по-латыни (язык "Авзониев"). Стало быть, в тесном смысле, скифы означают здесь славян, принадлежавших - положим - к племенам чехо-моравов, или словаков, или сербов и хорватов, то есть вообще западнославянской группы (западной от Карпат). Кроме своего

собственного языка, все они легко понимали язык соплеменных им гуннов, то есть славян восточной ветви; многие из них по соседству и частому обращению с готами, особенно в общем воинском лагере Аттилы или в его столице, понимали язык готский, и наконец, под влиянием местной романизации были и такие, которые понимали язык латинский. Так я объясняю себе это место Приска 3 . Пусть попытаются другие объяснить его более удовлетворительным образом. В ином месте Приск сообщает об одном шуте, что тот во время пира у Аттилы насмешил всех своими словами, в которых перепутывал язык латинский с готским и унским. Ясно, что под унским тут никакого другого языка, кроме славянского, нельзя подразумевать. Наконец, Приск приводит такие слова, которые указывают на славян. А именно: медос, то есть, мед, который туземцы употребляли вместо вина, и камос, питье варваров (гуннов), добываемое из ячменя. Сие последнее есть, вероятно, неточно переданное слово квас или что-нибудь в этом роде, а никак не кумыс, который готовится из кобыльего молока, а не из ячменя. Вообще во всех известиях о гуннах нет и помину об этом любимом татарском напитке. Наконец, Иорнанд, описывая погребальное пиршество в честь Аттилы (славянскую тризну) на его могильном кургане, замечает, что "сами" (гунны) называют это пиршество страва (Сар. XLIX 4) - слово, как известно, вполне славянское. Следовательно, никакого ни прямого, ни косвенного указания на язык татарский или чудский у гуннов мы не находим.

Если обратимся к личным именам - этому обычному предмету злоупотребления норманистов и татаро-финнистов, - то и здесь не найдем никакого серьезного подтверждения для урало-алтайской теории. Возьмем гуннские имена IV и V веков.

Валамир (или Велемир), Мундюх, Донат, Харатон, Руа, Оиварсий, Блед, Денгизих, Еллах, Ирник, Атакам, Мама, Верих, Едекон, Исла, Онегизий (Негош?), Скота, Эскама,

Крека, Васих, Курсих, Уто, Искальма и пр. Что же несомненно урало-алтайского в этих именах? Если филология пока не умеет раскрыть их арийское значение, то еще менее она может доказать их татарское или чудское происхождение. Не забудем, что имена эти дошли до нас в латинской и греческой передаче; следовательно, в большинстве случаев мы не можем восстановить их точное произношение. Если мы тут не встречаем пока Святополков и Святославов, то не встречаем их в те времена также у антов и склавинов или славян подунайских и иллирских. Сам Иорнанд свидетельствует о том, что многие личные имена заимствовали "сарматы у германцев, готы у гуннов". Весьма сомнительно, чтобы немцы стали носить татарские или чудские имена и прозвища. Мы не раз замечали, что чем далее в древность, тем более общего должно встречаться в именах немецких и славянских, по их арийскому родству и тесному исконному соседству. В приведенных сейчас словах Иорнанда опять встречаем сармат (под которым несомненно разумеются западные славяне) как бы отдельным народом от гуннов, а германцев (то есть западных немцев) от готов, что не мешает быть готам немцами, а гуннам славянами; только те и другие составляли восточные ветви своего племени. Напомним еще гуннские имена VI века: Заберган, Сандилк, Катульф, Хорсомант, Вулгуду, Ольдоганд, Регнар и пр. Надеюсь, это имена чисто арийские.

Что касается до имени главного гуннского героя - Аттилы, то опять-таки совершенно произвольно приписали ему татарское происхождение. Поводом к такому толкованию послужило название реки Волги татарами Эдил. Но отсюда нисколько не следует, чтоб это название сочинили сами татары, а не взяли его готовым у прежних обитателей Поволжья. Арабские писатели IX и X веков называют Волгу Итиль. Но такое же название встречаем уже у византийских писателей с VI века (у Менандра Attila, у Феофана Atalis, у Константина Багрянородного Atel). Константин в рассказе

об уграх и печенегах называет еще часть Южной России Ателькузу и объясняет, что это название произошло от рек Этель и Узу (De adm. imp., с. 40). Ателькузу, по-видимому, называется у него край, лежавший не на восточной стороне Дона, а на западной, и в таком случае под Этель или Атель тут можно разуместь Днепр. Впрочем это еще вопрос: не могла ли и тут подразумеваться Волга? Аналогию с этим названием составляет другое название Волги - Ра, употребляемое Мордвою доселе. Но та же Ра встречается еще у Птолемея и Аммиана Марцеллина. А если сблизим ее с греческою формою того же имени - Аракс, иранское Арас, то убедимся, что это слово не мордовского происхождения, а получено мордвой от древних обитателей арийского семейства. Точно то же можно сказать и о названии Волги словом Атель или Аттила, и тем более, что никто не объяснил его татарскую или чудскую этимологию⁵. Затем, согласно с вышеприведенным известием Иорнанда, мы действительно находим у готов имена, похожие на Аттилу, с легкими изменениями или дополнениями, каковы Аталъ, Татила, Атаульф. Какой корень этого имени, одинаков он или нет с словом атя, то есть батя или тятя, рассуждать о том не берусь, и вообще не считаю филологию настолько зрелою, чтоб она могла давать точные, несомненно научные объяснения личных имен, в особенности из эпохи Великого переселения народов. Если то же имя можно встретить позднее в истории мадьяр, то известно, что они заимствовали многие имена у славян и немцев и не только заимствовали имена, но и омадьярили многие знатные славянские роды. Следовательно, такая ссылка лишена всякого значения, как не имеет никакого серьезного исторического значения и претензия мадьярских историков, начиная с анонимного нотариуса короля Белы, производить свой народ прямо от гуннов Аттилы.

Поборники туранофильской теории, как известно, следуя за Дегинем, связали както гуннов с монгольским народом Хионгну китайских летописей и заставили их переселиться

из Средней Азии в Европу во второй половине IV века по Р. Х. Но такое мнение совершенно произвольно и противоречит положительным свидетельствам источников. У Птолемея, писавшего во II в. по Р. Х., гунны помещены в Восточной Европе соседями Роксалан. Аммиан Марцеллин говорит, что о них уже упоминали старые писатели. А Моисей Хоренский, армянский писатель V века, сообщает о нападении болгар со стороны Кавказа на Армению, случившемся во II веке до Р. Х. Наконец, Аммиан, Приск, Прокопий, Иорнанд прямо помещают их древние жилища за Танаисом и Меотийским озером, то есть в области Кубани и нижней Волги.

Если мы пойдем далее в более поздние века, то увидим, что гунны в источниках ясно отождествляются с славянами, например у Беды Достопочтенного, в византийской Пасхальной хронике, у Кедрена, в немецких эпических сказаниях и проч. Но я пока ограничиваюсь рассмотрением старейших и важнейших источников для истории гуннов, каковы Аммиан Марцеллин, Приск, Иорнанд и Прокопий 6. Повторяю, что к гуннам и их славянству я пришел следующим путем: занятия начальной русской историей натолкнули меня на болгарское племя. Пересмотрев вопрос о его народности, я убедился, что нет ровно никаких научных оснований считать эту народность неславянской. Но при сем пересмотре я неправильно старался выделить болгар из группы гуннских народов (так как их неславянство выводили собственно из представления о гуннах, как о народе туранском). Убедившись потом в тождестве болгар с гуннами, я естественно пришел к необходимости пересмотреть вопрос о народности гуннов, то есть пересмотреть те основания, на которых они были отнесены к какомуто (в сущности неизвестному и доселе никем неопределенному) уралоалтайскому племени. И на чем же, как оказалось, было основано такое мнение? Да на таких шатких аргументах, как риторические фразы Аммиана и Иорнанда о некрасивой наружности гуннов, их

воинственности, свирепости, кочевом или полукочевом состоянии и т. п. Карикатуру или неестественное безобразие приняли в буквальном смысле и выдали за точный портрет. Вот как невысоко еще стояла историческая критика во времена Нибура и Шафарика! По поводу таких аргументов, приведу пример тех противоречий, в которые нередко попадают поборники норманизма и туранства по отношению к славянам. Г. Куник в доказательство, что языческая Русь, нападавшая на Византию, не могла быть славянской, приводит ее жестокости, там совершенные: язычники сожгли церкви в окрестностях Константинополя и умертвили множество людей. По его мнению, это должны быть норманны, которые "как раз в то время в западной Европе опустошали церкви и монастыри и весьма часто с особенною яростью убивали в самых церквях епископов и монахов". ("Известия Аль Бекри о Руси и Славянах", стр. 175.) Но вот что говорит г. Макушев о славянах: "Особенно много рассказывает о хищности и свирепости славян Гельмольд". "В войне заграничной (слова Гельмольда о поляках и чехах) они храбры при нападении, но весьма жестоки в грабеже и убийствах: они не щадят ни монастырей, ни церквей, ни кладбищ" ("Сказания иностранцев о быте и нравах славян", 158) 7 .

Итак, в высшей степени было опрометчиво делать научные выводы о принадлежности к тому или другому племени на основании таких неточных, пристрастных и весьма условных отзывов о наружности гуннов, каковы отзывы Аммиана и в особенности Иорнанда. Подобные вопросы решаются не тою или другою фразою источников, а совокупностью всех несомненно исторических фактов.

Чем более всматриваемся мы в вопрос о гуннах, тем более убеждаемся в чрезвычайной важности его правильного решения для истории славян, а следовательно, и в непростительном равнодушии к нему со стороны ученых славистов. Только с разрешением этого вопроса открывается возможность поставить на твердую почву историю славянства в

первую половину средних веков. Тогда объясняется и непонятное до сих пор появление целого ряда славянских государств в IX и X веках, и картина всего этого славянского мира, как бы внезапно выросшего из земли на огромном пространстве от берегов Адриатики до Балтийского моря и Волги. Тогда прольется свет и на многие частные вопросы из славянской истории, между прочим на вопрос о начале и распространении церковно-славянской или болгарской письменности. Широкое распространение этой письменности между славянскими народами сделается нам понятным, когда узнаем, что гунны-болгары были многочисленным и некоторое время господствующим славянским племенем. Если обратить внимание на то, что в IX веке часть Паннонии была занята еще гуннами-болгарами (см. у Феофана сказание о расселении сыновей Куврата), то, может быть, уяснится, почему Кирилл и Мефодий явились в Паннонскую Моравию с болгарским переводом Св. Писания, почему наилучший прием Мефодий нашел у князя Платенского Коцела (то есть в собственной Паннонии) и почему его паннонские ученики потом перешли именно в Болгарию. Конечно, поборники немецких домыслов о туранстве болгар и гуннов еще долго и усердно будут производить давление на славянских ученых по этим вопросам; но тем сильнее и доказательнее пробьется наружу и возобладает в науке историческая правда. Для меня понятна неохота немцев примириться с тою мыслью, что началом так называемого Великого переселения народов послужило столкновение болгарских и русских славян с немецкими готами и изгнание последних из Восточной Европы. Но было бы желательно видеть более научной самостоятельности в данном случае со стороны наших славистов. В особенности неприятно встречать таких противников, которые, как, например, в данном случае, не только никогда не занимаясь специально подобным научным вопросом, но и не думая о нем серьезно, спе-

шат выступить с своими возражениями, основанными на предвзятых толкованиях с чужого голоса.

1 Из Журн. М. Н. Пр. 1881. Май.

2 Современник Иорнанда Прокопий прямо говорит о гуннской моде брить щеки и подбородок и подстригать кругом голову, оставляя пучок волос на затылке (Hist. Arcana C. VII).

3 У Иорнанда в плаче об умершем Аттиле, который производили знатные всадники, скакавшие около палатки с его трупом, сказано: *Solus Scythica et Germanica regna possedit.*

4 *Stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi, ingenti commesdsatione concelebrant.* Кажется, Иорнанд тут ясно говорит, что слово страва принадлежит самим гуннам, а вовсе не подчиненным им славянам, как это обыкновенно полагают поборники их мнимого туранства.

5 Осетины и теперь еще Волгу называют Идил. А, сколько известно, осетины суть потомки древних алан и принадлежат к арийской семье.

6 Известия Прокопия о гуннах рассматриваются в помещенном выше моем исследовании о болгарах, поэтому я о нем теперь не распространяюсь.

7 А по поводу якобы безобразной наружности гуннов вспоминаются читанные мною когда-то мемуары маркграфини Байретской, сестры Фридриха Великого. Она имела случай видеть русское войско, посланное императрицею Елизаветою на помощь Марии-Терезии в конце войны за Австрийское наследство, и сообщает свои впечатления. Не имея под рукой книги, не могу передать точных ее слов, но помню, что наши воины показались ей малорослыми, чумазыми и вообще очень непривлекательной наружности, - так что еще немного и ее русские вышли бы те же гунны Аммиана и Иорнанда. А между тем коренной русский народ едва ли может быть поставлен ниже немцев по красоте своей расы. Но мы должны, во-первых, иметь в виду явное нерасположение марк-графини к русским, а во-вторых, возможно,

что наши солдаты явились туда дурно одетые, плохо накормленные, неумытые и маловыправленные; притом и послано-то было неотборное войско.

II

Продолжение того же пересмотра¹

В предыдущем своем рассуждении о гуннах, относительно их наружности, я указал преимущественно на те преувеличения и то пристрастие, которые очевидны в их изображении со стороны Аммиана и в особенности Иорнанда. Я только слегка коснулся того искусственного безобразия, на которое могут указывать известия о каких-то глубоких нарезках на щеках младенцев. Оставляя в полной силе мое положение о помянутых преувеличениях и пристрастии, в настоящем своем рассуждении обращаю особое внимание на те свидетельства, которые прямо указывают, что в вопросе о наружности гуннов едва ли не главную роль играл элемент безобразия искусственного. В этом отношении мы имеем перед собою два свидетельства, принадлежащие двум латинским поэтам-панегиристам V века, именно Клавдиану и Аполинарию Сидонию.

Клавдиан в начале V века сочиняет стихотворения в порицание правителю Восточной империи Руфину и в похвале правителю Западной империи, своему покровителю Стилихону. В одном таком стихотворении он описывает, как Стилихон победил варваров, изменнически призванных Руфином со стороны Дуная. В числе этих варваров являются и гунны. Вот какими чертами изображает их Клавдиан:

"Этот народ, обитающий на крайних восточных пределах Скифии, за хладным Танаисом (*gelidum Tanais*), самый знаменитый из тех, которых озаряет Большая Медведица (*Arctos alit*), гнусный по своим нравам, мерзкий по наруж-

ности, с энергией, не знаящий устали, питающийся добычей, убегающий от Цереры (т. е. от земледелия), считающий игрушкой резать себе лицо (*Frontemque secari ludus*) и с гордостью клянущийся именем павших предков (или родственников- *parentes*). Никогда двойная природа (*duplex natura*) не соединяла в себе теснее всадника-центавра с его родным конем (*nubigenas biformes cognatis aptavit equis*); при чрезвычайной быстроте они не соблюдают никакого строя (в нападении), и (показавши тыл) возвращаются неожиданно". (Сочинения Клавдиана. Изд. Панкука. Paris. 1830. I том. 50 стр.).

Очевидно, Клавдиан писал под впечатлением все той же преувеличенной молвы о страшной дикости и безобразии гуннов и изображает их с помощью обычных в то время риторических приемов. Но для нас тут важно собственно одно указание: гунны режут, царапают, обезображивают себе лицо. Если сопоставить это указание с свидетельствами Аммиана и Иорнанда, то увидим, что гунны не только делали какие-то глубокие нарезки на лицах младенцев; но и потом по требованию своих обычаев нередко обезобразили свое лицо новыми рубцами и царапинами. Тот же Иорнанд сообщает, что скорбь свою о смерти Аттилы гунны между прочим выразили тем, что по обычаю обрили часть волос на голове и сделали свои лица еще более безобразными посредством глубоких разрезов. Ибо "печаль о таком воителе они хотели выразить не женскими стенаниями и слезами, а мужскою кровью". Но подобного рода выражение печали об умершем вожде, именно царапание лба и носа и бритье волос вокруг головы, по свидетельству Геродота, существовало еще у Царских скифов. А эти скифы, по всем данным, были племя арийское, отнюдь не туранское. Слова Клавдиана, что для гуннов разрезы на лице были игрушкой, обычным явлением, дают понять, что операция эта производилась довольно часто. Они царапали лицо при смерти не только такого общего им царя как Аттила, но и при потере своих мелких

племенных князей, при смерти своих родителей и старших в роде. Намек на это обстоятельство у Клавдиана заключается и в приведенном сопоставлении царапания лица с клятвой умершими родителями. Отсюда можно заключить, что безобразные, свежие рубцы и шрамы на их лицах были обычным явлением, особенно в то воинственное время, когда приходилось часто терять близких людей и предводителей. Не забудем, что это искусственное безобразие посредством глубоких разрезов начиналось у гуннов уже с самого младенчества. Слова Иорнанда, что гунны старались своих младенцев заранее приучить к перенесению ран (т.е. к лицевым разрезам), получают таким образом ясный, определенный смысл; действительно, эти разрезы потом делались для них "игрушкой".

Обратимся теперь к Аполинарию Сидонию. В шестидесятих годах пятого столетия им написан длинный стихотворный панегирик только что возведенному на престол римскому императору Антемию. В числе подвигов, совершенных сим последним, Сидоний упоминает его победу над толпой гуннов, сделавших набег на Иллирийские провинции. Панегирист изображает варваров следующими чертами:

"Там, где белый Танаис (*Albus Tanais*) падает с Рифейских гор и течет по долинам гиперборейским, под северным созвездием Медведицы, живет народ, грозный духом и телом, так что на самых лицах его детей уже напечатан какой-то особый ужас. Круглою массою возвышается его сдавленная голова (*consurgit in arctum massa rotunda caput*). Подолбом в двух впадинах, как бы лишенных глаз, виднеются взоры (*geminis sub fronte cavernis visus adest oculis absentibus*). Свет, едва брошенный в полость мозга, проникает до наружных, крайних, орбит, однако незакрытых (*acta cerebri in cameram vix ad refugos lux pervenit orbes, non tamen et clausas*)²; так чрез малое отверстие они видят обширные пространства, и недостаток красоты (*majoris luminis usum*) возмещают тем, что различают малейшие предметы на дне

колодца. Чтобы нос не слишком выдавался между щеками и не мешал шлему, круглая повязка придавливает нежные ноздри (новорожденных). (Turn, ne par malas excrescat fistula duplex, obtundit teneras circumdata fascia, nares, ut galeis cadnt.) Таким образом материнская любовь обезображивает рожденных для битв, поелику при отсутствии носа поверхность щек делается еще шире. Остальная часть тела у мужчин прекрасна: широкая грудь, большие плечи, подпоясанный ниже пупа живот (*succincta sub ilibus alvus*). Пешие, они представляются среднего роста; но если видишь их на коне, то они кажутся высокими (*procera forma*); такими же часто являются они, когда сидят. Едва ребенок покидает лоно матери, как он уже на спине коня. Можно подумать, что это члены одного тела, ибо всадник как бы прикован к лошади; другие народы ездят на конском хребте, а этот живет на нем. Овальные луки, острые дротики, страшная и верная рука, несущая неизбежную смерть, и ярость, сыплющая удары без промаха. Вот какой народ вторгся внезапно, переправившись на своих телегах через замерзший Истр и избородив колесами его влажный лед".

Здесь в изображении Сидония повторяется почти та же характеристика гуннов, как у Клавдиана, но с несколько большими подробностями, относительно их искусственного уродства. Сидоний прямо указывает на гуннский обычай с помощью тесных повязок придавать черепу младенцев неестественную форму, и не одному черепу: вместе с ним нос также получал приплюснутую форму, что сильно безобразило их лица. Он объясняет нам, зачем, с какою целью делалось это безобразие: ради шлема, чтобы шлем сидел плотнее на голове. Любопытно, как отнеслись к этому известию некоторые из тех европейских ученых, которые занимались вопросом о гуннах. Само собой разумеется, что, как скоро безобразие гуннов является неприрожденным качеством, а делом обычая, искусственного уродования, то естественно, что это безобразие не может служить доказательством ка-

кой-либо известной народности. Но прежде чем остановиться на подобном вопросе, в европейской историографии по почину Дегина уже сложилось мнение о пришествии гуннов в Европу из монгольских степей с чертами монгольской расы. Не все, однако, ученые видели в них чистых монголов. Некоторые сочли их племенем угро-финским, и это мнение можно назвать господствовавшим доселе в исторической этнографии; другие склоняются к их турецкому или татарскому происхождению. Что же сделал известный французский историк Амеде Тьери в своем сочинении *Histori d'Attila et de ses successeurs* (Paris. 1856)? Вероятно, чтобы не обидеть ни одну из этих почтенных народностей, он преспокойно уместил их всех трех в гуннском типе. А именно, по его мнению, гунны, во-первых, разделялись на две большие ветви: белую и черную, восточную и западную. Это еще бы ничего, потому что некоторые источники действительно говорят о племени Ефталитов или Белых гуннов. Затем он восточных или белых считает турецко-татарским племенем, а западных или черных - угро-финским. И наконец предполагает, что господствующим верхним классом у них были монголы. Господство сих последних, т. е. монголов, по мнению Тьери, и объясняет нам, почему гунны приплюскивали своим младенцам нос и устраивали им голову клином: они делали это будто бы для того, чтобы походить на свою аристократию, т. е. на монголов. Вот какое объяснение дает нам Тьери; причем прямое указание Сидония на искусственное прилаживание головы к шлему он отвергает как несерьезное. (Т. I, стр. 7-9). И это мнение, руководящееся произвольными предположениями и отрицающее источники, нашло последователей в исторической литературе.

Несколько иначе взглянул на тот же предмет известный петербургский академик Бер в своем трактате о Макрокефалах (*Die Makrocephalen im Boden der Krym und Oesterreichs*. *Memoires de l'Academie des sciences*. VII-e serie. T. II No 6.

S.-Ptrb. 1860). Он яснее понял, что раз мы допустим искусственное уродование у гуннов, известное определение их племени на основании безобразной наружности теряет под собою почву и определение это становится очень шатким. А потому Бер и поступил логичнее, чем Тьери: он просто отвергает известие Сидония о повязках, сдавливавших нос и голову. Для этого он старается иначе толковать некоторые места приведенного описания и даже переиначивать самый текст. Например вместо *consurgit in arctum massa rotunda* *consurgit in arcum*, т. е.: вместо стесненной или сдавленной головы у него получается какая-то дугообразная, лукообразная или сводообразная голова; что, по его словам, дает нам простое изображение монгольского строения головы. А еще вернее, прибавляет он, вместо *consurgit in arctum* поставить *in arcem*, т. е. *in arcem capitis*; выходит, что голова круглою массою поднимается к темени или оканчивается теменем. Затем искусственное придавливание носа у гуннов он отвергает потому, что оно будто бы физически очень затруднительно, да и было не нужно для шлема; так как шлем не надевался ниже глаз. Говоря, что Сидоний в данном случае не заслуживает веры, он указывает на его противоречия о глазах: у гуннов глаз нет, и в то же время они видят мелкие предметы на дне колодца. Но такое толкование некоторых поэтических вольностей, породивших недостаточно точные выражения в описании Сидония, очевидно, вызвано у Бера тою предвзятою мыслию, что у гуннов были природные монгольские черты, а не искусственные, только их напоминающие. Ничто не препятствует предположить, что у гуннов употреблялись шлемы с какими-либо наличниками, ради которых действительно не давали носу принять его надлежащие размеры. Надобно заметить, что Бер не согласен с мнением об угро-финской народности гуннов, а буквально держится Дегиня и называет их чистыми монголами. Он полагает, что они совершенно походили на калмыков, и Сидоний будто неверно понял то, что ему рассказывали об их на-

ружности. Но в той же монографии почтенный ученый сам приводит многие примеры искусственного уродования и сдавливания младенческих черепов повязками у разных народов, - сдавливание, которое до позднейших времен встречалось даже в некоторых местностях Швейцарии и Южной Франции, где никаких монголов история не знает.

С какою же целью гунны так уродовали свою голову и лицо?

Тьери отвергает помянутое выше объяснение Сидония. А между тем это объяснение вполне удовлетворительно. Доказательством тому служат примеры других народов. Некоторые племена кавказских горцев доселе употребляют ту же систему повязок для младенцев, т. е. придают голове их более округлости и несколько коническую форму. И для чего бы вы думали? Для того, чтобы их национальная шапка (папах) сидела потом плотнее на голове. Если есть народы, которые голову, так сказать, подлаживают к шапке, а не наоборот, то естественно является старание диких, воинственных гуннов подогнать свою голову к шлему, и не только голову, но и нос. Главная ошибка сравнительной исторической этнографии доселе заключалась в том, что наши европейские понятия о мужской красоте она применяла к вопросу о гуннах; тогда как у них самым привлекательным мужчиною был тот, кто убил наибольшее количество неприятелей и кто мог обвешать шею и грудь своего коня пучками волос с кожей, содранною с неприятельских черепов. (Говорю это по сравнению с другими народами тех времен.) У народов диких и воинственных мы нередко встречаем старание придать страшный вид своей наружности, чтобы ужасать неприятелей. Этот обычай еще в нашу эпоху можно было наблюдать, например, у тех американских дикарей, которые уродовали свои лица и устраивали себе из волос и перьев громадные головные уборы. Нечто подобное встречается и у древних германцев в эпоху более раннюю, чем гуннская. У древних европейских народов мы встречаем

также примеры татуирования своего тела, скальпирования неприятелей и тому подобные обычаи, свойственные временам диким и воинственным. Очевидно, гунны отличались особым усердием по части уродования своих лиц и придания себе страшного вида, тогда как у более западных европейских народов, и между прочим у готов, подобные обычаи уже давно смягчились или выходили из употребления. Иорнанд между прочим говорит, что те, кто мог бы противостоять им в войне, не выносили их ужасного вида и в страхе обращались в бегство (*quos bello forsitan minime superabant vultus sui terrore minime pavorem ingerentes, terribilitate fugabant*). Конечно, в этих его словах опять-таки есть доля преувеличения, чтобы несколько оправдать поражение любезных ему готов; однако несомненно и то, что гунны своим искусственным уродством в некоторой степени достигали цели, т. е. одним своим видом наводили страх на неприятеля. Если мы обратимся к вторжениям в Европу действительно туранских народов, каковы угры, печенеги, половцы и наконец татаро-монголы, то не найдем никаких свидетельств, чтобы эти народы поражали европейцев одною своею страшною наружностью. Историческая этнография находила в описании гуннов калмыцкий тип. Но кого же и когда калмыки пугали одним своим видом. Разве детей, а никак не взрослых мужчин, носивших оружие?

Я повторяю, что только воображение европейских писателей нового времени усмотрело монгольские черты в описании гуннов у Аммиана и Иорнанда. Никто из них не говорит об узких косых глазах, выдававшихся скулах, остром подбородке и т. п. отличиях монгольского типа. Никто также не говорит о желтизне их кожи. Иорнанд сообщает, что лицо гуннов ужасающей черноты; но если принять буквально это свидетельство, то их можно, пожалуй, отнести к маврам, арабам, наконец к цыганам (а известно, что цыгане принадлежат к арийской расе), и т. п. В этом случае мы можем предположить или искусственное чернение своего лица

опять с тою же целью придать себе страшный вид, или обычное преувеличение Иорнанда по отношению к ненавистным гуннам. Да славяне, по известию греческих писателей той же эпохи, совсем и не отличались белизною лица. Об этом прямо говорит византийский историк VI века Прокопий; он же замечает, что они были покрыты грязью и всякою нечистотою и вообще имели гуннские нравы. Прокопий между прочим сообщает известие, что Белые гунны имели белую кожу и были отнюдь не безобразны. (*De Bello Pers.* I, 3.) Из этого известия можем заключать, что не все гунны следовали обычаю безобразить свое лицо, или что Белые гунны принадлежали к иному племени. В противоположность Белым гуннам в источниках мы однако же не находим названия Черные гунны. Впоследствии в X веке встречаем в Приазовье "Черных болгар" или собственно Черную Болгарию. Но такие названия не означают непременно деления народов по цвету кожи. Так, в русской летописи мы находим Черных и Белых угров без указания, в каком отношении они находились друг к другу. Далее известны названия Белая, Черная и Червонная Русь, которые опять-таки не имеют никакого отношения к цвету кожи. Точно так же известны Белые хорваты, но никаких Черных хорватов мы не знаем.

Помянутое искусственное уродование у гуннов, по всем признакам, вместе с поселением их в придунайских странах и с успехами их гражданственности постепенно смягчалось и выходило из употребления. Прокопий, говоря о византийских партиях цирка, сообщает, что эти партии в своем костюме и прическе подражали гуннам, т. е. брили щеки и подбородок и подстригали кругом голову, оставляя чуб на затылке или на темени. Трудно предположить, чтобы в Византии явились гуннские моды, если бы гунны продолжали себя безобразить так же, как в предыдущие века. Наконец болгаре, водворившиеся на Балканском полуострове, будучи чисто гуннским народом, во всех известиях о них не

представляют даже никакого намека на какие-либо неарийские черты их наружности.

Обращу также внимание на гуннских женщин. Очевидно, обычай безобразить свое лицо касался только одних мужчин, как "рожденных для битв", по выражению Сидония. Хотя женщины сарматские известны своим участием в войнах, но на безобразии гуннских женщин не встречаем ни малейшего намека. Напротив, в немецкой песне о Нибелунгах говорится о множестве красивых женщин в стране гуннов. Имеем полную возможность заключить, что гуннские женщины отнюдь не были чужды общей славянкам милливидности.

Что касается до объема и сложения гуннов, приведенное описание их Сидонием ясно подтверждает, что они были коренастый, но статный народ среднего роста; они даже были бы высокого роста, если бы ноги у них своею длиною соответствовали туловищу. На это обстоятельство, очевидно, влияла привычка с детства постоянно сидеть на коне, отчего ноги развивались не совсем нормально и получали выгнутую наружу форму. (Есть мнение, что у нас великороссы отличаются от малороссов также более короткими ногами.) Хотя высокий рост и не составляет непременно принадлежность всех славянских народов, тем не менее Иорнанд, называя гуннов малорослыми (*exigui quidem forma*), и в этом случае относится к ним с очевидным пристрастием, если его известие сличить с указанным сейчас свидетельством Сидония и приведенным выше Аммиана (*prodigiosae formae*).

С другой стороны, мы встречаем иные свидетельства, может быть, также пристрастные, о невысоком росте некоторых славянских племен. Так, византийский писатель IX века Феофан рассказывает следующее по поводу смерти римского императора Валентиниана, царствовавшего во второй половине IV века. Савроматы, "народ малорослый и жалкий", восстали против римлян, но были побеждены императором

и прислали просить мира. Смотря на послов, Валентиниан спросил: "Ужели все савроматы такого жалкого вида?" - "Ты видишь из них самых лучших", - отвечали послы. Тогда он громко воскликнул об ужасном положении Римской империи, против которой восстают даже такие презренные люди как савроматы. От этого сильного восклицания и энергического всплеска руками у Валентиниана будто бы лопнула жила, и он истек кровию. Известие это имеет несколько легендарный характер; но оно указывает на то, как свысока иногда смотрели греки и римляне на дунайских сарматов; а под дунайскими сарматами в данном случае несомненно разумеется один из славянских народов. Кстати, прибавим, что в помянутом панегирике Аполинарий Сидоний мир, заключенный после победы Антемия над гуннами, называет Сарматским миром (*Sarmaticae pacis pretium etc.*). Ясно, что гуннов в его время причисляли к народам сарматским. А что под сарматами разумелись племена арийские, не туранские, в этом теперь согласны почти все ученые.

Средний рост гуннов, взятых в массе, само собою разумеется, не мешал многим отдельным личностям достигать атлетических размеров. Так, мы имеем известия армянских историков от V до VII и VIII века, которые повествуют о гуннах, делавших в древности набеги с Северного Кавказа на армянские владения; причем иногда встречаем упоминания о гуннских богатырях, вступивших в единоборство с армянскими героями. Из византийских же известий напомним в особенности рассказ Прокопия о гуннском витязе Хорсоманте, в истории Готской войны.

Из той характеристики гуннов, которую дает нам Сидоний, обращу ваше внимание еще на одну подробность. Именно на фразу *succincta sub ilibus alvus* - низко подпоясанный живот. Никто из западных ученых доселе, по-видимому, не замечал этой подробности; они

даже ее не совсем понимали. Например, в имеющемся у меня под рукою Лионско-Парижском издании 1836 года,

снабженном переводом и комментариями, авторы их Грегуар и Коломбе передают эту черту в переводе словами *une taille svelte* (31 стр.), а в комментарии: *ils n'ont presque point de ventre* (346 стр.). Но Сидоний совсем не хотел сказать, что у гуннов была тонкая талия или что живота у них почти не было. Он говорит, что они низко подпоясывались по животу. Для нас, русских, такое подпоясывание совершенно понятно, ибо мы и до сих пор встречаем его у наших крестьян. Относительно гуннов означенная фраза делается для нас еще нагляднее, если мы посмотрим на керченские фрески, открытые в 1872 году, где сарматский элемент Пантикапеи является именно опоясанным низко по животу. И если черта эта была замечена в те времена, то ясно, что она также составляла одно из бросающихся в лицо отличий от других народов.

Итак, мнение о чудско- или турко-монгольском происхождении гуннов, основанное главным образом на описании их страшной наружности - это мнение падает само собою, как скоро мы подвергнем его более тщательному анализу. Тогда мы убедимся, что с одной стороны в этом описании заключается значительная доля преувеличения, а с другой оно ясно указывает на искусственное уродование гуннских физиономий руками их родителей или их собственными, на их несомненное старание придать себе страшный вид, внушавший неприятелям ужас и трепет. После наружности доказательством туранства служили свирепые, дикие нравы гуннов, их кочевой образ жизни, и т. п. Но такие доказательства порождались недостаточною зрелостью сравнительной историкоэтнографической науки. Сравнивая быт и степень развития разных народов, мы убеждаемся, что дикость, воинственность, кочевание и т. п. не могут служить признаками только монгольских или турецких племен. Арийские племена также проходили ступени кочевого быта, особенно там, где их окружала степная природа. А своею воинственностью они в общей массе превосходили народы

чудско- и турко-монгольские. Византийские писатели нравами прямо уподобляют гуннов склавинам и антам. Свирепостью своею гунны поражали только на войне, а во время мира это был простодушный народ, по свидетельству того же Прокопия - черты, которыми по преимуществу отличается славянская раса. Относительно жестокости готы в те времена не только не были ниже гуннов, а иногда едва ли их не превосходили. Так сам Иорнанд рассказывает, что готский король Винитар, победив антов, взял в плен их князя Бокса (Богша) и повесил его вместе с его сыновьями и семидесятью боярами. Известны также и в ту же эпоху свирепость вандалов, их хищничество и страсть к разрушению. Следовательно, подобные черты никоим образом не могут служить доказательством туранской расы. Для нас гораздо важнее то обстоятельство, что гунны оказались народом весьма восприимчивым к европейской христианской цивилизации, пример чему мы видим на болгарях как на коренном гуннском племени. Известно, какие сравнительно быстрые успехи сделали они относительно гражданственности и как некоторое время они, в свою очередь, были главными двигателями в деле цивилизации почти всего славянского мира. Даже и гунны, оставшиеся в странах приазовских, совсем не были народом жалким и бедным, как это можно заключить из слов того же Иорнанда. В первой половине VI века мы встречаем у кубанско-таманских гуннов князя Горда, который ездил в Константинополь, там принял крещение, причем сам император Юстиниан был его восприемником. А воротясь домой, Горд затеял гонение на язычество и велел истреблять идолов, а те, которые были сделаны из серебра и электра, приказывал расплавлять. Такими мерами он вызвал возмущение и погиб. Но эти идолы, изваянные из серебра и электра (смесь серебра с золотом), конечно, не говорят в пользу особой бедности и дикости азовских гуннов того времени.

Только когда мы отрешимся от всех указанных недоразумений и заблуждений, которые долго господствовали в науке по отношению к гуннам, только тогда для нас сделаются совершенно понятными и ясными многие места средневековых писателей, где гунны очевидно сближаются или прямо отождествляются с славянами. Приведу примеры: армянский историк V века Моисей Хоренский, сообщая о вторжении болгар с Северного Кавказа в Армению, прибавляет, что местность, в которой они поселились, получила название Вананд, т. е. земля Вендов. А слово Венды, сколько известно, служит древнейшим названием славян вообще или значительной их части. Из византийских писателей Прокопий по нравам и обычаям сближает гуннов с Склавинами и Антами; Кедрен прямо говорит "Гунны или Склавины". Из западных или латинских летописцев Беда Достопочтенный называет гуннами западных славян. Саксон Грамматик говорит о войне датчан с гуннским царем; причем под гуннами понимает часть балтийских славян. Эдда древнейшая или Семундова упоминает гуннских богатырей, в том числе Ярислейфа, т. е. Ярослава, и вообще под гуннами понимает славян. Вилькинга Сага город славянского племени Велетов называет столицей гуннов. Значительная часть древней России названа страной гуннов у Иорнанда (Гунивар)³, Гельмольда (Гунигард) и Саксона (Куногардия). Весьма любопытно следующее известие Гельмольда: *Saxonum voce Slavi canes vocantur*, т. е. на языке саксов славяне называются собаками. Тут очевидное сближение названия Гун с немецким словом Hund. Пользуясь этим созвучием, саксы обратили именование славян гуннами в бранное слово или наоборот. Для нас важно в этом месте Гельмольда то, что речь идет не об отдельном каком-либо летописце, а вообще у саксов славяне назывались гуннами. Наконец Шафарик из одного немецкого сочинения 30-х годов приводит такое сообщение: В Швейцарии, в Валиском кантоне, потомков, поселившихся там когда-то сла-

вян, немцы до сих пор называют гуннами. (Слав. Древ. I т. 2 кн. 97.) Точно так же по замечанию латинских переводчиков и комментаторов Эдды Семунда до сих пор (т. е. до их времени) в Северной Германии народ называет гуннами древних ее обитателей и их погребальные холмы именуется гуннскими ложами или логовищами Hunenbette (ibid. 96). Все подобные факты доселе объяснялись помощью разных предположений и измышлений, напр., близким соседством гуннов и славян, подчинением славян гуннам, или просто недоразумениями и т. п. Но подобные голословные мнения, повторяю, должны наконец уступить место более тщательному критическому анализу источников.

Еще большему разъяснению вопроса о гуннах могут помочь раскопки их могильников. Но тут также является опять вопрос: где же искать этих могильников и как отличить гуннские курганы от других народов? Я полагаю, главная трудность в том и заключается, что нет данных для отличия гуннских могил от славянских, и если бы гунны были особым от них народом, то, вероятно, давно бы и могильники их обратили на себя внимание своими отличиями. Я только что упомянул о гуннских ложах или могильниках в Северной Германии. Любопытно было бы узнать, сохранились ли до наших дней предания о них у местных жителей? Далее, я укажу на Болгарию, как место оседлости коренного гуннского племени. Древнейшие болгарские могилы в то же время могилы гуннские; любопытно было бы подвергнуть их исследованию. Наконец в России, не говоря о раскопках, производимых на юге на Кубани, около Керчи и около Нижнего Днепра, где несомненно жили Гунны и где, однако, не найдено их особых могил, укажу на раскопки Д. Я. Самоковасова в древней Черниговской и Переяславской области, т. е. в земле Северян. Этим Северянам мы имеем полную возможность отождествлять с одним из значительных гуннских племен (савирами), которые из более южных областей постепенно подвинулись к среднему Днепру⁴. Но, как извест-

но, раскопки, произведенные в Северщине, пока не открыли нам никакого особого народа, отличного от славян и похожего на чудь или монголов.

Насколько удачна предложенная мною новая постановка вопроса о гуннах, пусть судят другие. Во всяком случае я остаюсь при полном убеждении, что истина рано или поздно восторжествует в науке и что всякий исторический народ займет в истории должное ему место, т. е. получит ни более, ни менее того, сколько ему следует.

1 Русская старина. 1882. Март.

2 Это очень темное и неудобное для перевода место у Сидония: но смысл его ясен: автор, указывая на небольшие глаза гуннов и доводя их чуть ли не до отсутствия, тем ярче желает выставить их чрезвычайно острое и дальнее зрение.

3 Отождествлять слово вар, в названии гунивар, с мадьярским словом, означающим город, было бы слишком поспешно и произвольно. Мало ли какое значение могло иметь это вар. Напомню название народа у Феофилакта Симокаты Вар и Хуни (сложное Вархониты). Напомню еще название реки (по-видимому, Днепра) у кочевых народов времен Константина Б. Варух; что я привожу в связь с названием у него же одного из Днепровских порогов Варуфорос.

4 О савирах см. выше, стр. 279, в примечании. С уяснением вопроса о гуннах становится понятным Иорнандово деление гуннов южной России на две главные ветви: аулзягры (булгары) и авиры (в некоторых списках савиры). См. выше, стр. 181.

III

Отчет о диспуте 30 декабря 1881 года

Желая проверить свой пересмотр вопроса о гуннах посредством диспута, т. е. вызвать возражения и обсуждение этого вопроса в среде московских ученых, я сделал из него реферат, который сообщил 23 декабря в публичном заседании Этнографического отдела Московского Общества Любителей естествознания, антропологии и этнографии. (Этот реферат обнимал собою оба напечатанные выше рассуждения о гуннах.) Во время реферата я указал на керченские фрески, открытые в 1872 году, с изображениями сарматских типов, которые, не походя на западные и южные европейские народы, однако, не могут быть отнесены к урало-алтайским племенам. Копии с этих фресок были заранее развешаны в аудитории на стене.

Содержание своего реферата я потом сгруппировал в следующих восьми положениях:

1. Представление о гуннах как о народе монгольском и вообще туранском возникло в европейской историографии главным образом на основании того описания их наружности, которое находится в сочинениях Аммиана Марцеллина и Иорнанда. Но эти описания страдают явными преувеличениями; а Иорнанд крайне пристрастно относится к гуннам. Притом в самом их описании нет прямых указаний на чисто монгольские черты, как узкие, косые глаза, выдающиеся скулы и острый подбородок.

2. Важные свидетельства для данного вопроса находим у поэтов-панегиристов V века, Клавдиана и особенно Сидония Аполинария. Эти свидетельства прямо указывают на то, что гунны делали нарезы на лице, стягивали у младенцев голову и даже нос ради шлема. Следовательно, безобразие их было не природное, а искусственное, ради военных целей и ради устрашения неприятелей. На это искусственное уродство намекают также Аммиан и Иорнанд, говоря о нарезках на щеках младенцев. Аналогию с этим явлением представляют обычаи у разных других народов. Таким образом описание гуннской наружности не дает серьезного ос-

нования для туранской теории; тем более, что Сидоний, вопреки Иорнанду, положительно говорит об их прекрасном сложении, среднем, и даже более чем среднем росте.

3. Византийский писатель V века Приск есть самый добросовестный и самый драгоценный источник для гуннов; ибо он был у них в числе послов и довольно подробно их описывает, не касаясь, впрочем, их наружности. Все черты быта и нравов, приводимые им, нисколько не указывают на туранство гуннов и много говорят в пользу их славянства.

4. Кочевой быт и дикие нравы не могут служить основанием для той или другой теории, потому что указывают не на расу, а на известную степень культуры и находятся в прямой зависимости от условий природы. Притом Прокопий, византийский писатель VI века, прямо свидетельствует о сходстве гуннских нравов с нравами славянов и антов.

5. Что касается до языка, то нет никаких серьезных филологических оснований отвергать славянство гуннов. Личные имена, приводимые источниками, очень разнообразны, и между прочим есть довольно имен с славянскими корнями или с славянским характером. А приводимые источниками славянские слова мед и в особенности страва прямо указывают на славянскую народность.

6. У средневековых писателей византийских, латинских, армянских и арабских иногда гунны прямо отождествляются с славянами; или тождество вытекает у них само собою из сопоставления обстоятельств. Это тождество вытекает также из некоторых древненемецких поэм (напр. Эдда). Причем надобно наметить, что название славяне распространилось постепенно и поздно на все славянские народы, и преимущественно путем книжным.

Начальная история славянства в Средней Европе, происхождение некоторых славянских государств и разные важные факты их жизни (например, распространение между ними церковно-славянского священного письма) были бы непонятны без племенного родства западных славян с гунна-

ми, которые представляли крайнюю восточнославянскую ветвь. Неверно поставленный доселе вопрос о гуннах и участии славян в событиях той эпохи, которая названа Великим переселением народов, повел к некоторым неверным представлениям о характере славянской народности, например о ее преимущественно и едва ли не исключительно мирной земледельческой деятельности. В связи с неверным решением гуннского вопроса явилось и неверное мнение о том, будто огромная масса славян проникла в Среднюю Европу, тихо, незаметно для истории, входя только в состав каких-то гуннских орд.

8. Кроме первостепенной важности для истории славянства вообще, гуннский вопрос имеет и непосредственное отношение к начальной Русской истории. Роксалане с помощью гуннов освободились от готской зависимости, и этот гунно-роксаланский союз, собственно, дал толчок к Великому переселению народов. Затем некоторые гуннские племена вошли в состав русской национальности; к ним относятся болгаре-угличи, савиры-северяне и, может быть, волыняне.

Обсуждение моего реферата было назначено на 30 декабря и желающим принять в нем участие предложено немедленно заявить об этом желании. Впоследствии я сам составил и обнародовал следующий отчет о своем диспуте: 1

Прошло уже более двух недель с того дня, как в Московском обществе Любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоялся публичный диспут по поводу моего реферата о народности гуннов, предложенного в предыдущем заседании, 23 декабря. Ни одного сколько-нибудь обстоятельного отчета об этом диспуте я доселе не встретил в печати. Придавая большую научную важность данному вопросу и желая обратить на него внимание как русской науки, так и читающей русской публики вообще, я решаюсь предложить собственный краткий очерк диспута.

Логическим ходом своих разысканий о происхождении русской нации, я, невольно для самого себя, пришел к пересмотру поднятого когда-то Венелиным вопроса о гуннах, и результатом этого пересмотра было полное убеждение в несостоятельности господствовавшей доселе теории их не то монгольского, не то татарского или финского происхождения, а затем в их близком родстве или тождестве со славянами. Исследование мое о них и мои положения уже напечатаны. Здесь я сообщу только о ходе самого диспута. Он не был похож на ученый турнир М. П. Погодина и Н. И. Костомарова, который происходил в Петербурге, помнится, в 1860 году, по вопросу, откуда были призваны варяго-русские князья. Это был диспут благотворительный, если не ошибаюсь, с платою за вход в пользу бедных студентов. Чтобы придать ему какую-нибудь приличную развязку, противники наперед условились в некоторых взаимных уступках. От такого компромисса, не совсем согласного с научною точкою зрения, наука на сей раз не понесла ущерба; так как обе противные теории оказались потом несостоятельными. Не имея в виду никакого материального благотворения, я просто пригласил научные силы города Москвы принять участие в обсуждении важного историко-этнографического вопроса. Восемь ученых откликнулись на мое приглашение и записались заранее.

Первым оппонентом выступил Н. А. Попов, профессор русской истории в Московском университете. Едва он произнес несколько фраз, как мне стало ясно, что мои хлопоты по возможности устранить от диспута возражателей не серьезных, бойких на слова, но в сущности возбуждающих одни пустые словопрения - эти хлопоты не увенчались успехом. Г. Попов объявил, что он не намерен возражать на мои доводы, а хочет сделать несколько общих замечаний. Затем он прочел приготовленную им речь. Она представляла не что иное, как резкое, голословное осуждение всех моих исследований о Руси, болгарях и гуннах, и ядовитые упреки в

незнакомстве с обширной литературой предмета. Но если г. Попов не имел ничего возразить непосредственно против моих доказательств, то кто же его заставлял принимать участие в диспуте? Я приглашал московских ученых обсуждать только известный научный вопрос; а его непрошеное вмешательство с единственной целью в крайне резкой форме заявить собранию о своем несочувствии всем моим изысканиям, в данном случае было, по меньшей мере, странно и неуместно. Затем с удивлением услышал я о существовании какой-то обширной литературы по гуннскому вопросу; тогда как, напротив, в европейской ученой литературе, после известных трудов Амеде Тьери и Бера, мною цитованных, наступил совершенный недостаток подходящих монографий, сколько-нибудь заслуживающих внимания. Но оказалось, что под обширной литературой г. Попов разумел несколько мадьярских писателей. По его словам, эти писатели, в особенности Гунфальви, прекрасно обработали и бесповоротно решили вопрос о гуннах, прямые потомки которых суть не кто иные, как трансильванские Секлеры. Казалось бы, если этот вопрос отлично обработан, то стило только г. Попову воспользоваться сею обработкою, чтобы уничтожить мои доводы. На деле, однако, ничего подобного не случилось. И как скоро г. Попов, не удержавшись на почве разглагольствий, пустился в некоторые подробности о моем реферате, то этим он только убедил в своей недостаточной компетентности. Таковы, например, его уверения, что уже Тацит ясно и точно указал место славян в Европе, или что гуннский напиток комос есть не что иное, как кумыс. (Заметьте, что этот камос приготавливался из ячменя.) Свою обвинительную речь г. Попов закончил предположением, что в дальнейших моих исследованиях, вероятно, авары, хазары и другие народы также окажутся славянами.

На эту странную речь пришлось, конечно, отвечать. Я позволил себе иронический, надеюсь, впрочем, довольно сдержанный тон, и, главным образом, высказал удивление

тому, что профессор русской истории в вопросах истории славянской вместо непосредственного изучения источников руководствуется несколькими тенденциозными мадьярскими воззрениями. Я даже сомневаюсь в том, чтобы г. Попов действительно читал тех мадьярских писателей, на которых он ссылался с таким апломбом. В последнее время теория гуннского происхождения секлеров не только не господствует более в мадьярской литературе, а напротив, сколько мне известно, почти разрушена, и преимущественно выше-названным Гунфальви. Вообще, мнение о своем происхождении от гуннов мадьярские ученые уже не повторяют с прежнею уверенностью, и вопрос о гуннской народности даже их самих начал ставить в недоумение 2 .

После моего ответа, г. Попов не унялся: он снова начал разглагольствовать о моем реферате вообще, и все в той же нецивилизованной форме. Видя, что вместо предложенного мною ученого диспута получается нечто совсем другое и что никто не решается положить предел первобытному красноречию, я взял на себя прервать этот шумный поток и протестовал против дальнейшего его течения. Надеюсь, предавая гласности все вышеизложенное, я не выхожу из своего права, так как всякое публично сказанное слово считаю подлежащим ответственности наравне с словом печатным. Не прибавляя никаких истолкований этого эпизода, перехожу к следующим своим оппонентам, которые, по счастью, отнеслись к делу иначе, так что диспут тотчас вышел из сферы личного препирательства и получил научный характер.

Вторым возражателем взошел на кафедру профессор и филолог В. Ф. Миллер, председательствовавший в том же заседании. Возражения его были обстоятельно составлены и сгруппированы. Они распадалась на три отдела: исторический, этнографический и филологический. При обзоре некоторых византийских известий о гуннах, он обратил внимание на так называемых Белых или азиатских гуннов, отли-

чавшихся от других более белым цветом кожи и красивой наружностью. С этнографической стороны, он упирался на кочевой быт гуннов и на существование у них шаманства, как на признаки их туранского происхождения. Но главное возражение г. Миллер сосредоточил на стороне филологической. Он распространился о том, что личные гуннские имена не заключают в себе ничего славянского и, по всем признакам, принадлежат монголо-туркским языкам.

Указания источников на употреблявшиеся у гуннов слова мед и страва он старался устранить, посредством предположения, что эти слова были ими заимствованы у подчиненных славян; причем высказал сомнение, чтобы мед, как напиток, существовал у гуннов-кочевников.

После моего ответа г. Миллеру, сделан небольшой перерыв. Затем третьим оппонентом явился Ф. Е. Корш, также профессор и филолог. Составленные им возражения, как оказалось, содержали в себе много общего с предыдущими. Они касались некоторых этнографических черт, а преимущественно относились к личным именам. С помощью татарского языка г. Корш пытался объяснять значение некоторых гуннских имен или находил им подобие в татарских именах (Харатон, Оиварсий, Мундюк, Мама, Денгизих и некоторые другие). Он также не признавал ничего славянского в гуннских именах и нравах, а равно в описании Аттилы и его двора у византийского историка Приска.

Каждому из этих двух оппонентов я отвечал отдельно. Но сущность обоих ответов была та же. Вот вкратце их содержание. Вопрос о Белых гуннах пока должен быть оставлен в стороне, по недостатку ясных о них свидетельств; имя гуннов у писателей переносилось иногда и на другие народы. Речь идет о собственных гуннах, т. е. о народе Валамира и Аттилы. Кочевое или полукочевое состояние не есть принадлежность какой-либо известной расы; оно есть только известная, низкая ступень культуры, свойственная разнообразным народам и связанная со степным или полустепным

характером окружавшей природы. В пример я привел готов той же эпохи: они находились также в полукочевом состоянии и при нападении неприятелей оборонялись в таборе, или в кругу, составленном из телег, как это в обыкновении у кочевых народов. Никаких отличительных черт татаро-монгольской религии и шаманства мы у гуннов не встречаем. Напротив, если сравним с византийским посольством у Аттилы описание византийского посольства в турецкой орде Дизавула, то увидим большое различие: там шаманы очищают послов, проводя их мимо священных огней, а здесь не упоминается ни о чем похожем. Наконец, подобно своим оппонентам, я преимущественно останавливался на их лингвистических возражениях.

Во-первых, слово мед первоначально означало то сладкое вещество, которое накоплялось дикими пчелами в древесных дуплах, и гунны могли быть с ним знакомы уже на своей родине, не лишенной лесов, по свидетельству Аммиана Марцеллина; следовательно, им не было нужды заимствовать это слово у чужого народа. Во-вторых, отвергать принадлежность их языку слова страва - значит отвергать положительное свидетельство источника; ибо Иорнанд ясно говорит, что так сами гунны называли погребальное пиршество на могильном холме. Нет никакого вероятия, чтобы для такого торжественного, бытового обряда гунны не имели собственного слова и заимствовали бы его из чужого языка. А что касается личных имен, то из числа многих подыскать несколько таких, которые напоминают то или другое татарское имя или слово, это еще не значит доказать их тождество или раскрыть их значение. Филология еще далеко не достигла той степени совершенства, чтобы объяснять нам из данной эпохи значение личных имен, когда-то имевших свой смысл, но давно утраченный или мало понятный, и тем более, что эти имена дошли до нас в иноземной передаче, со многими вариантами; мы не знаем их точного туземного произношения.

При этом я привел из средневековых источников ряды имен готских, литовских и несомненно славянских, которые никто доселе не объяснил из их собственного языка, т. е. немецкого, литовского или славянского. Привел и такие примеры, когда нам известны личные имена, а мы все-таки не можем определить народность на одном этом основании (аланы), или определяем ее только с помощью других данных (печенеги и половцы). Затем я указал значительное количество гуннских имен, имеющих славянский или вообще арийский характер, каковы: Валамир, Блед, Горд, Онегизий, Синнио, Боарикс (напоминающее Бориса), Регнар, Ольдоганд, Вулгуду, Хорсоман и др. По поводу имени Харатон, я спросил, что значит название славянского имени Херутане, и не получил ответа. А имя отца Аттилы, Мундюк, по варианту Мундзук, включает в себе простое, не сложное имя внука Аттилы, Мундо. По этому поводу я спросил, что означает мунд в именах немецких или мунт в литовских. (Сигизмунд, Наримунт и т.п., в славянских мут, например Мутимир); на этот вопрос также не получил ответа. Хорсоман, заключающий в себе название славянского божества Хорса и оканчивающийся на ман, подобно многим немецким именам, вызвал только остроту об его будто бы двойственной природе, но не филологическое объяснение, тем более что по варианту это имя читается Хорсомант. (Домант русской летописи, вместо Довмонт, имеет то же окончание.) Между прочим, на требование оппонентами многих и несомненных доказательств славянства гуннов я заметил, что, являясь сторонниками прежней теории их туранства, пусть они подтвердят какими-либо серьезными данными это туранство. А раз, если таких данных не имеется, то славянство будет вытекать само собою и помимо некоторых положительных свидетельств, как слово страва, как прямое отождествление гуннов с славянами у разных писателей, и т. п. 3

Четвертым оппонентом выступил Д. Н. Анучин, профессор антропологии. Он прочел довольно пространное возра-

жения, основанные, главным образом, на известных описаниях наружности гуннов у Аммиана и Иорнанда, ссылаясь также на упоминание об их коротких ногах у Сидония Аполлинария. Он цитовал целый ряд новейших путешественников, которые описывали монголов так же неточно, т. е. не упоминая, например, об узких, косых глазах, широких скулах и остром подбородке. Он приводил некоторые аналогии между обычаями татар или монголов и описанием гуннов у Приска; говорил об одежде и даже отыскал у какого-то народа сапоги с такими каблуками, которые мешают ходить. Наконец, он снова обращал внимание на то, что гунны изображаются кочевым, конным народом, тогда как все славяне описываются народом оседлым и пешим.

По поводу этих возражений я высказал сожаление, что ни один из моих возражателей не сосредоточился на одной какой-либо стороне реферата, чтобы ее можно было на диспуте исчерпать возможно полнее. Напротив, каждый из них касался почти всех сторон, но зато неполно и неглубоко. Приходилось отвечать разом на самые разнообразные пункты; приходилось также иногда возвращаться к одним и тем же доводам. Так, относительно нравов, я отвечал достоуважаемому г. Анучину, что общие черты можно находить у самых чуждых народов, и вновь напомнил прямое свидетельство византийца Прокопия, что "склавины и анты имеют гуннские нравы". Почему-нибудь он же сблизил склавин и антов именно с гуннами, а не с иным каким племенем. Относительно деления народов на кочевые и оседлые, на конные и пешие, я повторил, что такое деление имеет связь не с тою или другою расою, а со степенью культуры и с условиями природы. Никто не описывал в данную эпоху все славянские племена вместе, а всякий описывал какую-либо их часть, под тем или другим именем. Название славяне обобщилось только впоследствии. Между тем как западные славяне уже имели оседлый и земледельческий быт, восточные, обитавшие в южнорусских степях, еще сохранили кочевое

или полукочевое состояние. При этом я указал на факт, доселе не обращавший на себя внимания этнографов: все богатыри наших былин конные, и пеших богатырей мы не знаем. В этом сказался отголосок далекого прошедшего из жизни восточных славян. У северных финнов тоже есть богатыри, но они пешие, и разъезжают только на лодке или на санях, как это видно из Калевалы. Прибавлю, что мадьяры явились на Дунай конным народом, а их ближайшие родичи, остяки и вогулы, никогда в истории таким народом не являлись.

Наконец, переходя к антропологической стороне возражения г. Анучина, я сказал, что искусственный подбор разных неточных описаний монголов ничего не доказывает, кроме неточности подобных описаний вообще 4 . Я напомнил показанные в предыдущем заседании керченские фрески, на которых изображен сарматский народ с кругловатыми лицами, небольшими глазами и курносый; он не похож на южные и западные европейские народы; но в то же время это не татары и не монголы. Я напомнил свидетельство Аполинария Сидония, что у гуннов, за исключением головы, были прекрасные члены, что они были хорошего сложения и что если бы их ноги соответствовали их туловищу, то они были бы высоки ростом. Но, конечно, привычка с малолетства постоянно сидеть на коне мешала их ногам получить нормальное развитие, и притом в этом свидетельстве нет указания на какую-либо особую их коротконогость. А что касается до головы, то приведенное в моем реферате сопоставление разных известий, в особенности Сидония, ясно указывает, что гунны стягивали младенцам голову и даже придавливали нос особыми повязками, ради шлема; а затем делали у них на лице нарезки и вообще устраивали себе страшную наружность, чтобы пугать неприятелей, каковой цели и достигали, по свидетельству тех же источников. Следовательно, и тут нет никаких доказательств их будто бы

природной калмыцкой народности. Да притом, когда же калмыки путали европейские народы одним своим видом?

Затем принял участие в обсуждении вопроса доктор Е. А. Покровский, специалист по антропологии детей. Он сочувственно отнесся к моему реферату, и, ссылаясь на исследования Топинара, сообщил, что деформация детских черепов особенно была распространена у народов арийских, тогда как у народов урало-алтайской расы она если и встречается, то в самой легкой форме. Н. Ю. Зограф, специалист по зоологии, добавил, что в последнее время запас деформированных черепов, благодаря раскопкам, значительно увеличился. Варшавский профессор Д. Я. Самоквасов также попросил слова. Он заявил, что, занимаясь довольно долгое время исследованием о скифах, не нашел никаких монгольских народов в юго-восточной Европе, откуда вышли гунны. Он прибавил и еще несколько соображений, в дополнение к моему реферату.

За слишком поздним временем пришлось наконец закрыть заседание; причем я выразил надежду, что происшедшее обсуждение вопроса не останется бесплодным для науки, и принес мою благодарность тем ученым, которые откликнулись на мой призыв и потрудились своим участием в обсуждении.

Трое из записавшихся ученых не успели высказаться. Из них А. П. Богданов, профессор зоологии, известный антропологическими изысканиями, не скрывал своего сочувствия антропологической стороне моего реферата.

В. М. Михайловский (секретарь отдела) сказал мне, что имел в виду представить некоторые исторические соображения и указать на трудности, с которыми сопряжено решение данного вопроса при настоящих средствах науки. Что хотел сообщить третий из них, г. Иков, осталось мне неизвестным.

Заседание началось ровно в 7 1/2 часов, а окончилось во втором часу пополудни.

Предлагаемый краткий отчет не мешает, конечно, моим оппонентам излагать диспут с их точки зрения; была бы только верна фактическая сторона изложения.

1 С.-Петербургские Ведомости", 1882 год, No 18.

2 Напомню еще, что моим исходным пунктом для пересмотра гуннского вопроса послужил вопрос о болгарях, которому я посвятил целых два исследования, помещенные выше. Там, например, рассмотрены почти все византийские писатели VI-IX вв., повествующие о гуннах, и указано то, что заслуживает внимания по литературе этого предмета. Таким образом последнее рассуждение о гуннах явилось естественным дополнением к моим исследованиям о болгарях. Но, по желанию моих оппонентов, чтобы не осложнять диспута и не затруднять их предварительным и точным ознакомлением с болгарским вопросом, как он у меня поставлен, между мною и председателем отдела было условлено не касаться этого вопроса во время диспута. Я полагаю, что г. Попов, подобно г. Ягичу, едва ли удосужился прочесть эти исследования мои о болгарях.

3 С теми же филологами у меня на этом диспуте, между прочим, возник спор по поводу слова "баяны", которым я уподобил певцов при дворе Аггилы. Один из означенных филологов утверждал, что баян слово татарское, а другой говорил, что оно не может происходить от славянского глагола "баять". Почему же? А потому, что в Слове о Полку Игореве оно написано боян, следовательно корень его бо, а не ба. На это я возразил, что подобное написание ничего не доказывает: в нашей летописи постоянно пишется "Словене", а между тем мы говорим славяне, иноземные источники пишут Slavi, а не Slovi, собственные имена оканчиваются на слав, а не слов (Святослав, Ярослав и пр.). Наконец, я указал на словари Востокова и Миклошича, в которых под словом баян приведена цитата из одной старинной рукописи: "волхвом и баяном". Следовательно это слово писалось и через а, и через о. (Известно, что у нас есть говор акающий

и окающий). На этом небольшом примере опять можно видеть, как много гадательного и как мало точных оснований слышится в этимологических рассуждениях даже филологов-специалистов. Обращал я также внимание на их склонность объяснять многие славянские слова заимствованиями у туранских народов; а когда им указывают на такие гуннские слова, как "мед" и "страва", то они для спасения туранской теории поступают наоборот, т. е. предполагают, будто на сей раз гунны-татары заимствовали их у славян.

4 С своей стороны приведем такие любопытные примеры сбивчивости и разноречивости таких описаний. Г. Куник, как известно, считает чуваш потомками древних болгар, следовательно, народом гуннским. Вот что говорит о них г. Рагозин в третьем томе своей "Волги": "Доверяясь запискам г-жи Фукс, мы можем представлять себе чувашина с очень маленькой бородкой, в виде клочка из нескольких волос; а доверяясь академику Миллеру, путешествовавшему по России в половине прошлого столетия, будем воображать чувашина желтоволосым или рыжим". "Но если нам попадетя статья Бабста о речной области Волги и там мы прочитаем, что у чуваш волосы черные, то только придем в некоторое смущение и зададимся вопросом: кто же прав, Бабст или Миллер? Справившись у Палласа, мы найдем, что волосы у чуваш не рыжие, но и не черные, а черноватые. Сбоев тоже говорит, что у чуваш волосы большею частию черноватые, а борода темно-русая, густая и довольно окладистая, т. е. как раз напротив тому, что утверждает г-жа Фукс. Лица у чуваш, по Сбоеву, смуглые, а по Бабсту бледные; глаза, по Сбоеву, черные, а по Бабсту темно-серые". (Стр. 106-107.)

Вместо помянутых сбивчивых и бездоказательных сравнений, я полагаю, специалист-антрополог мог бы скорее оказать услугу в этом вопросе, если бы исследовал те общие условия кочевого и полукочевого быта, которые сближают или обобщают некоторые черты не только нравов, но и наружности у разных племен, напр.: влияние постоянной вер-

ховой езды, почти одинаковой военной тактики, воспитания, пищи, отчасти одежды и т. д. А затем эти общие черты нужно выделить из суммы данных и определить отличия, чтобы судить о народности. Возьмем, например, одно славянское племя, занимающееся земледелием и питающееся преимущественно хлебной пищей, а другое, существующее скотоводством, т. е. мясом, салом, молоком и т. п. Не отразится ли уже одно это различие в пище на их физиономии и даже на их росте? Такие вопросы для своего решения требуют многих точных данных и разнообразных наблюдений, так же, как и вопросы из области сравнительной лингвистики. Следовательно, простое подыскивание у татарских и монгольских племен чего-либо напоминающего описание гуннов не ведет ни к какому положительному выводу.

IV

Отношение туранской истории к истории славянства¹

Моравия и Мадьяры с половины IX до начала X века, - (Спб. 1881). Диссертация К. Грота

Только что названная книга г. Грота имеет непосредственное отношение к гуннскому вопросу, и тем более, что автор ее берет для своей задачи широкую основу и предпосылает событиям IX века продолжительное вступление, под заглавием "Взгляд на судьбу средне- и ниже-дунайских земель до начала IX века". Здесь он пытается выяснить те народности и те народные движения, сценою которых были данные земли, начиная с готов и даков и кончая аварами. Казалось бы, подобное выяснение в наше время немислимо в ученой диссертации без тщательного пересмотра вопроса о гуннах и водворении славян на Дунае. Однако что же мы видим? Подробно пересматривая, например, вопрос о происхождении румын и возвращаясь к нему не один раз, г.

Грот почти обходит гуннов и славян. Ибо нельзя же считать учеными рассуждениями следующие о них фразы, разбросанные там, сям: "Воинственная кочевая орда монгольского племени гуннов, оставив по каким-то неизвестным нам причинам степи Средней Азии, во 2-й половине IV века, устремилась на запад, в Европу. Увлечши с собою встретившиеся на пути массы других кочевников, по всей вероятности турецкого, а может быть, также и финского племени, она, возрастая в количестве, неудержимым потоком хлынула в степи нынешней Южной России" (33). "Есть достаточное основание предположить, что с гуннами проникли на Дунай первые толпы славян". "Эти толпы славян могли быть увлечены с берегов Днестра, где они до прихода гуннов жили под властью готов. Были ли они невольны захвачены гуннским потоком или присоединились к нему, по собственному побуждению, сказать трудно. Первое нам кажется вероятнее. Неизвестно также, составляли ли славяне в гуннской орде нечто отдельное, например, род особых славянских дружин, или они представляли один из элементов того разнородного сброда, каким в сущности была орда собственно гуннская". "Во всяком случае эти первобытные, может быть, и довольно многочисленные, славянские толпы были, так сказать, еще случайными пришельцами на берега среднего Дуная". "Побежденные восставшими против них готами и гепидами, толпы гуннов разбрелись, повидимому, в разные стороны, часть их вернулась, кажется, в свое прежнее временное местожительство - на берега Черного моря" (35-36).

На каких данных, на каких источниках основаны все эти кажется и может быть, остается для читателя неизвестным. Любопытно то основание, на котором предположено первое проникновение славян на Дунай вместе с гуннами. Этим основанием служат "показания Приска, оставившего описание своих впечатлений о путешествии и пребывании у Атиллы" и "указание Иорнанда, называющего пиршество на могиле Атиллы стравой, словом чисто славянским". В высшей сте-

пени характерно это повторение прежних домыслов, что славянские черты, представленные Приском, относятся не к гуннам, а к славянам, бывшим в их орде, и что слово страва заимствовано гуннами у подчиненных славян. Выходит, будто Приск и Иорнанд, говоря о гуннах, описывали не их самих, а подчиненных им славян. Между тем последний ясно и положительно говорит, что слово "страда" принадлежало самим гуннам (*Stravam super tumulum ejus, quam appellant ipsi . etc.*). И есть ли какое вероятие, чтобы такой важный бытовой обряд, как торжественное погребальное пиршество, гунны называли не собственным, а чужим словом? Следовательно, та историческая школа, к которой принадлежит Грот, просто напросто отрицает прямые и положительные свидетельства непосредственных источников. С помощью подобных приемов, он, конечно, легко отвергает мнение о давности славян на Дунае и признает "первое их появление там (в виде военных дружин в гуннской орде), относящимся к V веку, а первое расселение их народными массами - к VI веку" (23). С вопросом о древних поселениях славян на Дунае тесно связаны свидетельства источников о дунайских сарматах, и необходимо было выяснить с их последних. Если г. Грот не отождествляет их со славянами, то должен был расследовать, кто же такие были эти сарматы. Но он преспокойно употребляет следующие выражения: в маркоманской войне "приняли участие не только маркоманны, квады, но и другие германские и сарматские полчища" (28); "многочисленные германцы и сарматы, переселенные сюда римлянами" (31). Подобные выражения повторяются и далее на многих страницах; но читатель так и остается в недоумении, что такое автор понимает под именем сармат: разумелся ли под этим названием какой-нибудь живой народ или это название есть пустой звук?

В таком же роде идут и дальнейшие гадания о поселении славян в Средней Европе. Как первые славянские толпы проникли сюда, следуя за ордою гуннов, так потом, "в деле

заселения новых территорий и политического объединения им помогли две другие орды турецкого племени, сначала болгары, потом азары" (56). Оказывается, что славяне постоянно притекали на Дунай в хвосте турецких племен, и притом втихомолку, украдкой от исторических свидетелей. Все эти их незаметные для истории движения в хвосте турецких орд только предполагаются. А такое предположение оказывается необходимым, потому что иначе как же объяснить появление несомненно славянских народов и государств в последующие века. Если бы вместо подобных гаданий и предположений автор ученой диссертации постарался на основании прямых исторических свидетельств выяснить, кто такие были гунны и болгары и на чем основаны мнения об их монгольстве и татарстве, тогда гадания и домыслы о незаметных движениях славян в Среднюю Европу и на Дунай устранились бы сами собою. Но до такого критического отношения к помянутым мнениям еще не достигла та историческая школа, из которой он вышел.

Вследствие неверного представления о Болгарском царстве, будто бы основанном Татарскою ордою, не выяснились отношения этого царства к Моравской державе, так называемая Тисская Болгария и болгарское владычество в Трансильвании; хотя этим предметам у него посвящено немало страниц (85-97). Став на ложную точку зрения, автор поневоле отвергает свидетельство Анонима Нотария о том, что мадьяры нашли болгарские княжества на территории древней Дакии. Положим, Аноним позволил себе разные вымыслы, но он был тенденциозен собственно по отношению к мадьярам; а с какой стати было ему выдумывать что-либо говорившее в пользу широкого распространения болгар к северу от Дуная. И тут же как нарочно приведены факты, его подтверждающие, именно одна грамота XIII века, упоминающая о болгарском владычестве в Трансильвании, и славянское наречие трансильванских болгар, отличавшееся архаическими особенностями (92-93). Каким же образом

эти болгаре, обитавшие там до прибытия мадьяр, могли сохранить древнейшие формы славянского языка, если бы они не были славяне? Такой естественный вывод, по известным приемам школы, устраняется следующим предположением: славяне трансильванские принадлежали к ветви славян болгарских (94). Заметьте, они принадлежали не к болгарам собственно, а к болгарским славянам. Но что это за племя, болгарские славяне, и откуда оно взялось, такие вопросы или остаются без ответа со стороны школы, или вызывают ряд новых домыслов и предположений.

Точно так же поверхностно выясняется далее племенное происхождение мораван. Хотя в заглавии книги стоит прежде всего Моравия; но оказывается, что вопрос о народности мораван не входил в задачу исследования и мог быть "только слегка им затронут" (98). Поэтому и вопросы о проповеди Кирилла и Мефодия и церковно-славянском языке сводятся только к указанию разнообразных мнений (99 и далее). На основании предположений о позднем появлении (в конце VI века) славян в Паннонии, Истрии и Каринтии, о невоинственном их характере и т. п. рассматриваются их отношения к франкской монархии (104 и далее); причем совсем остались неразъясненные отношения славян к аварам и вся эпоха аварская; а кто такие были авары, о том нет даже и попыток к разъяснению. Затем для происхождения и характера Моравской державы после этой диссертации мы остаемся при таких же скудных сведениях, какие существовали до ее появления.

Гораздо с большею любовью и с большим тщанием г. Грот отнесся к начальной истории мадьяр. Тут на первом шагу он встретился с известным их притязанием происходить от гуннов Аттилы. Но как оказывается, сами мадьярские ученые, преимущественно Гунфальви, отвергают теперь как гуннское происхождение племени секлеров, так и вообще уже не настаивают на близком родстве мадьяр с гуннами. "Помимо своей научной несостоятельности,

сближение мадьяр с гуннами, с целью определения народности первых, не может ни к чему повести уже потому, что происхождение самих гуннов представляет пока неразрешимую загадку - вследствие абсолютного отсутствия каких бы то ни было положительных данных для ее решения, напр, остатков языка. Мы можем только предполагать, что гуннская орда была сбродом разных кочевых элементов как монгольского и турецкого, так вероятно и финского племен" (158). Этот вывод или, точнее сказать, этот тупик, к которому пришла туранская теория гуннов, после полуторастолетнего своего существования, в высшей степени любопытен и поучителен; но в то же время он совершенно естественный. Ни к чему иному и не могла прийти туранская теория, отрицающая, например, положительные указания источников на славянский язык гуннов и отнимающая у болгар их родной язык. Таким образом гунны Валамира и Аттилы, которых источники описывают во многих отношениях великим и замечательным племенем, представлявшим сплошную однородную массу, оказываются на основании предположений и вероятий какимто сбродом разных туранских элементов, точнее сказать, какими-то бесплотными тенями; хотя эти тени никуда не исчезали и продолжали жить в разных славянских народностях, особенно в болгарях.

Объем настоящей статьи не позволяет мне входить в несколько подробное рассмотрение второй половины книги, посвященной собственно мадьярам; хотя и здесь можно сделать много замечаний на критические, исторические и филологические приемы автора. Например, он отрицает связь между именем народа мадьяры и города Маджар на р. Куме на том основании, что название города несобственное, а значит по-татарски "развалины"; "Маджар был разрушен Тамерланом" (151). Но известно ли автору, что этот город изображается значительным и торговым по нашим летописям в 1319 году, по поводу убиения Михаила Тверского в

Орде? Следовательно, его название существовало до Тамерлана разрушения. Он повторяет то же невозможное толкование названия мордва как "люди воды" (165); тогда как здесь ва совсем не финское слово, а русское собирательное окончание, и сама мордва не называла себя в такой именно форме; а так называли ее русские. Далее, весьма гадательным представляются рассуждения г. Грота о характерах турецких и финских народов и их взаимном влиянии (187-189), о хазарах (211), о пути угров по рр. Оке и Угре (213), о Белых и Черных уграх, между которыми никакой разницы не оказывается (236-246), о времени появления угров на Дунае (247) и пр. и пр.

Обращу внимание читателей на отношение автора к известию нашей летописи под 898 годом, о прохождении угров мимо Киева и их становище на месте, которое называлось Угорским. В своей Истории России (ч. II, прим. I) я доказываю, что название урочища "Угорское" летописец постарался осмыслить и связал с ним становище угров; что урочище это расположено было на крутом лесистом берегу Днепра и входило в черту внешнего вала, окружавшего город Киев; что там лежало село Берестово с княжим дворцом; что против него не могла переправляться кочевая орда, ибо Днепр тут разветвляется на многие рукава и протоки; что уграм не лежал путь мимо Киева и, наконец, что они появились уже на Дунае гораздо ранее 898 года. Г. Грот не согласен со мною и приводит примеры печенегов и половцев, которые приходили под Киев (261). Но это не аналогия. Вопрос поставлен не относительно набегов на Киев, а относительно летописного домысла, будто урочище Угорское получило свое название потому, что тут угры останавливались станом, когда проходили мимо Киева с востока по дороге в Паннонию. Известно также, что печенеги, осаждавшие Киев, стояли за Лыбедью, а не на такой местности, как Угорское. Надобно не знать топографии Киева, чтобы повторять наивный домысел летописца о происхождении назва-

ния Угорское от бывшего на нем когда-то становища проходившей тут кочевой орды. Приняв это показание русской летописи за исторический факт, г. Грот, очевидно, не знает, что делать с 898 годом, и считает его ошибкою летописца. Точно так же он считает ошибкою летописца слова, что угры "устремились чрез горы великие, яже прозвашася горы Угорские" (т. е. Карпатские). Г. Грот задался целью доказать, что мадьяры вошли в Паннонию с юга, через Железные ворота Дуная, а не с востока чрез Карпаты, как о том согласно говорят русская летопись и мадьярский Аноним Нотарий короля Белы. Все показания последнего автор отвергает сплошь, тогда как следовало бы отвергать только то, что не выдерживает проверки по другим данным. А так называемого Нестора он считает достоверным там, где является очевидная несообразность, т. е. в вопросе об Угорском; указание же его на путь мадьяр чрез Карпатские горы отвергает голословно. Мы такой критики не понимаем. Если чрез Карпаты трудно было проходить кочевой орде, то чрез Железные ворота, где горы оставляют проход только речным порогами, путь был еще труднее; а движение чрез боковые горные долины остается одним предположением; чрез Карпаты также ведут многие речные долины и боковые тропинки. Затем г. Грот, настаивая на южном пути чрез Валахию, не объяснил нам следующего обстоятельства. Валахия, по крайней мере западная ее часть и соседняя часть Трансильвании, находились тогда во владении болгар; а знаменитый болгарский царь Симеон только что разгромил мадьяр в самых их жилищах. Как же это они после того прошли беспрепятственно по земле своих победителей, и притом чрез горные тропинки, которые легко было оборонять от кочевников? Эти соображения автору, очевидно, и в голову не пришли. Таким образом вопрос о пути мадьяр после многих рассуждений о нем г. Грота так и остался вопросом.

Далее, вместо того чтобы сочинять мадьярам путь из Черноморья к Железным Дунайским воротам мимо Киева, автору следовало заняться гораздо более важным вопросом: о начале государственной организации в Мадьярской Орде. А для этого следовало более выяснить их отношения к хазарам; что в свою очередь обязывало его заняться разьяснением хазарской народности, а не обходить ее совершенным молчанием, как будто она уже вполне разьяснена. Г. Грот полагает, что в мадьярскую орду вошли и турецкие элементы, на основании разных исследований о мадьярском языке. Но он слишком поверхностно коснулся известий Константина Б. о кабарах, которые отделились от хазар, ушли к уграм и к семи их племенам присоединились в качестве восьмого. Это восьмое племя, по словам Константина Б., превосходило храбростью собственно угорские племена, и еще в его время сохраняло свой язык. Следовательно, оно заняло как бы первенствующее положение в мадьярской орде, и весьма возможно, что именно этот чужой элемент послужил закваской при образовании государственного быта и дал мадьярам династию. Разьяснить это обстоятельство было тем важнее, что ни Г. Грот, ни кто другой не указал исторических аналогий, доказывающих, что мадьяры, как финское племя, способны были создать государство сами по себе, без помощи чужого элемента 2 .

Равным образом осталась недостаточно выясненной Г. Гротом другая, также весьма важная сторона дела: участие немцев в мадьярском вторжении и та роль, которую разыграл при этом Арнульф. Автор, очевидно, пытается уменьшить это участие и почему-то считает переселение мадьяр в Моравию просто событием "ничем непредотвратимым" (324). Разумеется, если мы станем на точку фатализма, то никаких разьяснений в истории и не потребуется.

Наконец самый главный вывод Г. Грота заслуживает особого внимания по своей новизне и оригинальности. Оказывается, что разрушение Великоморавской державы и водво-

рение на ее месте мадьярской орды были чрезвычайно полезны для славянства: эта орда спасла его от германизации. "Таковы великие результаты мадьярского погрома" (445). Как в вопросе о гуннах туранская теория пришла к вышеприведенным результатам; так и в значении мадьярского погрома ни к чему более историческому она не могла прийти. Когда же будет восстановлена истинная начальная история славянства до IX века включительно, когда убедятся, что это не были там-сям рассеянные и незаметно для истории проникшие на запад кучки; что то была эпоха, в которую славянство, так сказать, лилось через край обширными потоками и между прочим наводняло Дунайские земли³, что кризис, наступивший в Моравской державе по смерти Святополка, походил на подобные кризисы в истории чехов, поляков, русских и т. д.; тогда выводы относительно возможной германизации славянства конечно получатся совершенно другие. А теперь, благодаря туранской теории, мы можем успокаиваться на счет Западных славян тою мыслью, что мадьяризация спасает их от германизации, а германизация от мадьяризации.

В заключение мы должны все-таки отдать справедливость несомненному трудолюбию и порядочной эрудиции, которые обнаружил молодой автор в своей книге. А ее указанные мною недостатки относятся не столько лично к нему, сколько составляют неизбежные результаты той исторической школы, из которой он вышел.

1 Русская Старина. 1882. Март.

2 Во всяком случае вопрос о кабарах требовал от автора более серьезного внимания, чем голое осуждение того, что сказано мною о них по поводу аваров (в перв. изд. Разыск. о Нач. Руси). Вместо простой передачи легендарных рассказов о Лебедиасе и Арпаде, г. Гроту следовало выяснить прежде авар, хазар и отношения к ним угров; тогда бы возникновение мадьярского государства не осталось так же темно и легендарно, как было и до появления его диссерта-

ции. Между прочим, г. Грот только в примечании, мимоходом, упоминает мнение г. Куника о турецкой династии у мадьяр (225); тогда как, повторяю, этот вопрос требует серьезного рассмотрения. Но при этом нужно еще предварительно определить, были ли кабары пришлым турецким или туземным кавказским племенем. Я привожу его в связь с черкесами-кабардинцами (то же и покойный Брун). Если г. Грот не согласен, то ему следовало несколько заняться этим предметом.

Относительно моего прежнего рассуждения об аварах надобно заметить, что господствовавшая теория о гуннах спутывала и вопрос об аварах. Теперь же, когда я пересмотрел вопрос о гуннах, более уяснилась для меня и народность авар, которых западные летописцы часто называли гуннами (Григорий Турский, Фредегарий, Павел Дьякон, Эгингарт и др.). Аварская держава в Паннонии, как оказывается, состояла из небольшого господствующего кавказского племени авар и многочисленного славянского или гуннского населения. Обращу внимание на любопытную и меткую характеристику авар в названном выше сочинении Бера о Макрокефалах. Между тем как малочисленные авары отличались хитростью и вероломством, с помощью которых распространяли свое владычество, гунны, наоборот, действовали довольно простодушно и открыто, полагаясь на свою силу и многочисленность (Die Makrocephalen etc. 50).

3 Напомню жалобу Константина Б. на то, что Балканский полуостров также был наводнен славянами ("ославянилась и оварварилась вся страна"). Напомню еще слова Масуди о славянском племени Валинана и его царе, которому подчинялись другие славяне, после которого возникли раздоры, и славяне разделились. Разве эти слова не указывают ближе всего на царство Аттилы? А название Валинана, как справедливо полагают, есть искажение имени Волынь (см. выше стр. 293).

